

1854

ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ

ПАНТЕОНЪ

НОЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПАТКЕ. СР.

СОДЕРЖАНІЕ ОДИНАДЦАТОИ КНИЖКИ:

I.

ДВѢ РУКОПИСИ. Повѣсть А. И. Бибиковой. Часть вторая и послѣдняя.
СЕСИЛИЯ И АГАТА. Романъ Альфонса Кара. Часть третья и послѣдняя.

II. Исторія и теорія ис-ва

ИСТОРИЧЕСКІЯ И КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ НА ГЛАВНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ШЕКСПИРА. Соч. Гизо. Статья 3-я.

III. Смесь

1. Оба Оксана. Путешествіе Жака Араго. Автора «Воспоминаній Слѣпаго». Часть третья.
2. Алхимія и искатели философскаго камня.
3. Наслѣдство моей тетушки. В. И. Савинова.
4. Парижскія письма. Апполинарія Бонавентуры.
5. Лондонскія письма. В. С.

IV.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Апологи и басни XIV столѣтія, сочиненіе графа Луканора. **ИСКУССТВА.** **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА:** Мысли Делакруа объ изящномъ. **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Литовскій языкъ и его отношенія къ славянскому (*изслѣдованія нѣмецкаго филолога Бергмана*). — Усиленіе звука во время ночи. — Землетрясеніе въ Санъ-Сальвадорѣ — **МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Древнѣйшій китайскій фарфоръ. — Башни-бузукки. — Драгоцѣнная королевская мантія. — Библиографическій кладъ у Брокенскихъ горъ. — Новый городъ Олеона. — Евреи въ Калифорніи. — Каменолиты въ Берлинѣ. — Новѣйшія изысканія о двѣхъ Орлеанской. — Странный закладъ. — Послѣднія извѣстія изъ Калифорніи. — Англичане покровители торга неграми. — Что значить ѣздить въ каретѣ въ Перу. — Синій сюртукъ Россіи. — Письма изъ Японіи. — Первый астрономическій календарь — Трольгетскій водопадъ. — Мусульмане въ Западной Азій. — Театръ прошедшихъ временъ. — Одинъ изъ англійскихъ законовъ. — Кронингенскіе земледѣльцы. — Волоса, приносимые въ жертву. — Египетъ и Нубія (*изъ записокъ французскаго путешественника*) статья первая.

V.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Пять книгъ Москвитянина. — Критика его и г. Григорьевъ. — Антикритика г. Каткова. — Повѣсти. — Панъ Москаленко. — Мелочи изъ запаса памяти г. Дмитриева. — Наѣздки. — Записки студента. — Стихотворенія. — Переводныя и ученые статьи. — Подбрская книга Бл-

библиотеки для Чтенія.—Хорошія статьи.—Статья о выставкѣ Академіи Художествъ — Искусство и критика.—Журналистика.—Критическая статья г. Сенковского.—Замѣчательныя статьи въ Отечественныхъ Запискахъ.—Критика опыта біографіи Гоголя.—Статуя весны и ребенокъ à la Дикенсъ. — Перелетныя птицы.—Вліяніе Холоднаго дома на русскую литературу.—Истина и идеализація.—Послѣдняя книга Современника. — Стихотворенія Некрасова и Полонскаго.—Казамбуры г. Фета.—Хлыщи.—Переводныя и критическія статьи.—Новый поэтъ и литературный Ералашъ. — Еще письмо господина Лонгинова. — Обстоятельства, по которымъ можно выдать напечатанное стихотвореніе живаго писателя за непечатное умершаго.

II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Неожиданный зимній фланёръ на петербургскихъ улицахъ и печальныя послѣдствія его ночныхъ походовъ.—Примѣры укрощенія дикихъ звѣрей и приученіе ихъ къ домашнему быту у древнихъ народовъ. — Отправленіе изъ Петербурга въ Крымъ сестеръ попеченія о раненыхъ и ихъ обязанности. — Второе отправленіе въ Крымъ сердобольныхъ вдовъ петербургскаго и московскаго вдовьихъ домовъ.—**МУЗЫКА**: Русская опера за границей.—Г. Рубинштейнъ въ Веймарѣ.—Новыя изобрѣтенія въ музыкальномъ мірѣ.—Новоизобрѣтенный механизмъ фортепьянъ;.—**ЛИТЕРАТУРА**: Новое изданіе сочиненій А. С. Пушкина и А. С. Норова.—Открытіе мѣста родины Чингисъ-Хана.—Пятидесятилѣтній юбилей литературнаго поприща Н. И. Греча.—Зимнія петербургскія развлеченія въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ.—**ТЕАТРЫ**: Дебютъ г. Шемаева въ комедіи «Горе отъ ума» и въ комедіи «Въ людяхъ ангелъ не жена».—Г. Степановъ въ роли Нино, въ драмѣ «Уголино».—Бенефисы на Александринской сценѣ: г-жи Лянской; новая оригинальная драма «Взятіе Казани» г. Л-а; бенефисъ г. Каратыгина драма «Долгъ, честь и совѣсть» г. Деметьева; г-жи Орловой, комедія «Окопировался» И. И. Лажечникова. — Дебюты на французской сценѣ Фелиціи Тетаръ и г. Леменпя-сына. — Новая соперница цвѣтка victoria regia, въ Гентѣ.—Бобровая промышленность въ русскихъ губерніяхъ.—Художественныя новости: автографическое изданіе произведеній покойнаго академика Оедотова.—Замѣчательныя гипсовые слѣпки.—Нѣчто о путешествіи русскихъ художниковъ за границей.—Англійскіе плѣнные въ Россіи.—Краткая исторія головной прически и париковъ. — Моды въ Петербургѣ.

VI.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 10 и 11.

ВЕСНОЮ. Фантазія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ. Передѣланная съ французскаго *И. Куликовымъ*.
СМѢСЬ ЯЗЫКОВЪ ФРАНЦУЗСКАГО СЪ ЧУХОНСКИМЪ. Шутка, въ одномъ дѣйствіи. Подражаніе французскому.

ПРИЛОЖЕНІЯ: Отсутствуют

Музыка: 1. **КРАКОВЬЯКЪ** для пѣнія, слова **Н. КУЛИКОВА**, музыка **В. М. КАЖИНСКАГО**.

2. **ВОСХИТИТЕЛЬНАЯ ПОЛЬКА.** Соч. **К. С. СОЛОВЬЕВОЙ**.

Портретъ первой русской танцовщицы: Е. И. АНДРЕЯКОВОЙ.

ОП

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ФЕДОРОМЪ КОНИ.

1912

ТОМЪ XVII.

◆ ❧ НОЯБРЬ. — КНИЖКА ОДИННАДЦАТАЯ. ❧ ◆

1854.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

БИБЛИОТЕКА ИМПЕРАТОРСКОГО
УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 5-го Декабря 1834. года.

Ценсоръ *Ю. Шидловскій.*

ТИПОГРАФІЯ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

I.

ДВѢ РУКОПИСИ.

ПОВѢСТЬ

А. И. Бибиковой.

—

ХII.

Утро. Яковъ Петровичъ съ длинною трубкою въ рукахъ, съ янтарнымъ мундштукомъ въ черныхъ зубахъ, тамъ и сямъ уцѣлѣвшихъ въ блѣдныхъ деснахъ, сидитъ у чайнаго стола и съ нетерпѣніемъ колотитъ пальцами по серебряному подносу.

— Какого даль маха, что женился! думаль онъ. А какъ же было не жениться, когда грозили лишить наслѣдства.

Въ эту самую минуту, Вѣрочка въ темной блузѣ, которую она не снимала съ плечъ съ того самаго утра, когда происходилъ приведенный нами разговоръ между мужемъ и ею, вошла въ комнату. Тремову нужно было вылить свое неудовольствіе на когонибудь, а тутъ жена подвернулась, чего же лучше?

— Что это вы все въ одной и той же блузѣ, ма сѣге, вскричалъ мужъ съ явнымъ раздраженіемъ.

Вѣрочка взглянула на него удивленнымъ, вопросительнымъ взглядомъ.

— Да какъ же? спросила она не твердымъ голосомъ:

— Да такъ же, ма сѣге; не потому ли что вашъ мужъ нѣсколько пожилыхъ лѣтъ и вы почитаете себя въ правѣ пренебрегать имъ? Вѣчно и вѣчно въ одной и той же блузѣ. Оно, конечно, зачѣмъ же стараться нравиться мужу, для него будетъ все хорош

Нѣтъ, *ma chère*, такъ поступать вамъ не позволять, ступайте-ко да примите на себя трудъ надѣть вашъ чепчикъ *à la Ninon*, за который я такъ дорого заплатилъ, не для того, надѣюсь, чтобъ онъ служилъ украшеніемъ своего картона...

— Но онъ съ цвѣтами...

— Что жъ такое что съ цвѣтами? надѣньте его, я приказ... я желаю васъ въ немъ видѣть. Надѣньте къ нему и платье *gris-ferle* и бриліантовую брошку съ сафиромъ. *Allez et vite, vite, ma chérie*, я чаю хочу, а безъ васъ пить не стану.

Върочка не почла за нужное возражать, и черезъ нѣсколько минутъ явилась снова къ утреннему чаю, разряженная, какъ для бала. Трёмовъ и не взглянулъ на жену; отпилъ спокойно свой чай, всталъ, ушелъ въ свой кабинетъ, одѣвшись изъ халата во фракъ и поѣхалъ по дѣламъ своимъ. Върочка въ цвѣтахъ, съ бриліантовою брошкой, въ богатомъ платьѣ, съ открытымъ лифомъ, осталась одна дома, и не смѣя перемѣнить наряда, печально сѣла съ работой у окна. Цѣлый часъ сидѣла Върочка, недотрогиваясь до иголки, и смотрѣла на суетливую толпу, бѣгающую взадъ и впередъ по тротуарамъ. Горько становилось Вѣрѣ ея одиночество и бездѣйствие; она готова была позавидовать всякой магазинщицѣ, бѣгущей съ картономъ въ рукахъ и глябующей съ тротуара по всѣмъ этажамъ высокихъ домовъ, тянущихся по обѣимъ сторонамъ улицы. Такъ просидѣла Върочка съ своей работой, то оставляя ее, то снова за нее принимаясь, пока не насталъ часъ возвращенія Якова Петровича. Онъ вошелъ въ комнату и разразился страшнымъ гнѣвомъ на бѣдную жену, томившуюся отъ скуки въ продолженіе шестичасоваго его отсутствія.

— А! вотъ какъ вы себя ведете въ мое отсутствіе, *ma chérie!* Зачѣмъ вы у окна да еще и въ такомъ соблазнительномъ нарядѣ?

Върочка не сочла за нужное не только оправдываться, но даже и отвѣчать. Она молчала. Она привыкла молчать на придирки мачихи, она вооружилась тою же рѣшимостью въ отношеніи мужа. Да и что говорить человѣку, который противорѣчитъ самому себѣ, то одѣвая, то раздѣвая жену, находя и въ томъ и въ другомъ причину къ неудовольствію.

— А, понимаю! продолжалъ Трёмовъ, взбѣшенный покорностью и кротостью жены: понимаю! У окна назначено свиданіе!..

Върочка презрительно улыбулась.

— Хорошо же, завтра этому будетъ положенъ конецъ. Завтра мы переѣдемъ на новую квартиру окнами во дворъ. Прощу васъ,

та сего, сбросить ваши цвѣты, брилiанты и укладываться для переезда въ новый домъ.

Уже не въ первый разъ, а въ третiй послѣ брака, Тремовъ перемѣнялъ квартиру. Вѣрочка тщетно отыскивала объясненiя, почему Якову Петровичу не жилось въ одномъ домѣ болѣе десяти дней. На распросы ея Тремовъ представлялъ ей различныя причины, относящiяся къ дурнымъ поступкамъ домовладѣльцевъ въ отношенiи къ нему. Вѣрочка довольствовалась этими объясненiями, относя неуживчивость мужа болѣе къ безпокойному его нраву. На этотъ же разъ, по увѣренiю Якова Петровича, онъ мѣняетъ квартиру, чтобъ сбить съ толку тѣхъ, кто въ отсутствiе его вздумалъ бы глазѣть на его молодую жену. Надо было быть неопытной, какъ Вѣрочка, чтобъ не понять, что причина, представленная мужемъ, была нелѣпа, но ей скоро пришлось узнать настоящiй смыслъ ея безъ всякихъ выводовъ и размышленiй, и вотъ какимъ случаемъ:

Разъ утромъ, когда Тремова по обыкновенiю не было дома, Вѣра Константиновна услышала страшный споръ въ передней. Споръ, сколько можно заключить по долетавшимъ до Вѣрочки звукамъ, происходилъ между камердинеромъ Якова Петровича и какимъ-то женскимъ, незнакомымъ голосомъ. Вѣрочка уже хотѣла встать изъ-за своего рабочаго столика, чтобъ узнать причину шума, какъ вдругъ въ комнату врывается еще молодая, блочурая женщина, таща за собою мальчика четырехъ лѣтъ. Заплаканные глаза, страдальческое выраженiе лица и беспорядокъ одежды матери, внушили Вѣрочкѣ невольное состраданiе.

— Что вамъ угодно? спросила Вѣрочка, желая придать голосомъ всевозможную мягкость своему вопросу.

— Гдѣ Тремовъ? спросила вошедшая по-нѣмецки и повелительно.

— Зачѣмъ онъ вамъ нуженъ?

— Мнѣ надо переговорить съ нимъ лично, продолжала женщина все по-нѣмецки. Вотъ болѣе мѣсяца я ищу его и не могу найти; онъ безпрестанно мѣняетъ квартиры, нарочно, чтобъ сбить меня съ толку, онъ знаетъ, что распросы у дворниковъ и прохожихъ для меня затруднительны, потому что я не говорю по-русски. Онъ квартируетъ здѣсь?

— Здѣсь. Скажите мнѣ, что вамъ нужно, я передамъ ему въ точности ваши слова.

— Нѣтъ, я подожду его.

— Вамъ придется долго ждать; онъ только что ушелъ по дѣламъ и не вернется ранѣе пяти, шести часовъ вечера.

— Я не могу передать вамъ того, что мнѣ надо сказать ему.

— Почему же? Я его жена.

— Тремовъ женатъ! закричала нѣмка дикимъ голосомъ, зашаталась и упала безъ чувствъ въ кресло.

Мальчикъ заплакалъ въ испугъ. Вѣрочка перепугалась не меньше его.

— Воды! Лаврентій, скорѣе воды! кричала растерявшись Вѣрочка и стала тереть безчувственной виски, дула ей въ лицо. Незнакомка начала мало по малу приходить въ себя, выпила принесенный камердинеромъ стаканъ воды, и наконецъ въ совершенномъ отчаяніи проговорила: «Женатъ! Боже мой! что мнѣ теперь дѣлать?..»

Вѣрочка успокоивала несчастную какъ умѣла, и просила рассказать, почему женитьба Тримова такъ сильно поражаетъ ее.

— Я Вильгемина Стеркъ, а это сынъ сынъ, Фрицъ. Тремовъ увезъ меня изъ Финляндіи, обманувъ обѣщаніемъ на мнѣ жениться. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ день за день откладывалъ свадьбу, увѣряя, что богатый его дядя не согласенъ на бракъ его съ иностранкой, и что онъ грозитъ ему лишеніемъ наслѣдства, если онъ женится не на русской. Я покорила своей участи, ожидая лучшаго времени, и жила постоянно на дачѣ. Зимой онъ часто навѣщалъ меня. Но вотъ уже около полугода какъ онъ совсѣмъ пересталъ навѣщать меня, только изрѣдка извѣщая меня письменно, что съ нимъ ничего особеннаго не случилось, что онъ здоровъ и просить ожидать его терпѣливо. Я жила, ожидая его и проживая оставшіяся у меня деньги. Наконецъ, не предвидя его возвращенія, понуждаемая необходимостью доставить пропитаніе себѣ и ребенку, я принялась отыскивать его по Петербургу. Мнѣ это было очень трудно, потому что я не знаю другаго языка, кромѣ нѣмецкаго. Мои попытки постоянно были неудачны. Едва я набреду на жилище Тримова, какъ онъ уже переберется на новое. Дворники были имъ подкуплены и сбивали меня съ толку вымышленными названіями улицъ и домовъ, если иногда мнѣ и случалось заставить ихъ понять, чего я отъ нихъ требовала. Поиски истощили послѣднія мои средства, и я рѣшилась сегодня проѣздить на извозчикахъ послѣдній рубль серебромъ, но непременно доискаться новой его квартиры. Ну, вотъ и отыскала, для того, чтобъ узнать что мнѣ грозитъ неизбѣжная нищета. Что я буду дѣлать, въ со-

всѣмъ чуждой для меня сторонѣ, я погибла вмѣстѣ съ этимъ несчастнымъ!..

И Вильгемина обхватила руками своего малютку, и прижала свои щеки къ его курчавой головкѣ, между тѣмъ, какъ слезы отчаянія струились по ея лицу.

— Успокойтесь, сказала Вѣрочка, я не хочу оскорбить васъ недовѣрчивостью, но должна фактами удостовѣриться въ справедливости вашихъ словъ. Оставьте мнѣ вашего сына. Я сдѣлаю все, что могу; если немогу возвратить вамъ того, кто долженъ быть вашимъ мужемъ, то упрошу его упрочить вашу будущность въ матерьяльномъ отношеніи. Вильгельмина бросилась цѣловать руку Вѣрочки, которая силилась положить конецъ такого рода демонстраціямъ благодарности.

— Теперь прошу васъ удалиться, сказала Вѣрочка, приходите завтра утромъ, я вамъ дамъ рѣшительный отвѣтъ, какъ вздумаетъ поступить мужъ мой въ отношеніи къ вамъ и на что можно будетъ вамъ впредь надѣяться.

Малютка Фрицъ введенъ былъ въ спальню, накормленъ и уложенъ спать на кровать подъ шелковый балдахинъ зеленого цвѣта, гдѣ онъ и уснулъ безпечнымъ сномъ младенца, непринимая никакого участія въ буряхъ житейскихъ, могущихъ имѣть столь важныя послѣдствія на всю остальную его жизнь.

Вѣрочка отдала въ домъ приказаніе скрыть отъ барина посѣщеніе Вильгельмины Стеркъ. Послѣ обѣда, Вѣрочка подвела Якова Петровича къ кровати и отдернула завѣсу.

— Фрицъ! воскликнулъ невольню не подготовленный Трёмовъ? и пробудившійся малютка улыбаясь, протягивалъ къ нему ручки.

— Какимъ образомъ этотъ ребенокъ очутился здѣсь? спросилъ Трёмовъ, опомнясь отъ перваго невольнаго восклицанія... и чей онъ? спросилъ онъ не твердымъ голосомъ, забывъ, что самъ называлъ его по имени.

Вѣрочка окинула мужа презрительнымъ взглядомъ.

— Вы знаете, чей онъ, вы его сами назвали. Вильгельмина Стеркъ была у меня... Я все знаю.

Яковъ Петровичъ въ своемъ смущеніи не придумалъ ничего лучшаго, какъ стать предъ женою на колѣна, поднявъ руки съ умоляющимъ видомъ, выше своего парика. Онъ рассчитывалъ на драматичность своей позы, а она показалась Вѣрочкѣ какимъ-то чудищнымъ гротескомъ.

— Вѣрочка, та cherie, прости заблужденію страсти, ты зна-

ещь: гони любовь хоть въ дверь, она войдетъ въ окно... Вотъ все, что могу сказать въ свое оправданіе!..

И Тремовъ, ставшій на одно колѣно въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ жены, влачился къ ней, не поднимаясь на ноги, и приблизившись, цѣловалъ край ея платья. Такъ дѣлалось на сценѣ и въ романахъ тогдашняго времени, и Яковъ Петровичъ въ ежедневной жизни любилъ поступать, какъ герои сценическіе и романическіе. Почти всѣ ссоры свои съ Вѣрочкой онъ заканчивалъ преклоненіемъ колѣнъ, и примиреніе съ нею инымъ образомъ показалось бы ему неполнымъ, а главное не впечатлительнымъ для ея молодаго воображенія. Тремовъ, становясь на колѣна, поднималъ руки къ потолку и говорилъ:

— Прости ревности... тотъ не любить, кто не ревнуетъ. Или: «Прости неровностямъ моего характера, источникъ ихъ пылкая моя страсть къ тебѣ!»

Такъ и теперь Яковъ Петровичъ говорилъ восторженно:

— Гони любовь хоть въ дверь, она войдетъ въ окно...

— Но если вы любили, такъ зачѣмъ не женились на Вильгельминѣ, возразила Вѣрочка.

Тремовъ всталъ на ноги, присѣлъ на край кровати возлѣ малютки и сказалъ Вѣрочкѣ, что не могъ жениться на Вильгельминѣ, сначала потому, что дядя не давалъ своего согласія на бракъ съ нѣмкой, а потомъ потому... что я встрѣтилъ васъ, ма снѣгіе, прибавилъ Тремовъ, приложивъ одну руку ко лбу, другую къ сердцу, и поднявъ къ небу глаза, такъ какъ уже нельзя было поднять занятыхъ инымъ дѣломъ рукъ своихъ.

Вѣрочка молчала.

— Да, да, потому что я встрѣтилъ васъ и полюбилъ, какъ никогда и никого не любилъ! И при этихъ словахъ онъ схватилъ руку Вѣрочки, и не смотря на ея сопротивленіе, приложилъ ее къ груди своей.

— Прислушайтесь, прислушайтесь, какъ сильно бьется это сердце.

Но Вѣрочка ничего не слыхала, кромѣ стука карманныхъ часовъ.

— Это отъ любви къ вамъ, отъ любви самой пылкой, самой бѣшеной, вулканической, всеокрушающей...

— А что же случилось съ любовью вашей къ Вильгельминѣ, проговорила Вѣрочка съ неизъяснимымъ выраженіемъ презрѣнія въ голосъ и въ чертахъ лица.

Тремовъ развелъ руками въ обѣ стороны, приподнявъ всѣ десять пальцевъ и, наклонивъ голову, сказалъ:

— Que voulez-vous, ma chère. Любовь приходитъ и уходитъ, никто не знаетъ какъ.

— Но они бѣдны, надо было позаботиться по крайней мѣрѣ обѣ ихъ существованіи.

Тремовъ обѣщалъ устроить судьбу ихъ, и очень радъ былъ узнавъ, что Вѣрочка рѣшилась оставить Фрица у себя въ домѣ. На другое утро, уполномоченная мужемъ, Вѣрочка передала обѣщаніе мужа приходшей къ ней за отвѣтомъ Вильгельминѣ, но просила ее отнынѣ не искать болѣе случая видѣться съ Тремовымъ. Стеркъ дала клятвенное обѣщаніе никогда не беспокоить Вѣрочку своимъ присутствіемъ, если только Тремовъ исполнитъ свое обѣщаніе упрочить судьбу ея и сына, и простившись съ Фрицемъ, бѣдная женщина съ сокрушеннымъ сердцемъ оставила домъ супруговъ.

Любящая душа Вѣрочки нашла себѣ отраду въ заботахъ о маленькомъ созданіи, которое нѣсколько населило ея уединеніе.

Прошли два, три мѣсяца. Вѣрочка отъ природы характера скрытнаго и сосредоточеннаго, не сообщала отцу, рѣдко ея навѣщавшему, о встрѣчѣ своей съ Вильгельминою. Фрица выдали за сиротку, оставшагося отъ дальняго родственника. Но случай открылъ Константину Петровичу то, чего дочь не желала ему высказать. Тремовъ разъ пригласилъ тестя къ себѣ на дачу.

Вѣрочка приготавливала на балконѣ вечерній чай. Балконъ выходилъ въ садъ въ видѣ террасы. Тестъ и зять гуляли по дорожкамъ сада между куртинъ, и вели слѣдующій разговоръ:

— Что это Лизавета Ивановна не удостоила сдѣлать мнѣ чести пріѣхать вмѣстѣ съ вами? говоритъ Тремовъ.

— Говоритъ, что не здорова. Да признаться и я-то пріѣхалъ къ вамъ не совсѣмъ охотно.

— Почему же не охотно?

— Потому что мнѣ легче совсѣмъ не видать дочери, чѣмъ видѣть ее печальною. Посмотри попристальнѣе на жену твою, Яковъ Петровичъ: неужели не замѣчаешь ты ничего? Встрѣчалъ ли ты хоть разъ послѣ свадьбы на лицѣ ея улыбку или веселый взглядъ? Неужели ты не видишь, что она несчастна?

— Ну, вотъ ужъ и несчастна. Не можетъ же замужняя женщина прыгать и рѣзвиться, какъ беззаботная дѣвочка.

— Правду сказать, она и у меня не прыгала и не рѣзвилась,

но не было же на лицѣ ея такого явнаго отпечатка унынія...
Мнѣ кажется, Яковъ Петровичъ, она тебя не любитъ.

— На чемъ же вы основываете такое предположеніе?

— Она всегда молчитъ, никогда не только не приласкается къ тебѣ, но даже не заговоритъ сама съ тобою, а съ нѣкоторыхъ поръ, я замѣчаю, что она черезъ-чуръ радуется моему приходу.

— Да что же мудренаго? она васъ любитъ горячо, но все же одно чувство не мѣшаетъ другому...

— Да, если только это чувство существуетъ.. прибавилъ Перскій съ разстановкой. И помолчавъ немного, онъ снова сказалъ:

— А ты, Яковъ Петровичъ, любишь ли ты ее, по крайней мѣрѣ?

— Что за вопросъ, какъ ее не любить!

— Однако до меня дошли слухи, что ты собираешься ѣхать за границу, и увѣжаешь одинъ. Правда ли это?

— Да, я думаю ѣхать, потому что мое здоровье разстроено...

— Твое здоровье, помилуй! ты крас .. ты свѣжъ и порядочно толстъ...

— Да, а не смотря на это, чувствую расслабленіе во всемъ тѣлѣ...

— Странно! Никто бы этого не подумалъ.

— Наружность обманчива.

— Но зачѣмъ же ты хочешь ѣхать одинъ, кажется состояніе тебѣ позволяетъ и жену взять съ собою.

— Нѣтъ, это будетъ не совсѣмъ удобно, мнѣ надо совершенно посвятить себя леченію, а съ дамами только хлопоты.

— Это плохо, очень плохо! сказалъ печально Перскій; но какъ же ты думаешь поступить съ Вѣрою?

— Я оставлю ей эту дачу, которую уже укрѣпилъ за нею.

— Но развѣ ты думаешь, что 16-ти-лѣтняя женщина можетъ жить одна на этой дачѣ, и лѣтомъ и зимою, въ пустынномъ мѣстѣ и вдали отъ города. И чѣмъ же станетъ она жить?

— Что же дѣлать? большаго я ей дать не могу, мои дѣла довольно разстроены, только эта дача свободна отъ долговъ и незаложена, вотъ почему я ее передалъ Вѣрочкѣ.

Перскій блѣдный и въ смущеніи ходилъ по дорожкамъ, заложивъ руки за спину.

— Я опрометчиво выдалъ Вѣрочку замужъ, и на мнѣ лежитъ обязанность позаботиться объ ея участи, проговорилъ Константинъ

Петровичъ медленно, какъ будто разсуждая самъ съ собою. И помолчавъ немного онъ прибавилъ: — Когда ты ѣдешь?

— Да я думаю скоро. Съ этимъ словомъ Тремовъ остановился и сильно смутился. Онъ увидѣлъ бѣгущую къ нимъ навстрѣчу женщину, тащившую за руку мальчика. Женщина была разгорячена скорою ходьбою и, вѣроятно, волновавшими ее чувствами; она съ отчаяніемъ схватила Тремова за руку, и не обращая вниманія на совершенно ей незнакомаго человѣка, начала говорить быстро и горячо, хотя едва переводила духъ, какъ видно, отъ усталости.

— Ступайте къ Вѣрочкѣ, сказалъ Тремовъ, обращаясь къ Константину Петровичу, я сейчасъ къ вамъ явлюсь.

Перскій, не понимая языка, на которомъ говорила прибывшая женщина, хотя и не охотно, но повернулъ въ боковую аллею и подошелъ къ дочери. Вѣрочка была блѣдна. Она видѣла женщину, и узнала въ ней Вильгельмину Стеркъ.

— Ты видѣла барыню, что пришла къ вамъ? спросилъ Перскій дочь.

— Видѣла, сказала Вѣрочка тихо, не поднимая глазъ съ чайнаго прибора.

— Ты ее знаешь?

— Знаю.

— Кто это?

— Вильгельмина Стеркъ.

— Что же у нея общаго съ твоимъ мужемъ?—Молчаніе.

— Что за дѣла у нихъ между собою? снова спросилъ отецъ, пристально смотря на дочь. Вѣрочка продолжала молчать.

— Вѣра, ты въ правѣ таиться отъ меня. Я дурной отецъ, въ три мѣсяца твоего замужства я ни разу не спросилъ тебя: довольна ли ты своею участію? Признаю, я боялся откровеннаго твоего признанія... Я понималъ, я предчувствовалъ, что ты не можешь мнѣ дать удовлетворительнаго отвѣта... Да, я дурной отецъ!.. снова повторилъ Перскій, и слеза скатилась съ его рѣсницы. Вѣрочка бросилась цѣловать его.

— Не вините себя, папа, ни въ чемъ; такая ужъ моя доля. Я все вамъ расскажу, только не принимайте этого очень къ сердцу, помните, что я не люблю, и никогда не любила Якова Петровича.

— Но ты могла уважать его, по крайней мѣрѣ.

— Послушайте и сами посудите возможно ли это. Въ бѣглыхъ

словахъ рассказала Вѣрочка отцу свое первое знакомство съ Вильгельминою.

— Видно, Яковъ Петровичъ не сдержалъ своего обѣщанія, и бѣдная женщина явилась напомнить о своемъ существованіи. Голодъ и нужда не имѣютъ времени ждать... прибавила Вѣрочка кротко и великодушно.

— Вѣра, тебѣ нельзя оставаться здѣсь, пока онъ не устроитъ дѣлъ своихъ съ этой женщиной, тѣмъ болѣе, что мужъ твой объявилъ мнѣ о своемъ намѣреніи ѣхать за границу для поправленія здоровья. Нельзя же тебѣ оставаться на дачѣ одной. Поди, поспѣвши надѣть твою шляпу и мантилью; оставимъ Якова Петровича на свободѣ переговорить съ его гостьею и поѣдемъ въ городъ.

— А маленькій Фрицъ? спросила Вѣра, мнѣ очень жаль его. Я такъ привыкла къ этому ребенку.

— Намъ нельзя брать ребенка у матери, сказалъ отецъ, въ немъ заключается все ея право на состраданіе и обезпеченіе.

Вѣра повиновалась. Она живо одѣлась, поцѣловала съ нѣжностью Фрица, приказавъ ему идти въ садъ, навстрѣчу матери, и между тѣмъ, какъ продолжалась жаркая и энергическая бесѣда между Яковомъ Петровичемъ и Вильгельминою, Перскій съ дочерью вышли изъ воротъ, сѣли въ коляску и помчались въ Петербургъ.

ХІІІ.

Когда Перскій вошелъ въ комнату съ Вѣрою, Лизавета Ивановна, по обыкновенію, въ полудремотѣ лежала на диванѣ.

— Что это? спросила она, быстро приподнимаясь съ подушки и раскрывъ глаза во всю ихъ ширину отъ удивленія.

Перскій сдѣлалъ знакъ казачку удалиться, сѣлъ въ кресло, указавъ Вѣрочкѣ на другое. Послѣ нѣкотораго молчанія Перскій началъ:

— Яковъ Петровичъ, чрезъ нѣсколько дней ѣдетъ за границу, онъ находитъ неудобнымъ взять съ собою жену.

— Почему это? спросила Лизавета Ивановна.

— Про то онъ знаетъ.

— Гдѣ же будетъ жить его жена? снова спросила Лизавета Ивановна, не скрывая своего безпокойства и неудовольствія.

— Онъ подарилъ ей дачу—и только; дома въ Петербургѣ онъ не имѣетъ, нанять квартиры для жены не намѣренъ, такъ я разсудилъ, что Вѣрочкѣ всего лучше оставаться въ домѣ отца.

Лицо Лизаветы Ивановны сильно исказилось гримасою.

— Доходы съ дачи послужать ей на то, чтобъ не обращаться къ намъ за всякою бездѣлицею, нужною для ея туалета и мелкихъ расходовъ, а двѣ комнаты на антресоляхъ опять входятъ въ ея владѣніе.

Мачиха злобно поморщилась. Вѣрочка сидѣла, какъ приговоренная къ смерти. Какъ не скучна была жизнь ея въ домѣ мужа, но мысль возвратиться снова подъ опеку Лизаветы Ивановны, сжала ея сердце предчувствіемъ прежнихъ, а можетъ и новыхъ горестей.

— Уже поздно, прибавилъ Перскій, иди, другъ мой, Вѣра, распорядись своимъ новымъ помѣщеніемъ, а я усталъ. И Перскій съ какою-то лихорадочною торопливостію всталъ съ кресель и вышелъ изъ комнаты, какъ будто боясь возраженій, и забылъ, по обыкновенію, поцѣловать толстую руку жены. Вѣра тоже вышла изъ комнаты, не промолвя ни слова, стараясь избѣжать всякихъ объясненій.

Возвратясь въ свой дѣвическій пріютъ, послѣ трехмѣсячнаго отсутствія, Вѣрочка въ изнеможеніи бросилась въ кресло и горько заплакала. Къ чему привела ее рѣшимость выйти за Тремова? Она перемѣнила любимое званіе отца на званіе нелюбимаго мужа; она перемѣнила свое дѣвическое положеніе на положеніе замужней женщины, не приобрѣтя своего очага; всего болѣе огорчало бѣдную Вѣрочку, что самопожертвованіемъ своимъ она не принесла даже пользы сестрамъ своимъ, исхитивъ ихъ будущность изъ-подъ гнета злой, неблагонамѣренной мачихи. «Бѣдная Любенька! бѣдная Любаша! и вамъ, какъ мнѣ, суждено не видать красныхъ, беззаботныхъ годовъ юности подъ теплымъ крыломъ матери!..» Такъ думала Вѣрочка, и слезы текли по блѣдному лицу ея.

Между тѣмъ Лизавета Ивановна осталась одна по уходѣ мужа и падчерицы, которыхъ она не вздумала остановить; лицо ея судорожно покривилось отъ злости... Ненавистная ей Вѣра опять у нея въ домѣ, но только уже съ понятіями о супружескихъ отношеніяхъ, которыхъ прежде не имѣла. Ее уже не легко провести и одурачить... Лизавета Ивановна судорожно схватила колокольчикъ и сильно позвонила. Дуняша предстала предъ сѣвровою адалыкой.

— Позвать сюда Вѣру Константиновну, она пошла къ себѣ на антресоли. И Перская сдѣлала значительное удареніе на словѣ, которое мы написали курсивомъ.

Дуняша скрылась; чрезъ нѣсколько минутъ дверь скрипнула, и Вѣра съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами, трепетно вошла въ комнату. Сердце ея упало, предчувствуя бурю, какъ ртуть въ термометрѣ.

— Ну, ужъ и разревѣлась, сказала мачиха запальчиво, замѣтивъ слѣды слезъ падчерицы. Что, не нравится? А мнѣ-то какво? Сколько было мнѣ хлопотъ и издержекъ, чтобъ пристроить тебя, а ты, матушка, не съумѣла поладить съ такимъ умнымъ и прекраснымъ человѣкомъ?

Вѣра по обыкновенію молчала.

— Стыдись, сударыня, стыдись! Вѣдь это книга, а не человекъ, *твой* Яковъ Петровичъ; а ты ни понять, ни оцѣнить его не умѣла... да что тутъ толковать? Я уже не мало билась съ тобою, видно и у него ты отъ рукъ отбилась, такъ и прогналъ отъ себя...

Сердце Вѣрочки пуще сжалось. Оскорбленное самолюбіе и несправедливость обвиненія развязали ей языкъ.

— Вы слышали отъ папеньки, что Яковъ Петровичъ ѣдетъ за границу; папенька самъ увезъ меня отъ мужа, меня никто не прогонялъ.

— Ну, говори тамъ себѣ; не все ли равно—такъ или иначе; а все же отъ тебя бѣгутъ, значить ты всѣмъ надобла.

Вѣрочка утерла остановившуюся на глазахъ слезу; негодованіе вдругъ засушило тѣ слезы, которыя готовы были политься вслѣдъ за показавшеюся. Какая-то безчувственность окаменила ей сердце, и она рѣшилась снова войти въ разъ принятую ею роль, и никогда болѣе не отвѣчать словами ни на какія оскорбленія.

— Но знай, прибавила мачиха, переведя духъ, что твоя жизнь у меня будетъ тою же, какая и была; но вообрази себѣ, что титулъ твоего мужа измѣнить что нибудь въ моемъ домѣ, въ отношеніи къ тебѣ. Приказываю тебѣ не являться сюда безъ зова никогда и ни въ какое время, а главное прошу, не корчи изъ себя какой-то жертвы, какъ ты это дѣлала до твоего замужства... Впрочемъ, присовокупила Лизавета Ивановна, подумавъ немного, пожалуй, будь грустна и печальна, если это тебѣ любо, теперь у тебя есть на то достаточная причина, въ слѣдствіе твоего неудавшагося супружества, а то прежде могли твое невеселье отнести на счетъ моего съ тобою обращенія. Вотъ все, что я хотѣла тебѣ сказать. Поди же и помни: ты ѣшь *мой* хлѣбъ, потому что отецъ твой ничего не имѣетъ.

Върочка почти шатаясь вышла изъ комнаты. И мачиха и падчерица провели бессонную ночь, хотя совершенно противоположныя ощущенія волновали и ту и другую. Но еще горестнѣе были чувства Константина Петровича, мѣшавшія ему сомкнуть глаза. Къ нимъ примѣшивалось еще ядовитое чувство укора совѣсти.

XIV.

Утвердясь въ намѣреніи молчать передъ отцемъ, передъ мачихой, передъ Мери и передъ посѣтителями отцовскаго дома, молчать всегда, молчать упорно, Върочка жила почти мирно и тихо, занималась разными женскими рукодѣльями и чтеніемъ немногихъ книгъ, попадавшихъ ей случайно въ руки. Библіотека мачихи, въ щегольскихъ сафьянныхъ переплетахъ, съ золотымъ обрѣзомъ и такими же корешками, всегда тщательно была заперта. Изъ словъ отца Върочка заключила, что выборъ ихъ былъ не совсѣмъ приличенъ для дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ, и Върочкѣ не приходило даже на мысль предпринять какія нибудь мѣры, чтобы хоть тайкомъ прочитатъ эти книги. По возвращеніи Върочки въ домъ родительскій, Мери пыталась было снова принудить сестру раздѣлять съ нею игры, но Върочка отказалась отъ нихъ на отрѣзъ. Мери побѣждала къ матери съ жалобами и слезами, но Лизавета Ивановна, желая погладить ребенка по головкѣ (Мери была однихъ лѣтъ съ Върочкой) и тѣмъ его утѣшить, замѣтила, къ своему удивленію, что лежа, рука ея уже не достаеетъ до милой головки дочери...

— Мери, дружокъ мой, ты уже болѣе не ребенокъ, сказала ей мать: пора и тебѣ бросить дѣтскія игры; ростомъ ты чуть ли не выше Върочки. Завтра утромъ ты узнаешь на дѣлѣ, что ты уже не дитя, и это тебѣ будетъ очень пріятно. Поди, займись чѣмъ нибудь другимъ, разсматривай картинки, поболтай съ попугаемъ... мало ли чѣмъ можно заняться, кромѣ жмурокъ; попроси мистрисъ Бель разсказать тебѣ какую нибудь исторію, а скучно, такъ Дуныша тебѣ разскажетъ про русскихъ богатырей.

И утѣшенная Мери спокойно провела день, также спокойно проспала ночь, заснувъ съ пріятною мыслью о какомъ-то сюрпризѣ. Когда же на другое утро Мери проснулась, на стулѣ, возлѣ ея постели, развѣшено было длинное розовое платье, а на другихъ стульяхъ такія же длинныя, вышитыя по подолу бѣ-

ляя полубатистовыя юбки. Короткое платьице и вышитые панталончики исчезли. Мери не могла налюбоваться своимъ новымъ нарядомъ, и нарочно присѣдала, чтобъ платье ложилось по полу. Такъ перешла Мери изъ дѣтскаго возраста въ дѣвическій. Не откажись Вѣрочка отъ игры въ жмурки, этотъ переходъ, быть можетъ, не случился бы такъ скоро, не смотря, что *дитяти* было семнадцать лѣтъ.

Перскіе продолжали жить открыто, принимали много гостей, давали балы и вечеринки, но Лизавета Ивановна не вывозила еще въ свѣтъ свою любимицу Мери. Вѣрочка любила танцы, но танцовать ей не всегда удавалось, даже у себя дома. Каждый разъ, когда Константинъ Петровичъ Перскій по обязанностямъ службы не могъ самъ присутствовать на своихъ вечерахъ, предоставляя женѣ принимать гостей, Вѣрочку забывали позвать изъ ея комнаты. На вопросы посѣтителей объ отсутствіи Вѣры, Лизавета Ивановна ссымалась или на нездоровье падчерицы, или на ея нелюбимость.

Но вотъ настала пора выхода изъ Смольнаго монастыря и Любеньки Перской № 1, которую такъ называли для отличія отъ младшей сестры Любаши. Вѣрочка съ радостью помышляла о томъ времени, когда она уединенныя свои двѣ комнатки раздѣлитъ съ милою сестрою. Радость эта была не безъ примѣси горя и заботы о судьбѣ Любеньки. Сумѣетъ ли она покориться судьбѣ своей, какъ покорилась ей Вѣра? Вынесетъ ли она всѣ угнетенія, ее ожидающія? Вотъ какія сомнѣнія волновали сердце Вѣрочки, и она заранѣе страшилась послѣдствій покорности сестры.

Насталъ день выпуска Любеньки. Такое же бѣлое, кисейное платьице, какъ и Вѣрочкино, замѣнило зеленое платьице институтки Любеньки, дѣвушки съ самымъ плутовскимъ плѣнительнымъ и веселымъ выраженіемъ лица, вполне выказывавшимъ ея веселый и безпечный характеръ.

Хоръ музыки встрѣтилъ ее, какъ и Вѣрочку, на порогѣ родительскаго дома, но она не испугалась, и яркій свѣтъ не ослѣпилъ ее, какъ старшую сестру. Любенька смѣло вошла въ большую залу и кланялась на право и на лѣво, очень развязно, гостямъ, не потупляя глазъ, а улыбаясь на столько, что рядъ ея бѣлыхъ зубовъ блестялъ за алыми губами, какъ нитка новыхъ бусъ. Любенька танцевала, рѣзвилась и хохотала безъ умолку, какъ будто всю жизнь провела на балѣ. Вѣрочка удивлялась, почему одно и тоже событіе производило разное впе-

чатльнѣе на двухъ сестеръ, одинаково воспитанныхъ; еще болѣе удивило ее, почему Лизавета Ивановна приняла Любеньку, если не ласковѣе и радушнѣе, то по крайней мѣрѣ, съ меньшимъ отвращеніемъ и суровостью, чѣмъ ее. Намъ самимъ трудно бы опредѣлить настоящую причину такой неравности въ характерѣ Перской. Вѣроятно молодость Любеньки, бывшей тремя годами моложе Мери, отклоняла мысль о соперничествѣ ея съ идоломъ мачихи. И точно, Мери уже болѣе года была признана взрослою дѣвицею, и Любенька передъ нею должна была играть роль ребенка. Такою и была въ сущности Любенька, какъ по праву, такъ и по врожденной живости. Ея рассказы и болтовня смѣшили подчасъ Лизавету Ивановну, и развлекали ее въ минуты скуки отъ ея лѣниваго и бездѣйственнаго образа жизни.

Вѣрочка съ прискорбіемъ стала замѣчать, что Любенька день отъ дня все болѣе и болѣе разыгрывала въ домѣ роль какой-то шутихи.

Все, что Вѣрочка успѣетъ искоренить въ сестрѣ, или внушить ей въ своихъ комнатахъ на антресоляхъ, въ сердечныхъ своихъ бесѣдахъ съ нею, все разрушалось внизу, въ гостиной, въ присутствіи мачихи—дурнымъ ея примѣромъ. Вѣрочка страдала и мучилась вдвойнѣ: за сестру и отъ своей скучной и безотрадной доли. Она понимала, что не можетъ овладѣть довѣренностью рѣзвой шалуни, и боялась, что многіе изъ ея промаховъ противъ общежитія останутся для нея скрытыми, а слѣдственно могутъ вкореняться въ неопытной душѣ.

Разъ, это случилось лѣтомъ, Лизаветъ Ивановнѣ вздумалось изъ своей великолѣпной дачи на петергофской дорогѣ, переступить за ограду, отдѣлявшую дачу отъ пустынныхъ полей. Константинъ Петровичъ Перскій былъ въ городѣ по дѣламъ. Вѣрочку не удостоили приглашеніемъ къ прогулкѣ.

Лизавета Ивановна, Мери, Любенька и Дуняша, безотлучная наперсница Перской, вышли въ поле. Отойдя на нѣкоторое разстояніе, гуляющія увидѣли телѣгу, запряженную бодрою лошадейю. На телѣгѣ сѣдока не было; онъ, вѣроятно, отлучился куда нибудь по близости. Лошадь, вытянувъ шею изъ-подъ дуги, щипала траву около своихъ ногъ.

— Не хочешь ли покататься, спросила Лизавета Ивановна Любеньку, указывая на лошадь и телѣгу.

— Хочу, отвѣчала Любенька, съ свойственною ей живостью, но кто же будетъ править?

— Кто? ты сама! отвѣчала Лизавета Ивановна.

— Пожалуй! но кого же я буду катать?

— Да вотъ Дуняшу, проговорила Лизавета Ивановна съ громкимъ смѣхомъ, и не успѣла она сдѣлать своего ребяческаго предложенія, какъ Любенька, легкая какъ серна, безъ всякой посторонней помощи прикоснулась ножкою къ спицѣ колеса, другою стала на его ободъ, не заботясь о томъ, что при малѣйшемъ движеніи лошади она могла легко сломить себѣ ногу, перешагнула въ телѣгу, и стоя въ ней, какъ ловкій, удалой ямщикъ, съ хохотомъ стала подбирать возжи, приглашая Дуняшу забраться къ ней, и выказать такой же ловкій и удалой подвиговъ. Лошадь, почувствовавъ возжи, стала нетерпѣливо перебирать ногами; Любенька ловко подтянула возжи, прося подать лежавшій за нею въ телѣгѣ кнутъ. Дуняша, еще не совершивъ своего восхожденія въ телѣгу, отыскала кнутъ и хотѣла подать его рѣзвущкѣ, какъ вдругъ Лизавета Ивановна съ хохотомъ выдернула его изъ рукъ своей наперсницы, взмахнула имъ и ударила такъ ловко по лошади, что та помчалась, какъ вихрь, забросивъ голову назадъ и взмахнувъ хвостомъ.

— Не бойтесь! раздалось изъ телѣги, и Любенька, желавшая удержать помчавшуюся лошадь, почти легла вдоль телѣги, не выпуская изъ рукъ возжей и натянувъ ихъ всею тяжестью своего тѣла. Но лошадь мчалась какъ стрѣла по рытвинамъ и вспаханному полю.

Лизавета Ивановна продолжала хохотать во все горло, и ей не пришло даже въ голову, что вся эта шалость могла стоить жизни Любенькѣ. Въ нѣсколько мгновеній лошадь, телѣга и полулежащая въ ней дѣвушка скрылись изъ виду за кустами, росшими по извилинамъ небольшой проселочной дороги.

— Что же мы будемъ дѣлать? спросила оторопѣвшая Дуняша.

— Да ничего, сказала спокойно Лизавета Ивановна; не бѣжать же за лошадей, ужъ ты ее конечно не поймашь. Пойдемъ домой, да пошлемъ кучера и дворника на розыски и выручку Любенькѣ. Я даже и это считаю почти лишнимъ: она такая удалая, посмотрите, что черезъ четверть часа сама подкатитъ къ воротамъ дачи.

— Ну, матушка, барыня, а если она не справится, да телѣга опрокинется и ушибетъ ее, замѣтила смиренно горничная,

— Справится, она такая ловкая! возразила барыня.

— Но если она придетъ къ дачѣ по дорогѣ, это будетъ не

хорошо, тамаа, что скажутъ сосѣди? замѣтила Мери, которая во все продолженіе описываемой нами сцены собирала полевые цвѣты.

— Уже становится темно, возразила Лизавета Ивановна, кто подумаетъ узнать дочь Перскаго въ дѣвушкѣ, правящей телѣгою. И Лизавета Ивановна такъ искренно, такъ чисто-сердечно снова захохотала, что всякій отнесъ бы поступокъ ея ко всегдашней ея взбалмошности и необдуманности, а не къ другому намѣренію. Конечно, отъ этого не было легче бѣдной рѣзвущкѣ, мчавшейся въ темную пору на взбѣшенной лошади, въ чужой телѣгѣ, по полямъ и рывинамъ, съ опасностью переломать себѣ члены.

Не видя возвращенія сестры даже къ одиннадцати часамъ, Вѣрочка позвала горничную.

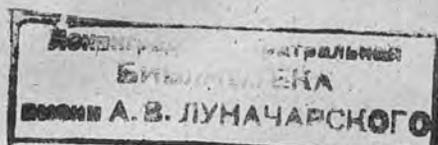
Трудно вообразить удивленіе и безпокойство ея, когда она услышала, что Лизавета Ивановна, Мери и Дуняша возвратились съ прогулки безъ Любви Константиновны. По счастью скоро долетѣли до нея голось и хохоть Любеньки, на дворѣ, сквозь открытыя окна и двери.

Но оставимъ Вѣрочку въ нетерпѣливомъ ожиданіи сестры и возвратимся къ рѣзвущкѣ. Далеко ли умчала ее лошадь, Любенька опредѣлить не могла, но мчалась она довольно долго, пока лошадь не остановилась, какъ вкопаная, почти уткнувшись мордой въ какой-то заборъ. Кругомъ глушь и ни живой души. Любенька соскочила съ телѣги, кое-какъ запутала возжи у забора и пошла около него, думая кого нибудь встрѣтить или набрести на жильѣ. Такимъ образомъ она прошла около версты, все держась около забора, и уже начинала отчаяваться, какъ вдругъ что-то черное показалось вдали; Любенька пріостановилась и притаила дыханіе; до нея довольно ясно долетѣли слова закатистой русской пѣсни: «Ахъ на чтожь было огородъ городить».

Вскорѣ по противоположной сторонѣ забора, Любенька довольно ясно могла разглядѣть круглую поярковую шляпу съ огромнымъ краснымъ макомъ, вмѣсто кокарды. Вслѣдъ за тѣмъ и самъ сельскій Рубини, помахивая тросточкою, поравнялся съ Любенькой.

— Мужичокъ! добрый мужичокъ! окликнула она пѣвца, уткнувъ свой вздернутый носикъ между жердей забора.

— Ась? что тебѣ, барынька, откликнулся онъ, смолкнувъ мгновенно.

— Я заблудилась, сослужи мнѣ службу, проводи меня домой.

— Вона-те! сказалъ крестьянинъ протяжно, какъ будто не хотѣя или раздумывая. Оно бы нешто, прибавилъ онъ, послѣ краткаго молчанія, для-ча не проводить, коли близко... только бы большаго крюка не дать, я и то въ Питерь то опоздалъ.

— Ахъ, тебѣ въ Петербургъ надо, ну, такъ тебѣ будетъ по дорогѣ.

— Да гдѣ же ты живешь, барынька?

— На 15-й верстѣ отъ заставы, на дачѣ.

— Эхъ-эхъ-эхъ! барынька, да какъ же ты баешь, что намъ по дорогѣ будетъ... Мнѣ-то надоть, выходить, назадъ идти, да и до большой дороги версты съ три будетъ. Какъ это ты, барынька, угораздило такъ далеко забраться? Чай у тебя отъ усталости ноженьки подкашиваются.

— Нѣтъ, я не устала, потому что я сюда не пѣшкомъ зашла, а на лошади заѣхала.

— Вотъ оно что! сказалъ крестьянинъ, почесывая въ затылкѣ.

— Лошадь вотъ тутъ и стоитъ, недалеко; вывези меня на большую дорогу, если это мѣсто тебѣ знакомо.

— Какъ не знакомо, вѣстимо что знакомо. Ну, это другое дѣло; на лошади-то оно споручнѣе будетъ, для-ча не довести... Да гдѣ жъ лекипажъ твой?

— А вонъ тамъ стоитъ.

Крестьянинъ ловко перелѣзъ черезъ заборъ, и пока шелъ онъ съ Любенькой до тельги, она умѣла ему рассказать о своемъ приключеніи.

— Ну, матка-то твоя, оно-того .. и онъ не договорилъ своей мысли. А что съ нами будетъ, барыня, какъ мы наѣдемъ на хозяина лошади; ты ужъ смотри, не взвали бѣду на меня.

— Что ты, что ты, мужичекъ, не бойся ничего, я и ему все также расскажу, а маменька и ему за лошадь и тебѣ за трудъ заплатитъ.

— Вона и лошадь! смиренхонько себѣ щиплетъ траву, сказалъ крестьянинъ, завидя тельгу. Садись же, барынька; экой добрый конь! да и взмылился же онъ, видно не на шутку испужался. Мужикъ съѣлъ на облучекъ и забралъ возжи; гикнулъ, и лошадь пустилась крупною рысью. Не успѣли наши путешественники выбрать-ся на большую дорогу и повернуть по ней по направленію къ Петербургу, какъ услышали за собою погоню и громкій крикъ.

— Стой, стой! ахъ, вы воры, разбойники этакіе! Стой! прръ!

Крестьянинъ остановилъ лошадь.

— Ну, дошло и до расправы; дѣлай барынька, какъ знаешь, а ѣхать дальше не слѣдь!

— Стой! раздалось у самой телѣги, и двое рослыхъ мужчинъ съ густыми бородами, съ угрозами и бранью подбѣжали, одинъ хватая лошадь подъ узцы, другой съ поднятыми кулаками на сидящаго.

— Не бейте, не бейте его, закричала Любенька, онъ ни въ чемъ не виноватъ.

Замахнувшійся, разглядѣвъ барыню, опустилъ кулакъ и гораздо тише прибавилъ: да какъ не бить, воръ онъ этакой, мошенникъ; вѣдь телѣга-то и лошадь мои.

— Твои, мужичокъ, твои, конечно твои, вотъ я вамъ все рас- скажу: я хотѣла довѣхать только до дачи; маменька вамъ за это заплатитъ.

— А гдѣ дача-то ваша? спросилъ державшій лошадь подъ узцы и не выпускавшій ее изъ рукъ.

— Да еще версты съ три будетъ, отвѣчалъ первый покровитель Любеньки.

— Ну, такъ мы сами доведемъ тебя, барыня, а ужъ онъ-то и пѣшкомъ дойдетъ, сказалъ кулачный боецъ, указывая на сидящаго въ телѣгѣ.

Крестьянинъ пѣвецъ прыгнулъ съ телѣги и сказалъ:

— Ступай себѣ съ Богомъ, барынька, оно съ хозяиномъ-то способнѣе тебѣ будетъ.

— Спасибо тебѣ, мужичекъ, сказала ему Любенька; такъ какъ ты мимо пойдешь нашей дачи, зайди выпить стаканчикъ вина.

Пока происходилъ этотъ разговоръ, двое новоприбывшихъ взобрались на облучекъ по обѣимъ угламъ передка телѣги, оставя всю ея внутренность на помѣщеніе Любеньки, и тронулись къ дачѣ Перскихъ, разспрашивая, какимъ образомъ телѣга ихъ изъ поля очутилась на большой дорогѣ, съ новыми сѣдоками.

Когда Любенька удовлетворила ихъ любопытству, то и они рассказали ей, какъ съ своей стороны, отлучась отъ телѣги къ орѣшнику, чтобъ нарвать себѣ орѣховъ, проискали лошадь довольно долго предполагая, что лошадь, вопреки своей привычкѣ, стоитъ какъ вкопаная, если заложить ей поводья за спину, прикрѣпя ихъ за телѣгу, была чѣмъ нибудь испугана и умчалась куда нибудь не подалеку. Не найдя же ее, мужички смекнули, что она уведена умышленно, и отправились ее караулить до полуночи, а уже потомъ хотѣли идти въ сельскую управу объявить о покражѣ.

Любенька не безъ радости увидѣла зеленую крышу занимаемаго ими дачнаго дома. Хотя мысль объ опасности и не западала ни разу въ ея беззаботную головку, но она начинала понимать, что долгое отсутствіе ея въ такую позднюю пору, могло потревожить сестру, и она поспѣшила ее успокоить.

Любенька съ живостью рассказала о своихъ приключеніяхъ. Мачиха и Мери умирали со смѣху, слушая о ея походахъ. Наконецъ рѣзвушка простилась съ ними, поручивъ Лизаветѣ Ивановнѣ отблагодарить какъ двухъ привезшихъ ее крестьянъ, такъ и перваго своего покровителя, сельскаго Рубини, догнавшаго ихъ у въѣзда на дачу, какъ будто онъ обулъ былъ въ семиверстные сапоги.

— Гдѣ это ты была, и отчего возвращаешься такъ поздно? спросила старшая сестра, когда Люба явилась на антресоли. Любенька въ четвертый разъ рассказала свои походы.

— И не стыдно тебѣ было лазить по тѣлѣгамъ? Не сдѣлай ты этого, остальнаго бы не случилось.

— Да я же говорю тебѣ, что маменька сама мнѣ предложила покататься, мнѣ бы это и въ голову не пришло.

Вѣрочка, призвавъ на помощь благоразуміе, воздержалась отъ обвиненій мачихи. Она начала прямо винить сестру, оставивъ мачиху въ сторонѣ.

— Но ты могла бы не пожелать кататься, сказала Вѣрочка.

— Ахъ, зачѣмъ же, вскричала Любенька, это такъ весело!

— Но неужели ты не понимаешь, чему ты подвергалась?

— Пожалуй, сломить себѣ шею; но какъ видишь, я жива и не вредима; перестань же журить меня.

— Нѣтъ, я ужъ не объ этой одной опасности хочу тебѣ сказать. Тебя могли обидѣть... оскорбить...

— Какъ можно! никогда, сказала добродушно Любенька: чѣмъ и какъ могли меня обидѣть? Крестьяне всѣ такіе добрые и ласковые.

— Ну, а еслибъ ты попала на вора и мошенника, прибавила Вѣра, что тогда было бы?

— Со мною денегъ не было.

— Вору все нужно: онъ бы стащилъ съ тебя шляпку, козынку и даже платье.

— Да, это было-бъ гадко, *противно*, сказала Любенька, не забывъ еще словечка, бывшаго въ употребленіи въ училищѣ, и въ умѣ ея рисовалась картина, что было бы съ нею, еслибъ ее въ самомъ дѣлѣ ограбили до нага. Любенька вспыхнула. Дѣвическій стыдъ

мгновенно пробудился въ груди; ей стало не ловко, и она бросилась обнимать сестру, чтобъ замкнуть ей уста горячими поцѣлуями.

— Милая моя, сказала смягчася Вѣрочка, я не разъ тебѣ говорила, что насъ съ тобою не всегда берегутъ. Сдѣлала бы родная мать что нибудь подобное съ своею дочерью? И примѣръ у тебя передъ глазами. Отчего же Мери не предложили покататься въ крестьянской телѣгѣ, если это такъ весело и занимательно? Если бы что нибудь случилось подобное съ нею, то вѣрно бы Лизвета Ивановна не вернулась спокойно домой одна, и не только разослала бы людей во всѣ стороны для поисковъ, но сама съѣла-бы въ экипажъ и отправилась къ дочери на помощь. Такъ поступила бы всякая мать. Помни, что у насъ матери нѣтъ, и мы сами должны заботиться о охраненіи себя. Все это могло очень дурно для тебя кончиться, и какъ огорчило бы твоего отца и твою сестру. Впередъ пожалѣй хоть насъ, если ты сама себя не бережешь.

Любенька снова стала цѣловать сестру, обѣщая впередъ быть осмотрительнѣе въ своихъ поступкахъ; но какъ уберечься молодой, неопытной, рѣзвой дѣвочкѣ отъ всѣхъ случайностей, если ее не стережетъ недремлющій взоръ матери!

XV.

Въ этой главѣ мы расскажемъ другой случай, имѣвшій большее значеніе въ судьбѣ Любеньки, и не кончившійся такъ благополучно, какъ многіе другіе.

То было въ зимнюю пору. Лизвета Ивановна вздумала поѣхать осмотрѣть кабинетъ восковыхъ фигуръ, о которыхъ было очень замысловато объявлено, и взять съ собою Мери и Любеньку.

Перская имѣла особенную страсть къ восковымъ кукламъ, и нѣсколько разъ смотрѣла одну и ту же выставку. Широкіе сани, обложенные внутри и опушенные снаружи густымъ медвѣжьимъ мѣхомъ, приняли Лизвету Ивановну, усѣвшуюся въ нихъ посрединѣ, и посадившую по сторонамъ своимъ Мери и Любеньку. Лакей помѣстился съ кучеромъ на передкѣ. Полобовавшись пестрымъ зрѣлищемъ густой толпы, вызванной на тротуары яснымъ зимнимъ солнцемъ, Лизвета Ивановна отдала приказаніе остановиться у огромной вывѣски, изображавшей толпу бандитовъ, напавшихъ на семейство англичанъ.

Даже безстрашной Любенькѣ чуть не стало страшно отъ звѣрскихъ лицъ убійцъ, весьма однако плохо намалеванныхъ.

Послѣ осмотра всѣхъ диковинокъ, между которыми неизбежно красовалась Марія Стюартъ въ черномъ плисовомъ капотѣ и Фридрихъ Великій въ перкалёвомъ, табачнаго цвѣта мундирѣ, Лизавета Ивановна при выходѣ изъ кабинета восковыхъ фигуръ, встрѣтила знакомаго льва. Послѣ первыхъ привѣтствій и распросовъ о здоровьи, Лизавета Ивановна пригласила его къ себѣ обѣдать и предложила довести въ своихъ саняхъ.

— Любенька дойдетъ и пѣшкомъ, прибавила она въ видѣ замысловатаго заключенія и окончательнаго распоряженія: до Офицерской улицы не далеко, ей будетъ даже полезна прогуляться пѣшкомъ.

Франтъ сталъ было отнѣживаться... но довольно слабо.

— Найдеть ли Любовь Константиновна дорогу... мнѣ право совѣстно... Онъ взглянулъ на запятки, ихъ у саней не было. Предложить ему мѣсто, занимаемое слугою, Лизавета Ивановна не вздумала и только значительно подмигнула Любенькѣ.

— Не церемоньтесь, пожалуйста, и не лишайте меня пріятной прогулки, сказала Любенька, понявъ знакъ мачихи. Я очень хорошо знаю дорогу, и въ четверть часа буду дома.

Лизавета Ивановна, Мери и левъ помѣстились въ саняхъ, и лошади помчались. Любенька весело махнула имъ рукой, и не думая долго, рѣшилась прежде пройти по Невскому, а потомъ уже распросить объ Офицерской улицѣ, которую она знала только по имени.

Любенька легко и весело бѣжала по Невскому, не заботясь о томъ, что мчится совершенно въ противоположную сторону отъ Офицерской улицы. Къ счастью или несчастью, никто изъ знакомыхъ не повстрѣчался съ нею. Пройдя довольно долго вдоль по Невскому, Любенька рѣшилась наконецъ подойти къ мужичку, стоявшему съ лоткомъ яблокъ.

— Скажи мнѣ, пожалуйста, какъ тутъ поближе пройти въ Офицерскую улицу.

— Да тебѣ надо вонъ въ эту, что тутычка неподалеку? спросилъ въ свою очередь яблочникъ, вмѣсто отвѣта.

— Да, она должна быть не далеко, проговорила Любенька, чувствуя порядочную усталость.

— Вотъ изволь, все прямо, а тамъ, какъ перейдешь Аннич-

кинѣ до Владимірской, такъ тутъ и будетъ большая Офицерская, между Кузнецкимъ переулкомъ и Разъѣзжею.

Любенька пустилась почти бѣжать по указанію, прямо къ Владимірской церкви, еще поразспросила одного повстрѣчавшагося ей мастерового, и пришла въ желанную Офицерскую улицу.

— Это Большая Офицерская улица? спросила Любенька въ третій разъ, но уже не глядя даже на того прохожаго, къ кому относилась съ вопросомъ, занятая и обезпокоенная тѣмъ, что указанная Офицерская не напоминала ей той Офицерской, въ которой жилъ отецъ ея.

Дѣло было въ томъ, что вмѣсто Большой Офицерской улицы въ Коломнѣ, Любенька попала въ Офицерскую у Владимірской, какъ могла попасть въ любую изъ семи Офицерскихъ улицъ, разбросанныхъ по разнымъ частямъ Петербурга.

Прохожій, къ которому обратилась Любенька въ третій разъ съ своимъ вопросомъ, былъ однако не крестьянинъ, а молодой человекъ съ весьма привлекательной наружностью. Онъ только что вышелъ съ крыльца дома великолѣпной архитектуры. По озабоченному лицу дѣвушки поразительной красоты, онъ тотчасъ понялъ, что она заблудилась, и рѣшился вывести ее изъ затруднительнаго положенія.

— Есть въ Петербургѣ много Офицерскихъ улицъ, сударыня, какую же вамъ нужно? спросилъ молодой человекъ, взглядываясь все болѣе и болѣе въ лицо прелестной незнакомки и удивляясь, что такая красивая дѣвушка гуляетъ по столичнымъ улицамъ не въ сопровожденіи какой нибудь почтенной женщины или хотя пожилой служанки.

— Мнѣ нужно въ Большую Офицерскую улицу, сказала Любенька, все еще не глядя въ лицо молодаго человека, но разсматривая рядъ ей совершенно незнакомыхъ домовъ.

— Да и Большихъ Офицерскихъ улицъ не одна, возразилъ молодой человекъ: одна есть у Большаго театра, другая...

— Ахъ, мнѣ именно нужна Офицерская у Большаго театра; воскликнула Любенька, вспомнивъ, что домъ ея отца стоитъ не подалеку отъ храма Таліи и Терпсихоры.

— Какъ же это вы ее здѣсь отыскиваете? она очень далеко отсюда, а вы кажется устали, прибавилъ молодой человекъ не спускающая глазъ съ раскраснѣвшагося отъ ходьбы лица дѣвушки.

— Да, я немного устала, но у меня еще достанетъ силы дойти домой, только потрудитесь указать мнѣ путь.

Съ этими словами Любенька наконецъ взглянула въ лицо говорящему съ нею. Онъ вперилъ въ нее блестящія, выразительныя черныя глаза, которые пламенѣли изъ-за такихъ же черныхъ, длинныхъ рѣсницъ. Любенька совершенно смутилась. Ее тоже поразила красота молодаго человѣка, но она не имѣла силы разсматривать его долго, и тотчасъ, при встрѣчѣ своихъ глазъ со взоромъ молодаго человѣка, опустила вѣки. Молчаніе съ обѣихъ сторонъ ужъ длилось нѣсколько времени и становилось неловкимъ, особенно для такого свѣтскаго человѣка, какимъ былъ князь Б. Онъ опомнился первый.

— Какъ же быть, сударыня: вы однѣ не найдете дороги и можете еще не разъ ошибиться. Позвольте мнѣ довести васъ хоть до Большаго театра; вотъ мой экипажъ, сказалъ князь, указывая на выѣзжающіе щегольскіе сани изъ воротъ того же дома.

— Нѣтъ, это будетъ кажется не ловко... не прилично... сказала Любенька, вспомнивъ наставленія сестры по случаю встрѣчи съ петергофскими крестьянами.

— Сударыня, оно будетъ, повѣрьте мнѣ, менѣе не ловко и неприлично, чѣмъ вамъ однимъ бѣгать на удачу по петербургскимъ улицамъ, отыскивая свое жилище.

Любенька не знала на что ей рѣшиться. Сердце ея билось, кровь прилиwała къ мозгу, а желаніе продлить бесѣду съ милымъ встрѣчнымъ шептало ей принять его предложеніе.

Бѣдное сердечко красавицы бросилось къ нему навстрѣчу, какъ къ чему-то родному, давно знакомому. Разсудокъ, напротивъ, шепталъ отказать, и Любенька уже начала было говорить какія-то несвязныя рѣчи, какъ вдругъ, бросивши невзначай взглядъ на домъ, изъ котораго вышелъ новый ея знакомецъ, она увидѣла у одного окна бельэтажа грозное лицо пожилой женщины, съ самымъ недоброжелательнымъ и насмѣшливымъ выраженіемъ. Старуха смотрѣла пристально и злобно. Подъ вліяніемъ этого взгляда, Любенька, сама себя не понимая и въ совершенномъ смятеніи, не сказавъ ни слова, бросилась къ санямъ. Князь проворно отстегнулъ полость, посадилъ ее, ловко сѣлъ съ нею рядомъ; кучеръ тронулъ лошадей, и лихіе кони помчались съ быстротою вѣтра. Любенькѣ было невыносимо тяжело и не ловко, не отъ поступка, на который она рѣшилась, но отъ пытливаго глаза нарядной пожилой женщины, провожавшаго испуганную дѣвушку. Любенька не сообщила путнику о видѣніи, такъ ее испугавшемъ,

оно было очень естественно... но съ подробностью рассказала князю, какъ очутилась у Владимірской вмѣсто Большаго театра.

— Позвольте мнѣ подвести васъ къ самому дому вашему и имѣть такимъ образомъ случай познакомиться съ батюшкой вашимъ... и матушкой, прибавилъ князь съ нѣкоторою разстановкой.

Любенька была внутренно счастлива предложеніемъ молодаго человѣка познакомиться въ домъ ея, и поспѣшила дать на то свое позволеніе.

— Благодарю васъ за позволеніе представиться роднымъ вашимъ; я князь В... Владимір Дмитріевичъ, прошу любить и жаловать, прибавилъ онъ, улыбнувшись и приподнявъ шляпу.

Между тѣмъ сани, по указанію Любеньки, остановились у подъѣзда дома.

— Меня зовутъ Любенька... Любовь Константиновна, проговорила дѣвушка, выпрыгнула изъ саней, не давъ князю времени помочь ей, взбѣжала на лѣстницу, и не снимая шубы и шляпы, бросилась въ гостиную, и едва успѣла проговорить:

— Я везу вамъ гостя,» какъ и князь, успѣвшій освободиться отъ своей шубы въ прихожей, предсталъ предъ удивленные очи Лизаветы Ивановны. Онъ окинулъ присутствующихъ взоромъ. Въ гостиной сидѣла, по своему обыкновенію, полулежа Лизавета Ивановна, расхаживалъ привезенный ею левъ, и Мери вертѣлась передъ зеркаломъ, съ обезьяной въ рукахъ, на которую она сама нѣсколько походила.

— Честь имѣю представиться... Я князь В... мнѣ послужило счастье помочь Любови Константиновнѣ отыскать домъ ея.

Въ словахъ князя, столь по-видимому простыхъ, слышенъ пылъ укоръ и даже иронія. Онъ строго взглянулъ на франта, допустившаго случиться такому легкомысленному и необдуманному поступку; но левъ нашъ даже не обратилъ вниманія на взглядъ пришедшаго, потому ли что не понялъ его значенія, или оттого, что былъ характера, не скоро возмутимаго такими мелочами, какъ строгій взглядъ или язвительный намекъ.

— Князь В...! почти скрикнула отъ радости Лизавета Ивановна; она много объ немъ слышала и мгновенно записала его въ женихи для своей Мери... Очень рада случаю... очень рада... Я много слышала о васъ и семействѣ вашемъ.

У князя взбита была желчь негодованія противъ Перской; и жесткіе отвѣты его будутъ понятны безъ всякихъ комментарій.

— Все мое семейство состоитъ изъ двухъ лицъ: матушки и меня.

— Да, точно, я это слышала, и даже многое еще...

— Помилуйте, что же вы могли слышать о насъ, людяхъ вамъ совершенно незнакомыхъ, отвѣчалъ князь довольно рѣзко.

— Да то, что можно слышать о незнакомыхъ, что вы знатны и богаты, очень богаты, сказала Лизавета Ивановна опрометчиво и не забываясь о томъ, что грѣшить предъ приличіями свѣта.

— Только-то, примолвилъ почти съ грустью князь В.

— Да развѣ этого мало!.. помилуйте.

— Очень мало, сударыня: и знатность нашу, какъ вамъ угодно было выразиться, и богатство получили мы по наслѣдству и ими не гордимся.

— О, я увѣрена, что личныя достоинства ваши вполнѣ соответствуютъ...

— О себѣ, я говорить не стану, но что касается до матери моей, то строгость ея жизни и правилъ извѣстна всѣмъ, кто ее знаетъ.

Такъ или почти такъ шелъ первый разговоръ между Лизаветой Ивановной и новымъ ея знакомцемъ. Перская и не вздумала разспросить его, какимъ образомъ онъ повстрѣчался съ Любенькой. Всѣ эти отгѣнки нрава Лизаветы Ивановны оставляли печальные слѣды въ душѣ влюбленнаго князя. Какъ ни хотѣлось ему продлить свой визитъ, чтобъ долѣе подышать однимъ воздухомъ съ Любенькой, которая едва ли не въ первый разъ въ жизни сидѣла смирно, даже позабывъ во все время посѣщенія князя снять съ себя шляпу, князь всталъ и раскланялся. Онъ ни разу не взглянулъ на Любеньку во все время своего разговора, боясь выказать овладѣвшее имъ чувство. За то Любенька, слушая его рѣчи, не спускала глазъ съ милаго ей лица.

Лизавета Ивановна, при прощаньи, засыпала князя любезностями и приглашеніями.

Князь благодарилъ за вниманіе и обѣщалъ воспользоваться приглашеніемъ въ весьма скоромъ времени, и вышелъ изъ комнаты, не бросивъ даже бѣлаго взгляда на Любеньку.

Любенька была огорчена такою холодностью, а огорченіе мѣшаетъ ясному взгляду на предметы.

Лизавета Ивановна уносила подъ облака съ своими мечтами объ устройствѣ такой блистательной партіи для Мери. Она забыла въ

эту минуту обсудить, почему ей не послужила ни къ чему поддѣна имени Вѣры на имя Мери въ письмѣ гвардейскаго полковника, который, не получа никакого отвѣта на свое предложеніе и узнавъ, что Вѣрочка въ его отсутствіе вышла замужъ, не являясь болѣе въ домъ Перскихъ, по возвращеніи въ Петербургъ. По уходѣ князя, она подозвала къ себѣ Мери, пригласила ей рукою волосы, потрепала по желтозеленой щекѣ и значительно улыбнулась. Надо отдать справедливость Мери: она ничего не поняла въ заботливости матери, и на вопросъ ея: «Какъ тебѣ понравился князь?» очень спокойно отвѣчала, что она его не разглядѣла. И въ самомъ дѣлѣ, Мери провозилась съ обезьяной во все время визита князя, и какъ балованный, никогда ни чѣмъ не стѣсняемый ребенокъ, не сочла нужнымъ пріостановить свою забаву ради какой бы то ни было знаменитости.

Лизавета Ивановна съ досадою отвела Мери отъ себя рукою.

— Ты дура! сказала она, едвали не въ первый разъ въ жизни, и Мери, не привыкшая къ такому жесткому обращенію, не на шутку разревѣлась и вышла изъ комнаты, не спуская съ рукъ обезьяну.

Какъ и въ тотъ лѣтній вечеръ, какъ Любенька пропала съ телегою, такъ и въ это утро Вѣрочка ожидала съ мучительнымъ нетерпѣніемъ возвращенія сестры. Она видѣла изъ окна своей свѣтелки какъ пріѣхали мачиха, Мери и левъ, и не видя съ ними Любеньки, предавалась тоскѣ и сомнѣнію.

Вѣрочка усѣлась у окна и не спускала глазъ съ улицы. Прошелъ часъ тягостнаго ожиданія, прошелъ другой, сестры нѣтъ! У Вѣрочки начинается темнѣть въ глазахъ... Вдругъ видитъ она, мчатся лихія лошади и сани... въ саняхъ сидитъ Любенька и совершенно незнакомый Вѣрочкѣ молодой человекъ, въ щегольской шубѣ. Вотъ сани остановились у подъезда. «Это точно Любенька!» сказала Вѣрочка, недовѣря глазамъ своимъ, и хотя нѣсколько успокоилась на счетъ сестры; но женщина по природѣ своей любопытна, а тутъ дѣло шло чуть ли не о добромъ имени сестры. Вѣрочка не спускала глазъ съ лихихъ коней и саней незнакомца и рѣшилась не отходить отъ окна, пока онъ пробудетъ въ домѣ ихъ.

Вдругъ видитъ она, кучеръ передернулъ поводья, сани тронулись, молодой человекъ вышелъ на крыльцо, потомъ ловко вспрыгнулъ въ сани, но ужъ на этотъ разъ одинъ. Въ то время, какъ сани стали отъѣзжать отъ крыльца, Любенька порхнула въ ком-

нату, гдѣ сидѣла Вѣрочка, подбѣжала къ окну, и успѣла кивнуть головою замѣтившему ее въ огнѣ князю, онъ приподнял шляпу съ низкимъ, вѣжливымъ поклономъ обвѣивъ сестрамъ.

— Что ты это дѣлаешь? вскричала Вѣрочка, схвативъ Любеньку за руку, между тѣмъ, какъ сани исчезли изъ виду.

— Какъ видишь, кланяюсь своему новому знакомцу. И Любенька рассказала въ подробности все случившееся съ нею.

Любенька не забыла рассказать и о своемъ видѣннн, какъ она называла строгое и насмѣшливое лицо старушки, замѣченное ею въ бель-этажѣ того дома, у котораго она встрѣтилась съ княземъ. Оно не выходило изъ головы Любеньки и тревожило ея духъ непонятнымъ для нея смятеніемъ. Вѣрочка не придавала ему особеннаго значенія, а между тѣмъ оно имѣло большое вліяніе на судьбу ея.

То была мать князя В. Проводя сына до выхода, она остановилась у окна, чтобъ взглянуть еще разъ на любимца души своей и кивнуть ему головою въ знакъ окончательнаго прощанія. Княгиня видѣла, какъ князь заговорилъ съ дѣвушкой, и внутренній голосъ мгновенно внушилъ ей подозрѣніе. Красота Любеньки поразила княгиню. Кто эта женщина? подумала заботливая мать; одна, на улицѣ, такъ молода и такъ хороша собою? И какъ рѣшилась она заговорить съ незнакомымъ ей мужчиной? Все это выходило изъ круга понятій княгини, не выходившей изъ своего экипажа для прогулки по Невскому или Лѣтнему саду иначе, какъ въ сопровожденіи двухъ ливрейныхъ лакеевъ. Но удивленіе княгини возрасло до неизмѣримыхъ предѣловъ, когда дѣвушка, встрѣтясь съ нею взоромъ, такъ проворно вспрыгнула въ сыновній экипажъ и скрылась съ нимъ изъ глазъ княгини, ошеломленной такимъ скандальнымъ поступкомъ.

Когда князь возвратился домой, разспросамъ о дѣвушкѣ не было конца. Княгиня не находила словъ, чтобъ достаточно осудить опрометчивость мачихи и смѣлость дѣвицы, и кончила тѣмъ, что даже усомнилась въ справедливости словъ дѣвушки, будто она была оставлена среди города. Конечно, трудно было княгинѣ, воспитанной въ строгихъ правилахъ общежитія и приличій, повѣрить такому неосновательному и необдуманному поступку со стороны той, которая своимъ замужествомъ поставлена была въ обязанность замѣнить сиротамъ мать во всѣхъ случаяхъ жизни. Князь Владиміръ Дмитріевичъ, не имѣя положительныхъ данныхъ увѣрять мать въ противномъ, тѣмъ болѣе, что Лизавета Иванов-

на въ своей съ нимъ бесѣдѣ не упомянула о приключеніи ни слова, рѣшилъ разъяснить дѣло не далѣе, какъ во второе свое посѣщеніе дома Перскихъ. Ему не трудно было убѣдиться въ истинѣ словъ Любеньки. Лизавета Ивановна, повидимому, даже не видѣла ничего страннаго въ своемъ поступкѣ и не скрывала его нисколько передъ княземъ.

Князь сталъ очень часто посѣщать домъ Перскихъ. Онъ все болѣе и болѣе привязывался къ Любенькѣ и началъ поговаривать о бракѣ съ нею съ матерью. Княгиня не хотѣла о томъ и слышать. Она находила союзъ съ Перскими по всему для себя и сына невыгоднымъ и неприличнымъ. Быть можетъ, дочь Перскаго была, по мнѣнію княгини, не довольно высокаго происхожденія для сына аристократки, или слишкомъ бѣдна, но дѣло въ томъ, что не давая сыну согласія своего на бракъ съ Любенькой, княгиня всегда вспоминала съ презрительною насмѣшкою объ уличномъ приключеніи Любеньки и называла ее безжалостно «une coquette de rue».

Князь опровергалъ мнѣніе матери о любимой имъ дѣвушкѣ но съ почительностью покорнаго сына, и ждалъ отъ времени перемѣны въ чувствахъ княгини.

Между тѣмъ и Константинъ Петровичъ Перскій, какъ ни мало входилъ въ семейныя дѣла свои, занятый служебными заботами, сталъ замѣчать частыя посѣщенія князя и неравнодушіе къ нему Любеньки. Онъ счелъ долгомъ объясниться съ княземъ на счетъ его намѣреній. Князь объявилъ, что готовъ жениться на его дочери, если только его считаютъ того достойнымъ, но увѣрялъ Перскаго, какъ того требовало приличіе, что мать его, не имѣя личныхъ предубѣжденій противъ Любови Константиновны, желаетъ, чтобъ единственный сынъ ея непременно женился на богатой невѣстѣ. Князь просилъ Перскаго простить сердечному заблужденію матери, но что онъ самъ не поставяетъ своего счастья въ одномъ богатствѣ, и потому надѣется мало по малу склонить старушку на согласіе.

— Эти чувства весьма похвальны, любезный князь, сказалъ ему Перскій въ заключеніе. Я нахожу васъ достойнымъ быть мужемъ моей дочери, но двери моего дома отнынѣ отворятся предъ вами лишь тогда, когда вы явитесь съ окончательнымъ и положительнымъ позволеніемъ матушки вашей на бракъ съ моею дочерью.

Дѣло было ясно и положительно. Княгиня вскорѣ увезла

сына въ свою подмосковную, а спустя нѣкоторое время и за границу. Бракъ князя съ Любенькой не состоялся. Опрометчивость поступка Лизаветы Ивановны сгубила будущность Любеньки. Князь былъ по всему достоинъ любви и могъ составить счастье дѣвушки. Любенька была убита: первое свѣтлое чувство ея сердца было обмануто.

Лизавета Ивановна сначала было вознегодовала на нее за предпочтеніе, оказанное ей княземъ передъ ненаглядной ея Мери, но увидѣвши неблагополучный конецъ сватовства, забыла и о своихъ мечтахъ, и снова стала подсмѣиваться надъ наивностью Любеньки, находя въ томъ для себя разсѣяніе, а подъ часъ и забаву.

XVI.

Если проступокъ успѣваетъ иногда скрыться отъ закона, то рѣдко случается, чтобъ онъ остался совершенною тайной, а огласка его есть уже нѣкотораго рода наказаніе. Такъ случилось и съ поступкомъ Лизаветы Ивановны въ отношеніи ея благодѣтельницы.

Разъ случилось, что Перскій возвратился домой ранѣе обыкновеннаго. Ему подали письмо въ то время, какъ онъ сидѣлъ возлѣ полудремавшей жены своей.

— Что бы это значило? сказалъ онъ, разглядывая конвертъ, кажется, почеркъ Белтухиной; она еще ни разу не писала мнѣ сама, а всегда поручала это Кремову.

Лизавета Ивановна страшно поблѣднѣла. Она протянула было руку къ письму, чтобъ схватить его, но Перскій во время успѣлъ отвести ея руку.

— Должно быть, случилось что нибудь необычайное, сказалъ онъ и сталъ медленно распечатывать конвертъ.

Лизавета Ивановна лежала ни жива, ни мертва. Константинъ Петровичъ прочелъ письмо про себя, и кончая былъ тоже блѣденъ, какъ полотно. Лизавета Ивановна не прерывала молчанія, но складки платья ея вздымались на груди отъ біенія сердечнаго.

— Ты знаешь, какіе ужасы заключаются въ этомъ письмѣ, сказалъ Перскій глухимъ и дрожащимъ голосомъ.

— Какъ же мнѣ знать, когда я письма не читала, отвѣчала Лизавета Ивановна едва слышнымъ голосомъ.

— Ну, такъ я тебѣ его прочитаю, если ты не догадываешься въ чемъ дѣло, сказалъ Перскій, и сталъ читать слѣдующія строки:

Любезный Константинъ Петровичъ!

«Мѣра недостойныхъ поступковъ жены твоей, перешла всѣ границы. Въ послѣдній ея прїѣздъ ко мнѣ, она вынула изъ моего сундука огромную сумму денегъ. Этотъ сундукъ вынесенъ былъ на время въ смежную съ моею спальнею комнату и поставленъ подъ диванъ, на которомъ спала грабительница. На этомъ мѣстѣ, сею моего письма, я прошу тебя, любезный Константинъ Петровичъ, остановиться и, не дочитавъ конца, допросить виновницу. Совершить это похищеніе было некому, кромѣ ея».

Константинъ Петровичъ остановился и грозно посмотрѣлъ на жену. Лизвета Ивановна вздохнула свободнѣе; она мигомъ успѣла смѣкнуть, что свидѣтелей ея проступка, кромѣ Вѣрочки, никого не было, что ей можно отъ всего отпереться, а въ крайнемъ случаѣ свалить все на падчерицу. Однако она молчала, ожидая, что скажетъ ей мужъ.

— Что же ты ничего не скажешь въ свое оправданіе? спросилъ онъ насмѣшливо.

— Что тутъ говорить, сказала наконецъ Лизвета Ивановна съ неподражаемою самоувѣренностью; я даже не могу понять, о какомъ сундукѣ идетъ рѣчь.

— Такъ ты не сознаешься? спросилъ сурово Перскій.

— Да какъ же я сознаюсь въ томъ, что мнѣ и въ голову не приходило. Я только удивлялась, что такое подозрѣніе могло именно пасть на меня. Это одна изъ странностей старухи; она уже давно зла на меня.

— Ну, вотъ, твоя благодѣтельница, которой ты не прибрала другаго названія, какъ «старуха», какъ будто слушая тебя, отвѣчаетъ тебѣ письменно. И Перскій сталъ продолжать чтеніе письма:

«Я знаю напередъ, что жена твоя станетъ отпираться отъ своего постыднаго поступка, а потому прочти ей слѣдующее:

«Въ сундукѣ было найдено кольцо, которое я и всѣ домашніе мои видѣли на рукѣ недостойной, во время ея пребыванія въ моемъ домѣ. На внутренности кольца вырѣзаны слова: *Лизъ, на память нашего обрученія.*»

Перскій остановился снова. Онъ едва дышалъ отъ негодованія. Это обвиненіе такъ неожиданно и такъ внезапно обрушилось на

голову Лизаветы Ивановны, что парализовало все ее коварство и намѣреніе обвинить Вѣрочку; она сочла за лучшее хранить молчаніе. Перскій отеръ холодный потъ, выступившій у него на лбу, поднялся почти шатаясь съ кресель, и не сказавъ ни слова болѣе женѣ, вышелъ изъ комнаты, почти въ безпамятствѣ. Придя къ себѣ въ кабинетъ, онъ снова поднесъ къ глазамъ письмо старушки Белтухиной и вторично прочелъ окончаніе его.

«Любя тебя искренно, Константинъ Петровичъ и особенно мою милую Вѣрочку, я не хочу дѣлать огласки, могущей покрыть стыдомъ мать многочисленнаго семейства твоего; но съ полученіемъ этого письма, постарайся какъ можно скорѣе пріѣхать ко мнѣ. Я очень слаба, и вы можете не застать меня въ живыхъ. Я передѣлаю актъ на твое имя, сдѣлавъ тебя полнымъ владѣльцемъ половины всего моего имущества, которое я было назначила недостойной. Я не забуду въ актѣ и Вѣрочку, только потышь старуху, привези ее съ собою. Повторяю, я очень слаба; послѣдній ударъ, нанесенный мнѣ неблагоприятною, отнял у меня остальныя силы, я только и живу надеждою увидѣть тебя и Вѣрочку мою, которую мысленно цѣлую.»

Не сообщивъ о томъ женѣ, Перскій сталъ приготовляться въ дорогу. Лизавета Ивановна была очень безпокойна, она понимала, что открытіе ея продѣлки не можетъ остаться безъ наказанія. Перскій не говорилъ съ нею со дня чтенія письма и обѣдалъ въ своемъ кабинетѣ, избѣгая даже встрѣчи съ женою.

Видъ ея былъ для него тягостенъ и даже невыносимъ.

Насталъ день выѣзда. Перскій благословилъ и поцѣловалъ Любеньку. Тяжело ему было оставлять ее на попеченіе мачихи, но онъ собрался въ дорогу на легкѣ, въ двумѣстномъ экипажѣ. При томъ же везти Любеньку, безъ приглашенія Белтухиной, могло показаться нѣкоторымъ выпрашиваніемъ наслѣдства и на ея долю.

Оставшись безъ мужа, долго томилась Лизавета Ивановна неизвѣстностью, чѣмъ все это для нея кончится. Отъ похищенной суммы не оставалось уже ни рубля, все разошлось по моднымъ магазинамъ.

Перскій не писалъ ей ни слова, но Любенька получила письмо отъ сестры, въ которомъ была вложена особенная записка по меньше, съ надписью мелкими буквами одномъ изъ ея уголковъ: «тайна.» Какъ не ловко спрятала Любенька эту записку, распечатывая письмо, Лизавета Ивановна успѣла замѣтить ея движеніе. Перская придавала слишкомъ много значенія всякому извѣстію отъ падчерицы и мужа,

чтобъ не слѣдить пристально за перепискою двухъ сестеръ, и при всякомъ полученіи письма, заставляла читать его себѣ вслухъ, послѣ чего еще пробѣгала его сама, отыскивая какого нибудь намека, который могъ бы послужить ей нитью къ разузнанію того, что дѣлалось у Белтухиной по поводу таинственнаго для нея отъѣзда мужа и падчерицы. Лизавета Ивановна, замѣтивъ движеніе Любеньки скрыть вложенную записку съ таинственной надписью, не показала того Любенькѣ и позволила ей удалиться въ ея комнату послѣ прочтенія письма вслухъ, какъ то дѣлалось по обѣщанію. Еще въ первый разъ въ жизни случилось Любенькѣ быть повѣренной какой-то тайны.

Съ сильнымъ любопытствомъ взбѣжала она на антресоли и сѣла у окна задомъ къ дверямъ, приготовляясь къ чтенію завѣтной записки. Дѣвушка съ такимъ усиленнымъ вниманіемъ пробѣгала таинственныя строки, что не слыхала, какъ скрипнула дверь, и вслѣдъ за тѣмъ записка быстро была вырвана изъ рукъ ея.

Любенька оглянулась. Лизавета Ивановна помирала со смѣху. Въ смѣхѣ ея было выраженіе совершенно противоположное изліянію веселья; но Любенька, по молодости и непроницательности своей, не замѣтила этого оттѣнка, а видя веселое расположеніе мачихи, стала сама смѣяться, стараясь снова отнять у нея записку.

— Отдайте, маменька, повторяла Любенька, сначала смѣясь, а потомъ сквозь слезы: это тайна, и касается вѣроятно меня, а не васъ.

— А вотъ мы увидимъ, говорила Лизавета Ивановна, вертясь и задыхаясь отъ усиленнаго движенія, которое заняло ей духъ.

— Прошу васъ, не читайте этой записки, можетъ быть, въ ней заключается не моя и не ваша, а Вѣрочкина тайна.

— Ни у тебя, ни у Вѣрочки тайнъ отъ меня быть не должно. Только безнравственныя дочери имѣютъ тайны отъ матерей своихъ.

Любенька невольно опустила руки. Лизавета Ивановна насильно посадила Любеньку въ кресло у окна, а сама, возсѣвъ на одну изъ двѣческихъ кроватей, стала читать вслухъ слѣдующее:

«Не могу не подѣлиться съ тобою моею радостью, она душитъ меня. По нѣкоторому дѣлу, котораго ты не знаешь, бабушка хотѣла лишить наслѣдства Лизавету Ивановну, что очень бы разстроило дѣла папеньки, не имѣющаго никакого состоянія, кромѣ женинаго. Но увидѣвъ насъ, а особенно меня, бабушка расплакалась и рѣшилась только перемѣнить актъ и все отдать папень-

кв. Насъ не будутъ упрекать болѣе кускомъ хлѣба, онъ будетъ отцовскій, а не чужой. Добрая бабушка! она осыпаетъ меня ласками. Я ей часто говорю о тебѣ, она не хочетъ вѣрить, что можетъ существовать въ мѣрѣ кто нибудь лучше меня. Что она сказала-бы, взглянувъ на тебя? Цѣлую твои черненькіе глазки, поцѣлуй Любушку, когда навѣстишь ее. Бабушка такъ слаба, что съ нею дѣлаются частые обмороки, въ продолженіе которыхъ она холодѣетъ, какъ будто мертвая. Мнѣ становится тогда и жалко ее и страшно.

«Р. С. Завтра же хотятъ приступить къ совершенію нужныхъ бумагъ, и какъ только всѣ онѣ будутъ готовы, мы тотчасъ пустимся въ обратный путь.»

Окончивъ чтеніе, Лизавета Ивановна отдала записку Любенькѣ и въ видѣ утѣшенія сказала:

— Ну, видишь ли, дурочка, какая же тутъ тайна; вѣдь рано или поздно я бы ее узнала. И закусивъ съ досады губы, она медленно встала, подошла къ дверямъ и тихо спускаясь съ лѣстницы, уже стала обдумывать, какъ ей лучше взяться за дѣло, чтобъ снова овладѣть имуществомъ, которое вторично ускользнуло отъ ея рукъ.

Не прошло и недѣли послѣ полученія письма и записки. Въ рочки, какъ съ почты подано было вновь письмо, запечатанное черною печатью. Оно было адресовано на имя Лизаветы Ивановны и писано Вѣрочкой.

Любезная маменька!

«По порученію паненьки, увѣдомляю васъ о несчастіи, постигшемъ всѣхъ насъ. Къ вечеру того дня, въ который я отправила мое послѣднее письмо къ Любенькѣ, бабушкѣ сдѣлалось дурно, и не смотря на всѣ пособія докторовъ, въ два часа ночи она скончалась. Не могу писать много, за слезами ничего не вижу. Тѣло ея предано землѣ сегодня. Завтра мы выѣзжаемъ въ Петербургъ.

Ваша покорная Вѣра Тремова.»

Прочитавъ это письмо, Лизавета Ивановна созвала прислугу и объявила ей о несчастіи, при чемъ сочла за нужное поднести къ глазамъ платокъ и сдѣлать видъ, что она всхлипываетъ отъ рыданій. Мери, если не плакала, то вела себя прилично. Дуняша ревѣла и причитывала громкимъ голосомъ: «Благодѣтельница ты наша, на кого ты насъ оставила!» и прочее, въ такомъ же родѣ. Одна Любенька печалилась искренно, хотя никогда не вида-

ла покойницу, но знала, что она любила отца ея и сестру. Надо прибавить, что печаль Любеньки умножалась и отъ нѣсколькихъ строкъ, написанныхъ на особенномъ листкѣ, вложенномъ безъ утайки въ письмо Лизаветы Ивановны, и даже незапечатанномъ. Тамъ было между прочимъ, сказано: *«Забудь о томъ, чѣмъ я тебѣ польстила въ послѣднемъ моемъ письмѣ. Все распалось прахомъ, все случилось иначе. Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.»*

Лизавета Ивановна прочитавъ и эту записочку, совершенно поняла смыслъ ея, и возрадовалась ему сначала въ тайнѣ, а потомъ и въ явѣ; и хотя домъ былъ облаченъ въ черный цвѣтъ, и всѣ служители, какъ и члены семейства, ходили въ плерезахъ, долженствовавшихъ напоминать о важности свершившейся потери, но радость Лизаветы Ивановны высказывалась въ самыхъ рѣзкихъ шуткахъ.

Дѣла пошли своимъ чередомъ. Гости являлись по вечерамъ и къ обѣду, какъ будто ничего особеннаго не случилось. Впрочемъ, гости приходили, можетъ быть, и съ доброю цѣлью утѣшить скорбящихъ, но только всѣ эти обѣды такъ похожи были на пирушки.

Послѣ письма, полученнаго Любенькою, въ домѣ Перской совершалось что-то непонятное, необычайное и странное. Люди суетились, укладывали вещи, точно выбираясь изъ дома или отъ пожара. Лучшая мебель выносилась, зеркала, сервизы и разные предметы роскоши тоже. Однимъ словомъ, совершалось что-то таинственное для Любеньки. Вещи Вѣрочкины и Любенькины а равно о Константина Петровича оставались нетронутыми, тогда какъ платья Лизаветы Ивановны и Мери тщательно укладывались въ сундуки, какъ будто въ дорогу. Любенька рѣшилась спросить Лизавету Ивановну, что означала эта переборка, и получила въ отвѣтъ: «Много будешь знать, скоро состарѣешься.» Она обратилась съ тѣмъ же вопросомъ къ Мери, и та сказала ей: «Я сама не знаю.» И можно было повѣрить Мери на слово; она такъ спокойно занималась своими обезьянами и попугаями, что мать не захотѣла потревожить ее въ ея занятіяхъ, сообщивъ ей свои планы. Лизавета Ивановна, не смотря на длинныя платья Мери, все еще считала ее ребенкомъ и не удостоивала серьезными разговорами.

Любенька смотрѣла на суету въ домѣ и ждала отъ времени объясненія. Сборы продолжались трое сутокъ.

Между тѣмъ близился срокъ пріѣзда Перскаго и Вѣрочки. Лизавета Ивановна разочла о днѣ ихъ возвращенія, и утромъ того

дня, въ который долженъ былъ прїѣхать мужъ ея, проѣздившій напрасно по ея дѣламъ, она выбралась совершенно изъ дома, взявъ съ собою все, что было поцѣннѣе: мебель, картины, бронзу, зеркала, посуду и серебро, оставивъ, какъ будто въ насмѣшку, только три столовые и три чайныя ложки, для отца и двухъ дочерей его.

Вслѣдъ за Лизаветой Ивановной исчезали попугаи, обезьяны, кошки, собаки, канарейки.

По совершенномъ выѣздѣ Лизаветы Ивановны, остались въ домѣ Любенька и старый денщикъ Константина Петровича, который столько же понималъ во всемъ происходившемъ, какъ и молодая дѣвушка. Любенькѣ стало невыносимо грустно. Ей страшно было взглянуть на обнаженные стѣны опустѣвшаго внезапно дома, еще такъ недавно кипѣвшаго народомъ и жизнью.

Она подошла къ окну. Кузьма, денщикъ отца ея, запиралъ ворота, послѣ выѣзжавшаго со двора послѣдняго воза, нагруженнаго разною рухлядью и поваренною посудой.

Она постучала ему въ окно и чрезъ стекло сдѣлала знакъ придти къ ней. Спустя нѣсколько минутъ, Кузьма, заступившій мѣсто дворника, явился передъ Любенькой, сдѣлавшеюся также невзначай, единственною его повелительницею.

— Не знаешь ли ты, Кузьма, что значить все это? спросила его Любенька.

— А какъ мнѣ знать объ этомъ, барышня; я и самъ въ толкъ не возьму, что все это значить. Я было спросилъ дворецкаго, не прикажутъ ли и мнѣ слѣдовать за кладью и пожитками, но онъ мнѣ велѣлъ остаться домъ караулить; вотъ я-то ворота и приперъ; да чего тутъ караулить, прибавилъ Кузьма, оглядывая опустѣвшія комнаты, развѣ голыя стѣны, такъ ихъ и безъ того никто не украдетъ. Кони съ конюшни сведены, экипажи всякіе свезены, людскіе пожитки всѣ на чисто забраны.

— Да зачѣмъ же ты позволилъ все забрать?.. спросила нерѣшительно Любенька.

— Да я было и заговорилъ: что-де вы все забираете, вѣдь что нибудь тутъ и Константина Петровича добра есть? А люди-то мнѣ въ отвѣтъ: мы не Константина Петровича люди, а барынины, она намъ изволила приказать все забрать: все дескать мое, у мужа ничего нѣтъ!..

Любенька закрыла глаза руками. Она вспомнила мечтательныя

слова въ письмѣ Вѣрочки: «Мы не будемъ болѣе ѣсть чужой хлѣбъ», и зарыдала.

— Ступайте, барышня, въ свою свѣтелку, да не плачьте такъ горько. Богъ милостивъ, все устроить къ лучшему.

Любенька поднялась въ свою комнату и облокотилась на окно; слезы струились по замѣтно исхудалому ея личику. Она слышала, какъ Кузьма затворялъ двери одну за другою, и стукъ ихъ разносился по опустѣлымъ заламъ. Глядя безсознательно вдоль по улицѣ, вдругъ показалось Любенькѣ, что тройка мчится по направлению къ дому. Она судорожно встрепенулась. Знакомый возокъ приближался все болѣе и болѣе. Любенька протираетъ глаза, чтобъ лучше разглядѣть. Нѣтъ! то не мечта! отецъ ея и Вѣрочка подѣхали къ дому и остановились у крыльца. У Любеньки подкосились ноги отъ разныхъ волновавшихъ ее ощущеній.

Тутъ были и радость свиданія съ милыми сердцу, и страхъ за горе, какое причинить отцу ея неожиданная переменна въ домѣ. Любенька видѣла въ окно, какъ Кузьма подошелъ къ возку, и не трагаясь съ мѣста, съ намѣреніемъ, предоставила денщику сообщить первому поразительную новость.

— Все ли въ домѣ благополучно? спросила Вѣрочка. Кузьма засмѣялся и не отвѣчалъ. Перскій замѣтилъ его замѣшательство.

— Что же ты не отвѣчаешь, проговорилъ онъ, всходя на лѣстницу.

— А вотъ сами увидѣть изволите, сказалъ Кузьма, распахнувъ обѣ половинки дверей въ совершенно пустую залу. Перскій, Вѣрочка и Ариша остановились на порогѣ въ совершенномъ изумленіи.

— Что это значить? спросилъ Перскій, и не ожидая отвѣта, быстро пошелъ по амфиладѣ комнатъ, отворяя дверь за дверью и быстро оглядывая опустошенныя стѣны. Вѣрочка слѣдовала за отцемъ, предчувствуя что-то недоброе. Когда они дошли до одной изъ послѣднихъ комнатъ, противоположная дверь быстро растворилась, и Любенька съ крикомъ бросилась цѣловать руки отца и сестру.

— Объясни хоть ты, другъ мой, Любенька, что значить это опустошеніе? спросилъ отецъ, послѣ первыхъ привѣтствій.

Отецъ съ дочерьми отправился въ свой кабинетъ, который одинъ остался не тронутымъ. Любенька рассказала все, что видѣла и знала.

Перскій понялъ, что смерть Белтухиной развязала руки, небла

годарной женѣ его. Она уже не боялась переменъ въ завѣщаніи, и при первой возможности сбросила съ себя обязанности жены и матери чужихъ, ненавистныхъ ей дѣтей, не заботясь болѣе ни о горести мужа, къ несчастію все еще ее любившаго, ни о стѣсненномъ положеніи всѣхъ ему близкихъ.

Долго отыскивалъ Перскій новую квартиру жены, нѣсколько разъ пытался свидѣться съ нею, но всегда получалъ отвѣты: «уѣхали-съ, дома нѣтъ, никого не велѣно принимать, не смѣемъ доложить.» Посланные съ письмами отъ Перскаго къ женѣ, не были счастливые его: письма возвращались не тронутыя. Въ нихъ Перскій увѣщавалъ жену образумиться, напоминалъ ей, что въ продолженіе десятилѣтней жизни вмѣстѣ, онъ ни разу не огорчалъ ее съ намѣреніемъ, бывъ постоянно заботливымъ и нѣжнымъ мужемъ; но письма не доходили, а если бъ и дошли—не тронули бы черстваго сердца Лизаветы Ивановны.

Едва могъ опомниться Перскій отъ случившейся съ нимъ перемены въ домашнемъ быту, какъ получилъ по дѣламъ службы порученіе ѣхать на югъ Россіи. Вѣрочка, хотя еще весьма молоденькая женщина, но уже окрѣпшая въ печаляхъ и превратностяхъ житейскихъ, утѣшала отца, какъ могла. Она представляла ему съ живостью картину новой жизни, какъ окруженный почтительностью и любовью дѣтей и освободясь отъ угнетавшаго его ярма прихотей капризной жены, онъ станетъ снова мужчиной и отцемъ, въ полномъ значеніи этихъ двухъ обязанностей.

Бѣдный Перскій медленно сдавался на доводы и убѣжденія Вѣрочки, но необходимость покориться силѣ обстоятельствъ сдѣлала болѣе всѣхъ разсужденій.

Сборы въ новый предстоявшій путь были не долги. Перскій простился съ дочерью въ пансіонѣ, и вмѣстѣ съ Вѣрочкой и Любенькой оставилъ Петербургъ. Онъ не могъ вдругъ опомниться и придти въ себя отъ переменъ, случившихся такъ неожиданно въ его жизни. Изъ женатаго человѣка, не потерявъ жены, онъ сдѣлался почти вдовцомъ, и покидалъ Петербургъ на безвѣстное время, быть можетъ, на всегда, тогда какъ прежде не отлучался изъ него долѣе, какъ на три, четыре мѣсяца. Вѣрочка рассчитывала, что время излечитъ больную душу отца, и давала себѣ слово нѣжить и лелѣять его съ самою горячею привязанностью и замѣнить сестрамъ своимъ, по мѣрѣ силъ и возможности, если не мать, которую никто не замѣняетъ, то друга, какою бы должна была имъ быть мачиха, еслибъ она дорожила мужемъ.

XVIII.

Пріѣздъ Перскаго на мѣсто его назначенія, составилъ чуть ли не эпоху въ томъ уголкѣ южной Россіи, куда онъ прибылъ. Новое общество приняло его и дочерей болѣе, чѣмъ радушно. Красота и образованность Вѣрочки и Любеньки обратили на себя общее вниманіе. Къ Любенькѣ стали присватываться женихи, но она оставалась равнодушною и не спѣшила выборомъ. Ни отецъ, ни Вѣрочка не понимали настоящей причины такого равнодушія. Любенька, въ домѣ мачихи, заразилась пристрастіемъ къ роскоши, и образъ жизни отца, послѣ разрыва съ Лизаветой Ивановной, поражалъ ее неприятнымъ сравненіемъ. Любенька страдала отъ такой перемѣны и внутренно дала себѣ слово не выходить иначе замужъ, какъ за богача. Но богачи, въ пространномъ значеніи этого слова, очень рѣдки въ провинціи. Деньгамъ нуженъ просторъ, какъ и всякой силѣ, будь она матеріальная или духовная. На ловца и звѣрь бѣжитъ, говоритъ русская пословица. Случай помогъ Любенькѣ въ ея поискахъ. Не подумайте, чтобъ моя красавица не имѣла сердца... напротивъ, она искала приложить къ дѣлу вдругъ два чувства: любовь и благодарность. Она говорила сама себѣ: Я не уживусь съ бѣдностью, она меня тяготитъ и мучитъ. Рыцаремъ моимъ будетъ тотъ, кто исхититъ меня изъ такого мучительнаго состоянія, я полюблю его горячо, чувствами любви и благодарности!..

Мы уже говорили, что до выхода Любаши изъ пансіона оставалось два года. Два года.. два мига на часахъ жизни! Они промчались.

Опять тяжелый экипажъ катится по бѣлорусскому тракту, но ужъ по направленію съ юга на сѣверъ. Перскій, взявъ отпускъ, ѣдетъ съ двумя старшими дочерьми, взявъ Любашу изъ ученья, а между тѣмъ и собственныя дѣла его требуютъ присутствія въ Петербургѣ. Къ нему высылали безпрестанные счета изъ магазиновъ и отъ бриліанщиковъ. Лизавета Ивановна, не смотря на свое огромное состояніе, постоянно отказывается платить по этимъ счетамъ, по которымъ, живши съ Перскимъ, она забирала на его имя. Дѣлать было нечего, надо было такъ или иначе Перскому поправлять слѣды своего пристрастія и довѣрія къ недостойной женѣ.

Перскій рѣшился продать послѣднее и единственное свое имущество, родовое наслѣдіе своей матери, лишь бы удовлетво

рить кредиторовъ. Но объ дѣлахъ Константина Петровича мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, въ Петербургѣ, а теперь наши путешественники еще въ дорогѣ. Вотъ они подъѣзжаютъ къ той же самой станціи, гдѣ ночевали два года тому назадъ. Изъ экипажа вытѣзаетъ Перскій. Онъ значительно постарѣлъ и посѣдѣлъ въ промелькнувшіе два года. За нимъ выходитъ Вѣра, уже 22 лѣтняя, задумчивая, съ спокойными движеніями, дама; не смотря на ея задумчивое личико, юность все еще играетъ въ ея взорѣ и на щекахъ. За Вѣрочкой буквально выпархиваетъ Любенька, стройная, высокая красавица; на лицѣ ея нѣтъ и слѣда той блѣдности и горести, какими омрачалось ея миленькое личико два года тому назадъ.

Въ станціонномъ домѣ все также, и все на томъ же мѣстѣ, какъ и было. Двѣ сестры снова расположились на диванахъ. Опять сверчокъ, можетъ быть и тотъ же самый, затянулъ свою монотонную пѣсню. Но сердца сестеръ были въ лучшемъ расположеніи духа. Онѣ объ смѣялись отъ души и долго за полночь болтали. На разсвѣтѣ другаго дня, путешественники отправились далѣе. Имъ приходилось спускаться съ горы. Былъ ясный морозный день. Послѣ сильной оттепели дорога сдѣлалась гладка, какъ зеркало. Путешественники вѣхали на колесахъ. Спускъ былъ крутъ и опасенъ. Перскій расположился дремать сладкимъ утреннимъ сномъ, забывъ объ опасности. Вѣрочка выглянула изъ экипажа и замѣтила отцу объ опасности спускаться по такой гололедицѣ.

— Заложить тормазъ! скомандовалъ Перскій, не раскрывая глазъ.

— Но тормазъ не поможетъ, примолвила осторожная Вѣрочка, гора идетъ косогоромъ, и колеса покатаются по ней, какъ полозья.

— Ну, пусть катятся, сказалъ Перскій флегматически.

— Стой! закричала испуганная Вѣрочка. Выпусти насъ! у дороги канавы прорыты по обѣимъ сторонамъ, и если лошади не сдержатъ, экипажъ опрокинется непременно. Что же, папа, вы не выходите изъ экипажа?

— Я не выйду, сказалъ Перскій рѣшительно и плотнѣе запахнулъ полы шубы. Ему было тепло, покойно и дремалось такъ сладко.

— А въ такомъ случаѣ, если погибать, такъ погибать вмѣстѣ, сказала Вѣрочка, огорченная упрямствомъ отца, и снова сѣла въ экипажъ. Дверцы захлопнулись за нею, экипажъ тронулся. Денщикъ натянулъ возжи, какъ струны инструмента. Вдругъ на са

момъ поворотъ одна изъ возжей коренной лошади не выдержала, лопнула. Лошади шарахнулись въ сторону, справленные уцѣлвшею возжею коренной, которая одна не могла уже сдержатъ всей тяжести экипажа, и побѣжали быстро подъ гору. Круто повернутый экипажъ упалъ на бокъ. Крикъ и стонъ раздались въ одно мгновеніе. Лошади протащили опрокинутый экипажъ нѣсколько мгновеній и наконецъ остановились. Вскрикнула Вѣрочка, получившая ударъ въ бровь отъ рамы опущеннаго стекла, въ которую она выглянула въ минуту паденія. Застоналъ несчастный Кузьма, поцавшій ногами подъ экипажъ. Два ямщика и выкарабкавшійся изъ экипажа Перскій съ трудомъ высвободили Кузьму изъ-подъ экипажа. Онъ жаловался на сильную боль въ ногъ и не могъ сдѣлать малѣйшаго движенія. Константинъ Петровичъ, удостовѣрившись, что Кузьма по крайней мѣрѣ живъ, бросился къ дочерямъ. Онъ помогъ вылѣзть Любенькѣ, которая тоже спаслась отъ ушиба, попавъ между подушками. Вѣрочка же не отвѣчала на зовъ, и Перскій внѣ себя отъ испугу сталъ вытаскивать сначала попадавшія ему въ руки подушки, а наконецъ и дочь, ошеломленную ударомъ. Оказалось, что глазъ Вѣрочки мгновенно вспухъ отъ ушиба и требовалъ немедленнаго пособія. Гдѣ его было взять посреди почтовой дороги? Что было дѣлать? Рѣшено было вернуться на станцію, Кузьму уложить въ поднятый экипажъ, а путешественникамъ идти до станціи пѣшкомъ. Вѣрочкѣ завязала глазъ, и шествіе тронулось. Бѣдный Кузьма стоналъ и кричалъ. Вѣрочка едва сдерживалась оттого-же не желая пугать и огорчать-отца. Перскій негодовалъ на себя вслухъ, что не послушался благоразумнаго совѣта дочери, и вмѣсто ея, не сталъ самъ жертвою своего упрямства. Вѣрочка сквозь слезы утѣшала его и увѣряла, что ушибъ ея не важенъ, что она готова вдвое перенести, лишь бы милый папочка былъ цѣлъ и невредимъ. Любенька тщетно старалась исправить свое платье, изорванное во время паденія на обоихъ локтяхъ, которые выглядывали, розовые отъ холоду, какъ будто любопытствуя узнать, что случилось такого необычайнаго, что ихъ выставили на холодъ.

Такимъ образомъ вернулись наши путешественники въ станціонный домъ. Перскій тотчасъ же послалъ почтовую тройку въ ближайшій городъ и узнавъ, что тамъ живетъ богатый помѣщикъ, старый его сослуживецъ, приказалъ посланному обратиться прямо къ нему съ просьбою о скорѣйшей высылкѣ знающаго и искуснаго медика. Тройка помчалась, какъ вихрь. Къ счастью городъ

отстоялъ всего на 18-ть верстъ отъ станціи. Спусти три, четыре часа послѣ несчастнаго приключенія, самъ пріятель Перскаго, въ сопровожденіи доктора, прискакалъ на станцію, въ легкомъ кабриолетѣ, на лихихъ рыжихъ рысакахъ, и бросился обнимать Перскаго. Онъ былъ ровестникъ Перскому, то есть ему было около шестидесяти лѣтъ, довольно статенъ и высокъ ростомъ. Голова его была бѣлая, какъ серебро; усы и брови черны, какъ смоль. Цвѣтъ лица темно-оливковый. Однимъ словомъ, его можно было назвать красавцемъ, хоть и красавцемъ шестидесятилѣтнимъ.

Онъ ловко раскланялся съ лежавшей на диванѣ Вѣрочкой и обернулся къ Любенькѣ съ тѣмъ же намѣреніемъ. Но увидѣвъ Любеньку, онъ забылъ ей поклониться. Красота ея совершенно сразила стараго воина. Любенька стояла передъ нимъ въ полномъ смущеніи отъ двухъ разорванныхъ рукавовъ своихъ, и пряча голые локти за спину. Не смотря на дорожное шерстяное платье, безъ всякихъ украшеній, кромѣ сдѣланныхъ паденіемъ экипажа, стройная, высокая дѣвушка была такъ хороша, что могла удовлетворить самому взыскательному вкусу.

— Вотъ обѣ мои дочери, сказалъ Константинъ Петровичъ: это Вѣра, замужняя, а это Любовь, дѣвица. Рекомендую тебѣ и ту, и другую, и прошу, Ипполитъ Алексѣевичъ всѣхъ насъ любить и жаловать.

Но Ипполитъ Алексѣевичъ не слышалъ уже ничего, и потому не отвѣчалъ ничего, все продолжая разглядывать плѣнительную дѣвушку, стоявшую въ смущеніи передъ нимъ, и отвѣсившую, при рекомендаціи отца, самый низкій поклонъ новому знакомцу.

Между тѣмъ нѣмецъ докторъ, привезенный Ипполитомъ Алексѣевичемъ, осмотрѣлъ глазъ Вѣрочки и ручался за невредимость его, только предсказывалъ сильное воспаленіе, могущее продлиться нѣкоторое время. Денщику была сдѣлана перевязка на сломанной ногѣ и оставалось только рѣшить: ѣхать ли путешественникамъ въ городъ, или проживать на станціи до выздоровленія больныхъ.

Положеніе было точно затруднительное. Какъ рѣшиться положить человѣка на простую телѣгу, послѣ сдѣланной ему перевязки? И опять какъ оставить его безъ надзора медика въ 18-ти верстахъ отъ города? Ипполитъ Алексѣевичъ Крендельстремъ, устроивъ все дѣло, прежде всего предложилъ въ полное распоряженіе Перскаго и его семейства свой домъ въ городѣ.

— Я холостъ, сказалъ онъ, и занимаю одинъ обширное по-

мѣщеніе; принимаешь ли ты предложеніе стараго сослуживца, котораго не видалъ около пятнадцати лѣтъ? Да или нѣтъ?

— Я бы радъ, да не знаю ловко ли оно будетъ, отвѣчалъ Перскій, выходя изъ комнаты, гдѣ были его дочери: именно потому что ты холостъ, а у меня дочь дѣвица...

— И, вздоръ какой! при такомъ приключеніи можно ли разбирать тонкости приличія... Да взгляни мнѣ на голову: что братъ? мы съ тобою поизмялись порядкомъ въ эти пятнадцать лѣтъ. Полно же, Константинъ Петровичъ, что тутъ раздумывать? Домъ у меня къ тому же двухэтажный, вы помѣститесь, пожалуйста, въ отдѣльномъ этажѣ.

— Ну, пожалуй, я согласенъ. Но теперь надо подумать какъ намъ добраться до города.

— А вотъ какъ, сказалъ Крендельстремъ: кабриолетъ мой отдадимъ дамамъ; пусть Вѣра Константиновна хорошенько окутаетъ голову, а мои рысаки съ небольшимъ въ часъ лихо ихъ доставятъ ко мнѣ. Францъ Ивановичъ, какъ медикъ, помѣстится съ больнымъ и горничной въ твоемъ экипажѣ, который будетъ для него покойнѣе тряской телѣги, а мы съ тобою, вспомнивъ старину, сядемъ на почтовую телѣгу, и маршъ!.. Что, вѣдь катывали въ былые годы и не по 18-ти верстѣ въ почтовой кибиткѣ?

— Согласенъ, сказалъ Перскій, хотя признаюсь, пооблѣнился, горе поосадило отъ прежней прыти. Я не тотъ уже лихой Перскій, какимъ ты знавалъ меня въ памятный двѣнадцатый годъ! Ну, да дѣлать нечего, пусть будетъ по-твоему!

Все было сдѣлано по сказанному. Перскому и дочерямъ его отведены были великолѣпные покои. Три недѣли прожили наши путешественники въ домѣ Иполита Алексѣевича, пока глазъ Вѣрочки не освободился отъ опухоли и воспаления. Положено было не ждать совершеннаго выздоровленія Кузмы, а оставить его до возвращенія Перскихъ изъ столицы, потому что отпуска, даннаго Константину Петровичу, едва достало бы на приведеніе къ окончанію его дѣлъ. Въ эти три недѣли, проведенныя въ обществѣ Иполита Алексѣевича, случилось то, чего и можно было ожидать отъ первой встрѣчи его съ Любенькой. Онъ полюбилъ дѣвушку безъ ума, какъ любятъ обыкновенно въ поздніе годы жизни, сдѣлавъ ей предложеніе, не говоря ни слова отцу и старшей сестрѣ, и получилъ ея согласіе. Онъ соединилъ въ своей особѣ всѣ условія супружества, о которомъ мечтала Любенька. Онъ былъ чрезвычайно богатъ, и его уважала вся губернія.

Наканунъ выѣзда Перскихъ въ дальнѣйшій путь, вечеромъ Любенька разливала чай, болтала и вертѣлась, какъ рѣзвый ребенокъ. Не разъ Ипполитъ Алексѣевичъ, смѣясь ея шуткамъ, пускался догонять рѣзвущку кругомъ стола, съ опасностью опрокинуть самоваръ. Но Любушка быстро увертывалась и наконецъ убѣжала вонъ изъ комнаты. Не видя ея возвращенія, Крендельстремъ рѣшился наконецъ сообщить и отцу Любеньки о своемъ намѣреніи, и просить его согласія на сдѣланное уже ей предложеніе.

При первомъ словѣ Ипполита Алексѣевича объ этомъ, Перскій перебилъ его не совсѣмъ вѣжливимъ, но дружескимъ замѣчаніемъ:

— Помилуй братецъ, Ипполитъ Алексѣевичъ, да ты Любенькѣ если не въ дѣды, то ужъ конечно въ отцы годишься.

— Ну, ужъ объ этомъ судить предоставь ей самой, отвѣчалъ Ипполитъ Алексѣевичъ, слегка поморщившись. Я прошу твоего согласія на бракъ мой съ твоею дочерью, а что касается до согласія Любови Константиновны, то я его уже получилъ.

— Получилъ уже! воскликнулъ радостно Перскій, ну, такъ съ Богомъ. Съ своей стороны я очень радъ.

И точно, Перскій былъ радъ, потому что тайные помыслы Перскаго всегда были выдать дочерей своихъ не иначе, какъ за людей богатыхъ и со связями. Эти тайные помыслы объясняютъ нѣкоторымъ образомъ поведеніе Перскаго при выдачѣ замужъ Вѣтрочки за Тремова, тоже человѣка по этой части значительнаго.

Перскій въ настоящемъ случаѣ не хотѣлъ оглянуться назадъ и сообразить къ чему довело дочь его богатство Тремова, какъ не хотѣлъ и теперь сообразить, что Ипполитъ Алексѣевичъ, хотя и сослуживецъ его, но былъ ему очень мало знакомъ со стороны его душевныхъ качествъ. Онъ былъ молодецъ по виду, но былъ за то старше невѣсты ровно сорока годами. Обрученіе совершилось, и на другой же день Перскій выѣхалъ изъ дому жениха; рѣшено было, окончивъ дѣла въ Петербургѣ съ Лизаветой Ивановной, сдѣлавъ приданое Любенькѣ и взявъ Любушу изъ пансіона, сыграть свадьбу на возвратномъ пути Перскихъ. Любенька обѣщала влюбленному жениху писать всякую почту и женихъ и невѣста временно разстались до скорого неразрывнаго соединенія.

XIX.

Перскіе пріѣхали въ Петербургъ. Мы уже говорили, что изъ

столицы не разъ были высылаемы къ Перскому разные счета изъ магазиновъ и отъ бриліантчиковъ, съ требованіями по нимъ уплаты. По сведеннымъ счетамъ оказалось, что всего достоянія Перскаго не хватитъ на удовлетвореніе и половины долговъ Лизаветы Ивановны. Перскій былъ этимъ чрезмѣрно огорченъ и не зналъ, какъ ему съ честію выпутаться изъ бѣды. Онъ нѣсколько разъ пытался увидѣться съ женою, хотѣлъ лично убѣдить ее въ несправедливости ея несогласія платить по счетамъ магазиновъ, когда почти всѣ предметы были взяты собственно для нея самой, и были вывезены ею изъ дому. Перскому казалось тѣмъ легче убѣдить жену, что она была ему одному обязана всѣмъ своимъ состояніемъ, которое безъ его посредничества перешло бы въ руки сестры ея. Перскій думалъ въ личной бесѣдѣ найти дорогу къ благороднымъ чувствованіямъ жены своей, но Лизавета Ивановна упорно отклонялась отъ свиданія съ мужемъ и даже не отвѣчала ни на одно изъ его писемъ. Положеніе Перскаго было очень затруднительно, но Провидѣніе не даетъ злу торжествовать, и непредвидѣнный, совершенно не ожидаемый случай далъ Константину Петровичу способъ хоть нѣсколько удержаться на скользкомъ пути, на который вывела его злонравная жена. Онъ узналъ стороною, что кромѣ счетовъ по магазинамъ, Лизавета Ивановна, въ ожиданіи окончанія своего дѣла, надѣлала множество другихъ долговъ на свое собственное имя, и что плата по этимъ документамъ не производится ею, не смотря на огромное наследство, доставшееся ей послѣ Белтухиной. Заимодавецъ Лизаветы Ивановны, стѣсненный въ денежныхъ оборотахъ, готовъ былъ отдать ея заемныя письма за полцѣны, лишь бы получить наличныя деньги. Перскій, который уже продалъ свое имущество, явился къ нему съ предложеніемъ скупить акты жены. Заимодавецъ съ радостью уступилъ ихъ Константину Петровичу за половинную сумму.

Такимъ образомъ Перскій могъ сдѣлать переводъ на счета магазиновъ, но для того нужна была подпись Лизаветы Ивановны, что она беретъ на себя по нимъ уплату, за что Перскій передалъ бы ей заемныя письма. Лизавета Ивановна не несла никакого убытка въ этой сдѣлкѣ, и казалось, можно было склонить ее на то хоть изъ благодарности за все, чѣмъ она была обязана мужу и върочѣ.

Получая безпрестанные отказы въ свиданіи, Перскій попробовалъ послать Вѣру парламентаромъ по обоюднымъ ихъ дѣламъ.

Эта мѣра оказалась успѣшною. Узнала ли Лизавета Пвановна о томъ, что документы ея были скуплены мужемъ, или просто по капризу, но она рѣшилась принять падчерицу. Лизавета Ивановна выслушала ее терпѣливо, и казалось, не видѣла никакихъ препятствій въ предлагаемой мужемъ сдѣлкѣ; по крайней мѣрѣ, она не возражала и не спорила. Но не смотря на то, Вѣрочка вынесла изъ своего перваго посѣщенія мачихи то убѣжденіе, что за мнимымъ согласіемъ, Лизавета Ивановна таила какое-то намѣреніе, потому что она уклонилась отъ подписанія привезенныхъ Вѣрочкою бумагъ, приглашая ее очень ласково и убѣдительно пріѣхать для этого въ другой разъ.

Нечего было дѣлать, Вѣрочка общала, но и во второй, и въ третій и въ десятый разъ напрасно посѣщала мачиху. То голова болѣла у Лизаветы Ивановны, то рука ломила, то гости мѣшали заняться дѣлами, а время шло, и дѣла оставались не рѣшенными. Между тѣмъ въ пріемахъ Лизаветы Ивановны было много ласки, обниманій и наружнаго дружелюбія. Все это сбивало съ толку, хотя неопытную, но прозорливую Вѣрочку. Горести и угнетеніе научили ее быть осторожною и внимательною ко всему, что происходило кругомъ ея. Мало по малу, Вѣрочка стала замѣчать, что инныя вещи въ домѣ Лизаветы Ивановны вдругъ исчезали изъ виду, и что не рѣдко, не смотря на множество гостей, хозяйка предъ самымъ обѣдомъ скрывалась на нѣкоторое время и возвращалась къ гостямъ замѣтно разстроенною. Вѣрочка понимала, что въ домѣ свершается что-то необыкновенное, хотя для нея непонятное. Она потеряла уже счетъ, въ какой разъ мачиха пригласила ее пріѣхать, давъ торжественное обѣщаніе, что послѣ обѣда непременно пересмотритъ всѣ счета и заемныя письма и подпишетъ окончательно всѣ бумаги. Вѣрочка, хотя и плохо вѣрила столько разъ данному и до сихъ поръ невыполненному обѣщанію, но явилась по приглашенію. Гости было у Лизаветы Ивановны болѣе двадцати челоувѣкъ, между которыми мелькали лица важныя, съ эполетами и безъ оныхъ. Бьетъ пять часовъ... обѣдать не даютъ. Бьетъ шесть, наконецъ семь... обѣдѣ нѣтъ и помину. Хозяйка болѣе часу скрылась и не показывается въ гостиную. Вѣрочка, подстрекаемая любопытствомъ и движимая необычайностью случая, рѣшается сама пойти во внутренніе покои. Входя въ самую отдаленную комнату, Вѣрочка увидѣла не совсѣмъ обыкновенную сцену: Лизавета Ивановна сидитъ у стола облокотившись на него обѣими руками и плачетъ на взрыдъ. Воз

лѣ нея, у стола стоять съ длинными, отчаянными лицами дворецкѣй и Дуняша, совѣтница во всѣхъ дѣлахъ ея. Мери стоитъ у окна, глядитъ безсознательно на улицу и барабанить по стеклу.

— Что случилось, о чемъ вы это плачете? спрашиваетъ Вѣрочка.

Лизавета Ивановна взглядываетъ на обернувшуюся къ ней Мери, и вмѣсто отвѣта Вѣрочкѣ, говоритъ своей любимицѣ:

— Нечего дѣлать, придется во всемъ признаться передъ Вѣрочкой.

— Дѣлайте, какъ хотите и какъ знаете... уже восьмой часъ! сказала Мери съ видимой озабоченностью.

— Вѣрочка, сказала Лизавета Ивановна отрывистымъ голосомъ, мы не можемъ сѣсть за столъ, у меня нѣтъ ни водки, ни вина; въ долгъ не даютъ; денегъ въ домѣ нѣтъ ни гроша; заложить уже болѣе нечего!

— Возможно ли! почти вскрикнула изумленная Вѣрочка и поспѣшно вынула изъ кошелька ассигнацію, которую дворецкѣй захватилъ изъ рукъ ея, не дослушавъ конца бесѣды, и бросился изъ комнаты; Дуняша исчезла за дворецкимъ; Мери бросилась стремглавъ въ гостиную, къ давно покинутымъ гостямъ, а Лизавета Ивановна, оставшись наединѣ съ надчерицею, отерла съ поспѣшностью слезы на глазахъ, и сказала, не вставая изъ-за стола:

— Послѣ обѣда я все тебѣ расскажу, а теперь надо и мнѣ наконецъ выйти къ гостямъ, и съ этими словами Лизавета Ивановна величественною походкою вошла въ пріемную, извиняясь и жалуясь на мѣшкатность своего повара, котораго она, не смотря на его искусство, должна будетъ смѣнить другимъ.

Черезъ четверть часа послѣ прихода Лизаветы Ивановны, кушать было подано, и гости и хозяева сѣли за столъ. Обѣдъ былъ изящный, и долженъ былъ стоить не малыхъ издержекъ. Вѣрочка не могла придти въ себя отъ изумления. Богатая, по ея мнѣнію, Лизавета Ивановна, подъ часъ нуждалась въ нѣсколькихъ рубляхъ на покушку вина для стола.

Обѣдъ кончился; послѣ душистаго кофе гости рассажены за карточные столы. Лизавета Ивановна пригласила Вѣрочку последовать за нею въ спальню. Она вздохнула и сказала полупечальнымъ, полушутливымъ тономъ:

— Многое перемѣнилось, какъ видишь, милая Вѣра Константиновна, у меня не хватаетъ денегъ на вино, какъ и на многое другое.

— Но какъ это могло случиться?.. спросила Вѣра въ недоумѣніи.

— А такимъ образомъ, что Кремовъ, успѣвъ таки оттянуть у меня все наслѣдіе Белтухиной, и я снова осталась на прежнемъ основаніи и получаю отъ него ничтожную сумму на прожитокъ.

— Но по какому же праву онъ сдѣлалъ это?

— А по такому, что отыскалъ какой-то актъ въ бумагахъ покойницы, въ которомъ сказано, что если я оставлю мужа, то все мое имѣніе снова переходитъ къ Кремову, а ему выдавать мнѣ ежегодно такую сумму, которая мнѣ не хватитъ и на два мѣсяца, а не только на цѣлый годъ жизни.

— Такъ зачѣмъ же вы сзываете такое множество гостей; примѣ ихъ вамъ долженъ обходиться не дешево, возразила Вѣрочка.

— Съ давнихъ поръ у меня были назначены среды для обѣдовъ и воскресенья для вечеровъ. Нельзя же отказаться отъ приемовъ, и тѣмъ сознаться предъ знакомыми въ дурномъ положеніи своихъ дѣлъ. Всѣ, или почти всѣ сегодняшніе мои гости пришли ко мнѣ безъ особеннаго приглашенія, а по старой памяти.

Вѣрочка не сочла за нужное возражать и доказывать, что рано или поздно надо будетъ отмѣнить эти приемы. Вѣрочка не имѣла и права входить въ распоряженія Лизаветы Ивановны въ образъ ея жизни, но съ дальновидностью, ей свойственною, тотчасъ разочла, что пожертвовавъ нѣкоторую сумму, можетъ наконецъ привести къ окончанію дѣла, порученное ей отцемъ, и не медля къ тому приступила.

— Вы обѣщали непременно сегодня подписать мои бумаги, сказала она помолчавъ не много послѣ откровеній, сдѣланныхъ ей мачихою: уже болѣе десяти разъ я къ вамъ пріѣзжаю по вашему приглашенію, и все напрасно. Угодно ли вамъ будетъ кончить дѣло сегодня?

— Нѣтъ, милая Вѣра, ты сама видишь, какъ я сегодня разстроена, гдѣ мнѣ собрать свои мысли и заняться какимъ бы то ви было дѣломъ; пріѣзжай для этого въ другой разъ.

— Но отцу моему ждаты долѣе не возможно. Мы кончили всѣ дѣла въ Петербургѣ, срокъ его отпуска приближается, и мы должны выѣхать отсюда въ непродолжительномъ времени. Позвольте вамъ сдѣлать послѣднее условіе. Мы остаемся еще дней десять въ Петербургѣ, когда вы вздумаете подписать бумаги, то дайте мнѣ знать, я пріѣду съ ними и съ тысячею рублями наличныхъ де-

негъ, которыя я вамъ вручу въ обмѣнъ за вашу подпись; до той поры вы не увидите меня болѣе, прощайте. И Вѣрочка поднялась съ кресель съ намѣреніемъ распоститься съ мачихой.

— А что будетъ въ такомъ случаѣ, если я не захочу подписать бумаги ни въ продолженіе десяти дней, ни въ десять лѣтъ?

— Я не стану грозить вамъ процессомъ со стороны моего отца, онъ къ нему не приступитъ изъ памяти къ прошлой любви своей. Онъ не захочетъ снова сдѣлаться предметомъ разговора для праздныхъ людей, занявъ ихъ уже не мало два года тому назадъ, по вашей милости, но ручаюсь вамъ, что отецъ мой передастъ всѣ ваши документы Кремову, который конечно не откажется выплачивать по нимъ ваши долги по магазинамъ изъ той суммы, которую высылаетъ вамъ ежегодно. Имѣетъ ли онъ на то право или нѣтъ, о томъ вы можете сами разсудить, а отецъ мой уже сносился съ нимъ и онъ изъявилъ готовность. Кремовъ такъ любитъ васъ, и такъ блюдетъ о вашихъ дѣлахъ! прибавила Вѣрочка, не удерживаясь отъ ироніи, какая звучала въ послѣдней ея фразѣ.

— Ну, хорошо, я подумаю... и можетъ быть соглашусь на твоѣ предложеніе, если мнѣ придетъ фантазія, сказала Лизавета Ивановна небрежно, между тѣмъ, какъ угроза Вѣрочки отозвалась очень непріятно въ душѣ ея.

Мачиха и падчерица распостились. Вѣра тихонько пробралась между игорными столами и скрылась изъ дому Лизаветы Ивановны. Между тѣмъ расчеты Вѣрочки вполнѣ оправдались. Не далѣе какъ въ слѣдующую среду, Вѣрочка получила записку отъ Мери, въ которой та намѣкала ей привезти вмѣстѣ съ бумагами для подписи, обѣщанное *приложеніе*.

Вѣрочка собрала всѣ бумаги, взяла обѣщанную ею сумму и отправилась въ назначенный часъ къ Лизаветѣ Ивановнѣ. Гостей было опять много. Не успѣла Вѣрочка взойти въ пріемную и раскланяться съ присутствующими, какъ Лизавета Ивановна поспѣшно увлекла ее въ знакомую уже намъ спальню.

— Что, привезла деньги? спросила торопливо Лизавета Ивановна, у меня сегодня и обѣдать не готовили, прибавила она, сорвавъ всякую завѣсу съ своихъ обстоятельствъ.

Вѣрочка посмотрѣла на мачиху съ удивленіемъ и даже съ ужасомъ.

— А какъ же вы раздѣляетесь съ этою кучею поскитителей?

— Были бы деньги! Я уже заказала на двадцать персонъ обѣдъ у лучшаго ресторана, съ его официантами, и только ждала тебя, чтобъ послать за нимъ.

— Но такимъ образомъ вамъ станетъ не на долго привезенныхъ мною денегъ, что же будетъ съ вами послѣ?

Лизавета Ивановна подмигнула Вѣрочкѣ значительно, съ очень хорошо известной ей ужимкой, указывая на входившую въ это мгновеніе Мери, и почти на ухо сказала:

— Мы будемъ скоро очень богаты. Къ Мери навернулся женихъ-богачъ.. но это еще тайна. Давай скорѣе деньги!.. И Лизавета Ивановна протянула руку къ падчерицѣ.

— Вы хорошо помните о деньгахъ, я же не забываю нашего условія, пока вы не подпишете моихъ бумагъ, вы не получите ни копѣйки.

— Ну, давай, давай твои бумаги, сказала Лизавета Ивановна, подошла къ столу, на которомъ стояла чернильница, и не глядя подписала все, что ей предлагала Вѣрочка.

Дурной и неблагонамѣренный человѣкъ могъ бы употребить во зло такое расположеніе Лизаветы Ивановны и заставить ее подписать на ея голову все, что угодно, но по счастью для мачихи, она имѣла въ эту минуту дѣло хотя съ осторожной, но добродушной и чистосердечной Вѣрочкой, которую Лизавета Ивановна оскорбляла и притѣсняла, которую погубила несчастнымъ замужствомъ; и вотъ настала для нея минута мести... но чувство это далеко было отъ чистой, благородной души ея...

Бережно положила Вѣрочка всѣ подписанныя мачихою бумаги въ карманъ, передала ей нѣсколько пачекъ ассигнацій, и видѣла, какъ дворецкій и Дуняша бросились на нихъ, какъ коршуны на добычу. Не смотря на всѣ просьбы Лизаветы Ивановны остаться съ нею обѣдать, Вѣрочка распростилась и бросидась къ выходу чтобъ поскорѣе обрадовать отца.

Вѣрочку не мало занимала мысль, кто былъ смертный, который пѣвнился некрасивою Мери, и, въ замѣнъ ея безобразія, предлагалъ свою руку, полную золота, какъ можно было заключить изъ словъ Лизаветы Ивановны.

Такъ сошла съ семейнаго горизонта Перскихъ эта губительная комета, подъ названіемъ Лизаветы Ивановны, надѣлавшая

столько бѣдъ въ сердцахъ почти всѣхъ членовъ этого семейства, опустошивъ, разоривъ и разрушивъ въ конецъ всякую надежду на матеріальное ихъ благосостояніе.

Въ послѣдствіи Перскіе точно узнали, что Мери была обручена какому-то богатому 17-лѣтнему юнкеру, который обѣщалъ на ней жениться, какъ только надѣнетъ офицерскіе эполеты, считая такой поступокъ долгомъ благодарности за безкорыстную любовь Мери, обратившую свое вниманіе на мальчика, тогда какъ сама была уже взрослою дѣвицею съ блистательнымъ образованіемъ. Бѣдный юноша, или вѣрнѣе счастливый юноша! Долго ли продлится розовая призма, сквозь которую ты смотришь на жизнь своими юными глазами. Но время свадьбы было еще далеко, а между тѣмъ Лизавета Ивановна отъ разныхъ нуждъ и униженій сдѣлалась почти идиоткой и окончила жизнь въ больницѣ, въ страшныхъ мученіяхъ—послѣдствіяхъ ея неумѣренности во всемъ и тщеславной нищеты. Жизнь Мери выходитъ изъ предѣловъ нашего рассказа, а потому обратимся снова къ Церскимъ.

XX.

Взявъ Любашу изъ пансіона и приготовивъ приданое Любинькѣ, Перскій выѣхалъ изъ Петербурга. Знакомый намъ тяжелый экипажъ покатился снова, везомый шестью а иногда и десяти почтовыми лошадьми; но вмѣсто двухъ женскихъ головокъ, изъ оконъ экипажа выглядывали уже три, одно другаго свѣжѣе, одно другаго миловиднѣе. Три дочери Перскаго: Вѣра, невѣста-дѣвица и ребенокъ-дѣвица олицетворяли собою, не смотря на молодость старшей, прошедшее, настоящее и будущее. Настоящее почти всегда важнѣе прошлаго и будущаго, а потому займемся Любенькою. Оно было коротко и мгновенно, какъ всякое настоящее.

Вышедъ замужъ по своему выбору и желанію, за шестидесятилѣтняго жениха, Любенька вступила въ богатую, роскошную золотую темницу. Оказалось что онъ былъ ревнивъ, какъ два турка, взятыя вмѣстѣ. Въ первый «медовый мѣсяцъ», по отъѣздѣ отца и сестеръ Любеньки, *молодые* цѣловались безпрестанно, какъ голубки. Любенька играла и пѣла, мужъ ея насвистывалъ на флейтъ, которую отыскалъ въ какомъ-то походномъ чемоданѣ. Слу-

чалось, что серебристый голосъ Любеньки съ акомпаниментомъ рояля и флейты, останавливалъ прохожихъ подъ окнами. Мужъ сталъ замѣчать это, и не только прекратилъ свои дуэты съ женою, но заперъ рояль на ключъ и спряталъ его въ потайной ящикъ своего письменнаго стола. На вопросъ удивленной Любеньки, что значить такой поступокъ, мужъ очень чисто-сердечно сознался, что онъ ревнивъ, что ревность чувство томительное и мучительное; что онъ не можетъ видѣть равнодушно, безъ содроганія тѣни, бродящія подъ ихъ окнами. Любушку тѣшила эта ревность, какъ совершенная для нея новизна; самолюбію ея даже льстило, что мужъ смиренно ложился у ея ногъ въ катомъ-то восторженномъ созерцаніи ея прелестей и увѣрялъ; что лучшаго препровожденія времени онъ не могъ и придумать послѣ своихъ деревенскихъ занятій, какъ глядѣть на свою ненаглядную Любеньку и цѣловать ея ручки; что бессмысленная музыка, какой они было предались, разлучаетъ ихъ уста и глаза, заставляя первыя пѣть и свистать, а вторыя глядѣть въ ноты, когда и устамъ и глазамъ предоставлено гораздо лучшее занятіе.

Любенька слушала любовный бредъ мужа, улыбалась, и грудь ея вздымалась отъ сочувствія. Онъ становился ей дороже день отъ дня. Она искала богатства и счастья, и въ придачу къ нимъ нашла ревнивую, пылкую любовь, заставившую ее забыть золото и выгодное положеніе ея въ свѣтъ. И въ самомъ дѣлѣ, для чего могло служить богатство Любенькѣ? Ея шкапы, сундуки, комоды, картоны наполнены были бархатомъ, атласомъ, блондами, кружевами, золотыми и брилліантовыми вещами, а ревнивецъ мужъ не вывозилъ ее никуда, и пряталъ лучшую свою жемчужину отъ всѣхъ глазъ. Всѣ прелестные уборы Любеньки покоились неподвижно.

Къ чему Любенькѣ могло послужить значеніе? Кромѣ старой домоправительницы Марины Дмитріевны, Любенька не видала почета ни себѣ, ни своему любимцу, и могла бы легко почестъ себя не болѣе, какъ пастушкою, подругою новаго Филомена. Какъ не сказать послѣ этого: знаемъ ли мы хорошо, къ чему стремимся, чего ищемъ, чего домогаемся?

Такъ прошли три года... Ревность Крендельстрема не только не уменьшалась, а увеличивалась съ каждымъ новымъ днемъ. А казалось-бы, къ чему, и главное, къ кому было ревновать? Любенька

буквально никого не принимала и ни къ кому не выѣзжала. И надо сказать, ей нѣкогда было жалѣть о свѣтскихъ увеселеніяхъ. Въ три года сѹпружества она была матерью двухъ милостивныхъ младенцевъ, и на нихъ сосредоточила всю свою привязанность, всѣ свои помыслы и желанія.

Такимъ образомъ, тихо, безъ всякихъ тревоженій лилась жизнь Любеньки между любовью къ мужу и малюткамъ дѣтямъ, какъ вдругъ, въ жизнь эту, подобную тихому ручью, влился потокъ свѣтскихъ событій. Въ городъ ихъ пріѣхалъ временно значительный вельможа. Онъ лично зналъ Перскаго, а по сношеніямъ служебнымъ зналъ и Ипполита Алексѣевича. Наслышавшись о красотѣ дочери и жены своихъ знакомцевъ, вельможа пріѣхалъ къ Иполиту Алексѣевичу, какъ для того, чтобъ познакомиться съ дочерью своего старого и добраго пріятеля, такъ и для того, чтобъ лично провѣрить не увеличены ли были слухи о необычайной красотѣ Любви Константиновны. Ревность мужа уже не удивляла никого, къ ней привыкли, и отъ удивленія перешли къ насмѣшкамъ. Тутъ надо было сдѣлать только полушагъ, если по словамъ знаменитаго завоевателя нашего столѣтія и «отъ великаго до смѣшнаго только *одинъ* шагъ.» Отдѣлаться отъ посѣщенія бывшаго начальника и покровителя было невозможно; напрасно придумывалъ къ тому средства бѣдный мужъ. Онъ инстинктивно предчувствовалъ себѣ горе отъ такого необыкновеннаго событія въ его семействѣ. День визита насталъ.

Долго сидѣлъ вельможа у Крендельстрема, но Любенька, слѣдуя наставленію мужа, къ нему въ пріемную не выходила.

Старикъ, истощивъ всѣ предметы къ разговору, и не привыкши церемониться, начиналъ терять терпѣніе, и наконецъ приступилъ къ цѣли своего посѣщенія, безъ дальнихъ обходовъ и обиняковъ:

— Что же ты, Ипполитъ Алексѣичъ, не познакомишь меня съ твоею женою? Я уже тебѣ говорилъ, что отецъ ея былъ мнѣ хорошій пріятель. Я помню ее младенцемъ, это мнѣ даетъ право на знакомство съ нею.

— Она не совсѣмъ здорова, сказалъ мужъ, запинаясь.

— Ну, пойдѣмъ къ ней, если она лежитъ; съ такимъ старцемъ какъ я, ей было бы грѣшно церемониться. Я не долго про-

буду здѣсь, и кто знаетъ, приведетъ ли Господь въ другой разъ увидѣть ее.

— Позвольте, позвольте, сказалъ поспѣшно Ип. Алекс. останавливая движеніе гостя встать съ дивана: позвольте, у нея въ комнатѣ все въ безпорядкѣ... ей будетъ совѣстно... Любенька, закричалъ онъ въ дверь женѣ, не можешь ли ты выдти сюда; его сіятельство желаетъ тебя видѣть. Любенька мгновенно вошла въ гостиную и тѣмъ необдуманно обличила, что она отнюдь не лежала, какъ больная, къ тому же свѣжій цвѣтъ лица ея еще краснорѣчивѣе обвинялъ Ипполита Алексѣевича во лжи. При видѣ Любеньки, графъ не могъ и не принуждалъ себя скрыть восторженнаго впечатлѣнія, произведеннаго надъ нимъ красотой Любеньки.

— Любовь Константиновна, я знакомъ съ батюшкой вашимъ и люблю его искренно, я знавалъ и матушку вашу, такую же красавицу, какъ вы, и на которую вы очень похожи, полюбите меня, старика!.. Онъ дружески цѣловалъ руки Любеньки, крѣпко удерживая ихъ въ своихъ рукахъ.

Любенька не могла промолвить ни одного слова отъ смущенія и выдергивала руки свои изъ рукъ гостя, понимая, что ласки его болѣзненно отражаются на сердцѣ мужа.

— Полноте, полноте выбиваться изъ рукъ старика, снова началъ графъ, прочитавъ выраженіе какого-то испуга на прелестномъ лицѣ молодой женщины. Я знаю, я слышалъ, что Ипполитъ Алексѣичъ ревнивъ, какъ тигръ, но вѣдь я двадцатью годами его старѣе. Проѣздомъ чрезъ вашъ городъ, я горячо желалъ видѣть васъ и познакомиться съ вами; быть можетъ, судьба не подаритъ меня этимъ счастливымъ случаемъ въ другой разъ.

Съ этими словами гость усаживалъ Любеньку, не спускавшую глазъ съ мужа и вознаграждавшую его за терзанія самымъ нѣжнымъ взоромъ, подлѣ себя на диванѣ, между тѣмъ, какъ Ипполитъ Алексѣевичъ, блѣднѣя и дрожа, отвѣчалъ нѣжнымъ взорамъ жены дикимъ и ревнивымъ выраженіемъ.

— Брось-ка ты этотъ звѣрскій взглядъ, счастливецъ! поди сюда поближе, сядь возлѣ твоей красавицы жены, вотъ такъ, по ту сторону, сказалъ графъ добродушно. И тронутый его простосердечіемъ, несчастный мужъ повиновался и сѣлъ по другую сторону возлѣ жены своей.

— Ну, на! вот тебѣ одна ручка, а другую я еще разъ поцѣлую... Дайте согрѣться крови въ охладѣвшей груди старика. Ну, Ипполитъ Алексѣвичъ, надо признаться, ты счастливецъ, право счастливецъ; но прими совѣтъ: не держи красавицу слишкомъ въ заперти, скоро соскучится.

— О, никогда я не соскучусь съ нимъ, сказала живо Любенька и сжала нѣжно руку мужу.

— Дай-то Богъ, дай-то Богъ! повторилъ графъ и задумался... Вѣроятно предъ его мысленными очами прошелъ рядъ воспоминаній о привязанностяхъ протекшихъ или измѣнившихъ!..

Помолчавъ немного и какъ будто стряхнувъ съ памяти докучливыя воспоминанія, онъ сказалъ:

— Ипполитъ Алексѣвичъ! у меня есть къ тебѣ просьба, дай мнѣ заранѣе слово исполнить ее.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Ипполитъ Алексѣвичъ гостю, извольте не просить, а приказывать.

— Но знай, что отказъ твой не только сильно огорчитъ меня, но и разсоритъ насъ.

— Если есть хоть малѣйшая возможность для меня исполнить желаніе ваше, я готовъ.

— Честное слово?

— Честное слово.

— Ну, такъ привези сегодня вечеромъ твою жену на балъ, который я даю всѣмъ моимъ сослуживцамъ.

Ипполитъ Алексѣвичъ сильно поморщился, но дѣлать было нечего, онъ былъ пойманъ на словѣ, и честное его слово дано.

— Если Любенька этого желаетъ... проговорилъ онъ съ разстановкою, какъ будто вызывая ее вывести ихъ изъ бѣды. Гость не далъ Любенькѣ времени отвѣчать.

— Развѣ Любовь Константиновна можетъ пожелать заставить мужа своего не сдержать данного слова?

— Конечно, нѣтъ, сказала Любенька твердо и рѣшительно, а потому съ своей стороны я даю обѣщаніе явиться къ вамъ на балъ, хотя болѣе трехъ лѣтъ никуда не выѣзжала.

— Благодарю, благодарю васъ обоихъ! сказалъ графъ, и потому до свиданія.

Гость распростился съ супругами и оставилъ ихъ однихъ.

Ипполитъ Алексѣевичъ, скрѣпя сердце, самъ выбралъ изъ гардероба жены скромное темное платье, чтобъ какъ возможно меньше обратить на нее всеобщее вниманіе, такой же простой головной уборчикъ, и посовѣтовалъ женѣ набросить турецкую шаль, съ тайною мыслью скрыть роскошныя плеча жены и стройную ея талію отъ пытливыхъ взоровъ. Положено было Любенькѣ не танцовать, чтобъ не простудиться на возвратномъ пути. Съ мучительнымъ біеніемъ сердца и тоскою ревнивецъ считалъ часы, приближающіе роковую минуту, когда придется ему открыть свое сокровище предъ взоромъ многолюдной и любопытной толпы, отъ котораго онъ такъ неусыпно, такъ ревниво досель берегъ его.

Любенькѣ было тоже не совсѣмъ ловко. Она страдала страданіями мужа и ласкалась къ нему болѣе обыкновеннаго, стараясь своими ласками заглушить болѣзненное состояніе его души. Но ласки эти едва ли не въ первый разъ оставались безъ отвѣта и даже не понятыми. Ревнивецъ приписывалъ ихъ радости жены побывать на блестящемъ праздникѣ и внутренно проклиналъ того, кто первый выдумалъ балы съ ихъ обольщеніями, и терзался и негодовалъ на Любеньку, что она выказывала себя въ этомъ случаѣ такою же вѣтренною женщиной, какими онъ почиталъ весь бѣдный слабый полъ.

Вотъ пробило семь часовъ. Ипполитъ Алексѣевичъ судорожно всталъ съ дивана, на которомъ сидѣлъ, и позвалъ слугу одѣваться. Любенька уже съ четверть часа какъ ушла за тѣмъ же въ свою уборную, и вскорѣ возвратилась къ мужу совершенно готовою, въ своемъ темномъ платьѣ, съ турецкою шалью, распушеною по плечамъ и ниспадавшею сзади и спереди почти до полу. Молча сѣли супруги въ карету, молча подъѣхали къ яркоосвѣщенному дому, въ которомъ временно помѣстился графъ.

При входѣ Любеньки въ танцевальную залу, блескъ множества свѣтъ ослѣпилъ ее совершенно. Около четырехъ лѣтъ нога Любеньки не переступала черезъ порогъ бальной залы. Графъ поспѣшилъ навстрѣчу къ прибывшимъ гостямъ, вѣжливо предложилъ Любенькѣ руку и съ нѣкоторою торжественностью повелъ ее въ слѣдующія комнаты.

Ипполитъ Алексѣевичъ, едва отвѣчая на поклоны своихъ знакомыхъ и сослуживцевъ, почти не узнавалъ ихъ отъ волновавшихъ его чувствъ ревности и боязни за жену, отъ которой онъ

рѣшился не отставать ни на шагъ. Онъ сѣлъ рядомъ съ нею въ гостиной, давъ себѣ твердое слово не покидать ее ни на одно мгновеніе. По тогдашнему обыкновению на балахъ, графъ пригласилъ Любеньку пройти съ нимъ въ полонезъ.

Любенька была немало смущена: она отвыкла отъ бальнаго, шумнаго общества. Ее смущалъ видъ всѣхъ этихъ разряженныхъ женщинъ, и горящихъ золотомъ мужчинъ, совершенно ей незнакомыхъ. Ипполитъ Алексѣевичъ послѣ своей женитьбы, не счелъ за нужное познакомить жену свою хоть съ кѣмъ нибудь изъ жителей города. Онъ вѣрно рассчиталъ, что знакомство хоть съ однимъ домомъ, неизбежно повело бы за собою знакомства и со многими другими, и ревниво утаилъ жену отъ всѣхъ глазъ, не возбуждая ни въ комъ зависти, могущей произойти отъ отличія одного дома предъ другимъ. Появленіе жены его въ обществѣ произвело тѣмъ большее впечатлѣніе, что слухъ о красотѣ ея возникъ съ самаго дня свадьбы, которая, какъ ни была совершенна скромно, но дала инымъ любопытнымъ случай взглянуть на молодыхъ.

Множество танцоровъ безпрестанно являлись къ Любенькѣ съ приглашеніями на танцы, но получали постоянный отказъ. Между тѣмъ и хозяинъ замѣтилъ, что Любенька не танцуетъ, и въ срединѣ вечера, въ то время, какъ измученный мужъ уже собирался увезти красавицу домой, графъ, желая удержать супруговъ еще на нѣкоторое время, предложилъ Любенькѣ протанцовать съ нимъ контрдансъ.

— Я такъ давно не танцевала... начала было отнѣкиваться Любенька, не мало удивленная предложеніемъ графа.

— Ну, а я-то и подавно, сказалъ смѣясь хозяинъ, я думаю болѣе четверти столѣтія, какъ я не танцевалъ... Пойдемте; хоть для рѣдкости, не упускайте случая протанцовать съ такимъ танцоромъ...

Любенька не знала, что ей дѣлать. Какъ отказать графу, окруженному всеобщимъ почтеніемъ, и который доводитъ любезность и вниманіе свое до того, что не танцовавъ 25 лѣтъ, предлагаетъ себя въ кавалеры; лишь бы удержать милую гостью.

Любенька не имѣла духу отказать и почти невольно подавала ему руку. Контрдансъ устроивался и наконецъ всѣ пары стали по мѣстамъ.

Ипполитъ Алексѣевичъ, не смотря на все свое желаніе, не могъ помѣститься близъ жены, занимавшей мѣсто посрединѣ кадрили, но пріютился у одного изъ угловъ. Ритурнель уже давно проиграла и замолкла.

Когда графъ, окинувъ глазами кругъ танцующихъ, удостовѣрился, что всѣ пары имѣютъ ви-за-ви, онъ сдѣлалъ знакъ головою стоявшему въ толпѣ зрителей молодому офицеру, одному изъ своихъ адъютантовъ, и тотъ поспѣшно къ нему приблизился.

— Подагра напоминаетъ мнѣ, милая Любовь Константиновна, что я взялся не за свое дѣло, прошу васъ взять въ замѣнъ старика-подагрика—лихаго танцора, и съ этими словами графъ вложилъ руку Любеньки въ руку статнаго своего адъютанта.

Но тутъ случилось обстоятельство, долго потомъ бывшее предметомъ пересудъ и насмѣшекъ. Ипполитъ Алексѣевичъ, не спуская глазъ съ жены и увидѣвшій перемѣну въ танцорѣ, быстро подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и сказалъ хозяину:

— Ваше сіятельство, я только вамъ, и однимъ вамъ могъ уступить удовольствіе протанцовать съ моею женою, но если вамъ это не угодно, то позвольте мнѣ самому воспользоваться этимъ.

Въ это время музыка грянула, и ревнивецъ увлекъ свою жену въ танцы, оставя графа и адъютанта въ немаломъ изумленіи.

Если графъ не танцевалъ болѣе четверти столѣтія, что же сказать объ Ипполитѣ Алексѣевичѣ: онъ не танцевалъ болѣе шестидесяти лѣтъ или правильнѣе сказать, онъ въ жизни своей не танцевалъ ни разу, даже въ шутку, развѣ исключить то время, когда онъ танцевалъ на рукахъ кормилицы, и вотъ, ради того, чтобъ не дать стороннему коснуться до руки жены, онъ пустился въ контрдансъ, путался въ фигурахъ и сбивалъ другихъ. По окончаніи танца, онъ, даже не протрившись съ хозяиномъ, что въ то время никогда не дѣлалось и могло почесться крайнею невѣжливостью, бросился къ выходу, таща за собою жену, и скрылся съ бала, не заботясь, что объ этомъ скажутъ. Любенька, возвращаясь домой, боялась вымолвить слово съ мужемъ, тоже упорно молчавшимъ. Когда супруги остались на-единѣ, Ипполитъ Алексѣевичъ бросился цѣловать руки жены и сталъ просить прощенія за сдѣланную сцену въ бальной залѣ. Любенька молчала.

— Ты знаешь, Люба, я ревнивъ, я страдалъ, невыносимо страдалъ. Пусть хоть это мучительное положеніе извинить меня передъ тобою.

— Да въ чемъ же ты такъ провинился? спросила Любенька, я даже рада, что ты избавилъ меня отъ адъютанта, совершенно мнѣ незнакомаго, что я стала бы говорить съ нимъ? И Любенька не отвѣчая на ласки мужа ни словомъ, ни дѣломъ, медленно ушла отъ него въ свою комнату.

Съ этого памятнаго бала Любенька часто вспоминала съ невыразимо неприятнымъ ощущеніемъ, что ревность мужа сдѣлала ихъ посмѣшищемъ цѣлаго общества. Быть смѣшной!.. одна мысль объ этомъ обдавала ее то жаромъ, то холодомъ. Часто, по цѣлымъ часамъ Любенька уносилась мысленно на роковой балъ, и шагъ за шагомъ перебирала въ памяти своей время, тамъ проведенное, и роль, которую она разыграла передъ незнакомыми ей лицами, показалась ей какимъ-то чудовищнымъ гротескомъ.

Она стала себѣ задавать слѣдующіе вопросы: почему другіе мужчины ведутъ себя иначе въ отношеніи женъ своихъ? Развѣ можно ей предполагать, что только она одна изъ всѣхъ женщинъ любима, потому что любима какъ-то иначе, какъ всѣ прочія? Что за исключительность ея положенія? Что за недовѣріе именно къ ней, такъ горячо любящей, когда прочія женщины не внушаютъ его своимъ мужьямъ? Нѣтъ ли въ поведеніи мужа Любеньки чего-то оскорбительнаго для ея достоинства? Дала ли она къ тому поводъ, и не можетъ ли это такъ показаться для сторонняго наблюдателя?...

И многое подобное впадало на умъ Любенькѣ, и ревность мужа стала тяготить ее. Мало по малу она взялась исправлять въ мужѣ такой недостатокъ, и съ этою цѣлью часто начала возбуждать его ревность, думая тѣмъ исцѣлить его. Она стала подходить къ окнамъ, не смотря на явное запрещеніе мужа; сядилась около нихъ съ работою на цѣлые часы; вытребовала у мужа ключъ отъ рояля, стала чаще играть и пѣть, не обращая никакого вниманія на толпу, останавливающуюся у ея оконъ и на бѣшенство новаго Отелло. Чаще и чаще стала Любенька размышлять о судьбѣ своей, и эти размышленія довели ее до печальнаго заключенія, что доля ея, выходящая изъ обыкновеннаго круга и впадающая въ исключительность, не совсѣмъ-то счастливая доля, о которой она мечтала при выборѣ себѣ мужа. Любенька заключила, что ревность ея мужа имѣла главнымъ источникомъ

неравность лѣтъ ея съ его годами, и поняла наконецъ, въ чемъ заключалась ошибочность ея выбора.

Она стала грустить и печалиться. Румянецъ сталъ мало по малу сбѣгать съ ея щекъ; исчезли рѣзвость и шаловливость ея нрава. Ипполитъ Алексѣевичъ все видѣлъ и все понималъ, но не могъ переменить образа жизни, разъ имъ принятаго... И онъ рѣшился снова окружить жену присмотромъ, еще болѣе строгимъ, и замками, еще болѣе крѣпкими. Рояль перенесенъ былъ въ комнаты окнами на дворъ; пріемныя комнаты, выходившія окнами на улицу, заперты на ключъ.

Не знаю, на долго ли и даже покорилась ли бы молодая женщина хоть мгновенно такому распоряженію своего Бартоло, если бѣ она не была развлечена самымъ печальнымъ образомъ отъ ежедневной, однообразной жизни, мучительною и опасною болѣзнью двухъ своихъ малютокъ.

Дѣти ея заболѣли скарлатиною и весьма злокачественнаго свойства. Мать не отходила отъ кроватокъ ихъ ни днемъ, ни ночью, забывъ все ея окружающее. Въ это же печальное время, мужъ ея получилъ письмо: его призывало дѣло, не терпящее ни малѣйшаго отлагательства; надлежало отправиться въ дальній путь. Что было дѣлать ревнивцу? Какъ оставить жену одну, да еще съ больными, едва оправляющимися отъ тяжелой болѣзни дѣтьми? Онъ страдалъ вдвойнѣ, какъ отецъ, и какъ мужъ; но надо признаться, болѣе страдалъ онъ отъ ревности. Отказаться отъ дѣла, которое могло продолжиться довольно долго, влекло для него неисчислимыя потери, а онъ былъ почти столько же жаденъ, какъ и ревнивъ. Не привыкшій подчинять страсти свои силѣ разсудка, онъ рѣшился взять съ собою жену и дѣтей. Ему казалось, что риску въ томъ не было, потому что болѣзнь была на исходѣ. Карета на покойныхъ рессорахъ, съ плотными зеркальными окнами, казалась ему достаточнымъ ручательствомъ за безопасность малютокъ.

Совѣты и внушенія страстей почти всегда бываютъ губительны. Въ дорогѣ настигла путешественниковъ страшная мятель и стужа. Надо было остановиться среди поля на цѣлую ночь, потому что вся дорога была занесена снѣгомъ, и зги не было видно.

Любенька, уже разстроенная болѣзнью дѣтей и нѣсколькими ночами, проведенными безъ сна, была въ какомъ-то нервическомъ раздраженіи, тѣмъ болѣе, что носила подъ сердцемъ третьяго малютку.

Дѣти, глядя на мать, тоже кричали и плакали. У мужа не доставало духу утѣшать жену, унимать дѣтей. Онъ внутренно упрекалъ себя за малодушіе, по которому не могъ рѣшиться оставить жену безъ себя, и такимъ образомъ подвергъ всю семью свою опасности. Сырость и холодъ, не смотря на плотно закупоренныя окна, проникала путешественниковъ насквозь. Дѣти, проплакавъ всю ночь, начали къ разсвѣту болѣзненно стонать и метаться. Полуживыхъ и въ страшныхъ конвульсіяхъ привезъ ихъ Ипполитъ Алексѣевичъ въ городъ, куда ѣхалъ, и на другой же день два голубенькіе гробика, въ сопровожденіи рыдающей матери и безмолвствующаго отъ отчаянія отца, вывезены были на новое, неизвѣстное имъ кладбище. Любенька съ потерей дѣтей утратила все очарованіе жизни. Молодая мать предалась скорби со всею ожесточеніемъ злополучія, выпавшаго ей на долю, и природа ея не выдержала. Черезъ нѣсколько недѣль по смерти дѣтей, пышные похороны возвѣстили жителямъ города о вдовствѣ Ипполита Алексѣевича. Скорбь и слезы его не воскресили любви его. Еще и теперь, спустя четверть столѣтія, виднѣется огромный мавзолей надъ могилою Любеньки. Любопытный прохожій можетъ прочесть на немъ потемнѣлую, но четкую золотую надпись, въ которой значится, что въ могилѣ лежатъ мать и два младенца, и что неутѣшный супругъ остался на землѣ скорбѣть о незабвенной супругѣ.

XXII.

Вернемся къ Перскому, котораго мы покинули уже четыре года. Константинъ Петровичъ, довольный тѣмъ, что такъ выгодно пристроилъ вторую дочь свою, пріѣхалъ съ Вѣрочкой и третьею дочерью, Любашей, на югъ.

Онъ сталъ ревностно отыскивать богача для третьей своей дочери, и эта мысль превратилась въ головѣ его въ какую-то мономанію. Онъ частенько говаривалъ объ этомъ при Любашѣ, какъ будто приготавливая ее къ тому.

Мысль о замужствѣ не прививалась къ головѣ пятнадцатилѣтней рѣзвухи; она не обращала вниманія на жениховъ.

Но наконецъ желаніе Константина Петровича Перскаго въ отношеніи послѣдней своей дочери исполнилось; онъ и ее выдалъ за богача, и въ скоромъ времени послѣ ея свадьбы, оставилъ югъ, и уѣхалъ въ Петербургъ. Узнавъ о ранней смерти

Любеньки, началъ примѣтно худѣть и видимо разрушаться. Горе и лѣта свели его въ могилу, и болѣе горе, чѣмъ годы. Вторичный бракъ, такъ несчастно свершенный съ надеждами на богатство и такъ жестоко обманувшій отца, открылъ ему непрочность основанія, на которомъ онъ созидаль счастье дѣтей своихъ. Перскій страшась и за судьбу Любаши, умеръ на рукахъ Вѣрочки, и тѣло его похоронено рядомъ съ тѣломъ Фешеньки, первой жены его, на одномъ изъ Петербургскихъ кладбищъ.

Между тѣмъ Трёмовъ, проживъ за границею двадцать лѣтъ, наконецъ умеръ и Вѣра Константиновна хотя нѣсколько поздно, но нашла вознагражденіе за претерпѣнное ею въ юности, вышедъ замужъ по любви.....

Здѣсь рукопись оканчивается, потому что слѣдующіе листы вырваны.

СЕСИЛІЯ И АГАТА.

РОМАНЪ

АЛЬФОНСА КАРА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XXIV.

Сидонія де-Понтарисъ получила, что называется, блестящее воспитаніе, то есть, она выучилась всему, что может пускать пыль въ глаза, ослѣпить; но ее не выучили ничему такому, что можетъ дать внутреннее счастье.

Она не родилась музыкантшей, голоса у нея тоже не было, но не смотря на это, знаменитые учителя, которымъ платили очень дорого, сформировали изъ нея музыкантшу, о которой всѣ говорили, но которую слушали безъ удовольствія, потому что въ игрѣ ея не было ни чувства, ни выразительности; клавиши не могли ни пѣть, ни плакать подъ ея пальцами, и каждый звукъ, выходящій изъ нихъ, казалось говорилъ: «я деревянный». Но она очень искусно упражнялась въ той модной гимнастикѣ, которая состоитъ въ томъ только, чтобъ въ одну минуту перебрать какъ можно больше нотъ. Она съ удивительною быстротою исполняла самые трудные пассажи, по поводу которыхъ Гретри сказалъ однажды: «Какъ

жаль, что это еще не труднѣе! еслибъ еще немножко, то невозможно было бы играть».

Не смотря на все это, Сидонія была прехорошенькая, а главное у нея были чудесные глаза, которыми она такъ же хорошо умѣла играть, какъ на фортопьянѣ; у нея были и бемольные, и діэзные взгляды. Къ тому жъ Сидонія обладала въ высшей степени искусствомъ одѣваться съ самоувѣренностью въ красоту свою. Она это дѣлала съ необыкновенною ловкостью. Въ чувствахъ и идеяхъ она выражала не то, что чувствовала или думала, но то, что къ ней больше шло, все равно какъ еслибъ она выбирала матерію на платье или брилліантовый уборъ. Она восхищалась природой и искусствами все равно какъ кружевами или жемчугомъ.

Бѣдная Маргарита была кроткая дѣвушка, доброе, простосердечное созданіе, красота которой цвѣла въ уединеніи, какъ цвѣтутъ полевыя фіалки. Большіе задумчивые и откровенные глаза ея выражали именно только то, что она чувствовала, и это было какъ мгновенный блескъ молніи, который она спѣшила утаить подъ длинными своими ресницами. Она пѣла голосомъ полнымъ, симпатичнымъ, доходящимъ до души, но почти не сознавая, какіе аккорды и какія даже ноты брала она. Она пѣла и играла по слуху, прежде еще, чѣмъ Родольфъ выучилъ ее разбирать ноты. При людяхъ она мало говорила, а иногда и вовсе не говорила. Она жила въ совершенномъ незнаніи свѣта, а главное, жизни, и то, что она знала, по ея мнѣнію не могло интересовать другихъ, или слишкомъ интересовало ее самое, чтобъ она рѣшилась говорить объ этомъ. Къ тому жъ жизнь ея не была богата происшествіями. Она родилась въ деревнѣ, и далѣе четырехъ миль ни гдѣ небыла. У нея было пять или шесть происшествій, не болѣе, но въ нихъ сосредоточивался весь интересъ ея жизни. Когда живешь въ сжатомъ пространствѣ, все, что видишь, какъ бы ни было оно мелко и ничтожно, заключаетъ въ себѣ большую важность. Такъ, на примѣръ, на картѣ той деревни, гдѣ живешь, видишь и домъ свой, и садъ, и птичій дворъ, и огородъ, и овинокъ свой, на картѣ же цѣлой страны видишь только свою деревню, обозначенную точкой, а на глобусѣ только свою страну.

Такъ и для Маргариты: сжатая драма ея недавней жизни заключала въ себѣ очень мало событій.

Еслибъ вы спросили, она рассказала бы со всѣми подробностями прогулку въ лѣсъ, за восемь лѣтъ тому назадъ, какъ она вырвала изъ земли шиповникъ и пересадила его къ себѣ въ садъ.

Она не забыла ничего, даже помнила одежду всѣхъ членовъ этой экспедиціи, и описала бы ее, какъ Гомеръ описываетъ полководцевъ Греціи, подъ стѣнами Трои. Рассказывая эту прогулку, она одушевлялась, вспоминая трудности пути и отдыхъ на травѣ. Тамъ-то Генри оцарапалъ руку; потомъ они заблудились. Дѣдушка Дофинъ потерялъ свою табакерку. Ее нашли на возвратномъ пути, что доказывало, что они нашли дорогу.

Она знала въ какой день родилась вотъ такая-то курица, сколько лѣтъ такой-то овцѣ, когда она заболѣла; какой пастухъ лечилъ ее и чѣмъ именно.

Подобная жизнь должна казаться многимъ нѣсколько наивною, а между тѣмъ въ ней есть прелесть, которую почти можно объяснить себѣ.

По всему этому можно судить, что Маргарита не могла блистать тамъ, гдѣ была Сидонія. Вотъ почему баронесса и Сесилія ласкали Маргариту и старались всѣми мѣрами, чтобъ Генри видѣлъ ихъ вмѣстѣ и сравнивалъ. Лучшее средство было какъ можно чаще приглашать Маргариту и дѣлать такъ, чтобъ она приходила и безъ приглашенія. Это было бы не трудно, потому что малѣйшую ласку она принимала за привязанность, и была воспитана въ самомъ нѣжномъ уваженіи къ дядѣ своему Алберту. Но между тѣмъ рѣшительно отказалась бывать въ замкѣ, когда случались тамъ большія собранія или балы. Отсутствіе и изгнаніе отца были достаточной къ тому причиной; но она призналась откровенно, что не любя шума и толпы, она жалѣетъ, что не можетъ принести еще большей жертвы этому возлюбленному отцу. Другіе же дни она любила лучше оставаться съ матерью, которая не выходила изъ дому, и съ своимъ дѣдушкой.

XXV.

Вечеръ. Всѣ сидятъ за чайнымъ столомъ въ замкѣ.

БАРОНЕССА. Не сыграете ли вы намъ что нибудь, прелестная Сидонія.

СИДОНІЯ (которая играла только серьезную музыку, потому что въ ней много шума и рѣдко кто могъ понять, хорошо-ли она выполняетъ ее или нѣтъ). Съ удовольствіемъ, но что жъ я вамъ сыграю?

БАРОНЕССА. Сыграйте симфонію Бетховена.

СИДОНІА. Маргаритѣ будетъ скучно.

МАРГАРИТА. Почему скучно?

СИДОНІА. Это серьезная, ученая музыка.

МАРГАРИТА. Почему ты думаешь, что я люблю только веселую музыку?.. Мнѣ случалось иногда плакать отъ музыки, а между тѣмъ она мнѣ все-таки нравилась.

СИДОНІА. Ты не понимаешь меня... это не веселая и не грустная музыка, а ученая.

МАРГАРИТА. Слѣдовательно зависитъ отъ композитора и исполнителя. Она должна быть трудна; но такъ какъ ты играешь съ такимъ искусствомъ, то преодолѣешь всѣ трудности.

СИДОНІА. Ты не понимаешь меня.

Сказавъ это, Сидонія садится за фортепьяно и играетъ очень дурно, но съ большою самоувѣренностью и съ большимъ громомъ и трескомъ симфонію Бетховена, написанную для оркестра. Чтобы доставить истинное удовольствіе и пробудить воспоминаніе, на фортепьяно слѣдовало играть ее съ большимъ тщаніемъ, съ большимъ чувствомъ, брать ноты чище и не такъ торопиться, какъ торопится Сидонія, которая по временамъ поднимаетъ глаза къ небу и перегибается на сторону.

Когда она кончила, Изабелла и Сесилія аплодируютъ ей, потомъ встаютъ, обнимаютъ ее и цѣлуютъ. Эмиль хлопочетъ и предается самымъ крикливымъ восклицаніямъ, самымъ конвульсивнымъ восторгамъ. Генри дѣлаетъ нѣсколько комплиментовъ. Маргарита молчитъ.

СИДОНІА (съ презрительною улыбкой). Ну, что, Маргарита?.. вѣдь я тебѣ говорила!..

МАРГАРИТА. Я удивляюсь твоему искусству, милая Сидонія, но признаюсь, музыка эта не тронула меня.

СИДОНІА (съ тою же улыбкою). Вѣдь я тебѣ напередъ говорила!

МАРГАРИТА. Признайся откровенно: исключая удовольствія побѣдить трудность пассажей, неужели это тебѣ въ самомъ дѣлѣ доставляетъ удовольствіе?

СИДОНІА (улыбаясь). Нѣтъ, это не доставляетъ мнѣ удовольствія, но восхищаетъ меня, приводитъ въ упоеніе!

ЭМИЛЬ. Mademoiselle Margueritte! помилуйте! вѣдь это симфонія Бетховена!

Сидонія смотритъ на Маргариту съ презрѣніемъ и негодованіемъ. Генри смотритъ на нее и говоритъ:

— Это обворожительно!

АЛБЕРТЬ (*отводя Маргариту в сторону*). Ты совершенно права, душа моя, только молчи лучше, ихъ не переспоришь, а главное, не принимай за музыку Бетховена стукъ Сидоніи на фортепьяно.

Сидонія упивается торжествомъ своимъ. Ей пришло въ голову сблать его еще блистательнѣе чрезъ сравненіе съ Маргаритой.

Подходя къ Маргаритѣ, она спросила вкрадчивымъ тономъ: не сыграетъ ли и она чтонибудь.

— Я не умѣю играть.

— Но ты поешь?

— Дома, когда меня никто не слушаетъ.

— Ты хочешь, чтобъ тебя просили.

— Нисколько, и если это можетъ доставить тебѣ удовольствіе, я готова.

— Что жъ ты намъ споешь?

— Я знаю арію изъ Фрейшютца, Вебера, а можетъ быть и не знаю, но пою ее иногда дома, когда мамаша попроситъ; папа тоже любилъ, когда я ее пѣла.

— Хочешь, я буду тебѣ акомпанировать?

— Нѣтъ, благодарствуй. Я вовсе не знаю музыки... и еще пожалуй собью тебя. Я сама буду акомпанировать аккордами.

Маргарита поетъ чистымъ, свѣжимъ, чуднымъ голосомъ. Генри снова находится подъ властью этого голоса. Сесилія и баронеса говорятъ:

— Какой хорошенькій голосъ!

Эмиль ухаживаетъ за Сидоніей и ничего не говорить.

Албертъ цѣлуетъ свою племянницу.

СИДОНІЯ. Напрасно ты не позволила мнѣ акомпанировать. У меня здѣсь всѣ ноты. Арія много теряетъ *такимъ образомъ*. Надо акомпанировать иначе. Спой еще чтонибудь, я буду играть.

Маргарита согласилась; но Сидоніи хочется блеснуть игрою и заглушить голосъ Маргариты; къ тому жъ она играетъ не совсемъ вѣрно и пропускаетъ такты.

МАРГАРИТА (*останавливаясь пѣть*). Я говорила, что ничего не смыслу въ музыкѣ и что тебѣ трудно за мною слѣдовать.

СИДОНІЯ. Попробуемъ еще.

МАРГАРИТА. Вѣдь лучше не пойдетъ.

СИДОНІЯ. Эта арія такъ хороша!

МАРГАРИТА. Если она тебѣ нравится, то я спою, пожалуй, только по-своему, и сама буду играть.

СИДОНИЯ. Это будетъ совсѣмъ не то.

Маргарита садится возлѣ дяди, какъ будто прося его покровительства. Ей хочется плакать. Дядя обнимаетъ и цѣлуетъ ее.

Сидонія снова садится за фортепьяно; Эмиль снова кричитъ и восхищается. Албертъ проситъ, чтобъ Сидонія спѣла что нибудь.

Сидонія отвѣчаетъ, что не поетъ, къ тому жъ у меня насморкъ и кашель, прибавляетъ она.

Албертъ уходитъ. Всѣ тогда заговорили о балахъ, концертахъ, театрѣ и извѣстныхъ актерахъ. Маргарита ничего не понимаетъ. Ей кажется, что говорятъ по-китайски, и потому она въ восторгѣ, когда Албертъ, возвратясь, предлагаетъ проводить ее домой.

Генри не идетъ съ отцомъ, онъ боится насмѣшекъ Эмиля и чувствуетъ, что какое-то тайное очарованіе удерживаетъ его подлѣ Сидоніи.

Возвращаясь домой, Маргарита нѣсколько разъ оборачивалась, чтобъ узнать не идетъ ли Генри.

Войдя въ свою комнату, она горько зарыдала и долго еще всхлипывала въ постелѣ.

Въ замкѣ говорятъ о ней, Сидонія объявляетъ, что она не знаетъ ни одной ноты, и что нѣтъ возможности ей акомпанировать.

Генри дѣлается немножко досадно, онъ отвѣчаетъ:

— Но вѣдь она предупреждала васъ, mademoiselle Sydonie.

Сидонія поражаетъ Генри такимъ взглядомъ, что онъ находитъ Сидонію совершенно правою.

СЕСИЛИЯ. Это просто срамъ! Какъ можно воспитывать такъ дѣвушку? Она настоящая крестьянка, рѣшительно ничего не знаетъ, такъ что ее неприлично посадить въ гостиной.

БАРОНЕССА. Да вѣдь она и рождена не для гостиной. Еслибъ она была иначе воспитана, ей было бы неприлично жить съ своимъ дѣдушкой и матерью. Вѣроятно она выйдетъ за какого нибудь фермера; слѣдовательно получила воспитаніе по своему состоянію.

Сидонія любезничаетъ, дѣлаетъ глазки направо и налево; но между тѣмъ чувствуетъ глубокую ненависть къ Маргаритѣ. У Маргариты такъ хорошъ голосъ, что нѣтъ никакой возможности отвергать этого. Къ тому жъ Маргарита догадалась, что Сидонія, подлѣ предлогомъ будто хочетъ акомпанировать ей, хотѣла обить ее въ толку.

Голосъ Маргариты подѣйствовалъ тоже и на баронессу: она больше прежняго возненавидѣла бѣдную дѣвушку; но чувства Сидоніи не ускользнули отъ ея проницательнаго глаза, и она положила на нее. Баронесса не ошиблась въ своихъ расчетахъ.

На слѣдующій разъ Сидонія находитъ, что фортепяно разстроено. Посылаютъ въ городъ за настройщикомъ. Сидонія приказываетъ настроить полутономъ выше прежняго, и потому какъ только всѣ собрались, Маргариту просятъ пѣть. Она соглашается; но не понимаетъ, что сдѣлалось съ ея голосомъ: она начинаетъ арію и не можетъ продолжать; снова начинаетъ и снова останавливается.

— Сегодня я не могу пѣть, говоритъ она.

Сидонія въ свою очередь садится за фортепяно и на этотъ разъ торжествуетъ вполне. Эмиль хвалитъ игру ея, а Генри глаза.

Албертъ подходитъ къ Маргаритѣ и говоритъ шепотомъ:

— Спой намъ что нибудь.

— Я пробовала, но не могу.

— Попробуй еще разъ. Спой мнѣ ту нѣмецкую пѣсенку, которую я такъ люблю.

— Извольте.

Маргарита опять запѣла и опять остановилась.

Албертъ слушаетъ внимательно, потомъ вскакиваетъ съ мѣста и говоритъ:

— Еще бы! теперь я понимаю въ чемъ дѣло! Фортепяно скверно настроено. Этотъ дуракъ настроилъ его полутономъ выше. Голосъ твой, душа моя, Маргарита, такъ же хорошъ, какъ и всегда; но инструментъ сегодня никуда не годится. Какъ это, Сидонія, вы не замѣтили этого?.. а еще считаетесь виртуозкой!

— Маргарита взявъ полутономъ выше могла бы...

— Нечего оправдываться!.. признайтесь лучше, что вы не замѣтили... Надо перестроить инструментъ... я не хочу лишать себя наслажденія слушать Маргариту.

Между тѣмъ баронесса и Сесилія, говоря дурно или насмѣшливо о Маргаритѣ, мучили Генри.

— Никогда не позволила бы я сыну моему жениться на дѣвушкѣ мѣщанскаго быта, говорила Сесилія, если бъ мой сынъ былъ такъ глупъ, что захотѣлъ бы жениться ни неравной себѣ.

— Развѣ въ одной и той же семьѣ можетъ быть неравенство? спросилъ Генри; развѣ можетъ одинъ братъ быть мѣщаниномъ, а другой дворяниномъ?

— Да, можетъ, отвѣчала Сесилія, если который нибудь изъ братьевъ обезчестилъ фамилію свою неравнымъ бракомъ.

Послѣ подобныхъ разговоровъ баронесса напропалую расхваливала Сидонію.

— Счастливы тотъ, говорила она, кому она назначена судьбою! Но Сидонія имѣетъ право выбирать.

Но надо отдать справедливость баронессѣ: она хвалила тоже и Маргариту вотъ въ какихъ терминахъ:

— Она очень свѣжа; но вѣдь это проходитъ съ первою молодостью. Она прекрасно дѣлаетъ сыры, бьетъ масло и шьетъ въ совершенствѣ; она будетъ прекрасная хозяйка, и хотя не получила блестящаго воспитанія, но будетъ умѣть держать въ порядкѣ домъ свой. Для этого можно и не умѣть разговаривать. Если она выйдетъ за какого нибудь богатаго фермера, который не будетъ требовать большаго, то и онъ и она будутъ счастливы.

Хотя Генри нѣжно и глубоко любитъ Маргариту, но несмотря на это, воображеніе и глаза его были поражены болѣе чувственною красою Сидоніи. Къ тому жъ всѣ говорили о Сидоніи съ такимъ преувеличеннымъ восторгомъ, что ему начало казаться весьма лестнымъ приобрѣсти какое нибудь предпочтеніе со стороны Сидоніи. Особенно Эмиль беспокоилъ его. Эмиль немножко неосторожно объявилъ себя страстнымъ ея поклонникомъ, и по видимому вовсе не беспокоился о возможности соперничества съ Генри. Онъ безпрестанно вертѣлся около нея, перевертывалъ листки, когда она играла, водилъ ее за столъ, садился возлѣ за обѣдомъ, гулялъ съ нею подъ руку, и принималъ съ нею тотъ фамиллярный тонъ, который позволяется теперь женщинами, которыя имѣютъ претензіи на искусства и на все изящное; въ сущности же тонъ этотъ очень близко смахиваетъ на тонъ дурнаго общества.

XXVI.

Родольфъ узналъ три вещи изъ письма Дофина: во-первыхъ, Албертъ былъ болѣнъ; во-вторыхъ, Маргарита грустила, и какъ ему казалось, часто плакала тайкомъ; въ-третьихъ, что на дняхъ дѣло его будетъ рѣшено.

Болѣзнь Алберта не была опасна; но между тѣмъ докторъ, считая ее вѣроятно достойною нѣкотораго вниманія, навѣщалъ его довольно аккуратно. Рѣшеніе дѣла Родольфа, смотря по времени,

и безъ того слѣдовало ожидать. Что же до Маргариты, то вотъ причина ея горя.

Каждое утро Маргарита обходила садъ, принадлежащій ей и Генри, который они насадили и развели въ дѣтствѣ своемъ; она осматривала каждое деревцо, каждое растеніе; иное поливала, иное очищала отъ червей, паутины и пыли; съ инаго срѣзывала засохшія вѣтви и листья, или подвязывала ихъ на подпорку...

Не думайте однако, что ухаживая за этими цвѣтами и деревьями, она любила ихъ одинаково.

Нѣтъ, больше всѣхъ цвѣтовъ она любила тотъ шиповникъ, за которымъ такъ далеко ходила въ лѣсъ со всѣмъ своимъ семействомъ, въ тотъ день, когда Генри оцарапалъ себѣ руку.

Маргарита какъ и всегда, обошла садъ, и въ раздумьи остановилась у шиповника; но услышавъ чьи-то шаги за калиткой, поспѣшно вбѣжала въ домъ пригладить волосы и стала смотрѣть изъ окна. Въ садъ вошелъ Генри.

Уже нѣсколько дней онъ не былъ на фермѣ. Онъ осмотрѣлся кругомъ, почти съ безпокойствомъ, посмотрѣлъ на домъ, но не видя Маргариты, остановился.

Въ это время Маргарита пріодѣлась, пригладила волосы, и думая, что Генри вошелъ уже въ домъ, сбѣжала внизъ, поцѣловала мать и дѣдушку, и не видя Генри, спросила:

— Никто не приходилъ?

— Никто.

— Мнѣ показалось... послышалось... Я вѣрно ошиблась.

Она вышла въ садъ въ увѣренности, что найдетъ его тамъ; но въ саду никого не было. Одно только доказывало, что появленіе Генри былъ не сонъ: это отворенная калитка.

Маргарита обошла кругомъ ферму, глядя во всѣ стороны такъ далеко, какъ могла; потомъ опять вошла въ садъ, и нашла новые слѣды присутствія Генри: онъ почти совершенно опустошилъ кустъ желтыхъ розановъ, который за часъ предъ тѣмъ гнулся подъ тяжестью огромныхъ, пышныхъ, чудесныхъ розъ, а теперь на немъ оставалось не болѣе двухъ, трехъ.

Такихъ розъ не было въ замкѣ. Маргарита гордилась ими, и была теперь увѣрена, что Генри не далеко.

— Я побраню его, думала она, зачѣмъ рветъ онъ эти розы для букета; онъ знаетъ, что для меня одинъ цвѣтокъ, данный имъ, дороже всѣхъ букетовъ. Въ букетъ онъ завянутъ, а на кустъ

еще долго бы красовались и доставляли наслаждение глазамъ нашимъ. Но все равно... я раздѣлю его на три доли: одну заткну за поясъ, другую пришила къ груди, а третью надѣну на голову... такъ, что вся буду убрана цвѣтами моего Генри.

Маргариту позвали завтракать, но она ничего не ѣла и была очень разсѣяна.

— Куда-же дѣвался Генри? думала Маргарита. Напрасно я не сказала, что видѣла его: его подождали бы къ завтраку.

При малѣйшемъ шумѣ она вздрагивала, поспѣшно обертывала голову, краснѣла и блѣднѣла.

Завтракъ кончился, а Генри все не явился.

Маргарита была въ страшномъ безпокойствѣ; ей очень хотѣлось идти въ замокъ, но не было къ тому никакого предлога.

Въ этотъ день у Сесилии были гости, а Маргарита только тогда ходила туда одна, когда никого не было, и потому просила дѣдушку идти съ нею.

Дофинъ согласился на желаніе той, которую шутя называлъ своимъ тираномъ, и они отправились тотчасъ послѣ обѣда.

Въ этотъ самый день Албертъ занемогъ; цѣлый день онъ жаловался на жаръ, а къ вечеру до того расхворался, что принужденъ былъ лечь.

Какъ только Маргарита вошла въ залу, странный предметъ поразилъ глаза ея: двѣ желтыя розы украшали волосы Сидоніи, такой же букетъ былъ у нея за поясомъ, а одна роза была пришита къ груди. Зрѣлице это рассказало Маргаритѣ всю исторію утра: Генри прибѣжалъ нарочно собрать букетъ для Сидоніи; потомъ убѣжалъ, не повидавшись съ Маргаритой. Вотъ и все; кажется происшествіе не важное, а между тѣмъ сколько отъ него горя! Цѣлый день волненій и всю ночь въ слезахъ провела бѣдняжка Маргарита.

Сидонія была упоительно хороша съ этою прической.

Генри принялъ свою кузину поспѣшно, потомъ вдругъ смутился и снова сѣлъ подлѣ Сидоніи. Маргарита почувствовала тогда какъ въ сердцѣ ея распустились разные зловредные цвѣты, имени которыхъ она почти не знала. Ревность зашипѣла въ душѣ и немилосердо терзала ее. Она подошла къ Дофину:

— Я устала... мнѣ нездоровится... пойдемте домой, только такъ, чтобъ насъ не замѣтили.

Они пошли сперва на половину Алберта узнать о его здоровьѣ;

имъ сказали, что онъ спитъ, и они вышли въ садъ, а оттуда на ферму.

Въ продолженіе всей дороги Маргарита молчала, и тотчасъ по возвращеніи легла спать, но не спала, а проплакала всю ночь. На другой день она испугалась, увидѣвъ себя въ зеркалѣ: глаза ея были красны и распухли; она освѣжила ихъ холодною водою, потому сошла въ садъ. Двѣ желтыя розы распустились на кустъ, она сорвала ихъ, смяла и выбросила черезъ заборъ.

— Не дамъ ей! сказала Маргарита, не дамъ распуститься ни одной! Что за ребячество! Неужели мнѣ жалко розъ? Зачѣмъ такое дурное чувство? Если Сидоніи захотѣлось, почему жъ было Генри не сорвать ихъ? Вѣдь садъ и его тоже... вѣдь все, что мое—его? Но зачѣмъ онъ не сказалъ мнѣ: «Сидонія проситъ желтыхъ розъ.» я дала бы съ удовольствіемъ. А онъ не вошелъ даже! не поздоровался со мною! Зачѣмъ онъ не бываетъ у насъ? Почему, увидѣвъ Сидонію, сердце мое такъ больно сжалось?.. Нѣтъ, я не ошиблась, Генри не любитъ меня!

Слезы душили ее; она судорожно зарыдала и сѣла подъ кустъ акацій. Потомъ встала, отворила калитку, подбѣжала къ рѣчкѣ, намочила носовой платокъ, начала прикладывать къ глазамъ, и снова возвратилась въ садъ.

— Къ чему мнѣ теперь садъ? говорила она. Если я съ восторгомъ гляжу на шиповникъ, который онъ съ такимъ трудомъ вырылъ и принесъ мнѣ изъ лѣсу, за то черезъ три шага отъ него стоитъ этотъ ненавистный кустъ желтыхъ розъ, который онъ обрвалъ для нея... Боже мой! какъ я несчастна!

Въ эту минуту пришла служанка и сказала, что ее уже три раза звали завтракать.

— Скажи, что ты не нашла меня, отвѣчала всхлипывая Маргарита.

— Но что съ вами, сударыня?... о чемъ это вы такъ плачете?

— Ни о чемъ... такъ...

— Если я скажу, что не нашла васъ... меня пошлютъ искать вторично.

— Тогда ты найдешь меня и мы пойдемъ вмѣстѣ.

— Бѣдная барышня!.. какъ мнѣ больно, когда вы плачете.

— Ахъ, молчи Анета! или я снова расплачусь.

Пока Анета возвращалась въ домъ, и пока ее снова посылали

за Маргаритой, она вытирала и мыла глаза, и оттого они сдѣлались еще краснѣе.

Анета возвратилась, за нею шель Дофинъ.

— Гдѣ же она была? спросила Агата.

— Въ саду, сударыня.

— И ты не нашла ее?

— Я стояла на колънахъ у забора, мамаша, пересаживала фиюли.

— Какіе у тебя красные глаза, Маргарита!

— Вѣрно оттого, что я стояла долго нагнувши голову.

— Это не то... Ты плакала Маргарита.

— Да, я ушиблась.

— Поцѣлуй меня, и знай, что если у тебя есть какое горе, сердце мое тебѣ открыто, оно приметъ твое горе и никому не выдастъ его.

— Я это знаю, но у меня право нѣтъ ничего такого.

Съ этого дня Маргарита бывала рѣдко въ замкѣ, и то по утрамъ только ходила справляться о здоровьѣ Алберта.

Генри уѣхалъ въ Парижъ.

XXVII.

Родольфъ, на письмо Дофина, въ которомъ онъ говоритъ ему о болѣзни Алберта, ничего не отвѣчалъ, но однажды вечеромъ самъ пріѣхалъ.

Послѣ первыхъ восторговъ свиданія, онъ спросилъ:

— Ну, что Албертъ?

— Немного лучше; но между тѣмъ онъ очень перемѣнился.

— Пойду повидаться съ нимъ и скоро возвращусь ужинать.

Маргарита хотѣла проводить Родольфа, но Дофинъ сказалъ:

— Останься, душа моя, я провожу его; мнѣ надо переговорить съ нимъ.

— Любезный Родольфъ, сказалъ старикъ, выходя изъ дому: ты пріѣхалъ такъ некстати, что изъ рукъ вонь. Адвокатъ твой при- скакалъ сюда какъ ошеломленный, вызвалъ меня и сказалъ, что не смотря на всѣ его старанія, тебя осудили, сегодня утромъ, на годъ заточенія.

— На годъ! Боже мой, какъ долго. Вы никому этого не говорили, батюшка?

— Избави Боже! Эти двѣ сиротки безъ мужа и отца, хотя и

бодры, но страшно тоскуютъ. У меня не хватило бы духу выговорить при нихъ слово «тюрьма», которое и на меня такъ ужасно подѣйствовало.

— Если Албертъ еще не знаетъ, то не говорите и ему.

— Кто жъ за тебя станетъ хлопотать въ городѣ, вѣдь я никого не знаю.

— Да, это правда!.. но не теперь... Когда онъ выздоровѣетъ, тогда можно сказать.

Разговаривая такимъ образомъ они дошли до замка.

Албертъ былъ въ восторгѣ, увидѣвъ Родольфа. Онъ зналъ рѣшеніе суда.

— Тебѣ нельзя здѣсь оставаться, сказалъ онъ, тебя арестуютъ.

— А кто же знаетъ, что я вернулся? Я могу пробыть нѣсколько дней съ вами, завтра поѣду къ адвокату, а потомъ начну дѣйствовать по его совѣтамъ.

— Я видѣлъ его; онъ говоритъ, что надо подать просьбу въ королевскій судъ, но чтобъ имѣть на это право, слѣдовало бы дать арестовать себя.

— А если меня не оправдаютъ?.. тогда придется просидѣть цѣлый годъ въ тюрьмѣ:..

— Лучше просидѣть годъ, чѣмъ вѣчно жить на чужой сторонѣ, въ разлукѣ со всѣми, кто дорогъ сердцу.

— Не будемъ объ этомъ говорить, любезный Албертъ. Мнѣ сказали, что ты боленъ? что съ тобою? Расскажи мнѣ.

Братья остались одни. Успокоясь на счетъ здоровья Алберта, Родольфъ удостовѣрился, что братъ его несчастливъ, и что Сесилія не любитъ его. А главное, въ отсутствіе Родольфа ему не доставало чего-то.

Когда Сесилія узнала о пріѣздѣ Родольфа, съ ней сдѣлался обморокъ. Она заперлась въ своей комнатѣ, притворилась больной и запретила входить къ себѣ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ.

Родольфъ и Дофинъ возвратились домой ужинать. На другой день Родольфъ отправился къ своему адвокату; уѣзжая, онъ сказалъ старику:

— Если меня арестуютъ, то намъ необходимо переписываться... Но какъ бы сдѣлать, чтобъ мы могли писать свободно, не подавая подозрѣній ни здѣсь, ни въ замкѣ?

— Пиши мнѣ два письма, одно, которое я могу давать читать, а другое для меня собственно.

Друзья распрощались.

Вечеромъ Родольфъ не возвращался. Семейство его провело всю ночь въ безпокойствѣ. На утро пришло письмо, вотъ его содержаніе:

«Любезный Дюфинъ, мнѣ представляется случай немедленно уѣхать отсюда. Я пользуюсь имъ, потому что не подвергаясь опасности не могу здѣсь оставаться. Надо рѣшиться на эту новую разлуку. Какъ только приѣду въ Монтре, буду писать вамъ со всѣми подробностями, Монтре снова даетъ мнѣ пристанище. Поцѣлуй за меня моихъ красавицъ Агату и Маргариту. Адресуйте письма свои на имя М***, моего адвоката, который будетъ пересылать ихъ мнѣ съ курьеромъ. Это скорѣе, чѣмъ по почтѣ. Онъ же будетъ доставлять вамъ и мои.»

Агата и Маргарита были поражены какъ громомъ, этимъ извѣстіемъ. Онъ почти не видали его, а онъ снова уѣзжалъ, не сказавъ даже сколько времени они будутъ разлучены. Заливаясь слезами онъ упали на грудь другъ къ другу. Дюфинъ былъ еще больше огорченъ. Онъ не читалъ еще письма, адресованнаго собственно къ нему, хотя успѣлъ его вынуть такъ, что Агата не замѣтила.

Вотъ содержаніе другаго письма:

«Не пугайся, любезный Дюфинъ, и не говори ничего никому. Когда я выходилъ отъ адвоката, меня арестовали и посадили въ тюрьму. Мы согласились съ адвокатомъ, чтобъ братъ мой, жена и дочь ничего объ этомъ не знали. Только ты одинъ будешь знать эту тайну. До сихъ поръ мнѣ нечего сообщать тебѣ особеннаго, развѣ только одни мои предположенія: мнѣ кажется, кто-то, хорошо знающій всѣ наши домашнія обстоятельства, донесъ, что я въ Парижъ и намѣренъ бѣжать. Будь твердъ, старинушка, скрывай горе свое и пиши мнѣ о моихъ возлюбленныхъ.»

Черезъ нѣсколько времени пришло еще письмо, въ конвертѣ котораго находилось другое, запечатанное, безъ надписи, чтобъ не было замѣчено при распечатываніи.

Въ первомъ письмѣ Родольфъ описываетъ путешествіе свое по Швейцаріи, а во второмъ вотъ что пишетъ:

«Изъ прежней тюрьмы меня перевели въ тюрьму Сент-Пелажи, въ кварталъ Ботаническаго Сада. Я подалъ просьбу. Если королевскій судъ отвергнетъ ее, то мнѣ придется просидѣть здѣсь годъ! Боже, какой ужасъ! Въ такомъ случаѣ надо скрывать какъ можно долѣе отъ брата, жены и Маргариты. Жена моя никогда не узнаетъ, что я былъ въ тюрьмѣ. Не описываю тебѣ моего положенія и

тѣсной клятвы моей, дорогой батюшка, и тебя тоже я слишкомъ люблю, чтобъ огорчать. Если же огорчаю, такъ на столько, на сколько нужно, чтобъ избавить отъ горя тѣхъ троихъ, которые слабѣе тебя. Скажу только, что въ письмѣ къ Агатѣ, описывая съ восторгомъ свободу, которою я будто пользуюсь, я плакалъ, какъ ребенокъ.»

XXVIII.

Первое время послѣ смерти Клодомира, Албертъ, разсерженный на Родольфа, ненависть котораго непонятна была ему, съ поспѣшностью принялъ мысль, навѣянную баронессой и Сесиліей, взять подъ свое покровительство бѣдную Сидонію, оставшуюся безъ опоры и выдать ее за Генри. Но между тѣмъ онъ ни слова не сказалъ Родольфу, и началъ раздумывать; ему показалось, что онъ слишкомъ поспѣшилъ своимъ согласіемъ, что справедливость требовала взять подъ свое покровительство Сидонію; но бумаги Понтариса доказали ему, что она не такъ нуждалась въ покровительствѣ, которое потеряла со смертью Клодомира, какъ въ человѣкѣ, который бы привелъ въ порядокъ ея состояніе, разстроенное тѣмъ же самымъ Клодомиромъ.

Съ другой стороны, онъ часто вспоминалъ мечты свои и братнины, прежде еще, чѣмъ родились дѣти. Тогда они замыслили женить ихъ, и въ послѣдствіи, когда дѣти уже понимали многое, они говорили и при нихъ о своемъ намѣреніи. Видя, какъ любовь эта распускалась, подобно весеннимъ вѣтвямъ, они радостно пожимали другъ другу руки.

Албертъ рѣшился поговорить объ этомъ съ женой и теткой, и однажды сказалъ имъ:

— Генри любитъ Маргариту. Надѣюсь вы не станете при-
нуждать его жениться на Сидоніи?

— Еще бы! отвѣчала баронесса. Только ты ошибаешься, думая, что онъ влюбленъ въ Маргариту: онъ любитъ Сидонію безъ ума; въ этомъ ты можешь на меня положиться.

— Что ты на это скажешь, Сесилія?

— Тоже самое, что и тетушка.

— А Маргарита?

— Подождетъ, а послѣ выйдетъ за другаго.

— Но если она любитъ Генри?

— Дѣвушки не всегда выходятъ за тѣхъ, кого любятъ, а стараются любить тѣхъ, за кого выходятъ...

— Но если она любитъ Генри.

— Къ тому жъ это будетъ ей урокъ за тщеславіе!

— Маргарита вовсе не тщеславна.

— Да какъ же могла она думать, что Генри на ней женится!

— Я тоже думалъ, и братъ Родольфъ тоже.

— О! Родольфъ уже давно устроилъ въ головѣ своей эту свадьбу!

— Это правда, мы съ братомъ устроили ее еще до рожденія жениха и невѣсты.

— Генри слѣдуетъ жениться на дѣвушкѣ хорошаго происхожденія...

— Я не понимаю... что это значитъ?

— А то значитъ, что Маргарита внучка писаря.

— И дочь моего брата. Но мы переливаемъ изъ пустаго въ порожнее. Въ первую минуту я согласился съ вами женить Генри на Сидоніи... все это были однѣ только предположенія... Но я обѣщаль Родольфу, и даже самимъ дѣтямъ соединить ихъ. Надѣюсь вы не станете принуждать Генри жениться на Сидоніи, когда онъ любитъ Маргариту. Самъ Родольфъ не согласится на бракъ Маргариты, если племянникъ его любитъ другую. Слѣдовательно это не намъ рѣшать. Я увѣренъ, что моя любимица Маргарита глубоко любитъ сына моего, и умереть съ тоски отъ всѣхъ вашихъ хлопотъ объ Сидоніи. Спаси ее Господи, отъ такого горя! Она такъ хороша! такъ кротка и смирна, что грѣшно губить этотъ нѣжный, чуть распустившійся цвѣтокъ.

Когда Албертъ вышелъ, баронесса сказала:

— Какое счастье, что этого демона Родольфа нѣтъ здѣсь! а то онъ разрушилъ бы всѣ наши замыслы.

— Ужъ я объ этомъ постаралась, и увѣрю васъ, тетушка, что мы долго не будемъ имѣть удовольствія его видѣть. Въ этомъ вы можете на меня положиться.

XXIX.

Между тѣмъ Сесилія и Изабелла интригами своими продолжали дѣйствовать на воображеніе Генри, и учили Сидонію кокетни-

чать передъ нимъ. Ученаго учить только портить! Она и безъ того кокетничали бы, если бъ ее и не учили.

Маргарита простая, чистосердечная, невинная, не смотря на всю красоту свою, говорила только сердцу и воображенію.

Сидонія, напротивъ, вызывала признанія красотою своею, взорами палила сердце юноши, приводила въ упоеніе рѣчами и движеніями, и частыми пожатіями руки довершала покореніе.

Еще одно обстоятельство окончательно предало Генри на жертву Сесиліи и тетушки:

Эмиль тоже ухаживалъ за Сидоніей. Сперва Сесилія намѣревалась удалить его, но какъ тетушка думала иначе, то и племянница перемѣнила мнѣніе.

— Напротивъ, говорила баронесса, оставь Эмилія, пусть онъ ухаживаетъ за нею, это сильнѣе привяжетъ Генри къ Сидоніи.

Сидонія, родясь кокеткой, съ удивительною смѣтливостью подчинялась наставленіямъ своихъ покровительницъ. Она давно уже практиковалась въ искусствѣ нравиться и въ совершенствѣ угадывала минуту, когда именно слѣдовало испугать Генри какою нибудь фамиллярностью съ Эмилемъ, или обрадовать его словомъ, взглядомъ.

Она была дальновиднѣе своихъ покровительницъ и непремѣнно хотѣла пристроиться до возвращенія Родольфа, котораго, по словамъ Сесиліи и баронессы, считала страшнымъ человѣкомъ и личнымъ врагомъ своимъ. Эмиля же она держала для подстрѣканія Генри и на подставу, въ случаѣ, если Генри, по пріѣздѣ Родольфа, ускользнетъ изъ ея лапокъ.

Эмиль съ своей стороны не думалъ о женитьбѣ, и занимался Сидоніей, потому только что она ему нравилась, но не такъ сильно, чтобъ онъ не замѣчалъ красоты Маргариты. Невниманіе къ ней Генри, тонъ, какимъ о ней говорили въ замкѣ, подали ему мысль ухаживать за Маргаритой. Онъ разъ двадцать приходилъ на ферму и старался стать на дружескую ногу съ семействомъ Родольфа, но это ему не удавалось. Правда, его принимали очень вѣжливо, но Маргариту онъ рѣдко видѣлъ: или она была занята чѣмъ нибудь въ другой комнатѣ, или нарочно не выходила, Богъ ее знаетъ!

Самолюбіе Эмиля страшно страдало отъ равновѣсія, такъ ловко устроеннаго Сидоніей между нимъ и Генри, котораго онъ называлъ съ презрѣніемъ «мальчикомъ». Иногда ему бывало досадно на Сидонію, но онъ не хотѣлъ уступить ее сопернику, и ду-

малъ, что Маргарита будетъ для него развлеченіемъ, довольно пріятнымъ, могущимъ сократить время и заставитьъ ждать съ терпѣніемъ рѣшенія Сидоніи.

Въ это время бѣдная Маргарита изнемогала подъ тяжестью своего горя. Она сдѣлалась ко всѣмъ равнодушна; не пила, не ѣла, не спала и никогда не улыбалась. Свѣжесть ея пропала, свѣтлые глаза потускли; наконецъ, однажды въ замкѣ узнали, что Маргарита больна.

Сидонія сидѣла за фортепьяно, молодые люди около нея.

Эта вѣсть поразила Генри. Онъ невольно вскочилъ со стула, потомъ снова сѣлъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ сказалъ, что ему надо писать письма и собирался уйти.

— Развѣ нельзя отложить писемъ? спросила Сидонія, бросая на Генри убійственный взоръ.

— Нѣтъ, нельзя.

— Хорошо, я позволяю вамъ... вѣдь вамъ нельзя безъ моего позволенія, потому что мы согласились идти гулять вмѣстѣ; но такъ какъ у мосея Эмиля нѣтъ такой важной корреспонденціи, то вѣроятно онъ не откажется идти со мною.

— Только объ одномъ жалю, отвѣчалъ Эмиль, что у меня нѣтъ ничего такого, чѣмъ бы я могъ пожертвовать для этого удовольствія, которое я цѣню выше всего.

— Такъ прощайте, м-г Ненгі, ступайте писать письма, сказала Сидонія.

Съ минуту Генри колебался, потомъ поспѣшно вышелъ, сказавъ:

— Прощайте; желаю вамъ веселиться.

— Я въ этомъ увѣрена.

Генри побѣжалъ на ферму; онъ нашелъ Маргариту въ постелѣ, блѣдную, худую. Увидѣвъ его, она вспыхнула

— Что съ тобою, другъ мой? спросилъ Генри.

— Право, не знаю. Я вовсе не больна, но у меня нѣтъ ни силъ, ни аппетита, ни охоты заниматься чѣмъ нибудь. Это пройдетъ. Благодарствуй, что пришелъ со мною повидаться.

— Я только что узналъ о твоей болѣзни... потому что рѣдко здѣсь бываю, а когда бываю, то приготавливаюсь къ процессу, который буду защищать въ концѣ этого мѣсяца.

Генри, успокоясь на счетъ Маргариты, началъ безпокоиться даже въ ея присутствіи о презрительномъ взглядѣ, брошенномъ на него при прощаніи Сидоніей. Онъ сейчасъ побѣжалъ бы до-

мой, но боялся обидѣть Маргариту. Его занималъ вопросъ: пошла ли Сидонія гулять съ Эмилемъ, или нѣтъ? Ему это казалось въ высшей степени неприличнымъ; покрайней мѣрѣ Сидоніи слѣдовало бы пригласить съ собою тетушку Изабеллу, думалъ Генри, а между тѣмъ находилъ весьма натуральнымъ, что она намѣревалась идти съ нимъ, Генри, совершенно одна.

Генри былъ разсвѣянъ, почти не говорилъ съ Маргаритой, не отвѣчалъ на ея вопросы, а самъ спрашивалъ по три раза объ одномъ и томъ же.

Наконецъ онъ не выдержалъ, вскочилъ и, пожавъ руку кузинѣ, сказалъ:

— Прощай, очень радъ, что тебѣ легче. Берегись, ради Бога, я скоро буду.

Генри побѣжалъ къ рѣкѣ, гдѣ надѣялся найти Сидонію; но ему не для чего было такъ торопиться: выбѣгая изъ дому, онъ очутился лицомъ къ лицу съ Сидоніей и Эмилемъ.

— Куда это вы такъ спѣшите? спросила Сидонія.

— Къ вамъ.

— Да развѣ вы знали, что мы здѣсь?.. Какъ вы скоро написали письма!..

— Я ходилъ къ тетушкѣ Агатѣ, справиться объ одномъ дѣлѣ.

— М-г Ненгі?

— Что вамъ угодно?

— Позвольте ли сдѣлать маленькое замѣчаніе?

— Сдѣлайте милость.

— Вы разыграли пресмѣшную комедію.

— Можетъ быть.

— Не можетъ быть, а навѣрное. Зачѣмъ утаивать свои добродѣтели? Вы знаете, что кузина ваша больна, нѣтъ ничего проще какъ сказать: «Я иду навѣстить ее». Въмѣсто того, вы скрываетесь подъ разными предлогами, лжете безъ всякой нужды, и у васъ не хватаетъ даже необходимаго хладнокровія, чтобъ ложь эта походила на правду.

Генри хотѣлъ отвѣчать, но Сидонія не стала его слушать, и указывая на розу, растущую въ Маргаритиномъ саду, сказала:

— Сорвите мнѣ эту розу, м-г Эмилъ.

Генри сдѣлалось досадно; онъ поспѣшно сорвалъ розу и подалъ ее Сидоніи, которая принявъ ее небрежно, сказала:

— Пойдемте, м-г Эмилъ.

Она сдѣлала такое удареніе на словѣ Эмилъ, что ясно было

чего ей хотѣлось, и что приглашеніе не касалось до Генри. Не смотря на это, онъ послѣдовалъ за ними машинально, но съ нимъ не говорили.

— Чѣмъ же все это кончилось?.. доскажите мнѣ, Эмиль, сказала Сидонія.

Эмиль началъ доканчивать какую-то начатую исторію.

Генри казался самъ себѣ смѣшнымъ, униженнымъ, а между тѣмъ не рѣшился оставить ихъ однихъ.

Сидонія обрывала розу, сорванную у Маргариты и бросала на вѣтеръ листочки.

Генри вошелъ было въ разговоръ и сказалъ что-то, но Сидонія, отвѣтивъ ему наскоро, снова занялась Эмилемъ.

Генри остановился. Ему хотѣлось бы уйти, но онъ не зналъ какъ это сдѣлать. Ему было досадно, но не хотѣлось, чтобъ Сидонія это замѣтила.

Сидонія сама вывела его изъ замѣшательства.

— Напрасно вы думаете м-г Генрі, что вы обязаны быть моимъ кавалеромъ; вы можете идти исполнять свои семейныя обязанности.

— Я только что объ этомъ и думалъ, отвѣчалъ Генри. Благодарю за позволеніе, я имъ воспользуюсь.

Онъ раскланялся и твердымъ шагомъ пошелъ по дорогѣ, ведущей къ фермѣ.

Маргарита, сидя въ постелѣ, плакала. Увидѣвъ Генри, она поспѣшно отерла слезы, но глаза ея были красны.

— Ты плакала, Маргарита, сказалъ Генри.

— У меня голова болитъ. Бѣдняжка справедливѣе могла-бы сказать: «у меня болитъ сердце.»

Когда Генри ушелъ, ей хотѣлось еще разъ посмотреть на него; она встала съ постели, подошла къ окну и увидѣла, какъ онъ встрѣтился съ Сидоніей, какъ онъ сорвалъ розу и подаль ее гордой и надменной дѣвушкѣ, и съ какою небрежностью та приняла ее. Маргарита не могла удержаться отъ слезъ.

Генри тоже хотѣлось плакать, однако онъ скрылъ свое горе и разговаривалъ съ Маргаритой нѣжно и дружески. Они вспоминали прошедшее, но не смѣли касаться будущаго.

Выходя отъ кухни, Генри чувствовалъ, что въ сердцѣ его вновь воскресла вся прежняя любовь къ Маргаритѣ, и когда онъ вошелъ въ залу, гдѣ сидѣла Сидонія, то показалъ ей все свое достоинство.

Какъ она ни кокетничала передъ нимъ, какъ ни заговаривала, все было напрасно: онъ былъ непреклоненъ. Тогда она притворилась больною и ушла къ себѣ въ комнату.

Генри струсилъ немножко, началъ ходить подъ окнами Сидоніи, которыя были освѣщены. Но кокетка, очень хорошо видѣвшая какъ онъ караулитъ въ саду, надулась въ свою очередь и не удостоила отворить окна.

Генри возвратился очень поздно, тогда только, какъ въ комнатахъ Сидоніи исчезъ огонь.

На другой день Сидонія избѣгала Генри, такъ что ему невозможно было съ нею говорить; онъ предложилъ ей гулять, она отказала, извиняясь усталостью.

— Мнѣ надо непременно переговорить съ вами, сказалъ Генри въ полголоса.

— Говорите, кто же вамъ мѣшаетъ? отвѣчала она громко, самымъ спокойнымъ тономъ.

Черезъ два часа онъ снова нашелъ случай сказать ей:

— Мнѣ надо говорить съ вами одной, на свободѣ, но не здѣсь.

— Что за торжественность! Кажется, между нами не можетъ быть тайнъ.

Въ тотъ же вечеръ Генри снова былъ безъ ума влюбленъ въ Сидонію.

На слѣдующій день Эмиль пріѣхалъ въ деревню. Повидимому онъ былъ въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ Сидоніей. Они пошли гулять. Генри былъ въ отчаяніи.

Первая встрѣчая, которая окружить себя препятствіями, можетъ внушить безпредѣльную страсть. Не грустно ли видѣть, какъ человѣкъ страненъ?

Эмиль сказалъ ему что-то въ шутку. Прежде Генри не замѣтилъ бы этого, а тутъ отвѣчалъ довольно грубо.

Когда Эмиль ушелъ, Сесилія сказала сыну:

— Прошу васъ помнить, что Эмиль вамъ дядя, и не позволять себѣ отвѣчать ему такимъ тономъ.

— Эмиль почти однихъ лѣтъ со мною, отвѣчалъ Генри, его тонъ со мною мнѣ тоже не нравится; если онъ мною недоволенъ, то можетъ сказать...

— Теперешній твой тонъ, какимъ ты говоришь со мною нигдѣ неприличенъ, особенно здѣсь, въ домѣ, и въ присутствіи твоей матери. Знаю, откуда ты набрался такихъ манеръ!.. Подъ пред-

логомъ чести, образецъ твой убилъ челоуѣка! Чтобъ я никогда не слыхала о дуэли или о чемъ нибудь подобномъ!

Генри почти не слушалъ, что говорила ему мать съ такою горечью. У него невыходила изъ головы презрительная мина Сидоніи при его выходкѣ; она съ презрѣніемъ пожала плечами, и презрѣніе это выводило изъ себя Генри. Онъ подошелъ было къ Сидоніи, но она ускользнула и пошла съ баронессою погулять по саду.

Генри хотѣлъ идти за ними, но мать удержала его, продолжая ворчать и бранить Родольфа, отъ котораго будто бы Генри заимствовалъ всѣ свои манеры и идеи.

XXXII.

Когда Изабелла и Сидонія отошли на довольно большое разстояніе отъ дома, первая сказала:

— Я хочу поговорить съ вами серьезно, душа моя, и прошу отвѣчать мнѣ откровенно: хотите вы или нѣтъ выдти за Генри.

— Хочу, баронесса.

— Чтожъ значитъ обращеніе ваше съ Эмилемъ?

— Вы же сами говорили, что немножко кокетства необходимо для того, чтобъ удержать Генри.

— Это правда... но вы ужъ слишкомъ далеко зашли, надо чтобъ мужчина боялся, чтобъ онъ никогда не былъ въ васъ увѣренъ; можно даже злить его, но не унижать, это опасно... Дѣлайте съ его сердцемъ, что хотите: рвите, колите, топчите... за это онъ будетъ любить васъ еще больше; но не трогайте его самолюбія, гордости... не оскорбляйте его достоинства... а не то онъ ускользнетъ изъ рукъ вашихъ. Увѣрены ли вы въ самой себя? Кажется, Эмилъ вамъ больше нравится, чѣмъ надо для успѣха нашего предпріятія?

— Я буду говорить съ вами откровенно и признаюсь, что Эмилъ точно мнѣ больше нравится, чѣмъ Генри... Тонъ, манеры, свѣтскость, все въ Эмилѣ сильнѣе дѣйствуетъ на мое воображеніе; но я считаю бракъ дѣломъ важнымъ. Хотя Эмилъ мнѣ больше по сердцу, но положеніе Генри мнѣ больше по вкусу, слѣдовательно я пойду скорѣе за Генри... къ тому жъ родъ Рейно-де-Лонье принадлежитъ къ древнимъ дворянскимъ родамъ... между тѣмъ какъ Гольберы...

— Въ этомъ отношеніи вы совершенно правы..

— Я обязана тоже доказать благодарность мою родителямъ Генри.

— Къ чему, душа моя, обманывать намъ другъ друга? Вы дѣвушка разсудительная и знаете, что только хорошее состояніе и знатный родъ могутъ утвердить за женщиной видное положеніе въ свѣтъ, слѣдовательно вы совершенно справедливы, если предпочитаете Генри. Такъ не выпускайте же его изъ сѣтей своихъ, а главное, не увлекайтесь съ Эмилемъ. Вамъ надо знать еще, что вы дѣйствуете только на воображеніе Генри, прельщаете его своею красотою... но онъ любилъ и любитъ Маргариту, которая гораздо лучше васъ... если разсматривать. Въ васъ лоскъ красоты, въ ней же настоящая красота. Попробуйте одѣться какъ Маргарита, и посмотрите на что вы будете похожи! Вотъ вы и разсердились! что за ребячество! Надо смотрѣть на вещи такъ, какъ онъ есть, а не обманывать себя... Кажется, вы дѣвушка умная, а не видите, что еслибъ не газы ваши, кружева, банты и крепированныя буikli, вамъ бы не торжествовать надъ Маргаритой. Умная женщина должна знать на сколько у нея красоты... Если вы преувеличиваете свои достоинства, то ослѣпленіе погубить васъ, если же, напротивъ, видите всѣ свои недостатки, то умомъ и ловкостью скроете ихъ. А доказательство тому вы сами: хотя отъ Маргариты нельзя отнять красоты, она несравненно лучше васъ, а вы все таки нравитесь больше мужчинамъ.. Все зависитъ отъ ума и ловкости. А главное, слѣдите за Генри. Какъ я ни хлопотала, но онъ былъ воспитанъ дядею, и потому имѣетъ всѣ его недостатки, а такъ же и нѣкоторыя хорошія его качества, которыя я принуждена признать въ Родольфѣ. Исключая того, что Генри любилъ Маргариту, онъ воображаетъ, что связанъ съ нею обѣщаніемъ. Союзъ этотъ былъ любимую мечтою обоихъ братьевъ. Я не слишкомъ надѣюсь на любовь его къ вамъ, и потому совѣтовала бы вырвать у него сперва признаніе, а потомъ торжественную клятву. Не знаю, хватитъ ли у васъ на это ловкости?.. если хватитъ, то будьте увѣрены, что онъ станетъ считать себя связаннымъ съ вами и развязаннымъ съ Маргаритой. Къ тому жъ этотъ страшный Родольфъ можетъ явиться. Онъ не такъ-то легко откажется отъ мысли выдать внучку писаря за Генри; но если племянникъ скажетъ ему: «Я связанъ священной, торжественною клятвой съ Сидоніей» Родольфъ не станетъ препятствовать. Я хорошо изучила его характеръ. Двѣ

капли воды, какъ отецъ его, мой покойный братъ. Такъ поспѣшите и не слишкомъ забавляйтесь этимъ мальчикомъ... вѣдь Маргарита не далеко: какъ разъ отобѣеть! А главное, вырвите клятву. Пусть его думаетъ, что честь заставляетъ его жениться на васъ, и женится, даю вамъ слово, даже самъ дядя, въ случаѣ нужды, заставитъ его.

XXXIII.

Сидонія долго думала о наставленіяхъ тетушки. За то вечеромъ, когда увидѣла Генри, снова расхаживающаго какъ часовой, подъ отворенными окнами, отдернула занавѣсы.

— Ради Бога, сжаьтесь надо мною, Сидонія, сказалъ Генри, позвольте мнѣ переговорить съ вами, можетъ быть, это послѣдняя моя просьба, можетъ быть, я вижу и говорю съ вами въ послѣдній разъ... и тогда вы навсегда избавитесь отъ моей докучной особы.

— Развѣ вы не можете говорить со мною изъ сада, вѣдь я все слышу, что вы говорите, до послѣдняго слова.

— Нѣтъ, это невозможно!

— А нельзя отложить до завтра?.. Завтра мы пойдемъ гулять, и вы мнѣ повѣдаете свою важную тайну.

— Нѣтъ! я не буду ждать ни минуты, я слишкомъ страдаю. Если вы мнѣ откажете, я буду знать, что это значить и, что мнѣ остается дѣлать. Я не лягу спать до тѣхъ поръ, пока не рѣшусь на что нибудь, а если рѣшусь сегодня, то не измѣню своего рѣшенія завтра.

— Ну, если вы такъ упрямы, я сойду сейчасъ, но не останусь болѣе четверти часа, и вы мнѣ скажете эту страшную тайну.

Вѣрная своему обѣщанію, но еще болѣе вѣрная своему желанію, спустя полчаса, Сидонія, какъ легкая тѣнь, явилась на поворотѣ аллеи. Она положила трепещущую свою руку на руку Генри. Они сдѣлали вѣсколько шаговъ.

— Куда вы меня ведете? спросила Сидонія.

— Недалеко.. Только чтобъ насъ не видали и не слышали.

Они исчезли въ гущѣ деревъ.

Нестану передавать ихъ разговора, скажу въ кратцѣ въ чемъ

онъ состоялъ: Генри спрашивалъ, за что Сидонія на него дулась и дѣлала презрительныя мины, и любить ли она Эмиля. Сидонія намекнула о Маргаритѣ. Онъ сообщилъ ей планы отца и дяди касательно Маргариты, и не скрылъ, что было время, когда онъ съ радостью и нетерпѣніемъ ждалъ минуты исполненія этихъ плановъ; ему казалось, что онъ вѣчно будетъ любить Маргариту; но вышло иначе: то, что онъ принималъ за любовь, было ничто иное, какъ самое тихое, нѣжное чувство, это правда, но до того тихое и холодное, что онъ ясно увидѣлъ, что это чувство братская привязанность и больше ничего. Между тѣмъ онъ боялся, что открытіе это огорчитъ не отца его, который перемѣнилъ свое намѣреніе, но дядю и можетъ быть, Маргариту.

Если Сидонія любить его, то, разумѣется, онъ никого не пощадитъ, пойдетъ на переборъ всему; но если она отвергнетъ его, предпочтетъ другаго, онъ женится на Маргаритѣ и покорится счастью, уготованному ему еще до рожденія.

Сидонія поняла, какъ тетушка была справедлива. Она притворилась, что сомнѣвается въ любви Генри и ревнуетъ его къ Маргаритѣ. Генри успокоилъ ее, и оба кончили тѣмъ, что поклялись другъ другу въ вѣчной, неизмѣнной любви.

— Я вѣрю вашей чести, сказала Сидонія; я погибну, если вы не сдержите своей клятвы.

Вмѣсто отвѣта Генри осыпалъ пламенными поцѣлуями ея руки.

Они разошлись по своимъ комнатамъ. Генри не спалъ цѣлую ночь: онъ былъ въ упоеніи!

XXXIV.

Рано утромъ Генри побѣжалъ къ отцу.

— Если я не ошибаюсь, сказалъ онъ, то мнѣ казалось, что вы и мать моя желали, чтобъ я женился на Сидоніи.

— Это правда. Послѣ смерти Понтариса, лишившей Сидонію покровителя, огорченный потерей чловека, котораго я считалъ своимъ другомъ, съ которымъ, по крайней мѣрѣ, жилъ въ дружескихъ сношеніяхъ, и тронутый положеніемъ бѣдной дѣвушки, я поклялся быть ея покровителемъ, замѣнить ей отца. А мать и бабушка твои уговорили меня, чтобъ къ этой клятвѣ я присоединилъ еще другую: женить тебя на Сидоніи. Онъ вырвали у ме-

ня эту клятву, я увлекся ихъ просьбами и далъ ее; если ни съ твоей, ни съ ея стороны не будетъ препятствій. Въ послѣдствіи я раскаявался въ своей слабости, но мать твоя и тетушка неумолимы. Этою клятвою я нарушилъ обѣщаніе, данное мною Родольфу. Давая эту клятву, я надѣялся, что любовь твоя къ Маргаритѣ разрушитъ ее. Вѣдь ты любишь эту милую дѣвушку?.. Но если ты любишь Сидонію, я не хочу уговаривать тебя и своевольно располагать твоимъ сердцемъ.

— Да, я люблю Сидонію.

Такъ нечего и говорить, пойдемъ къ матери.

Баронесса сидѣла у Сесиліи, когда Албертъ и Генри вошли къ ней.

— Сынъ твой, Сесилія, сказалъ Албертъ, просить у меня благословенія жениться на...

— Но комъ?... спросила поспѣшно Сесилія.

— На Сидоніи.

Сесилія бросилась обнимать сына. Она была внѣ себя отъ радости.

— Но Генри такъ еще молодъ, промолвилъ робко Албертъ.

— Никогда человѣкъ не бываетъ слишкомъ молодъ, чтобъ пристать къ берегу женитьбы, то есть, къ пристани порядочной жизни, сказала тетушка нравоучительнымъ тономъ. Такъ скорѣе избалуется. Къ томъ же ему девятнадцать лѣтъ.

— А Сидоніи двадцать одинъ годъ.

— Не правда, она моложе Маргариты.

— Маргаритѣ пятнадцать лѣтъ, отвѣчалъ съ сердцемъ Албертъ: она четырьмя годами моложе Генри и шестью годами моложе Сидоніи. У меня хранятся всѣ ихъ свидѣтельства... Если угодно, я вамъ принесу и докажу...

— Не въ годахъ дѣло. Да вѣдь и ты самъ женился рано. А Родольфъ, твой герой и образецъ, былъ еще того моложе, когда ввѣрилъ счастье свое и будущность дочери писаря Дофина.

— Тетушка, сказалъ вспыхнувъ Албертъ, я тоже женатъ не на знатной барышнѣ, а на дочери адвоката...

— Благодарю!.. вскричала поблѣднѣвъ Сесилія, такъ вы меня сравниваете съ Агатай?

— А почему жъ не сравнивать? Агата самая добродѣтельная, сердечная женщина, дочь честнѣйшаго человѣка въ мірѣ. Я считаю ее сестрой и люблю, какъ родную.

— Не надо на него сердиться, Сесилія, онъ намъ принесъ хорошую вѣсть.

— Да я и не сержусь, отвѣчала Сесилія, потому что понимаю доброту его сердца. Ему жаль брата, планы котораго разрушились.

— И мои тоже, Сесилія, сказалъ мрачно Албертъ.

— Но если сынъ нашъ любитъ Сидонію?..

— Я ему и не препятствую.

— Не лучше ли будетъ, сказала Сесилія, написать Родольфу, когда они будутъ уже обвинчаны, а то онъ, бѣдный, очень будетъ страдать.

— Хорошо, сказалъ грустно Албертъ; но согласна ли Сидонія?

— А вотъ мы сейчасъ узнаемъ, сказала баронесса. Пойдемте къ ней.

Сидонія съ благодарностью приняла предложеніе, которое роднило ее съ ея благодѣтелями и баронессой, которую она обняла и сказала:

— Какъ я рада, что могу васъ называть, какъ и всѣ, *тетушкой Изабеллой!*

По новому совѣщанію рѣшили, что Родольфа надо увѣдомить до свадьбы, а не то ему будетъ слишкомъ обидно: онъ воспитанъ и любилъ Генри. Противъ этого Албертъ ничего не хотѣлъ и слышать; а чтобъ его избавить отъ горя быть свидѣтелемъ этой свадьбы, надо поспѣшить сыграть ее до его пріѣзда. Это была выдумка и хитрость Сесиліи и Изабеллы, которыя боялись Родольфа. Албертъ, жалѣя брата, согласился.

— Къ тому жъ, думалъ онъ про-себя, если братъ не пріѣдетъ, у бѣдной Маргариты будетъ предлогъ не являться на свадьбу: когда отецъ въ тюрьмѣ, дочери неприлично веселиться. Бѣдняжка не выдержитъ, заплачетъ, думалъ Албертъ, и слѣзы навернулись на глазахъ его.

У тетушки Изабеллы было третье, тайное рѣшеніе, которое она никому не сообщила, а заранѣе имъ лакомилась: это было — идти на ферму и самой неожиданно объявить о помолвкѣ Генри. Это маленькое, звѣрское лакомство восхищало ее.

Албертъ написалъ брату; изъяснялся въ любви своей, говорилъ, какъ страдаетъ безъ него; напоминалъ о прошедшемъ, о привязанности, которая расцвѣтала въ юныхъ сердцахъ Генри и Маргариты, какъ вѣсенній цвѣтъ; говорилъ о дуэли, причина которой

до сихъ поръ была для него тайной и послѣдствія которой были такъ ужасны для обоихъ братьевъ, ибо разлучали ихъ надолго; одинъ изъ нихъ томился въ чужой землѣ, другой томился за него. Въ порывѣ жалости къ сиротѣ, онъ обѣщался торжественно быть ея покровителемъ, а потомъ, по непростительной слабости, далъ слово женить Генри на Сидоніи. Вскорѣ онъ спохватился, но было поздно, жена не разрѣшила его. Обѣщаніе это измучило его; но мысль, что Генри любитъ Маргариту, какъ все это доказывало, успокоила его. Любовь Генри къ его дочери, само собою разумѣется, снимала клятву съ него, и такимъ образомъ въ счастіи дѣтей ихъ осуществлялась любимая мечта обоихъ братьевъ. Но Генри, не извѣстно почему, по наущенію ли матери и баронесы, или по естественному непостоянству мужскаго сердца, пришелъ просить формально руки Сидоніи.

Слѣдовательно все разстроено; разбиты мечты братьевъ, и Албертъ описывалъ свое горе, прибавляя, что онъ впрочемъ самъ все расскажетъ ему, потому что надѣется ѣхать повидаться съ нимъ въ Лозанну.

Запечатавъ письмо, онъ понесъ его къ Дофину.

— Вотъ, дѣдушка, письмо, сказалъ онъ старику; я облилъ его горючими слезами; оно сильно огорчитъ Родольфа.

— Родольфу не привыкать—стать къ горю, это его удѣлъ!

— Перешлите ему это письмо, и попросите, чтобъ онъ, ради Бога, не упрекалъ меня, что мнѣ столько же, если не больше, необходимо утѣшеніе какъ и ему; онъ всегда былъ крѣпче и сильнѣе меня, былъ моей опорой, прибѣжищемъ; ради Бога, чтобъ онъ не забылъ этого и теперь.

— Бѣдный Родольфъ! еще бѣда!

— Да, бѣда! и эта бѣда поразитъ его сильно, потому, что чужая бѣда, а тѣмъ болѣе моя ближе ему къ сердцу, чѣмъ своя собственная...

— Хотите повидаться съ Агатой и Маргаритой?

— Ахъ! нѣтъ... Я спѣшу... въ другой разъ.

Когда Албертъ выходилъ изъ сада, то встрѣтился съ баронессой: она шла къ Агатѣ.

— Тетушка! ради Бога не говорите! вскричалъ онъ, потомъ вышелъ изъ сада и побѣжалъ домой, говоря:

— А! я увѣренъ, она пришла пытать ихъ!

Албертъ не ошибся. Послѣ первыхъ привѣтствій, баронесса начала извиняться, что такъ давно не была; но у нихъ съ Сесиліей

было столько хлопотъ. Генри посватался за Сидонію, онъ безъ ума влюбленъ въ нее! Милая, умная красавица, Сидонія, согласилась осчастливить своего несчастнаго вздыхателя; онъ внѣ себя отъ восторга. Свадьба назначена черезъ двѣ недѣли. А, кстати! Получили вы письмо отъ Родольфа? прибавила баронесса, потомъ встала, кивнула головой, вмѣсто прощанья, и ушла.

Ни Агата, ни Маргарита не произнесли ни слова, такъ, что тетушкѣ нечему было порадоваться; надо было довольствоваться только одною ихъ блѣдностью да дрожью. Она ушла, *объщая* скоро быть у нихъ для совѣщанія о свадебныхъ туалетахъ.

Какъ только она вышла, Агата, у которой не хватило силъ проводить ее, рыдая открыла объятія своей дочери. Маргарита, блѣдная, съ блуждающими глазами, синимъ, искаженнымъ ртомъ, бросилась на грудь матери и долго лежала безъ чувствъ. Наконецъ ласки и забота матери вывели ее изъ остоленія. Она пришла въ себя, посмотрѣла кругомъ, потомъ, схватясь за голову, закричала:

— Нѣтъ! это не правда! не можетъ быть! и снова упала въ обморокъ.

— О, Боже мой! Родольфъ! гдѣ ты? защити насъ! говорила, рыдая Агата, потомъ становилась на колѣна и цѣловала руки дочери.

Къ вечеру Маргарита очнулась. Ни мать, ни дочь ничего не говорили, даже боялись посмотрѣть другъ на друга.

Нѣсколько дней спустя, Агата начала разспрашивать дочь, и та рассказала всѣ обстоятельства, которыя все это время или приводили ее въ восторгъ, или въ отчаяніе

— Какое горе отцу твоему!

— Бѣдный! какое несчастіе, что его нѣтъ съ нами! Онъ не допустилъ бы къ намъ тетушку; я, можетъ быть, ничего бы не знала. Съ какимъ наслажденіемъ я обняла бы васъ обоихъ!

XXXV.

Генри чувствовалъ себя тоже очень несчастливымъ. Онъ увлекся минутнымъ упоеніемъ и считалъ себя обязаннымъ жениться на Сидоніи, но любилъ Маргариту, только одну Маргариту. Теперь онъ ясно читалъ въ своемъ сердцѣ. Бывали минуты, въ которыя онъ такъ и бросился бы къ ногамъ скорбной дѣвушки, вымолилъ

бы у нея прощеніе и во всемъ признался бы Сидоніи. Но что скажутъ мать его и тетка? Что можетъ онъ самъ сказать Сидоніи, когда она напомнитъ ему торжественную клятву? Иной разъ ему хотѣлось объясниться съ Маргаритой. Ничего не говорить, значило обходиться съ нею съ презрѣніемъ, а Маргарита никакъ этого не заслуживала, и Генри ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ оскорблять ее, а все сказать онъ не имѣлъ права, это была не его тайна, но и тайна Сидоніи. Онъ рѣшился написать Агатѣ.

«Милая, добрая моя тетушка! скажите Маргаритѣ, или, если вы не хотите этого сдѣлать, то хоть знайте, что я самый несчастнѣйшій человѣкъ въ мірѣ: я люблю, обожаю Маргариту, а женюсь на другой. Честь, заставляющая меня поступать такимъ образомъ, запрещаетъ объясниться полнѣе.»

Агата боялась показать письмо это дочери, боялась дать ей надежду, а между тѣмъ, вѣдь еще не все погбло для бѣдной дѣвушки, если только правда, что Генри любитъ ее. Она пошла посоветоваться съ отцомъ. Дофинъ совѣтовалъ ей подождать, пока онъ напишетъ Родольфу.

Получивъ письмо брата, Родольфъ былъ глубоко огорченъ. Онъ ясно видѣлъ, что это было дѣло Сесиліи и тетушки, и даже заплакалъ, представляя себѣ печаль бѣдной малютки Маргариты, печаль, въ которой онъ горько упрекалъ себя, потому что самъ взлелѣялъ любовь эту въ юномъ сердцѣ дочери.

Въ первую минуту горя онъ сказалъ:

— Нѣтъ, это слишкомъ! Женщина эта ужъ чрезъ чуръ зазналась; она затѣваетъ со мною страшную войну! Ну, что жъ?.. война, такъ война. Великодушіе мое придаетъ ей только больше смѣлости. Пусть ее тоже поплачетъ и пострадаетъ! нечего щадить ее, если она не пощадила мою крошку Маргариту. Это почти первое ея горе. Какъ оно должно убивать ее!

Онъ сѣлъ и написалъ длинное письмо Алберту. Въ этомъ письмѣ онъ рассказывалъ ему все: какъ онъ, Албертъ, выстрѣлилъ въ него пулею, которую онъ, Родольфъ, вытащилъ изъ руки своей и тою самою пулею убилъ Клодомира. Онъ рассказывалъ ему причину дуэли и причину своего изгнанія и заключенія. Онъ говорилъ: эти двѣ женщины—два чудовища, выгони ихъ. Но онъ прочелъ письмо, вспомнилъ слѣпую любовь брата къ женѣ своей, представилъ себѣ его отчаяніе и, разорвалъ письмо.

— Но за что же гибнетъ моя бѣдная Маргарита?.. для такой твари, какъ Сесилія, жертвовать такимъ чистѣйшимъ существомъ?

Я все́мъ жертвовалъ для брата... Чѣмъ онъ пожертвовалъ для меня?.. Вѣдь Маргарита начинаетъ только жить, а мы отживаемъ свой вѣкъ... Ну, если она умретъ?.. Умретъ! Маргарита!.. Нѣтъ, напишу все, все!..

И Родольфъ снова схватилъ поро.

— А клятва на гробъ родителей жертвовать все́мъ для счастья брата?.. Нѣтъ! Господь милостивъ и справедливъ, онъ насъ помилуетъ! Этой свадьбѣ не бывать! Еслибъ я былъ еще свободенъ, то увезъ бы ее куданибудь... Во всякомъ случаѣ, я избавлю ее отъ пытки глядѣть на торжество своей соперницы. Я возьму ее хоть сюда, въ тюрьму!

Онъ написалъ Дофину:

«Послѣ завтра рѣшится моя судьба. Если меня оправдаютъ, (о чемъ я усердно молю Господа), то прїѣду къ вамъ и увезу куданибудь Маргариту. Если же осудятъ, то скажи все Маргаритѣ, скажи, что я въ тюрьмѣ и привези ее ко мнѣ. Узнавъ о моемъ горѣ, она забудетъ свое.»

Въ замѣтъ же всѣ были заняты приготовлениями къ свадьбѣ. Сидонія шила самое роскошное приданое. Только Эмиль одинъ ходилъ, порѣсивъ носъ и по видимому въ какомъ-то безпокойствѣ. Сидонія ему нравилась, и онъ считалъ себя предметомъ ея особеннаго предпочтенія. Въ день прогулки ихъ по берегу рѣки, формальное его объясненіе было выслушано съ особеннымъ одобреніемъ; съ другой стороны у него были довольно важныя причины безпокоиться о замужствѣ Сидоніи. Онъ почти разорился: у него не оставалось даже половины состоянія, даннаго ему родителями. Какъ Сесиліи, такъ и Эмилю было отдано все, на что они могли надѣяться при жизни родителей, которые были еще довольно молоды и любили жить хорошо. Къ тому жъ состояніе старика Гольберга весьма уменьшилось въ слѣдствіе дурныхъ оборотовъ на биржѣ. Сидонію же считали богатою невѣстой, потому что Албертъ, не желая срамить памяти умершаго Клодомира, не хотѣлъ разглашать, въ какомъ положеніи онъ оставилъ состояніе своей воспитанницы, у которой оставалось не болѣе половины прежняго.

Эмилю, если Сидонія пошла бы за него, представлялся случай поправить свои дѣла. Ему было досадно, что такой мальчикъ, какъ Генри, отбилъ у него невѣсту, на которой сперва онъ и не думалъ жениться, еслибъ только не боялся бѣдности; а ме-

жду тѣмъ она ему нравилась и ему было скучно, что она выходитъ за другаго. Что за хаосъ человѣческое сердце!

Онъ пытался объясниться съ Сидоніей, напомнить ей, какъ она завлекала его, увѣряла въ любви; но Сидонія, предполагая, что Генри богаче его, избѣгала всѣхъ случаевъ говорить съ нимъ наединѣ, хотя Эмиль ей очень нравился. Еслибъ она могла любить, то кромѣ Эмиля, никого бы не любила; но съ ея характеромъ она легко подавила въ себѣ это чувство.

Эмиль поймалъ ее однажды и сказалъ:

— Сегодня, когда всѣ улягутся, я буду ждать у вашего окна. Мнѣ необходимо говорить съ вами.

— Ради Бога, не дѣлайте этого, а то я погибну!

— Вѣдь я прошу у васъ только четверти часа, кажется, это немного! а потомъ я даю вамъ слово никогда не говорить о любви, въ которой вы сами же увѣряли меня... Такъ я приду...

— Нѣтъ, это невозможно!

— Ну, такъ я клянусь, что я громко при всѣхъ буду требовать отъ васъ исполненія вашихъ обѣщаній и употреблю всѣ силы, чтобъ свадьба эта не состоялась.

— Хорошо, я на все согласна.

— Такъ до свиданія.

XXXVI.

Вечеромъ, часовъ въ одиннадцать, когда въ замкѣ все спало, Эмиль стоялъ подъ окномъ Сидоніи. Она долго не отворяла окна, она боялась, колебалась. Но онъ началъ бросать въ стекла маленькими камешками, и она вышла на балконъ.

— Ради Бога, уйдите! прошептала Сидонія.

— Вы обѣщали мнѣ...

— Нѣтъ, уйдите, не губите меня.

— Такъ вотъ письмо, завтра я приду за отвѣтомъ.

— Я не должна принимать писемъ, и мнѣ нечего говорить съ вами.

— Все равно, прочитайте письмо и дайте мнѣ отвѣтъ.

— Я не стану писать.

— Кто жъ велитъ вамъ писать? Вы скажете только да или нѣтъ.

— Такъ я говорю впередъ: нѣтъ!

— Это немножко смѣло съ вашей стороны. Вѣдь вы не знаете, чего я прошу у васъ. Вотъ письмо, возьмите его, сказалъ Эмиль, и бросилъ его на балконъ.

— Боже мой! кто-то ходитъ! я слышу шорохъ. Ну, если кто насъ видѣлъ?

— Это вѣтеръ, или кошка.

— Уйдите скорѣе.

— Прощайте. До завтра, въ это же время.

Сидонія не ошиблась. Это была не кошка, а человекъ съ руками и ногами, который слышалъ весь разговоръ ея съ Эмилемъ. Человекъ этотъ былъ Родольфъ.

Родольфа освободили и онъ отправился къ себѣ въ деревню обнять поскорѣе семейство, особливо Маргариту. Но прежде онъ хотѣлъ видѣть брата и узнать отъ него самага, правда ли, что все уже кончено для его бѣдной дочери. Письмо Генри къ Агатѣ, которое послали ему въ тюрьму, приводило его въ недоумѣніе. Подходя къ замку, онъ услышалъ голоса, которые тотчасъ узналъ; а какъ онъ находился между врагами, то и разсудилъ, что не худо все знать, и сталъ подслушивать.

XXXVII.

Албертъ уже ложился спать, когда Родольфъ вошелъ къ нему. Братья съ восторгомъ обнялись.

— Откуда ты? изъ Лозанны?

— Нѣтъ, изъ Парижа.

— Что жъ ты тамъ дѣлалъ?

— Сидѣлъ въ тюрьмѣ. Слава Богу, теперь мы уже больше никогда не разстанемся!

— Какое счастье! Но какъ же я не зналъ, что ты въ тюрьмѣ? Какъ же письма твои приходили изъ Швейцаріи?

— Это была хитрость, чтобъ избавить тебя и семейство мое отъ горя. Мы придумали это съ старичкомъ Дофиномъ.

— Боже мой! ты изывалъ въ тюрьмѣ, а я и не зналъ даже. Не стыдно ли было скрывать отъ меня?

— Когда я скрываю отъ тебя что нибудь, Албертъ, такъ для того только, чтобъ избавить тебя отъ горя. Помни навсегда, что ты цѣль моей жизни, и что я ни на минуту не забывалъ объщанія, даннаго нами другъ другу на могилѣ родителей.

— Но я бы ѣздилъ навѣщать тебя... проводить съ тобою все свободное время. Бѣдный братъ! и Албертъ со слезами обнималъ брата.

— О чемъ же теперь плакать? вѣдь все кончено, слава Богу! Скоро мы еще разстанемся, но не на долго.

— Куда же это ты?

— Надо увезти куда нибудь мое бѣдное дитя; надо утѣшить ея больное сердце. Я не хочу, чтобъ она была на свадьбѣ, а оставаться здѣсь и не быть, нельзя.

— Боже, какое несчастье!

— Генри здѣсь?

— Здѣсь.

— Вотъ письмо его къ Агатѣ. Въ письмѣ этомъ онъ увѣряетъ, будто бы, женясь на Сидоніи, покоряется жестокой необходимости.

— Что за странность! сказалъ Албертъ, прочитавъ письмо. Онъ самъ пришелъ просить меня женить его на Сидоніи.

— Онъ долженъ объяснить это письмо. Пошли за нимъ.

Генри уже легъ, но еще не спалъ. Онъ всталъ и пошелъ къ отцу. Увидѣвъ такъ неожиданно дядю, онъ бросился къ нему на шею и обнявъ съ восторгомъ, потомъ смутился и опустил глаза.

— Генри, что это за письмо? спросилъ Родольфъ.

— Это письмо къ тетускѣ Агатѣ. Я написалъ его.

— Что значить это письмо?

— То, что тамъ написано, суцая правда.

— Такъ ты не жалеешь жениться на Сидоніи? спросилъ Албертъ.

— Я люблю Маргариту.

— Для чего же просилъ ты меня такъ убѣдительно позволить тебѣ жениться на Сидоніи... въ то время, какъ я и дядя твой были бы такъ счастливы, если бъ ты выбралъ Маргариту.

Генри, не отвѣчая, повѣсилъ голову.

— Мать твоя и бабушка увѣряютъ, будто ты страстно влюбленъ въ Сидонію.

— Красота ея, манеры, умъ, смѣлость и что-то такое, чего я не видалъ никогда въ другихъ, увлекли меня на минуту... Но скоро чадъ этотъ прошелъ, и я увидѣлъ ясно, что люблю и всегда буду любить только одну Маргариту.

— Какъ же ты женишься на другой? Вѣдь это будетъ ужасно и для Сидоніи, и для тебя!

— Да, для меня это страшно, потому что я буду исполнять всѣ свои обязанности въ отношеніи къ женщинѣ, на которой женюсь.

— Первая твоя обязанность не обманывать ее и не увѣрять, что ты любишь ее... когда сердце твое занято другою.

— Теперь ужь поздно... Я долженъ на ней жениться!

— А я такъ думаю напротивъ! Я долженъ остановить этотъ бракъ и сейчасъ же иду къ твоей матери!

— Ради Бога, не дѣлайте этого!

— Такъ что жь прикажешь мнѣ дѣлать? Отъ тебя я не могу добиться толку, ты все говоришь какими-то шарадами... а я не умѣю отгадывать.

— Честь моя пострадаетъ, если я не женюсь...

— Но если ты женишься не любя, то это тоже будетъ безчестно.

— Все равно! я долженъ...

— Ты вѣрно далъ ей слово?

— Да, а слово мое священно.

— Послѣ этого нечего и говорить! сказалъ Родольфъ. Это несчастіе!.. а въ послѣдствіи будетъ еще большее... но если ты далъ слово, то долженъ сдержатъ его. Албертъ, проводи меня.

— Дядюшка! милой дядюшка!.. простите меня... я такъ несчастливъ!..

Родольфъ обнялъ его. Когда братья вышли, Албертъ сказалъ:

— Всѣ страдаютъ отъ этого брака. Я разстрою его.

— Одна Сидонія можетъ только расторгнуть его. Ни ты, ни я, не имѣемъ права противиться. Я боялся, что Генри увлекся тщеславіемъ, что онъ сдѣлался вѣтренъ, непостоянень... это бы огорчило меня... но если онъ исполняетъ долгъ, то совершенно правъ и заслуживаетъ уваженіе.

— Но какой результатъ будетъ такой женитьбы?

— Прескверный для всѣхъ, исключая развѣ тетушки, счастье которой состоитъ въ несчастіи другихъ.

— Что-жь намъ дѣлать? посоветуй.

— Тутъ нечего совѣтовать. Одна Сидонія можетъ спасти насъ; но она не захочетъ, судя по тому, что я объ ней знаю. И что еще хуже... я случайно сдѣлалъ открытіе, которое убѣдило меня, что любовь ея къ Генри вовсе не такъ пламенна и не такъ исключительно, какъ думаетъ сынъ твой.

— Въ такомъ случаѣ мы будемъ дураки и преступники, если допустимъ его до такого несчастія и сумзшества.

— Завтра я докажу тебѣ... а до тѣхъ поръ никому ни слова. Приходи завтра ко мнѣ.

Братья простились.

XXXVIII.

На фермѣ еще не спали, когда Родольфъ пришелъ домой. Не берусь описывать радости семейства его: этого невозможно ни описать, ни выразить.

Онъ не хотѣлъ говорить о Генри до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ послѣдней попытки, которую отложилъ до завтра. Но между тѣмъ съ Маргаритой онъ былъ гораздо ласковѣе, чѣмъ съ другими, и увидѣвъ, какъ она блѣдна, почти заплакалъ. Онъ разсказалъ семьѣ своей про свое житье-бытье. Жена и дочь, узнавъ, что все это время онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ, расплакались.

— Все, слава Богу, кончилось, сказалъ Родольфъ, и мы больше не разстанемся.

На другой день, рано утромъ, Албертъ пришелъ къ брату. Родольфъ объяснилъ ему, что онъ намѣренъ дѣлать.

— Если женихъ и невѣста не любятъ другъ друга, сказалъ онъ, то надо довести Сидонію до того, чтобъ она сама отказала Генри. Только она одна можетъ возвратить ему слово.

Братья пошли къ Алберту, который провѣлъ Родольфа такъ, чтобъ его никто не видѣлъ, и посадилъ въ комнату, смежную съ его кабинетомъ, откуда Родольфъ могъ все слышать, что говорилось у брата.

Затѣмъ Албертъ послалъ просить Сидонію. Она не замедлила явиться.

— Садитесь, мой другъ, и выслушайте меня со вниманіемъ, сказалъ Албертъ. Бракъ вашъ рѣшенъ и свадьба уже назначена; между тѣмъ вы не знаете одного обстоятельства, котораго я не долженъ долѣе скрывать отъ васъ. Я не такъ богатъ, какъ кажусь: замокъ этотъ, земли, принадлежащія къ нему, роскошь, окружающая насъ, все это—не мое. Братъ, чтобъ устроить счастье мое, уступилъ мнѣ большую часть своего состоянія, и такимъ образомъ, благодаря его щедрости и приданому жены моей, я сдѣлался богатымъ человѣкомъ. Слѣдовательно, Генри, мой единственный сынъ, могъ считаться завидною партією. Но несчастныя обстоятельства, которыя было бы слишкомъ долго объяснять вамъ, въ нѣсколько лѣтъ почти разорили меня... такъ, что я стоялъ на краю пропасти. Родольфъ же трудомъ, порядкомъ, нѣкотораго рода лишеніями и счастливыми оборотами обогатился въ это время. Онъ подоспѣлъ ко мнѣ на помощь съ тою же готовностію, но уже съ условіемъ, налагаемымъ на него долгомъ отца. У Родольфа была

уже дочь. Онъ выкупилъ заложное мое имѣніе; значитъ подарилъ мнѣ его вторично и подарилъ больше прежняго, потому что въ первый разъ въ имѣніи этомъ была и моя половина, а тутъ все было заложено, и онъ все выкупилъ. Меня огорчало, что я обобралъ брата, но Родольфъ, успокоивая меня, говорилъ: «Не все ли равно, вѣдь Генри женится на Маргаритѣ... имъ нечего дѣлить.»

Не скрываю отъ васъ, милая Сидонія, что мысль эта такъ намъ обоимъ нравилась, что мы даже никогда не сомнѣвались въ исполненіи нашихъ плановъ. Дѣти нѣжно любили другъ друга, а мы глядя на нихъ благодарили Бога за такое легкое осуществленіе мечты нашей. Несчастіе, случившееся съ вами, наложило на меня и жену мою пріятный долгъ принять васъ къ себѣ и считать своею дочерью. Можетъ быть, жена моя далеко зашла, задумавъ женить на васъ своего сына. Но чтобы тамъ ни было; красота ваша довершила все. Генри влюбился въ васъ и просилъ меня и мать благословить его на бракъ съ вами. Вы согласились... следовательно все кончено.

Хотя я не сомнѣваюсь въ вашемъ безкорыстїи, милая Сидонія, и увѣренъ въ любви вашей къ сыну моему, однако долженъ объяснить съ вами на счетъ денежныхъ обстоятельствъ.

Когда я женился, Родольфъ имѣлъ право подарить мнѣ часть своего состоянія. Но когда пришлось выкупать мое имѣніе, то онъ далъ деньги, принадлежащія не ему, а его дочери. Если бы мечты наши сбылись, то деньги эти остались бы у Генри, какъ приданое Маргариты. Но теперь, когда все перемѣнилось, Родольфъ не имѣетъ права, а я не хочу и не могу оставлять помѣстье это сыну моему, когда оно принадлежитъ Маргаритѣ.

И такъ еще разъ повторяю, любезная Сидонія, что считаю васъ честною дѣвушкою и ни минуты не сомнѣваюсь, что чувства ваши благородны, выше всѣхъ матерьяльныхъ интересовъ. Но я долженъ былъ вамъ все сказать, потому что и вы сами не богаты. Опекунъ вашъ оставилъ дѣла ваши въ такомъ положеніи, что только смерть его спасла васъ отъ совершенной нищеты. Когда мы отдадимъ брату замокъ, принадлежащій его дочери, то принуждены будемъ довольствоваться весьма малымъ. Надо будетъ отказаться отъ теперешней роскоши, и жить на фермѣ, какъ живетъ теперь Родольфъ. Но съ такимъ свѣтлымъ умомъ, и такой возвышенной душою, какъ ваша, вы вѣрно понимаете, что не въ деньгахъ счастье. Мы будемъ жить скромно, тихо; откажемся отъ Парижа, отъ свѣта, и будемъ счастливы въ своемъ семействѣ, окру-

женные великолѣпіемъ природы... Вотъ наша будущая роскошь, другъ мой, Сидонія.

Албертъ, въ продолженіе десяти минутъ, не переводя дыханія, высказывалъ избытія мѣста на счетъ бѣдности и счастія, на-толкованныя ему Родольфомъ.

Сидонія, какъ громомъ пораженная, не перебивала его, напротивъ, боялась той минуты, когда ей придется говорить въ свою очередь. Но Родольфъ все предвидѣлъ и наказалъ Алберту не вводить ее въ неприятное положеніе отвѣчать.

— Любезная Сидонія, сказалъ Албертъ въ ту минуту, когда она пыталась пробормотать какой-то отвѣтъ, извините, что я перебиваю васъ, но теперь я не хочу ничего слышать... Подумайте сперва. Я напередъ знаю, что умъ вашъ, сердце и любовь къ Генри заставятъ васъ сказать; но я не хочу этимъ пользоваться. Къ тому жъ, по нашему будущему образу жизни, то, что есть у васъ и Генри, будетъ намъ достаточно за глаза. И такъ я требую, чтобъ не прежде, какъ послѣ завтра, вы дали мнѣ окончательный отвѣтъ, чтобъ никому даже не заикались о нашемъ разговорѣ, и дали бы мнѣ въ этомъ торжественное обѣщаніе. Ну, что, согласны?

— Извольте, отвѣчала слабымъ голосомъ Сидонія, и вышла изъ кабинета.

— Ну, что, видишь теперь, что дѣвушка эта вовсе не любитъ Генри! сказалъ Родольфъ, выходя изъ другой комнаты. Если бъ она любила, не смотря на запрещеніе твое, она немедленно бы сказала, что идетъ за него. Во всякомъ случаѣ ты хорошо сдѣлалъ, что не далъ ей отвѣчать и рѣшиться на что нибудь. Генри надо услатъ на это время; дай ему какое нибудь порученіе въ Парижъ. Вѣдь ты впрочемъ не обманывалъ Сидонію, а сказалъ ей сущую правду, и сама честь заставляла тебя говорить съ нею такъ, какъ ты говорилъ. Вѣдь я же не могу дарить приданое Маргариты Сидоніи, будетъ и того, что она отбила у нея жениха. Бѣдняжка!.. Сегодня вечеромъ Сидонія должна кое-кому дать отвѣтъ; вѣроятно теперешній разговоръ съ тобою будетъ имѣть вліяніе на этотъ отвѣтъ.

— Какой отвѣтъ? Кому?

— Послѣ узнаешь.

XXXIX.

Сидонія вернулась на свою половину въ страшномъ смятеніи.

Всѣ воздушныя замки ея и мечты о величїи, роскоши, балахъ и успѣхахъ въ свѣтѣ распались, какъ прахъ, исчезли какъ дымъ. Она вспомнила съ горькою улыбкою слова Алберта: «Деньги не даютъ счастья», и снова взялась за письмо Эмиля.

Эмиль, не говоря о перемѣнѣ состоянія Генри, перемѣнѣ, которой онъ впрочемъ не подозрѣвалъ, предупреждалъ все-таки Сидонїю, что выйдя за Генри, она непременно обманется въ своихъ надеждахъ.

«На какую жизнь обрекаете вы себя, прекрасная Сидонїя! писалъ Эмиль. Въ семействѣ, въ которое вы входите, все пляшетъ по дудкѣ дяди Родольфа. Сестра моя, не смотря на всю красоту свою и любовь, которую внушаетъ мужу; баронесса, не смотря на хитрость свою, прозорливость, умъ и настойчивость, никогда не могли поколебать его вліянія. Съ нимъ нельзя бороться!

«А какъ вышеупомянутой дядюшка непременно хочетъ чтобъ всѣ жили въ деревнѣ, въ упражненїи всѣхъ возможныхъ сельскихъ добродѣтелей, то вся ваша жизнь будетъ предлинная и прескучная пастушеская идиллія. Вы будете богаты, это правда, но знаете ли на что, при жизни дяди Родольфа, употребляютъ деньги въ этомъ семействѣ? Лишаютъ себя всякаго удовольствїя, одѣваются, какъ мѣщане, собираютъ мелкія монеты, кладутъ ихъ въ кружечки, а на эти деньги, измучивъ себя до крайности, покупаютъ клочекъ змли, разрабатываютъ другой, и засѣваютъ третій. Я гораздо бѣднѣе Генри; но что я имѣю, то мое, собственно мое. Я живу, какъ хочу... А что я хочу?.. видѣть васъ счастливою, блестящею, обожаемою всѣми львами, и ненавидимою всѣми женщинами. Я не стану проживать капитала, но процентами, которые буду тратить съ умѣньемъ, приобретеннымъ опытностью, мы можемъ жить въ свѣтѣ съ достаточнымъ блескомъ.

Подумайте обо всемъ этомъ, милый другъ мой, вы не для того созданы, чтобъ распуститься и завянуть въ деревнѣ, какъ полевой цвѣтокъ. Вы должны владычествовать, сїять, радоваться... затѣмъ вамъ и дана красота, умъ и дарованіе. Если бъ я даже и не былъ влюбленъ въ васъ, все таки говорилъ бы тоже самое по честности и уваженію ко всему прекрасному и изящному...» и т. д.

Когда настала минута свиданїя, Сидонїя, отворивъ окно, сказала:

— Войдите.

Эмиль взошелъ на балконъ, а потомъ въ комнату Сидонїи и хотѣлъ было поцѣловать у нея руку, но она, отдернувъ ее, сказала:

— Садитесь; о чемъ я намѣрена говорить съ вами, такъ важ-

но, что мнѣ и въ голову не приходило, что мнѣ придется еще защищаться и учить васъ, какъ слѣдуетъ обходиться съ дѣвушкой, которую уважаешь... Я чуть было не увлеклась благодарностью... Семейство это приняло меня тогда, когда я была въ совершенномъ одиночествѣ, безъ опоры и пристанища... По видимому, они всѣ были такъ счастливы при одной мысли, что я выду за Генри, что у меня не хватаетъ духу отказать ему. Но между тѣмъ, размысливъ хорошенько, я увидѣла, что бракъ весьма важный шагъ въ жизни, особенно въ жизни женщины, и страшно испугалась минутной слабости, которую мнѣ пришлось бы искупать цѣлою жизнью слезъ. Я не люблю Генри... сердце мое принадлежитъ... другому. Всѣ они были добры ко мнѣ... изъ этого еще не слѣдуетъ, что я должна для нихъ жертвовать собою и всею своею будущностью. Тотъ... кого я люблю, тоже имъ близокъ и по сердцу, и по крови, слѣдовательно, если они и въ самомъ дѣлѣ меня такъ любятъ, что желаютъ видѣть въ своемъ семействѣ... желаніе ихъ исполнится... если тотъ, кого я люблю не обманулъ меня, если я могу вѣрить его клятвамъ и надѣяться на его рѣшительность и твердость характера.

Эмиль бросился къ ногамъ Сидоніи.

— Садитесь. У насъ мало времени, надо на что нибудь рѣшиться и потомъ немедленно дѣйствовать. Вы говорите, что любите меня, я тоже люблю васъ, и хочу быть вашею женою. Вы не богаты, «но счастье не въ деньгахъ.»

Сидонія предпочитала Гольберга потому только, что узнала о разореніи Алберта. Она отказывалась для Эмиля отъ богатства Генри, богатства, котораго уже не существовало, а Эмиль, напротивъ, былъ богаче племянника.

Гольбергъ съ своей стороны почти разорился и не зналъ, до какой степени Клодоміръ обобралъ свою воспитанницу. Но во всякомъ случаѣ, Сидонія была для него хорошая спекуляція, которую онъ почиталъ еще лучшею. Сидонія же не выводила его изъ этого заблужденія, а напротивъ, намекала, что у нея есть за-глаза чѣмъ жить. Каждый изъ нихъ желая обмануть другаго, и въ самомъ дѣлѣ обманывалъ, но въ тоже время былъ и самъ обмануть.

Разговоръ кончился тѣмъ, что оба рѣшили сыграть свадьбу какъ можно скорѣе. Но Сидонія не знала, какъ ей отдѣлаться отъ семейства Рейно. Вѣдь нельзя же сказать имъ: «Вы обѣднали, я не пойду за вашего сына.» Это было бы не совсѣмъ ловко.

Не сообщая Эмилю настоящей причины своего недоумѣнія и

неловкаго положенія, она заставила его понять, что по своей слабости она слишкомъ далеко зашла, и что у нея нѣтъ духу объясниться съ ними, и чтобъ избавиться отъ этихъ неприятныхъ сценъ, она готова идти за перваго встрѣчнаго. Они придумывали, какъ бы избавиться отъ первыхъ вспышекъ гнѣва Сесиліи и Изабеллы, отъ слезъ Генри и упрековъ Алберта, и рѣшились бѣжать. Послѣ этого рѣшенія Эмиль ушелъ.

На другой день Сидонія притворилась больною и осталась въ постелѣ. Она понимала, что не смотря на предписаніе Алберта отвѣчать не прежде, какъ послѣ завтра, она не послушалась бы его, если бѣ истинно любила Генри, если бѣ переменна обстоятельство его не переѣвила ея намѣреній. Она понимала все это и поняла также, что и Албертъ понялъ ее; и ей было совѣстно глядѣть на него. Чтобъ избѣжать взглядовъ его, она притворилась больною.

Сидоніи нельзя было не принять Сесилію и баронессу; но чтобъ избавиться отъ ихъ распросовъ, она сказала:

— Это ничего, пройдетъ; у меня страшная головная боль, когда я молчу, то легче; но только что заговорю, она мнѣ щемитъ виски невиносимымъ образомъ. Я часто бываю подвержена этой боли, но не на долго, завтра все пройдетъ; но мнѣ надо отлежаться, не говорить, не думать, быть одной.

Разумѣется всѣ вышли, оставивъ ее одну.

На другой день, баронесса, которой никогда не спалось, снова пришла навѣстить Сидонію. Но Сидоніи не было въ комнатѣ.

— Неужели она уже встала и побѣжала въ садъ? Какая неосторожность! Вчера была больна, а сегодня бѣгаетъ по росѣ.

Баронесса подошла къ камину. На каминѣ лежало письмо. Она взяла его; оно было надписано на ея имя.

Баронесса распечатала письмо, пробѣжала его, сплеснула руками и побѣжала къ Сесиліи, съ которой заперлась.

XI.

Въ письмѣ этомъ Сидонія признавалась, что сердце ея давно уже не принадлежитъ ей; но что благодарность ея къ Сесиліи и баронессѣ до того безгранична, что у нея не хватило силъ идти противъ ихъ воли. Видя, какъ онѣ желаютъ и хлопочутъ выдать ее за Генри, она не хотѣла огорчить ихъ отказомъ; но когда подошло дѣло къ свадьбѣ, она начала бояться; ее испугала мысль, что она готовитъ несчастье Генри и свое собственное, и потому

рѣшилась бѣжать и скрываться до тѣхъ поръ, пока всѣ успокоятся, а Сесилія и тетушка, къ которымъ она чувствовала наибольше любви и благодарности, позволятъ пріѣхать ей вымолить прощенье. Теперь у нея нѣтъ силъ объясниться съ ними лично, она боится упрековъ, слезъ, боится малѣйшаго сомнѣнія на счетъ ея благодарности...

Письмо было предлинное, но въ немъ было повторенье одного и того же.

— Такъ она не любила Генри? вскричала съ удивленіемъ Сесилія.

— Какъ же обходится она съ тѣми, кого любить? сказала Изабелла. Впрочемъ ее нельзя упрекать въ неблагодарности... вѣдь мы хлопотали не для нея собственно, а чтобъ сдѣлать на зло Родольфу и спасти Генри отъ Маргариты.

— Я никогда не согмашусь на подобное безчестіе, никогда не позволю сыну породнить меня еще ближе съ этимъ ненавистнымъ Родольфомъ!

— Твоего согласія не спросятъ.

— Генри не любитъ Сидонію.

— Бѣдный! онъ будетъ жертвою если женится на Маргаритѣ. Но что толковать прежде времени... Пойдемъ къ Алберту, надо объявить ему.

Тетушка съ племянницей отправились на половину Алберта; но каково было ихъ удивленіе, когда имъ сказали, что онъ уже давно уѣхалъ съ братомъ своимъ Родольфомъ!

— Съ Родольфомъ! вскричали онѣ въ одинъ голосъ.

— Теперь все погибло! сказала баронесса. Можетъ быть, онъ увезъ Сидонію.

— Вѣдь онъ былъ въ тюрьмѣ?

— Вѣрно убѣжалъ.

— Такъ я опять засажу его!

Онѣ возвратились въ комнату Сидоніи. По всему видно было, что побѣгъ былъ заранѣе задуманъ, что Сидонія не торопилась: она забрала съ собою все, что получше, остальное же уложила съ сундуки, увязала, запечатала и написала свое имя, съ намѣреніемъ скоро прислать за всѣмъ этимъ.

Призвали людей, начали справляться, никто ничего не зналъ, только у калитки видны были слѣды кареты, да горничная еще объявила, что за день до болѣзни, Сидонія, выходя изъ кабинета барина, и встрѣтаясь съ горничною въ коридорѣ, приказала

принести свои пустые сундуки, сказавъ, что хочетъ пересмотрѣть вещи, и которыя ей не нужны, уложить въ сундуки, инья же подарить горничнымъ. Когда принесли сундуки, она приказала поставить ихъ подъ кровать и диваны, сказавъ, что теперь не будетъ разбираться, потому что не совсѣмъ здорова, но завтра займется всѣмъ этимъ.

Сидонія забрала все свое приданое, даже и то, что было ей сдѣлано Сесиліей, баронессой и Албертомъ.

— Какъ умна! вскричала съ восторгомъ баронесса.

— Бѣдный Генри! сказала Сесилія.

— Мнѣ тоже его жаль, отвѣчала баронесса, и тѣмъ болѣе, что я влюбила его въ эту сороку-попрыгунью. Натура у Генри пламенная. восприимчивая... его не надо утѣшать, а напротивъ... пока онъ влюбленъ въ Сидонію, онъ не женится на Маргаритѣ... а еслибъ намъ удалось увѣрить его и доказать, что Родольфъ отнялъ у него невѣсту... тогда какъ знать?.. можетъ быть, онъ навсегда прекратитъ всѣ сношенія съ этимъ семействомъ? Если же не удастся имѣть настоящихъ доказательствъ, можно такъ поддѣлать, что чудо!

— Ахъ! нѣтъ, нѣтъ!.. ради Бога! Родольфъ убьетъ у меня и этого!

— Не убьетъ! Онъ любитъ его, какъ сына... а если убьетъ кого, такъ самого себя... Ну, чтожъ?.. тѣмъ лучше!

— Кто избавитъ меня отъ этого убійцы, разбойника?..

— Успокойся, душа моя. Вѣдь ты знаешь, что я люблю тебя... слушайся только меня, и все будетъ хорошо. Я знаю рану твоего сердца, и все понимаю... но для Алберта, для собственнаго твоего спокойствія, прячь ее. Если хочешь, ненавижь Родольфа, оскорбляй его во всѣхъ привязанностяхъ, коли его гордость, самолюбіе, унижай жену, но не заикайся о смерти Клодіра... Если не можешь скрывать своей ненависти, говори, что гонишь Родольфа за то, что онъ хочетъ унижить Генри, такъ же, какъ и самъ унижился неравнымъ бракомъ... Любезный братецъ нашъ началъ скандалъ... Неужели онъ пойдетъ изъ рода въ родъ въ нашемъ несчастномъ семействѣ! Вѣдь и ты не изъ дворянскаго рода... кто твой отецъ?.. купецъ или адвокатъ?.. кажется и то и другое; а вѣдь купцы и адвокаты тоже не принадлежать къ хорошему обществу.

Сесиліи, которая считала себя знатною барыней, до того сдѣлалось досадно, что голосъ замеръ въ груди ея.

— Если вы еще разъ заикнетесь о моихъ родителяхъ и будете унижать меня, мы навсегда враги.

— Тебѣ не выгодно... я могу рассказать все Алберту, онъ узнаетъ, за что Родольфъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Чтобъ спасти себя, тебѣ придется обратиться къ великодушію Родольфа, который заберетъ тебя въ свои лапы и заставитъ плясать по своей дудкѣ.

— Теперь я его еще больше ненавижу! Еслибъ не онъ... никто-бы не зналъ... Клодоміръ остался бы живъ, и я не переносила бы отъ васъ униженій.

— Успокойся, душа моя; вѣдь я не сравнивала тебя съ Агатой... а такъ, къ слову пришлось. Я люблю тебя и не выдамъ врагамъ твоимъ... только ты сама не выдавай себя... а главное, чтобъ не знали настоящей причины ненависти твоей къ Родольфу... Но надо же предупредить Генри, и хотя не утѣшить его, (это было бы слишкомъ рано,) по крайней мѣрѣ ослабить ожидающій его ударъ. Я не хочу, чтобъ Албертъ объявилъ ему это; онъ станетъ утѣшать его и говорить о Маргаритѣ. Я беру на себя...

Онѣ отправились и дорогой совершенно помирились. На долго ли?

XLI.

Когда Сесилія и баронесса вошли, Генри читалъ, или лучше сказать, опершись головою на обѣ руки, глядя въ книгу, думалъ о Маргаритѣ, которую любилъ и на вѣкъ терялъ; думалъ о томъ, какъ должна она презирать его, за кого считаютъ его Родольфъ, Агата и старичокъ Дофинъ, которые такъ любили, такъ баловали и утѣшали его въ дѣтствѣ, между тѣмъ, какъ родная мать вовсе о немъ не думала. Но честь заставляетъ его жениться на Сидоніи, которую онъ возненавидѣлъ бы въ эту минуту, еслибъ могъ ненавидѣть; отецъ и дядя того же мнѣнія. Значитъ, теперь для него все погибло, и Маргарита, и счастье, и вся будущность.

Сесилія и баронесса значительно посмотрѣли другъ на друга, какъ будто хотѣли сказать:

— Какъ онъ печалень! ужъ не узналъ ли онъ о бѣгствѣ Сидоніи?

— Чему долженъ я приписать честь видѣть васъ у себя и такъ рано?.. спросилъ Генри. Меня это крайне удивляетъ, тѣмъ болѣе, что ни одна изъ васъ никогда не переступала черезъ порогъ моей комнаты.

Сесилія, вмѣсто отвѣта, обняла и поцѣловала сына. Тетушка въ свою очередь схватила его за голову, и тоже поцѣловала. Сесилія расплакалась. Тетушка отирала сухіе глаза. Генри, сердце котораго было переполнено горемъ, ждалъ только случая привязаться къ чему нибудь, чтобъ излить его, тоже заплакалъ.

— Онъ все знаетъ! сказала Сесилія; видите, какъ онъ огорченъ.

— Что еще случилось? спросилъ Генри у матери.

— Развѣ ты не знаешь?

— Я никого еще не видалъ и не выходилъ изъ комнаты.

— Такъ вооружись твердостью, сынъ мой...

— Вы пугаете меня! ужъ не случилось ли чего съ отцомъ моимъ, съ дядей, тетушкой Агатой или съ кѣмъ нибудь изъ семейства нашего?

Онъ не могъ выговорить имени Маргариты.

— Нѣтъ, слава Богу... но развѣ кромѣ ихъ у тебя нѣтъ никого, кого ты любишь?.. Ахъ, бѣдное дитя мое... Когда думаешь, что счастье такъ близко, и стоитъ только протянуть руку, чтобъ схватить его, судьба отнимаетъ его отъ насъ... Такъ и съ тобой случилось, другъ мой.. тебѣ пришлось отказаться отъ счастья, отъ радужныхъ грезъ молодости... Но ты мужчина, будь твердъ, не упадай духомъ. Сидонія...

— Что съ нею случилось?

Сесилія, боясь взглянуть на Генри, опустивъ глаза въ землю продолжала:

— Сидонія... но ради Бога не огорчайся... Сидонія не любила тебя и убѣжала. Вотъ письмо, прочитай.

Генри лихорадочно прочиталъ письмо.

— Милый мой, продолжала Сесилія, приди выплакать горе на груди моей.

— Да о чемъ же тутъ плакать? Слава Богу! говорилъ съ восторгомъ Генри. Лицо его сіяло радостью. Добрая, безцѣнная Сидонія! какъ благодарить тебя!.. и тебя тоже, дорогой мой соперникъ, что ты увезъ ее! чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Благодарители мои!.. благословлю васъ! Поѣду на свадьбу вашу, буду пить за здоровье ваше, буду пѣть, танцовать, веселиться.

— Тетушка!.. онъ съ горя съ ума сошелъ! вскричала въ испугъ Сесилія.

— Все не сошелъ, милая мамаша... Поцѣлуйте меня!

И Генри бросился цѣловать мать.

— Я счастливѣйшій человекъ въ мірѣ, продолжалъ онъ, прыгая по комнатѣ. Да здравствуютъ жизнь и свобода!.. О! какой чудный день!

И Генри, опьянѣмый отъ радости, началъ дурачиться какъ школьникъ, узнавшій о неожиданномъ отпускѣ. Онъ скакалъ по кровати, прыгалъ со стула на стулъ; снялъ часы, поставилъ ихъ на полъ, а стулья на столъ; схватилъ мать и бабушку, заставилъ ихъ танцовать, и танцуя, цѣловалъ ихъ поочередно.

— Боже мой! что это я дѣлаю? теряю время.. а мнѣ надо на ферму!

Баронесса хотѣла остановить его и стала передъ дверьми.

Генри выпрыгнулъ въ окно и полетѣлъ безъ оглядки.

— Онъ съ ума сошелъ! вскричалъ Сесилія: бѣжить къ рѣкѣ, хочетъ топитья!

— Что за вздоръ!.. онъ радъ, что отдѣлался отъ Сидоніи.

— Да вѣдь онъ любилъ Сидонію?

— И не думалъ.

— Такъ зачѣмъ же онъ хотѣлъ жениться на ней?..

— Затѣмъ, что она взяла съ него слово, связала клятвой. Теперь намъ надо приготовляться къ другой свадьбѣ, и я иду готовить платье.

— Клянусь вамъ, какъ я поклялась праху Клодоміра, что этому не бывать.

— Молчи, ради Бога! не выдавай своей тайны. Ты знаешь, какъ я догадлива и скромна, меня нечего бояться; но если не будешь остерегаться, такое словцо можетъ и при другихъ сорваться у тебя съ языка, тогда все погибло. Помнишь какъ въ день смерти Клодоміра я вырвала у тебя изъ рукъ и почти изо рта отраву, и притворилась будто не знаю, что это ядъ? Поэтому ты можешь судить о моей скромности, деликатности, догадливости и любви къ тебѣ.

— Вы спасли мнѣ жизнь! благодарю васъ.

И обѣ барыни обнялись.

— Приберемъ здѣсь немножко, а не то люди увидятъ, какъ онъ радъ своему несчастію.

XLII.

Генри, какъ ураганъ, перелетѣлъ черезъ мостъ и ворвался въ калитку сада. Въ саду стоялъ Дофинъ. Генри обнялъ его и чуть

не сшибъ съ ногъ бѣднаго старика; потомъ бросился въ залу, гдѣ сидѣли Агата и Маргарита.

Онъ упалъ къ ногамъ ихъ и залился слезами.

Напрасно Агата спрашивала его, что съ нимъ? Онъ не могъ отвѣчать. Сердце его было переполнено радостью, любовью, онъ задыхался отъ рыданій.

Въ эту минуту вошелъ Родольфъ съ Албертомъ. Все тогда объяснилось. Родольфъ, предвидѣвшій бѣгство Сидоніи, разсказалъ все брату, который отъ души порадовался, что Богъ избавилъ его и Генри отъ такой женщины.

Маргаритѣ же никакъ не могли объяснить, почему Генри считалъ себя обязаннымъ жениться на Сидоніи; надо было, чтобъ она согласилась повѣрить отцу своему, который утверждалъ, что Генри не переставалъ любить ее и былъ несчастнѣе ея, что ей нечего прощать ему.

— Въдъ я прощаю же его, сказалъ Дофинъ, не смотря, что онъ перескочилъ черезъ меня, чтобъ упасть къ ногамъ твоимъ.

Всѣ расхохотались, и начали вслухъ мечтать. Маргарита и Генри ушли въ садъ.

— Я не позволю больше рвать розы мои и дарить другимъ, невѣрный!

Генри поцѣловалъ ее. Въ это время Агата плакала отъ радости: она такъ страдала, глядя на нѣмое отчаяніе дочери.

— О! я увѣрена, говорила она, что Маргарита бы умерла.

Послѣ первыхъ изліяній радости, Албертъ сказалъ:

— Это все хорошо; но Сесилія?

— И грозная тетушка? прибавилъ Родольфъ.

— Что до тетушки, то мнѣ это почти все равно, отвѣчалъ Албертъ, но жена моя!..

XLIII.

Всѣ были радостны на фермѣ. Генри не разставался съ Маргаритой; онъ смѣлъ теперь говорить о своей будущности, о прошедшемъ же боялся. Маргарита описывала ему свои страданія. Генри слушалъ въ смущеніи, горько упрекая себя за нихъ. Генри называлъ Агату матерью, она тоже, забывая иногда, что Сесилія не согласна, называла его своимъ сыномъ.

Въ замкѣ, напротивъ, все было въ смятеніи и досадѣ.

Тетушка почти покорилась мысли, что съ Родольфомъ нельзя бороться и не сомнѣвалась больше, что Генри женится на Мар-

гарить. Сесилія была въ такой ярости, въ такомъ бѣшенствѣ, что трудно описать. У нея сдѣлались нервныя припадки, по причинѣ которыхъ, или лучше сказать, подъ предлогомъ которыхъ она пролежала нѣсколько дней въ постель. Родольфъ хотѣлъ повидаться и переговорить съ нею, но она рѣшительно отказала принять его. Албертъ употребилъ все мѣры, чтобъ она согласилась на бракъ сына; но Сесилія была неумолима.

— Въ тебѣ нѣтъ ни доброты, ни справедливости, сказалъ ей однажды Албертъ. Въдъ я согласился же на бракъ сына съ Сидоніей, не смотря, что это огорчало насъ всѣхъ, особенно Родольфа, котораго я люблю больше, чѣмъ самаго себя... А ты, когда все согласны, когда все радуются, ты одна препятствуешь нашему общему счастью.

— Я напередъ знаю, что вы обойдетесь и безъ моего согласія... Такъ къ чему же оно вамъ? Если братъ вашъ чего захочетъ, то ужъ я должна покориться его волѣ. Родольфъ ненавидитъ меня, и я плачу ему въдесятеро тѣмъ же...

— Послушай, Сесилія, утомляй себя напрасными попытками поссорить меня съ братомъ. Благодаря какимъ-то таинственнымъ и страшнымъ происшествіямъ, которыя до сихъ поръ остались для меня тайною, тебѣ чуть было не удалось разлучить меня съ нимъ... Онъ былъ въ изгнаніи, въ разлукѣ съ родными, изнывалъ въ тюрьмѣ... и я не утѣшалъ его... не былъ для него тѣмъ, чѣмъ онъ былъ бы для меня въ подобныхъ обстоятельствахъ. Онъ все простилъ мнѣ!

— Да въдъ и ты простилъ его за убійство друга.

— Родольфъ не убилъ Клодомира. Они стрѣлялись; Родольфъ былъ раненъ и увѣряетъ, что у него были важныя причины, когда онъ вызвалъ Понтариса, носившаго чужую фамилію и обокравшаго Сидонію. Я вѣрю Родольфу и долженъ бы былъ вѣрить съ самаго начала. Онъ никогда не лгалъ, и мы обещали другъ другу никогда не вспоминать этого времени, когда я забылся до того, что выстрѣлилъ въ брата, своего друга и благодѣтеля!..

— Въ вашемъ семействѣ каждую минуту даютъ клятвы другъ другу, но никто ихъ не держитъ.

— Какая несправедливая женщина! Послѣ этого не стоитъ съ тобою и говорить и доказывать противное. Не стану напоминать тебѣ, до какой степени ты вовлекла меня въ это преступленіе; но знаю только одно... что еслибъ я убилъ брата, то убилъ бы и

тебя, и себя. Родольфъ старался оправдать меня и увѣрить, что я не былъ виноватъ. Чтобъ не огорчить его, я притворился будто вѣрю; но я имѣлъ страшное намѣреніе!.. Такъ не надѣйся разлучить насъ когда нибудь. Будь только увѣрена въ одномъ: дѣти наши непременно женятся. Согласись, что не моя же вина, что Сидонія такъ странно повела себя. Я соглашался на бракъ ея съ сыномъ, и благодаря твоимъ стараніямъ, дѣлалъ несчастіе всего семейства и самаго Генри. Теперь зависитъ отъ тебя плакать, когда мы всѣ радуемся, отравлять наше счастье; но ты не въ силахъ помѣшать этой свадьбѣ: она непременно будетъ и очень скоро.

Супруги долго еще ссорились и употребляли всѣ мѣры уговорить другъ друга, но все было напрасно. Мольбы, упреки, угрозы все оставалось безъ результата. Сесилія употребляла и тѣ средства, которыхъ не было у Алберта: слезы, истерики, обмороки, конвульсии. Сесилія кричала, что свадьбы не бывать; Албертъ клялся, что будетъ. Наконецъ мужъ, хлопнувъ дверью, ушелъ; жена послала за сыномъ и сдѣлала передъ нимъ репетицію всей этой комедіи.

Генри бросился къ ногамъ ея, умолялъ со слезами не разрушать его блаженства, и говорилъ, что кромѣ Маргариты не на комъ не женится. Но что больше всего бѣсило Сесилію, такъ это то, что не смотря на ея сопротивленіе, дѣлались всѣ нужныя приготовленія къ свадьбѣ.

Братья спорили, гдѣ жить молодымъ: Алберту хотѣлось, что было бы весьма естественно въ другихъ обстоятельствахъ, чтобъ Генри и Маргарита жили въ замкѣ, онъ даже приготовлялъ для нихъ комнаты. Родольфъ же увѣрялъ, что пока Сесилія не согласится, лучше будетъ, если молодые останутся на фермѣ, и приготовилъ имъ, съ своей стороны, гдѣ помѣститься.

Но вышло еще затрудненіе, и на этотъ разъ со стороны кроткой и безотвѣтной Агаты, которая гдѣ-то отыскала свою собственную волю, волю, которую съ самаго замужства ей ни разу не пришлось употребить въ дѣло, потому что была довольна, что Родольфъ каждый день подносилъ ей жизнь и счастье уже совсѣмъ готовыми.

Агата говорила, что дочь ея должна быть принята съ почетомъ и радостью въ каждое семейство, и потому ей будетъ больно, если Генри женится безъ согласія матери, которая не хочетъ быть матерью Маргариты, и станетъ ее унижать. Агата допуска-

ла, что молодые люди могут считать себя на вѣки связанными священными и неразрывными узами; но что Генри и Алберту слѣдуетъ если не теперь, то со временемъ, получить согласіе Сесиліи, которая должна придти на ферму за женою сына и ввести ее въ домъ свой, а не то, чтобъ Маргарита вторгалась къ ней, какъ врагъ, противъ ея воли.

Она до того говорила, до того сдѣлалась краснорѣчива, что Маргарита расплакалась и согласилась съ ея мнѣніемъ. Албертъ, Родольфъ и Дофинъ стояли въ смущеніи, не зная, что отвѣчать, даже самъ Генри не находилъ словъ для возраженій.

Подумавъ немного, Албертъ отвѣчалъ, что Сесилія никогда не согласится, а онъ не имѣетъ права потворствовать ея капризамъ и упрямству, которое не имѣетъ ни малѣйшаго основанія, и тѣмъ болѣе, что она не хочетъ даже сказать причины, почему такъ поступаетъ.

— Когда дѣти будутъ обвиняемы, прибавилъ онъ, Сесилія покорится, и постепенно ласками и угроженіями мы помиримъ ее съ нашимъ счастіемъ. Если же, напротивъ, мы будемъ такъ слабы, что поддадимся ей, то она до того насъ вѣсѣхъ измучаетъ, что мы возненавидимъ ее навсегда. И потому я приказываю Генри готовиться къ свадьбѣ, и умоляю добрую сестру мою Агату согласиться на убѣдительную мою просьбу, согласиться на бракъ дѣтей нашихъ. У дѣдушки Дофина я выиграю согласіе въ пикетъ или шахматы, какъ будетъ ему угодно... Генри еще разъ попытается уговорить Сесилію и я также...

— И я! сказалъ Родольфъ.

— Она тебя видѣть не хочетъ...

— Ничего, попробую.

— Если она неумолима, мы обойдемся и безъ нея; женимъ дѣтей нашихъ, будемъ счастливы, и въ счастіи этомъ сэкономимъ мѣстечко для Сесиліи, которую упросимъ, со временемъ, занять его. Дофинъ перешелъ на сторону Алберта и Родольфа, Агата тоже согласилась, а Маргарита, подошедъ къ дядѣ, обняла его.

XLIV.

По приказанію отца и по совѣту собственнаго сердца, Генри снова пошелъ упрашивать мать. Она выгнала его.

Албертъ тоже ничего не могъ сдѣлать.

Послѣ безполезныхъ попытокъ онъ ей сказалъ;

— Мнѣ очень больно, милая Сесилія, но я принужденъ, чтобъ не оставить въ сердцѣ твоёмъ поздняго раскаянія, женить Генри безъ твоего согласія. Ты женщина умная, слѣдовательно не захочешь быть смѣшною. Подумавъ немного, ты убѣдишься, что для влюбленнаго юноши величайшее несчастіе разстаться съ своею невѣстою. Еслибъ я поступилъ по твоему и еще разъ увлекся любовью своею къ тебѣ, то сдѣлалъ бы несчастіе шестерыхъ, потому только, что тебѣ такъ хочется. Всѣ бы тебя возненавидѣли, и я тоже, видя твою несправедливость и ихъ слезы, сталъ бы любить тебя меньше прежняго. Если же, напротивъ, я осчастливлю всѣхъ, въ томъ числѣ и себя, насъ будетъ мучить мысль, что мы оскорбили тебя, и должны стараться получить твое прощеніе. Сердца и объятія наши будутъ тебѣ открыты въ ожиданіи, когда ты захочешь въ нихъ кинуться...

— Я не люблю плоскихъ шутокъ, вскричала Сесилія, перебивая Алберта.

— Я не шучу.

— И я тоже. Если Генри женится, я уѣду жить къ матери.

— Надѣюсь, что ты не захочешь огорчить насъ. Но свадьба эта непременно будетъ.

Въ это время пришли объявительные билеты о бракосочетаніи Эмиля Гольберга съ Сидоніей де-Понтарисъ.

Албертъ съ своей стороны спѣшилъ приготовить все къ свадьбѣ сына; но вышло замедленіе, въ слѣдствіе позволенія изъ консисторіи, безъ котораго нельзя было обойтись, потому что Генри женился на двоюродной сестрѣ.

Однажды утромъ Сесилія получила письмо отъ Родольфа. Онъ писалъ, что ему необходимо переговорить съ нею. Я уже нѣсколько разъ былъ у васъ съ намѣреніемъ объясниться на свободѣ, но вы не принимали меня подъ предлогомъ болѣзни, если же были здоровы, то уходили гулять; къ-тому же Албертъ или тетушка почти всегда при васъ. Сегодня Албертъ ѣдетъ въ городъ, тетушка къ сосѣдямъ, а Генри не выходитъ отъ насъ, слѣдовательно, сегодня самый удобный день; я явлюсь къ вамъ часовъ въ одиннадцать и попрошу васъ напоить меня чаемъ. За завтракомъ мы потолкуемъ о дѣлѣ.

Сесилія разорвала, смяла и бросила съ гнѣвомъ письмо.

— Какая дерзость! отъ него ничѣмъ не отдыхаешься! сказала она тетушкѣ.

— Чего онъ хочетъ?

— Говорить со мною.

— Напиши, что согласна, но когда онъ придетъ, то не принимай. Это будетъ ему тѣмъ болѣе досадно, что онъ убѣжденъ въ своемъ краснорѣчїи и вѣроятно приготовилъ *спичъ*, который пропадетъ даромъ.

— Я не хочу его видѣть. Знаете ли что, тетушка?.. вамъ я могу сказать... знаете ли, какой онъ день выбралъ говорить со мною?.. Послѣ возвращенїя его домой вѣдь я его еще не видала... сегодня будетъ первое наше свиданїе... Знаете ли какой сегодня день?.. ровно годъ какъ онъ убилъ Клодомира!.. Я всю ночь проплакала, всю ночь призывала на злодѣя этого проклятїя.

— Успокойся, ради Бога!

— Къ чему?.. Сегодняшнїй визитъ его новое оскорбленїе!.. онъ хочетъ дразнить меня, смѣяться надо мною, доказать, что мнѣ нельзя съ нимъ бороться... О жестокой человѣкъ!.. Зачѣмъ я не женщина!.. Сегодняшнїй день дорого бы ему стоилъ! Но со мною смѣютъ все дѣлать!.. За меня не кому вступиться! Неужели это все пройдетъ ему даромъ?.. неужели я никогда не отмщу ему?..

— Шш!.. Ради Бога!..

— Онъ сегодня хочетъ меня видѣть?.. Пусть придетъ! милости просимъ... я угощу его! Ужъ невоображаетъ ли онъ, что я буду вздыхать и плакать? Я докажу ему, что я такое! Всѣ встали противъ меня; Албертъ снова подпалъ подъ иго брата; я окружена врагами; всѣ толкаютъ меня въ пропасть! хорошо! я принимаю вызовъ, готова бороться. Онъ хочетъ видѣть меня?.. пусть идетъ!

— Ты слишкомъ взволнована, душа моя, отложи до другого дня это свиданїе.

— Нѣтъ! теперь. Я, я сама хочу видѣть его *сегодня* и угостить на славу!

— Что это ты говоришь? Какъ досадно, что я обѣщались ѣхать!.. мнѣ бы не хотѣлось оставлять тебя одну.

— Если вы останетесь, онъ не придетъ. Онъ хочетъ видѣть меня одну, и рассказать, вѣроятно, со всѣми подробностями, какъ онъ убилъ Кло... Приходи, Родольфъ! я жду тебя завтракать!.. Не знаете-ли, что онъ больше любить?.. какое пьеть вино? Я угощу его старою мадерой!

— Успокойся! на тебѣ лица нѣтъ.

— Ничего, это пройдетъ. Но вамъ пора ѣхать; смотрите, не опоздайте.

— Я лучше останусь.

— Говорю вамъ, онъ не придетъ тогда; Алберта тоже нѣтъ; какъ же ему упустить случай помучить меня? Ступайте, ступайте. Я буду спокойна и встрѣчу его съ веселою улыбкой.

Изабелла посмотрѣла на Сесилію, простилась съ нею, остановилась въ раздумьи, дошедъ до порога обернулась на нее; и вышла изъ комнаты.

XLV.

Сходя съ крыльца, Изабелла встрѣтила Родольфа.

— Родольфъ, сказала она, не ходи *сегодня* къ Сесиліи.

— Развѣ она не хочетъ принять меня?

— Сначала не хотѣла, но теперь рѣшилась... Только говорить такія странныя вещи, точно въ бреду: кажется, у нея лихорадка... Ради Бога, не ходи!

— Мнѣ необходимо говорить съ нею.

— Она въ такомъ отчаяніи, точно съ ума сошла... Можетъ быть... опасенія мои глупы... къ тому жъ я знаю, ты все дѣлаешь по своей головѣ, и можетъ быть, не послушаешь меня; только умоляю тебя... берегись!.. это ужасно... Видишь-ли, что я хочу сказать тебѣ... хотя ты всегда былъ врагомъ моимъ... Мнѣ кажется, что тебѣ угрожаетъ опасность, и если ты ужъ непремѣнно хочешь идти, то... *не кушай тамъ, не дотрогивайся ни до чего. Сегодня* она до того взволновала... точно безумная. *Вспомни какой сегодня день! что было годъ тому назадъ?.. Не пей и не кушай!..* Ужъ не вернуться ли мнѣ?

— Не надо!.. повзжайте съ Богомъ. Благодарю васъ, тетушка, за предостереженіе; но мнѣ необходимо ее видѣть. Ступайте, не безпокойтесь; но прежде позвольте выразить вамъ мою благодарность за тѣ чувства, которыя наконецъ Господь внушилъ вамъ ко мнѣ.

И Родольфъ поцѣловалъ тетушкину руку.

Изабелла прослезилась и обняла племянника. Онъ тоже обнялъ ее. Они разстались молча.

XLVI.

Когда Родольфъ вошелъ къ Сесиліи, столъ былъ уже накрытъ.

Сесилия была блѣдна, какъ смерть, и прерывающимся голосомъ сказала:

— Какъ видите, я повинуюсь вамъ.

— То есть, вы такъ добры, что позволили придти къ себѣ.

— Вамъ угодно было видѣть меня и завтракать со мною. Милости просимъ, завтракъ готовъ.

Они сѣли за столъ. Сесилия до всего дотрогивалась, но ничего не ѣла. Родольфъ ѣлъ, но задумывался. Онъ думалъ о тетускиныхъ словахъ: «вспомни какой сегодня день! что было годъ тому назадъ! *Не пей и не кушай.*» И считалъ дурнымъ предзнаменованіемъ, что забывъ число, онъ явился къ Сесилии именно въ тотъ день, въ который годъ тому назадъ дрался съ Клодоміромъ.

Смущеніе и блѣдность Сесилии приводили его въ недоумѣніе; ему не вѣрилось, чтобъ Сесилия могла рѣшиться на подобное преступленіе; но между тѣмъ губы ея посинѣли, голосъ дрожалъ.

Когда подали десертъ, Родольфъ сказалъ:

— Теперь людямъ нечего дѣлать, прикажите имъ уйти .. а то... намъ нельзя говорить.

— Я рѣшилась покоряться вамъ во всемъ, отвѣчала Сесилия, и обратясь къ людямъ, сказала:

— Ступайте, я позвоню, когда понадобится.

Если предостереженіе баронессы показалось сначала смѣшнымъ Родольфу, то ужъ одинъ видъ Сесилии повторялъ слова тетуски: *берегись!* къ тому жъ онъ замѣтилъ, что глаза Сесилии безпрестанно останавливались на карафинѣ съ мадерой, который стоялъ на другомъ столикѣ вмѣстѣ съ тарелками и ножами.

— Вѣроятно вы не безъ причины выбрали такой день для нашего свиданія... послѣ такой долгой разлуки... Вы желали праздновать со мною годовщину... Очень рада... Что жъ вы ничего не пьете?

Сесилия встала, взяла карафинъ съ мадерой и поставила подлѣ Родольфа. Въ эту минуту она страшно поблѣднѣла; двѣ капли холоднаго пота выступили на вискахъ ея.

— Любезная сестра, сказалъ Родольфъ, клянусь жизнью брата, что не зналъ, какой сегодня день; но еслибъ зналъ, то можетъ быть, пришелъ бы вамъ сказать: «я одинъ знаю вашу тайну и не выдамъ ее никому; она навсегда схоронена въ моей памяти. Если вы думаете, что потеряли мою любовь и уваженіе, то я пришелъ доказать вамъ противное, доказать, какъ сожалѣю васъ, и показать, какою любовью вы окружены со всѣхъ сторонъ, чѣмъ

вы можете и должны гордиться.» Не знаю, повѣрите-ли вы мнѣ; но я пришелъ оплакать съ вами проступокъ вашъ. Слёзы и страданія ваши искупили все! Мнѣ жаль васъ, если вы любили его. Я жалью, но не осуждаю васъ, однако я не могъ допустить безчестія брата.

— Чтожъ вы не пьете!

Родольфъ налилъ мадеры, посмотрѣлъ на Сесилію и продолжалъ:

— Напрасно вы считаете меня врагомъ своимъ; я вамъ не врагъ, Сесилія, напротивъ.. Если я вамъ сдѣлалъ зло, такъ потому только, что люблю брата больше всего въ мірѣ. Еслибъ я былъ врагомъ вашимъ, посмотрите что бы я могъ сдѣлать и что бы сдѣлалъ: сынъ вашъ первый замѣтилъ преступленіе ваше, и весь въ слезахъ прибѣжалъ рассказать мнѣ что видѣлъ и слышалъ. «Я убью Понтариса!» говорилъ онъ рыдая. Я доказалъ Генри, что онъ ошибся, и спасъ васъ отъ презрѣнія сына. Такъ-ли поступаетъ врагъ?.. Я пришелъ къ вамъ... показалъ вамъ пропасть, надъ которою вы стояли. Умоляя васъ сжалиться надъ Албертомъ, не платить ему за любовь безчестьемъ. Вы отвергнули меня. Могъ ли я допустить васъ до общей гибели, до гибели брата? Между тѣмъ, я ему ничего не сказалъ, а напротивъ, крѣпче завязалъ повязку на глазахъ его. Я обращался тоже и къ Понтарису; вамъ извѣстенъ и разговоръ нашъ, и слѣдствія его. Тогда вы возстановили противъ меня брата, онъ чуть было не убилъ меня. Мнѣ стоило сказать слово, чтобъ несправедливый этотъ гнѣвъ, упавъ на васъ, сдѣлался справедливымъ. Я не сказалъ этого слова. Тогда братъ, для котораго я всѣмъ жертвовалъ, изгналъ меня изъ своего сердца. Я могъ рассказать ему все... онъ бросился бы къ ногамъ моимъ, облилъ бы раны мои слезами благодарности, но выгналъ бы васъ изъ дому. Я не хотѣлъ губить васъ, и для васъ жертвовалъ собою. Такъ ли поступаетъ врагъ? скажите! Для васъ, для спасенія вашего я былъ въ изгнаніи, въ разлукѣ со всѣмъ, что дорого моему сердцу. По донесенію вашему, меня схватили, посадили въ тюрьму, и я все-таки не выдалъ васъ, не выдалъ вашей тайны. Будьте справедливы, скажите, такъ ли поступаютъ враги?

Онъ посмотрѣлъ на Сесилію и поднесъ рюмку къ губамъ.

Сесилія молчала, не трогаясь съ мѣста. Родольфъ поставилъ рюмку на столъ.

— Не стану увѣрять васъ, что я все это дѣлалъ изъ любви къ вамъ. Нѣтъ, но братъ васъ любитъ, а для него я готовъ всѣмъ жертвовать, даже его любовью. Какъ бы я и васъ любилъ, еслибъ

вы заботились о его счастіи, не мучили бы его... Еслибъ вы захотѣли, мы всѣ могли бы блаженствовать! Я и безъ того счастливъ... но мнѣ бы хотѣлось и васъ видѣть счастливою... Новая жизнь открывается теперь передо мною: братъ снова меня любить, дѣти наши женятся; имѣніе свое я совершенно устроилъ... Право, никогда не чувствовалъ я такого желанія жить, никогда жизнь мнѣ такъ не улыбалась, какъ теперь!.. Боже мой! какое благо жизнь! Благодарю тебя, Господи, за нее!

И Родольфъ снова поднесъ рюмку ко рту, и глядя на Сесилію, прикоснулся къ ней губами.

Сесилія закрыла глаза, вздрогнула, но ничего не сказала.

— Тетушка ошиблась, думалъ Родольфъ, да я и самъ дуракъ, что повѣрилъ; или это самая жестокая женщина.

Какъ будто увлекаясь разговоромъ, онъ снова поставилъ рюмку на столъ.

— Скажите, Сесилія, неужели васъ не пугали презрѣніе и ненависть мужа и сына?.. А вѣдь человѣкъ, для котораго вы жертвовали обожаніемъ мужа, уваженіемъ сына, честью, всѣмъ, однимъ словомъ... человѣкъ этотъ не любилъ васъ. Сесилія презрительно улыбнулась.

— Вотъ письмо, сказалъ Родольфъ, оно стоило мнѣ много денегъ и много хлопотъ. Возьмите, прочитайте.

Родольфъ подавъ Сесиліи письмо Клодомира къ его пріятелю, то самое, которое уже намъ извѣстно. Сесилія прочла его и остолбенѣла.

Письмо выпало изъ рукъ Сесиліи, Родольфъ поднялъ его и сжегъ на свѣчкѣ, принесенной вмѣстѣ съ сигарами.

— Забудемъ прошлое, милая Сесилія, не будемъ вспоминать о немъ... Войдите въ дружескій кружокъ нашъ; мужъ вашъ, болѣе чѣмъ когда-либо влюбленъ въ васъ, дѣти обязаны вамъ будутъ счастіемъ своимъ; объятія наши отверзты вамъ, и я умоляю васъ на колѣнахъ принять любовь нашу. Мы будемъ утѣшаться, любить васъ, особенно я, если Албертъ будетъ счастливъ.

И Родольфъ упалъ на колѣна предъ Сесиліей. Сесилія растрогалась, прослезилась. Родольфъ всталъ, взялъ рюмку и понесъ къ губамъ. Сесилія схватила его за руку:

— Не пейте! вскричала она.

— На силу-то! сказалъ Родольфъ. Такъ вы не хотите больше морить меня?.. Я безъ того не сталъ бы пить. Вино это отравлено.

Сесилія задрожала всѣмъ тѣломъ и залилась слезами.

Родольфъ взялъ рюмку, карафинъ и вылилъ вино за окно, сплоснулъ ихъ водою, и снова выливъ, опрокинулъ на окно и рюмку и карафинъ.

— Я былъ увѣренъ, что вы не захотите отравлять меня. Это было ничто иное, какъ минутное помѣшательство. Бѣдная Сесилія!

— Нѣтъ, не бѣдная, а ужасная, преступная Сесилія!

— Нѣтъ, на васъ нашло помѣшательство... Я тоже былъ жестокъ къ вамъ... Такъ простимъ же другъ друга и соединимся для счастья Алберта.

— Боже мой!.. какъ вы узнали?

— Тетушкѣ показалось... къ тому же смущеніе ваше...

— Боже! Изабелла идетъ!

XLVII.

Тетушка, не будучи въ состояніи побѣдить своего безпокойства, вернулась больше чѣмъ съ половины дороги.

Вошедъ въ комнату, она съ боязнію посмотрѣла на Родольфа и Сесилію. Родольфъ встрѣтилъ ее хохотомъ.

— Какъ Сесилія-то васъ надула! Не стыдно-ли, тетушка! и вы повѣрили?.. Какъ мы хохотали, когда она мнѣ рассказывала, какъ вы тряслись... Все таки благодарю васъ; я сомнѣвался въ любви вашей, а теперь, благодаря шуткѣ Сесиліи, радуюсь, что удостовѣрился въ ней. Сестра Сесилія угостила меня прекраснымъ завтракомъ, да сверхъ того подпоила старую мадерой.

Тетушка вышла на минуту.

Сесилія схватила руку Родольфа и поцѣловала ее съ чувствомъ.

XLVIII.

На фермѣ всѣ толпились вокругъ Алберта, который пріѣхавъ изъ города, рассказывалъ, что всѣ препятствія кончены, что Генри пришло отъ епископа разрѣшеніе жениться на Маргаритѣ, и что публикація уже сдѣлана. Агата все еще говорила свое; но Маргарита и старичекъ уже не соглашались съ нею. Албертъ тоже настаивалъ на своемъ.

Вдругъ Маргарита, глядѣвшая въ садъ, отскочила отъ окна, поблѣднѣла, задрожала и упала на стулъ.

— Что съ тобою? спросила Агата.

— Тетушка Сесилія, бабушка Изабелла идутъ сюда.

Агата тоже поблѣднѣла. Всѣ загрустили.

Въ комнату вошелъ Родольфъ, ведя за руку Сесилію, которая подошла прямо къ Агатѣ, обняла ее, поцѣловала и сказала:

— Добрая сестра моя, Агата! Родольфъ честнѣйшій человекъ въ мірѣ, увѣрилъ меня, что вы примите меня, какъ сестру и друга.

Вмѣсто отвѣта Агата заплакала и съ жаромъ обняла ее.

— Я пришла просить у васъ для сына моего руки вашей прекрасной Маргариты. Если она такъ же добра, какъ вы, то Генри будетъ счастливъ.

Маргарита и Генри упали къ ногамъ Сесиліи; она припедняла ихъ и прижала къ сердцу, цѣлуя то того, то другую.

Всѣ плакали, всѣ обнимались.

Старичекъ Дофинъ до того растрогался, что хотѣлъ обнять баронессу, но она отскочила отъ него.

Родольфъ сказалъ ей что-то на ухо, и она сама подошла къ Дофину, котораго поцѣловала.

— Тетушка тоже будетъ счастлива и любима, сказалъ Родольфъ, мы приучимъ ее къ себѣ и къ счастію по немножку, маленькими приемами. Ну, что Сесилія?.. сказалъ онъ обращаясь къ женѣ брата своего.

Сесилія протянула ему руку и бросилась въ объятія мужа.

Всѣ усѣлись потомъ вокругъ стола и заговорили въ одинъ голосъ, не слушая другъ друга.

Албертъ и Родольфъ ушли на могилу родителей.

Тамъ они стали на колѣна, поблагодарили Бога за все, и еще разъ поклялись любить друга больше всего въ мірѣ.

II.

ИСТОРИЧЕСКІЯ И КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ НА ГЛАВНЫЯ СОЧИНЕНІЯ ШЕКСПИРА.

Сочиненія Гизо.

—

КОМЕДИИ.

—

I.

ВЕНЕЦІАНСКІЙ КУПЕЦЪ.

Основа приключенія, составляющаго сюжетъ Венеціанскаго купца, встрѣчается въ хроникахъ или въ литературѣ всѣхъ странъ, то вполне, то за исключеніемъ эпизода о любви Бассаніо и Порціи. Рѣшеніе, подобное Порціану, было приписываемо Сикету V, который, осудилъ, говорятъ, къ уплатѣ пени двухъ договорившихся между собою, въ наказаніе за безчеловѣчіе подобнаго торга. Въ этомъ случаѣ дѣло шло о пари, и жидъ проигралъ его. Сборникъ французскихъ повѣстей, подъ названіемъ Roger-Bontemps en belle humeur, рассказываетъ тоже самое приключеніе, но въ пользу христіанина; тутъ судьей султанъ Саладинъ. Въ персидской рукописи, передающей тотъ же самый фактъ, дѣло идетъ о бѣдномъ мусульманинѣ изъ Сиріи, съ которымъ богатый еврей заключаетъ такое-же условіе, чтобъ имѣть средство погубить его и такимъ

образомъ достигнуть обладанія его женою, въ которую онъ влюбленъ; дѣло рѣшается эдесскимъ кади. Но приключеніе вполне сохранилось, съ нѣкоторыми отличіями въ старинномъ сочиненіи, написанномъ на латинскомъ языкѣ и названномъ: *Gesta Romanorum*, и въ «*Ресогоне*» сира Джіованни, сборникѣ повѣстей, составленномъ до конца XIV вѣка и слѣдовательно гораздо раньше Сикста V, что дѣлаетъ совершенно невѣроятнымъ анекдотъ, передаваемый объ этомъ папѣ Григоріемъ Лети.

Въ повѣсти Джіованни Бельмонтская владѣтельница, не молодая дѣвушка, принужденная подчинить свой выборъ страннымъ условіямъ, предписаннымъ страннымъ завѣщаніемъ ея отца, налагаетъ еще гораздо болѣе странное условіе на всѣхъ мореплавателей, которые случайно или съ намѣреніемъ пристають въ ея портъ. Они обязаны непременно понравиться ей и списать ея любовь въ одиѣ сутки, съ тѣмъ, что если достигнуть цѣли, то получаютъ руку дѣвушки и все ея владѣніе. Въ противномъ же случаѣ они теряютъ свой корабль со всѣмъ грузомъ и тотчасъ же выпроваживаются изъ государства, верхомъ на лошади, съ нѣкоторою суммою денегъ на обратный путь. Многие смѣльчаки покушались на подобное предпріятіе, но всѣ съ убыткомъ, потому что едва они появляются въ замкѣ владѣтельница, имъ подносятъ кубокъ съ виномъ, который они должны осушить за здоровье невѣсты, послѣ чего обыкновенно засыпаютъ глубокимъ сномъ, отъ котораго пробуждаются только для того, чтобъ узнать на утро что ихъ корабль уже разгруженъ и что приготовлена верховая лошадь, которая должна отвезти несчастнаго, искателя во-своихъ. Наконецъ никто не сталъ возобновлять такого опаснаго предпріятія, и дурной успѣхъ многихъ отнялъ охоту у самыхъ настойчивыхъ искателей. Одинъ только Джіанетто, молодой венеціанецъ упорствуетъ, и послѣ двухъ первыхъ неудачъ, хочетъ отважиться на третій опытъ. Его крестный отецъ Ансальдо, не смотря на потерю двухъ первыхъ кораблей, причина которой ему неизвѣстна, снаряжаетъ ему третій, съ которымъ Джіанетто обѣщаетъ ему загладить всѣ свои несчастія. Но издержавшись на предшествовавшія предпріятія, Ансальдо принужденъ для этого занять у жида десять тысячъ дукатовъ, на томъ условіи, что если не заплатитъ ихъ въ срокъ, то жидъ вправѣ вырѣзать у него фунтъ мяса. Джіанетто является и, предупрежденный камерристой, не пьетъ вина, которое подають ему передъ тѣмъ, какъ явиться къ владѣтельница, а выливаетъ его въ цвѣточный горшокъ. Такимъ образомъ онъ застаётъ въ расплохъ невѣсту, которая сильно смутившись сначала тѣмъ, что не видитъ дѣйствія усыпительнаго напитка, покоряется однакожъ безропотно своей судьбѣ и считаетъ себя даже счастливою, что можетъ назвать его назавтра своимъ мужемъ. Джіанетто,

упоенный своимъ счастьемъ, забываетъ о бѣдномъ Алсальдо до самаго срока его расписки. Случай напоминаетъ ему объ немъ въ самый день уплаты, онъ поспѣшно отправляется въ Венецію и остальная исторія происходитъ такъ, какъ представилъ ее Шекспиръ.

Легко понять причину и необходимость разныхъ измѣненій, сдѣланныхъ Шекспиромъ въ этомъ приключеніи, слишкомъ цинически рассказанномъ въ повѣсти. Онъ доведенъ былъ до этихъ измѣненій потребностью дать болѣе нравственнаго колорита лицамъ и болѣе интереса дѣйствию. Такимъ образомъ положеніе великодушнаго Антоніо, изображеніе его характера, столь преданнаго, мужественнаго и мечтательнаго, не составляетъ еще единственнаго источника очарованія, царствующаго во всемъ произведеніи. Пробѣлы, допускаемые этимъ положеніемъ, такъ счастливо пополнены, что не замѣчаешь никакой пустоты, до того душа пріятно занята чувствованіями, естественно истекающими изъ самаго дѣйствія. Кажется Шекспиръ хотѣлъ изобразить здѣсь съ разныхъ точекъ зрѣнія первые прекрасные дни счастливаго супружества. Слова Порціи, сказанныя Бассаніо, въ ту минуту, когда судьба только что рѣшилась въ его пользу, и когда она смотритъ уже на себя, какъ на его счастливую супругу, полны такой чистой непринужденности, такой трогательной и вмѣстѣ благородной супружеской покорности, что ея характеръ пріобрѣтаетъ отъ этого невыразимую прелесть. Бассаніо видитъ изъ этихъ словъ, что великія качества ея души, которыя она сумѣетъ подчинить долгу жены, только увѣчаютъ счастье ея мужа.

Въ низшемъ классѣ лицъ, Лоренцо и Ессика представляютъ намъ зрѣлище нѣжной терпѣливости молодыхъ супруговъ, до того полныхъ своимъ счастьемъ, что они распространяютъ его даже на все, ихъ окружающее. Разговоръ Лоренцо съ Ессикой, садъ, блескъ луны, музыка, приготовляющая къ возвращенію Порціи и Бассаніо и къ прибытію Антоніо, располагаютъ душу ко всемъ сладостнымъ впечатлѣніямъ, которыя долженъ породить образъ полнаго счастья Порціи съ Бассаніо въ присутствіи всѣхъ друзей, которые будутъ наслаждаться ихъ заботами и благодѣаніями. Шекспиръ не побоялся нарисовать широкую картину супружескаго счастья; онъ чувствовалъ, что у него слишкомъ много красокъ, чтобъ представить ее въ самомъ яркомъ блескѣ.

Испытаніе посредствомъ трехъ ящичковъ, встрѣчающееся во многихъ сочненіяхъ, находится почти въ томъ же видѣ, какъ употребилъ его Шекспиръ, въ другомъ приключеніи въ *Gesta Romanorum*, съ тою разницею, что особа, подвергнутая испытанію, дочь короля Тульскаго и

за мудрость своего выбора удостоивается чести выдти замужъ за сына римскаго Императора.

Характеръ жиды Шейлока по справедливости почитается превосходнымъ, и на всѣхъ европейскихъ сценахъ имѣлъ одинаковый успѣхъ.

Эта пьеса была представлена до 1598 года, это вѣрное время ея появленія. Многія пьесы на этотъ же самый сюжетъ были уже прежде поставлены на театрѣ; онъ также послужилъ содержаніемъ многихъ балладъ.

Въ 1701 году Гренвиль, въ послѣдствіи лордъ Лансдоунъ, съ значительными перемѣнами снова отдалъ на сцену *Венеціанскаго купца* подъ названіемъ *Венеціанскій жидъ*. Его долго играли подъ этой новой фирмой.

—

II.

ВИНДЗОРСКІЯ ПРОКАЗНИЦЫ.

(1601 годъ).

По общепринятому преданію, комедія *Виндзорскія проказницы* была сочинена по приказанію Елисаветы, которой хотѣлось увидѣть на сценѣ еще разъ Фальстафа. Шекспиръ обѣщалъ, что Фальстафъ умретъ въ *Генрихѣ V* (смотри эпилогъ второй части *Генриха IV*), безъ сомнѣнія, предвидя трудность установить новыя отношенія Фальстафа къ Генриху, сдѣлавшемуся королемъ. Всѣ думали, что онъ удовольствуется объявленіемъ, въ началѣ пьесы, о болѣзни и смерти Фальстафа, представляя его снова публикѣ. Елисавета нашла, что это значило недержатъ слова, и требовала новаго акта изъ жизни толстаго рыцаря. Такимъ образомъ *Виндзорскія проказницы* были сочинены послѣ *Генриха V*, хотя въ историческомъ порядкѣ ихъ надобно помѣстить прежде. Нѣкоторые комментаторы думаютъ даже, въ противность мнѣнія Джонсона, что эта пьеса должна быть помѣщена между двумя частями *Генриха IV*; но есть, кажется, въ пользу мнѣнія Джонсона, ставящаго ее между *Генрихомъ IV* и *Генрихомъ V*, то основаніе, что при другомъ предположеніи, единство, если не характера, то по крайней мѣрѣ впечатлѣнія и дѣйствія, было бы вполнѣ нарушено.

Двѣ части *Генриха IV* сочинены за одинъ пріемъ, или покрайней мѣрѣ, безъ отступленія отъ одного и того же теченія идей; Фальстафъ второй части не только тотъ же самый человѣкъ, какъ Фальстафъ первой части, но и представленъ онъ подъ однимъ и тѣмъ же видомъ. Если въ этой второй части Фальстафъ не вполне такъ забавенъ, какъ въ первой, такъ это потому что онъ составилъ себѣ состояніе, что умъ его уже не работаетъ безпрестанно надъ вымыслами какъ выпутаться изъ разнаго рода затрудненій, въ которыя вводятъ его претензіи, совершенно противорѣчащія его склонностямъ и привычкамъ, однакожъ онъ все-таки остался съ тѣми же самыми склонностями и притязаніями, какъ и прежде; свое вліяніе на умъ Генриха онъ выставляетъ на видъ предъ судьей Шалловомъ, какъ бы хвастаясь свободою, которою пользовался въ обхожденіи съ принцемъ; и публичное поруганіе, служащее ему наказаніемъ въ концѣ второй части *Генриха IV*, есть только послѣдствіе и дополненіе частныхъ поруганій, которымъ любилъ его подвергать Генрихъ V, бывши еще принцемъ Гальскимъ. Однимъ словомъ, дѣйствіе, начатое между Фальстафомъ и принцемъ въ первой части, продолжается непрерывно до конца второй и оканчивается тогда, когда необходимо должно было кончиться.

Виндзорскія проказницы представляютъ Фальстафа въ другомъ положеніи и съ другой точки зрѣнія. Это тотъ же самый человѣкъ, не возможно не узнать его; но онъ еще болѣе состарѣлся, еще болѣе погруженъ въ свои матеріальныя склонности, и занятъ единственно удовлетвореніемъ своей прожорливости. Долль Тиръ Шпль оболѣзала еще по крайней мѣрѣ его воображеніе, здѣсь онъ уже не думаетъ о ней: для пріобрѣтенія денегъ, онъ пускаетъ въ ходъ наглость своего обхожденія. Елисавета требовала у Шекспира, говорятъ, влюбленнаго Фальстафа; но Шекспиръ, знавшій слишкомъ хорошо созданныя имъ лица, чувствовалъ, что такой родъ смѣшнаго не шель къ подобному характеру, и что надлежало показать Фальстафа, дѣйствуя на болѣе чувствительныя его стороны. Даже тщеславія недостаточно было для этого; Фальстафъ умѣетъ выпутаться изъ всякаго положенія; а теперь онъ не старается даже прикрывать своего безславія. Живость, съ которою онъ описываетъ Бруку свои страданія въ корзинѣ съ бѣльемъ, уже не живость Фальстафа, рассказывающаго о своихъ подвигахъ противъ воровъ гадиллскихъ и выпутывающагося потомъ столь забавно изъ бѣды, когда онъ пойманъ во лжи. Потребность хвастовства уже не одна изъ первыхъ его потребностей; ему надобно денегъ, прежде всего денегъ, и онъ будетъ соразмѣрно наказанъ, только такими же дѣйствительными затрудненіями, какъ дѣйствительныя выгоды, которыхъ онъ добивается. Та-

кимъ образомъ корзина бѣлья, палочные удары Форда въ совершенствѣ приравнены къ роду притязаній, навлекающихъ на Фальстафа подобное исправленіе.

Впрочемъ, было бы лишнимъ стараться установить историческимъ образомъ мѣсто Виндзорскихъ проказницъ. Самъ Шекспиръ не обращалъ на это вниманія. Можно однакожь подумать, что онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ, чтобъ не было совершенно невозможнымъ изъ *Виндзорскихъ проказницъ* сдѣлать продолженіе *Генриха IV*. Побуждаемый, какъ кажется, приказаніями Елисаветы, онъ сначала написалъ эту комедію въ очеркѣ, и ее довольно долго представляли въ такомъ видѣ, такъ она даже была напечатана въ первыхъ изданіяхъ его произведеній. Шекспиръ переделалъ ее только нѣсколько лѣтъ спустя. Во второй ея формѣ поэтъ видимо хотѣлъ указать на нѣсколько болѣе правдоподобный порядокъ фактовъ.

Многія повѣсти могутъ поспорить о чести доставленія Шекспиру основы приключенія, на которомъ построена завязка *Виндзорскихъ проказницъ*. Вѣроятно, изъ этихъ же самыхъ источниковъ Мольеръ заимствовалъ завязку своей *Школы Женщинъ*, потому что Шекспиръ употребилъ ту же самую интригу къ наказанію ревниваго мужа и дерзкаго любовника. Онъ далъ также своей пьесѣ, за исключеніемъ вольности нѣкоторыхъ выраженій, болѣе нравственные краски, въ сравненій съ тѣми, которыя находятся въ разсказахъ, изъ которыхъ онъ черпалъ. Эта комедія, кажется, сочинена въ 1601 году.

III.

БУРЯ.

(1611 или 1612 г.)

«Я не могъ бы поклясться, дѣйствительное это, или нѣтъ», говорить, въ концѣ *Бури*, старый Гонзалвъ, совершенно сбитый съ толку призраками, окружавшими его со времени прибытія его на островъ. Кажется, устами степеннаго человѣка пьесы, Шекспиръ хотѣлъ выразить общее дѣйствіе этого очаровательнаго и страшнаго творенія. Блестящее, легкое, прозрачное, какъ привидѣнія, его наполняющія, оно едва поддается сужденію; сквозь эти подвижныя и прозрачныя черты едва можно вѣрно усмотрѣть сюжетъ, связь пьесы, приключенія и чув-

ствования дѣйствительныхъ лицъ. Однакожь, все въ ней есть, все въ ней обнаруживается, и, въ быстромъ ея теченіи, каждый предметъ въ свою очередь волнуетъ воображеніе, занимаетъ вниманіе и исчезаетъ, оставляя по себѣ единственный слѣдъ—какое-то смутное удовольствіе и обаяніе такой истинности, которой не смѣешь не принять и которой въ тоже время не смѣешь довѣриться.

«Здѣсь въ особенности, сказала Варбуртонъ, высокое и чудное воображеніе Шекспира царитъ выше природы, не покидая разсудка, или лучше, увлекаетъ за собою природу за ея принятые предѣлы.» Все въ этой картинѣ вмѣстѣ фантастическое и истинное. Одинъ Просперъ, какъ бы виновникъ всѣхъ этихъ фантазмагорическихъ картинъ, является намъ въ ней непрозрачнымъ тѣломъ среди толпы легкихъ призраковъ, одѣтыхъ формами жизни, но лишенныхъ вѣдшихъ признаковъ положительности. Едва пройдетъ нѣсколько минутъ, какъ прелестный Аріель, еще болѣе легкой, чѣмъ мысль, уже ускользаетъ даже отъ прикосновенія магическаго прутика, и свободный отъ наложенныхъ на него формъ, свободный отъ всякаго чувственнаго образа, исчезаетъ въ воздухѣ съ своимъ личнымъ существованіемъ. Калибанъ? не кажется ли, что когда рушится очарованіе и будетъ предоставленъ самому себѣ, то мы увидимъ его опять впавшимъ въ свое естественное состояніе бездѣйственной массы, уподобляющейся землѣ, отъ которой онъ едва отличается? Чѣмъ стануть, вдали отъ нашего взора, этотъ Антоніо, этотъ Себастьянъ, этотъ Алонзо, столь воспримчивые ко всѣмъ чувствованіямъ? Чѣмъ стануть эти молодые любовники, существующіе какъ будто только для страсти, и предназначенные показать намъ плѣнительные образы любви и невинности? Каждое изъ этихъ лицъ открываетъ только часть своего существованія, идущую къ настоящему его положенію; ни одно изъ нихъ не открываетъ намъ въ самомъ себѣ этихъ безднъ природы, этихъ глубокихъ источниковъ мысли, въ которые нисходитъ такъ часто и такъ далеко Шекспиръ; но они раскрываютъ предъ нами всѣ вѣдшія дѣйствія: мы не знаемъ, откуда они приходятъ, но признаемъ ихъ за вѣдшія, въ которыхъ не видимъ ни тѣла, ни костей, но которыхъ формы мы различаемъ.

Такимъ образомъ, при гибкости и легкости своей природы, эти странныя созданія покоряются такой быстротѣ дѣйствія, такому разнообразію движеній, примѣра которыхъ не представляетъ, можетъ быть, ни одна пьеса Шекспира; нигдѣ у него шутка и веселость не соединяется такъ естественно съ важными интересами, съ печальными чувствованіями и съ трогательными привязанностями какъ здѣсь.

Языкъ *Бури* соответствуетъ этому роду очарованія. Фигурный, стремительный, сообщающій уму тьму образовъ и впечатлѣній неопредѣленныхъ и бѣглыхъ, какъ измѣнчивыя формы облаковъ; онъ волнуетъ воображеніе и держитъ его въ этомъ состояніи нерѣшительнаго возбужденія, которое дѣлаетъ его воспріимчивымъ ко всѣмъ обаяніямъ, какими захочетъ позабавить его волшебникъ. Есть преданіе въ Англій, что знаменитый лордъ Фалклендъ *, Сельденъ и лордъ Воганъ считали слогъ роли Калибана, въ *Бурь*, совершенно свойственнымъ этому лицу и мастерскимъ созданиемъ. Джонсонъ противнаго мнѣнія; но если принять, что преданіе основательно, то авторитета Джонсона недостаточно для уничтоженія авторитета лорда Фалкленда, человѣка въ высшей степени изящнаго, умнаго и замѣчательнаго по тонкости вкуса. Сверхъ того, лордъ Фалклендъ почти современникъ Шекспира, потому что родился за нѣсколько лѣтъ до его смерти, онъ имѣетъ право на то, чтобъ ему предпочтительно вѣрили относительно оттѣнковъ языка, которые полтора ста лѣтъ спустя, должны были потеряться для Джонсона подъ общими формами старины. И такъ, еслибъ надобно было выбирать, то мы скорѣе приняли бы мнѣніе лорда Фалкленда и даже приложили бы къ цѣлому творенію то, что сказалъ онъ объ одной только роли Калибана. Покрайней мѣрѣ можно замѣтить, что слогъ въ *Бурь* больше, чѣмъ въ какомъ другомъ произведеніи Шекспира, удаляется отъ общаго типа выраженія мысли, который находится и сохраняется болѣе или менѣе вездѣ, не смотря на разность языковъ. Надобно вѣроятно приписать отчасти этотъ фактъ особенности положенія и необходимости привести въ стройность различныя чувствованія и интересы, объятая на нѣсколько часовъ сверхъестественною атмосферою. Сверхъ того, ни въ одной изъ своихъ пьесъ Шекспиръ не является до такой степени умѣреннымъ на игру словъ.

Было бы довольно трудно опредѣлить съ точностью, къ какому міру чудеснаго принадлежитъ то, чѣмъ онъ воспользовался въ *Бурь*. Аріель настоящій Сильфъ, но духи, подчиненные ему Просперо, феи, домовые, и прочіе принадлежатъ народнымъ суевѣріямъ Сѣвера. Калибанъ—и гномъ и демонъ; его скотское существованіе, одушевляемое только адскою злобой, и восклицаніе его *О-го! О-го!* вѣроятно родъ смѣха, приписываемаго въ Англій демону въ старинныхъ мистеріяхъ, въ которыхъ онъ игралъ роль. Сетевось, къ которому обращается чудовище, слылъ за чернаго духа Потагонцевъ. Не совсѣмъ можно представить себѣ, какой

* Самый добродѣтельный, самый любезный и самый образованный человѣкъ въ Англій при Карлѣ I.

видъ долженъ имѣть Калибанъ, котораго такъ часто принимаютъ за рыбу; обыкновенно представляютъ его съ руками и ногами, покрытыми чешуей; мнѣ кажется, что рыба голова или что нибудь подобное было бы необходимо, чтобъ дать правдоподобіе отвращенію, которое онъ внушаетъ. Но Шекспиръ очень можетъ не заглядывать такъ далеко, и мало затрудняться тѣмъ, чтобъ дать самому себѣ полный отчетъ о фигурѣ, причной его чудовищу. Онъ играетъ своимъ сюжетомъ по прихоти; образы вылетаютъ изъ его блестящаго воображенія, облеченные тѣми поэтическими красками, которыя въ немъ почерпнули. Скорость его работы достаточно можно замѣтить по разнымъ недосмотрамъ. Такъ, напримеръ, онъ заставляетъ сказать Фердинанда, что герцогъ Миланскій и его храбрый сынъ погибли во время бури, хотя не было рѣчи объ этомъ сынѣ во всей остальной пьесѣ, и ничто не можетъ заставить предполагать, что онъ былъ на островѣ, хотя Ариель, увѣряющій сверхъ того Проспера, что никто не погибъ, заключилъ подъ люкомъ только экипажъ корабля.

Буря довольно правильная пьеса въ отношеніи единствъ, потому что буря, потопляющая корабль въ первой сценѣ, происходитъ въ виду острова, и все дѣйствіе обнимаетъ не больше трехъ часовъ времени. Нѣкоторые комментаторы думали, что Шекспиръ имѣлъ въ виду отвѣтить этимъ обращеніемъ на постоянные нападки Бенъ-Джонсона, на неправильность его произведеній. Докторъ Джонсонъ думаетъ иначе, онъ смотритъ на это обстоятельство, какъ на дѣло случая и естественное послѣдствіе сюжета. Какъ бы то ни было, а въ этой пьесѣ, не по обычаю другихъ, поэтомъ на время обращено особенное вниманіе.

Не знаемъ, откуда Шекспиръ почерпнулъ сюжетъ *Бури*, однакожъ кажется довольно вѣрнымъ, что онъ заимствовалъ его изъ какой нибудь итальянской повѣсти, которой до сихъ поръ не могли еще отыскать.

Хронологія Малоя относитъ къ 1612 году сочиненіе *Бури*, что трудно согласить однакожъ съ другимъ, довольно правдоподобнымъ, заключеніемъ. Читая *Маску*, представленную предъ Фердинандомъ и Мирандою, невозможно не быть поражену идеею, что *Буря* была сочинена сначала для представленія на празднованіи чьего либо брака, и легкость сюжета, блестящая небрежность, замѣтная въ сочиненіи, подтверждаютъ совершенно это заключеніе. Гольтъ, одинъ изъ комментаторовъ Шекспира, думалъ, что бракъ, на который поэтъ обращаетъ столько благословеній устами Юноны и Цереры, очень могъ быть бракомъ графа Эсексакаго, женившагося въ 1611 году на леди Фран-

цискъ Говардъ, или лучше окончившаго въ этомъ году свой бракъ, заключенный еще съ 1606 года, но замедленный по случаю путешествій графа, и вѣроятно по молодости жениха и невесты. Но можно также довольно достовѣрно предположить, что Буря сочинена въ 1611 году, для свадьбы графа Эссекскаго, а представлена въ Лондонѣ только въ слѣдующемъ году.

III.

ОБА ОКЕАНА.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

—

I.

НАКОНЕЦЪ!

Прощай Вальдивія и Чили! Прощайте Кармены, Долоресъ, Кончиты, которыхъ шепоть больше трогалъ мой слухъ, нежели мое сердце. Прощайте волнистые волоса, прерывистыя рѣчи, пріятно улыбающіяся уста! Прощайте несносные сереносы, недававшіе мнѣ спать! Прощайте *брави*, которыя такъ скоры на угрозы и на бросаніе лазо. Прощайте не гармоническія гитары, монотонныя пѣсни, танцы.

Прощай Чили!

Южный вѣтерокъ подулъ по обыкновенію, сперва не равными, неопредѣленными порывами, потомъ широкимъ крыломъ быстро подвигалъ корабли къ экватору подъ марсовыми рифами.

Наше судно *Европа* не очень хорошій ходокъ. Оно тяжело, массивно, не слушается руля, но все равно! Вѣтеръ исполняетъ свою волю, и мы уже потеряли берегъ изъ виду. Вотъ и вершины Кордильеро въ воды, какъ бы провалившись отъ землетрясенія. Но вотъ поднимается западный вѣтеръ и не пускаетъ насъ вверхъ. Конконскія горы все еще возвышаются со стороны штирборда.

Конконъ—небольшое, неизвѣстное мѣстечко, грязное, уединенное, не красивое. Я не упомянулъ бы о немъ, еслибъ тутъ не жилъ Ма-

ротто, котораго шпага была такъ гибельна для героевъ Испаніи. Проѣдемъ поскорѣе.

Геррадура, гавань, богатая своими мѣдными рудниками, изъ которыхъ Чили могла бы извлекать огромную пользу. Но Чили спитъ. Не будемъ будить ее.

Между Чили и Перу лежитъ, какъ непреодолимая преграда, Бولیвійская пустыня. Это безвѣстная степь, которую никто не думаетъ осмотрѣть и по которой прогуливаются одни ягуары.

Привѣтствую тебя, Бولیвія, и твою единственную гавань Кобиджу, которая гордится болѣе Каллао и Копіа по своимъ серебрянымъ слиткамъ, ежегодно оправляемымъ въ Европу и почти затмѣвающимъ Калифорнскія россыпи.

Остановимся въ Каллао, составляющемъ предмѣстье Лимы, и посмотримъ все ли еще эта перувіанская столица такъ красива своими *танадасами* и кокетливыми *сайсами*. Увы, улы! Все измѣняется въ этомъ мірѣ, все исчезаетъ подъ тяжестью вѣковъ, все забывается, умираетъ: Ниневія, Вавилонъ, Карфагенъ, а съ ними и прелестная перуанская *сайа*.

Разсказывать ли вамъ о нравахъ Лимы? Нѣтъ! вы знаете нравы Вальпарайзо. Прибавьте къ вашей кисти не много побольше черной краски вообще и румянъ въ особенности, укоротите одежду, вуали, сдѣлайте цыновки длиннѣе, напрыскайте ихъ духами, насчитайте больше выпитаго шампанскаго, больше игорныхъ столовъ; уменьшите вашу довѣрчивость къ словамъ, улыбкамъ и человѣчеству, и вы узнаете Лиму.

Однако же Эоль благопріятствуетъ намъ. Онъ не хочетъ, чтобъ мы слишкомъ зажились въ Перу и послалъ намъ такой шквалъ съ юга, который неволью корабли гонитъ къ сѣверу, ломая у нихъ мимоходомъ мачты.

Перу исчезъ изъ виду; нѣтъ уже береговъ сухихъ, почернѣвшихъ снизу, покраенѣвшихъ по бокамъ, снѣжныхъ на вершинѣ, подернутой облаками. Опять море и скука! Опять безпредѣльный Тихій Океанъ, который такъ предательски дремлетъ по временамъ.

Когда буря зареветъ съ угрозою, или когда волны улягутся неподвижно, воспоминанія мои пробуждаются всего живѣе. Припоминаю людей, съ которыми лазилъ по горамъ, испыталъ много опасностей и перенесъ много непогодъ.

За неимѣніемъ Марше и Пети, которыхъ типъ можетъ быть навсегда потерянь, не надобно отвергать тѣ слабыя существа, которыя прилѣпляются ко мнѣ. Вотъ, напримѣръ, является кто-то въ каюту, садится подлѣ меня и тоненькимъ голосомъ говоритъ:

— Здравствуйте, г. Араго.

— Здравствуйте. Кто вы?

— Пьеръ-Луи Кабассонъ, родился въ Англемѣ, пришелъ рекомендоваться вамъ и предложить свои услуги.

— Благодарю. Вы пассажиромъ на корабль, или должностное лицо?

— Пассажиръ.

— Куда вы ѣдете?

— Въ Калифорнію.

— За золотомъ?

— Нѣтъ! въ должность школьнаго учителя.

— Это очень хорошая мысль.

— Я былъ въ Парижѣ пуговичнымъ фабрикантомъ, но ремесло было невыгодное. Всѣ стали говорить о Калифорніи, и я отправился поискать счастья.

— Много у васъ съ собою учебныхъ книгъ?

— Два сундука.

— Чему же вы намѣрены обучать въ Санъ-Франсиско?

— Всему, что самъ знаю. Но какъ мнѣ сверхъ того хочется знать и науку вашего брата, то я пришелъ узнать у васъ, когда, въ самомъ дѣлѣ, земля начнетъ дѣлаться круглою?

— Я васъ не понимаю.

— Вотъ видите ли, мнѣ сказали, что земля кругла, а я вотъ уже больше шести тысячъ лье проѣхалъ, и земля все плоска, какъ ладонь. Скажите мнѣ, не подшутили ли надо мною?

— О, нѣтъ! Могу увѣрить васъ, что земля кругла, и охотно докажу вамъ это... только въ другой разъ.

— Отчего не сейчасъ?

— Теперь такая жара, что я не въ силахъ вымолвить двухъ словъ.

— Какъ жаль! Такъ я подожду.

Мы разстались. — Хорошъ учитель!

Вотъ мы наконецъ въ Санъ-Франсиско.

Нѣкогда, въ описаніи прежняго моего путешествія, рассказывалъ я о здѣшнемъ прекраснѣйшемъ рейдѣ. Тогда онъ былъ молчаливъ, какъ пустыня, теперь шуменъ, какъ поле битвы.

Зачѣмъ объѣзжать весь шаръ земной, чтобъ изслѣдовать его. Вотъ онъ гдѣ, весь на этомъ пространствѣ, которое вы можете измѣрить глазомъ, на этой почвѣ, взрываемой лопатками и заступомъ, здѣсь, на берегахъ этой быстрой рѣчки, гдѣ, какъ по волшебному знаку, вырастаютъ домы, которые завтра превратятся въ деревни, а черезъ нѣсколько дней

потомъ въ города съ обширными улицами, площадями, гуляньями, конторами. Вотъ гдѣ весь шаръ земной, весь Старый и Новый свѣтъ; здѣсь нравы всѣхъ народовъ, привычки всѣхъ земель, странности всѣхъ провинцій, страсти и пороки всѣхъ людей.

Здѣсь здороваются на всѣхъ языкахъ въ мірѣ, и обманываютъ другъ друга по-Англійски, по-Китайски, по-Мексикански, по-Малайски, обманываютъ руками, взглядомъ и мыслию. Здѣсь нѣтъ модъ и одеждъ; здѣсь не ходятъ, а бѣгаютъ: время дорого! Здѣсь говорятъ по слогамъ, и только о милліонахъ. Вездѣ сыплется золото, и вездѣ нищета. Если у васъ есть квартира, то вы значить богачъ; если вы говорите по-англійски, то у васъ есть капиталъ, а если еще по-испански и по-нѣмецки, вы набобъ. Золотомъ у васъ набиты все карманы, а вы легко можете умереть съ голода, потому что я голодь, и просвѣщеніе, здѣсь ходятъ рука объ руку.

Вотъ, посмотрите на этого парижанина, блѣднаго, съ тусклыми глазами и робкою походкою. Онъ пріѣхалъ въ Санъ-Франсиско съ большими капиталами, чтобъ довести ихъ до баснословной громадности. Все эти мечты разлетѣлись. Онъ теперь въ нищетѣ, встаетъ до зари, ложится поздно, и чтобъ снискать себѣ дневной хлѣбъ, подставляетъ слабые и непривычныя свои плечи подъ тяжкія ноши.

Вотъ подлѣ него высокій, широкоплечій мужчина, съ жесткими, жилистыми руками, съ грубою и отрывистою рѣчью. Это то, что здѣсь называютъ *пионъ*.

Пионъ, человѣкъ работающій, онъ трудится всегда и вездѣ: днемъ подъ лучами палящаго солнца, ночью подъ холодною росой. Пионъ славно дѣйствуетъ топоромъ, ломомъ, заступомъ, надъ гранитною скалою, надъ потокомъ застывшей лавы. Онъ даже пальцами разрываетъ каменистую почву и не чувствуетъ боли и усталости. Онъ здѣсь владычествуетъ надъ всею окружающимъ; онъ богаче всѣхъ, потому что всѣхъ сильнѣе. Вчера еще онъ былъ слугою, сегодня онъ богачъ. Пріѣхавши сюда, онъ работалъ поденщикомъ и получалъ десять піастровъ въ день, тратилъ очень мало, копилъ много, и глядя на пріѣзжающіе корабли, говорилъ:

— Это мои люди, мои служители. Они обогатятъ меня!

Пионъ приобрѣлъ здѣсь нѣсколько сажень земли, сколотилъ нѣсколько бревенъ, досокъ, могущихъ прикрыть отъ дождя и устоять отъ сѣверо-западной бури. Пріѣхали корабли, сходятъ путешественники. Онъ принимаетъ ихъ подъ свою крышу, и векорѣ все, что они привезли, дѣлается его собственностью.

Теперь, когда я пишу эти строки, пріѣзжайте въ Калифорнію съ

золотомъ, если хотите добыть его. У Ротшильда есть здѣсь свой представитель, г. Давидсонъ. Куда бы вы ни поѣхали, отъ экватора до обоихъ полюсовъ, во всѣхъ столицахъ, на всѣхъ островахъ найдете вы Ротшильда. У него скоро будутъ колоніи на Лунѣ и на Юпитерѣ.

Въ Калифорніи много ртути. Ротшильдъ вывезетъ ее всю въ Копіано. Если онъ оставляетъ у васъ гореть золота, будьте увѣрены, въ первый день, какъ онъ захочетъ, золото это будетъ его.

Нѣсколько большихъ домовъ изъ Лимы, Вальпарайзо, Сѣверной Америки и Мекенки, нѣсколько искусныхъ китайцевъ всплываютъ еще посреди этого Океана, кипящаго золотою лавою; но повторяю вамъ, за немногими исключеніями, всѣ богатства Калифорніи погрязнуть въ этомъ Ротшильдовскомъ кратерѣ. Будьте же осторожны, я предупредилъ васъ.

Осмотримъ городъ, изучимъ подробности, познакомимся съ толпою.

Внутренность домовъ вы знаете. Посмотрите же на торопливую физиономію людей, бѣгающихъ по улицамъ, разѣзжающимъ по рейду, расцарапывающихъ прохожихъ: всѣ эти люди хлопчутъ, чтобъ найти работы и пищи.

Взгляните теперь на другую толпу, бѣгущую въ деревянную залу, которой обѣ половинки дверей открыты.

Въ этой залѣ челоуѣчество получаетъ большіе уроки; здѣсь сердца наполняются ужасными ощущеніями. Да и какъ трудно пробиться въ нее! только силою толчковъ и кулаковъ можно пройти туда съ изорваннымъ платьемъ и измятыми боками. Попробуемъ войти туда и посмотримъ. Любопытство сильно подстрекаетъ насъ.

Зала обширная. Посреди стоитъ огромный столъ, около него толпы посѣтителей заняли всѣ мѣста. На столѣ стоятъ мѣшки съ золотою монетою, съ золотыми самородками, съ золотымъ пескомъ, съ золотыми слитками. Игроки сидятъ, стоятъ, лежатъ на столѣ; взоръ ихъ прикованъ къ роковой картѣ, руки опущены въ карманъ, и самыя баснословныя суммы переходятъ изъ рукъ въ руки, неизмѣняя физиономіи своихъ хозяевъ.

Сперва замѣтно могильное молчаніе. Но какъ скоро заговорили карты и страсти, это крики, проклятія, бессмысленные возгласы; но все это безъ гнѣва, безъ ненависти, безъ отчаянія, какъ стаи собакъ, воющихъ при землетрясеніи.

Существа, населяющія этотъ домъ, никогда кажется не спятъ, ни ѣдятъ. Они вѣчно за игрою, это ихъ пища, ихъ отдыхъ, ихъ потребности физическія, ихъ душевныя страсти, и многіе, проигравшіе уже все свое имущество, все еще стоятъ на мѣстѣ, скрестивъ руки, и слѣдя

глазами за игрою съ тѣмъ же самымъ участіемъ, какъ бы имущество ихъ было въ опасности.

Баденская игра простая миниатюра зѣвшихъ игръ. Здѣсь безпрестанно богачи дѣлаются нищими. Въ Европѣ, проигравши деньги, бросивъ свое имѣніе на произволь карты, рѣдко случится, чтобъ проигравшій не нашелъ себѣ угла, чтобъ переночевать, и куска хлѣба, чтобъ утолить голодь. Здѣсь, какъ скоро ваше золото исчезло, вы не иначе получите обѣдъ, какъ подставя свои плечи подъ ношу поденщика. Но и тутъ берегитесь. Всѣ ищутъ взрослога, дюжого *pieno*, котораго сильными плечамъ довѣряють, а зась будутъ обѣгать. И если вамъ удастся опять работою скопить что нибудь, то вѣрьте мнѣ, уѣзжайте поскорѣе изъ Санъ-Франсиско, а пуще всего бѣгите отъ игорныхъ домовъ, гдѣ такъ рѣдко богатѣють, а всегда выходятъ со стыдомъ и раскаяніемъ.

Послѣ игры, посмотримъ на рестораціи. Надобно сознаться, что люди здѣсь самые умѣренные въ пищѣ. Всѣ эти заведенія медленно, но вѣрно богатѣють. Одинъ китайскій трактиръ болѣе всѣхъ въ модѣ, и трудолюбивые, чистоплотные хозяева трактира, два взлызистые китайца, вѣроятно векорѣ возвратятся во-свои си съ достаточнымъ числомъ самородокъ, чтобъ купить джонку и четыреста или пятьсотъ тутовыхъ деревъ около озера Фи, на берегахъ котораго столько же жителей, какъ во всей Франціи. Китайцевъ можно назвать индѣйскими Гасконцами, и о нихъ можно тоже сказать, что они вездѣ и все себѣ забирають.

Кромѣ зданій до тридцати, которыя можно назвать домами, весь остальной городъ можно назвать мавританскимъ лагеремъ, воздвигнутымъ на развалинахъ европейскаго народа. Это все представляетъ странное и волшебное зрѣлище.

Вездѣ палатки всѣхъ цвѣтовъ, формъ и размѣровъ. Даже въ море вдались деревянныя четверугольники съ отверзтіями для оконъ и дверей, завѣшенныхъ холстомъ, и во всѣхъ этихъ норахъ цѣлое народонаселеніе людей, ищущихъ работы, пищи, хлѣба, на такой землѣ, гдѣ золото подъ ногами.

II.

ОТСРОЧКА.

Набрызгайте на полотно безотчетно черной, бѣлой, красной, синей, violetовой красокъ; подлѣ самыхъ нѣжныхъ цвѣтовъ, выведите самыя

яркіе; нарисуйте квадраты, трапеціи, эллипсы, косоугольники; изобразите въ миниатюрѣ исполинскую природу; сдѣлайте рельефно то, что создано гладко; перемѣшайте всѣ эти элементы, всѣхъ людей и всѣ вещи, которыя наименѣе между собою сходны—и вы будете имѣть идею о Санъ-Франсиско въ нынѣшнемъ его положеніи.

Нѣтъ на свѣтѣ народа дѣятельнѣе Сѣверо-Американскаго. У него наводненіе истребить городъ, пожаръ уничтожить труды десятилѣтій; черезъ нѣсколько дней спустя, много черезъ мѣсяць, все опять является въ прежнемъ видѣ, какъ бы по знаку волшебнаго жезла, развѣ кромѣ погибшихъ людей.

И чтоже? эта баснословная дѣятельность янковъ въ Бостонѣ. Нью-іоркѣ, въ Новомъ Орлеанѣ, или въ Филадельфіи, ровно ничего незначить предъ періодическими явленіями, совершающимся въ Калифорніи.

Давно ли, кажется я описывалъ вамъ ее пустынею: теперь это цѣлый отдѣльный міръ. Здѣсь было молчаніе, теперь бушуютъ волны народовъ со всего свѣта. Тогда страшно было ходить по полямъ, гдѣ вы непременно встрѣтите медвѣдей; теперь на рейлѣ тысячи кораблей, прилетѣвшихъ въ это Эльдорадо надеждъ, мечтаній, золота и роскоши.

Не старайтесь рассказчики и живописцы изображать картинъ этой страны. Покуда вы будете писать, она измѣнится, и никто не узнаетъ вашей картины.

Одно только останется вѣрнымъ—страсть къ золоту. О! Эту страсть философы, наблюдатели прочтутъ на всѣхъ лицахъ, во всѣхъ глазахъ, на всѣхъ губахъ, во всѣхъ походкахъ. Эта страсть пожираетъ, сожигаетъ, обугливаетъ, и чѣмъ болѣе вы находите возможнымъ удовлетворять ее, тѣмъ сильнѣе она васъ преслѣдуетъ и владеетъ надъ вами.

Посѣтителѣмъ Сакраментѣ надобно не только золото, но много золота. Здѣсь роскошь не доказываетъ еще богатства; все, что въ другихъ мѣстахъ было бы излишествомъ, называется здѣсь необходимымъ. Рассказывать ли вамъ о кулачныхъ бояхъ, о засадахъ, предательскихъ нападеніяхъ, происходящихъ ежедневно по улицамъ Санъ-Франсиско? На что? Вы это угадаете сами, какъ равно и послѣдствія этихъ ссоръ начинающихся на кулакахъ и оканчивающихся кинжалами. Эти послѣдствія ведутъ побѣдителей на висѣлицу.

Древнее Перу было тоже, что нынѣшняя Калифорнія, исключая волшебныхъ именъ, связанныхъ съ завоеваніемъ царства инковъ. Имена эти славны и теперь еще.

Перу, Калифорнія, Мексика находятся другъ подлѣ друга, но въ

нихъ нѣтъ уже ни Кортеса, ни Пизарра. За то Картушъ и Мандрень имѣютъ здѣсь преемниковъ и подражателей. Каждый шагъ земли отъ Санъ-Франсиско въ Стоктонъ и изъ Стоктона на розсыпи засвидѣтельствуется вамъ подобныя подвиги.

Нѣкоторыя подробности событій гораздо больше выражаютъ эпоху и людей, нежели сама исторія.

Но къ чему мнѣ рассказывать всѣ секреты города Санъ-Франсиско? То, что прежде было пустынею, теперь превратилось въ домъ, въ лавку, въ театръ. Каждый клочекъ этой земли оспариваютъ съ жадностью другъ у друга. Даже волны Океана принуждены отступать передъ возрастающимъ народонаселеніемъ. Съ безпокойствомъ можно даже спросить: гдѣ же остановится эта масса людей, стекающихся изъ всѣхъ странъ свѣта?

Увы! страна эта, пріобрѣтая жителей, теряетъ уже прежнюю прелесть живописной природы. Прежнихъ жителей ея давно уже нѣтъ. Все здѣсь перемѣшано. Вотъ перуанецъ съ пламеннымъ своимъ взглядомъ, надмѣнною походкою, съ широкою своею одеждою, усыянною золотыми и серебряными пуговицами. Вотъ чиліецъ въ своемъ пончо и широкой шляпѣ. Вотъ китаецъ съ желтоцвѣтнымъ своимъ лицомъ. Вотъ конакъ съ Сандвичевыхъ острововъ, который, благодаря просвѣщенію, знаетъ уже цѣну золота и поражаемая имъ несчастія. Вотъ малаецъ въ *Кагень-слимутъ* и *Кагень-согорижъ* (тюника и шаровары), а въ рукахъ опасный *крисъ*, напоенный ядомъ богонъ-упаса. Вотъ неустрашимый охотникъ съ Орегона. Вы съ изумленіемъ остановитесь, чтобъ разсмотрѣть эту фізіономію, и невольно взглянете на его лазо, которымъ онъ душитъ ягуара и буйвола.

Это будетъ любопытная книга, которая расскажетъ драму перваго завоеванія. Но я не взялся писать ее. Я спѣшу представить другія картины.

Тихій Океанъ опять зашумѣлъ. Грозный голосъ его призываетъ меня. Если это и гроза, то я принимаю ее. Мы съ нимъ старые друзья. Я уже сѣлся въ шлюпку, чтобъ ѣхать на корабль, какъ вдругъ знакомый голосъ остановилъ меня:

— Это вы, г. Араго?

— Я самъ, а ты что дѣлаешь здѣсь?

— Отдыхаю.

— Отъ какихъ трудовъ?

— Отъ праздности. Знаете ли какъ тяжело ничего не дѣлать?

— Такъ тебѣ не было работы?

— Было, но мало.

— Ну, чтожь? досталъ ли ты себѣ учениковъ?

— Трехъ: Китайца, Перуанца и Канака съ Маркизскихъ островъ.

— И досташь себѣ кусокъ хлѣба?

— Плохо.

— Долго ты останешься въ Санъ-Франсиско?

— Нѣтъ! я опредѣлился матросомъ на китоловное судно.

— Съ богомъ. Дай руку, и прости.

— До свиданія.

— Что это вы мнѣ даете?

— Унцію; береги на память обо мнѣ.

— Благодарю васъ, добрый и благородный человекъ. А все таки вы мнѣ напрасно не доказали, что земля вертится; мнѣ никто не повѣритъ.

— Все равно. Будь только счастливъ

Послѣ хаоса первыхъ минутъ завоеванія Калифорніи, послѣдовали теперь дни порядка и тишины; это уже теперь частичка Европы, возъюнѣлой, сильной, богатой, общающей обильную будущность.

И однакоже на берегахъ Сакраменто встрѣчаются еще большія бѣдствія. Много новопрізжихъ подвергались жестокимъ испытаніямъ.

Было здѣсь трое, которыхъ я зналъ, теперь осталось двое, одного уже нѣтъ; я зналъ погибшаго въ Сантъ-Яго. Онъ жилъ въ великолѣпномъ домѣ, гдѣ иностранцы, а въ особенности французы принимаемы были съ братскою благосклонностью. Онъ меня называлъ своимъ другомъ, я его братомъ. Мы разстались, сказавши до свиданія. Надобно было бы сказать: просто навсегда!

Другаго слышали вы въ Парижѣ, передающаго мелодіи Обера, Галеви, Мейрбера съ чувствомъ артиста, понимающаго этихъ великихъ композиторовъ и придающихъ имъ еще болѣе цѣны. Вы рукоплескали ему отъ восторга.

Третьяго я видѣлъ въ Вальпарайзо, борющагося съ невѣроятною силою противъ своенравія фортуны, то улыбавшейся ему, то осыпающей ударами влѣдъ за ударомъ.

Въ одно утро отправился онъ въ Калифорнію съ превосходнымъ грузомъ товаровъ и обширною своею опытностью.

Онъ думалъ, что на этотъ разъ предательское счастье повернется къ нему. вмѣстѣ съ нимъ поѣхала умная и дѣятельная жена его.

Пріѣхавши туда, ему казалось мало жить только для одного себя, чтобъ обогащаться. Онъ учредилъ благотворительное общество, гдѣ бѣдные получали пищу и пособіе на возвратъ въ отечество.

Сохраните въ памяти и сердцѣ имя Беруалье. Онъ былъ благодѣтелемъ множества людей на обоихъ полушаріяхъ.

Посвятимъ также нѣсколько словъ памяти г. Дилвана, котораго въ Гонулулу и на Сандвичевыхъ островахъ все почитали добрѣйшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ.

III.

ОТЪѢЗДЪ ИЗЪ ЧИЛИ.

Если въ вашемъ сердцѣ есть хоть одно великодушное чувство, то вамъ конечно грустно покидать ту страну, гдѣ вы любили и гдѣ страдали. Вы конечно бросали печальные взоры на скалы, по которымъ лазали, на долины, которыя изучали, на кусты, подъ которыми скрывались отъ зноя. Оставляя ихъ навсегда, вамъ кажется, что вы теряете часть собственнаго своего существованія; вы со слезами прощаетесь съ журчащимъ ручейкомъ, съ шумящимъ водопадомъ, съ лагающимъ васъ вѣтромъ.

Мы любимъ не потому, что и насъ любятъ, увы! Иногда одно чувство убиваетъ другое, но любимъ потому, что всякое одиночество грустно, а любимые предметы не оставляютъ насъ ни въ мечтахъ, ни въ опасностяхъ, ни во снѣ.

Самую печальною страню въ свѣтѣ кажется Перу, и однакоже эти пустынные берега привлекаютъ къ себѣ воспоминанія многихъ любящихъ сердець. Васъ влекла туда наука, васъ забросила сюда буря, вы съ нетерпѣніемъ считаете минуты, когда вамъ можно будетъ уѣхать отсюда, и однакоже сердце ваше тоскуетъ. Вы уѣзжаете, и теряя берегъ изъ виду, взлезаете еще на мачту чтобъ взглянуть послѣдній разъ на этотъ берегъ.

Еслибъ мнѣ сказали при отъѣздѣ: ты нѣсколько мѣсяцевъ проведешь въ Чили, я не рѣшился бы ѣхать, я слишкомъ старѣюсь, чтобъ долго пробыть на одномъ мѣстѣ. Я спѣшу все видѣть, изучить. Я боюсь, что у меня неостанетъ силъ для возрастающей моей дѣятельности. А между тѣмъ, вотъ я сижу у руля, и изъ глазъ моихъ текутъ слезы грусти, навернувшіяся при прощаніи. Я оставляю городъ, служившій мнѣ убѣжищемъ; я слышу голоса людей, которыхъ такъ полюбилъ. Неблагодарность сердца самый гнусный порокъ въ человѣкѣ, а я оставилъ въ Вальпарайзо и Сантъ-Яго много сердець, дружественно бившихся на моей груди.

Прощайте же дикія горы Чили, скрывающіяся теперь въ волнахъ! прощайте, друзья мои, которыхъ я развѣ увижу въ лучшемъ мѣрѣ за гробомъ! Прощайте возвышенные умы, утѣшавшіе меня въ несчастіи и называвшіе братомъ: прощайте, и Ёду, Океанъ зоветъ меня!

Вотъ у гrotъ-мачты сидитъ Жеромъ Гарсенъ, одна изъ тѣхъ крѣпкихъ натуръ, которыя неколеблются ни отъ бурь Океана, ни отъ громовъ небесныхъ. Онъ десять лѣтъ плавалъ въ сѣверныхъ льдахъ на китоловныхъ судахъ, шесть лѣтъ провелъ въ водахъ южнаго полушарія. Онъ вамъ по именамъ назоветъ всѣ островки, мимо которыхъ вы пойдете по западному берегу Америки до Торесскаго пролива. Онъ можетъ служить вамъ лоцманомъ, вдоль Африки отъ Алжира до мыса Доброй Надежды, а оттуда до Занзибара. Онъ претерпѣлъ три кораблекрушенія; корабли его остались между скалами, а друзья его погребены въ прибрежныхъ пескахъ. Ему пятьдесятъ два года, и во всю свою морскую кампанію скопилъ онъ колоссальную сумму въ сто двадцать семь франковъ. У него нѣтъ семейства, и онъ все еще живетъ и дѣйствуетъ, какъ бы началъ только жизнь, и какъ бы Океанъ обязанъ былъ уважать его. Онъ находитъ, что вся наша планета слишкомъ мала и болѣе орѣховой скорлупы.

— О чемъ ты задумался, храбрецъ мой, спросилъ я однажды, дружески пожимая ему руку.

— Да какъ вамъ рассказать, г. Араго, отвѣчалъ онъ съ горькою улыбкою: человѣкъ дѣлается очень глупъ, когда все на свѣтѣ видѣлъ. Всѣ эти берега, острова, рейды, мысы, губы, все это мелькаетъ въ умѣ, какъ имена старыхъ друзей, съ которыми хотѣлъ бы опять видѣться, хоть и нечего говорить съ ними.

— Потому, другъ мой, что и печаль и радость требуютъ, чтобъ ихъ кто нибудь раздѣлялъ.

— Да! Но увидавши всѣ эти берега, города, горы, только и думаешь какъ бы поскорѣе опять уѣхать отъ нихъ.

— А тебѣ никогда не приходила въ голову мысль жить своимъ домомъ, съ своею семьею, женою, дѣтьми...

Жить на одномъ мѣстѣ, неподвижно? А что жъ бы сказало мнѣ море, которое ни минуты не покоится! Какъ бы оно меня упрекнуло въ лѣности! Мнѣ было десять лѣтъ отъ роду, какъ оно меня вызвало въ первый разъ. Съ тѣхъ поръ мы все боремся другъ съ другомъ, и я еще не побѣжденъ.

— Но какая цѣль всѣхъ твоихъ путешествій?

— Почему я знаю? я человѣкъ не ученый и не забочусь о цѣли.

Сомнѣваюсь даже, чтобъ и господа ученые знали ее. Если они найдутъ средство отправиться на луну, я первый запишусь въ эту экспедицію.

— Это мечты, мой милый!

— Я думаю, что все мы мечтаемъ. Вотъ вы, напримеръ, разговариваете со мною, а сами вѣрно мечтаете какъ бы вамъ передѣлать меня по-своему. Я увѣренъ, что мы больше видимъ сновъ на яву, нежели когда спимъ. Отъ этого-то, г. Араго, жизнь наша такъ длинна, а архипелаги все такъ скучны.

— А старость?

— Старость! повторилъ онъ, пожимая плечами. Спросите у этой волны дастъ ли она намъ еще состарѣться. Завтра, можетъ быть, сегодня, черезъ часъ мы все одинаково будемъ стары и молоды... А! да вотъ вамъ и *старость*, прибавилъ онъ, всматриваясь въ горизонтъ. Видите ли эту черную точку на небѣ? Ну, такъ она заставитъ попрыгать нашъ бриггъ; я, правда, не разъ боролся съ этими черными точками, но всегда съ большимъ урономъ.

— Такъ ты думаешь, что въ нынѣшнюю ночь будетъ буря?

— Въ этомъ можете быть увѣрены. Намъ нечего будетъ убирать паруса, ураганъ потрудится за насъ.

Мы разошлись. Дѣйствительно, черная точка поднялась сперва медленно до зенита, потомъ расширилась, развилась, опустилась, обхватила весь горизонтъ и наполнила воздухъ электричествомъ.

Я чувствовалъ, что меня какъ бы иглками колеть по всему тѣлу. Глазамъ моимъ было очень больно. Зрачки мои наполнялись свѣтомъ; я готовъ былъ поминутно воскликнуть, что *вижу*. Увы, это былъ минутный обманъ!

Однакоже на поверхности Океана все еще было тихо. Широкия волны медленно и величественно катились, но не пѣнились. Можно было однакоже предвидѣть, что въ тишинѣ этой скрывается угроза, тайный гнѣвъ, а можетъ быть и смерть. Это отдыхъ льва, сонъ тигра, нѣтъ! Это просто ярость Океана, потому что сравнивать его ни съ чѣмъ не должно.

Паруса были уже взяты на гитовы, каждый матросъ стоялъ на своемъ посту, каждый офицеръ былъ готовъ къ ожидаемой бурѣ, а капитанъ посматривалъ во все стороны, чтобъ угадать откуда принесется шквалъ.

Берегитесь, г. Араго, сказалъ мнѣ Жеромъ, проходя мимо меня. Это ужъ будетъ не буря, а самъ *торнандо* собирается намъ пощупать ребра.

— Неужели *торнандо*? спросилъ я у него очень спокойно.

— Будьте увѣрены. Намъ, правда, есть гдѣ разбѣжаться. А не то плохо бы пришлось!

— «Ужъ не трусишь ли ты?»

— Нѣтъ! Ни передъ мной, ни за мной нѣтъ никого. Но между нами много людей, которыхъ ждутъ матери, сестры, дѣти...

— Ты правъ, другъ мой! Не за себя надобно бояться, а за тѣхъ, которые остаются. За это послѣ бури и общаю я тебѣ...

— А вы думаете, что у насъ будетъ только *буря*, и что *посль* нее можно уже общать что нибудь другъ другу?.. Нѣтъ, г. Араго, если вы Океанъ не назовете лоханкою, то и *торнандо* не называйте бурей. Послушайте! Вотъ начало.

По поверхности воды пробѣжалъ какой-то глухой стонъ, и однакоже въ снастяхъ не слышно было никакого свиста. Ухватясь за шпиль точно такъ же, какъ въ тотъ день, когда ураганъ сорвалъ насъ съ якорей въ губѣ Bon-Succés у мыса Горна, чтобъ черезъ нѣсколько времени потомъ бросить насъ на скалы малунскихъ острововъ, я ждалъ борьбы стихій, и посредствомъ воспоминаній изучалъ метеорологическія явленія, посреди которыхъ летѣлъ корабль.

Вдругъ, подобно громовому удару, разразился порывъ вѣтра и налегъ на насъ всею своею силою со стороны штирборта. Мачты затрепали и бригъ сильно накренило. Но шкваль вѣтеръ перескочилъ и ударилъ въ носъ съ другой стороны. Бригъ поднялся и зашатался. Одинъ ослабленный парусъ вмгъ изорвало въ корпій. Насъ понесло назадъ, обливая черезъ всю палубу перекатывающимися волнами.

Дано приказаніе спустить бизань-мачту. По предсказанію Жерома, ураганъ исполнилъ это прежде матросовъ. Принялись за топоры, бросились на мачты, но волны достигали работниковъ и тамъ.

Безпорядокъ, или лучше сказать хаосъ, былъ вокругъ насъ. *Торнандо* заслужилъ вполне свое имя. Въ теченіе одной минуты онъ обошелъ всѣ румбы компаса и бросалъ насъ какъ щепку.

Вотъ и градъ крупный, быстрый, скачущій и неразбивающійся о палубу. Вотъ молніи, озаряющія океанъ красноватымъ блескомъ, подобно тому фантастическому огню, которымъ химія насъ иногда забавляетъ. Вотъ туча, испускающая еѣрный запахъ, пробѣгаетъ въ видѣ привидѣнія отъ галюна до гока-борта. Капитанъ пересталъ командовать, потому что никакого человѣческаго голоса небыло бы слышно. Каждый остался на своемъ мѣстѣ и цѣпляется за него всѣми силами, ожидая послѣдней своей минуты.

Но для *торнандо* не нужна была эта жертва. Онъ бросился даль

ше, а мы избитые, обломанные, гордо подняли свою голову и продолжали свой курсъ.

Курсъ былъ не продолжителенъ, но онъ заставилъ меня ѣхать обратно. Я принужденъ былъ пересѣсть на судно *Ана*, чтобъ идти къ Маркизскимъ островамъ для нѣкоторыхъ излѣдованій. Запишемъ и тутъ свои впечатлѣнія.

На Эдуардѣ жилище мое состояло изъ шкапа, и я спалъ въ одномъ выдвигаюмъ ящикѣ этого шкапа. Теперь моя комната состоитъ вся изъ одного выдвижнаго ящика, и я сплю въ футлярѣ. Я могу только помѣщаться въ профиль и въ миньатюрѣ.

Ана, американскій бригъ, купленный въ Чили, чтобъ служить почтовымъ судномъ между французскими кораблями океанической эскадры. Она-то меня и отправила на Маркизскіе острова и въ Таити.

Чего же мнѣ и требовать? У меня есть столъ, три стула и сундукъ. Я лично составляю четвертую мебель. Къ чему роскошь? Затворите дверь каюты, и у васъ цѣлая зала, отворите ее, и у васъ сквозной корридоръ.

Вы пожалуй подумаете, что все это пространство занимаю я одинъ. О, нѣтъ! Кромѣ меня, насъ трое: Ромье, Алакве и Делафре. Всѣ мы идемъ разными путями въ жизни, но одинаково мужественно готовы ко всякой борьбѣ.

Съ какимъ удовольствіемъ вспоминаю я наши ежедневные разговоры, бесѣды, мечты, споры. Будущее докажетъ, кто изъ насъ былъ правъ.

Но вотъ еще существо, о которомъ я долженъ упомянуть. Помните ли вы на Эдуардѣ юнга, котораго я прозвалъ *Уистити*. И на бригѣ *Ана* есть такой же юнгъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Люко.

— А имя?

— Люко.

— Да какъ тебя дома звали?

— Гдѣ, дома?

— У отца, у матери.

— У меня ихъ не было.

— Дитя мое! у всякаго есть отецъ и мать.

— Говорятъ, но я не вѣрю, потому что у меня ихъ не было.

— Да ты откуда родомъ?

— Не знаю.

— Какъ! ты не знаешь, гдѣ провелъ дѣтство?

— Гдѣ? На улицѣ, въ ямѣ, въ подвалѣ, въ сараѣ, гдѣ когда приходилось.

— Ктонибудь заботился о тебѣ въ дѣтствѣ?

— И всѣ, и никто. Я помню только толпу нищихъ. Я былъ въ числѣ ихъ; я выкрикивалъ, выпискивалъ себѣ пищу. Вдругъ всѣхъ насъ схватили и засадили. Меня заставили работать и за это кормили. Это мнѣ гораздо лучше понравилось. Меня спрашивали какому ремеслу я хочу учиться? Никакому. Я хочу ѣсть и работать. Вотъ меня и взяли на корабль.

— Хорошо ли же теперь тебѣ?

— Разумѣется. Ни о пищѣ, ни объ одеждѣ мнѣ нечего думать. У меня теперь есть семья и домъ. Кто дастъ кусокъ хлѣба, тотъ—родня. Кто приласкаетъ—тотъ отецъ.

Онъ знаетъ только двѣ потребности въ жизни—пищу и работу. Веселость, скука для него безотчетныя чувства. Всѣ ему приказываютъ и приказанія эти самыя различныя.

— Люко! бѣги, подтяни бомъ-брамстенгу.

— Люко! пошелъ, качай пумпу.

— Люко! возьми швабры и вымой палубу.

— Люко! вычисти мнѣ сюртукъ.

— Люко! подай мнѣ воды умыться.

— Люко! подотри эту лужу тряпкою.

— Люко! сдѣлай мнѣ яичницу.

— А какую прикажете? Съ яйцами?

— Глупецъ! развѣ бываютъ яичницы безъ яицъ?

— Бываютъ, я часто дѣлалъ изъ одной свинины.

И Люко дѣлаетъ все, что прикажутъ, обнаруживая иногда довольно понятливости.

Вчера за что-то его наказали, и въ нашей каютѣ утѣшали его въ этомъ несчастіи.

— Послушайте, г. Делафре, сказалъ Люко, вовсе не заботясь объ этомъ наказаніи. У васъ три трубки: начто вамъ такъ много. Подадите мнѣ одну, и за это у васъ всегда будетъ и платье, и посуда чище всѣхъ на кораблѣ.

— Да вѣдь, любезный, одна изъ этихъ трубокъ стоитъ двадцать восемь франковъ.

— На что мнѣ она?

— Другая стоитъ пятьдесятъ сантимовъ

— А третья?

— Пять сантимовъ.

— Такъ вотъ эту и подарите, и если я когда провинюсь передъ вами, отнимите ее у меня.

— Изволь, возьми.

— Благодарю васъ. Побѣгу и вымою руки. Я знаю, что вы любите чистоту.

Люко сдержалъ слово. За подарокъ въ пять сантимовъ онъ сдѣлался чистоплотнымъ и съ усердіемъ ходилъ за нами. Боюсь одного: трубка глиняная, ну, если она разобьется.

Отъ Люко перейдемъ къ самому бригу. И послѣдній также жалокъ, какъ первый. Впрочемъ, кто же виноватъ? Все въ свѣтѣ старѣется, желѣзо, металлъ, дерево, паруса. Все должно имѣть конецъ.

Палуба *Ана* переломилась, борты растрескались, округлости сдѣлались угловаты, дождь льется во всѣ каюты, а вы знаете каковы тропическіе дожди.

У *Ана* были паруса. Теперь этотъ заштопанный холстъ со вставками тоже такъ называется, но это по привычкѣ. При каждомъ шквалѣ новая дыра, и новая починка и заплатка. Прежде бригъ славился, какъ хорошій холодокъ, теперь онъ хромой инвалидъ.

Мачты и райны такого же свойства, какъ паруса. Стыдно смотрѣть на нихъ.

Кухни нѣтъ на кораблѣ, слѣдственно и поваръ былъ бы бесполезною роскошью. Г. Боннаръ отправилъ насъ и пожелалъ намъ *счастливаго пути*. Ужъ именно *на счастье!*

Вмѣсто аптеки у насъ пустой ящикъ. Вмѣсто хирургическихъ инструментовъ перочинный и кухонный ножи. Врачемъ рулевой матросъ.

Если вы рѣшили себѣ голову, прищемили палецъ, если у васъ лихорадка, то можете употреблять всѣ средства, какія вздумаете: ящикъ пусть;—страдайте, терпите и умирайте. Васъ похоронятъ, бросивши въ море.

А о капитанѣ, а объ экипажѣ я еще ничего и не сказалъ! Какая забывчивость! Капитанъ—онъ ученый и начитанный человекъ. Онъ знаетъ наизусть всѣхъ философовъ, поэтовъ, ученыхъ, художниковъ. На корабль свой онъ мало надѣется, и какъ скоро на горизонтѣ показывается туча, онъ беретъ рифы и подвязываетъ паруса. Это очень осторожно, но этимъ образомъ далеко не уйдешь.

Экипажъ нашъ состоитъ изъ двѣнадцати человекъ. Трое изъ нихъ знаютъ, что такое мачта, парусъ и снасти. Другіе со временемъ тоже будутъ знать. Капитанъ покрайней мѣрѣ всякій день задаетъ имъ уроки.

Разсуждая о всѣхъ этихъ пріятностяхъ, мы однажды сидѣли въ своей каютѣ за мнимымъ обѣдомъ. Настоящаго давно уже не было. Пе-

чально смотрѣли мы на нѣсколько яблоковъ, взятыхъ изъ Вальпарайзо, и сдѣлавшихся столько же похожими на свѣжіе яблоки, какъ роза на уголь. Были и груши, но мы ихъ принуждены были со вздохомъ выбросить. Теперь очередь дошла и до яблоковъ.

Нашимъ капиталомъ для обѣда былъ мѣшокъ съ орѣхами, за который у насъ была вседневная война съ крысами, требовавшими тоже своей доли.

Было, правда, и вино, и масло, но первое превратилось въ уксусъ, а второе годилось только на смазку насосовъ.

И что-жь? Въ этотъ печальный день подкиernerъ, у котораго былъ свой курятникъ живыхъ куръ, подарилъ намъ шесть свѣжихъ яицъ. Надъ такимъ богатствомъ поневолѣ задумаешься. Это была лукулловская роскошь.

Вдругъ свѣтлая мысль мелькнула въ умѣ Роме:

— А что, господа, не испечь ли намъ пирогъ изъ этихъ яицъ?

У всѣхъ исторгся крикъ радости и удивленія. Даже самъ Люко пришелкнулъ отъ удовольствія языкомъ. Всѣ мы обратились къ нему.

— Ты слышалъ, Люко? Мы хотимъ испечь пирогъ.

— Что-жь тутъ мудренаго? отвѣчалъ онъ, испечемъ.

— Да вѣдь ты вѣрно не умѣешь печь пироговъ?

— Я все умѣю; было бы только изъ чего. А еще бы лучше, еслибъ у меня былъ подъ рукою пирогъ для образчика.

— Глупецъ!

— Ну, такъ два.

Мы тотчасъ же принялись за дѣло, приноминая себѣ все, что по этой части каждый помнилъ.

У насъ были яйца. Это была важная статья. Эти яйца пойдутъ въ пирогъ, но какимъ образомъ? одинъ ли желтокъ, или съ бѣлкомъ, со скорлупою или безъ нея? Сварить ли ихъ сперва, или сырые употребить въ тѣсто?

Послѣ долгаго совѣщанія, яйца были сырыми выпущены на муку. Это составило родъ тѣста, но Альбье сказалъ, что для пѣжности вкуса надобно было бы прибавить уксусу. Другой далъ совѣтъ прибавить орѣховъ. Но Люко очень важно объявилъ, что обдѣлаетъ все дѣло, и въ салатникъ понесетъ тѣсто на кухню.

Тамъ воображеніе его разыгралось. Онъ объявилъ всѣмъ матросамъ, что печетъ для насъ пирогъ, и требовалъ у каждаго чего нибудь, чтобъ придать ему больше вкусу. Кто далъ картофелю, кто кислой капусты, кто луку, перцу, селедокъ, сахару, соли, уксусу, и изъ всего этого составилось наконецъ тѣсто, которое и посажено было на горячіе угли.

Когда пирогъ поспѣлъ, Люко явился къ намъ и съ торжественномъ поставилъ его намъ на столъ. Мы съ ножомъ приступили къ нему; каждый отрѣзалъ себѣ по куску—и въ ротъ.

— Что это?

— Что мнѣ попало въ ротъ?

— Что за ужасный вкусъ!

Люко, услышавшій эти возгласы, оробѣлъ. Торжественное выраженіе его лица вдругъ превратилось въ печальное.

— Злодѣй! закричалъ ему Делафре, что ты это намъ принесъ?

— Пирогъ, который вы кажется приказывали испечь.

— Да что ты въ него положилъ?

— Все, что лучшаго мнѣ подъ руку попало. Всѣ матросы васъ такъ любятъ, что съ радостію отдали всѣ свои запасы. Всѣ велѣли сказать, что участвовали въ печеніи пирога, и чтобъ вы наздоровье скушали.

— Нѣтъ, варваръ, ты одинъ будешь ѣсть его.

Дѣйствительно, онъ съ видимымъ удовольствіемъ съѣлъ пирогъ своего сочиненія, но увы! бѣдняжка захворалъ и нѣсколько дней пролежалъ больной.

Вы, можетъ быть, спросите меня: зачѣмъ я описываю вамъ эти мелочи? Боже мой! Въ однообразной жизни на кораблѣ всякая бездѣлица составляетъ эпизодъ, развлекающій бѣдныхъ путешественниковъ, плывущихъ подъ огненнымъ небомъ, безъ съѣстныхъ припасовъ, почти безъ воды и безъ надежды.

Но вотъ еще развлеченіе! Начинается буря; всѣ бѣгутъ на палубу, крѣпятъ паруса, суетятся.

Это былъ не обыкновенный порывъ шквала, а что-то ужасное, угрожающее, и тѣмъ болѣе опасное, что неизвѣстно еще было откуда налетитъ буря. Съ барометромъ не могли мы справиться: его забыли повѣсить передъ отъѣздомъ, и ртуть вытекла изъ него. Но, за неимѣніемъ этого полезнаго инструмента, стаи птицъ, летающихъ надъ нами, возвѣщали намъ о приближающейся бѣдѣ.

Вскорѣ разразилась буря. Наступила минута хаоса. Дождь лилъ въ видѣ низвергающихся потоковъ; вѣтеръ срывалъ верхушки волнъ и разливалъ ихъ по палубѣ; молніи извивались между мачтами; сѣрная атмосфера грозила задушить насъ, и бѣдный бригъ, бросаемый изъ стороны въ сторону, не зналъ по видимому гдѣ ему кончить свое существованіе, зарывшись ли въ волнахъ, или загорѣвшись отъ молніи.

И все это продолжалось пятнадцать часовъ сряду. Это было величественное и великолѣпное зрѣлище.

Во время этой жестокой борьбы стихій замѣтилъ я что всякій разъ между двумя порывами шкваловъ было совершенное безвѣтріе и тишина, нарушаемая развѣ однимъ блескомъ молній, обливающихъ корабль сверху до низу. И въ эту-то минуту затишья бригъ подвергался болѣе всего опасности. Въ это время волны сталкивались между собою съ такою силою, что ежеминутно угрожали раздавить судно. А когда вдругъ потомъ налеталъ ударъ вѣтра, то казалось, что онъ подхватитъ бригъ какъ щепку и перевернетъ его на воздухъ.

Я могъ бы здѣсь составить великолѣпную картину бури, но мнѣ кажется, что всѣ господа описыватели бурь не вадали ни одной изъ нихъ. Иначе бы имъ и въ голову не пришло ихъ описывать.

Но вотъ на краю горизонта поднимается скала, сперва въ видѣ обелеска, потомъ расширяется къ основанію и наконецъ обнаруживаетъ колоссальную растительность.

Взглянемъ на карту. Это островокъ Рюрикъ, а подлѣ него другой, названный Румянцовскимъ, отдѣляется отъ него узкимъ проливомъ. Эти острова напоминаютъ мнѣ мою молодость.

Это было въ 1818 году; мнѣ было тогда двадцать лѣтъ (какъ я состарѣлся!). *Уранія* бросила якорь въ Столовой бухтѣ на мысъ Доброй Надежды. Тутъ замѣтилъ я на разстояніи кабельтова бригъ сильной постройки, но избитый бурями.

Я всегда люблю суда, выдержавшія сильную борьбу, и потому тотчасъ же отправился съ визитомъ на бригъ. Онъ назывался *Рюрикъ* и оканчивалъ свое кругосвѣтное плаваніе. Командиромъ его былъ капитанъ Коцебу.

Я познакомился тогда съ живописцемъ Шорисомъ, котораго потомъ съѣли дикіе въ сѣверной Америкѣ.

Но зачѣмъ, спросите вы, рассказывать эту давнишнюю исторію. Увы! Въ мои лѣта живутъ только воспоминаніями. Сердце мое начинаетъ только биться сильнѣе тамъ, гдѣ я страдалъ, гдѣ радовался. Никогда безъ вздоха не произнесу я имени одной пиренейской деревни, потому что тамъ покоится прахъ одной изъ достойнѣйшихъ въ свѣтѣ женщинъ. Сожалѣю о тѣхъ, у которыхъ нѣтъ подобныхъ воспоминаній!

Познакомимся однако же съ Маркизскими островами.

IV.

МАРКИЗСКІЕ ОСТРОВА.

Намъ неблагопріятствовало счастье ни при отъѣздѣ, ни по пріѣздѣ. Снявшись съ якоря въ Вальпарайзо, мы едва не были брошены на ска-

лы. Безъ помощи пяти дюжихъ лодокъ, которыя отвели насъ на буксирѣ, съ нашимъ бѣднымъ бригаомъ, и безъ того уже полуразрушеннымъ, вѣрно бы случилось какое нибудь несчастіе.

Здѣсь, только съ чрезвычайными усиліями и съ помощію американскаго лоцмана бригъ нашъ могъ продолжать путь до Таити,

Въ продолженіе пяти-шести часовъ, мы по крайней мѣрѣ тридцать разъ поворачивали бригъ, чтобъ попасть въ несчастную бухту Анна-Маріи (Тангагое), и наконецъ съ отчаяніемъ въ душѣ бросили якорь на твердомъ и каменистомъ грунтѣ. Экипажъ нашъ рѣшительно измучился, и отъ проливныхъ дождей въ предшествовашіе дни и отъ *торнадо*, избившаго насъ при переѣздѣ. Признаюсь, мы даже готовились къ послѣднему между собою прощанію.

Я же, какъ бесполезная мебель, и въ бурю и въ тихую погоду, я сошелъ въ каюту, сложилъ всѣ свои записки въ ящикъ, и сказалъ самъ себѣ, что рано-ли, поздно-ли это должно было случиться.

Когда мои волосы были еще черны, а идеи розовыя, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, мы называли этотъ островъ *Нукагива*; потомъ стали называть Нукугива, а теперь незнаю почему онъ сдѣлался *Нуива*.

Бухта Анна-Марія тоже переименована мореплавателями, которые назвали ее туземнымъ именемъ *Тангагое*.

Вообразите себѣ горы направо, налѣво передъ вами съ изрытыми вершинами, съ дикими, странными, мрачными уступами; вездѣ овраги, вырытые потоками, вездѣ грозная природа, невозможная къ изслѣдованію. У подошвы этихъ горъ около двадцати хижинъ, четыре песчаная аллея, деревянный, довольно просторный домъ, земляной фортъ, пятьдесятъ *канаковъ*, два или три кокосовые дерева, два патера безъ пасты. Съ берега вѣчный шумъ прибоя, отражаемаго коралловыми рифами. Потомъ тропическіе дожди, низвергающіеся каскадами съ горныхъ вершинъ и изливающіеся въ тоже море.

Вотъ наша великолѣпная колонія на Нугивѣ, вотъ соперница Таити. Здѣсь живутъ людоеды, но ихъ однако же менѣе, нежели въ Новой-Каледоніи, этой негостепривимной страны, гдѣ человѣкъ служитъ пищею человѣку, гдѣ европеецъ подвергается наиболѣе опасностямъ, если не дѣйствуетъ штыками и пушками.

Въ Тангагое не ѣдятъ уже ни мужчинъ, ни женщинъ, ни дѣтей, а въ ближайшихъ губахъ людоедство въ модѣ и чести. Слабѣйшій служить пищею сильнѣйшему.

У нашихъ завоевателей странныя идеи. За лоскутки бесполезной земли они сражаются многіе годы, а нравственные, релігіозныя завоеванія—Франція о нихъ и не думаетъ.

Что мы сдѣлали порядочнаго на Нугивѣ съ тѣмъ поръ, какъ нашъ трехъ-цвѣтный флагъ развѣвается здѣсь? Можно объ этомъ написать много подробностей любопытныхъ, занимательныхъ, драматическихъ, забавныхъ. Эти подробности могутъ служить урокомъ.

На всемъ земномъ шарѣ я знаю только одинъ народъ, который живетъ, не имѣя понятія о Богѣ, о вѣрѣ, о храмахъ. Дикіе обитатели новаго южнаго Валлпса, питающіеся муравьями, гусеницами, змѣями, не имѣютъ ни малѣйшей идеи ни о созданіи, ни о Создателѣ. Напрасно я спрашивалъ ихъ о предкахъ, напрасно твердилъ о благодѣтельномъ Божествѣ, они ничего непонимаютъ. Они рождаются, живутъ, умираютъ, не видя ничего ни предъ тѣмъ, ни за тѣмъ.

У свирѣпѣйшихъ племенъ есть кумиры, которые они ниспровергаютъ, когда проиграютъ сраженіе и возстановляютъ, когда одержать побѣду.

На Нугивѣ были съ давнишнихъ временъ кумиры. Я добивался у нихъ до основныхъ правилъ ихъ религіи, и вотъ что узналъ.

«Нугива была сперва длинною и плоскою землею. Теперь она возвышенна и скалиста съ видимыми въ разныхъ мѣстахъ трещинами, изрытыми дѣйствіемъ подземнаго огня. Весь островъ покрытъ колоссальными растеніями, которыя кажутся тяготать почву. Эта сильная и роскошная натура, посреди которой царствуетъ торжественное молчаніе, ненарушаемое никакимъ звѣринымъ ревомъ. Шумъ, война и кровь льются только на берегу.

Какимъ же образомъ произошло превращеніе этой почвы? Разсказъ очень простъ и наивенъ. Одинъ туземный богъ *Атуа* удилъ рыбу, сидя въ лодкѣ. Тихій вѣтеръ несъ лодку по волѣ бога по пространству моря. Вздумалось Атуа поѣсть. Онъ разрѣзалъ одну рыбу надвое, бросилъ одну половину въ море, и изъ этой половины образовался островъ.

Атуа сошелъ на этотъ островъ, погулялъ по немъ, съѣлъ остальную половину рыбы, и началъ придумывать какъ бы украсить это мѣсто, наставилъ горъ, холмовъ, скалъ, рывинъ, пещеръ, бухтъ.

Когда Атуа спалъ, противникъ его, богъ зла, подкрался къ нему, схватилъ камень и швырнулъ въ него, но промахнулся. Атуа проснулся, разсердился, самъ въ свою очередь бросилъ камень и такъ попалъ въ противника, что тотъ уже не вставалъ.

Для историческаго доказательства этого разсказа, вамъ жители укажутъ и на камень, лежащій въ Калетской губѣ. Это колоссальная скала, на которой въ одномъ мѣстѣ видны какъ бы слѣды пяти пальцевъ, ухватившихъ этотъ камень

Какъ бы я желалъ, чтобъ раздробило молніею этотъ миеологическій камень и водрузили знаменіе спасенія міра. Пора истребить это гнусное людоедство; пора вездѣ воцариться религіи милосердія, кротости и правосудія.

Когда придетъ этотъ день? когда ударитъ этотъ часъ? одряхлѣвшая Европа хвалится, что все идетъ впередъ. Увы! она часто идетъ назадъ. По крайней мѣрѣ мы, Французы, очень мало сдѣлали еще для просвѣщенія океанійскихъ острововъ.

Однако же буду продолжать свой разсказъ. Нетребуйте отъ меня систематическаго порядка. Вамъ бы самимъ это надоѣло. Разнообразіе лучшая система разсказа.

Я говорилъ о религіи Маркизскихъ острововъ. Мнѣ любопытно было узнать ихъ мѣтніе о замогильной жизни.

Людоеды есть на Валлійскихъ островахъ, на Соломоновыхъ, Омбейскихъ, Фиджи, въ новой Каледоніи, и миссіонеры безсильны къ истребленію этого гнуснаго обычая, при которомъ не мало европейцевъ составляетъ самое лакомое блюдо.

И однакоже у вѣсѣхъ этихъ людоедовъ всякій умершій оплакивается оставшимися. Въ иномъ мѣстѣ отсѣкаютъ себѣ суставъ пальца, въ другомъ прижигаютъ себѣ тѣло. Вообще мѣсто погребенія умершаго вездѣ въ уваженіи, и осквернителя казнятъ смертію.

Посмотримъ, что дѣлаютъ на Маркизскихъ островахъ.

Тамъ, при смерти каждаго раздаются крики отчаянія. Всѣ родные и друзья сходятся къ покойнику, окружаютъ его, обливаютъ потоками слезъ. Потомъ одѣваютъ его въ лучшее платье, кладутъ подлѣ него дорогое оружіе, въ особенности же отбитое у непріятели, читаютъ надъ нимъ гимнъ умершихъ, и сажаютъ въ лодку, ноги горизонтально, а туловище поддерживается двумя перпендикулярными досками. Голова и руки прикрѣплены третьею доскою. А чтобъ остановить начинающееся разрушеніе, его трутъ безпрестанно кокосовымъ масломъ и обмакиваютъ вѣрами, говоря ему самыя пріятныя рѣчи.

Наконецъ собираются всѣ къ трапезѣ, для которой убито нѣсколько поросятъ, смотря по важности званія умершаго, и ближайшій родственникъ говоритъ ему.

«Я, другъ твой, о *Катейо*, пришелъ навѣстить тебя и пожелать, чтобъ душа тихо летала на облакахъ. А вѣрная твоя подруга *Туи* съ истерзанною камышами грудью пришла увѣрить тебя, что печаль ея будетъ безконечна.»

Не менѣе пятнадцати или двадцати дней продолжается пиршество и оплакиванье посреди совершающагося гніенія тѣла. Наконецъ заверты-

ваютъ его въ самую мягкую циновку и вѣшаютъ горизонтально къ потолку хижины, или построивъ для него отдѣльную, относятъ его туда, и хижина эта дѣлается фамильнымъ склепомъ (*морай*). Это *морай* обыкновенно обсаживаютъ деревьями, и всякое утро, каждый вечеръ родные и друзья покойника обвѣшиваютъ деревья приношеніями: тканями, поросятами, плодами, рыбами и *попое*, которыхъ уже никто не смѣетъ тронуть.

Скажемъ мимоходомъ, что *попое* пирогъ изъ хлѣбнаго плода, который почти все островитяне Океанійскаго Архипелага называютъ *маіоре*. Это ихъ обыкновенная и любимая пища. Можетъ быть и мнѣ бы она понравилась, еслибъ я подолѣе здѣсь прожилъ и еслибъ съ самаго начала не получилъ отвращенія отъ туземной кухни, а именно отъ сырой рыбы, которую они стараются угостить всякаго прїѣзжаго.

Если умереть верховный жрецъ, то церемонія бываетъ самая великолѣпная. Горе тому жителю, который бы не выразилъ своей печали слезами и изуродованіемъ себя.

Какъ скоро тѣло умершаго выставлено, все молодыя дѣвы сбѣгаются къ нему, и со слезами, съ нѣжнѣйшими просьбами умоляютъ его возвратиться къ жизни. Увы! онъ неслушается. Во время этихъ просьбъ дѣвушки пляшутъ, и пляски эти производятся съ восхожденія солнца и ввечеру до захода.

Послѣ того начинаются человѣческія жертвоприношенія. Воины нарочно прячутся вездѣ въ кустахъ, за камнями и караулятъ каждаго прохожаго. Если кого убьютъ, то тотчасъ же съѣдаютъ въ честь умершаго.

Съ самой минуты смерти верховнаго жреца нельзя нигдѣ зажечь огня и приготовить пищи. Женщины отрѣзываютъ себѣ волосы и несутъ его въ лѣсъ. Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца нѣтъ плясокъ, пѣнія; все снятъ подъ дождемъ, на голомъ камнѣ, терзаютъ себѣ грудь.

Что же дѣлалъ великій жрецъ во всю свою жизнь, что о немъ такъ сожалѣютъ? Онъ ѣлъ поросять и плоды, которые ему каждый день приносили. Онъ приговаривалъ нѣсколькихъ несчастныхъ, нарушившихъ *табу*. Вы скоро узнаете соотвѣтствуетъ ли наказаніе преступленію. Я еще объ этомъ поговорю.

Табу составляетъ основной законъ этихъ странъ. Это первый и могущественный кодексъ, одинъ, котораго не могутъ избѣжать ни цоль, ни возрастъ. Несчастный ребенокъ, едва еще умѣющій лепетать имя матери, нечаянно забѣжитъ въ мѣсто, которое объявлено *Табу*, а его приносятъ на жертву. Не умоляйте о помилованіи его, вы подвергнетесь той же участи.

Умирающему верховному жрецу вздумалось объявить красный цвѣтъ табу. Теперь случись въ вашей одеждѣ малѣйшая, незамѣтная почти нитка краснаго цвѣта, и смерть ваша рѣшена.

Новый жрецъ освободить красный цвѣтъ отъ *Табу* и замѣнить его синимъ. Забѣйте однакоже, что бѣлый и желтый никогда не подвергаются *Табу*. Причины этого исключенія неизвѣстны и самимъ жрецамъ. Но, чтобъ избавиться отъ послѣдствій *табу*, знаете ли что дѣлаютъ предводители племенъ: они сами себя объявляютъ *табу*, и дѣлаются неприкосновенными.

Могана, король, котораго я вчера видѣлъ и о которомъ поговорю еще вскорѣ, былъ угрожаемъ другимъ королемъ *Оне-Вагине*, рѣшившимъ умертвить его. Могана бросился къ своимъ противникамъ и являсь посреди большаго народнаго праздника (*Колка*), сказалъ *Оне-Вигини*:

— Несчастный! Ты смѣешь противиться моей власти. Я принимаю твой вызовъ, я плюю на этотъ камень, и столько же презираю тебя, какъ его.

Эта смѣлость увеличила число приверженцевъ *Могана*, который теперь могущественнѣйшій человекъ на островѣ и нашъ другъ.

Если предводитель привыкъ прогуливаться по тропинкѣ, она дѣлается *табу*. Для прочихъ проводятъ другую подлѣ, а ту покрываютъ дерномъ.

Красная свинья—*табу*: съѣсть ее значитъ совершить преступленіе. Мы съѣли одну на бригѣ и притупили о нее свои зубы.

Хлѣбное дерево—*табу* для женщинъ. Горе имъ, если онѣ осмѣлятся къ нему приблизиться. Здѣсь мужчины сильнѣе, и дѣлаютъ законы, не забываясь о слабомъ полѣ.

Мѣсто, гдѣ мужчины ѣдятъ, тоже *табу* для женщинъ, которыя всегда питаются остатками этой трапезы. Женщины не смѣютъ надѣвать плащей (*тана*) мужчинъ.

Я бы некончилъ, еслибъ сталъ исчислять *всѣ табу* и всѣ униженія бѣдныхъ женщинъ на Океанійскомъ Архипелагѣ. Сердце возмущается, разсудокъ не достигаетъ. Лучше забыть о нихъ.

За нѣсколько времени до нашего пріѣзда на маркизскіе острова вспыхнула война между дикимъ племенемъ *Тастиваи* съ сосѣдними племенами. Первые сильнѣе и многочисленнѣе, опустошили все огнемъ и мечемъ. Насильства и жестокости, произведенныя ими, ужасаютъ воображеніе. Плѣнники же оставлены были для сильнѣйшихъ истязаній, которыхъ нельзя описать.

Въ это время пріѣхали мы. Мы знали, что одинъ американскій ка-

питанъ Портеро разбить былъ племенемъ *Тастиваи*. Мы должны были принять мѣры осторожности, и очень хорошо сдѣлали, потому что засады были вездѣ.

Поговоримъ теперь о королѣ *Могана*.

V.

МОГАНА.

Бѣднякъ, французъ, который не нашелъ ни гдѣ средства къ существованію и поселился здѣсь, встрѣтилъ насъ въ ту минуту, какъ мы боролись со всевозможными опасностями при входѣ въ гавань. Онъ намъ привезъ лодмана, и тотъ спасъ нашъ бѣдный бригъ, которому было очень худо.

Мы бросили наконецъ якорь и сошли на берегъ, доѣхавъ въ лодкѣ, высланной намъ миссіонеромъ. До самаго берега мы доѣхать не могли, но *канаки* бросились въ воду, подхватили меня и принесли невредимымъ на берегъ.

Канаки Маркизскихъ острововъ могутъ назваться земноводными. Они точно также плаваютъ, какъ ходятъ и даже гораздо лучше. На ходбѣ они обойдутъ всякую горку, на водѣ будутъ смѣло бороться съ самыми высокими валами.

Женщины еще смѣлѣе и искуснѣе. Они ежедневно плаваютъ посреди буруновъ, и присутствіе акулъ никогда ихъ не пугаетъ. Десяти, двѣнадцатилѣтнія дѣвочки ныряютъ подъ корабль на всемъ ходу и являются тотчасъ же по другую сторону, весело стряхивая густые свои волосы.

Насъ повели къ миссіонерамъ. Братъ Алексисъ представилъ мнѣ меня. Онъ родился въ Ошѣ, и самый добрый малый. Миссіонеры пригласили меня завтракать. Это былъ для меня истинный праздникъ. Столъ, просторъ, чистые стаканы, которые не упадутъ отъ корабельной качки. Тихій, прохладный вѣтерокъ, чистая вода въ большомъ графинѣ, и хлѣбъ! Свѣжій, бѣлый хлѣбъ, прекрасно выпеченный, съ золотистою коркою, вкусный. Какъ я давно неѣдалъ, не видалъ хлѣба! Это истинное наслажденіе.

Ласки матери, пожатіе руки друга, очень пріятны послѣ путешествія, но хлѣбъ тоже большое счастье.

Намъ подали яицъ, ветчины, цыплятъ и банановъ.

— Но всего лучше былъ хлѣбъ.

Миссіонеры, самые добрые и честные люди, только едвали они скоро обратятъ въ христіанство туземцевъ.

Во время завтрака туземный французъ отправился къ королю Могану и привелъ его ко мнѣ, объявивъ ему, что я тоже король въ Европѣ.

Эта ложь взволновала меня, но миссіонеры успокоили меня и совѣтовали невыводить Могана отъ заблужденія. Онъ былъ одѣтъ вполнину по европейски, но босикомъ, и съ татуированною грудью. Онъ сѣлъ подлѣ меня, потеръ свой носъ объ мой, схватилъ стаканъ, выпилъ, налилъ еще разъ, выпилъ и заговорилъ.

Надобно замѣтить, что Могана пьеть много, и что его пьянство очень гибельно для жителей, потому что онъ тогда производитъ ужаснѣйшія неистовства.

Въ нормальномъ своемъ состояніи Могана уменъ и разсудителенъ. Впрочемъ онъ почитаетъ себя выше европейцевъ по мужеству и уму.

— Развѣ вы сражаетесь? сказалъ онъ. Пушки, ружья, лошади, корабли, крѣпости, сражаются за васъ. Вы храбры издали, а мы вблизи. У васъ мужество въ головѣ, у насъ въ сердцѣ. Могана всякій разъ удивляется пріѣзду европейцевъ.

Вы престранные люди! Вы не любите ни нашихъ плодовъ, ни нашихъ кушаньевъ. Вы не берете плѣнныхъ, чтобъ изжарить ихъ. Зачѣмъ вы ѣздите сюда такъ издалека. Вы одѣваетесь съ ногъ до головы, когда и безъ того жарко. Вы носите на ногахъ обувь, которая только что мѣшаетъ ходить.

Я немогъ внушить ему ни малѣйшаго удивленія къ изобрѣтеніямъ ума человѣческаго.

— Все это придумала ваша слабость, а не умъ. Вамъ во всемъ нужна помощь и посторонняя сила.

Я съ нимъ гулялъ потомъ по берегу и старался объяснить ему могущество корабля и пользу нашего мореходства.

Не говори мнѣ объ этомъ, прервалъ онъ меня, это все придумано мадодушіемъ. Вы боитесь войны. Гдѣ храбрѣйшій изъ васъ? Пусть онъ сдѣлаетъ то, что я.

Онъ въ тоже мгновеніе бросился съ крутаго берега въ кипящій бурунь и исчезъ въ волнахъ. Онъ замѣтилъ, что теченіемъ несло лодку на рифы, и сильною рукою отвелъ ее въ открытое море. Черезъ полчаса онъ явился ко мнѣ и спросилъ: доволенъ ли я имъ и въ состояніи ли сдѣлать тоже.

Я ему сказалъ, что не умѣю даже плавать. Онъ покачалъ головою и неповѣрилъ. Въ вечеру предложилъ онъ мнѣ прогулку въ лодкѣ, и

въ пятидесяти брассахъ отъ берега для шутки и испытанія опрокинулъ лодку. Я, разумѣется, побарахтался съ минуту и пошелъ ко дну... и черезъ нѣсколько минутъ пришелъ въ чувство на рукахъ Могана, который меня вынесъ изъ воды. Онъ теперь убѣдился, что я сказалъ правду.

Презирая всѣ великія произведенія цивилизаціи, онъ приходитъ въ восторгъ отъ мелочныхъ. Онъ изумленъ штопоромъ, ножницами, иглою, но не понимаетъ ни гребня, ни бритвы. Онъ восклицалъ отъ удивленія при видѣ химической спички, но для него гораздо лучше мѣшокъ, нежели платье. Я ему показалъ разные фокусы, и онъ былъ пораженъ.

Наступила ночь тропическая, бальзамическая, со всеми своими благоуханіями, шумомъ волнъ и изнѣженностью. Я избралъ себѣ ночлегомъ хижину одного испанца, основавшагося въ Нугивѣ. Я уже хотѣлъ лечь спать, какъ вдругъ услышалъ шаги подлѣ себя.

— Кто тутъ? спросилъ я, протягивая руки.

— Это Могана, отвѣчалъ испанецъ, съ супругою и свояченицею, дѣвучкою четырнадцати лѣтъ.

— Милости просимъ, пригласите ихъ сѣсть.

— Они уже сидятъ.

Это былъ вечерній визитъ самаго Могана, который зналъ, что у испанца нѣтъ въ домѣ женщинъ, хотѣлъ, чтобъ мнѣ прислуживала его молодая родственница Мояро. Я зналъ, что отказъ обидитъ его и благодарилъ его. Между тѣмъ онъ ошибся. Испанецъ тоже приставилъ ко мнѣ по званію слѣпца, одну десятилѣтнюю дѣвучку, и такимъ образомъ, когда Могана ушелъ, оставшіяся дѣвучки принялись о чемъ-то пѣть, но такъ монотонно, уныло и негармонически, что нервы мои видимо страдали.

Я записалъ однакоже слова пѣсни:

— Вѣришь ли ты волшебникамъ?

— Да! я вѣрю имъ.

— Увѣрена ли ты въ ихъ могущества?

— Совершенно увѣрена.

— Видѣла ли ты ихъ когда нибудь?

— Нѣтъ, не видѣла и сожалею объ этомъ.

— Люди ли это, или духи?

— Они по волѣ и то, и другое.

— Зачѣмъ же они бываютъ людьми, если могутъ быть духами?

— Воздуху нужна буря, сердцамаъ страсти. Мы бы скоро умерли, еслибъ море было всегда спокойно, а небо вѣчно голубое.

— Слѣдственно волшебники счастливѣе, когда они людьми?

— Разумѣется, счастливѣе.

— Будемъ же воспѣвать жизнь волшебниковъ.

Не знаю кто изъ насъ прежде заснулъ, но кажется хозяйинъ испанецъ прежде всѣхъ храпѣлъ.

Путру первый визитъ ко мнѣ былъ жены Могана; она поцѣловала меня въ лобъ, сказавъ по-французски:

Здравствуй, братъ, французъ.

Хороша, сестрица! подумалъ я, отъ нее такъ ужасно пахнетъ кокосовымъ масломъ, а я его терпѣть не могу.

Однакоже утренній визитъ ея означалъ, что я обязанъ сдѣлать ей подарокъ. Я поднесъ фуляръ, которымъ она была очень довольна.

Явился и самъ Могана. Сказавъ мнѣ нѣсколько привѣтствій, пощупалъ онъ рукою цыновку, на которой я спалъ, и поспѣшно удался. Въ этомъ утреннемъ визитѣ былъ онъ уже совершеннымъ канакомъ, то есть безъ одежды, и всѣ восхищались его татуировкою.

Когда онъ ушелъ, то я изъ любопытства спросилъ у хозяина для чего Могана дотрогивался до моей цыновки.

Онъ когда нибудь все у насъ отниметъ, сказалъ съ гнѣвомъ испанецъ.

— Что это значить?

— Да бѣда! вы видѣли какъ онъ прикасался къ цыновкѣ?

— Ну, чтожъ!

— А то, что она уже не принадлежитъ мнѣ. Надобно бросить ее въ огонь, или отдать ему. Слѣдственно я принужденъ отнести къ нему цыновку—*табу*.

— А если вы оставите ее у себя?

— То онъ имѣетъ право убить насъ, зажарить и съѣсть.

— Такъ его прикосновеніе дѣлаетъ *табу*?

— Руки и голова его *табу*. Недавно одинъ американскій капитанъ дотронулся до волосъ его, и тотчасъ же былъ умерщвленъ. Голова несчастнаго и теперь украшаетъ его домъ.

— Но вчера, когда мы были у миссіонеровъ, я его гладилъ по головѣ.

— Да ему сказали, что вы тоже король, при томъ же вы слѣпы.

— Слѣдственно обманъ и слѣпота спасаетъ меня отъ сѣденія.

— Однакоже, сеньоръ, позвольте отнести къ нему цыновку—*табу*.

Испанецъ отнесъ ее. Могана принялъ, а въ вечеру прислалъ мнѣ опять для спанья. До восхода же солнца она должна была снова быть принесена къ нему.

Въ вечеру мы съ нимъ встрѣтились, и я тотчасъ же замѣтилъ

по запаху отъ него и по отрывистымъ словамъ, что онъ слишкомъ плотно пообѣдалъ.

— Хорошо ли ты обѣдалъ? спросилъ онъ у меня. Не голоденъ ли ты?

— Нѣтъ, благодарю, я никогда не терплю ни голода, ни жажды. За то бьюсь объ закладъ, что у тебя часто жажда.

— Да, ты правъ, ничто такъ не возбуждаетъ жажды, какъ питье. Мнѣ кажется, что я бы выпилъ цѣлую бухту.

— Что же ты не попробуешь?

— Потому что она наподнена не виномъ и не водкою.

Мы пошли гулять, и въ этой прогулкѣ онъ безпрестанно пробовалъ свою силу. Рукою сломалъ онъ двѣ крыши, а ногою три лодки.

Не забудьте, что Могана былъ въ Европѣ. Онъ путешествовалъ по Англiи, и душевно ненавидитъ англичанъ. Тѣ, которые привезли его въ Лондонъ, возили его повсюду на показъ, какъ дикаго звѣря. Это ужасно бѣсило его, и съ тѣхъ поръ стоитъ только ему напомнить объ этомъ вояжѣ, чтобъ привести его въ ярость.

Вотъ, наиримѣръ, одна черта изъ жизни Могана.

Опе-Вагине, предводитель Акапуасовъ, нехотѣлъ повиноваться приказанiямъ французскихъ начальствъ. Тѣ окончательно послали ему курьера, чтобъ онъ явился.

— Зачѣмъ? спросилъ онъ.

— Чтобъ приучить тебя къ повиновенiю.

— Это не нужно. Я ненамѣренъ повиноваться.

— Берегись. Пули быстро летятъ.

— А дубины наши сильно бьютъ.

— И это твое послѣднее слово?

— Также, какъ и первое.

— Прощай!

Все было готово къ бою. Пришелъ Могана, и взялся привести къ намъ Опе-Вагине. Его уполномочили, и онъ отправился *одинъ* съ ружьемъ.

— Зачѣмъ ты пришелъ? спросилъ у него Опе-Вагине.

— Я принесъ тебѣ приказанiя европейцевъ.

— А ты, король канаковъ, служишь у нихъ гонцемъ?

— Я посолъ мира, а они мои союзники. Хочешь ли ты повиноваться?

— Такъ же, какъ и ты.

— Я обхожусь съ ними, какъ равный.

— А они тебя раздавятъ ногою.

— Развѣ ты думаешь, что это такъ легко?

— Думаю. Но пойдѣмъ ко мнѣ въ хижину. Я тебѣ тамъ дамъ отвѣтъ.

— Пойдемъ.

Сперва они шли рука объ руку. Но пришлось идти по тропинкѣ. Могана пустилъ Опе-Вагине впередъ. Тутъ онъ сзади выстрѣлилъ въ него и положилъ на мѣстѣ.

— Вотъ я и воротился, сказалъ онъ, приди къ французскому начальнику, съ веселымъ и торжественнымъ видомъ.

— Что жъ, придетъ ли Опе-Вагине?

— Нѣтъ, я ему запретилъ.

— Что это значить?

— Я его убилъ. Онъ былъ въ четырехъ шагахъ, и я мѣтко попалъ. Что было дѣлать съ Могана!

Я старался изучать эту дикую натуру. Но главнымъ качествомъ всѣхъ народовъ въ соприкосновеніи съ европейцами—лицемѣрство. Не вѣрьте имъ ни въ чемъ. Не уступайте въ требованіяхъ своихъ ни на волосъ. Всякая уступка значить у нихъ малодушіе. Они дѣлаются тогда дерзкими, и только пушки и пули заставляютъ ихъ повиноваться.

— Отчего ты не живешь во всегдашнемъ мирѣ съ нами? спросилъ я его. Вѣдь при всякой войнѣ ты побѣжденъ?

— Авось и я добьюсь побѣды. Притомъ же бананы наскучатъ, а мясо европейцевъ такъ вкусно. Во всякую войну придется съѣсть нѣсколько бѣлыхъ.

— А чье мясо вкуснѣе—мужчинъ или женщинъ?

— Мы не ѣдимъ женскаго мяса.

Этотъ человекъ непремѣнно когда нибудь надѣлаетъ большихъ несчастій въ колоніи.

АЛХИМІЯ

и

ИСКАТЕЛИ ФИЛОСОФСКОГО КАМНЯ.

Errare humanum est!..

Не смотря на сильное недовѣріе, въ которое съ конца послѣдняго вѣка впала Алхимія, она между тѣмъ еще не совсѣмъ утратила возможность возбуждать любопытство и тѣшить воображеніе. Окружающая ее тайна, чудесныя свойства, приписываемыя ей и фантастическіе рассказы, соединенныя съ именами избранниковъ этой науки, представляютъ такое странное смѣшеніе дѣйствительности съ грезами и истины съ химерой, что слово «алхимія» имѣетъ еще и теперь чудное вліяніе на многіе умы. По этому—то, начиная со времени Аврелія Авгурулла, сочинившаго въ 1514 году латинскую поэму подъ названіемъ *Chrysopoia* до творца Фауста, Гете, поэты и составители фантастическихъ легендъ не переставали черпать изъ этого обильнаго источника, въ которомъ воображенію такой просторъ властвовать и которымъ постоянно пренебрегали люди ученаго міра. Алхимія до сихъ поръ остается менѣ прочихъ извѣданною отраслью въ исторіи человѣческихъ знаній и наукъ. Темный, загадочный смыслъ герметическихъ сочиненій и обще распространенное мнѣніе, что изысканія, относящіяся до философскаго камня и соединенія металловъ, суть ничто иное, какъ верхъ нецѣлостей и заблужденія, отвлекали постоянно отъ Алхиміи должное вниманіе ученыхъ. Въ большей части случаевъ такое мнѣніе совершенно ложно, а въ другихъ преувеличено. Но будь даже она самымъ явнымъ памятникомъ человѣческаго безумія, развѣ должно для этого пренебрегать здоровымъ изученіемъ ея началъ? Не Алхимія ли можетъ назваться матерью

современной химіи? Не труды ли первыхъ послѣдователей ученія Гермеса положили главное основаніе всемъ нынѣшнимъ химическимъ наукамъ? Вотъ почему и предлагается здѣсь краткій разборъ всѣхъ теорій алхиміи и изысканій, сдѣланныхъ въ разныя времена ея поклонниками.

Алхимія, какъ извѣстно, имѣетъ главнымъ своимъ предметомъ преобразование металловъ; измѣнять металлы низкіе въ металлы благородные, дѣлать золото или серебро искусственнымъ способомъ—такова была цѣль этой странной науки, существовавшей однако же пятнадцать столѣтій. Едва только опыты доказали, какое видоизмѣненіе и какія улучшенія, иногда изумительныя, могутъ происходить въ металахъ отъ смѣшенія ихъ между собою, въ извѣстныхъ частяхъ и при извѣстныхъ данныхъ, какъ тотчасъ же надежда воспроизводить золото мелькнула въ человѣческомъ сердцѣ и скоро вполне овладѣла человѣческимъ умомъ. При видѣ многочисленныхъ превращеній, которыя происходили съ металами подѣ влияніемъ самыхъ простыхъ средствъ и усилій, мысль производить въ ихъ природѣ еще болѣе сильное преобразование, дѣлать изъ самыхъ ничтожныхъ металловъ металлы благородные, и, такимъ образомъ, подражать вполне самому рѣдкому и драгоценному произведенію природы, постоянно крѣпла, хотя и сильно противорѣчила здравому, философическому разсужденію. Попытки слѣдовали за попытками и, въ продолженіе двѣнадцати вѣковъ, цѣль открыть тайну состава золота поглотила единственно всю науку Алхиміи, и только въ срединѣ пятнадцатаго столѣтія нѣкоторые ученые, приведенные въ уныніе безчисленными напрасными опытами, вздумали положить первую преграду между собственно Алхиміею или исканіемъ философскаго камня и химіею, наукою независимою и не подчиняющеюся ни какой исключительной, особенной цѣли.

Къ какому времени и какому народу можно приписать созданіе Алхиміи, положительно опредѣлить нельзя, хотя нѣкоторые жаркіе поклонники этой науки стараются отнести ея начало къ первымъ вѣкамъ сотворенія міра. Олей Боричій (Oleus Borichius) въ своемъ латинскомъ сочиненіи: «О происхожденіи и успѣхахъ химіи» говоритъ, что наука эта извѣстна была еще въ самыя древнія времена; но большинство голосовъ приписываютъ честь созданія Алхиміи Гермесу «Тримегисту», то есть «трижды великому», который царствовалъ въ древнемъ Египтѣ, и котораго народъ уважалъ, какъ изобрѣтателя всѣхъ возможныхъ полезныхъ искусствъ и наукъ, за что Гермесъ и былъ включенъ въ число египетскихъ боговъ.

Очень понятно, что первые поклонники этой науки, стараясь обла-

городить ея происхожденіе, соединяли ея начало чуть ли не съ началомъ всего человѣческаго рода и называли древній Египетъ колыбелью Алхиміи, но странно только то, что одинъ новѣйшій писатель, замѣчательный по своей учености, придавъ своимъ подтвержденіямъ вѣсъ подобному извѣстію—это докторъ Гёфферъ (Hoefger). Въ сочиненіи своемъ «Исторія химіи» онъ старается доказать, что изысканія, касающіяся до преобразованія металловъ, относятся къ самымъ отдаленнымъ временамъ и составляли часть наукъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Sacres artes*, которыми еще въ до-историческія времена египетскіе жрецы занимались въ таинственной непроницаемости ихъ храмовъ. Въ наше время не такъ уже вѣрятъ сказаніямъ, будто въ самомъ дѣлѣ древніе египтяне обладали сокровищами всѣхъ человѣческихъ знаній, и изъ того, что глубокая тайна скрывала отъ изслѣдованія исторіи занятія, которымъ посвящали себя жрецы Оивъ и Мемфиса, еще не слѣдуетъ вполнѣ предполагать, будто они владѣли всѣмъ тѣмъ, что только можетъ породить человѣческій умъ. Мнѣніе о глубокихъ свѣдѣніяхъ египетскихъ жрецовъ въ тайныхъ наукахъ, родилось въ среднихъ вѣкахъ, при взглядѣ на ихъ пзмятники, испещренные непонятными никому изображеніями и заставило толпу предполагать, что эти странные іероглифы суть ничто иное какъ сочиненія о различныхъ отрасляхъ человѣческихъ знаній, которыхъ содержаніе навсегда потеряно для потомства. Можно сказать положительно только одно, что все касающееся до Алхиміи, не простирается далѣе четвертаго вѣка христіанскаго лѣтосчисленія, и по здравому критическому анализу, происхожденія алхиміи никакъ нельзя предполагать ранѣе этой эпохи.

Сочиненія, въ которыхъ впервые упоминается объ этой наукѣ, принадлежатъ византійскимъ писателямъ, и потому очень можетъ быть вѣроятно, что Алхимія получила свое начало въ средѣ ученыхъ, жившихъ во времена восточной римской имперіи, тѣмъ болѣе, что она тогда служила приютомъ всѣмъ искусствамъ и наукамъ, пришедшимъ въ четвертомъ вѣкѣ въ упадокъ во всѣхъ великихъ областяхъ Европы, отъ смутъ и войнъ, потрясавшихъ ихъ попеременно.

Первыя положительныя сочиненія, относящіяся до Алхиміи, принадлежатъ византійскимъ писателямъ седьмаго столѣтія. Египетъ былъ въ это время почитаемъ за колыбель всѣхъ человѣческихъ знаній и искусствъ, и потому, чтобъ болѣе придать значенія и важности своимъ сочиненіямъ, византійскіе ученые придумали приписывать ихъ перу даже самаго Гермеса. Такимъ образомъ алхимическая библіографія обогатилась множествомъ сочиненій, должно приписываемыхъ лицамъ временъ самыхъ отдаленныхъ. Сочиненія эти большею частью въ неразборчи-

выхъ рукописяхъ, находятся въ различныхъ библіотекахъ Европы, и нѣкоторыя извлеченія изъ нихъ приведены докторомъ Гёферомъ въ его «Исторіи химіи,» но по слогу, по письму и бумагѣ этихъ рукописей очень легко увѣриться, что все эти произведенія чисто апокрифическія и принадлежать перу какихъ нибудь монаховъ восьмага, девятого и десятого столѣтія.

И такъ, по всемъ вѣроятностямъ, первую честь изысканій смѣшенія и превращенія металловъ должно приписать константинопольскимъ ученымъ, которые впрочемъ имѣли постоянныя сношенія со школою александрійской, и потому Алхимія была почти одновременно изучаема и изслѣдуема какъ въ Греціи, такъ и въ Египтѣ. Послѣдовавшее въ седьмомъ вѣкѣ нашествіе на Египетъ арабовъ, приостановило на нѣкоторое время все ученія занятія, а вмѣстѣ съ ними и алхимическія работы; но едва лишь новые владыки Египта успѣли прочно утвердиться на завоеванной ими почвѣ, свѣточъ наукъ засіялъ прежнимъ своимъ пламенемъ. Арабы сами начали продолжать изслѣдованія александрійской школы, съ ревностью предались изученію герметическихъ наукъ, и скорѣ Алхимія стала извѣстна всемъ племенамъ, среди которыхъ появлялось побѣдоносное оружіе сарацинъ. Въ восьмомъ столѣтіи Алхимія распространилась вмѣстѣ съ ними въ Испанію, которая въ немногіе годы сдѣлалась самымъ дѣятельнымъ очагомъ всехъ алхимическихъ работъ, и отъ девятого до одиннадцатаго столѣтія, въ то время, когда цѣлый европейскій міръ былъ погруженъ еще въ самое глубокое невѣжество, она одна бережно сохранила ввѣренный ей маврами драгоценный кладъ химическихъ знаній. Небольшое число образованныхъ и любознательныхъ людей, разсыянныхъ по Европѣ, начали стекаться въ школы Кордуанскую, Мурційскую, Севильскую, Гренадскую и Толедскую, собирали въ нихъ преданія о всехъ свободныхъ наукахъ, изучали ихъ основныя правила, и такимъ образомъ распространили мало по малу Алхимию по всему западу, распространили до того, что когда владычество мавровъ въ Испаніи было уничтожено, Алхимія приобрѣла уже себѣ на западной почвѣ новое отечество. Арнольдъ де Вельневъ, Раймондъ Люль и Робертъ Баконъ заимствовали отъ мавровъ ихъ постоянную любовь къ герметическимъ трудамъ. Многочисленныя произведенія этихъ замѣчательныхъ людей, слава ихъ имени и всеобщая молва объ ихъ безукоризненной жизни, распространили быстро по Европѣ науку, которая представляла страстямъ человѣческимъ такую обильную и по видимому легко доступную пищу, такъ, что въ пятнадцатомъ столѣтіи, алхимія стала извѣстна всему христіанскому міру. Семнадцатый вѣкъ былъ апогеею ея торжества; но спустившись изъ рукописей и

ученыхъ лабораторій въ среду невѣжества и сдѣлавшись достояніемъ воображенія простой толпы, алхимія приготовила себѣ заслуженное паденіе. Она попала въ руки шарлатановъ, обманщиковъ и торгашей человѣческой довѣрчивостью, которые своими сумасбродными дѣйствіями и невѣжествомъ мало по малу уничтожили къ ней всю вѣру.

Въ это-то самое время произошелъ въ алхиміи переворотъ, который долженъ былъ положить твердое начало нынѣшней новѣйшей химіи. Въ началѣ семнадцатаго столѣтія, нѣкоторые ученые, испуганные продолжительными явленіями алхимическихъ заблужденій и подлоговъ, начали, мало по малу, вырывать эту науку изъ рукъ черни и наводить ее опять на тотъ путь, съ котораго она была совращена своими новыми адептами. До сихъ поръ смѣшеніе и превращеніе металловъ почиталось самою высокою задачею, или лучше сказать, единственною цѣлюю всѣхъ химическихъ изслѣдованій; но съ этого времени поле изслѣдованій увеличилось, и не оставляя еще впрочемъ совершенно старинныхъ герметическихъ убѣжденій, ученые семнадцатаго вѣка сдѣлали изъ химіи науку болѣе обширную, независящую ни отъ какой особенной частной задачи, и обнимающую безграничный кругъ дѣйствій. Безчисленные опыты и наблюденія, собранныя въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ разными алхимиками, послужили главными элементами къ произведенію въ этой наукѣ должнаго, хотя къ сожалѣнію и запоздалаго переворота; явленія и выводы, истолкованные здраво и ясно, безъ всякаго лишняго увлеченія, открыли прямой и видимый путь къ достиженію истинъ естественныхъ, возможныхъ человѣку и не превышающихъ силъ его стать выше сокровенныхъ тайнъ природы. Но все таки, между тѣмъ, окончательное торжество новыхъ истолкователей Алхиміи долго не наступало, и здравомыслящая школа ихъ должна была завоевывать себѣ поле побѣды въ области химическихъ знаній, шагъ за шагомъ, съ неизмѣримымъ терпѣніемъ и трудомъ. Борьба старыхъ послѣдователей и новыхъ преобразователей была упорна и продолжительна, и этотъ періодъ исторіи химическихъ наукъ очень обилень новыми заблужденіями и новыми уклоненіями отъ настоящей цѣли. Древняя химера о возможности произвести *великое дѣло*, шагна орега (такъ называлась мечта произвести искусственное золото), пустила такіе глубокіе корни въ людскіе умы, что до конца послѣдняго столѣтія Алхимія сохраняла упорныхъ поборниковъ и ничѣмъ неубѣдимыхъ защитниковъ. Побѣда окончательно была приобрѣтена только послѣ переворота, сдѣланнаго въ химическихъ наукахъ прозорливымъ гениемъ Лавуазье.

Приступимъ теперь къ обзору главныхъ началъ Алхиміи и къ разсмотрѣнію ея теорій.

Наука о смѣшеніи и преобразованіи металловъ основывалась на двухъ главныхъ началахъ, которыя на каждомъ шагѣ можно найти въ алхимическихъ сочиненіяхъ: на теоріи состава металловъ и на ихъ зарожденіи въ вѣдрахъ земнаго шара.

Алхимики разсматривали металлы какъ тѣла сложныя, и допускали еще при этомъ, что составъ ихъ однообразенъ. По ихъ мнѣнію, составныя части металловъ, имѣвшія металлическій видъ, были ничто иное, какъ соединеніе двухъ одно-общихъ элементовъ—сѣры и ртурія, и что различіе качествъ, замѣчаемыхъ въ разныхъ металахъ, ни отъ чего болѣе не зависѣло, какъ отъ измѣненія количества сѣры и ртурія, входящихъ въ составъ этихъ металловъ. Такъ, наиримѣрь, по ихъ словамъ, золото было составлено изъ большаго количества самаго чистаго ртурія, соединеннаго съ малымъ количествомъ самой чистой сѣры; мѣдь состояла изъ двухъ, почти одинакаго количества частицъ этихъ металлическихъ элементовъ, а олово изъ множества частицъ неочищенной сѣры и немного нечистаго ртурія.

Это мнѣніе очень ясно излагаетъ мавританскій писатель Геберъ, въ своемъ алхимическомъ сочиненіи, «О совершенномъ пониманіи производства благородныхъ металловъ изъ неблагородныхъ.»

«Солнце (золото) пишетъ онъ, составлено изъ самаго тончайшаго ртурія и немногаго количества очень чистой сѣры, прозрачной и плотной, красноватаго не смѣшаннаго цвѣта; и такъ какъ сѣра эта не всегда бываетъ одинаково отцвѣчена подобнымъ цвѣтомъ, то и золото бываетъ различно т. е. болѣе или менѣе желто. Когда сѣра нечиста, груба, красна, влажна, и когда она смѣшена съ грубымъ и нечистымъ ртуріемъ, въ такихъ частяхъ, что ни одного изъ этихъ элементовъ нельзя опредѣлить, то изъ ихъ обоюдной смѣси воспроизводится Венера (мѣдь). Если сѣра не имѣетъ надлежащей плотности и отцвѣчена нечистымъ бѣлымъ цвѣтомъ, если также нечистъ и ртурій, и отчасти плотенъ, и притомъ въ состояніи улечувываться, и не самаго чистаго, бѣлаго цвѣта, то отъ смѣси этихъ двухъ составныхъ частей происходитъ Юпитеръ (олово).»

Такова была теорія о природѣ и составѣ металловъ, служившая главнымъ основаніемъ всѣхъ алхимическихъ убѣжденій, и подававшая поводъ къ надеждѣ видоизмѣнять металлы и превращать ихъ въ высшіе и благороднѣйшіе. Въ самомъ дѣлѣ, если бъ элементы металловъ могли быть одинаковы и однородны, то нѣтъ сомнѣнія, что разнообразію и увеличивая или уменьшая количество ихъ, до извѣстной степени, можно было бы превращать ртурій въ серебро, свинецъ въ золото, и тому подобное.

Кто былъ первый основатель подобной теоріи, — замѣчательной тѣмъ, что она первая обнаруживаетъ ученую идею и долговременныя изслѣдованія, — положительно неизвѣстно, только она, постоянно и единственно была допускаема всѣми алхимиками до половины шестнадцатаго столѣтія. Мавръ Геберъ, въ восьмомъ вѣкѣ, первый изложилъ ее, но онъ нѣсколько не думалъ приписывать себѣ такое важное открытіе и относить честь его «древнимъ алхимикамъ.»

Теорія зарожденія и происхожденія металловъ довольно ясно выражена формулами въ большей части алхимическихъ сочиненій. Сообразно системѣ, на которой были основаны алхимическія идеи и которая пользовалась полнымъ довѣріемъ въ философіи среднихъ вѣковъ, герметическіе писатели сравнивали формацию металловъ съ животнымъ происхожденіемъ и не видѣли никакого различія между зарожденіемъ плода въ утробѣ матери и образованіемъ различныхъ металловъ въ глубокихъ нѣдрахъ земли.

«Алхимики, говоритъ Бюргавъ, полагаютъ, что вся воспроизводительная способность металловъ заключена въ одномъ веществѣ. Вещество это до того притомъ прочно, что никакой огонь не въ состояніи уничтожить или хотя мало измѣнить его; самое премефическое достоинство его заключается въ огнѣ; по этому—то оно можетъ дѣйствовать съ невыразимою быстротою и превращать любую меркуріальную материю въ металлъ собственнаго своего вида и рода.»

И такъ, слѣдуя этому поясненію, чтобъ образовать какой нибудь извѣстный и желаемый металлъ, достаточно было открыть металлическое воспроизводительное вещество. Вотъ почему, на основаніи этой теоріи, алхимики называли «*ovum philosophicum*», *философическимъ яйцомъ* чашу, въ которую помѣщались вещества и составныя части, долженствовавшія служить для произведенія «великаго дѣла» «*magnum opus*».

О происхожденіи составныхъ металлическихъ частицъ провозглашали, кромѣ этого, другую теорію, которую необходимо также здѣсь привести къ свѣдѣнію. Образованіе благородныхъ металловъ, каковы свинецъ, мѣдь, олово, желѣзо, было почитаемо алхимиками за дѣло совершенно случайное. Природа, старающаяся всему ей производимому придавать видъ наибольшаго, конечнаго совершенства, постоянно стремится производить только одно золото, и потому на происхожденіе другихъ металловъ, кромѣ его, нужно смотрѣть какъ на результатъ какого нибудь непривидимаго разстройства ненормальнаго уклоненія, происшедшаго въ образованіи этого металлическаго тѣла.

Алхимики полагали, что всѣ металлы и вообще всѣ тѣла неорганиче-

скаго міра, были одарены нѣкоторымъ подобіемъ органической, дѣйствительной жизни. Тѣла эти имѣли способность развиваться въ нѣдрахъ земли и проходить чрезъ многочисленный рядъ, отъ совершенства къ совершенству, который бы могъ ихъ возвести на самую конечную ихъ степеню. Степень несовершенства металловъ опредѣлялась алхимиками ихъ непрочною и возможностью портиться и наоборотъ, достоинство металловъ опредѣлялось ихъ способностью противиться вліянію всѣхъ видимыхъ, наружныхъ вліяній. Желѣзо, олово, мѣдь, ртути, металлы очень легко подвергающіеся поврежденію или скоро окисляющіеся, какъ выражаемся мы въ настоящее время, почитались металлами низкими или несовершенными; золото и серебро, невредимые въ огнѣ и противящіеся большей части химическихъ реагентовъ, представляли породу металловъ благородныхъ и совершенныхъ.

Различныя видоизмѣненія, которымъ должны были подвергаться металлы, чтобъ превратиться въ золото и серебро, зависѣли, по мнѣнію алхимиковъ, отъ вліянія и дѣйствія на нихъ небесныхъ свѣтилъ, и этому-то тайному вліянію, особенно большихъ небесныхъ свѣтилъ на минералы, приписывалось совершенствованіе, происходящее въ ихъ дѣйствительной природѣ. Алхимики впрочемъ прибавляютъ къ этому, что сила вліянія планетъ на минералы очень медленна и обвиняетъ иногда цѣлыя столѣтія.

О предѣлахъ совершенствованія, которое происходитъ въ металахъ, алхимики говорятъ разногласно. Большая часть алхимическихъ сочинителей утверждаютъ, что прогрессъ совершенствованія прекращается, какъ только какой нибудь неблагородный металлъ превратится въ золото или серебро, и постоянно уже тогда остается въ настоящемъ своемъ благородномъ видѣ. Другіе писатели, напротивъ, полагаютъ, что видоизмѣненіе металловъ продолжается непрерывно, такъ, что достигнувъ до предѣла своего совершенства, металлъ опять, со временемъ, переходитъ въ прежнее состояніе несовершенства, въ неблагородный тотъ видъ, въ которомъ онъ когда либо находился. Эти видоизмѣненія совершаются, впрочемъ, не иначе какъ въ продолженіе многихъ вѣковъ. Странная теорія эта, пущенная въ ходъ Рудольфомъ Глауберомъ, была принята за неопровержимую истину многими алхимиками, и вотъ почему, находясь вполне подъ ея вліяніемъ, Парацельсъ подтверждалъ и говорилъ, что подъ вліяніемъ небесныхъ планетъ и почвы земли, не только неблагородные металлы превращались въ золото и серебро, но могли даже превращаться въ камни, а также въ нѣкоторый видъ зеренъ, на подобіе растеній.

Въ первыя времена появленія алхиміи, подобныя предположенія, разу-

мѣется, могли занимать умы этихъ наблюдателей сокровенныхъ силъ природы, и ихъ убѣжденіе крѣпло отъ зрѣлищъ, которыя представлялись иногда ихъ взору при добываніи минераловъ. Въ нѣдрахъ земли всегда можно отыскать одинъ и тотъ же металлъ въ различныхъ видахъ. Иногда въ самомъ первоначальномъ видѣ металловъ, въ самородкахъ, встрѣчаются различныя примѣси другихъ, разнородныхъ съ нимъ металлическихъ и не металлическихъ частицъ, отъ которыхъ отдѣляетъ его уже потомъ человѣческое искусство и приводитъ въ то надлежащее состояніе, въ которомъ ему слѣдовало существовать отдѣльно, какъ цѣлому тѣлу въ природѣ. Наблюденія надъ подобными фактами, вѣроятно и заставили думать первыхъ алхимиковъ, что различныя виды, подъ которыми находятъ металлы въ земной поверхности, суть ни что иное, какъ различныя степени ихъ послѣдовательнаго, прогрессивнаго совершенствованія, и на оборотъ,—обратное переобразование изъ благороднаго металла въ первобытный, неблагородный видъ.

Что же касается до вліянія, которое алхимики приписывали небеснымъ свѣтиламъ на минералы и на степень преобразования ихъ, изъ низшаго вида въ высшій, то это мнѣніе было общимъ въ средніе вѣки и въ древности, потому, что астрологія входила тогда почти въ составъ всѣхъ наукъ и занимала всѣ умы.

Что же оставалось дѣлать алхимикамъ, когда подобныя теоріи были приняты и упрочены между послѣдователями алхиміи? Оставалось осуществить ихъ на дѣлѣ и искусственно, химически воспроизвести превращеніе металловъ изъ вида низшаго въ виды высшіе. Послѣ многихъ попытокъ и это средство было *мимо* найдено.

По убѣженію алхимиковъ десятаго и одиннадцатаго вѣка, существовало вещество, способное воспроизвести на дѣлѣ такую чудную трансформацию металловъ—то былъ *философскій камень*, называемый иначе многими глубоко-посвященными въ тайны алхиміи, *magna magistra*, или еще иначе—*великій элексиръ*, *квинтъ-эссенція*, и *тинктура*, названіе нынѣ очень обыкновенное, аптечное, но тогда имѣвшее глубокое значеніе своимъ сокровеннымъ смысломъ.

Вещество это, приведенное въ соприкосновеніе съ расплавленнымъ металломъ, однимъ словомъ, этотъ философскій камень тотчасъ же превращалъ металлы въ золото, какіе бы они ни были неблагородные: желѣзо, свинецъ, олово или мѣдь. Если философскій камень не достигалъ иногда вполне своего дѣйствія, то есть, если онъ не обращалъ расплавленный металлъ въ самую высокую степень его природнаго совершенства, и не воспроизводилъ изъ неблагородныхъ металловъ—свинца, олова, желѣза и мѣди, чистаго золота, а только серебра, то это явленіе от-

носило къ его собственному алхимическому несовершенству, и тогда философскій камень подобнаго свойства, именовался: *малымъ камнемъ*», *parva magistra*» или «*малымъ элексиромъ*».

Объ опредѣленіи точнаго и положительнаго свѣдѣнія о философскомъ камнѣ, упоминается въ первый разъ лишь въ срединѣ двѣнадцатаго столѣтія. До этого времени, большая часть греческихъ и арабскихъ алхимическихъ писателей, за исключеніемъ Гебера, довольствовались только теоретическимъ изложеніемъ фактовъ, превращенія металловъ изъ неблагородныхъ въ благородные, не объясняя ни сколько, что существуетъ специальный алхимическій реагентъ, который можетъ привести въ исполненіе и осуществить на дѣлѣ такое чудесное и мудрое явленіе.

Дадимъ здѣсь краткое понятіе о наружномъ видѣ и объ изумительныхъ свойствахъ философскаго камня, которыя приписывали ему древніе алхимики, заслуживавшіе въ свое время общее довѣріе. Вотъ точное описаніе этого удивительнаго *двигателя* всей алхиміи, приведенное со словъ одного изъ послѣдователей этой науки, утверждавшаго, что онъ видѣлъ этотъ чудный камень и дѣлалъ надъ нимъ тщательныя и продолжительныя наблюденія.

«Я видѣлъ и даже употреблялъ философскій камень, говоритъ Ванъ-Гельмонъ. Онъ имѣлъ цвѣтъ превращеннаго въ порошокъ шафрана, былъ тяжеловѣсенъ и блестящъ, какъ мелкіе кусочки самаго чистаго хрустала.»

Парацельсъ описываетъ философскій камень плотнымъ тѣломъ, похожимъ цвѣтомъ на темный рубинъ, прозрачнымъ и между тѣмъ гибкимъ, ломающимся очень легко, какъ простое хрупкое стекло. Въ этомъ описаніи философскаго камня и Ванъ-Гельмонъ, и Парацельсъ еще не такъ много разногласятъ. Пойдемъ далѣе. Беригардъ Пизанскій придаетъ философскому алхимическому камню цвѣтъ полевого, дикаго мака и утверждаетъ, что онъ имѣетъ вкусъ очищенной морской соли.

«*Colore non absimilis flore papaveris sylvestris, odore vero sal marginum adustam referentis.*»

Раймондъ Люль упоминаетъ иногда о философскомъ камнѣ не иначе какъ подъ названіемъ «карбункула» *carbunculus* — названіе, которое можно понимать двояко, слѣдуя Плинію: и за маленькій кусокъ угля, и точно за камень краснаго цвѣта, именуемый карбункуломъ.

Гельвецій описываетъ философскій камень какъ вещество, имѣющее цвѣтъ обыкновенной кухонной желтой сѣры. Наконецъ пресловутый камень этотъ, альфа и омега того металла, котораго каждый жаждетъ и ищетъ, начиная отъ возвышенностей уральскаго хребта до далекой и

голодной, съ своимъ золотомъ, Калифорніи, очень часто описывается простымъ, обыкновеннымъ порошкомъ краснаго цвѣта, который бы нынче очень трудно было отличить отъ сулемы, приносящей иному гораздо болѣе пользы, чѣмъ мнимое добываніе чистаго золота посредствомъ стариннаго процесса, длившагося столько вѣковъ и изложеннаго въ исключительно корыстолюбивой наукѣ—алхиміи.

Вотъ какія различныя свѣдѣнія были получаемы о философскомъ камнѣ! Но поклонники и послѣдователи алхиміи скоро успокоились, когда одинъ алхимическій писатель—Калидъ согласилъ, въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія, всѣ такія разногласія во едино и примирилъ всѣ противорѣчія. По его словамъ и пятый, и десятый изъ алхимическихъ писателей былъ правъ, и только смотрѣлъ на философскій камень съ своей точки зрѣнія.

Калидъ, или лучше сказать неизвѣстный авторъ, писавшій подъ этимъ псевдонимомъ, говоритъ въ своемъ «*Разсужденіи*» вотъ что о философскомъ камнѣ, служившемъ для столькихъ камнемъ предковенія:

«Камень этотъ соединяетъ въ себѣ всѣ цвѣта. Онъ и бѣлый, и красный, и желтый, и голубой, чисто небснаго цвѣта, и зеленый...»

Однимъ словомъ, философскому камню недоставало только назваться современнымъ опаломъ, соединяющимъ также въ себѣ всѣ переливы цвѣтовъ, чтобы кто нибудь, посредствомъ его, за дешевую цѣну, не задумалъ производить цѣлыя груды золота. Такъ-то были согласны между собою алхимики въ наружномъ видѣ философскаго камня.

Что же касается до *малаго философскаго камня*, то есть до того, который обращаетъ неблагородные металлы только въ серебро, то о немъ всѣ единогласно отзываются какъ о матеріи яркаго, бѣлаго цвѣта. По этому—то онъ извѣстенъ въ алхиміи подъ названіемъ *tinctura alba*, *бѣлая настойка*. Объ этомъ родѣ философскаго камня впрочемъ очень рѣдко упоминается въ алхимическихъ сочиненіяхъ, потому что предки наши, кажется, также не любили заниматься пустячными работами.

Алхимики приписывали философскому камню три главныя свойства: превращать неблагородные металлы въ серебро или золото, врачевать болѣзни и продолжать человѣческую жизнь.

Всѣ алхимическіе писатели единодушно признаютъ въ философскомъ камнѣ свойство превращать неблагородные металлы въ серебро и золото, но какое его количество должно употреблять для такого превращенія? Объ этомъ встрѣчаются самыя странныя противорѣчія. Алхимики восемнадцатаго столѣтія были довольно увѣрены въ этомъ опредѣленіи. Кюнель, самый скромный изъ нихъ, говоритъ, что философскій

камень можетъ превратить въ золото металла не болѣе какъ вдвое противъ собственнаго своего вѣса. Англичанинъ Гермсприсеръ, напротивъ, утверждаетъ, что количество посторонняго металла, превращаемаго философскимъ камнемъ въ золото, можетъ превышать его вѣсъ въ тридцать и даже въ шестьдесятъ разъ. Въ среднихъ вѣкахъ убѣжденіе это приняло еще большіе размѣры, и Арнольдъ де Вильневъ и Рупесциска приписываютъ великому философскому камню (*magnus magister*) свойство обращать металлъ въ золото во *сто* частей болѣе своего собственнаго вѣса: Рожеръ Баконъ *во сто тысячъ* частей, Голландецъ Исаакъ въ *милліонъ* частей, Раймондъ Люлль оставляетъ далеко назади всѣ эти убѣжденія. По его мнѣнію, философскій камень обладаетъ такимъ могущественнымъ свойствомъ, что не только можетъ превратить меркурій въ золото, но даже этому вновь превращенному золоту придать способность и свойства новаго философскаго камня.

«Возьми, говоритъ онъ, въ своемъ Новомъ завѣщаніи, этого дивнаго медикамента, величиною въ бобъ, и смѣшай его съ тысячами унцій меркурія, и онъ тотчасъ обратится въ красный порошокъ. Прибавь унцію этого порошка къ тысячѣ другихъ унцій меркурія, и каждая такая унція обратитъ еще новыя тысячи унцій меркурія въ философскій камень. Одна унція четвертаго дѣленія можетъ также превратить, въ свою очередь, тысячу унцій меркурія въ золото, лучшее чѣмъ золото всѣхъ существующихъ въ мірѣ рудъ.»

Судя по этому опредѣленію, философскій камень могъ дѣйствовать на тысячу билліоновъ частицъ неблагороднаго металла и вѣроятно въ этомъ—то убѣжденія Раймондъ Люлль и восклицаетъ:

«*Mare tingerem si mercurius esset!*»

(Окрашу море, будь только меркурій!)

«Эту же самую мысль выражаетъ въ своей латинской поэмѣ «*Chrysoropia*» Аврелій Авгуреллій слѣдующими стихами:

*Illius exigua projecta parte per undas
Aequoris, argentum vivum, si tunc foret aequor,
Omne vel immensum verti mare posset in aurum.*

То есть: малая часть живаго серебра (ртути), брошенная въ бездны океана можетъ превратить въ золото цѣлое море.

Казалось бы, что трудно было превзойти Раймонда Люлля въ его предположеніи, а между тѣмъ нашелся таки алхимикъ Салмонъ, кото-

рый говорить, что философскій камень можетъ дѣйствовать на количество благородныхъ металловъ до безконечности.

«Соединяя, пишетъ онъ, философскій камень съ меркуріемъ, составленнымъ философами, умножаютъ его, и, при каждомъ новомъ умноженіи, сообщаютъ ему новую силу и новое превращающее свойство въ десять разъ болѣе чѣмъ онъ были первоначально, такъ, что если одинъ гранъ, прежде своего размноженія, могъ окрасить и превратить въ золото десять гранъ благороднаго металла, то послѣ перваго размноженія, этотъ гранъ облагородитъ и превратитъ въ золото сто гранъ того же благороднаго металла. Повторивъ еще разъ множеніе, одинъ такой гранъ превратитъ въ золото тысячу гранъ; при третьемъ дѣленіи десять тысячъ гранъ; при четвертомъ сто тысячъ, и такъ далѣе, до безконечности. Это чудное свойство не можетъ быть достигнуто умомъ человѣческимъ.»

Способность исцѣлять болѣзни и продолжать человѣческое существованіе, стали приписывать философскому камню только съ тринадцатаго столѣтія. Вѣроятно, по здравому замѣчанію Бюргавы, это повѣрье перешло къ алхимикамъ съ Запада, отъ пониманія буквально фигуральныхъ и метафорическихъ выраженій, употребляемыхъ древними авторами. Такъ, напримѣръ, когда Геберъ говоритъ: «Принеси мнѣ шесть больныхъ, чтобъ я вылѣчилъ ихъ,» онъ хочетъ сказать: «Принеси мнѣ шесть благородныхъ металловъ, чтобъ я превратилъ ихъ въ золото.» Это новое свойство, приписываемое философскому камню, открыло новое поприще, по которому предстояло свободно носиться воображенію послѣдователей алхиміи.

По мнѣнію всѣхъ герметическихъ писателей, философскій камень, употребленный какъ лекарство, былъ самымъ драгоценнѣйшимъ и дѣйствительнѣйшимъ изъ всѣхъ врачебныхъ пособій. Даниль Захарій, въ своемъ сочиненіи «Opusculum philosophiae naturalis metalis» такъ описываетъ способъ употребленія этого лекарства при врачеваніи недуговъ:

«Чтобы пользоваться нашимъ дивнымъ средствомъ, для возстановленія здоровья, нужно взять одну крупинку философскаго камня и распустить ее въ серебряномъ сосудѣ, съ хорошимъ бѣлымъ виномъ, которое тотчасъ же приметъ желтоватый, лимонный цвѣтъ. Потомъ дайте немного этого питья больному, вскорѣ послѣ полуночи и онъ выздоровѣетъ въ одинъ день, если болѣзнь продолжается только мѣсяць. Если болѣзнь длится годъ, больной выздоровѣетъ чрезъ двѣнадцать дней, а если онъ страдаетъ въ теченіе многихъ лѣтъ, то совершенное выздоровленіе послѣдуетъ чрезъ мѣсяць, ежели будутъ поступать каждую ночь такъ, какъ сказано выше. Для того, чтобъ всегда быть здоровымъ, нужно

принимать философскій камень въ видѣ лепешечки, предъ началомъ каждой новой весны, и потомъ предъ началомъ осени. Этимъ средствомъ человѣкъ всегда будетъ пользоваться совершеннымъ здоровьемъ.»

Исаакъ голландецъ увѣряетъ, что человѣкъ, который будетъ принимать каждую недѣлю по немногу философскаго камня, не будетъ никогда знать ни какихъ недуговъ, и что его жизнь продлится *до послѣд- няго часа*, назначеннаго ему самимъ Богомъ.»

Василій Валентинъ также подтверждаетъ, что обладающій *камнемъ мудрыхъ* не будетъ подверженъ ни болѣзни, ни малѣйшему тѣлесному недостатку.

Если бъ всѣ прочіе алхимики, подобно этимъ тремъ, довольствовались утверженіемъ, что философскій камень способенъ продолжать человѣческую жизнь только до срока, предназначеннаго свыше, то нѣтъ сомнѣнія, что, можетъ быть, послѣдующія поколѣнія не слишкомъ усумнились въ истинѣ ими сказаннаго; къ несчастію, алхимики очень часто выходили изъ этой разумной колѣи. Такъ, напримѣръ, Артефій (Liber Arterphius) приписывалъ себѣ тысячу лѣтъ существованія.

«Я самъ, говоритъ онъ, пишушій эти строки, живу тысячу лѣтъ или около этого, благодаря употребленію этой удивительной квинт-эссенціи. Венеціанцу Фредерику Гаульдо приписывали тысячу четыреста лѣтъ, а отшельнику Тротсмансдорфу—сто сорокъ лѣтъ. Алхимики увѣряютъ также, что нѣкто Аленъ де Лилъ прожилъ въ полномъ здравіи сто сорокъ лѣтъ, благодаря постоянному употребленію философскаго камня, а Раймондъ де Люль и Саломонъ Тримозинъ, люди оба очень преклонныхъ лѣтъ, начавъ принимать эту удивительную эссенцію, вдругъ сильно помолодѣли. Саломонъ Тримозинъ даже письменно похвалялся искусствомъ возвращать всѣ формы и прелести молодости семидесяти-лѣтнимъ и даже девяносто-лѣтнимъ женщинамъ, и утверждалъ, что продлить жизнь человѣческую до нескончаемаго срока, для него *«сушая бездѣлица.»* Французскій путешественникъ Поль Люка (Lucas) странствовавшій по Востоку на королевскій счетъ, въ началѣ восемнадцатаго столѣтія и замѣчательный своимъ легковѣріемъ, говоритъ въ своихъ путевыхъ запискахъ, что онъ встрѣтилъ въ Бурсѣ, городѣ Малой Азіи, въ обществѣ тамошнихъ алхимиковъ, одного дервиша, по имени Узбека, отличавшагося въ особенности удивительнымъ знаніемъ всѣхъ языковъ и нарѣчій. Дервишу этому, по увѣренію Поля Люка, казалось по наружности не болѣе тридцати лѣтъ, но онъ самъ признавался, что ему болѣе ста и утверждалъ, что онъ имѣлъ счастье видѣть въ Индіи извѣстнаго Николая Фламелья, который казался совершенно бодрымъ и здоро-

вымъ, хотя имѣлъ уже болѣе ста-девяносто-восьми лѣтъ. Но не будемъ распространяться болѣе въ исчисленіи подобныхъ басенъ.

Нѣкоторые снагирическіе писатели приписывали философскому камню еще одно, третье свойство, впрочемъ менѣе значительное,—это искусственно производить драгоцѣнные камни: брилліанты, жемчугъ, рубины, изумруды, и проч.

«Вы изволили видѣть, ваше величество, пишетъ Раймондъ Люль английскому королю, удивительный опытъ, который я произвелъ въ Лондонѣ посредствомъ меркуріальной настойки, налитой мною на расплавленный кристаллъ; я образовалъ брилліантъ самой лучшей воды, изъ котораго вы сдѣлали колонну на жертвенникъ».

Даніиль Захарій, въ своемъ сочиненіи «Opusculæ philosophiæ naturalis» подробно описываетъ приемы, какіе должно употреблять съ философскимъ камнемъ при дѣланіи жемчуга и рубиновъ. Наконецъ Юлій Сперберъ, въ своей книгѣ подъ заглавіемъ: Isagogue, увѣряетъ, что квинтъ-эссенція философскаго камня превращаетъ въ жемчугъ простые голыши, оживляетъ засохшіе древесные стволы, и проч. (Н. Корр. Geschichte der chemie).

Таинственныя подраздѣленія, теоретическія и практическія, появились въ алхіміи только въ началѣ двѣнадцатаго столѣтія. Греки, въ особенности же Аравитяне, преимущественно ограничивались лишь одними фактами и счумѣли отстранить отъ своихъ алхимическихъ изысканій всякое ненужное сліяніе метафизическихъ отвлеченностей. Перешедши на европейскую почву, алхимія приняла новый характеръ: къ ней присоединились другія понятія, и скоро взяли перевѣсъ надъ практическимъ началомъ. Арнольдъ де Вилльневъ, Раймондъ Люль, Василій Валентинъ и Парацельсъ болѣе прочихъ способствовали этому новому направленію алхиміи. Они начали приписывать нѣкоторымъ матеріальнымъ веществамъ, въ особенности философскому камню, какое-то особенное вліяніе на человѣческія свойства и способности.

До тринадцатаго столѣтія алхимики ограничивались приписываніемъ философскому камню только трехъ главныхъ динамическихъ свойствъ: превращать неблагородные металлы въ серебро и золото, обращать голыши въ жемчугъ, брилліанты и цвѣтные каменья, и продолжать человѣческую жизнь. Съ этого же времени, въ философскомъ камнѣ начали подозрѣвать новое достоинство, именно: награждать владѣющаго имъ даромъ мудрости и всѣми добродѣтелями; какъ философскій камень облагороживаетъ металлы, такъ онъ также очищаетъ умъ человѣка и исторгаетъ изъ его сердца корень порока.

«Счастливыцы, которые, говоритъ Салмонъ, обладаютъ этимъ рѣдкимъ

сокровищемъ, какими бы ни были они злыми и порочными до того времени, тотчасъ же измѣняются нравственно и дѣлаются людьми добрыми.»

«Приобрѣтанный къмъ нибудь философскій камень, говоритъ Николай Фламель, превращаетъ его изъ дурнаго человѣка въ хорошаго, уничтожаетъ всѣ пороки, дѣлаетъ его щедрымъ и кроткимъ.»

Николай Фламель увѣряетъ также, что философскій камень «ничто иное,» какъ зеркало, въ которомъ яено отражаются три стороны земной мудрости, и тотъ, кто получитъ его, дѣлается также мудрымъ, какъ Аріостъ и Авинцена.»

Нортонъ въ своемъ «*Crede mihi*» также говоритъ:

«Философскій камень помогаетъ каждому въ нуждахъ, пестреждаетъ въ человѣкѣ тщетное самолюбіе, страхъ, жажду желаній, и услаждаетъ самыя тяжелыя испытанія.»

«Крѣпись же, сынъ науки, говоритъ Геберъ, ищи, и ты непременно найдешь этотъ даръ; а вы, исполненные дурныхъ помысловъ и желаній, бѣгите подальше отъ нашей науки, потому что она врагъ вашъ и ваша гибель, ибо никогда не допуститъ, чтобы злые ею пользовались.»

Такія же мысли развиты въ сочиненіяхъ Василія Валентина, Раймонда Люлля, Арнольда де Вилльева и прочихъ алхимиковъ среднихъ вѣковъ.

Въ нѣкоторыхъ древнихъ публичныхъ бібліотекахъ сохранились старинныя эстампы, изображающіе алхимическую лабораторію. Всѣ они изображаютъ огромную комнату, на одной сторонѣ которой находятся разныя печи, горны и реторты, а на другой возвышается жертвенникъ съ курящимся на немъ фиміамомъ; предъ нимъ, поднявъ глаза къ небу, стоитъ алхимикъ и молится. Эти молящіяся фигуры видны на всѣхъ подобныхъ эстампахъ. Слѣдовательно, алхимики среднихъ вѣковъ были всѣ люди благочестивые, почитавшіе свою науку наукою чистою, а между тѣмъ, большая часть людей обвиняли ихъ въ томъ, будто они, при своихъ занятіяхъ, прибѣгали къ помощи магіи. Нужно пояснить при этомъ, что магія не играла почти ни какой роли въ алхимическихъ изысканіяхъ. Византійскіе алхимики вѣрили, правда, въ астрологическое вліяніе и приписывали небеснымъ планетамъ нѣкоторую важность. Вотъ почему, съ самаго начала герметическихъ наукъ, всѣ металлы, а съ ними большая часть минеральныхъ веществъ, были посвящены семи планетамъ: Сатурну, посвящались свинецъ, агатъ; Юпитеру, олово, кораллы, сандаракъ, сѣра; Марсу желѣзо, магнитъ, пиритъ; Солнцу золото, гіацинты, алмазы, сафиръ и уголь; Венерѣ мѣдь, жемчугъ, аметисты, сахаръ, асфальтъ, медь, мирра и аммоніаковая соль; Меркурію ртуть, изумруды, яхонты, мастика. Наконецъ Лунѣ посвящены были серебро,

хрусталь и бѣлая глина. Греки, какъ просвѣщенные астрологи, невольно должны были ввести нѣкоторыя астрологическія понятія въ алхимическія правила. Египтяне и Аравитяне также придали нѣкоторое значеніе астрологіи въ герметическихъ наукахъ, а писатели ихъ Калидъ и Геберъ, утверждаютъ, что металлы находятся подъ вліяніемъ небесныхъ свѣтилъ и ихъ теченія, и что, именно, ходъ ихъ служить иногда сильнымъ препятствіемъ при алхимическихъ работахъ. Впрочемъ, сочиненія этихъ писателей принадлежатъ къ первымъ временамъ герметическихъ наукъ, точно также какъ и сочиненія Разеса. Убѣжденіе во вліяніи планетъ на металлы почти истребилось съ переходомъ герметическихъ наукъ съ Востока на Западъ, а между тѣмъ, среди самыхъ дѣятельныхъ алхимическихъ работъ и открытій, нѣкоторые писатели немогли не впасть въ новое заблужденіе при отысканіи философскаго камня.

«Если ты не понимаешь, говоритъ Парацельсъ въ своемъ разеужденіи «De tinctura physicozum» обычаевъ древнихъ астрологовъ, то природа не избрала тебя для дѣла Вулкана.»

Но этотъ восторженный шведскій медикъ никогда не пользовался между алхимиками большимъ авторитетомъ, потому что былъ писателемъ только теоретическимъ и никогда самъ «своими руками» не занимался отысканіемъ философскаго камня. Арнольдъ де Вилльневъ и Василій Валентинъ были единственными алхимическими писателями, которые еще за долго до Парацельса, принимали серьезно вліяніе астрологіи на алхимическія занятія. Василій Валентинъ приуготовилъ путь Паральцесу, заслужившему незавидное имя человека, который совратилъ алхімію съ принятаго ею направленія. Спрашивается: отъ чего же произошло общенародное повѣрье, которое такъ хорошо выразилъ Гёте въ своемъ докторѣ Фаустѣ, будто бы алхимики прибѣгали въ своихъ занятіяхъ къ помощи нечистой силы? Повѣрье это легко можетъ быть постигнуто, если вникнуть хорошенько въ характеръ среднихъ вѣковъ, среди которыхъ всякое новое открытіе, выходящее изъ предѣловъ обыкновенныхъ фактовъ всендневной, простой жизни, клеймилось изобрѣтателя названіемъ чародѣя и колдуна. Алхимики, которыхъ занятія и открытія превышали разумѣнія черни, болѣе прочихъ подвергались сомнѣнію въ сношеніи ихъ съ тайнымъ міромъ, тѣмъ еще болѣе, что послѣдователи герметической науки, вмѣсто того, чтобъ опровергать такую молву, еще сами старались распространять ее. Алхимики любили набрасывать на свои занятія какъ бы какую-то таинственную завѣсу, придававшую имъ характеръ чего-то необыкновеннаго, хотя не однажды, многіе изъ нихъ, дорого платились за этотъ порывъ ученой гордости.

Въ историческихъ фактахъ, касающихся до преобразованія метал-

ловъ, нѣтъ ни гдѣ ни какихъ данныхъ, чтобъ алхимики прибѣгали къ помощи какой нибудь неестественной силы, и если и встрѣчаются на страницахъ исторіи алхиміи нѣкоторые люди, которые занимались заклинаніями, то люди эти принадлежали къ разряду плутовъ и обманщиковъ. Къ числу этого рода ложныхъ послѣдователей алхиміи принадлежатъ Брагадино, Турнейзеръ и Францискъ Борри. Эти искатели приключеній надѣлали въ свое время столько шума, что вѣроятно читателямъ будетъ любопытно имѣть нѣкоторыя понятія объ обстоятельствахъ служившихъ къ открытію ихъ обмана.

Брагадино, котораго настоящее имя было Мамугна, былъ Грекъ, уроженецъ острова Кипра. Онъ выдавалъ себя за сына губернатора Венеціи, графа Марка Антоніо Брагадино, взятаго въ плѣнъ и убитаго Турками. Проѣхавъ большую часть Востока подъ видомъ алхимика, онъ прибылъ, въ 1578 году, въ Италію подъ именемъ графа Мамугнаро. Успѣвъ вкратъ въ довѣріе Марграфа Мартинего, Мамугна незамедлительно прослылъ за самаго опытнаго и ученаго алхимика, и дѣлалъ публично разные опыты превращенія неблагородныхъ металловъ въ благородные, чтобъ доказать, что онъ своимъ богатствомъ единственно обязанъ философскому камню, между тѣмъ какъ, въ сущности, настоящимъ источникомъ его благосостоянія была продажа этого драгоценнаго камня зрителямъ, платившимъ за него очень дорого. Превращенія неблагородныхъ металловъ въ золото показывалъ Мамугна и въ частныхъ домахъ. Такъ, находясь во дворцѣ Нобилия Кантарены, онъ превратилъ въ золото ртутью, къ невыразимому удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, хотя вся тайна заключалась лишь въ искусномъ смѣшеніи ртути съ золотомъ, потому что составъ, положенный имъ въ раскаленный горнъ, потерялъ по вынутіи его половину своего первоначальнаго вѣса. Подобный же опытъ былъ произведенъ въ Венеціи, въ домѣ богача дожа Дандоло, и дожъ купилъ у Мамугны его философскій камень за баснословную цѣну, вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ необходимыхъ приемовъ. Химикъ Отто Такеніусъ, которому въ послѣдствіи поручено было разложить и изслѣдовать этотъ порошокъ, нашелъ, что онъ состоялъ изъ одной золотой амальгамы.

Этотъ искатель приключеній оставилъ Венецію въ 1588 году и началъ разъѣзжать по Германіи, принявъ фамилію графа Брагадино. Свидѣтелями его алхимическихъ подвиговъ были всѣ главные германскіе города. Чтобъ произвести еще большее впечатлѣніе на умы публики, онъ производилъ всегда свои химическіе опыты не иначе, какъ имѣя по обоимъ бокамъ двухъ огромныхъ черныхъ собакъ отвратительнаго вида. Сдѣлавшись извѣстнымъ въ Вѣнѣ, Брагадино отправился въ Мюнхенъ съ

намѣреніемъ побывать потомъ въ Прагѣ и Дрезденѣ. Въ Мюнхенѣ прибылъ онъ въ 1590 году, и тотчасъ же былъ призванъ ко двору, чтобъ сдѣлать нѣсколько опытовъ своего знанія; но обманъ, употребляемый имъ былъ наконецъ открытъ. Брагадино предали суду и осудили къ висѣлицѣ за присвоеніе себѣ непринявшаго званія и фамиліи. Его повѣсили на позлащенной висѣлицѣ, одѣтаго въ позолоченное платье, а вмѣстѣ съ нимъ разстрѣляли, у подножія висѣлицы, и двухъ его черныхъ бульдоговъ.

Другимъ кочующимъ алхимикомъ, который въ это же самое время занималъ Германію, былъ Леонардъ Турнейзеръ, или лучше сказать Цумъ Турнь, родившійся въ Балѣ въ 1530 году. Турнейзеръ еще съ восемнадцатилѣтняго возраста началъ свое поприще, продавая евреямъ золоченныя вещи за вещи настоящаго чистаго золота. Чтобы скрыться отъ судейскаго преслѣдованія за этотъ подлогъ, онъ началъ бродить по Франціи и Англій, и присоединившись къ толпѣ кочующихъ алхимиковъ, сталъ учиться у нихъ разнымъ фокусамъ, дабы удивлять и обманывать ближнихъ. Онъ почитался уже самымъ искуснымъ знатокомъ своего дѣла, когда, въ 1555 году возвратился въ Германію и представился къ Эрцгерцогу Фердинанду, у котораго скоро приобрѣлъ довѣріе. Онъ невыдавалъ себя своему покровителю за опытнаго алхимика но лишь за такого артиста, которому немного недоставало до полнаго совершенства. Чтобы усовершенствовать Турнейзера въ познаніяхъ, Эрцгерцогъ отправилъ его путешествовать на свой счетъ во всѣ четыре части земнаго шара. Надѣленный въ изобиліи золотомъ, Турнейзеръ посѣтилъ послѣдовательно Венгрію, Испанію, Португалію, Шотландію, Италію, Грецію, Египетъ, Аравію и Сирію, чтобъ открыть тайну герметическаго знанія. Онъ не успѣлъ въ своемъ желаніи и возвратился лишь съ нѣкоторыми медицинскими познаніями, заимствованными имъ отъ египетскихъ врачей.

Подъ этимъ-то званіемъ, по возвращеніи своемъ съ Востока, Леонардъ Турнейзеръ представился ко двору бранденбургскаго электора Іоанна-Георга, который, уважая также и герметическія его свѣдѣнія, назначилъ Турнейзера начальникомъ химической лабораторіи, которую онъ имѣлъ въ Галлѣ. Турнейзеръ отправился потомъ въ Берлинъ, гдѣ его ловкость вскорѣ доставила ему огромную извѣстность. Сочиненія его очень уважались во всѣхъ прусскихъ владѣніяхъ. Его слава и богатству болѣе всего способствовало маленькое отвратительное существо, показываемое имъ публикѣ въ хрустальномъ пузырькѣ. Онъ увѣрялъ, что это былъ демонъ низшаго разряда. Впрочемъ его собратья по наукѣ, алхимики, завидуя его огромному состоянію, успѣли наконецъ

обнаружить обманы его передъ дворомъ, и Турнейзеръ принужденъ былъ, въ 1584, внезапно покинуть Берлинъ и скрыться отъ преслѣдованія. Въ своей поспѣшности онъ позабылъ взять съ собою своего маленькаго демона, и когда проникли въ его тайную лабораторію, то открыли, что въ хрустальномъ пузырькѣ заключенъ былъ скорпионъ, опущенный въ масло.

Турнейзеръ не долго пережилъ свою немилость, и побродивъ нѣкоторое время по Германіи, въ крайней нищетѣ, умеръ предметомъ общественной сострадательности.

Иосифъ Францискъ Борри, миланскій уроженецъ, выгнанный изъ Рима въ 1660 году, покинулъ Италію и отправился въ странствованіе подъ именемъ Бурра въ различные города Германіи, въ которыхъ нѣсколько разъ показывалъ герметическіе опыты. Посѣтивъ рейнскія провинціи и Голландію, онъ прибылъ въ 1663 году въ Копенгагенъ, вступилъ алхимикомъ къ датскому королю Фридриху III, и успѣлъ войти къ нему въ довѣріе.

Пять лѣтъ по кончинѣ Фридриха III придворные хотѣли проникнуть тайны Борри, и онъ долженъ былъ бѣжать. Его настigli на границахъ Венгріи и заключили въ Вѣнѣ. Тамъ узналъ его папскій нунцій и началъ требовать, отъ имени римскаго двора, какъ человѣка уже осужденнаго за ересь. Борри былъ отправленъ въ Римъ и посаженъ въ крѣпость, въ которой впрочемъ не былъ содержимъ слишкомъ строго, и ему позволили даже имѣть химическую лабораторію, чтобъ онъ занимался тамъ производствомъ философскаго камня пѣ пользу Папы; но Борри не могъ ничего сдѣлать. Борри умеръ въ темницѣ въ 1695 году, не оправдавъ папскихъ надеждъ.

Вдаваясь въ эти подробности, мы хотѣли только ими доказать, что разные обманы, въ которыхъ столько обвиняли алхимиковъ, были уловками единственно только однихъ шарлатановъ, и ни одинъ изъ замѣчательныхъ людей, имена которыхъ сіяютъ на страницахъ исторіи химіи, никогда не прибѣгалъ къ подобнымъ нелѣпостямъ. Чтобъ достигъ до открытія драгоценной тайны философскаго камня, единственной цѣли всѣхъ ихъ надеждъ, просвѣщенные и положительные алхимики ограничивались лишь опытами, производимыми съ помощію средствъ, представляемыхъ современной имъ химіей. Рядъ практическихъ пособій для отысканія философскаго камня, въ продолженіе разныхъ эпохъ, очень разнообразенъ, а потому необходимо обратить также вниманіе и на эти многочисленныя практическія пособія и рассмотреть разнородные на нихъ взгляды алхимиковъ.

Темнота, непоследовательность и отрывчатость слога алхимичес

нихъ авторовъ, загадочныя выраженія, странныя имена, которыя они употребляли для означенія, или лучше сказать для того, чтобъ скрыть составныя вещества, входящія въ ихъ науку, очень много мѣшаютъ истинному анализу главныхъ способовъ, по которымъ алхимики приготовляли философскій камень. Неясность и загадочность всѣхъ алхимическихкихъ сочиненій почитались самымъ главнымъ ихъ достоинствомъ, такъ, что сами авторы не скрывали этого.

«Жалкій глупецъ, восклицаетъ Артефій, въ предисловіи къ своимъ читателямъ, неужели ты будешь такъ простъ, что повѣришь будто мы станемъ ясно и открыто научать тебя самому великому и значительному дѣлу и драгоценнѣйшей тайнѣ? — Неужели ты будешь буквально понимать слова наши? Увѣряю тебя, что тотъ, кто захочетъ объяснить написанное философами просто, въ обыкновенномъ смыслѣ, навсегда запутается въ извилинахъ такого лабиринта, изъ котораго онъ никогда не выдетъ, потому что не будетъ имѣть Ариадниной нити; и какія бы издержки онъ ни дѣлалъ, сколько бы не расточалъ сокровищъ — все это будетъ напрасною денежною тратой!»

Большая часть алхимическихкихъ авторовъ полагаютъ какъ бы обязанностью, предупредить своихъ читателей, что описанія ихъ съ умысломъ испещрены противорѣчіями, загадками и двусмысленностями. Поэтому-то новички, пытавшіе проникнуть таинственный смыслъ алхимическихкихъ сочиненій, были уже очень хорошо извѣстны, что понимая прямо выраженія и слова ничего ровно не узнаютъ.

«Когда философы выражаются безъ изворотовъ, говоритъ Шредеръ, я не вѣрю истинѣ ихъ рѣчей; когда же они говорятъ загадками, я принимаюсь глубоко размышлять.»

Эту же самую мысль выражаетъ алхимическій писатель Салмонъ въ слѣдующемъ богатомъ собраніи метафоръ.

«Только между этими противорѣчіями и этою ложью мы можемъ отыскать алхимическую истину; только между этихъ терній мы можемъ сорвать эту таинственную розу. Намъ не прежде удастся проникнуть въ этотъ богатый садъ Гесперидъ, чтобъ полюбоваться прекраснымъ золотымъ деревомъ и сорвать его драгоценныя плоды, какъ уничтоживъ сперва дракона, охраняющаго входъ и вѣчно не дремлющаго. Мы наконецъ не иначе способны стремиться за побѣдой золотаго руна, какъ по бурнымъ волнамъ и пропастанъ этого неизвѣстнаго моря, пробираясь между утесовъ, сталкивающихся между собою и находящихся въ вѣчной враждѣ; мы должны будемъ восторжествовать надъ страшными чудовищами, охраняющими это водное лоно.»

Для подобнаго темнаго и непостижимаго языка, алхимики имѣли

впрочемъ довольно достаточную причину. Они не могли ничего сказать положительно о наукѣ производить золото, послѣ всѣхъ своихъ долгихъ и ни къ чему не служившихъ изысканій. При томъ же, нѣтъ сомнѣнія, что человѣкъ, достигшій до этой драгоценной тайны, вѣроятно бы сохранилъ ее для одного себя, и поэтому не написалъ бы даже одной строчки. Кромѣ этой причины алхимики имѣли еще и другія, не менѣе важныя. Они опасались произвести въ обществѣ слишкомъ большое волненіе.

«Ненужно было, говорить Салмонъ, дѣлать публично-гласною такую драгоценную тайну, которая, сдѣлавшись всею доступною, произвела бы сильный переворотъ во всемъ человѣческомъ обществѣ.»

Къ этимъ двумъ причинамъ примѣшивалась еще третья, чисто нравственная. Всѣ послѣдователи алхиміи почитали приготовленіе философскаго камня дѣломъ, превосходящимъ все человѣческія понятія, и потому философъ, удостоившійся подобнаго знанія долженъ сообщать тайну философскаго камня только однимъ добродѣтельнымъ людямъ, и ни подъ какимъ предлогомъ душамъ злымъ и обыкновенной толпѣ.

«Скрывай эту книгу на груди твоей, пишетъ Арнольдъ де Вилльневъ, и не предавай ее въ руки невѣждъ, потому что она заключаетъ тайну всѣхъ философовъ.»

Писатели тринадцатаго столѣтія начали даже угрожать нескромнымъ алхимикамъ.

«Тотъ, кто откроетъ эту тайну, говоритъ Арнольдъ де Вилльневъ, умретъ отъ апоплексическаго удара.»

«Увѣряю тебя, восклицаетъ Раймондъ Люль, что если ты откроешь это, если ты дашь понять, какими нибудь легкомысленными словами то, что стоило столько лѣтъ заботъ и размышленій, ты будешь наказанъ.»

«Я кажется довольно уже высказался, восклицаетъ также Василій Валентинъ, въ своемъ сочиненіи *«Торжественная колесница Антимонія,»* я научилъ васъ такъ ясно и отчетливо нашей тайнѣ, что сказать еще что нибудь болѣе, значитъ повергать себя упреку.»

Потомъ онъ разсыпается въ самыхъ тяжкихъ жалобахъ, на слишкомъ ясный смыслъ своихъ сочиненій и дѣлаетъ себѣ упреки изъ опасенія, что онъ сказалъ уже слишкомъ много. Древніе греческіе и аравитанскіе герметическіе писатели были также молчаливы и скромны, какъ и западные. Воздержность на ясность выражений выходила иногда изъ всякихъ границъ простаго человѣческаго пониманія. Вотъ какъ, на примѣръ, Разесъ начинаетъ свое *«Описаніе очень простаго способа дѣланія крепкой водки.»*

«Recipe aliquid ignotum, quantum volueris, то есть: «возьми чего нибудь неизвѣстнаго, какое ты хочешь количество.»

Или, напримѣръ, вотъ, что предписываетъ дѣлать, при сгущеніи ртуря, одинъ герметическій писатель, скрывавшійся подъ именемъ Псевдо-Демокрита.

«Возьми ртуря и смѣшай его съ магнезійей или съ сѣрой, или съ серебрянымъ порошкомъ, или съ известью, или съ оловомъ или съ чѣмъ ты хочешь.»

Въ нѣкоторыхъ алхимическихъ наставленіяхъ не рѣдко встрѣчаются даже только слѣдующіе совѣты: Recipe (возьми)... Неправда-ли, что кажется нельзя уже быть болѣе воздержнѣе и скромнѣе на выраженія?

Темнота алхимическихъ разсужденій и странность ихъ содержанія достаточно объясняются ихъ причудливыми, дикими заглавіями. Чтобъ дать какое нибудь понятіе о нихъ, стоитъ только перечислить заглавія нѣкоторыхъ самыхъ знаменитыхъ сочиненій въ области алхиміи. Таковы, напримѣръ: *Двѣнадцать ключей философіи или книга химическаго открытія*, Василія Валентина—*Зерцало таинствъ, Алхимическій мозгъ*, Рожера Бакона—*Ключи*, Раймонда Люлля—*Желанное желаніе*, приписываемое Николаю Фламелю—*Недосказанное слово*, Тревизана,—*Цвѣтъ цвѣтовъ*, Арнольда де Вилльнева.—*Книга свѣта*, Рокеталляда,—*Истинное сокровище человеческой жизни*, Сусси.—*Гробница Семирамиды открытая мудрымъ*;—*Свѣтъ проникающій изъ тьмы*,—Филалета.—*Старинная война рыцарей, или герметическое торжество*; *Crede mihi (вѣрь мнѣ)* Нортонъ—*Собраніе учениковъ Пифагора*, Морьена.—*Пѣсни Гермофила*, *Договоръ заоблачнаго пространства съ землею*, Лавинія—*Книга двѣнадцати вратъ*, Триплея,—*Золотое руно*, Тримозина,—*Звукъ трубы*—и многія другія сочиненія, изданныя подъ именемъ Гермеса Тримегиста или подъ именемъ другихъ извѣстныхъ древнихъ философовъ. Нужно замѣтить, что нѣкоторые новѣйшіе писатели нисколько не уступаютъ въ этомъ отношеніи древнимъ философамъ. Вотъ напримѣръ заглавіе одной книги, напечатанной въ осьмнадцатомъ столѣтіи: *Горящая Саламандра или пробужденный химикъ*. Вотъ еще два другія подобныя: *Ключъ для отверзанія сердца или философскій отецъ*;—*Лучезарное солнце на химической тверди германскаго горизонта* и т. п.

Этотъ темный и загадочный слогъ выказывается особенно у первыхъ алхимиковъ. Разсматривая въ сочиненіяхъ византійскихъ, аравитянскихъ и другихъ западныхъ авторовъ, жившихъ до пятнадцатаго столѣтія, объясненія, относящіяся до дѣланія философскаго камня, на-

прасно бы сталъ кто-нибудь пытаться проникнуть смыслъ написанныхъ ими мудреныхъ рѣчей. Вѣроятно, повторимъ, что эти писатели, болѣею частію, и сами не понимали что было ими написано. Всѣ объясненія и толкованія оказались бы напрасными потому, что на одной и той же страницѣ, одинъ и тотъ же терминъ, получаетъ иногда двойное или тройное, иное значеніе. Мы впрочемъ изложимъ вкратцѣ, какъ выражали древніе авторы приготовленіе философскаго камня, и начнемъ съ знаменитыхъ письменъ, извѣстныхъ подъ именемъ «*Изумруднаго стола*», служившихъ текстомъ для множества разнородныхъ толкованій. Преданіе говоритъ, что письмена эти были найдены Александромъ Македонскимъ въ гробницѣ Гермеса Тримегиста, скрытой стараніемъ египетскихъ жрецовъ въ глубинѣ Гизекской пирамиды. Сочиненію этому дали потому названіе Изумруднаго стола, что увѣрили, будто оно было начертано рукою Гермеса на огромной изумрудной поверхности, брилліантовымъ остриемъ. Вотъ переводъ этихъ письменъ, почитаемыхъ въ страницахъ алхиміи за самый древній документъ герметической философіи, хотя кажется, что онѣ сочинены не раньше седьмага столѣтія.

«Истина безъ всякой лжи; истинно и очень справедливо!»

«Все что внизу, точно также какъ и все на верху, а то, что на верху, точно также какъ и внизу, чтобъ производить чудное изъ одной вещи.»

«Солнце отецъ имъ, луна имъ мать, вѣтеръ носилъ ихъ въ своемъ чревѣ, земля была кормилицей; тѣло всего міра въ нихъ; сила его совершенна если она сокрыта въ землѣ.»

«Ты отдѣлишь землю отъ огня, сквозное отъ плотнаго, тихонько съ великимъ умѣніемъ. Оно поднимается отъ земли къ облакамъ и потомъ обратно выпадаетъ на землю и получаетъ силы отъ высшихъ вещей и отъ низшихъ. Ты получишь этимъ способомъ всю мірекую славу и всякій мракъ удалится отъ тебя.»

«Эта сила, сила всякой силы, потому, что побѣждаетъ каждую неплотную вещь и проникаетъ въ каждую плотную.»

«Изъ этого произойдутъ многія превращенія, способъ которыхъ я показалъ.»

«Оттого-то я и былъ наименованъ Гермесомъ Тримегистомъ, какъ обладающій тремя частями философіи міра.»

«То, что я высказалъ о дѣйствіяхъ солнца полно и совершенно.»

Алхимики приходили въ восхищеніе отъ подобной ясности изложенія. Гортуланій, или писатель извѣстный подъ именемъ Гортулана Садовника, издалъ огромный коментарій на эти строки Гермеса. Послѣ него многіе алхимики также перетолковывали ихъ и поясняли, и всѣ были

согласны, что онѣ «подъ *іероглифическимъ покровомъ заключаютъ рецептъ приготовленія философскаго камня.*» Киршнеръ, объяснявшій съ удивительною легкостью египетскіе іероглифы, самъ сознавался чисто-сердечно, что онѣ не въ состояніи былъ постигнуть ни одного слова изъ рѣчей, написанныхъ на изумрудномъ этомъ столѣ.

Въ книгѣ своей «*Двадцать вратъ,*» Ринлей также объясняетъ приготовленіе квинтъ-эссенціи:

Арнольдъ де Вильневъ въ одномъ мѣстѣ о составленіи философскаго камня выражаясь:

«Знай, сынъ мой, что въ этой главѣ я научу тебя приготовленію философскаго камня, объясняетъ такъ ясно, что ничего нельзя понять.»

Слѣдующее алхимическое опредѣленіе въ сочиненіи «Собраніе учениковъ Пивагора», ни сколько не уступаетъ всѣмъ прочимъ, уже приведеннымъ здѣсь выше:

«Я совѣтую тебѣ, сынъ науки, привести въ твердое состояніе ртуть.

«Изъ многихъ вещей, 2, 3 и 3, 1, 1, съ 3 составитъ 4, 3, 2 и 1. Изъ 4 къ 3 будетъ 1; отъ 3 къ 4 будетъ 1, слѣдовательно 1 и 1, 3 и 4, отъ 3 къ 1 будетъ 2, отъ 2 къ 3 будетъ 1, отъ 3 къ 2, 1, 1, 1, 2 и 3. И 1, 2 отъ 2 и 1, 1 отъ 1 до 2; 1 слѣдовательно 1. *Я все высказалъ!*»

И такъ вотъ способъ превращать въ твердое состояніе ртуть! Нѣтъ ничего проще!

Большая часть древнихъ алхимическихъ разсужденій написана въ подобномъ же родѣ и такимъ же слогомъ.

Приготовленіе философскаго камня, очень часто, описывается также въ сочиненіяхъ этого времени, въ формѣ аллегорій и загадокъ. Одна изъ такихъ аллегорій, очень знаменитая въ среднихъ вѣкахъ, сильно подстрекала любознательность послѣдователей Алхиміи. Она была извѣстна подъ названіемъ: *Аллегорія Мерлена* (Merlini allegoria profundissimum philosophiae lapidis arcanum perfecte continens: in Bibliotheca chemica curiosa Mangeti t 11, p. 191). Не смотря на то, что сочинитель не имѣлъ ничего общаго съ алхимиками, они были въ восторгѣ. Вотъ переводъ этой аллегоріи, слогъ которой довольно замѣчательнъ.

«Одинъ король, желая уничтожить могущественныхъ непріятелей, приготовился сражаться съ ними. Въ то самое время когда нужно было ему садиться на коня, онъ приказалъ одному изъ своихъ солдатъ, подать ему на питье одной воды, которую онъ очень любилъ. Солдатъ спросилъ:

— Государь, какая это вода, которую вы отъ меня спрашиваете?

— Это, отвѣчалъ король, та вода, которую я люблю болѣе всѣхъ, та вода, которую и я люблю болѣе всѣхъ.

Солдаты пошелъ и тотчасъ же принесъ.

Король принялъ ее и пилъ долго, долго, до тѣхъ поръ, покуда всѣ члены его распухли и всѣ жилы его наполнились ею; тогда онъ сталъ необыкновенно блѣденъ; солдаты сказали ему:

— Государь, вотъ конь, угодно ли вамъ будетъ сѣсть въ сѣдло?

Но король отвѣчалъ ему:

— Знайте, что я не могу сѣсть.

— Почему же вы не можете сѣсть послѣ этого государь? спросили короля.

Онъ отвѣчалъ:

— Знайте, что я чувствую себя отяжелѣлымъ и у меня сильно болитъ голова; мнѣ кажется, что всѣ члены мои опадаютъ отъ моего туловища. По этому я приказываю вамъ помѣстить меня въ свѣтлую комнату, перенести эту комнату въ теплое и сухое мѣсто и содержать ее, денно и ночью, въ умѣренномъ жару. Этакъ я буду здоровъ; вода, выпитая мною, испарится и я буду избавленъ отъ моего недуга.

Солдаты исполнили все, что приказалъ имъ король.

Послѣ нѣкотораго времени отворили комнату и увидѣли короля полумертвымъ; родственники поспѣшили тотчасъ же къ египетскимъ и александрийскимъ врачамъ, почитаемымъ лучшими между всѣми прочими, и привели ихъ съ собою, рассказавъ дорогою все происшествіе. Осмотрѣвъ короля, лекаря рѣшили, что избавить больнаго отъ его недуга очень легко. Тогда родственники обратясь къ нимъ, спросили:

— Кто изъ васъ возьмется за это?

— Мы, если вамъ угодно, отвѣчали александрийцы.

Но египетскіе врачи возразили:

— Это намъ нисколько не нравится; обязанность эта лежитъ на насъ, потому что мы старѣйшіе.

Александрийцы согласились, и египетскіе врачи взявъ короля, разрѣзали его на маленькіе кусочки и омочивъ его немного своими лекарствами, положили снова въ комнату, въ сухое и теплое мѣсто, въ которомъ денно и ночью былъ поддерживаемъ легкій жаръ, какъ и прежде. Короля вынесли потомъ почти мертваго, едва переводящаго дыханіе. Видя это родственники начали кричать:

— Увы, король умеръ!

— Онъ совсѣмъ не умеръ, отвѣчали врачи: не кричите такъ потому, что онъ спитъ и сонъ его скоро кончится.

Они взяли короля, омыли его теплою водой и продолжали эту операцію до тѣхъ поръ, покуда не осталось никакихъ слѣдовъ лекарства; потомъ они снова внесли его въ комнату, въ которой онъ находился

прежде; но когда родственники пришли посмотреть на него, они испугались и начали кричать еще громче:

— Увы! король умер!

— Мы умертвили его, произнесли врачи, для того, чтобъ онъ явился лучше и сильнѣе чѣмъ былъ.

Слыша слова эти, родственники почли врачей за обманщиковъ, отняли у нихъ все лекарства и выгнали вонъ изъ королевства. Совершивъ это, они начали разсуждать между собою, что имъ дѣлать съ отравленнымъ тѣломъ, и рѣшились похоронить его изъ опасенія, чтобъ запахъ отъ гніенія не причинилъ заразы; но александрійскіе врачи слыша это подошли къ нимъ и сказали:

— Не погребайте короля, потому, что если вы желаете, мы вамъ отдадимъ его здоровѣе и красивѣе чѣмъ онъ былъ.

Но родственники начали смѣяться и отвѣчали:

— Вы кажется хотите смѣяться надъ нами, какъ и египетскіе врачи. Знайте, что если вы не исполните вашихъ обѣщаній, вы не уйдете изъ нашихъ рукъ.

И такъ врачи взяли королевское тѣло, мыли его до тѣхъ поръ, покуда все оставшееся въ немъ лекарство уничтожилось, и приказали изсушить трупъ. Потомъ они взяли одну часть амоніаковой соли и двѣ части александрійской селитры, которую смѣшали съ порошкомъ смерти; прибавивъ къ этой смѣси нѣсколько льнянаго масла, они сдѣлали изъ нея родъ нѣкотораго тѣста и наполнили имъ комнату имѣющую внизу отверстіе. Они положили короля надъ этимъ отверстіемъ, въ вазѣ и оставили его тамъ на часъ времени. Наконецъ они обложили короля пламенемъ и раздували огонь до тѣхъ поръ, покуда онъ разстаялъ. Король очнулся и громко воскликнулъ:

— Гдѣ мои непріатели? Я истреблю всѣхъ ихъ, если они не немедленно не покорятся мнѣ!

Враги посмѣшили придти къ нему и сказали:

— Государь, мы здѣсь, чтобъ исполнять твои приказанія!

И съ этихъ поръ король былъ почитаемъ всѣми могущественными королями другихъ народовъ.

«Когда желали видѣть эти удивительныя вещи, то клали въ сосудъ унцъ ртути, хорошо очищеннаго, и бросали на него ногти или волосы, и два легонько на уголья, находили камень, о которомъ я знаю; бросали немного этого камня на очищенный свинецъ, и онъ тотчасъ же принималъ извѣстный также мнѣ видъ; потомъ клали одну часть этого на десять частей мѣди, и весь металлъ дѣлался превосходнымъ и одного цвѣта. Потомъ брали этотъ третій составъ и смѣшивали его, какъ выше

сказано, съ солью и золотомъ, и потомъ бросали въ сывортку изъ козь-
яго молока. Тогда образовывалась вещь превосходѣйшая изъ всѣхъ.»

Сохраняй, братъ, это разсужденіе и наблюдай его. Вотъ путь чрезъ
который, съ малымъ прилежаніемъ достигнешь великихъ выгодъ».

Авторъ этой аллегоріи не извѣстенъ, но восточный оттѣнокъ его сло-
га заставлялъ полагать, что онъ былъ мавританскаго происхожденія;
впрочемъ это предположеніе не подтверждается никакими другими дан-
ными, и вѣроятно эта аллегорія принадлежитъ къ среднимъ вѣкамъ.

Кромѣ аллегорій, въ исторіи алхиміи очень часто можно встрѣтить
также загадки и логогрифы. Алхимическій языкъ начинаетъ очищаться
отъ своихъ темныхъ покрововъ и дѣлается немного яснѣе только въ
семнадцатомъ столѣтіи, и потому слѣдуетъ обратиться къ сочиненіямъ
новѣйшихъ авторовъ, чтобъ имѣть понятіе о различныхъ способахъ, ко-
торые употребляли алхимики для отысканія философскаго камня.

Общая процедура для отысканія философскаго камня изложена очень
неясно въ нѣкоторыхъ алхимическихъ разсужденіяхъ семнадцатаго и во-
семнадцатаго столѣтія, въ особенности въ *Библиотекѣ химическихъ*
философовъ, въ *Открытомъ входѣ въ замкнутый дворецъ короля*
и въ *Разсужденіи неизвѣстнаго философа*. Чтобъ понять эту пре-
цедуру, нужно припомнить, что алхимики возвышали металлы до орга-
ническихъ тѣлъ и полагали, что металлы зарождались также какъ и
животныя. Слѣдовательно вся алхимическая мудрость состоитъ въ томъ,
чтобъ произвести въ ретортахъ искусственное соединеніе металловъ,
производящихъ золото. Первоначальныя частицы для произведенія зо-
лота полагались на извѣстное время въ сосудъ, называвшійся *фило-*
софскимъ яйцомъ, а у нѣкоторыхъ *атаноромъ* или *жилищемъ*
цыпленка мудрецовъ. Послѣ опредѣленнаго срока въ яйцѣ этомъ начи-
налось зарожденіе золота. Но какія были эти главные частицы? По мнѣ-
нію большинства—обыкновенное золото, и *меркурій философовъ*, на-
зываемый также *первоначальнымъ агентомъ*.

Алхимикъ Салмонъ вотъ какъ описываетъ способъ соединять обык-
новенное золото съ философскимъ меркуріемъ, чтобъ получить камень
мудрыхъ:

«Вотъ какъ, говоритъ онъ, увѣряютъ философы, дѣлается эта чуд-
ная вещь. Философскій меркурій будучи соединенъ и амальгамированъ
съ золотомъ самымъ чистымъ, въ листахъ или въ слиткѣ, и положенный
въ философское яйцо (маленькій горнь, который слѣдуетъ закупорить
очень плотно, изъ опасенія чтобъ неиспарились составы) положенное
въ свою очередь въ печь, наполненную цепломъ, скоро посредствомъ
своего внутреннего жара, происходящаго отъ сѣры и жара наружнаго,

ртути этотъ, говорю я, разложить золото безъ всякаго усилія и превратить его въ чуть видныя крупныя-атомы».

По словамъ Салмона, къ концу шестаго мѣсяца этимъ способомъ получится черный порошокъ, который называется *головой ворона*, *Сатурномъ* или *циммерическимъ мракомъ*. Если будутъ продолжать дѣйствіе огня, матерія эта превратится въ *бѣлую настойку* или *малый философскій камень*, имѣющій свойство превращать металлы въ серебро и изъ голышей образовывать жемчугъ. Наконецъ, если огонь еще будетъ усиленъ, то матерія эта расплавляется, дѣлается зеленою и потомъ превращается въ красный порошокъ, который и есть настоящій философскій камень. Положенный въ жидкомъ состояніи на неблагородный металлъ, онъ тотчасъ же превращаетъ его въ чистое золото. Единственная трудность при приготовленіи философскаго камня заключается слѣдовательно только въ томъ, чтобъ получить *философскій ртуть*. Когда этотъ реагентъ будетъ найденъ, то составленіе философскаго камня будетъ дѣломъ самымъ простымъ.

«Это женское, ребячье дѣло, ничтожная игрушка, говоритъ Исаакъ голландецъ. Тоже самое подтверждаетъ Николай Фламель, говоря:

Qu' une femme filant fusée
N'en serait du tout détournée

(т. е. женщина, пряжущая веретено, не будетъ отвлечена ею отъ своей работы).

Одно только приготовленіе *философскаго ртути* составляетъ великую трудность, и всѣ алхимики сознаются, что дѣло это выше всѣхъ усилій человѣческихъ. Впрочемъ, не смотря на это убѣжденіе, кто изъ алхимиковъ не пытался составить этотъ ртуть, именуемый различно: то его называютъ *одушевленнымъ ртутиемъ*, то *двойнымъ*, то *ртутиемъ дважды рожденнымъ*, то *зеленымъ львомъ*, *змѣемъ*, и пр. Всѣ попытки остались тщетны, хотя алхимики искали его не только во всѣхъ тѣлахъ существующихъ въ природѣ, но даже и въ такихъ, которыхъ вовсе въ ней нѣтъ, какъ это мы увидимъ.

Разсмотримъ теперь всѣ разнообразныя вещества, въ которыхъ искали алхимики философскаго ртути, называемаго также *первымъ агентомъ философскаго камня*.

Ртуть этотъ болѣе всего искали въ металлахъ, основываясь на томъ, что если удалось бы извлечь изъ металловъ ихъ общія составныя части, сѣру и ртуть, и привести въ самое очищенное состояніе, тогдабы можно было образовать изъ нихъ, посредствомъ какого нибудь постоянного смѣшенія, золото или серебро.

«Если ты хочешь произвести металл, то и бери металл, потому что собака не родится иначе какъ отъ собаки, говоритъ Риплей въ своемъ Космополитѣ.

Алхимики искали первоначально средствъ для произведенія философскаго камня въ мышьякѣ, основываясь на греческой загадкѣ, неизвѣстно кѣмъ написанной и находившейся въ самыхъ старинныхъ алхимическихъ сочиненіяхъ. Вотъ переводъ ея:

Во мнѣ заключается девять буквъ, четыре слога, узнай меня;
 Каждый изъ трехъ первыхъ имѣетъ двѣ буквы,
 Другіе имѣютъ другія буквы и пять согласныхъ;
 Черезъ меня ты приобрѣтешь мудрость.

Послѣ многихъ старательныхъ отгадокъ было рѣшено, что логогрифъ этотъ означалъ arsenicon—мышьякъ. Мышьяковые пары, въ самомъ дѣлѣ, обляяли мѣдь, и это свойство мышьяка долгое время почиталось за начало превращенія въ серебро и только въ послѣдствіи догадались, что въ этомъ видоизмѣненіи не было ничего похожаго на серебро. Іенскій профессоръ Ведель представилъ тогда новое истолкованіе задачи и говорилъ, что она означаетъ cassitinos—олово. Черезъ олово алхимики также ни до чего недобрались, и оставивъ логогрифъ, устремили все вниманіе на слова, приписываемыя Гермесу:

In mercurio est quidquid querunt sapientes.

Условившись въ меркуріи искать мудрости, алхимики принялись преобразовывать обыкновенный меркурій и очищать его; но опять увидѣли, что между меркуріемъ и философскимъ камнемъ нѣтъ ничего общаго, хотя наставленій, какъ изъ меркурія дѣлать золото, было очень много.

Арнольдъ де Вильневъ въ своемъ Rosario предлагаетъ слѣдующее:

«Возьми три части серебряныхъ опилокъ и толки ихъ съ меркуріемъ до тѣхъ поръ, покуда онъ не обратится въ тѣсто; разведи это потомъ смѣсью укусуа и соли.»

Это наставленіе не произвело ничего болѣе кромѣ обыкновенной сулемы.

Тримозинъ въ своемъ Augum villus предлагаетъ смѣшивать меркурій съ квасцами и селитрой, употребляя во время этой операціи толстыя масляныя лепешки для уничтоженія вреднаго дѣйствія паровъ, отдѣляющихся отъ этихъ двухъ составовъ. Смѣсь эта растворяется потомъ виннымъ спиртомъ. Наконецъ алхимики обратились къ антимонію, но всѣ ихъ изысканія, при помощи металловъ, остались безъ всякаго результата, и алхимики тогда только припомнили слова Рожера Бакона, который рѣшительно совѣтовалъ исключить всѣ металлы при составленіи философскаго камня.

«Золото и серебро, говорилъ Баконъ, и очень разумно, слишкомъ плотны, чтобъ можно было что нибудь произвести чрезъ нихъ; другіе же металлы слишкомъ ничтожны.»

Не получивъ ничего удовлетворительнаго отъ металлическихъ субстанцій, алхимики обратились къ солямъ, основываясь на словахъ Арнольда де Вилльнева: *тотъ, кому известна соль и ея составныя части, обладаетъ тайной, сокрытой отъ древнихъ мудрецовъ.* По этому—то всѣ известныя соли были испробованы, и морская соль долгое время почиталась за первоначальный составъ философскаго камня. Одомаръ, первый высказавшій это мнѣніе въ 1350 году, приобрѣлъ себѣ многочисленныхъ послѣдователей, и по смерти его, Рупердико написалъ подробное наставленіе какъ дѣлать, съ помощію морской соли, философскій камень. Великій милостынераздаватель короля Людовика XIII, Габріель де Шатень, увѣряетъ, будто бы онъ самъ, при помощи морской соли, чуть-чуть не достигъ до великаго открытія.

Вмѣстѣ съ морской солью играла не маловажную роль селитра, потому, что ее находили въ трехъ различныхъ царствахъ природы, что очень согласовалось съ *тройною натурой*, предписываемой Парацельсомъ.

Послѣ морской соли и селитры алхимики напали на селитрянную кислоту и Василій Валентинъ испестрилъ почти всѣ свои сочиненія загадками, означающими эту кислоту. Самую несомнѣнную почиталась слѣдующая.

Visitando Interiora Terrae, Rectificandoque Invenies Occultum Lapidem, Veram Medicinum.»

Заглавныя буквы каждаго слова образовывали полное слово Vitriolum; но увы, на этотъ разъ, въ этой истинной загадкѣ также не оказалось ни какой истины.

Недовольствуясь средствами минеральнаго свойства и солями, алхимики также очень долго изучали всѣ субстанціи изъ царства растительнаго. Древніе греческіе алхимическіе писатели предлагали сокъ *листовичной травы*, вѣроятно потому, что сокъ и корень этого растенія, очень желтаго цвѣта, напоминаютъ о цвѣтѣ золота. Псевдо-Демокритъ предписывалъ понтійскій ремень. Раймондъ Люль указываетъ, для превращенія металловъ въ серебро, на сокъ растеній *lupagia major* и *minor*, безъ сомнѣнія въ слѣдствіе того, что цвѣтъ ихъ серебристый. Съ помощію этихъ—то самыхъ растеній провансальскій алхимикъ Делиль приготовлялъ въ восемнадцатомъ столѣтіи свой воспроизводительный порошокъ.

Въ шестнадцатомъ столѣтіи Гортуланій предлагалъ слѣдующее средство для приготовленія философскаго камня съ помощію растительныхъ веществъ. «Нужно, говоритъ онъ, въ продолженіе двѣнадцати дней, перебраживать сокъ *прольска* (трава *megeugiale*) *барилки* и листовичной травы въ навозѣ; разведя этотъ сокъ получается красная жидкость, которую опять должно зарыть въ навозѣ; изъ нея родятся черви, которые всё пожрутъ одинъ другаго, кромѣ одного; этого червя должно кормить упомянутыми тремя растеніями до тѣхъ поръ, покуда онъ сильно растолстѣетъ; тогда его сожигаютъ и обращаютъ въ порошокъ, который смѣшивается съ купороснымъ масломъ.»

Этотъ составъ, по мнѣнію Делиля, и была квинтъ-эссенція.

Въ осемнадцатомъ столѣтіи философскій камень преимущественно былъ отыскиваемъ въ животномъ организмѣ, и алхимики полагали, что начало, облагораживающее низкіе металлы, должно было заключаться въ человѣческомъ тѣлѣ, облагораживающемъ природу, и басни о дѣтяхъ, роющихся съ золотыми зубами, не почитались безмысленнымъ вымысломъ. По этому все было испробовано, слѣдуя показаніямъ самымъ темнымъ, находимымъ въ сочиненіяхъ древнихъ алхимическихъ писателей. Алхимики дѣлали наблюденія надъ кровью, надъ слюною, волосами и пр. Нельзя себѣ представить до какихъ глупостей доходили алхимики въ этихъ своихъ изысканіяхъ, и вотъ что говоритъ Морвенъ въ своемъ разговорѣ съ калифомъ Калидомъ:

«Я увѣрю тебя, о король, что вещь эта заключается въ тебѣ, въ какомъ бы ты мѣстѣ ни былъ, она въ тебѣ, и не можетъ быть отдѣлена.»

Геймонъ въ своей главѣ о камняхъ говоритъ:

«Чтобъ добыть первенствующій агентъ, нужно отправиться въ заднюю часть свѣта, тамъ, гдѣ слышенъ громъ, дуютъ вѣтры, падаетъ градъ и дождь, тамъ только можно найти искомую вещь.»

Попавъ однажды на подобный путь, алхимики не могли уже приостановиться, и описывать весь бредъ ихъ воображенія, разстройство ихъ ума было бы затруднительно, и потому ограничимся лишь нѣкоторыми чертами.

Въ древнихъ алхимическихъ сочиненіяхъ очень часто встрѣчается слово: *terra virgo*, *terra virginea* (дѣвственная земля). Основываясь на этомъ словѣ, нѣкоторые алхимики сдѣлали слѣдующую посылку: такъ какъ металлы рождаются въ нѣдрахъ земли; земля должна быть ихъ матерью, и слѣдовательно дѣвственная земля должна заключать въ себѣ сѣмя металловъ. Раскапывая землю на нѣкоторое разстояніе отъ поверхности, можно будетъ найти дѣвственную землю, потому, что она не

подвергалась прикосновенію человѣческой руки (Н. Kopp. Geschichte der Chemie). Алхимики принялись за этотъ новый трудъ, но къ сожалѣнію ихъ, земля какъ-то никогда не оказывалась достаточно дѣвственною для ихъ успѣха.

Георгъ Сталь, знаменитый авторъ флогистической теоріи и первый основатель истинной химіи, не могъ также въ своей молодости избѣгнуть алхимическихъ нелѣпостей и предполагалъ существованіе философскаго камня въ красныхъ стеклахъ, вставленныхъ въ рамы старинныхъ зданій. Мысль эту подаль, безъ сомнѣнія, Сталю, одинъ составъ, отъ котораго стекла эти получали красную краску, называемый rouge cassius, который, въ числѣ прочихъ своихъ составныхъ частицъ, заключалъ и чистое золото.

Алхимики также очень долго старались отыскать одну матерію, которую они обозначали именемъ: spiritus mundi и которой приписывали множество удивительныхъ свойствъ. Матерія эта, по мнѣнію ихъ, находилась въ воздухѣ; чтобъ извлечь ее изъ него, прибѣгали къ самымъ страннымъ и разнообразнымъ средствамъ. Ее искали во всѣхъ веществахъ, остававшихся долго подверженными вліянію наружнаго воздуха—въ дождевой водѣ, въ только что выпавшемъ снѣгѣ, въ росѣ. — Томасъ Эрнъ представилъ, въ 1665 году, лондонскому обществу наблюденія, сдѣланныя имъ надъ майскою росой. Другіе алхимики утверждали, что изучили матерію падающихъ звѣздъ, которая пролетая по атмосферѣ поглощаютъ spiritus mundi. Наконецъ, разсуждая, что жабы, ящерицы и змѣи, лишенныя пищи, очень долго существуютъ только однимъ воздухомъ и должны, слѣдовательно заключать въ себѣ spiritus mundi, нѣкоторые алхимики томили жабъ, ящерицъ и змѣй голодомъ, и потомъ дистиллировали, чтобъ извлечь нужную имъ матерію. (Н. Kopp. Geschichte der chemie). Вотъ въ какія безсмысленности впадали алхимики и часто заставляли въ послѣдствіи удивляться, какъ могъ умъ человѣческій, вспомоствуемый холоднымъ разсудкомъ, доходить до такой крайней степени безумія.

Алхимики также начали искать альцеста.

Alcaest почитался самымъ сильнымъ растворяющимъ средствомъ, способнымъ всевозможныя существующія въ природѣ тѣла превращать въ жидкости; имъ начали заниматься только въ семнадцатомъ столѣтіи. Первый о немъ упоминаетъ Парацельсъ, хотя въ одномъ только мѣстѣ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ и притомъ очень поверхностно и неопредѣлительно. Вотъ это мѣсто изъ его разсужденія de Viribus mercuriorum, породившее въ алхіміи мысль объ этомъ всеобщемъ растворяющемъ средствѣ:

«Есть также одна жидкость alcaest, которая дѣйствуетъ какъ не-

сомнѣнное лекарство на печень, поддерживаетъ ее, укрѣпляетъ и предохраняетъ отъ всѣхъ возможныхъ въ ней болѣзней. Всѣ занимающіеся медициной, должны знать способъ ея приготовленія.»

Какъ и многія другія идеи, брошенныя въ ученый міръ этимъ спагиристомъ, алцестъ скоро былъ бы забытъ, если бъ не подхватилъ этого слова Ванъ-Гельмонъ и не обогатилъ его удивительными свойствами, способными искутить воображеніе алхимиковъ. Парацельсъ произнесъ названіе, Ванъ Гельмонъ постарался приложить къ нему идею. Опытъ и сдѣлалъ изъ алцеста всеобщее растворяющее свойство, о которомъ и не мечталъ никогда Парацельсъ. Въ сочиненіяхъ Ванъ Гельмона собраны всѣ нелѣпости, распространяемыя объ алцестѣ алхимиками. Ванъ Гельмонъ опредѣляетъ алцестъ подъ самыми различными наименованіями: сперва называетъ онъ его водою, потомъ огненною водою (*ignis aqua*) адскимъ огнемъ (*ignis gehennae*); наконецъ солью, самую совершенной и счастливой (*summum et felicissimum omnium salium*), тайна приготовленія которой выше искусства человеческого. Ванъ Гельмонъ говоритъ, что имѣлъ эту соль и получилъ ее отъ какого-то неизвѣстнаго, но не могъ сохранить долго.

«Опытъ открылъ мнѣ, говоритъ онъ, что всякія тѣла, какъ-то: обыкновенные камни, драгоценные камни, песочные голыши, глина, кирпичи, стекло, известь, сѣра и другія подобныя вещи могутъ быть превращены въ растворяющіяся вещества. Я могу также разложить на ихъ первоначальные составы тѣло, кости, растенія, рыбу и всѣ прочія тѣла подобнаго рода. Металлы разлагаются еще легче... Жидкость эта растворяетъ всѣ возможные тѣла, исключая самой себя, точно такъ какъ теплая вода растаиваетъ снѣгъ.»

Ванъ Гельмонъ описываетъ съ такою самоувѣренностью свои воображаемые опыты, что можно подуматъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ, достигъ до самыхъ благопріятныхъ результатовъ.

«Положивъ, говоритъ онъ, дубоваго угля и алцеста, въ равныхъ частяхъ, въ стеклянный сосудъ, плотно закупоренный, я настаивалъ эту смѣсь въ теченіе трехъ сутокъ въ жару, равняющемся обыкновенному банному жару; по прошествіи этого срока, смѣсь эта совершенно растворилась. Если настаивать алцестъ въ умѣренномъ жару, съ кедровыми опилками, въ стеклянномъ сосудѣ, плотно закупоренномъ, то по прошествіи семи дней, смѣсь эта превратится въ жидкость совершенно похожую на обыкновенное молоко.»

Очень не трудно понять пользу, которую алхимики надѣялись извлечь изъ вещества, растворяющаго всевозможныя тѣла. По этому-то, въ продолженіи семнадцатаго столѣтія, до половины восемнадцатаго, всѣ искали

алдеста съ необыкновеннымъ рвеніемъ. Бозргавъ увѣряетъ, что изъ однихъ сочиненій, написанныхъ по этому предмету, можно было составить огромную бібліотеку. Верденфельтъ въ своемъ разсужденіи «de Secretis adeptorum» привелъ всѣ мнѣнія, существовавшія о природѣ этого всемірнаго растворяющаго вещества. Многіе алхимики хвалились, что имъ удалось открыть ее. Цвельферъ и Таккеній извлекли будто бы алдестъ изъ укуса, настоеннаго на мѣдной окиси, Вернеръ Рольфинкъ, на винномъ камнѣ. Глауберъ полагалъ нѣкоторое время, что алдестъ есть ничто иное какъ его *удивительная соль*, которая растворяетъ, или если хотять, уничтожаетъ уголь и образуетъ сѣру и угольную кислоту; но Глауберова соль не заключала въ себѣ ничего, чтобы могло оправдывать мысль объ общемъ разложеніи.

Въ началѣ восемнадцатаго столѣтія, алхимики пытались разрѣшить эту задачу путемъ этимологическимъ. Алхимикамъ было извѣстно, что Парацельсъ очень часто скрываетъ названія описываемыхъ имъ субстанцій, употребляя нѣкоторое перемѣщеніе буквъ; если, на примѣръ, онъ хочетъ сказать про винный камень, полезный во многихъ болѣзняхъ, то вмѣсто слова tartarus пишетъ sutartar; когда онъ предписываетъ больнымъ шафранъ, агома philosophorum, онъ называетъ его aroph. Основываясь на этомъ-то ключѣ, алхимики начали искать составъ алдеста.

Алхимики обыкновенно останавливались на второмъ предположеніи Глаубера, видѣвшаго алдестъ въ alcaliminer, или поташѣ, основываясь на слѣдующей этимологіи: alcali est. Но поташъ хотя и имѣющій многія разнообразныя растворяющія средства, далеко еще не представляетъ всѣхъ тѣхъ, которые приписываютъ алдесту; по этому прибѣгали къ другимъ этимологическимъ объясненіямъ, и нѣкоторые искали этого всеобщаго разрѣшающаго средства въ acidum muriaticum; другіе видѣли въ немъ spiritus mundi, основываясь на нѣмецкомъ словѣ «all Geist».

Впрочемъ, въ половинѣ восемнадцатаго столѣтія, видя бесполезность поисковъ, предпринятыхъ для отысканія алдеста, многіе покинули свои изысканія, а Кункель рѣшительно положилъ конецъ всѣмъ прочимъ спорамъ, очень простымъ разсужденіемъ. Онъ далъ замѣтить, что если бы даже и могъ существовать когда алдестъ, то его невозможно было сохранить, потому что растворяя всѣ вещества, онъ непременно долженъ былъ растворить и сосудъ, его заключавшій; объ этомъ еще никто до тѣхъ поръ не догадался подумать.

«Если алдестъ, говоритъ Кункель, растворяетъ всѣ тѣла, онъ долженъ растворить и заключающее его тѣло. Много разсуждали и спорили объ этомъ великомъ растворяющемъ средствѣ, и одни производили его отъ латинскаго слова—alcali est, другіе отъ нѣмецкаго—all Geist

нѣкоторые отъ alles ist (тутъ все). Что касается до меня, то я не вѣрю всемірному этому растворяющему и называю его настоящимъ его именемъ: alles lügen heist, или alles lügen ist; *все это ложь!* (Laboratorium).

Съ тѣхъ поръ объ альцестѣ не стало и помини.

Рассмотримъ теперь съ другой точки алхимическія занятія.

Если бы герметическія науки имѣли только цѣлю вращаться въ предѣлахъ однихъ неѣпостей, онѣ бы не заслуживали вниманія исторіи; но, не смотря на продолжительныя заблужденія, которымъ подвергались алхимики, они все таки имѣютъ неотъемлемое право на признательность потомства, потому, что много способствовали къ развитію настоящихъ физическихъ наукъ. Алхимики первые ввели экспериментальную методу, то есть наблюденія практическія, независимо отъ ученыхъ изысканій, и многочисленными фактами и открытіями служили нѣкоторымъ основаніемъ современной химіи. Еще съ восьмаго столѣтія, Аравитянинъ Геберъ началъ вводить ту экспериментальную методу, которую уже восемь вѣковъ послѣ него расширили Галилей и Францискъ Баконъ. Сочиненія Гебера наполнены описаніемъ процедуръ и операций совершенно сходныхъ съ тѣми, которыя употребляются и нынѣ при химическихъ изслѣдованіяхъ, и Рожеръ Баконъ, прилагая ихъ въ тринадцатомъ вѣкѣ, при изученіи физики, достигъ до открытій удивительныхъ для того времени, въ которое онъ жилъ. Не надо также забывать, что истинное основаніе современныхъ химическихъ знаний принадлежитъ малому числу людей, которые посвятили себя въ тринадцатомъ вѣкѣ изученію естественныхъ наукъ. Одного бѣглаго обзора занятій самыхъ знаменитыхъ дѣятелей герметической науки достаточно, чтобы доказать, что большая часть открытій, которыми пользуется современная алхимія, принадлежитъ имъ, и если они, не смотря на всѣ усилія, и не могли отыскать философскаго камня, они открыли по крайней мѣрѣ обширный путь химіи.

Идея и понятія о составѣ металловъ, составленныя еще Геберомъ и мнѣніе, составленное всѣми вообще о способѣ ихъ происхожденія, служили теоретическимъ основаніемъ всей алхимической наукъ. Если металлы, говорили алхимики, имѣютъ одинаковое образованіе, то посредствомъ приличныхъ дѣйствій, ихъ можно превращать изъ однихъ въ другіе. Многіе древніе писатели сравниваютъ этотъ феноменъ съ органическимъ броженіемъ, къ которому если присоединить философскій камень, лучшее перебраживающее средство, то и произойдетъ то же самое превращеніе, которое происходитъ и въ органическомъ броженіи. На этомъ—то *переброженіи металловъ* и основано у нѣкоторыхъ алхимическихъ авторовъ приготовленіе философскаго камня.

Факты, извлеченные изъ опытовъ, прилагаемые алхимиками въ подтвержденіе ихъ мнѣній, безчисленны, но истолкованіе ихъ было всегда ложно и при всемъ этомъ еще очень разнообразно въ различные эпохи. Въ первыя времена существованія алхиміи, видоизмѣненія цвѣта металловъ, подъ вліяніемъ многихъ химическихъ дѣйствій, были почитаемы за признаки ихъ превращенія изъ одного въ другіе. Мѣдь, подверженная мышьяковымъ парамъ, принимаетъ бѣлый цвѣтъ, а подверженная цинковой окиси, измѣняется въ металлъ прекраснаго, желтаго золотистаго цвѣта; эти-то видоизмѣненія и были очень долго разсматриваемы какъ посредственныя превращенія металловъ. Алхимики говорятъ:

«Если ты подвергнешь мѣдь вліянію нѣкоторыхъ металлическихъ паровъ, то увидишь что металлъ этотъ тотчасъ побѣлѣетъ; прибавивъ тогда къ нему на половину чистаго серебра, ты превратишь его въ настоящее серебро.»

При такой операціи мѣдь, въ самомъ дѣлѣ, принимаетъ самый яркій бѣлый цвѣтъ, но это превращеніе происходитъ единственно лишь отъ смѣшенія составовъ серебра и мѣди, и нисколько не можетъ почитаться за настоящее и полное превращеніе мѣди въ благородный металлъ, что въ послѣдствіи было признано и самими алхимиками. Но въ это же самое время, на бѣду для ихъ убѣжденія, были открыты новыя феномены, которые, будучи въ свою очередь также дурно истолкованы, послужили искателямъ золота новымъ поводомъ къ надеждамъ. Между подобными фактами особенно поражало алхимиковъ окрашиваніе металловъ: когда опускали мѣдную полосу въ растворъ серебряной соли, она тотчасъ же покрывалась серебрянымъ слоемъ, точно также какъ желѣзо превращалось въ мѣдь, отъ дѣйствія мѣднаго раствора. Такое заблужденіе происходило отъ того, что алхимики, до начала семнадцатаго столѣтія, не знали, что соли очень часто заключаютъ въ себѣ металлическія частицы. Никто также изъ нихъ до того же времени не подозревалъ, что купоросъ есть смѣсь мѣди, и что растворъ этой соли, ни болѣе ни менѣе какъ растворенная мѣдь. Вотъ почему Парацельсъ и Либавій накипь мѣднаго осадка на желѣзѣ почитали несомнѣннымъ превращеніемъ этого металла въ высшій, благороднѣйшій. Этому заблужденію очень много способствовало несовершенство естественныхъ наукъ и незнаніе причинъ, по которымъ иногда между неблагородными металлами находили частички золота. Въ одномъ изъ сочиненій Гебера видимъ этому примѣръ:

«Я видѣлъ, говоритъ онъ, мѣдныя руды, которыхъ маленькія частички были увлечены потокомъ, пробѣгавшимъ по срединѣ. Когда русло этого потока иссохло, мѣдныя частички, оставшіяся три го-

да въ песокѣ, были мною разсмотрѣны, и я нашелъ, что будучи спалены солнцемъ, онѣ обратились въ чистое золото. Подражая природѣ, мы достигнемъ того же самаго результата.»

Объяснить это явленіе очень не трудно: во времена Гебера никто еще не подозрѣвалъ существованія золота въ пескахъ, и потому удивленіе его было очень естественно. Въ 1669 году алхимикъ Беккеръ предложилъ соединеннымъ голландскимъ штатамъ превратить въ золото все прибрежные пески (*Physica subteranea Becheri*). Это предложеніе было разсматриваемо по приказанію голландскаго правительства самими опытными химиками, и было только отвергнуто по причинѣ дурнаго состоянія государственныхъ финансовъ, не позволявшихъ опредѣлить на эту операцію достаточныхъ суммъ. Дѣлая такое выгодное предложеніе, Беккеръ имѣлъ вѣроятію въ виду извлечь изъ песковъ малое количество золота заключавашагося въ нихъ; онъ также полагалъ, что смѣшивая глину съ масломъ, извѣстнымъ ему способомъ, онъ могъ превратить ее въ желѣзо; эту операцію называетъ онъ «*Minera aeneae regredua*». Наконецъ, въ неисчислимыхъ случаяхъ, многіе полагали, что нашли средство составлять искусственно Меркурій. Юнкеръ въ своемъ *Conspectus chemiae*, съ большею ясностью объяснилъ такое заблужденіе.

Подобныя заблужденія, происходившія отъ несовершенства аналитической химіи, продолжались во все теченіе послѣдняго столѣтія и много способствовали тому, что алхимія еще не исчезла изъ области чело-вѣческихъ знаній. Въ 1709 году Гомбергъ увѣрялъ, что чистое серебро, смѣшанное съ сѣрнистымъ антимоніемъ, превращается въ золото.

Въ концѣ шестнадцатаго столѣтія и въ началѣ послѣдующаго за нимъ, въ разныхъ концахъ Европы появились въ одно и тоже время нѣкоторые люди, которые хвалились, что открыли тайну столько иско-мую герметиками, и доказывая слова свои фактами, повидимому неопровергаемыми, о дѣйствительности существованія философскаго камня, опять на долгое время поддержали надежды алхимиковъ. Самымъ главнымъ основаніемъ для этихъ надеждъ были еще, кромѣ этого, историческіе факты, и между защитниками которыхъ имѣеть алхимія даже и въ настоящее время, этотъ родъ доказательства не представляетъ никакого опроверженія. Шмидеръ, профессоръ въ Галлѣ (*Geschichte der alchemie. Hall. 1832*) собравшій со всевозможно тщательностью все факты, относящіяся до превращенія металловъ, опредѣлительно говоритъ, что въ семнадцатомъ и въ восемнадцатомъ столѣтіи, тайна дѣлать золото была найдена, добавляя, что самыя удивительныя превращенія металловъ были произведены не алхимиками, посвятившими себя исключительно герметической наукѣ, но посторонними, частными людьми, получившими ма-

ленькія частички философскаго камня изъ неизвѣстныхъ рукъ. Сближая время, Шмидеръ силится доказать, что трое лишь алхимиковъ, послѣдовательно передававшіе свою тайну одинъ другому, были единственными производителями превращенія неблагороднымъ металловъ въ благородные, удивлявшаго въ семнадцатомъ и въ восемнадцатомъ вѣкѣ всю Германію.

Вмѣсто возраженій профессору, мы напомнимъ только читателямъ, что вся тайна алхимическихъ послѣдователей заключалась въ обманѣ и подлогѣ, и несмотря на то, что алхимія въ продолженіе столькихъ вѣковъ утверждала свою ученую догму повсемѣстно принятую, во все времена она имѣла серьезныхъ противниковъ, которыхъ голосъ, долгое время напрасный, былъ наконецъ услышанъ.

Еще въ четырнадцатомъ столѣтіи, въ эпоху когда алхимія находилась въ полномъ блескѣ, многіе ученые возставали противъ ея ученія. Изъ числа ихъ былъ одинъ феррарскій физикъ Петръ Добрый, изъ Ломбардіи, сочинившій въ 1330 году въ городѣ Пола, въ провинціи Истрии одно химическое сочиненіе подъ названіемъ: «*Margarita pretiosa*» (*Драгоценный перлъ, служащій къ введенію въ химию*) въ которомъ онъ употребляетъ противъ алхиміи оружіе своего времени,—то есть доказательства схоластической философіи. Вотъ, на примѣръ, одинъ изъ тѣхъ силлогизмовъ, которые феррарскій физикъ противопоставляетъ дѣйствительности герметической науки: *Никакое вещество не можетъ быть превращено въ другой видъ, развѣ только оно будетъ разложено сперва на свои основныя начала; а такъ какъ алхимія не поступаетъ такъ, то слѣдовательно она есть наука только воображаемая.* Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *Золото и серебро искусственное не тоже самое, что золото и серебро натуральное,* и проч.

Но между тѣмъ все достоинства этого сочиненія уничтожаются хвастливостью Петра Добраго, который, чтобъ показать все свое діалектическое искусство въ употребленіи силлогизмовъ, въ слѣдующей же главѣ, обратными доказательствами, выводитъ, что алхимія наука положительная.

Поэзія также пыталась въ это время возставать противъ алхиміи, и послѣднія изданія *Романа Розы*, приписываемаго Іоанну Менгу, прозванному Клоппинелемъ, (жившему, какъ извѣстно, при дворѣ Филиппа Красиваго въ качествѣ королевскаго поэта) есть два алхимическіе отрывка. Въ романѣ этомъ, начатомъ еще Гильомомъ Лорри, Клоппинель осмѣиваетъ заблужденія алхимиковъ его времени. Онъ выводитъ на сцену *природу*, которая жалуется на невниманіе, оказываемое ей алхимиками и пред-

лагають имъ болѣе заняться ею, какъ единственнымъ средствомъ, чтобъ достигъ до благопріятныхъ результатовъ. Въ одной главѣ, носящей заглавіе: *Представленія природы странствующему алхимику*, природа высказываетъ послѣдователю герметическихъ наукъ самую колія истинны, называетъ его фанатическимъ дуракомъ, и тотъ сознаетъ свои ошибки и униженно проситъ прощенія и за себя и за своихъ собратій. Не нужно добавлять, что въ томъ вѣкѣ, въ которомъ появлялись подобныя возраженія, онѣ мало имѣли успѣха, и только въ шестнадцатомъ вѣкѣ противники алхиміи достигли того, что ихъ начали немного слушать. Для этого они употребляли двойное оружіе. Во-первыхъ, представляли ч еныя доказательства невозможности превращать металлы, а во-вторыхъ, разобличали обманы и подлоги алхимиковъ употребляемые ими, чтобъ заставить вѣрять въ существованіе философскаго камня.

Оома Эрастъ въ своемъ разсужденіи «*Explicatis*», появившемся въ 1572 году, былъ одинъ изъ первыхъ, доказавшихъ всю ничтожность алхимическихъ убѣжденій и сильно нападавшихъ на ученіе Парацельса.

Германъ Конрингій въ своемъ сочиненіи «*Hermetica*» слѣдовалъ Эрасту, и имѣлъ болѣе успѣха чѣмъ этотъ его предшественникъ. Вернеръ Рольфинкъ, и въ особенности іезуитъ Киршеръ, также являются, во многихъ сочиненіяхъ, отъявленными врагами алхиміи, а между тѣмъ, всѣ эти голоса разсудка и здраваго смысла мало находили отголоска въ умахъ современниковъ, затемненныхъ страстью къ обогащенію.

Въ началѣ восемнадцатаго столѣтія противники алхиміи повели еще сильнѣе и серьезнѣе свои нападенія, и издали много сочиненій подъ самыми странными и фантастическими названіями. Такъ, напримѣръ, въ 1710 году появились два сочиненія Эттнера, одно: *Разоблаченный химикъ, Экхарда върнаго, въ которомъ повѣствуется о злочестіи и обманахъ адептовъ*, а другое: *Мудрое лекарство Экхарда върнаго, или разоблаченный шарлатанъ*. Другой врагъ алхимиковъ Шмидтъ, напечаталъ въ 1706 году также одно подобное сочиненіе, которымъ надѣялся нанести алхимикамъ рѣшительный конечный ударъ. Защитники алхиміи не оставались въ долгу и писали возраженія подъ заглавіями еще мудренѣйшими. Такъ въ 1703 году вышло: *Освобожденіе философовъ изъ чистилища химіи, то есть критика отъ имени философовъ*, а въ 1705—*Разрушеніе и побѣда алхимическаго чистилища, обнародованныя при звукѣ трубы и громѣ всѣхъ ботарей, возведенныхъ на островъ ругательства*.

Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ поколебать общее довѣріе къ алхиміи было изобличеніе подлоговъ и плутней ея послѣдователей,

этимъ оружіемъ сильнѣе прочихъ доказательствъ дѣйствовали ея противники. Въ своемъ *Explicatio* Тома Эрастъ первый изобличилъ подлогъ, который употребляли алхимическіе шарлатаны, примѣшавшіе въ свои составы чистое золото, чтобъ удивить зрителей. Ему подражалъ Отто Таккеній (*Taskenus*) въ своемъ *Pirrogates chemicus*, изданномъ въ 1666 году, Николай Лемери, котораго знаменитый курсъ химіи, напечатанный въ первый разъ въ 1675, году былъ такъ долго единственнымъ указателемъ для всѣхъ практическихъ химиковъ; но самое сильное впечатлѣніе, и самое дѣйствительное произвела записка Жофруа—старшаго, поданная имъ въ 1722 году Парижской академіи наукъ подъ заглавіемъ: *О подлогахъ, относящихся до философскаго камня*. Въ этой запискѣ Жофруа перечисляетъ безчисленное множество плутовскихъ средствъ, употребляемыхъ алхимиками при произведеніи воображаемаго превращенія металловъ.

Одно происшествіе, случившееся въ Англіи и надѣлавшее много шуму, способствовало еще сильнѣе къ убѣжденію публики въ томъ, что обвиненія противниковъ алхиміи были истинны.

Въ 1782 году химикъ Джемъ Присъ, десять разъ уже показывавшій съ полнымъ успѣхомъ превращеніе металловъ въ золото, подвергнутый членами королевскаго лондонскаго общества болѣе строгому наблюденію, и не имѣвшій уже возможности обманывать присутствующихъ, отравилъ себя предъ глазами всего собранія, явившагося подивиться чудесамъ его. Происшествіе это уничтожило послѣднее довѣріе къ дѣйствительности существованія философскаго камня. Рѣшительный и послѣдній ударъ алхиміи нанеся геній Лавуазье, хотя въ 1784 году Гюйтонъ де Морво, оставшійся еще вѣрнымъ химической теоріи Сталля и провозглашалъ о возможности превращать серебро въ золото. Основываясь на той же самой теоріи, Бергманъ въ своей Исторіи химіи также опасался совершенно отвергнуть дѣйствительность герметической науки, и въ подкрѣпленіе себя напоминалъ о превращеніи сдѣланномъ въ 1668 году Гельвеціемъ и явленія подобнаго же рода, приписываемыя Ванъ Гельмону и Беригару Пизанскому. Намекая наконецъ о Императорѣ Леопольдѣ I, дѣлавшемъ, какъ извѣстно, золото, хотя это знаніе и избавило народъ отъ новыхъ налоговъ, объ опытахъ, произведенныхъ въ 1648 году Германскимъ Императоромъ Фердинандомъ III и въ 1658 году Электоромъ Майнскимъ, Бергманъ прибавляетъ:

«Мы не можемъ подвергнуть эти факты сомнѣнію, не лишивъ исторію совершенно всякаго довѣрія.»

Но явился Лавуазье, пролилъ на химію новый свѣтъ, и алхимія навсегда исчезла изъ области наукъ.

Не нужно впрочемъ полагать, чтобъ алхимическіе опыты совершенно уничтожились съ окончаніемъ послѣдняго столѣтія; напротивъ, вопреки новой химіи, совершенно опровергнувшей прежнія рутинны герметической науки, небольшое число упрямцевъ продолжало предаваться занятіямъ и изысканіямъ тайны философскаго камня и превращенія неблагородныхъ металловъ въ серебро и золото. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія открылось даже въ Вестфаліи алхимическое общество, которое

продолжалось до конца 1819 года, и такъ какъ его засѣданія были иногда очень любопытны, то мы и распространимся нѣсколько объ этомъ замѣчательномъ обществѣ.

Въ 1796 году одинъ журналъ, очень извѣстный тогда въ Германіи, *Weichsanzeigers*, объявилъ объ основаніи огромнаго герметическаго общества и приглашалъ всѣхъ любителей алхиміи войти съ этимъ обществомъ въ сношенія и сообщать ему результаты своихъ наблюденій и алхимическихъ занятій. Это журнальное возваніе тотчасъ же нашло отголосокъ, и пятнадцать дней спустя, со всѣхъ сторонъ Германіи начали присылаться письма отъ людей всевозможныхъ сословій—медиковъ и башмачниковъ, юрисконсультовъ и портныхъ, совѣтниковъ и слесарей, военныхъ и школьныхъ деревенскихъ учителей, князей и цирюльниковъ. Каждый спѣшилъ сообщить, что не открылъ ничего, и всѣ неотступно просили показать имъ вѣрный способъ къ отысканію философскаго камня, съ клятвеннымъ обѣщаніемъ не распространять этой полезной тайны. Герметическое общество это вошло скоро въ большую славу, поддерживало дѣятельно самую разнообразную переписку, раздавало дипломы, но только никого не выбирало въ дѣйствительные члены, а только въ члены—корреспонденты. Причиною этому было то, что это герметическое общество въ дѣйствительности состояло только изъ двухъ членовъ, докторовъ Кортѣма и Беренса, которые полагали, что открытіе философскаго камня неначе можетъ быть производимо, какъ общими силами, трудами многихъ людей. Чтобы соединить всѣ отдѣльные труды своихъ собратій въ одни руки, Кортѣмъ и Беренсъ придумали увѣрить Германію о существованіи герметическаго общества, и имѣли искусство долго поддерживать это заблужденіе, такъ, что между многочисленными ихъ членами, никто никогда не подозрѣвалъ настоящей истины.

Это вестфальское общество породило во многихъ германскихъ городахъ подобныя же академіи, изъ которыхъ самыми замѣчательными были Кенигсбергская и Карльсруйская. Въ послѣдней читались публичныя лекціи алхиміи, продолжавшіяся до 1811 года, подъ управленіемъ одного барона, по фамиліи Штернгайна, самаго жаркаго приверженца герметическихъ наукъ. Чтобы поддержать общее убѣжденіе о существованіи вестфальскаго общества, Кортѣмъ и Беренсъ предприняли изданіе алхимическаго журнала, первая книга котораго вышла въ свѣтъ въ 1802 году. Между прочими статьями она содержала слѣдующія разсужденія: «О философскомъ разрѣшеніи задачъ; Описаніе всеобщей процедуры согласно съ Тристенюмъ; Система герметическаго искусства и т. п. Этими вымышляемыми трудами, вестфальское общество продолжало процвѣтать и пополняться новыми членами, тоже впрочемъ лишь корреспондентами до 1819 года, въ которомъ алхимики, обманутые во всѣхъ своихъ надеждахъ, прекратили съ нею наконецъ всѣ сношенія, и съ этихъ поръ объ алхимическихъ занятіяхъ извѣстій нѣтъ.

НАСЛѢДСТВО МОЕЙ ТЕТУШКИ.

(Разсказъ, заимствованный изъ письма пріятеля).

В. И. САВИНОВА.

—
Посвящается М. П. Свистунову.
—

I.

Какъ путешествовали и какъ путешествуютъ.—Сосѣдъ.—Подѣлимтесь шкурой.—Загадочный узелокъ.—Исторія о гусяхъ вообще и неконченная исторія о мерзломъ гусѣ въ особенностъ.

Лѣтъ шесть тому назадъ, помню я, тетушка отправлялась изъ Петербурга въ свое сельцо «Новокакарщина»... Глядя тогда на эти сборы, я рѣшительно немогъ вѣрить, чтобъ старушка отъѣзжала только за семьсотъ верстъ; мнѣ вотъ такъ и думалось: «прощайте, тетушка, ваши саврасенькія везутъ васъ въ Камчатку!» Банокъ, стклянокъ, свертковъ, мѣшковъ, саякъ и преженцовъ съ нею былъ такой громадный грузъ, какимъ незапасается и корабль, отправляясь въ кругосвѣтное плаваніе. Фуфаекъ, какъ сама покойница рассказывала, на ней было три, кацавѣекъ двѣ, ватный капоть и салопъ, а ужъ перинъ, подушекъ и ковровъ... право, не видала такого обилія сваха, устроившая купеческую свадьбу!.. Что-жь, вѣдь, тетушка-то, если быть справедливымъ, распорядилась очень резонно. Говорю это не потому, что она мнѣ тетушка, и что не забыла меня въ своемъ духовномъ завѣщаніи, а признаю ея распоряженія разумными вслѣдствіе весьма дѣльнаго разсужденія: Поѣхала, примѣрно сказать, тетушка изъ Петербурга, ну, вотъ и ѣдетъ она; саврасенькія помахиваютъ хвостомъ и киваютъ исхудалою мордой; тетушка дремлетъ подъ скрипъ возка и хриплое дребезжаніе колокольчика, дремлетъ и ея неизмѣнный спутникъ Мишка, дремлетъ, ра-

зумѣтся, и кучеръ; вдругъ саврасенькія остановились: онѣ пробѣжали двадцать пять верстѣ и завидѣли постоялый дворъ, отъ котораго такъ обаятельно повѣяло на нихъ запахомъ сѣна. Мишка проснулся, вынулъ барыню, вынулъ узлы, снесъ все это въ чистую комнату, пестрющую желтой, синей и пурпуровой красками, которыми размалеваны стѣны, и заказалъ самоваръ. За сямъ слѣдуетъ вопросъ, который повторится еще сотню разъ: «а чай и сахаръ у васъ свой?» А затѣмъ слѣдуетъ отвѣтъ «свой», отвѣтъ непремѣнно повторенный двѣсти разъ, потому что Мишка имѣетъ обыкновеніе некупиться на слово и одно и то же сказать два раза. Такимъ образомъ, пока тетушка, бывало, доберется до своей усальбы, вдоволь насмотрится она безъ счета разъ виданныхъ березъ, раскрашенныхъ охрою, хозяекъ, которымъ некогда услуживать тѣмъ, у кого *свой* чай и сахаръ, и немало погрустить за дороговизну овса и сѣна. О ночлегахъ, чрезвычайно похожихъ на «спокойную ночь въ Щербаковомъ переулкѣ», я уже умалчиваю, да и можно ли пересчитать всѣ неудобства ночлега на постояломъ дворѣ? Кажется иногда, вотъ ужъ все успокоилось: и хозяйская буренушка перестала мычать, и Мишка не спорить съ хозяиномъ, доказывая ему, что щи не въ мѣру жидки и каша не масляна, и лошадки не побрякиваютъ бубенчикомъ, ну, словомъ, все спитъ въ домѣ отъ цѣтуха до голубки съ голубемъ, которые свили гнѣздо подь крышей сѣновала. Тетушкѣ, по видимому, теперь можно успокоить старыя кости, ощутительно встревоженныя колыханіемъ брички. Вотъ она и дремлетъ въ невозмутимомъ спокойствіи; передъ нею проходятъ мѣрно и чинно ея коровушки, за ними, рѣзво выдѣлывая всевозможные курбеты, прыгаютъ телята, а тамъ въ перспективѣ и коровница, и староста, и гурьба дѣвокъ съ тальками... И все это закружилось передъ старушкою медленно, медленно, все это: телята и староста, тальки и коровницы будто попали подь жерновъ,—дробится, пересыщается, кое-гдѣ вынырнетъ расходная книга, за нею правая рука старосты, тамъ недовязанный чулокъ... Конечно! тетушка засыпаетъ... Вдругъ подь поломъ раздался шорохъ, потомъ глухой пискъ и наконецъ что-то зацарапало по клеенкѣ стула, шмыгнуло на столъ, и тетушкинъ мѣшокъ, обильный булками и крендельками, сталъ подаваться все ближе, и ближе къ заправкѣ стола... Въ ту же минуту передъ глазами старушки исчезаютъ расходная книга и недовязанный чулокъ, ихъ, на яву, замѣняютъ два породистые звѣрка съ длинными хвостами. «Мишка, Мишка!» кричитъ старушка, барабана въ стѣну дорожнымъ сапогомъ... Но ночные мародеры столько же трусливые предъ Мишкой, какъ и предъ стукомъ сапога, мелькнули какъ тѣнь, шмякнулись—и слѣдъ простылъ!.. Кажется, вотъ тѣмъ бы

исторія и кончилась, нѣтъ... Чу! далеко, далеко побрякиваетъ что-то, ближе, ближе,—и вотъ скрипучее дребезжаніе превращается въ ясный звонъ колокольчика... Скоро завизжали ворота на ржавыхъ петляхъ, колокольчикъ брякнулъ еще нѣсколько разъ; на дворѣ послышался говоръ, и не прошло минуты, какъ въ глазахъ тетушки щели ветхой двери сверкнули яркими полосками огня.

— Позвольте матушка, позвольте, сударыня, слышится за дверь голосъ хозяина, перво-на-перво надо поспросать, не осерчали бы...

— И, батюшка, чего сердчатъ-то: люди дорожные, всяко случается, не на улицѣ, не въ лѣсу же почевать...

— Да, оно пожалуй, что оно и правда, а все таки опросить надоть... барыня знакомая, помѣщица...

— И сама я, кормилецъ, не голышь какой, также какая ни наестъ, а все таки дворянка и помѣщица... Отворяй, родимый, отворяй!

Кто же, какой риторъ выразить отчаяніе бѣдной старушки, когда въ самую полночь, въ минуту самаго искренняго желанія опять увидѣться съ недовязаннымъ чулкомъ, передъ глазами тетушки является полное, румяное лицо прѣзжей, спрятанное въ громадный капоръ, а изъ-за капора встревоженный и исключенный портретъ хозяина.

— Не безпокойтесь, мать мая, не безпокойтесь!.. Ужъ извините: дѣло дорожное, радъ гдѣ ни на есть пріютиться... Не обезпокоймъ васъ, родная!.. начинаетъ гостя, и затѣмъ продолжаетъ скликать Кузьку, Грушку, Тришку.

Потомъ комната наполняется узлами, подушками, узелками, и наконецъ съ грохотомъ вваливается перина, за которою непосредственно слѣдуетъ и самоваръ.

— Что жъ, и въ самомъ дѣлѣ, думаетъ старушка, напасть дорожная; вѣдь и мнѣ иной разъ также можетъ случиться поискать да попросить ночлега... Богъ съ нею, вѣдь не мѣшаетъ... Я вотъ повернусь на другой бокъ, чтобъ въ глаза не свѣтило, да подъ шумокъ-то самовара и сосну...

Ну, и перевернулась тетушка... а тутъ вдругъ шелкъ, шелкъ... стукъ, стукъ... Что это? Попутчица сахаръ колетъ...

— Не безпокою ли я васъ, родная? спрашиваетъ сердобольная гостя.

— Нѣтъ-съ, ничего-съ... дѣло дорожное, вѣстимо матушка! сквозь слезы отвѣчаетъ тетушка.

— А вы откуда изволите?

— Изъ Петербурга...

— И я тоже.

— Вѣрно, по дѣламъ, матушка, были?

— Ужъ не говорите... Все-то по дѣламъ, все-то по дѣламъ, вотъ въ пять лѣтъ седьмой разъ вояжирую... А вы, родная?

— По дѣламъ, матушка... Въ Сенатѣ казусъ имѣю; съ пасынкомъ не могу дѣлъ покончить. Богъ ему судья! заѣлъ онъ у меня съ три короба здоровья и денегъ! Одно дѣло повернешь, другое у него на мази... Отдай, говорить, за то, что я съ тобой судился; вѣдь я, говорить, въ это время пилъ да ѣлъ, ѣздилъ, да лошадей кормилъ... ну, и отдашь... Нѣтъ, говорить, вздоръ, старуха! ты вотъ владѣла монни пятью десятинами два года, а они, ужъ только сберегая твою старость, говорю, что могли принести доходу, по малой мѣрѣ, пять тысячъ рублей, подай и ихъ... А я, матушка, человекъ не грамотный, куда мнѣ съ нимъ тягаться!.. Мишка у меня тоже не всегда писаное разбираетъ: какъ очки забылъ,—ну, ужъ и невзыщите!..

Такимъ образомъ затронутая за самую чувствительную струну, тетушка, бывало, невольно трактуетъ съ незваною собесѣдницею до самаго разсвѣта... А тутъ, смотришь, саврасенькія выкормились, Мишка тоже сытъ... и поѣхала тетушка дальше за новыми треволненіями.

Вотъ какъ ѣзжали, бывало, въ подмосковную, не дай, не вынеси—плохо!

Теперь же, думалъ я, уничтожая сочный бивестекъ на одной изъ станцій С.-Петербурго Московской желѣзной дороги, желѣзный ковъ домчить тебя до мѣста, не прося ни овса, ни сѣна; объ ухабахъ, встрѣчныхъ возахъ съ кладью, о тараканахъ и расписныхъ постоянныхъ дворахъ путешественникъ не имѣетъ никакого понятія. Удобно, уютно, запасъ нетяготить. Мишка и чемоданъ уѣхали наканунѣ съ тяжелымъ поѣздомъ; до погоды и непогоды нѣтъ надобности; пусть вьюга хлещетъ цѣлымъ облакомъ въ окно вагона, окно оттерпится... а кругомъ вась такъ все мирно, весело: тамъ высчитываютъ сколько осталось промчаться станцій, въ другомъ углу видите скромно притаившуюся лисью шубу, которая жуетъ что нибудь съѣдомое; тамъ вашъ сосѣдъ, умильно поглядывая на скромную сосѣдку, приготовилъ папирсъ, чтобъ выкурить его съ жадностью, когда послѣ вздоховъ, воплей, шипѣнія и пыхтѣнія машины, голосъ кондуктора скажетъ: «господа! кому угодно пить чай? или: кто до Осташкова? до Волочка?..» При первомъ вопросѣ шуба, уже нѣсколько вздремнувшая, быстро направляется къ выходу, въ то время, какъ все поднялось, проснулось, заговорило, захолопадо сигарницами; десятки рукъ нырнули подъ скамѣйку за мѣшками, саками, бачочками и корзинками... Нѣсколько шаговъ впередъ, мимо сотни пылающихъ трубокъ и бумажекъ, такъ старательно уничтожаемыхъ даже и прекраснымъ поломъ, и таже общая суета и общее влеченіе къ напит-

камъ горячимъ и горячительнымъ... Любопытно подглядѣть въ эти минуты, какъ продремавшіе предшествующую станцію, съ апшетитомъ по-тагонца истребляютъ такъ заманчиво расположенныя циплячи ножки и рыбы хвостики, съ большимъ волненіемъ поглядывая въ тоже время на часовую стрѣлку... Для нихъ «полжизни за минуту!» не то звонокъ— и прости съѣстное эльдорадо!..

Въ самомъ дѣлѣ, звонокъ такъ зазвѣнѣлъ громко, что спугнувъ мои глубокомысленныя разсужденія, рѣшительно возвратилъ меня къ настоящему.. Въ говорливой и суетливой толпѣ спутниковъ, добравшись до своего мѣста, я уже мечталъ о предстоящемъ кейфѣ, съ которымъ надѣялся пользоваться вакантнымъ мѣстомъ сосѣда, но не такъ случилось... И какъ можно видѣть изъ послѣдующаго разсказа, случай явился весьма кетати, именно, не будь его, не было бы о чемъ и разсказывать.

— Потрудитесь подвинуться, сказалъ, обращаясь ко мнѣ кондукторъ, изъ-за плеча котораго выглядывало полное, румяное и улыбающееся лицо моего будущаго сосѣда. Незнакомецъ, получившій мѣсто, прежде всего окинулъ тѣмъ же веселымъ и радушнымъ взглядомъ всѣхъ пассажировъ, потомъ спустилъ подъ скамью небольшую корзиночку, что-то бережно поправилъ подъ свою шубою и съ словами: «фу! запыхался! Опоздай немного, недогоняйшъ этого иноходца! Неудобно ли, сударь мой, продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ... простите, не имѣю чести знать имя и отчества... неудобно ли, говорю, пользоваться со мною одною шкурою?

— Какъ это? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Попроламъ, по-братски... Шкура съ достоинствомъ...

— Но... извините меня, я васъ не понимаю... Чью же шкуру мы раздѣлимъ по-братски?

— Мою, сударь мой, мнѣ собственно принадлежащую...

— Вашу? Что вы говорите?... Но зачѣмъ же мнѣ двойная шкура?

— Ха! ха!.. Ахъ, вы гримасникъ, сударь мой!.. ахъ вы... какъ васъ... Да вы на счетъ какой шкуры?

— Да на счетъ вашей, которую вы мнѣ предлагаете...

— Шутъ вы, сударь мой, шутъ! съ громкимъ и добродушнымъ смѣхомъ повторилъ сосѣдь...

Я готовъ былъ разсердиться.

— Милостивый государь!..

— Сударь мой, извините! мы, такъ сказать, не столкнулись съ вами, выходитъ не соединились, или лучше не сошлись въ понятіяхъ... Вы, видите, продолжалъ онъ, что я не съумасшедшій, и выражаюсь, какъ всякій благоразумный человѣкъ...

— Да позвольте однако жъ, вы сами ввели меня въ заблужденіе,

предлагая мнѣ вашу шкуру. На что мнѣ она? что я изъ нея выкрою?.. Да потомъ еще и бранитесь!

— Изъ добродушія!.. повѣрьте мнѣ, изъ добродушія!.. Вы меня не знаете, какой я человѣкъ! Я вотъ со всякимъ, кто бы онъ ни былъ, готовъ раздѣлить душу, не только шкуру!.. Вотъ она-съ!

Съ этими словами мой замѣчательный сосѣдъ вынулъ изъ-подъ шубы что-то завязанное въ бѣломъ платкѣ, бережно опустилъ свою ношу на подушку скамьи, и затѣмъ съ маленькимъ присвистомъ развернулъ кусокъ оленьей шкуры...

— Штука, какъ видите! сказалъ онъ... Это олень, а вы, я думаю знаете, что въ подобной шкуркѣ не замерзаль ни одинъ тунгусъ, ни одинъ лапландецъ... Здѣсь тепло-то тепло, а ужъ эта самоѣдская лайка не пропуститъ холода и къ ногамъ... Позвольте-ка!

И не ожидая моего отвѣта, незнакомецъ подкинулъ мнѣ подъ ноги свою шкуру; дѣло объяснилось, и мы обмѣнялись поклономъ. Настало минутное молчаніе. Новый пассажиръ кашлялъ, гладилъ свой узелокъ и вертѣлся, какъ флюгеръ, не переставая улыбаться тою вопросительною улыбкою, которая вызывала общее вниманіе, и каждому изъ насъ казалось, что говорунъ намѣренъ сообщить цѣлому обществу путешественниковъ какую нибудь замѣчательную новость. Юноша съ лорнетомъ внимательно и неутомимо преслѣдовалъ моего сосѣда; послѣдній, надо было думать, оставался весьма доволенъ этимъ вниманіемъ; улыбувшійся лорнету, онъ крикнулъ и взялся за свой картузь:

— Какова штука-то, сударь мой! сказалъ онъ² обращаясь къ юношѣ. Вѣдь я вамъ скажу, штука отличная!

— Какая штука?

— А вотъ, которая насъ везетъ.

— Да-а-съ! сквозь зубы процѣдилъ лорнетъ.

— Удивленію подобно!.. Запрягли воду, подогрѣли, свиснули, позвонили, еще свиснули—и пошелъ!

— Вѣдь это, говорятъ, англичанинъ сработалъ такой самоваръ? спросилъ картузь.

— Англичанинъ, Стефенсонъ.

— Скажите! экой народецъ, на всѣ руки! Говорятъ, такой хитрый, что вотъ на сливочномъ маслѣ орѣхъ раздавить и пальца не запачкаетъ! На всѣ руки, просто на всѣ руки! Въ политикѣ, примѣрно, подведетъ такую механику, что ты его хоть въ смолу окуни, все выйдетъ такой же рыжий, какъ и былъ... А ужъ купецъ какой! просто бѣда! Все сбудетъ съ рукъ, все продастъ, чего и вѣтъ даже, хоть бы примѣрно совѣсть, вѣдь знаемъ, чтывали... иной разъ запуститъ лапу въ чужой

карманъ, ну, и побьютъ молодца... самъ говорить что больно, а ужъ кулака не разожметъ, гроша не выпустить... Вотъ онъ какой!..

— Вы далеко ли изволите ѣхать? вдругъ переиживъ разговоръ, мой сосѣдъ, безпристрастный къ Джонъ-Булю, обратился ко мнѣ съ вопросомъ.

— Въ С—ю губернію, отвѣчалъ я.

— Что-о-съ! съ какимъ-то восторженнымъ изумленіемъ вскричалъ онъ. А смѣю спросить, въ какія мѣста?

— Въ Б—й уѣздъ.

— Что-о-съ! Ахъ вы сударь мой! да знаете ли, что мы послѣ этого съ вами? А! знаете ли?

— Мы? съ вами?.. Да что же мы съ сами? съ маленькимъ недоумѣніемъ спросилъ я.

— Мы-то?.. мы попутчики, сударь мой, попутчики!.. Вотъ какъ *маканташа* мой! И наивный картузь такъ фамиллярно хвятилъ меня по плечу своею мясистою ладонью, что я невольно вскрикнулъ, но въ ту же минуту разразился громкимъ смѣхомъ, взглянувъ на его физиономію, искаженную какимъ-то непонятнымъ ужасомъ. Это веселое и беззаботное лицо теперь вытянулось, какъ мокрый чулокъ, глаза съ выраженіемъ полнаго отчаянія оставались неподвижно прикованными къ узелку, который скатившись съ колѣнъ моего сосѣда, брякнулся у его ногъ.

— Что съ вами? спросилъ лорнетъ, обращаясь къ картузу.

— Неприятность, сударь мой!.. большая неприятность... Ну, что, если я ему сломалъ шею!..

— Что вы, помилуйте!.. какъ можно?

— Да онъ просто съумасшедшій, если только рѣчь идетъ о моей шеѣ? подумалъ я.

— Какъ можно! вы говорите, какъ можно! вскричалъ картузь... А я вотъ головой отвѣчаю, что или сломалъ ему шею, или отколотилъ что нибудь... слышали, какъ онъ шмякнулся?.. а онъ вѣдь, сударь мой, мерзлый!

— Кто мерзлый? кто шмякнулся? кому вы сломали шею? послышалось нѣсколько голосовъ. И болѣе любознательные, и болѣе близкіе поспѣшили оставить свои мѣста, приближаясь къ намъ, чтобъ какъ можно яснѣе слышать объясненіе на счетъ отколотой кому-то шеи изъ устъ моего интереснаго сосѣда. Между тѣмъ, какъ нѣсколько головъ сунулось почти въ колѣна моего сосѣда, а другія перекинулись чрезъ его плечо, онъ медленно развязывалъ свой узелокъ и бросалъ на насъ взгляды, полные выраженія нерѣшимости и страха.

— Какъ онъ неразвязно развязываетъ! шепнулъ лорнетъ своей сосѣдкѣ...

— Прошу не каламбурить! вытаращивъ глаза сказалъ картузь... Неудобно ли... я вамъ представлю поразительную штуку, дивное и жирное произведеніе природы... извольте!

И картузь медленно около каждаго любопытнаго носа обвелъ довольно врачнаго на взглядъ гуся.

Раздался общій смѣхъ.

— Неужели такъ страшно сломать шею мерзлomu гуся? пронически спросилъ лорнетъ.

— А вотъ какъ оно, сударь мой, страшно, сказалъ мой сосѣдъ, и съ этими словами снялъ свой картузь, а рукою франта, т. е. его перчаткою отеръ на своемъ лбу крупныя капли пота... Чувствуете ли вы что нибудь? продолжалъ онъ снова, скрывая подъ картузомъ свою почтенную лысину.

Франтъ поморщился.

— Позвольте же и мнѣ въ свою очередь удивить васъ своимъ каламбуромъ, продолжалъ чудакъ: я вижу, что вы ко всему чувствительны... я вижу, ваша перчатка влажна... Такъ вотъ оно какъ: это потъ отчаянія! да, сударь мой!

Все болѣе и болѣе интересный обладатель гуся понюхалъ табаку, шелкнулъ пальцами и, крикнувъ съ видомъ челоуѣка, приступающаго къ весьма важному занятію, закинулъ ногу на ногу и началъ, началъ такъ спокойно, какъ будто былъ навѣрно убѣжденъ въ общемъ къ нему вниманіи, въ чемъ можетъ быть и не ошибался.

— Извольте, я вамъ поясню все, сударь мой, сказалъ онъ, все... О чемъ буду говорить — не тайна, а мнѣ же должно передъ вами оправдаться въ моей странности. Извольте, объяснюсь, почему этотъ жирный и благородный потомокъ священителей Рима и представитель славы Арзамаса... почему онъ такъ мнѣ дорогъ?... Онъ... или лучше... нѣтъ хуже!.. нѣтъ, или лучше сказать, съ нимъ моя честь, мое честное слово... Сломаю я ему шею, пропала бы и моя... я просто бросился бы изъ вагона, и крикнулъ бы: остановитесь! Дайте мнѣ умереть, не доѣзжая до Тверской станицы!.. я, надо вамъ замѣтить, продолжалъ онъ спокойнѣе, — ѣду не въ Москву, а только на Тверь, и оттуда... Ну-съ, такъ не угодно ли меня выслушать?... По моему мнѣнію, котораго я никому не навязываю, гусь есть тварь самая деликатная: съ кашей ли онъ — вкусенъ, безъ каши — тоже; набѣй ты его капустой — превосходенъ, и безъ капусты таковъ же, словомъ, что бы въ немъ ни было: изюмъ или потроха, или яблоки — все объядънѣе! Разумѣет-

ся, я говорю не о тѣхъ гусяхъ, такъ называемыхъ *лапчатыхъ*, (при этомъ мой сосѣдъ весьма неблагоклонно посмотрѣлъ на запачканную перчатку франта) и продолжалъ: но о тѣхъ, которые таятъ на языкѣ сахаромъ, да еще послѣ обѣда долго на губахъ оставляютъ жиръ самой лучшей помады! Я такъ влюбленъ въ гуся, что однажды изъ-за одной его лапки потерялъ истиннаго и задушевнаго своего друга... и вотъ какъ это случилось... Но, виновать! позвольте кончить мнѣ одну исторію и потомъ ужъ я начну другую...

Годъ тому назадъ, именно въ это же злое, холодное и снѣжное время, по дѣламъ я отправился въ Петербургъ, но сдѣлавъ верстѣ двадцать проселкомъ, за снѣгомъ и вьюгою потерялъ дорогу; мы стали въ глубокомъ снѣгу... Я крѣпко сердился на моего Кузьму, Кузьма на лошадей, а онѣ, какъ кажется, на обоихъ насъ... Однакожъ, къ полуночи, когда уже я окоченѣлъ, какъ этотъ гусь, котораго держу теперь на рукахъ, мы слышали лай собакъ... Ну, скажите, пожалуйста! вѣдь вотъ что значить испытаніе-то жизни: иногда и собакъ обрадуешься какъ жареному гусю!.. Въ эту минуту я ожилъ отъ удовольствія; во мнѣ оттаяли всѣ капли крови, начинавшей замерзать.

— Кузьма, вскричалъ я, слышишь?

— Слышу, отозвался мой кучеръ, барахтаясь въ снѣгу, какъ муха въ мороженомъ.

— Вѣдь это собака, Кузьма! повторилъ я.

— А ужъ вѣстимо собака, баринъ... Да вотъ теперича, продолжалъ онъ, какъ непогодъ унялась, я и мѣсто-то признаю... Вотъ это пошла на лѣсокъ дорога къ Крошеневки, а вонъ тая-то ужъ и большакъ, на Глухово... Эвоя, да и *пуля* видна чья-то!

Я приподнялся и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя могъ ясно разглядѣть выглядывавшія изъ-за снѣжныхъ сугробовъ двѣ темныя башенки, поставленныя на полуразвалившемся авинѣ. Здѣсь для меня не было никакого сомнѣнія въ томъ, что мы ушли отъ бѣды, и сдѣлавъ по ошибкѣ лишніе верстѣ десятокъ въ сторону, попали въ сельцо моей сосѣдки, доброй старушки, которая въ нашемъ околоткѣ сльветъ хорошею хозяйкою, большою охотницею до пересудовъ и всеобщю лекаркой. Запрячь лошадей гуськомъ, выбраться изъ снѣга и переполошить всю дворню моей доброй сосѣдки, было для насъ дѣломъ одной минуты. Черезъ четверть часа, нежелая беспокоить хозяйки, я хотя съ пустымъ желудкомъ, но въ теплой комнаткѣ уснулъ богатырски. Цыганскіе сны преслѣдовали меня до самаго разсвѣта; въ теченіе шести какихъ-нибудь часовъ мое воображеніе побывало на десяти вкусныхъ обѣдахъ, особенно помню два завтрака, на которыхъ видную роль играли индѣйка и

жареный гусь. Только что я взялся за лапку послѣдняго, какъ долженъ былъ разстаться съ нею, потому что проснулся. Звонъ ключей, удары и щелканье какихъ-то громадныхъ замковъ, все это лишило меня хотя мечтательнаго, но тѣмъ не менѣе вкуснаго блюда. Никогда, даже и въ дни моего школьнаго дѣтства, не просыпался я съ такимъ ожесточеннымъ аппетитомъ. Въ мучительномъ безпокойствѣ мѣрляя я громадными шагами крошечную комнатку, ожидая призыва къ чаю... Я крикалъ, кашлялъ, безъ милосердія ронялъ стулья, желая дать знать, что гость-де проснулся и одѣтъ, и ужъ погуливаетъ... Крѣпко сожалѣлъ я въ эту минуту, что не умѣлъ свистать, иначе я бы залился канарейкой, если только голодная канарейка можетъ пѣть... Измученный ожиданіемъ, а болѣе бурчаніемъ въ желудкѣ, я рѣшился было съ крикомъ: мышь! мышь! ай, крысы! броситься вонъ изъ комнаты и такимъ образомъ предстать предъ очи сердобольной старушки, которая очевидно изъ великодушнаго желанія не нарушать моего спокойствія, не хотѣла и будить меня, но въ эту минуту встрѣтился лицомъ къ лицу съ краснощекимымъ парнемъ.

— Что тебѣ? почти задыхаясь спросилъ я.

— Пожалуйте кушать чай, отвѣчалъ онъ.

— Душка! Милаша! повторилъ я, схвативъ его за руку и отводя къ окну. Неистовое желаніе перекусить *чего нибудь*, заставляло меня забывать о томъ, что я дѣлаю.

— Послушай, сказалъ я... какъ тебя зовутъ?

— Петькой-съ.

— Петя... на, тебѣ, другъ мой, гривенникъ... я вижу, ты мальчикъ милый, очень милый!.. Послушай, Петя... а ваша барыня какъ пьетъ чай? спросилъ я такимъ ласковымъ тономъ, что думаю, въ эту минуту Петька навѣрно слышалъ запахъ свѣжаго меду.

— Съ сахаромъ-съ, отвѣчалъ онъ.

— Ну, а еще съ чѣмъ?

— А иншій разъ со сливками... Да только вѣдь сегодня у насъ среда...

— Ну, а еще? я ужъ задыхался. Петя не понималъ меня.

— И съ булкой, случается...

— И съ булкой!.. На же, тебѣ, гривенникъ, милашка, сказалъ я... веди меня къ барынѣ.

Легко можетъ казаться большою странностью, что я, близкій собесѣдникъ моей старушки, не зналъ образа ея жизни; но его врядъ ли кто и зналъ въ нашемъ околоткѣ: въ послѣднія десять лѣтъ со смерти мужа, она, можно сказать, сама-то у себя была въ гостяхъ... Дѣла, споры, хло-

поты безпрестанно заставляли ее переѣзжать изъ усадьбы въ Петербургъ, изъ Петербурга въ уѣздъ, и обратно. Къ тому же я и не рисковалъ на короткіе визиты къ моей старушкѣ, напуганный разказами другихъ, болѣе храбрыхъ моихъ сосѣдей, разказами о томъ, что хозяйка прежде всего залпомъ нальетъ въ гостя чай, кофе, медъ и нѣскольکو сортовъ наливокъ, а потомъ зальется слезами, жалуясь на свою вдовью беззащитность.

— Здравствуйте, батюшка, Ананій Ананичъ! вскричала сосѣдка, когда я показался на порогѣ ея столовой.

Я не отвѣчалъ ни слова. Молнія полосула меня по глазамъ, когда я взглянулъ на чайный столъ: на немъ не было... булокъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, матушка, заикаясь проговорилъ я, проклиная свою щедрость, которая за минуту, для Петьки, олицетворилась въ видѣ гривенника.

— Просимъ покорно садиться... чайку откушать... Какъ это васъ Богъ милуетъ?... какъ это вы вспомнили о старушкѣ?... Вѣрно собрались куда нибудь?

— Въ Петербургъ, отвѣчалъ я, нѣсколько прійдя въ себя и занимаемая стулъ, приготовленный для меня.... то есть въ мою усадьбу, которая лежитъ подъ Петербургомъ...

— По дѣламъ, вѣрно, батюшка?... Стаканчикъ-то примите...

— Не то, что по дѣламъ, а хочу, знаете, посмотрѣть, что дѣлается въ усадьбѣ. Главное же... у меня, надо вамъ сказать, вѣдь тамъ заводъ гусиный... такъ я на счетъ гусей...

— И... родной мой, Ананій Ананичъ, ужъ будто бы у насъ все клиномъ стало!.. ужъ будто бы и гусей-то выкормить у насъ нельзя?

— Нельзя-съ, отвѣчалъ я, тономъ, который непремѣнно вызывалъ на споръ мою гостепріимную хозяйку, что, впрочемъ для меня и было нужно. Какіе здѣсь гуси? позвольте васъ спросить, продолжалъ я... ростомъ рябчики, тѣломъ воробьи, вкусомъ сорока! Да я отвѣчаю всѣмъ моимъ заводомъ, если здѣсь у кого бы то ни было, найдется гусь, передъ которымъ бы я сталъ въ тупикъ отъ изумленія!

— Недалеко, батюшка, ходить, очень недалеко! встряхнувъ головой, отвѣчала старушка... Очень недалеко! повторила она.

И никогда еще кажется глаза ея невыражали столько энергіи, какъ въ эту минуту; потряхивая головой, она быстро оставила свое мѣсто, загремѣла громадными ключами, вышла, и чрезъ пять минутъ, Петька, слѣдуя за своей барыней, положилъ на столъ гуся... Ну, хоть сейчасъ высѣчь меня, продолжалъ разскащикъ, а такого молодца я не видывалъ!.. Подушка-подушкой, просто гиппопотамъ въ перьяхъ; я даже покачнулъ

ся на стулъ отъ изумленія, и только тогда пришелъ въ себя, когда старушка, обращаясь къ Петькѣ, сказала:

— Вели-ко, батюшка, зажарить этого гуся для Ананія Ананьича... Такіе-ли у васъ? спросила она, не скрывая своего торжествующаго вида.

— Такихъ много... но есть и лучше, отвѣчалъ я. И на возвратномъ пути я завезу къ вамъ чудовищнаго звѣря.

Въ эту минуту раздался свистокъ, потомъ звонъ колокольчика. Паровозъ остановился. Мы были на станціи. Ананій Ананьичъ, все также размахивая руками, какъ и прежде, оставилъ вагонъ и увлекъ за собою на платформу нѣкоторыхъ внимательныхъ слушателей. Я не рискнулъ слѣдовать ихъ примѣру. Въ окно вагона мнѣ было видно, какъ разсуждалъ Ананій Ананьичъ и какъ рисовался передъ нимъ лорнетъ, вертясь флюгеромъ во всѣ стороны. Но вотъ опять звонокъ, другой... третій—толпа отхлынула отъ разскащика, бросаясь по мѣстамъ, что кажется намѣренъ былъ сдѣлать и лорнетъ, но Ананій Ананьичъ, какъ видно, вошелъ въ свою пассію, размахивая своимъ узелкомъ, онъ крѣпко ухватилъ за пальто своего единственнаго слушателя... Вѣроятно оберъ-кондукторъ не разсудилъ дожидаться окончанія разсказа нашего соседа. Сигналъ былъ поданъ... клапанъ паровоза откликнулся, и вагоны помчались впередъ. Шкура Ананія Ананьича осталась съ нами, лорнетъ, гусь и его владѣлецъ на платформѣ...

II.

Заяцъ виноватъ!—Проводникъ.—Усадьба Ананія Ананьича.—Интересный разговоръ.—Школа начальнаго обученія.

Смеркалось когда невзрачная на взглядъ, но молодецкая на бѣгу тройка вынесла меня съ *большака* на проселокъ. Дорога шла лѣсомъ. Сухой снѣгъ бѣлыми мушками вился въ воздухѣ, увеличивая еще болѣе туманный сумракъ перспективы. Громадныя ели тпнулись стройнымъ рядомъ направо и налево; вѣтеръ, которому не было раздолья въ этихъ тѣсныхъ рядахъ деревъ, не успѣлъ стряхнуть съ ихъ вѣтвей даже и осенняго снѣга... Дивныя фигуры вырисовывались въ этихъ пушистыхъ снѣжныхъ глыбахъ, наклонившихъ своею тяжестью вѣтки и сучья елокъ. То мнѣ казалось, что я вижу бѣлаго медвѣдя, поднявшаго лапы, чтобъ обнять елку, то на вершинѣ какой-то округленный кусокъ оледенѣвшаго снѣга рисовалъ купидошку, то, наконецъ двѣ елки, сомкнувшись сучь-

ями, изображали ворота, за которыми вставали снѣжные хоромы. А колокольчикъ то журча, то съ пронзительнымъ свистомъ заливался такою трелью, которую не уловить на лету, какъ пѣсню соловья, съ каждымъ шагомъ впередъ навѣвалъ на меня дремоту... и наконецъ сдѣлалъ свое дѣло: я заснулъ. Когда я очнулся, кругомъ меня было темно, какъ въ карманѣ; колокольчикъ не лепеталъ и не насвистывалъ своей обычной пѣсни; лошадки только фыркали, подавая на шагъ, то взадъ то впередъ, кибитку; вѣтеръ вылъ, сыпая съ деревь снѣгъ и мѣшая его съ вьюгою; ямщикъ закручивалъ на облучкѣ возжи.

— Что, не заблудился ли? спросилъ я.

— А кто-жь тутъ вѣдаетъ, сударь! Никакъ заплутали?... Ижь ты вѣдь окаянный насулилъ напасть! перебѣжалъ какъ перебѣжалъ...

— Кто перебѣжалъ? спросилъ я.

— А ужъ вѣстимо, кому же больше... лупоглазый!.. Да, вѣдь какъ озарникъ фыркнулъ, такъ подъ копытами у Наскока и прошолъ, ижно лошадь спужалъ, бѣшенный...

— Да кто же это?

— Кто!.. а вѣстимо кто... косой, волкъ его ѣшь, заяцъ, вашеское благородіе...

— Ну, такъ чѣмъ же онъ виноватъ?..

— А вотъ кнотомъ бы его, лупоглазаго!.. Ужь вѣстимо, коли эта шельма черезъ дорогу подъ конемъ прыснетъ... посвисти въ два пальца... не одобровзть... бѣду насулить, вотъ она такъ на воротъ и повисла... Сдержи-ко ваше благородіе коней, а я дорогу пошукаю...

— Кажись, все держался такъ, продолжалъ ямщикъ, отправляясь отыскивать слѣдъ... Вотъ вѣдь и Сидорово проѣхали... гдѣ-жь бы заплутаться!.. Ахъ ты косой бѣгунъ!.. Улабанить бы тебя, босоногий бродяга!..

И долго слышалось ворчанье ямщика, исчезнуваго въ узенькой просѣкѣ, между соснякомъ и ельникомъ.

Холодъ пронизывалъ меня насквозь, мракъ увеличивался и вьюга цѣлыми хлопьями слѣпила глаза. Окрестъ только слышалось завыванье вѣтра, кое-гдѣ упавшая съ придорожной ели глыба снѣгу, да фырканье продрогнувшихъ лошадокъ и изрѣдка какъ-то уныло и неровно побрякивалъ мой колокольчикъ. Я начиналъ опасаться за ямщика, боясь, что бы онъ, потерявъ дорогу, не потерялъ грѣхомъ и меня съ саврасеньки-ми. Однако, спустя добрыхъ полчаса, къ большому моему восторгу, въ сторонѣ послышался скрипъ снѣгу и крупный говоръ. Скоро изъ просѣки показался возъ, нагруженный дровами, а за нимъ мужичекъ и мой ямщикъ:

— Да ты разводи бобы-то толкомъ, говорилъ мой ямщикъ.
 — Да какъ же, кормилецъ, еще растолковать! Вѣдь эва ты какой... я и этакъ, и такъ, а ты въ толкъ не берешь... Говорятъ вѣдь кажись по-русски, что не туда заѣхалъ...

— Не туда, не туда! и сами смѣаемъ, что не туда, а ты вотъ укажи дорогу, коли добрый человѣкъ! вѣдь барина везу... лаптя ты нештопанная; вѣдь баринъ-то, почитай, смерзь...

— Послушай... эй! любезный, рѣшился я обратиться къ крестьянину: сдѣлай одолженіе, укажи дорогу на Новотакарщину!

Крестьянинъ снялъ шапку, низко поклонился и отправилъ указательный палецъ лѣвой руки за ухо...

— Извольте, батюшка, извольте, отвѣчалъ онъ... Вонъ эвто, гдѣ перелѣсокъ-то кончился, надоть свернуть направо, а тамотко, маломальски проѣхавши, налѣво... Да, только, продолжалъ онъ, дорога-то больно амшарна, не проѣхать ночью... Вишь вы, сударь, крику-то лихо-ва дали...

— А какъ много?

— Да версть съ десятокъ будетъ... такъ мы считаемъ, а то кто жъ ее вѣдаетъ, можетъ статься не задалось бы и больше, а можетъ оно и меньше.

— Однакожъ, милый мой, ты куда пробираешься? спросилъ я.

— До дому, батюшка... въ деревню.

— А далеко ваша деревня?

— Недалеча... да и двухъ версть почитай nebudeтъ...

— Господскій ты?

— Господскій...

— И господинъ живетъ въ этой деревнѣ?

— А то какъ же, почитай безвыѣздно живетъ. Господа добрые, дай Богъ здоровья...

— Садись, сказалъ я, обращаясь къ ямщику... ступай за нимъ слѣдомъ, гдѣ нибудь найдемъ пріютъ: не плутать же цѣлую ночь въ этой трущобѣ.

Ямщикъ, взваливая всю бѣду на зайца и садясь на облучекъ повозки, гаркнулъ: Эй, вы, хорошія, маленькія съ колерцомъ... Пошоль... бубенчикъ подарю!

Но не смотря на комплимены и обѣщанный бубенчикъ, лошадки едва вытаскивали кибитку изъ глубокаго снѣга, слѣдуя за возомъ встречнаго мужичка, который вѣрно надѣясь на свою лошадку, пустилъ ее по волѣ, а самъ подошелъ къ моей кибиткѣ.

— Такъ вы, батюшка, въ Новотакарщину извольте? спросилъ онъ.

— Да, въ Новотакарщину, отвѣчалъ я. А что?

— То-то, батюшка, говорятъ тамотко не совѣшь здорово...

— Не здорово! Что же случилось?

— Да говорятъ, старую барыню Богъ прибралъ... Сегодня по вечеру прѣхалъ нашъ-то изъ Питера, такъ и не повѣрилъ... Статочное ли дѣло, говорятъ: старуха такая здоровая, просто кряжь, Богъ съ ней — и свихнулась!.. Дворовые говорили, что сначала, видишь-ты, подождали наследниковъ, а потомъ ужъ душеприкащикъ и рукой махнулъ... Ну, говорить, надо дескать самому заправлять дѣломъ... Да ужъ и заправилъ, Богъ ему судья!.. пораспродалъ все доброе не за денежку; Мишка, что при барынѣ грамотнымъ состоялъ, сказывалъ: говорить и деревни-то все съ Новотакарщиной за грошь отдавалъ Крикунову — Михайлу Павловичу... Баринъ добрѣйшей души... онъ выходитъ сосѣдъ старой барынѣ... Миѣ, говорить, только развязаться, — съ руками, говорить, возьмите... А нашъ-то и говорить: эка напасть... умерла! а миѣ, говорить, еще долгомъ съ ней полатиться надо; ну, да ладно, говорить, кому ни заплати, все душа чиста; завтра, говорить, съѣду пораньше въ Новотакарщину, а ужъ сегодня не въ ногу, съ дороги разломило...

— А какъ зовутъ вашего барина? спросилъ я.

— А вѣстимо какъ, батюшка, Анавемъ Ананичемъ зовемъ...

— Что, Ананій Ананичъ! вскричалъ я... Да, дружище, вѣдь я твоего барина знаю...

— А можетъ и знаете, батюшка; баринъ добрѣющій...

— Да у него есть подь Петербургомъ имѣніе?

— Есть, есть, кормилецъ.

При такой неожиданности я впалъ въ весьма курьезную крайность и сдѣлалъ вопросъ въ родѣ слѣдующаго:

— Да вашъ баринъ привезъ что нибудь изъ Петербурга?

— Привезъ, батюшка, привезъ гуся — что твоя корова!

Послѣ такого отвѣта я уже не сомнѣвался, что ѣду къ тому самому Ананію Ананичу, который такъ много распространялся о гусяхъ и оставилъ съ собою на платформѣ желѣзной дороги путника въ бѣлыхъ перчаткахъ.

Спустя минутъ пять, я вѣхалъ въ небольшую деревеньку, на исходѣ которой возвышался господскій домъ; въ одномъ изъ оконъ его горѣла свѣча. Завидѣвъ этотъ маякъ, мой ящикъ еще разъ посулилъ саврасенькимъ бубенчикъ, и приударивъ по тройкѣ, подкатилъ къ крыльцу. Курчавый мальчишка выскочилъ на звонъ моего колокольчика...

— Дома баринъ? спросилъ я.

— Дома-съ, да только они упокоиться желаютъ; больны-съ... Какъ доложить прикажете?..

— Скажи, братецъ, отвѣчалъ я, что одинъ изъ близкихъ его сосѣдей въ вагонѣ желѣзной дороги, за вьюгою, заблудился, и просить ночлега... скажи, что ѣду въ Новотакаршину...

— Сейчасъ-съ.

Мальчикъ исчезъ. Прошло по крайней мѣрѣ минутъ десять; посланный возвратился.

— Просить пожаловать, сказалъ онъ... и просилъ извинить-съ... Потому что они.. этова-съ... такъ сказать, нездоровы съ... и на-утро увидятся съ вами... а вы-съ пожалуйста-съ...

Человѣкъ, въ подобныя случаяхъ, дѣлается покоренъ обстоятельствомъ какъ теленокъ, у него тогда какъ и у теленка, исчезаетъ всякое самолюбіе. Въ другое время и при другой обстановкѣ, я рѣшился бы дальше скакать отъ хоромъ Ананія Ананьича, который нездоровъ для своего самаго близкаго сосѣда—по вагону, но продрогнувъ, я сердечно порадовался приглашенію *пожаловать*, и, признаюсь отъ чистаго сердца доволенъ былъ тѣмъ, что не буду бесѣдовать съ словоохотливымъ хозяиномъ. Приказавъ ямщику быть на-завтра готовымъ съ разсвѣтомъ, я послѣдовалъ за лакеемъ Ананія Ананьича. Курчавый чичерони, проводя меня длиннымъ и темнымъ корридормъ, едва ли не на каждомъ шагу подставлялъ мнѣ подъ ноги свѣчу, вставленную въ желѣзный подвѣчникъ.

Комната, въ которую меня ввели, ничѣмъ не отличалась отъ комнаты, встрѣчаемыхъ на постоянныхъ дворахъ. Тоже тепло съ удущьемъ, оставъ дивана, двѣ, три картины невыразимыхъ по своему сюжету, столъ и стародавнее кресло.

Мальчикъ оставилъ на столѣ свѣчу и возвратясь швырнулъ на оставъ дивана подушку — и исчезъ. Въ ту же минуту за стѣною послышалось:

— Маканташа! Вели-ко гостю подать самоваръ... да ромцу-то, ромцу! слышишь.. охъ!.. Экъ вѣдь забрало!

И ясно слышалъ я, какъ говорившій за моей стѣною, началъ ворочаться на своемъ ложѣ.

— Да, слышишь, Маканташа, добавилъ тотъ же голосъ, пришли ко мнѣ Митьку, Антипку и Лорьку...

— Слушаю-съ, отвѣчалъ голосокъ, и затѣмъ съ плачевнымъ скрипомъ хлопнула дверь въ сосѣдней комнатѣ.

Стонъ, оханье и вращанье на какомъ-то скрипучемъ ложѣ начались съ большимъ ожесточеніемъ, изъ чего я навѣрно заключилъ, что Ананій Ананьичъ или желаетъ заговорить со мною, или желаетъ пока-

зять, что его крѣпко разломило съ дороги, а потому дескать не взыщи, гость дорогой. Въ ожиданіи самовара, такъ великодушно мнѣ обѣщаннаго, я занялся сигарой и дремотой... Аваній Ананьичъ закашлялся безъ отрицанія принужденно. Здѣсь я рѣшительно понялъ, и желая угодить хозяину, громко кашлянулъ, какъ плохой актеръ предъ началомъ монолога.

— Гм... гм!.. Здравствуйте-съ! послышалось за стѣнкой.

— Мое почтеніе, отвѣчалъ я... здоровы ли?

— Плохо... маканташа, съ дороги все кости, какъ въ мѣшкѣ... Вы, меня, голубчикъ, извините, что не могу васъ принять въ свой кабинетъ, заваленъ, маканташа, банками и стеклянками, окутанъ фланелью и двумя одѣялами... А что, самоварчикъ вамъ подали, маканташа?..

— Нѣтъ еще... но благодарю... напрасно беспокоитесь.

— Помилуйте, батюшка... такой ужъ порядокъ. А, что, маканташа, мы кажется вмѣстѣ ѣхали съ вами на желѣзной дорогѣ!

— Точно-такъ; я имѣлъ удовольствіе быть вашимъ сосѣдомъ по вагону.

— Смѣю спросить, который это сосѣдъ?.. рябоваты вы?..

— Н-нѣтъ!

— Носъ у васъ какой-съ... въ веснушкахъ!

— Н...немного, отвѣчалъ я...

— Вы еще много дремали?

— Кажется...

— А... знаю-съ... очень пріятно... здравствуйте!..

— Здравствуйте!

— Вамъ кажется подаютъ самоваръ?

— Благодарю... подаютъ, отвѣчалъ я, когда тотъ же курчавый юноша внесъ и брякнулъ на мой столъ самоваръ.

— А ромъ? послышалось за стѣною.

— Здѣсь.

— Занимайтесь, маканташа, на здоровье, а я вотъ съ вашего позволенія тоже займусь, но наукой, такъ сказать.

Я дѣйствительно занялся самоваромъ, Аваній Ананьичъ, просвѣщеніемъ, и вотъ въ чемъ олицетворялось послѣднее:

Въ то время, какъ торчалъ передо мною полусонный мальчикъ, безпрестанно отправляя руку то въ волосы, то къ носу, за дверью слышался дружный шорохъ лаптей и затѣмъ наступило не долгое молчаніе...

— Ну... что-о... вы? зѣвая спросилъ Аваній Ананьичъ.

— Выучили-сь, дружно, но заякаясь, отвѣчали три сиповатые голоса.

— Что выучили?

— Урокъ-сь.

— Ладно, макантошечки, если выучили... А... ты, послушай-ка, Антипка... что это у тебя на носу?

— Разбилъ-сь, Ананій Анавьячъ.

— Какъ разбилъ? флегматически продолжалъ баринъ.

— На лѣдникъ сливки ставилъ и поскользнулся...

— Логично, душа моя; ужъ если поскользнулся, носъ долженъ быть разбитъ... Ну-ка, макантоши, приступимъ... Ты, Лорька, что?..

— Я-сь сиворотка...

— Говори...

— Сиворотка безъ простокваши, сиворотка безъ простокваши, началъ скороворкою Лорька, казалось не перевода духа; причежь баринъ мѣрно ударяя почему-то мягкому, повторялъ: скорѣе! живѣе! Такъ!.. Стой, дуракъ, какъ?

— Сиворотка безъ... безъ... безъ *портокаши*... отвѣчалъ струсившій Лорька.

— Ага! Невыучилъ, незострилъ, такъ сказать, языка... Вы хотите читать, неумѣя говорить... Нѣтъ, врешь не то, Саксоніи не видалъ, братъ... Въ сторону пошелъ! Ну, ты, Антипка!

Я-сь... корабли лавировали...

— Ну, ладно! лавируй!..

И Антипка также однотонно, какъ и товарищъ его, заговорилъ: корабли лавировали, да невылаживали... и на второмъ повтореніи фразы совралъ такую штуку, что и выговорить трудно..

Я чуть не захлебнулся моимъ пуншемъ...

— Охъ, осель, маканташа! Хоть бы въ долбяжку-то зазубрили... ужъ не спрашиваю поясненій, такъ вотъ нѣтъ! пошелъ въ сторону... Ну!.. А ты, Митька, что?

— Два дроворуба-сь, отвѣчалъ несмѣлый голосъ.

— Руби, руби живо! сказалъ баринъ.

— Шли два дроворуба, говорили про двухъ дроворубовъ, шли два дровосѣка, говорили про двухъ дровосѣковъ... нищаль Митька.

И я уже въ просонъ слышалъ громкій голосъ Ананія Анавьяча: Вонъ, веѣ вонъ!.. Вонъ! завтра опять урокъ отвѣтите... слышите?

— Слушаемъ-сь! ужъ въ сѣняхъ откликнулись безтолковые ученики.

— Сосѣдъ, а сосѣдъ. Эй!.. Послушайте-ко, дорогой гость... я

вотъ, изволите видѣть, маканташа, доскажу исторію о томъ, какъ изъ-за гуся потерялъ кровнаго пріятеля... гость!.. а гость! фу, ты лыко втакое... скорючился вѣрно, заключилъ Ананій Ананьичъ.

Я молчалъ, прикидываясь спящимъ. Зная по опыту, что съ гостепріимнымъ Ананьемъ Ананьичемъ не весьма выгодно дѣлить время, я рѣшился молчать, потомъ проснулся съ первымъ разсвѣтомъ и скакать въ Новотакарщину; иначе мнѣ бы пришлось цѣлый мѣсяцъ невидать своего наслѣдства.

III.

Новотакарщина. Мшка. Сундукъ, разсказывающій исторію тетушки. Гусь Ананья Ананьича.

Едвали неспросулся я съ первыми лѣтухами. Курчавый мальчикъ былъ такъ догадливъ, что оставилъ для меня на столѣ спички и свѣчку. Въ другое время такая заботливость со стороны расторопной прислуги оказалась-бы для меня совершенно лишнею, не таю грѣха, люблю поспать... но тутъ, ощущавъ и спички, и свѣчу, я помолодѣлъ десятию годами... Осторожно, безъ шороха и шума я выбрался на дворъ, приказалъ заложить лошадей, и былъ таковъ! Неучтивость подобнаго поступка съ моей стороны извинялась двумя причинами: болѣзнью хозяина и моею поспѣшностью, позволительно всякому наслѣднику... Когда я оставилъ усадьбу Ананья Ананьича, тотчасъ же изъ зарѣдѣваго лѣса выказалась фіолетовая полоска утренняго морознаго разсвѣта... Картина была дивная: свѣгъ начиналъ искриться кристалльными иглами, направо и налѣво дымились раскинутыя по оврагамъ деревеньки, надъ ними, плавно слетаясь и разлетаясь, вились сороки. Я замечтался и вдругъ, могу сказать безъ преувеличенія, провалился въ огромную яму, застроенную до тла разсыпавшимися амбарами и сараями... средину развалищъ занималъ дряхлый старикъ, господскій домъ, значительно наклонившись направо; казалось не сегодня, такъ завтра новая сосновая баня приметъ его въ свои объятія, такъ онъ крѣпко облокотился на нее. Здѣсь все глядѣло давно-минувшей старинной и разрушеніемъ; кругомъ было такое грустное, такое безмятежное молчаніе, что какъ будто эти черныя закоптѣлыя руины хотѣли напомнить намѣстивіе монгола или француза, что впрочемъ одно другаго стоило! Зрѣлище до того было паразитическимъ, что даже ямщикъ, сдержавъ лошадей у двухъ столбовъ, вѣроятно замѣнявшихъ вѣздныя ворота, значительно посмотрѣлъ на меня и спросилъ:

— Не эвто ли, сударь?

— Что такое? какъ бы съ просонья отозвался я.

— Да куда ѣхать-то изволили?

— Ты... хочешь сказать Новотакарщина? съ маленькимъ трепетомъ спросилъ я.

— Да-съ... какъ она тамъ прозывается... Но въ эту минуту уже не было сомнѣнiя, что два столба отверзали свои объятiя племяннику и наслѣднику своей тетюшки. На шагъ отъ околицы тощая свинья, похрюкивая кружила у ногъ невысокой фигуры, спрятанной въ сутуловатый футляръ синяго фриза... Я узналъ этотъ носъ, вѣрное изображение слуховаго окна, далеко выдвинушагося изъ провалившейся крыши, я разглядѣлъ эти крошечные глазки, подобie двухъ черносливинъ, эти сизо-сѣдые волосы, на которые никогда не посягали ни гребень, ни щетка, и наконецъ малиновые брюки, спрятанные въ голенища сапоговъ... Словомъ я узналъ тетюшкина Мишку. Старикъ съ распростертыми объятiями бросился ко мнѣ навстрѣчу...

— Владимiръ Иванычъ, сударь-баринъ, вы это? вскричалъ онъ. А ужъ мы васъ ждали, ждали, да и ждать раздумали... Писали вамъ... вѣдь вы наши наслѣдники... пожалуйста ручку-съ! и старикъ ткнулся носомъ въ мою руку.

— Пожалуйста же, пожалуйста! повторилъ онъ... Ну, ты!.. чегожъ сталь, пошелъ на дворъ! повелительно крикнулъ Мишка на моего ямщика.

Пока мы пробирались по снѣжнымъ сугробамъ между скотнымъ дворомъ и сараями, Мишка неотставалъ отъ повозки, брелъ по самую шею въ снѣгу, и по-своему обыкновенiю безъ связи и послѣдовательности, прежде, чѣмъ мы достигли господскаго дома, успѣлъ пересказать десятокъ, по его мнѣнiю, интересныхъ исторiй... Вотъ что, заключилъ онъ: вы наши наслѣдники, Владимiръ Иванычъ, мы вамъ послужить хотимъ.

— Спасибо, спасибо, отвѣчалъ я, разглядывая заиндевѣвшую дверь подъезда... отвориай двери-то...

— Да нѣтъ-съ, пожалуйста, перебилъ Михайло...

— Ладно, ладно, другъ мой, обо всемъ переговоримъ въ комнатѣ...

— Да нѣтъ-съ, позвольте... при покойномъ баринѣ Богданѣ Евстифѣевичѣ, парство ему небесное... эта дверь, сударь...

— Фу, ты пропасть! вскричалъ я... да отворишь ли...

— Да нѣтъ-съ, позвольте... сударь, надо же сказать... При покойномъ баринѣ Богданѣ Евстифѣевичѣ, продолжалъ мѣрно и съ особеннымъ тактомъ Мишка, нисколько невозмущаемый моимъ нетерпѣнiемъ, ключи отъ всѣхъ дверей...

Замѣчательное лицо былъ этотъ Мишка, а для всей дворни Михай-

ло Осиповичъ, для другихъ только Осиповъ. Онъ обладалъ глубокимъ талантомъ взбѣсить челоуѣка, давно уснувшаго въ флегматическомъ созерцаіи... С чемъ бы и гдѣ-бы ни говорилось, носъ Мишки выдвигался впередъ, и будь тутъ хоть самъ исправникъ или непремѣнный членъ, Осиповъ не могъ не сказать: «нѣтъ-съ, позвольте или пожалуйте», и потомъ мѣрно начиналъ свою рѣчь съ покойнаго Богдана Евстифѣевича, тыкая пальцемъ, если передъ нимъ лежала бумага, такъ въ бумагу, если шляпа, такъ въ шляпу, если даже закуска, такъ и въ нее. Граматный для того, чтобъ отличить аза отъ ижицы, онъ неумоимо ходилъ по всѣмъ дѣламъ. Всѣ власти уѣзда и города были для него людьми—исторію жизни которыхъ, ихъ дѣла, ихъ родословную и родословную ихъ сожительницъ онъ зналъ какъ свое прошлое... Всякій окружный помѣщикъ могъ смѣло спросить Мишку: «а въ какомъ, братецъ, платьѣ вѣнчалась моя бабушка и сколько на лицѣ ея было наклеено мушекъ?» Въ истинѣ отвѣта грѣшно было бы усомниться. Въ кругу своей братьи, Мишка былъ солнце, отъ котораго свѣтъ мудрости заимствовали всѣ спутники, отъ кучерскаго армяка до сѣрыхъ лакейскихъ фраковъ... И эти народы передъ Осиповымъ ужъ ни гугу!.. Между ними краснорѣчіе и мудрствованіе его были неисчерпаемы, особенно, если Михайло Осиповичъ удостоивалъ пить чье нибудь здоровье. При этомъ онъ всегда, взявъ рюмку, говаривалъ: Пожалуйте... какъ вотъ при покойномъ баринѣ, Богданѣ Евстифѣевичѣ... бывало самъ пьетъ... и мнѣ, скажете: на!.. Мишка, плутня ты безпардонная, разбойникъ, воръ, говоритъ: на, пей! Осиповъ много путешествовалъ съ покойнымъ бариномъ Богданомъ Евстифѣевичемъ: какъ самъ рассказывалъ: былъ въ Тулѣ, Смоленскѣ, Гжатскѣ, Ельцѣ, не видалъ Москвы, но долго прожилъ въ Питерѣ, а Питеръ ужъ, позвольте, заключалъ онъ, городъ разумный: тамъ изъ харчевни выйдешь, такъ ужъ седьмая—то пядень сама во лбу прибавится!..

Однакожъ мнѣ отъ этого небыло тепло, но страшно становилось холодно, и я бы вѣрно замерзъ подъ говоръ свѣтила *семейной избы*, еслибъ изъ той же избы, заслышавъ дребезжаніе колокольчиковъ, невыбѣжалъ староста. Я вошелъ въ избу.

Лучина, воткнутая въ трещину посуднаго шкафа, треща и бросая по сторонамъ цѣлый фейерверкъ искръ, красноватымъ огнемъ освѣщала черныя и голыя стѣны комнаты; на стеклахъ, стѣнахъ, на мебели, раскиданной какъ бы нарочно въ самомъ хаотическомъ беспорядкѣ, въ прощелии потолка и даже на печкѣ крупными нитками искрилась замерзшая сырость... Воздухъ этой гостиной ни чѣмъ не отличался отъ подвала или погреба... Направо у дверей, подъ портретами тетушки

и покойнаго Богдана Евстифѣевича висѣло на гвоздѣ полотенце съ красною каймою, на противоположной стѣнѣ Малекъ-Адель похищаль Матильду; тутъ же помѣщалась карта Европы; въ углу у печки валялся въ комокъ свернутый половикъ, изъ котораго выглядывалъ вѣникъ, и наконецъ на заслѣвкѣ, не знаю чьею-то рукою и для чего было написано мѣломъ: «пусто!» Съ грустнымъ и тревожнымъ чувствомъ я смотрѣлъ на окружавшіе меня предметы. Казалось, съ послѣднимъ вздохомъ тетушки, метла разрушенія вымела изъ дома все утѣшительное, все полновѣсное, перевернувъ вверхъ ногами столы и стулья; даже самые стѣнные часы, которые, какъ мнѣ сказывали, только что передъ смертью тетушки поправилъ странствующій еврей-мастеръ, и тѣ, забытые, повитые сѣткою паутины, какъ мокрая курица, опустили свои крылья, стрѣлки. Кажется, самъ Наполеонъ, стоя на скалѣ св. Елены не смотрѣлъ такъ сурово, грустно на дальній океанъ, какъ я, скрестивъ мои руки, глядѣлъ теперь на моргавшаго Мишку.

— Да я задохнусь здѣсь! сказала я. Брось ты, Осиповъ, эту смрадную лучину, если ужъ у васъ не нашлось свѣчки, и отопри ставни, теперь скоро день.

Мишка и лучина исчезли въ мгновение ока, чрезъ минуту въ окна блеснулъ свѣтъ дня, а на порогѣ снова показался свѣтильникъ семейной избы.

— Согрѣй-ка самоваръ, да вели истопить печь, Осиповъ, сказала я.

— Печь истопить? Извольте, Владиміръ Ивановичъ. А только на счетъ чаю...

— Знаю, знаю, братецъ, что у васъ его нѣтъ, да я прихватилъ съ собою.

— Нѣтъ-съ... пожалуйста.

— Ну, что еще?

— Нѣтъ-съ, позвольте... я знаю, что чай съ вами, люди дорожные-съ, мы это разумѣемъ... бывало, съ покойнымъ баринѣмъ, Богда...

— Ахъ ты злодѣй! ну, ты мнѣ надоѣлъ рѣшительно! вскричалъ я.

— Да вы пожалуйста, Владиміръ Ивановичъ... я вѣдь къ тому, что чай, разумѣется, самъ до себя, да вѣдь нужно же и самоваръ.

— Ну, понимается, что нужно.

— Такъ вотъ-съ и пожалуйста!.. А я хотѣлъ доложить, что у насъ самовара нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? почти съ ужасомъ спросилъ я. Развѣ тетушка никогда не пивала чаю?

— Нѣтъ-съ, позвольте... Вотъ видите ли: онѣ каждый день поутру вставши и все такъ сказать слѣбавши похорошему, въ порядкахъ, изволили кушать кофей, а потомъ чай.

— Ну!..

— Такъ пожалуйста... И всегда, я говорю, пили чай... еще такой порядокъ былъ у насъ заведенъ при покойномъ.

— Да говори, братецъ, прямо: были ли у васъ самовары!?

— А какъ же-съ! Первый, пожалуйста, мы купили въ Сычевкахъ, второй... истинно самъ покупалъ съ Багданомъ Евстифѣевичемъ въ Зубцовѣ—пребольшущій, третій...

— Такъ неужли изъ трехъ ни одного не осталось?

— Какъ-съ не осталось! Да кудажъ имъ дѣваться... Да вы, пожалуйста... Когда покойная ваша тетушка Агафья Парѣеновна соизволили умереть, то душеприкащикъ и перенесъ самовары къ себѣ: они, говоритъ, здѣсь заржавѣютъ.

— Ну, однакожъ нѣтъ ли въ домѣ какогонибудь чайника?

— Какъ же-съ, много, очень много было, да...

— Ну, что?

— Пожалуйста!.. Когда покойная ваша тетушка, Агафья Парѣеновна, соизволили...

— Да говори, прямо, братецъ, гдѣ чайники?

— Вы, позвольте, Владиміръ Иванычъ, я вѣдь хочу вамъ доложить все по порядку; когда покойная ваша тетушка...

— Я терялъ терпѣніе, Осиповъ это замѣтилъ.

— Вы... позвольте, Владиміръ Иванычъ, сказалъ онъ вытянувъ фізіономію... Вѣдь я вамъ пообстоятельному докладываю, что чайники у душеприкащика и именно для того, когда покойная ваша тетушка...

— Ну, для того, чтобъ они не ржавѣли! подсказалъ я.

— Пожалуйста... и для того, чтобъ ими кто ни на есть не пользовался.

Я плюнулъ съ досады и закурилъ трубку, крѣпко негодуя на печальное наслѣдство моей тетушки, а тутъ, къ довершенію прочихъ золъ предо мною предсталъ поваръ, сѣдой, неповоротливый, какъ старый котъ, и улыбающійся.

— Ты что? спросилъ я.

— Поваръ-съ.

— Что тебѣ?

— Кушать здѣсь изволите?

— Ну... да!

— Чтожъ готовить-то прикажете?

— Да сдѣлай что нибудь.

— Ничего нѣтъ-съ, флегматически отозвался онъ.

— Какъ ничего? Зарѣжь хоть курицу, проговорилъ я сквозь слезы.

— Куры-съ заперты... и ключъ у душеприкащика... онъ, говорить, все надо сберечь: неравно, говорить, наследники понаѣдутъ, надо, говорить, представить все въ своемъ видѣ.

— Да куда же провалился вашъ душеприкащикъ? съ неистовымъ видомъ вскричалъ я.

— А онъ, вотъ... пожалуйста!.. перебилъ Осиповъ; перво наперво поѣхалъ къ дочкѣ: она, изволите видѣть, замужемъ и родила; потомъ-съ... Да нѣтъ, позвольте! продолжалъ Осиповъ, замѣчая мое нетерпѣніе, потомъ на свадьбу къ сосѣду, на богатой женится, а самъ такъ сказать, съ вашего позволенія, шкурка выдѣлки нестоитъ-съ и... и... да вы пожалуйста!.. такъ сказать, его тестю приключилась смерть, такъ онъ и на похороны... говорили дворовые, что ему куда-то надо на крестины... да я думаю, какъ онъ узнаетъ, что вы сегодня пріѣхали, такъ ужъ успокойтесь, Владиміръ Ивановичъ, пожалуйста въ сей моментъ.

— Все это хорошо, друзья мои, возразилъ я, но ѣсть-то что нибудь надо. Неужели тетушка такъ оскудѣла передъ своею кончиною, что послѣ нея не осталось ни картофелины, ни чашки молока?

— Нѣтъ-съ, Владиміръ Ивановичъ, тономъ глубоко обиженнаго человека возразилъ поваръ, мы съ покойною барынею всегда были въ порядкахъ; у насъ все было на прелестяхъ, все пудами да ушатами, ужъ не то, чтобы тамъ сластей какихъ, вареньевъ или медовъ, или соленьевъ и квашеньевъ разныхъ... кулями ромашка съ ревенемъ стояли... а ужъ покойница куда была дуже лечить.

Въ эту минуту черезъ порогъ переступилъ полный, краснолицый паренъ, въ которомъ, по описанію Анашя Ананьича, я узналъ Петьку. Кряхтя и зардѣвшись кирпичнымъ румянцемъ подъ тяжестью огромной вязанки дровъ, онъ такъ неловко брякнулъ свою ношу на полъ, что вязанка всею своею тяжестью ударила въ ветхую дверь, отдѣлявшую спальню покойной тетушки отъ столовой. Дверь дрогнула и съ плаксивымъ скрипомъ повисла на оборванныхъ петляхъ.

Единственное окно этой крошечной комнаты, закрытое одною половинкою ставни, пропускало слабый свѣтъ дня, набрасывая сѣроватую тѣнь на всѣ предметы. Въ самомъ темномъ углѣ комнаты сверкали золоченныя ризы иконъ; на лѣво у кровати помѣщалась горка съ замѣчательными экземплярами рюмокъ, карафиновъ и чашекъ; у порога две-

рей, громадный кованый сундукъ прижался къ печкѣ, оскаливъ три замочные рубца, которые крѣпко прикусили клочъ торчавшаго одѣяла; на полу въ груди были свалены ломаные кофейники, массивные под-свѣчники глубокой древности, тазикъ для варенья съ желѣзною заплаткою на днѣ и старолавняя сабля, напоминавшая собою Бову-Королевича и его мечъ-кладенецъ. По какому-то безотчетному любопытству я раскрылъ сундукъ. Въ немъ не было ни серебра, ни золота, ни блестящихъ бездѣлушекъ, а между тѣмъ эти узелки, клубочки, мѣшечки всѣхъ цвѣтовъ и форматовъ составляли истинное сокровище для тетушки, сокровище, которое не возбуждало ни чьей посторонней зависти.

Вотъ темный осенній вечеръ; дождь крупными каплями дробно и однообразно стучитъ въ оконныя рамы, вѣтеръ со стономъ и свистомъ завываетъ въ трубы, и нескладно сторожъ выкокачиваетъ свою обычную дробь въ доску, подвѣшанную у амбара... Тетушкина свѣча сильно нагорѣла, и Петька не разъ съ наивнымъ мычаньемъ зѣвнулъ у порога, а старушка, наклонясь надъ своимъ заветнымъ сундукомъ, что-то нашептывая, перебираетъ въ немъ тщательно и бережно весьма невзрачныя лоскутья... но въ нихъ олицетворяется для нея все настоящее и прошедшее. Какъ елезятся глаза ея, какая улыбка умиленія на этихъ увядшихъ сухихъ губахъ, какъ дрожать дряхлыя руки, развертывая изъ сотни тряпочекъ какой-то комочекъ, въ родѣ китайской бумаги, желтый, сморщенный, какъ зерно грѣцкаго орѣха... Это *сорочка*... Вѣдь тетушка родилась въ сорочкѣ! Она ее хоронитъ глубоко, на днѣ сундука въ полустлѣвшемъ чулкѣ. Кажется для чего бы беречь тетушкѣ такую ветошь, какъ этотъ чулокъ, со стрѣлками... О, не смѣйтесь надъ воспоминаніями старушки: этотъ чулокъ заветный, его съ ноги тетушки снялъ суженый въ ночь на Васильевъ вечеръ. А вотъ и первое ея подвѣчное платье съ фижмами, миллиономъ фалборокъ и пряжекъ, съ огромными рукавами. Далѣе слѣдуютъ бирки, наръзанныя черточками и крестиками, тутъ же счеты о посѣвѣ и жатвѣ, пятокъ орѣховъ двойчатокъ, два докторскіе рецента и баночка съ какими-то пахучими каплями... И долго, и много рассказывалъ мнѣ сундукъ о всѣхъ случайностяхъ изъ жизни тетушки; я уже снова начиналъ перебирать клубочки съ шерстью и узелки съ разными развостаями, забывъ и голодь, и Мишку, какъ въ сѣняхъ послышался шорохъ, и потомъ нѣсколько вопросовъ, сказанныхъ скоро, голосомъ отрывистымъ и дребезжающимъ.

— Михѣй Протасьичъ! доложилъ Мишка почтительно вытягиваясь у дверей и съ поклономъ уступаая гостю дорогу.

Если бы и лица, на которыхъ природа необинуясь пишетъ крупными, готическими литерами: «славный малый, человекъ ни то, ни

се, или просто: «плуть, не клади ему пальца въ ротъ!» На желтомъ, угловатомъ лбу вошедшаго не было никакой надписи... Худенькая, крошечная фізіономія его, величиною съ обыкновенный шведскій замокъ, ничего не выражала... ни ума, ни особенной глупости; крошки глаза его съ коричневыми крапивками, бѣгали, какъ испуганныя мысли; волосы, въ которыхъ можно было насчитать порядочное количество такъ называемыхъ крикуновъ, приглаживались, какъ приглаживаютъ ихъ Мезенскіе самоѣды. Невзрачная, худенькая фигурка моего гостя пряталась въ коричневое длиннополое пальто, не спокойно и съ частымъ пожиманіемъ праваго плеча, вращаясь въ своемъ широкомъ футлярѣ. Несгибая шеи, онъ тряхнулъ головою что вѣроятно въ его манерѣ выражало поклонъ, гость *деликатно шаркнувъ пошкой* сказалъ:

— Честь имѣю представиться!... Самый близкій сосѣдъ вашей тетюшки, ея истинный доброжелатель и душеприкащикъ... Михѣй Протасьичъ, Гусевъ.

И до того коротенькая рука его, какъ эластическая, въ двойную величину вытянулась впередъ, ухвативъ мой мизинецъ...

— Прошу меня полюбить, продолжалъ онъ тономъ большой увѣренности... Я, смѣю сказать, пользуюсь въ нашемъ уѣздѣ всеобщимъ довѣріемъ и любовью... Седьмой разъ душеприкащикомъ состою въ нашемъ околоткѣ... Былъ-съ по смерти Ивана Савича Кукурузы, Зубкиной, Марьи Кондратьевны Жирновой, Оомы Игнатъича Лизокустова, и у прочихъ, у прочихъ-съ...

— И еще-съ, осмѣлюсь доложить, подсказалъ Мишка, вы... пожалуйста! Также были послѣ Сазона Марковича Кривопальцева...

— Да, да! вкричалъ Гусевъ... и послѣ Кривопальцева, и послѣ жены его, и послѣ ихъ бабушки, и послѣ дѣтей ихъ... и еще послѣ кого-то?.. Извольте видѣть, всѣ говорятъ: вамъ ужъ не клади пальца въ ротъ: по локоть руки недощупаешься; у васъ все на мази, на правилахъ, на чести основано; вы удивительный, примѣрный, и самый такой... какъ-сказать... по французски... *комодъ, конвенанбль фаворабль*, говорятъ!

Я молчалъ. Наконецъ я собрался съ мыслями и, крѣпко раздосадованный предыдущими сценами, а въ то же время снова почувствовавъ голодь, рѣшился на откровенное объясненіе съ *конвенанбельнымъ* Михѣемъ Протасьичемъ.

— Много вамъ благодаренъ, сказалъ я, за милую готовность, съ которою вы приняли на себя обязанность душеприкащика при послѣднихъ минутахъ моей тетюшки...

— О!.. только изъ чести, изъ челоуѣколюбія... Владиміръ Ивановичъ, ударивъ себя въ грудь, сказалъ Гусевъ... только изъ интересовъ ближняго... вѣдь вы все-таки челоуѣкъ, вѣдь вы мнѣ ближній!

— Но въ тоже время, продолжалъ я (голодные вѣдь вообще неразсудительны и свирѣпы); но въ тоже время, осмѣлюсь упрекнуть васъ...

— Меня-то! За что же-съ! когда цѣлый уѣздъ... Иногда самъ предводитель говоритъ: вы *конвенанбль* говорить, *фаворабль* говорить... вы... Да ужъ я послѣ этого и незнаю... за что-съ? за что? вы скажите.

— Изволите видѣть, перебилъ я, смягчая улыбкой мою наивную откровенность: вы, Михѣй Протасьичъ, рѣшительно забыли о пріѣздѣ наслѣдниковъ, опустошивъ въ весьма непродолжительный срокъ все съѣстные запасы и все кладовыя моей тетушки... Хотя бы кочанъ капусты въ домѣ...

— Капусты-то! Помилуйте!.. да ея было два полныхъ ушата.

— Гдѣ же они?

— Ушаты-то съ капустой? А... мужички на поминкахъ скушали. Нѣтъ-съ, ужъ на этотъ счетъ останьтесь покойны, я не какъ нибудь заправляю мои дѣла, но все основываю на чести, на совѣсти, на деликатности, резонѣ и справедливости... Вотъ-съ, неугодно ли?

Съ этими словами глазки Михѣя Протасьича забѣгали направо и налѣво, онъ опустилъ руку въ карманъ своего пальто, и, вытащивъ оттуда бумагу, исписанную какими-то малабарскими буквами, съ фразою: здѣсь записано *движимое*, принялся читать ее.

Столы, кастрюли, кочерги, коровы, салоны и перины такъ ловко прыгали съ языка Михѣя Протасьича, что я невольно подивился его умѣнью... читать самые загадочные іероглифы.

— Вотъ что осталось, заключилъ онъ, бросивъ бумагу на столъ и черкнувъ по ней указательнымъ пальцемъ.

— Извините, возразилъ я: большой половины изъ исчисленныхъ вами предметовъ я невижу.

— Ихъ нѣтъ-съ... они проданы.

— Для чего же?

— Проданы по весьма не дорогой цѣнѣ... Знаете... эсктра-принудила. Послѣ тетушки вашей не осталось вовсе денегъ, я ужъ все обшарилъ... а вѣдь дворянка, помѣщица... надо же похоронить съ удобствами, прилично... Вотъ я и распорядился. Подпишите, Владиміръ Ивановичъ, ваше удовольствіе.

— Челоуѣкъ-съ, отъ Ананія Ананьича, снова доложилъ Мишка.

Въ эту минуту на порогѣ показался мальчикъ, которому наканунѣ я такъ былъ обязанъ за спички и свѣчку.

— Что скажешь, любезный? спросилъ я.

— Баринъ приказали доложить-съ, что они по особенной надобности у васъ пониче не могутъ быть... Извинить, сказали, попроси... А извѣстившись, что вы наследники Агаѳи Пароеновны, то вотъ-съ посылаютъ долгъ свой—гуся, котораго они брали у покойной барыни... Извольте-съ.

Поваръ принялъ гуся... я началъ торжествовать.

— А! гуся! вскричалъ Гусевъ; неугодно ли, Владиміръ Ивановичъ, расписаться, что вы получили гуся.

— Но, помилуйте, для чего это? возразилъ я.

— А какъ же-съ! Въдь это по наследству! почти идетъ чрезъ мои руки... Нѣтъ, ужъ пожалуйте!

Я далъ расписку. Михѣй Протасевичъ съ большимъ вниманіемъ прочелъ ее, и улыбаясь, снова передалъ мнѣ доскутъ бумаги.

— Вы не изволили сказать, замѣтилъ онъ, что гуся получили, *сполна*... Сдѣлайте милость, потрудитесь: надо сказать «*сполна*», это будетъ точнѣе.

Когда я провожалъ благодѣтельнаго Михѣя Протасыча, со мною встрѣтился флегма поваръ.

— Ну, что ты скажешь? спросилъ я.

— А что-жь готовить-то прикажете?

— Гуся! гуся! вскричалъ я... Изжарь, завяль, прокопти, свари... что хочешь съ нимъ дѣлай, только накорми меня!

— Да, онъ... тово-съ...

— Что...

— Не хорошъ запахомъ, должно быть много маялся...

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

Новая манія въ Парижѣ.—*Потиши*.—Дешевая роскошь, никого не обманывающая.—Необходимость землетрясенія.—Продажа *наслѣдства* Ладлока, умершаго въ больницѣ.—Рукописи на сто тысячъ франковъ.—Благодарность Ламартина.—Легуае, Медея и Рашель.—Биографія à propos.—Мемуары г-жи Зандъ.—Путешествіе въ Калифорнію Сентъ-Амана.—Новыя книги.—Страшное завѣщаніе.—Опять Крувелли и предположенія объ ея отъѣздѣ.—Слухи о бракѣ со львомъ.—Сцена изъ Ливиды.—Значеніе актеровъ въ наше время.—Театральныя современные нравы.—Почетный Легіонъ и семейная жизнь.—Оперное фойе.—Фойе Французской комедіи.—Шутки актеровъ.—Остроты Огюстины Броганъ.—Страсть актеровъ къ сценѣ, актрисъ къ молодымъ ролямъ.—Жизнь актрисы.—Ей некогда любить.—Совѣтъ г-жи Марсъ.—Тиранство первыхъ актеровъ.—Самолюбіе ихъ.—Искусство директора уживаться съ капризными артистами.—*Тикъ*.—Клакеры.—Фредерикъ Леметръ и Огюсть.—Начальникъ клакеровъ.—Домашнее чтеніе.—Актеры за завѣсою.—Промышленность живущая театромъ.—Директоры.—Монтиньи.—Тибодо.—Надежды на 1855 годъ.—Шлесси и Рашель.—Пріѣзжіе въ Парижъ.—*Африканка*.—Нѣмецкій театръ въ Парижѣ.—Маріо и Гризи въ Америкѣ.—Взыскательность Американцевъ. Варварскія сужденія о великихъ артистахъ.—Ученое открытіе въ Хорсабадѣ.—Засуха во Франціи.—Театральныя новости.—*Un Conte de Fées*.—*La maison Geindoré*.—*La maitresse bou Mari*.—*Les batons dans les roues*, Теодора Баррьера.

Парижъ ни какъ не можетъ обойтись безъ какой нибудь маніи. Давно ли вылечился онъ (и еще Богъ знаетъ вылечился ли?) отъ полькоманіи и столеманіи? Теперь онъ страдаетъ *поттишоманіею*. Вотъ въ чемъ состоитъ эта новая, весьма пустая и вовсе не артистическая прихоть: берутъ стеклянную банку, имѣющую претензію на форму вазы, наклеиваютъ на нее изнутри разноцвѣтные кусочки бумаги и потомъ закрашиваютъ все масляною краскою тоже изнутри. Это изобрѣтеніе вывезено изъ города Тура, гдѣ еще въ древности наклеивали кусочки ситцу на цвѣточные горшки. Нѣтъ ни одного дома, ни одного семейства, гдѣ бы дѣти, родители, прислуга и даже молодыя дѣвушки не занимались этою неопрятною и грязною работою. Въ какой домъ вы ни войдете, вездѣ услышите запахъ клея, краски, и если не остережетесь, то непременно или выпачкаетесь, задѣвъ за банку съ масломъ, или опрокинете хрупкую банку, работы милыхъ хозяекъ, которыя изъ про-

стой бутылки хотять сдѣлать Японскую, Саксонскую или Севрскую вазу. Какое ребячество! Развѣ мало того, что дешевая роскошь избрѣла бронзу изъ цинка и папьемаше, слоновую кость изъ стеарина, позолоту изъ копала, восточное оружіе изъ жести, все это для декораціи, для обмана, для удовлетворенія самолюбія нажившихся парижскихъ лавочниковъ, которые непремѣнно хотять сдѣлать изъ комнатъ своихъ музеевъ только за дешевую цѣну и безъ всякой пользы для искусства. Теперь потишоманія до того распространилась, что даже въ ложахъ привратниковъ поставлены эти пестрыя банки, и магазины, даже самыя лучшія, льстя вкусу публики, какой бы онъ нибылъ, выставили на первыхъ мѣстахъ эти *потиши*, залепленные вырѣзными бумажками и замазанныя воюнчею краскою. Какъ не пожелать, чтобъ случилось землетрясеніе самое легонькое, которое не тронувъ съ мѣста тяжелыя настоящія вазы Японія и Китая, столкнуло бы все *потиши* и разбило ихъ во столько кусточковъ, сколько на нихъ наклеено бумажекъ. Разумѣется, потишоманія, какъ и все другія манія, не можетъ быть продолжительна, но все-таки досадно, что люди съ умомъ и вкусомъ занимаются такими мелочами, которыя должно бы предоставить однимъ привратникамъ и цвѣточницамъ, не обманывающимъ ни себя, ни другихъ въ томъ, что обладаютъ настоящимъ, дорогимъ фарфоромъ.

На дняхъ продавали корреспонденцію покойнаго издателя Ладвока, переписывавшагося со всеми Европейскими знаменитостями въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ. Это единственное наслѣдство, оставшееся послѣ достойнаго негоціанта. Можно ли повѣрить, что издатель, давшій вдовѣ Дезожье шесть тысячъ франковъ за сочиненія ея мужа, когда она просила только тысячу двѣсти, человекъ, почти отгадавшій и взявшійся первый издать Казимира Делавиня, Ламартина, Виктора Гюго, Вильмена, Баранта, Гизо, Шатобриана, который распространилъ во Франціи сочиненія Байрона, Шекспира, Отвея, Вернера, Шиллера, Гете, Альфиери и др., у котораго часто обѣдали министры, академики, знаменитости литературныя и политическія, чтобъ этотъ человекъ умеръ... въ крайней бѣдности, въ больницѣ.

Онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ былъ тамъ, и никто не подозрѣвалъ этого. Общество литераторовъ обязано было бы предложить ему кусокъ хлѣба и убѣжище, но оно въ это время лечило поэта Бриффо, умершаго тоже на дняхъ отъ сумасшествія и притомъ оно не могло знать о крайности бѣднаго Ладвока, который былъ такъ гордъ, что отъ всехъ скрывалъ свое положеніе. Онъ даже изрѣдка являлся въ свѣтъ, когда ему позволяла болѣзнь, и все видѣли то въ театрѣ, то въ концертѣ, то въ артистическихъ собраніяхъ старичка съ благородною наружностью

всегда прилично одѣтаго. Одинъ только другъ зналъ о его крайности и помогаль ему чѣмъ могъ, но и съ того взялъ Ладвока обѣщаніе, что онъ никому не скажетъ о его бѣдности. Онъ сдержалъ свое обѣщаніе до смерти издателя.

Однажды, когда Ладвока, дѣла котораго шли блистательно, давалъ обѣды въ своемъ отелѣ улицы Малаке, Ромье сказалъ ему шутя: «Ты, Ладвока, такъ торопишься прожить, что тебѣ придется на старости идти въ привратники.»

Ромье вѣроятно не могъ предполагать, чтобы судьба его друга была еще печальнѣе.

И однако же, умирая въ бѣдности, онъ владелъ рукописями, которыя стоять очень дорого, особенно въ настоящее время. У него было много любопытныхъ автографовъ Императора Наполеона и нѣсколько начертанныхъ имъ плановъ сраженій. Въ послѣднее время онъ обратился къ правительству, предлагая ему эти бумаги, но политическія дѣла заставили забыть бѣднаго Ладвока, которому обѣщали сто тысячъ франковъ, и который умеръ въ крайности, въ больницѣ.

Продажа литературныхъ автографовъ произвела небольшую сумму въ пользу вдовы издателя, которой Ламартинъ назначилъ пенсію по смерти, въ благодарность за то, что мужъ ея первый взялся издать его сочиненія.

Дѣло Легуве, *Меден* и *Рашель* все еще не окончено, и журналы занимаются этимъ любопытнымъ происшествіемъ. Рашель написала нѣсколько писемъ, читанныхъ въ засѣданіи суда, и всѣ сознались, что артистка пишетъ очень мило, (чему вѣроятно выучилась недавно, потому что никогда не отличалась логикой и орфографіей своихъ писемъ). Неужели Легуве въ самомъ дѣлѣ хочетъ насильно заставить Рашель играть его трагедію! И какая ему отъ этого будетъ польза? Если судъ и приговоритъ актрису сыграть *Меден* *одинъ* разъ, то *другой* разъ никто не можетъ заставить играть пьесу, особенно если она не будетъ имѣть огромнаго успѣха, чего ни какъ нельзя и ожидать отъ трагедіи не знаменитаго автора и отъ *Меден* по принужденію. Процессъ этотъ принесъ большую пользу Легуве тѣмъ, что сдѣлалъ имя его извѣстнымъ, и онъ поступилъ бы хорошо, если бъ не настаивалъ, чтобы его пьесу играли. Понсаръ и Казиміръ Делавинъ не призывали Рашель въ судъ за то, что она отказалась играть *Шарлоту Корде* и *Дочь Сиды*, и трагедіи эти имѣли успѣхъ и безъ нея. Настойчивость же автора *Меден* доказываетъ только, что безъ таланта Рашели пьеса не можетъ жить.

Такъ какъ процессъ этотъ дѣлаетъ много шума въ Парижѣ, то

одинъ изъ писателей посѣшилъ издать великолѣпную біографію Рашели съ разборомъ всѣхъ ея ролей, со многими письмами и любопытными подробностями о жизни, путешествіяхъ и характерѣ великой артистки. Изданіе это будетъ имѣть огромный успѣхъ, тѣмъ болѣе, что вышло кетати. Къ тому же оно иллюстрировано великолѣпно.

Жизнеописаніе Жоржъ Зандъ прекратилось въ Прессѣ... неизвѣстно по какимъ причинамъ. Мемуары ея дошли только до восемнадцатилѣтняго возраста, то есть до замужества писательницы, и въ нихъ пока еще мало драматизма, а больше идилліи.

Изъ послѣднихъ литературныхъ произведеній замѣчательны слѣдующія:

Путешествіе въ Калифорнію и въ Орегонъ Сентъ-Амана. Хотя про эту страну написано уже безчисленное множество записокъ, впечатлѣній, описаній, разсужденій, но до сихъ поръ все это похоже было на корреспонденцію золотопромышленниковъ и лавочниковъ-эмигрантовъ. Теперь же въ первый разъ описываетъ Калифорнію и Орегонъ человекъ умный, съ обширными познаніями, твердостью и смѣлостью, и потому сочиненіе его замѣчательно во всѣхъ отношеніяхъ и будетъ имѣть успѣхъ.

Лошади въ Сагаръ и нравы въ степи, хорошо изображены генераломъ Дома. *Les chateaux en Espagne*, соч. Амедея Ашара, отличаются наблюденіемъ и остроуміемъ. *Краснокожіе*, *Les peaux rouges* Ксавье Эйма, занимательный романъ, достойный наследника Купера.

Кромѣ того выходятъ книги, расходящіяся нѣсколькими изданіями, но въ нихъ очень мало литературнаго. Это просто спекуляціи на нынѣшнее положеніе Европы съ цѣлью воспользоваться любопытствомъ публики, которая привлекается громкимъ заглавіемъ и покупаетъ книгу пустую, скучную, несостоящую вниманія, и которая въ другое время пролежала бы въ книжныхъ лавкахъ нетронутая.

На послѣдней недѣлѣ умеръ въ Парижѣ замѣчательный человекъ, который въ продолженіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ считался старикомъ; никто не запомнитъ чтобъ онъ когда нибудь былъ молодъ. Франсуа Вермеленъ былъ оригиналь, какихъ мало. Такъ какъ фамилія его германскаго происхожденія, то подобно многимъ изъ своихъ соотечественниковъ, онъ имѣлъ страсть, для которой только существовалъ. Это была страсть къ картинамъ, къ эстампамъ. Владѣя порядочнымъ имѣніемъ въ одномъ изъ сѣверныхъ департаментовъ, гдѣ политическіе перевороты имѣли мало дѣйствія, онъ пользовался всѣми случаями, чтобъ только увеличивать свою коллекцію. Въ 1793 году аристократы умирали на гильотинѣ, были изгнаны и лишены имущества, а Франсуа скупалъ ихъ картины, гравюры, эстампы

за бездѣнокъ. Перевероты консульства и имперіи принесли ему тоже много пользы. Въ 1815 году онъ приобрѣлъ много драгоценностей, въ 1830 былъ тоже очень счастливъ, въ 1848 даже помолодѣлъ отъ радости. При каждомъ переверотѣ онъ сѣдѣлъ туда, гдѣ зналъ, что можно пожитьяся. Онъ испыталъ однако неудовольствіе въ жизни, когда надѣялся... на то, чего не случилось. И однако онъ былъ ни красивый, ни даже народный представитель, а просто собиратель коллекціи картинъ, а эти люди вообще любятъ ловить рыбу въ мутной водѣ.

Онъ умеръ разстановя вокругъ себя драгоценныя картины Альберта Дюрера, Марка-Антуана, Альдерграва, картоны и пр. и оставилъ послѣ себя духовную, тоже очень странную. Онъ не хотѣлъ завѣщать свою коллекцію какому нибудь музею или одному лицу, но раздѣлилъ ее на девяносто шесть частей и приказалъ продать ихъ по одиначкѣ въ двадцати разныхъ государствахъ, чтобъ то, что онъ собиралъ всю свою жизнь съ величайшими трудами и пожертвованіями, было опять разбросано по всей Европѣ, а не досталось одному или нѣсколькимъ любителямъ. Исполнителю духовнаго завѣщанія назначена пенсія въ 8,000 фр. Это одинъ изъ рѣдкихъ людей, пользовавшійся довѣренностью покойника и знавшій хорошо его коллекцію, которую онъ вмѣстѣ съ состояніемъ Франсуа Вермелена цѣнитъ въ полмилліона.

Сумма отъ продажи всего этого должна быть отдана правительству одного маленькаго городка въ Голландіи, и какое назначено изъ нея употребленіе, это должно быть тайною. Вотъ оригиналъ въ полномъ смыслѣ!

Возвратимся къ Крувелли, надѣлавшей такую суматоху своимъ бѣгствомъ. До сихъ поръ никто не знаетъ куда она дѣвалась, и дирекція оперы успѣшила уже взять адвоката, которому поручила выпросить позволеніе задержать капиталы пѣвицы, находящіяся у Ротшильда и описать ея имущество. Странно, что пѣвица оставила свой домъ улицы Тронше въ такомъ порядкѣ, какъ будто поѣхала прогуляться за городъ. Она не взяла съ собою ни серебра, ни драгоценностей, ни даже костюмовъ. Директоръ оперы требуетъ съ нея 100,000 фр. за нарушеніе контракта. Послѣ этого г-жа Крувелли никакъ уже не проститъ ему ангажированія г-жи Штольдъ. Впрочемъ, вѣроятно она уже не явится ни на какой сценѣ, потому что прошли слухи, довольно вѣроятные, что артистку увезъ одинъ изъ знаменитыхъ львовъ, которому родные не позволяли жениться на пѣвицѣ; но такъ какъ она хорошо знаетъ сцену, то убѣдила льва ѣхать въ Гретна-Гринъ; потомъ разсерженные родные растрогаются, благословятъ и простятъ. Это будетъ финальная картина изъ *Линды ди-Шамуни*, которую Крувелли играетъ прево-

сходно. Супругъ же такъ богатъ, что не будетъ торговаться съ дирекціею и заплатитъ за свое счастье какую бы сумму съ него не потребовали.

Вообще въ наше время артисты играютъ важную роль не на одной сценѣ, и все смотрятъ на нихъ какъ на необыкновенныхъ существъ, почитая ихъ какими-то особенными людьми. Арналь говоритъ, что онъ не можетъ выйти на улицу, чтобъ прохожіе не останавливались, смотря на него съ глупою улыбкою, какъ бы ожидая, что онъ скажетъ что нибудь смѣшное, и потомъ громко кричатъ на всю улицу: вотъ идетъ фарсеръ Арналь!

Войдите въ кафе, и если тамъ случится одинъ изъ артистовъ, то непременно вокругъ него соберется толпа зѣвакъ, будетъ ему смотрѣть въ ротъ, когда онъ завтракаетъ, ловить каждое его слово, каждый жестъ, бросаясь прислуживать ему, и все это для того, чтобъ послѣ сказать гдѣ нибудь громко: я поутру завтракалъ съ Франескомъ изъ театра *Веселости*. Какой онъ забавникъ!

Актриса производитъ еще больше эффекта не на сценѣ, особенно на самыхъ молодыхъ мужчинъ, которые впрочемъ сами не знаютъ, кого они любятъ въ артисткѣ, женщину или Офелію, Дездемону, Федру, Маринету? Случается, что они встрѣчаютъ свой идеалъ, сошедшій съ пьедестала подмостковъ, въ скромномъ городскомъ платьѣ, безъ румянъ и не узнаютъ его.

Прежде предразсудки дѣлали сцену занимательною какъ Олимпъ, населенный богами язычества. Отдѣленные отъ остальной публики, актеры являлись только въ извѣстные часы, и то въ блистательныхъ костюмахъ, какъ азіятскіе вельможи, показывающіеся только нѣсколько разъ въ годъ. Тогда фойе французской комедіи было лучшимъ салономъ въ Парижѣ, въ которомъ собирались вельможи, писатели, артисты, остряки, чтобъ поговорить съ актрисами и посмотрѣть на нихъ вблизи. Тамъ герцогъ Ришелье разсуждалъ о репертуарѣ; маркизы, богачи и философы увивались вокругъ Дюмениль или Клеронъ, и между ними, тоже въ пудрѣ, во французскомъ кафтанѣ, со шпагой, ходили актеры, гордые, смѣлые, ловкіе, какъ придворные. Тогда была счастливая эпоха для театра!

И теперь все таки лестно быть выше остальныхъ смертныхъ, и приятно мѣнять свои роли. Миллионеры изъ водевилей Скриба сколачиваютъ себѣ копѣйку на черный день; повѣсы, гуляки на сценѣ, въ частной жизни бываютъ тихіе граждане, добрые мужья и отцы семействъ, восхваляемые привратниками и достойные Монтионовой награды.

Актрисы въ настоящее время тоже болѣею частію выходятъ замужъ. Пѣвицы выходятъ замужъ за музыкантовъ, *перья* роли за

любовниковъ, субретки за комиковъ, и даже танцовки не боятся компрометировать свои успѣхи на сценѣ, являясь предъ официальнымъ шарфомъ мера втораго округа.

И вотъ весь драматическій Олимпъ спустился въ семейную жизнь. Дѣтьми и хозяйствомъ распоряжается мать, а мужъ и жена копятъ свое жалованье и пускаютъ его въ ростъ. Талія хранитъ деньги въ сберегательной кассѣ!

Одна остроумная парижская актриса, извѣстная своими приключениями, говорила недавно:

— Надобно и мнѣ выйти замужъ. Покровитель никогда не забываетъ объ насъ какъ должно. Онъ не будетъ спорить съ директоромъ о прибавкѣ жалованья, или о новыхъ роляхъ. Онъ не пойдетъ къ Жанену, Лире, Теофилу Готье и другимъ раздавателямъ славы, чтобъ выпросить нѣсколько словъ о нашемъ талантѣ. Мужъ же обязанъ хлопотать о нашихъ выгодахъ.

Опера тоже измѣнилась чрезвычайно, особенно въ последнее время. Фойе танцевъ однако все имѣетъ что-то волшебное, когда оно наполнено виллисами, феями, пери, нимфами, такъ роскошно прикрытыми газомъ. Тутъ всѣ лвы авансены собираются въ антрактахъ.

Фойе французской комедіи сохраняло долго видъ салона самаго аристократическаго. Вышее дворянство и особенно старички, сохранившіе еще живость и веселость молодости, остроумные, вѣжливые, проницскіе, придавали ему видъ восемнадцатаго столѣтія. Но теперь эти представители прошедшаго исчезли, и въ фойе вмѣсто тонкихъ разговоровъ въ родѣ Мариво, раздаются остроты Бовале и каламбуры Огюстины Брoganъ.

При входѣ въ это фойе вы увидите сначала восемь бюстовъ: Ларива, г-жи Дюмениль, Сенваль старшей и меньшей. Съ двухъ сторонъ часовъ поставлены Клеронъ и Данжевилъ, надъ ними Мольеръ.

Потомъ смотрите какія смѣшныя фizioноміи у бюстовъ: колоссальныя носы, комическіе костюмы. Это Тюрлюпенъ, Гро-Гильомъ, Гильо-Горжю, великіе комики, начавшіе свое поприще на площадныхъ подмосткахъ. Дальше вы узнаете Арлекина, Панталона, Скарамуша и семейство Криссеновъ; вотъ Марія Демаре и Шанмеле, имена которыхъ шенталь Расинъ. Вотъ Лекенъ, Бризаръ, Дазенкуръ, Превиль, Дюгазонъ, Граммениль и Баронъ, любимый ученикъ Мольера. Наконецъ вотъ Тальма, Флѣри, оба Батиста и несравненная Марсъ.

Но вотъ фойе наполняется живыми портретами, окутанными въ кружева и шелкъ. Рашель толкуетъ съ своими поклонниками о городскихъ слухахъ, Денень, обѣ Брoganъ, Терикъ, Жюдитъ, Алланъ, Фаваръ и

другія тоже спорятъ. Ренъ рассказываетъ въ одной группѣ свои остроумные анекдоты, Понсаръ, когда онъ не въ ссорѣ съ дирекціею, ходитъ подъ руку съ Брендо; Эмиль Ожье, Альфредъ Мюссе, Латуръ де Сентъ-Ибаръ, живописцы, скульпторы, журналисты перемѣшаны съ простыми смертными. Оргонъ играетъ въ углу въ домино съ Магометомъ, Скапенъ разсуждаетъ о драматической литературѣ съ Оросманомъ, Филаминта шутитъ съ Бридуазономъ, Пирръ ссорится за что-то съ Мариетой. И вдругъ посреди всѣхъ этихъ разговоровъ раздается голосъ режиссера, призывающаго на сцену Агамемнона, и онъ прерываетъ свой разговоръ на половинѣ слова, бросаетъ шахматы и бѣжитъ распѣвать свои александринскіе стихи Ахиллу.

Особенно въ понедѣльникъ фойе бываетъ чрезвычайно оживленъ, потому что въ немъ обсуждаютъ всѣ драматическіе фельетоны, вышедшіе въ это утро. Въ одной группѣ хвалятъ Жанена, въ другой проклинаютъ Теофиля Готье, Натареля де Фіенъ или Поля де Сенъ Викторъ. Иные молчатъ, чтобъ не вооружить противъ себя аристарховъ критики. Сансонъ пожимаетъ плечами, г-жа Дененъ показываетъ свои, а Огюстина Брганъ продолжаетъ сыпать каламбурами.

Когда Лижье былъ въ группѣ французской комедіи, его разсѣянность чрезвычайно забавляла всѣхъ присутствующихъ и особенно Рашель. Его заставляли всегда разсказывать что нибудь, перебивали на каждомъ словѣ, и такъ какъ онъ къ тому еще говорилъ съ разстановкою, то тотчасъ же забывалъ о чемъ идетъ дѣло и отвѣчалъ не впопадъ, но очень серьезно, и даже не замѣчалъ, что всѣ надъ нимъ смѣялись.

Огюстина Брганъ тоже забавляетъ своихъ товарищей. Извѣстно, что остроумная эта женщина очень близорука, и потому съ нею часто повторяютъ слѣдующую шутку. Она начинаетъ разговаривать съ кѣмъ нибудь; но чрезъ нѣсколько минутъ другой шутникъ становится передъ нею, потомъ уступаетъ мѣсто третьему, и артистка не замѣчая этого, продолжаетъ свое злословіе и иногда говоритъ самую рѣзкую правду лицамъ, не подозревая, что передъ нею тотъ самый, кого она такъ жестоко отдѣлываетъ. Однажды она начала болтать съ журналистомъ и не замѣтя, что мѣсто его занялъ одинъ театраль, по имени А^{***}, у котораго правое плечо было гораздо выше лѣваго, она сказала:

— Этому бѣдному А^{***} недостаетъ только ума, чтобъ быть настоящимъ горбуномъ.

Остроты Огюстины Брганъ сдѣлались знамениты и вѣроятно соберутся въ особенную книгу подъ названіемъ: *Огюстиніаны*.

Вообще если фойе французской комедіи не можетъ похвастаться аристо-

кратическимъ салономъ, то въ немъ бываютъ всегда самыя занимательныя, самыя остроумныя разговоры. Группы артистовъ и артистокъ перебрасываются блестящими словами какъ ракетами. Нигдѣ такъ живо не рассказываютъ анекдота, невыдумываютъ парадокса. И нѣкоторые водевиллисты тоже иногда прерываютъ разговоръ или споръ быстрымъ замѣчаніемъ, которое блеснетъ какъ алмазь и потухнетъ въ перелетномъ огнѣ каламбуровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, актеръ и актриса живутъ только четыре часа изъ двадцати четырехъ.

Видъ сцены актеръ не живетъ. Онъ ходитъ по бульвару, говоритъ съ вами, но мысли его все-таки находятся на пятидесяти квадратахъ, составляющихъ сцену и освѣщенныхъ ламповымъ солнцемъ. Онъ смотритъ на все, судитъ обо всемъ, какъ актеръ отдѣленный рампою отъ остальной публики. Сцена для него выше всего.

Если авторъ читаетъ въ комитетѣ пьесу и она принята съ громкими рукоплесканіями, актеръ непременно прибавитъ:

— Еще Богъ знаетъ будетъ ли она имѣть успѣхъ на сценѣ!

Жизнь актера составлена изъ вѣчной борьбы, хлопотъ, безпокойствъ, и однако она такъ привлекательна, что кто вступилъ въ нее однажды, тотъ уже не въ состояніи бросить ее.

— Кто избавитъ меня отъ этой каторги! кричитъ иногда съ отчаяніемъ Фредерикъ Леметръ, и все-таки остается на сценѣ.

Марсъ тоже не могла рѣшиться выдти въ отставку и говорила:

— Я сама знаю, что мнѣ давно пора сойти со сцены, но отчего же мнѣ не позволить еще немного насладиться сценою.

Вотъ отчего критика, истрата уже всевозможныя похвалы знаменитой артисткѣ, выдумала для нея *вѣчную весну*.

Съ тѣхъ поръ слова эти сдѣлались пошлыми, потому что ихъ говорятъ всемъ пожилымъ актрисамъ.

Брюне, сойдя со сцены, каждый день приходилъ за кулисы театра Разнообразія и даже костюмировался:

— Это для того, говорилъ онъ, что въ костюмѣ я все жду, что режиссеръ позоветъ меня на сцену, а это доставляетъ мнѣ пріятное ощущеніе.

Однажды онъ выпросилъ, чтобъ ему дали играть роль хозяина, который не выходитъ на сцену, а только стучитъ за кулисами. Для этого онъ сдѣлалъ себѣ костюмъ настоящаго водевильнаго *хозяина дома*, хотя его видѣли только за кулисами.

Эта страсть къ театру сохранилась у Брюне до конца жизни, и ког-

да онъ отъ старости съ трудомъ передвигаль ноги, то говорилъ еще директору труппы въ Фонтенбло:

— Когда у васъ неостанетъ Жокриса, то скажите мнѣ. Я всегда готовъ играть вамъ *даромъ*.

Потѣ признавался, что не могъ хладнокровно пройти мимо театра.

Одри, остава театръ Разнообразія, играль на домашнихъ спектакляхъ въ Курбвуа.

Актрисы большею частію гораздо хладнокровнѣе оставляють сцену, особенно когда лѣта докладываютъ, что надобно перейти къ ролямъ степеннымъ, требующимъ темныхъ закрытыхъ платьевъ и изгнанія рукавъ.

Тогда они обыкновенно начинаютъ мечтать о выгодномъ замужствѣ, о путешествіи за границу, о Комскомъ озерѣ.

Но почти всегда случается, что онѣ остаются на Энгіенскомъ озерѣ.

Только истинно великія артистки не боятся старости, зная что талантъ всегда молодъ, всегда выше красоты.

Кто хорошо знаетъ кулисы, тотъ понимаетъ, что изъ всѣхъ женщинъ актриса совершенно не имѣетъ времени любить. Она какъ невольница привязана короткою цѣпью къ своему ремеслу и не смѣетъ отойти далеко отъ своего властителя, публики. У нея даже не одинъ властитель, а много. Вотъ авторъ, и актриса обязана нравиться ему, улыбаться на всѣ его любезности, чтобъ только получить роль. Вотъ директоръ, отъ котораго она совершенно зависитъ, и который по своему капризу можетъ сдѣлать ее первой или послѣдней актрисой. Дальше, вотъ журналистъ, другой, третій, десятый, и со всѣми надобно быть любезною, не считая актера, который даетъ реплики, начальника клакеровъ, суфлера, которые всѣ могутъ вредить актрисѣ... Цѣлый день она обязана учить роли то въ прозѣ, то въ стихахъ, твердить куплеты, заучивать передъ зеркаломъ позы, примѣрять костюмы. На другой день журналы кричатъ о новой пьесѣ. Одинъ увѣряетъ, что актриса имѣла успѣхъ, другой говоритъ, что она играла дурно, третій хвалитъ пьесу и артистовъ, но нашель, что актриса напрасно взяла такую молодую роль. Четвертый еще безжалостнѣе. Онъ не упоминаетъ даже о ней, а восхищается ея соперницею. Не ужасное ли это ремесло! Актрисѣ надобно не только всѣмъ нравиться, но еще стараться, чтобъ другая не заняла ея мѣста. На одномъ пьедесталѣ не должно быть двухъ статуй. Стоитъ вспомнить сколько процессовъ бываетъ у актрисъ, сколько онѣ подписываютъ гербовыхъ бумагъ; поневолѣ удивительно, что посреди этихъ хлопотъ, неприятностей, соперничествъ и прятѣсеній онѣ находятъ время любить. Но эта любовь такъ не прочна, что стоитъ только публикѣ за-

капризничать, и актриса принесетъ ей въ жертву все свои привязанности.

На другой день представленія пьесы г-жи Ансело: *Марія*, или три эпохи въ жизни женщины; въ которой Марезъ имѣла блистательный успѣхъ, къ ней пришла молодая дѣвушка, принадлежавшая къ одной изъ лучшихъ парижскихъ фамилій, богатая, прекрасная собой, и сказала великой артисткѣ:

— Вчера я была въ театрѣ и видѣла вашъ триумфъ. Ваша слава давно занимаетъ меня, и я чувствую непреодолимое влеченіе къ театру. Ваша жизнь полна очарованія, и я хочу, не смотря на мое богатство и положеніе въ свѣтѣ, оставить все и идти на сцену.

— Дитя мое, отвѣчала ей артистка холодно, вы видите только одни успѣхи на сценѣ, но не знаете всехъ мученій нашей жизни. Если бы мнѣ пришлось теперь выбирать себѣ поприще, я скорѣе сдѣлалась бы швеєю, чѣмъ первою актрисою.

И благородная женщина рассказала молодой энтузіасткѣ все мелочи закулисной жизни, все дразги, непріятности, все шипы букета, въ которомъ публика видитъ только цвѣты, словомъ совершенно разочаровала молодую дѣвушку. На прощаніи она прибавила:

— Не говорите вашей маменькѣ, что вы были у *Селимены*.

Актеръ точно также долженъ хлопотать о поддержаніи своего успѣха и замѣчать, чтобъ другіе не перебивали его ролей.

Первый любовникъ ежеминутно хлопочетъ о своей наружности. Каждое утро онъ вымѣриваетъ себя, чтобъ не потолстѣть, разсматриваетъ въ зеркалѣ, нѣтъ ли у него морщины, не показался ли сѣдой волосокъ. Если же онъ начинаетъ толстѣть, то тотчасъ надѣваетъ корсетъ.

Актеръ, сдѣлавшійся любимцемъ публики, начинаетъ властвовать на сценѣ. Онъ требуетъ отъ директора, чтобъ никто не смѣлъ играть главныхъ ролей, и самъ не соглашается играть въ пьесахъ, которыя ему не нравятся.

Однажды Брюне далъ хорошій урокъ Левассору, отказывавшемуся играть роль *Школьнаго учителя* въ пьесѣ того же названія.

— Я бы создалъ въ этомъ водевилѣ эффектную роль, сказалъ онъ.

— Роль учителя? спросилъ Левассоръ.

— О, нѣтъ. Эта роль можетъ быть исполнена только Потье. Но я взялся бы съ удовольствіемъ сыграть роль глухаго попечителя, который является въ концѣ и говоритъ нѣсколько словъ. За то какую фізіономію можно придать этому лицу!

Теперь скромные артисты всеобщимъ вывелись. Самолюбіе актеровъ

не знаетъ предѣловъ, и авторы не пишутъ уже ни драмъ, ни комедій, ни водевилей, а только роли для такихъ-то актеровъ или актрисъ.

Одинъ драматургъ принесъ драму Фредерику Леметру, прося его играть въ ней роль. Артистъ продержалъ пьесу недѣлю, и отдавая ее автору, сказалъ:

— Ваша драма очень хороша, только въ ней нѣтъ для меня ни одной роли.

— Какъ ни одной! вскричалъ писатель съ удивленіемъ, у меня три превосходныя роли.

— Это правда, только гдѣ три равныя роли, тамъ нѣтъ роли для меня, понимаете? Для меня нужна одна роль въ пьесѣ.

Леметръ послѣ нѣсколькихъ представленій пересталъ играть роль Дженаро въ *Лукреціи Борджіи*, потому что актриса Жоржъ затмѣвала его.

Арналь дѣлаетъ условіе съ директоромъ, что будетъ играть въ пьесахъ по своему выбору.

Фештеръ отказался недавно играть въ пьесѣ, потому что роль была не *чахоточная*.

Этотъ актеръ больше ста разъ умиралъ очень эффектно въ пьесѣ «*Les Filles de marbre*», и такъ пристрастился къ подобнымъ ролямъ, что хотѣлъ непремѣнно играть чахоточнаго и заставлять плакать чувствительныхъ дамъ.

Положеніе директора между нѣсколькими самолюбивыми артистами тоже не завидно и требуетъ много терпѣнія, ловкости, ума.

Гарель, одинъ изъ умѣйшихъ людей своего времени, признавался, что ему стоило неимоверныхъ усилій и дипломатическихъ переговоровъ, чтобъ ужиться въ мирѣ съ Фредерикомъ Леметромъ, Бокажемъ, актрисами Жоржъ и Дорваль.

— Съ Фредерикомъ и Жоржъ я еще кое-какъ улаживаю дѣла, говоритъ Гарель. Одному прибавлю жалованья, другой наговорю комплементовъ; но съ Бокажемъ никакъ не могу ужиться...

Почти у всѣхъ актеровъ есть особенный *тикъ*, привычка, обнаруживающаяся обыкновенно въ день перваго представленія. Тикъ, это странное чувство, ощущаемое актеромъ передъ выходомъ на сцену.

Нюма уже тридцать лѣтъ на сценѣ, но чувствуетъ сильный тикъ во время десяти первыхъ представленій пьесы, въ которой занимаетъ главную роль.

Лишь передъ выходомъ чувствуетъ, что у него въ горлѣ остано-вилось яблоко.

Фредерикъ Леметръ прогоняетъ свой тикъ бутылкою бордоскаго. — Я хочу утопить тикъ въ винѣ, говоритъ онъ, и въ самомъ дѣлѣ, послѣ такого приѣма онъ играетъ превосходно.

Лакресоньеръ передъ началомъ пьесы бѣгаетъ за кулисами блѣдный и взволнованный, какъ будто сдѣлалъ какое нибудь преступленіе.

Когда актеры театра Веселости видятъ, что Франсискъ почесываетъ себѣ голову, они понимаютъ, что это тикъ.

Ариаль, всегда свободный на сценѣ, какъ дома, тоже имѣетъ свой тикъ, который состоитъ въ томъ, чтобъ аксесуары были всегда на своемъ мѣстѣ и не мѣнялись, а то онъ приходитъ въ отчаяніе.

Однажды, играя въ какой-то пьесѣ барабанщика, онъ выходилъ на сцену съ палочками. Въ четвертое представленіе одна изъ палочекъ затерялась, и Ариалю подали другую, когда ему надобно было уже начинать пьесу. Онъ началъ кричать, сердиться, требовалъ, чтобъ ему подали его прежнюю палочку, и наконецъ не хотѣлъ играть. Принуждены были опустить завѣсу и объявить публикѣ съ тремя обычными поклонами, что г. Ариаль внезапно захворалъ и не можетъ играть.

Одинъ актеръ въ день перваго представленія былъ до того взволнованъ, что самъ, не понимая для чего, разорвалъ совершенно новую декорацию.

Тиссеранъ отъ волненія застегивается на всѣ пуговицы и опять разстегивается, надѣваетъ и снимаетъ перчатки. Онъ дѣлается хладнокровнымъ только на сценѣ.

Впрочемъ замѣчено, что тикъ чувствуютъ только артисты съ талантомъ, но и тутъ бываютъ исключенія. Актриса Дежазе увѣряетъ, что она никогда не знала тика.

Уже нѣсколько лѣтъ потеряли привычку свистать въ театрахъ. Зато перестали и аплодировать.

Хлопанье въ спектаклѣ принадлежитъ клакерамъ, и во всякомъ театрѣ есть свои клакеры.

Два года тому назадъ хотѣли уничтожить хлопальщиковъ, но увидѣли, что это не возможно, потому что каждый актеръ нанималъ себѣ отдѣльно клакеровъ, которые, разумѣется, для него не жалѣли рукъ.

Но, спросить многіе, какое утѣшеніе приносятъ артисту аплодисменты, за которые онъ самъ заплатилъ?

Актеру необходимы аплодисменты: они разогрѣваютъ его, поддерживаютъ; публика очень хорошо знаетъ, откуда они пропеваютъ, но это уже такъ принято и вошло въ нравы, что кажется и театръ не можетъ существовать безъ наемныхъ хлопальщиковъ.

Начальникъ клакеровъ присутствуетъ всегда при генеральной репе-

тиціи, и даетъ совѣты артистамъ, автору и директору дѣлать какія нибудь перемѣны на сценѣ.

— Вы поете очень медленно вашу арію, сказалъ однажды главный клакеръ пѣвцу Деривису. Это не понравится публикѣ.

— Что ты понимаешь въ этомъ? вскричалъ пѣвецъ, убирайся отсюда, я знаю, что пою.

— Въ такомъ случаѣ, сегодня вы не услышите ни одного щелчка, отвѣчалъ клакеръ, и сдержалъ свое слово.

Фредерикъ Леметръ смѣется надъ всѣми и наконецъ вздумалъ посмѣяться надъ собою. Въ послѣднее представленіе *Робертъ Макера*, передъ тѣмъ какъ должно было опустить завѣсу, онъ подошелъ къ рампѣ и закричалъ, обращаясь къ *рыцарямъ люстры* (клакерамъ).

— Не видали ли вы г. Огюста?

Вся зала съ удивленіемъ смотрѣла на артиста.

— Я вамъ объясню отчего я спрашиваю г. Огюста, продолжалъ Леметръ. Сегодня утромъ я далъ ему сто франковъ, чтобъ меня вызвали съ громкими аплодисментами. Если Огюста нѣтъ въ театрѣ, то онъ или хотѣлъ обокрасть меня, или вы жалѣете вашихъ ручекъ и горлышекъ.

Вся зала захохотала, а клакеры начали хлопать и кричать:

— Фредерикъ, Фредерикъ!

Артистъ послѣ *спича* ушелъ за кулисы. Потомъ завѣсу подняли, и онъ съ комическою важностью вышелъ на сцену и раскланялся. Только теперь ему аплодировалъ уже весь театръ, а не одни клакеры.

Начальникъ клакеровъ, довольно важное лицо въ театральномъ мѣрѣ. Онъ не только торгуетъ аплодисментами, но покупаетъ пьесы у бѣдныхъ артистовъ, даетъ въ долгъ деньги директорамъ, актерамъ, актрисамъ, музыкантамъ и даже придверницамъ ложъ, разумѣется за неизвѣстные проценты.

Цѣлый день онъ принимаетъ визиты по разнымъ дѣламъ, вечеромъ обѣгаетъ всѣ театры, успѣетъ въ антрактахъ окончить еще нѣсколько *дѣлъ*, и не раньше полуночи вернется домой, чтобъ на другой день дѣлать тоже.

И парижская публика также хладнокровно слушаетъ хорошую пьесу какъ и дурную, потому что клакеры не дадутъ упасть ни одному фарсу, который всегда можетъ надѣяться на пятнадцать представлений и больше. За то съ тѣхъ поръ какъ пьесы не падаютъ на сценѣ

нѣ, нѣтъ тоже и значительныхъ успѣховъ. Да изъ чего и биться, если клакеры наняты только для того, чтобъ аплодировать.

Притомъ актеры стали теперь до того взыскательны, что требуютъ, чтобы авторы прежде чтенія пьесы въ комитетѣ приходили къ нимъ и читали пьесу для каждаго особенно. Скоро драматическая литература дойдетъ опять до того времени, когда писатели ждали въ переднихъ актеровъ, и драмы валялись по нѣскольку лѣтъ въ ложахъ привратниковъ. Къ счастью авторы надѣлены тоже порядочнымъ запасомъ самолюбія и не всѣ рѣшаются на *домашнее чтеніе*.

Публика, слѣдя за актеромъ на сценѣ, думаетъ, что слышитъ все, что онъ говоритъ. Она ошибается.

Нельзя вообразить себѣ, что успѣвають переговорить съ собою актеры, продолжая серьезно играть свою роль; во время самыхъ патетическихъ сценъ, они справляются о здоровьѣ домашнихъ, разсказываютъ анекдоты, и убивая злодѣя успѣвають шепнуть ему каламбуръ.

Актеръ Жиль Перецъ имѣетъ особенный даръ въ одно время забавлять публику и артистовъ, находящихся на сценѣ или за кулисами, то есть онъ играетъ разомъ двѣ комедіи, а иногда перемѣшиваетъ роли и дурачить публику, что уже выходитъ изъ границъ искусства. Актеръ не долженъ забывать, что онъ артистъ.

Арналь часто измѣнялъ смыслъ своей роли, не путая другихъ актеровъ, прибавлялъ и убавлялъ ее, и замѣтя въ ложахъ авансены знакомыхъ, успѣвалъ разговаривать съ ними и шутить, такъ что публика и не замѣчала этого. Вообще Арналь такъ привыкъ импровизовать роли, что требуетъ даже части въ сборѣ пьесъ, какъ одинъ изъ авторовъ. Это доказываетъ что актеры, не смотря на талантъ, все таки дѣлаются положительными и не забываютъ своихъ выгодъ.

Часто послѣ пятаго акта въ публикѣ спрашиваютъ: что дѣлаютъ актеры, когда опустится завѣса надъ живой картиной счастья или убитыми злодѣями?

Стоитъ посмотреть на нихъ въ эту минуту, чтобъ совершенно потерять все очарованіе: такъ скоро они забываютъ свои роли и дѣлаются самыми прозаическими людьми.

Многіе видѣли какъ Малибранъ по окончаніи *Отелло*, убитая Мавромъ, вскакивала какъ только завѣса опускалась и галопировала кругомъ всей сцены.

Добрый Рубини, послѣ финальной кантилены въ Лучи, заставлявшей плакать публику, падалъ на руки хористовъ ткнувъ себя кинжаломъ и замиралъ съ послѣдними нотами. Когда же завѣса опускалась, онъ спрашивалъ хористовъ:

— А что, какъ вы находите, много я пополнилъ съ прошлаго года?

Хоръ начиналъ спорить. Одинъ говорилъ, что теноръ похудѣлъ, другой увѣрялъ, что потолстѣлъ, а въ это время публика отирала слезы и повторяла невольно послѣдніе стоны бѣднаго Эдгарда.

Тальма, самый добросовѣстный и увлекательный артистъ, тоже скоро переходилъ отъ роли героя къ человѣку. У него былъ дорогой мечъ, подаренный ему живописцемъ Гереномъ, и съ этимъ мечемъ игралъ онъ Ореста. Когда въ послѣдней сценѣ безумія весь театръ съ ужасомъ и восторгомъ слушалъ великаго артиста и не могъ опомниться когда опустилась завѣса, въ это время Тальма кричалъ: *гдѣ мой мечъ*, и бѣжалъ за кулисы, чтобъ самому его спрятать, не слыша грома рукоплесканій и криковъ, вызывавшихъ великаго трагика.

Театръ, кромѣ артистовъ и лицъ, принадлежащихъ къ дирекціи, даетъ хлѣбъ многимъ мелкимъ промышленникамъ.

Придверница, отворяющая ложи, была, можетъ быть, въ свое время тоже Клеопатрой, Вероникой, Сюзетой. Кассиръ и продавецъ контрмарокъ тоже когда-то играли паперенниковъ, выслушивающихъ жалобы Тита, Ореста, Танкреда. А сколько есть такихъ фигурантовъ, которыхъ нанимаютъ только, чтобъ играть ропотъ народа, поддерживать героя, когда онъ умираетъ, занимать роль ноги у какого нибудь звѣря или представлять волны.

Эта послѣдняя роль очень не легка, особенно въ бурю, и за то, что статистъ хорошо качается подъ холстомъ, онъ получаетъ прибавку на водку. Волны всегда чувствуютъ необыкновенную жажду.

Кромѣ того сотни мелкихъ продавцевъ со всевозможными лакомствами и прохладеніями разсыпаются въ антрактахъ по всѣмъ коридорамъ.

Всѣ они имѣютъ страсть къ театру, знаютъ всѣхъ актеровъ, всѣ пьесы, считаютъ себя тоже артистами, и бываютъ въ восторгѣ, если Меленгъ или Леметръ скажетъ имъ одно слово.

Но самое важное лице въ театрѣ, это директоръ. Всѣ стараются получить привилегію какого нибудь театра, чтобъ разжиться въ короткое время и перепродать свое право. Только очень немногіе достигаютъ этого результата.

Каждый директоръ, преслѣдуемый одною мыслию, съ утра наблюдаетъ погоду, какъ земледѣлецъ. Смотря по времени онъ знаетъ сколько у него вечеромъ будетъ сбору. Солнце сердитъ его, тучи радуютъ.

Буффе, умершій директоромъ водевильнаго театра, никогда не го-

ворилъ: сегодня хорошая погода, или дурная, но: сегодня погода въ тысячу франковъ или солнце въ пятьсотъ.

Есть директоры драматурги и хотя они не имѣютъ права давать свои произведенія на собственномъ театрѣ, но все таки подъ чужимъ именемъ пользуются правами автора, хотя слава и успѣхъ не упоминаютъ ихъ именъ. Но кто теперь заботится о славѣ, были бы деньги.

Образцовымъ директоромъ можно назвать Лемуана Монтиньи, управляющаго театромъ *Гимнази*.

Монтиньи заботится только о своемъ театрѣ, и никто лучше его не ставитъ пьесъ, такъ что авторы и актеры обязаны ему большею частью успѣха.

Онъ всегда присутствуетъ на всѣхъ репетиціяхъ и самъ слѣдитъ за каждымъ словомъ роли, дѣлая изъ простой фразы эффектную.

— Лескьеръ, говоритъ онъ ласково: повтори куплетъ, ты его не понимаешь. — Фижакъ, вы говорите: я люблю тебя, точно также, какъ убирайся отсюда. — Лафонтенъ, больше чувства, Жофруа не растягивай.

Съ такимъ директоромъ автору не надобно быть на репетиціяхъ: онъ можетъ быть увѣренъ, что пьеса пойдетъ отлично.

Искусными директорами почитаются Гостейнъ-Веселости и Маркъ Фурнье театра Сень-Мартенскихъ воротъ.

Несчастный, но любезнѣйшій директоръ былъ Тибодо, обанкротившійся въ Одеонѣ, и недавно отставленный отъ дирекціи Водевила. Ему нѣкогда было заботиться о дирекціи театра, потому что онъ думалъ только объ удовольствіяхъ и видѣлъ *жизнь въ розовомъ цвѣтѣ*. Онъ говорилъ послѣ своей неудачи:

— Мои кредиторы напрасно поторопились задержать меня, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я бы сдѣлался милліонеромъ.

— Какъ же это? спросили его.

— Зиму я просуществовалъ бы какъ нибудь, а потомъ въ сезонъ всемірной выставки нажилъ бы милліонъ.

Всѣ директоры собираются пахать милліоны въ 1855 году и продать свою привиллегію. Найдется ли только покушникъ.

Значеніе артистовъ увеличивается съ каждымъ днемъ. Имъ льстятъ товарищи, публика, критика, авторы.

Однакоже довольно разсуждать о театрахъ. Прибавимъ только, что по нѣкоторымъ слухамъ, Крувелли уѣхала... отъ роли въ оперѣ Верди, гдѣ ей надобно было очень много кричать, а не пѣть. Верди, разумѣется, по этому случаю взялъ отъ дирекціи свое твореніе, говоря, что никто кромѣ Крувелли не можетъ его спѣть. Можетъ быть, все къ лучшему.

Другой слухъ, гораздо пріятнѣе для парижанъ, состоитъ въ томъ, что Плесса переходитъ на сцену французской комедіи. Говорятъ только, что Рашель противится этому принятію артистки. Кажется, впрочемъ, *Гермину* обвиняютъ напрасно. Она, правда, выбираетъ *актеровъ*, съ которыми ей должно играть въ одной пьесѣ, а всѣ Селимены не могутъ быть ей нѣсколько страшны, потому что ни одна изъ нихъ не сыграла *Федры* и *Полины*, также какъ, можетъ быть, Рашель вѣрно уже больше не вздумаетъ пробовать свои силы въ репертуаръ *Мольера*.

Но вотъ еще новая соперница великимъ артисткамъ *Корнелія Фальконъ*, знаменитая пѣвица, потерявшая голосъ отъ избытка чувствъ, собирается дебютировать въ драмѣ. Она и въ оперѣ трогала всѣхъ своею драматическою игрою, въ драмѣ же, съ ея прекрасною наружностью, она можетъ обогатить театръ, который выберетъ для своихъ дебютовъ.

Россини пріѣхалъ въ Парижъ лечиться. Кажется, что положеніе маэстро очень опасно, хотя онъ и увѣряетъ своихъ друзей, что скоро будетъ совершенно здоровъ. Дай Богъ, чтобы парижскій факультетъ вылечилъ его за одно и отъ лѣтъ, и заставилъ бы написать еще хоть одну оперу. Мы съ нѣкотораго времени такъ оглушены модною музыкою, что съ удовольствіемъ бы опять послушали какъ *поютъ*, а не кричать.

Пріѣхалъ тоже въ Парижъ графъ Росси, мужъ бѣдной *Зонтагъ*, изъ земли богатой, но смертельной, гдѣ артистка пропѣла послѣднюю пѣсню лебедя.

Мейерберъ вернулся изъ Берлина, посѣтивъ и другіе германскіе города, гдѣ ставилъ свою новую оперу и гдѣ былъ осыпанъ рукоплесканіями, подарками и поздравленіями. Объ *Африканкѣ* его однако ничего не слыхать, потому что онъ надѣялся, что роли въ ней займутъ *Тедеско*, *Крувелли* и *Роже*. Но первая поетъ въ Петербургѣ, вторая можетъ быть уже въ Америкѣ, а *Роже* тоже собирается въ Германію, откуда получилъ выгодныя предложенія; къ тому еще *Бразилія* приглашаетъ его съ г-жею *Лагранжъ* на будущій сезонъ, и разумѣется, за баснословное жалованье. Какъ тутъ устоять! Бѣдная *Африканка*, вѣда общее бѣгство изъ Парижа, пожалуй и сама убѣжитъ въ свое отечество.

За то будущимъ лѣтомъ устроится въ Парижъ нѣмецкій театръ, директоромъ котораго назначенъ графъ *Ингельштедтъ*, и который будетъ играть большею частію классическія пьесы.

Но что всего прискорбнѣе и невѣроятнѣе, это возвращеніе въ Парижъ *Джуліи Гризи*, которая, какъ кажется, не имѣла большаго успѣха въ Америкѣ, и разсерженная невѣжествомъ *Янковъ*, нарушила контрактъ,

сѣла на первый пароходъ и ѣдетъ опять въ Европу, гдѣ покрайней мѣрѣ слушали ее изъ учтивости и смотрѣли на нее по преданію.

Вотъ что пишетъ о дебютѣ Маріо и Гризи нью-Йоркская музыкальная газета:

«Пріѣзжія знаменитости дебютировали въ *Лукреціи Борджіи*. Публика съ волненіемъ ждала поднятія завѣсы, но встрѣтила Маріо холодно, потому что онъ въ началѣ говоритъ нѣсколько словъ речитативомъ. При входѣ Гризи, театръ разразился громкими аплодисментами, но когда она проѣла свою каватину, всѣ съ удивленіемъ посматривали другъ на друга говоря: гдѣ же этотъ бархатный органъ, полные звуки, гдѣ потрясающія сила голоса? У пѣвицы осталось одно только драматическое искусство и фокусы, составленные изъ головныхъ нотъ; притомъ же сцена Капель-Гарденскаго театра такъ огромна, что на ней очень невыгодно пѣть *усталымъ* голосамъ. Вотъ почему каватину выслушали молча, не смотря на всѣ усилія и искусство примадонны, и когда Маріо, проснувшись, началъ дуэтъ, зрители, обрадованные первыми симпатическими звуками, невольно вскричали: какой чудный голосъ. *Di pescatore ignobile* было сѣто имъ превосходно, и публика наградила артиста громкими рукоплесканіями.

«Въ дуэтѣ съ герцогомъ, Гризи произвела большой эффектъ своею увлекательною игрою, своими позами, достойными быть перенесенными на картину. Всякій жестъ ея былъ живописенъ, всякое движеніе граціозно. Всѣ были поражены ея драматическимъ талантомъ.

«Маріо-Дженаро пропѣлъ арію, написанную для него, съ такимъ чувствомъ и искусствомъ, что всѣ сознались, что онъ, не смотря на утраченную свѣжесть голоса и недостатокъ силы, все таки лучшей изъ современныхъ теноровъ, съ превосходною методою, рѣдкимъ тембромъ и необыкновенною пріятностью. Всѣ эти качества могутъ быть достойно оценены только артистами и истинными любителями, понимающими всѣ трудности его методы.

«*Норма*, назначенная для втораго дебюта артистовъ, привлекла многочисленную публику; всѣ знали, что это лучшая роль Гризи. Однако нельзя сказать, чтобъ ожиданія слушателей оправдались. Разумѣется, пѣвица была превосходна, и во многихъ мѣстахъ поражала публику то раздрающимъ воплемъ ревности, то страстными порывами, то материнскою нѣжностью. Но арія *casta diva* не произвела никакого эффекта, потому что многіе помнятъ съ какою силою, свѣжестью и полнотою голоса пѣла эту арію Женни Линдъ; даже г-жа Лабордъ, французская пѣвица, была несравненно выше Гризи. Не забудемъ только, что съ

начала до конца игра Джуліи Гризи была неподражаема и увлекала зрителей до того, что они готовы были забыть музыку.

«Маріо былъ не на своемъ мѣстѣ, потому что роль Полліона требуетъ много силы. Послѣ ервой аріи пѣвецъ уже такъ усталъ, что немогъ выдержать роли. Притомъ же въ партіи Полліона онъ не могъ выказать всѣхъ своихъ средствъ, превосходной вокализациі, полутоновъ и головныхъ нотъ, немогъ также помѣстить своихъ нѣжныхъ сантиментальныхъ нотъ. Стало быть, онъ не могъ имѣть никакого успѣха въ роли, несвойственной его таланту. Это тоже самое, если бъ пѣвца заставили плясать по канату.»

Вотъ какъ разсуждаютъ американцы о первоклассныхъ артистахъ, привыкнущихъ ко всегдашнему восторгу европейцевъ. Неужели они думаютъ, что молодость необходима на сценѣ, и что за одно знаменитое имя не стоить платить сотни тысячъ долларовъ! Какіе варвары! Нѣтъ, въ Европѣ смотрѣли еще въ прошломъ году Тамбурины въ Донъ-Жуанѣ; можетъ быть долго еще будутъ *слушать* Ронкони, и почти на всѣхъ театрахъ можно найти стариковъ, которые играютъ любовниковъ или гаменовъ и *почтенныхъ* дамъ, играющихъ еще мужскія роли. Янки требуютъ уже очень многого. Ихъ избаловала Женни Линдъ, и они немогутъ забыть о ней. Правда, что Зонтагъ имѣла у нихъ огромный успѣхъ, но восторгъ этотъ относился скорѣе къ благородной женщинѣ, старающейся возстановить состояніе дѣтей, чѣмъ къ великой артисткѣ.

— Сообщимъ теперь объ одной ученой новости.

Извѣстный ученый Викторъ Пласъ, занимающійся разысканіями въ развалинахъ Корзабада, написалъ изъ Моссула письмо, въ которомъ находитъ слѣдующее любопытное извѣстіе:

«Я уже говорилъ вамъ, что нашелъ между пиластрами наружной стѣны гарема дюжину большихъ глиняныхъ боченковъ, исписанныхъ кругомъ — вотъ случай для ученыхъ заняться разборкой этихъ надписей. Кромѣ того, въ углу одной залы дворца я сдѣлалъ довольно любопытное открытіе. Въ большой гипсовой квадратной вазѣ, покрывка которой тоже исписана, я нашелъ пять различныхъ дощечекъ, покрытыхъ надписями съ двухъ сторонъ.

«Одна изъ нихъ изъ слочовой кости, величиною въ руку, исписана очень явственными буквами, вторая изъ олова, третья изъ мѣди, съ шестидесятью строчками, четвертая изъ серебра съ пятидесятью строчками, которыя разбиралъ Лофтусъ, но такъ какъ онъ въ вавилонскомъ языкѣ знаетъ также мало, какъ и я, то и полагаетъ, что это должна быть молитва. Пятая дощечка золотая, въ 600 фр., и на ней вырѣзаны сорокъ строкъ. Это еще до сихъ поръ единственная находка въ этомъ

родѣ, и однѣ надписи могутъ надолго занять всѣхъ ученыхъ. Кому не любопытно знать, что такое Ассиріане писали на драгоценныхъ металлахъ, сохранившихся до нашего времени? Должно быть что нибудь важное.»

Засуха нынѣшняго года такъ велика, что такой не было уже цѣлые полвѣка. 1798 годъ имѣетъ большое сходство съ 1854. Нѣкоторые земледѣльцы помнятъ, что тогда тоже дѣлали посѣвы очень поздно, что небольшой дождь пошелъ только 9 октября, и тогда всѣ успѣшили сѣять, что и исполнили въ пять дней. Въ слѣдующій годъ жатва была такъ обильна, что надобно было пристраивать житницы. Теперь еще рано отчаиваться, что нѣтъ дождей. Въ 1798 году не могли сѣять рѣпу, которая вся пропадала отъ засухи.

Въ самомъ дѣлѣ, лѣто и осень въ нынѣшнемъ году были такъ превосходны, теплы и ясны, что даже старожилы не запомнятъ такихъ временъ года. Что-то теперь скажетъ зима! Бѣдный классъ вездѣ съ ужасомъ ждетъ самаго жестокаго времени года.

Театральныя новости въ Парижѣ покуда еще незначительны. На театрѣ Гимназін поставленъ двухъ-актный водевиль. *Un conte de Fées* который понравился публикѣ, не смотря на свою невѣроятность. Но авторы, давъ ему названіе волшебной сказки, не претендовали, чтобъ онъ былъ натураленъ. Довольно того, что онъ забавенъ и хорошо написанъ.

Г-жа Жильберъ, молоденькая вдова, любитъ г. Дюбрѣлю и любима имъ, но отказывается отдать ему свою руку и запрещаетъ своей племянницѣ выходить замужъ за молодого повѣсу Сень-Жерана. Что можетъ быть причиною такого страннаго поведенія? Положимъ, что она боится за будущность племянницы, отдавъ ее за вѣтренника, но отчего же сама она нехочетъ идти замужъ! Дѣло въ томъ, что г-жа Жильберъ совсѣмъ не вдова и даже не была замужемъ, но такъ какъ ея старій дядя требовалъ, чтобъ она вышла замужъ въ самое короткое время, или онъ лишитъ ея наслѣдства, то одна изъ ея подругъ, у которой братъ былъ въ Америкѣ, вызвалась представиться старику въ мужскомъ платьѣ и подписать свадебный контрактъ именемъ брата. Эта шутка имѣла успѣхъ, и дядя оставилъ все наслѣдство г-жѣ Жильберъ, которая никогда не видала своего воображаемаго мужа и не знаетъ даже, живъ ли онъ. Но она ни за что въ свѣтѣ не хочетъ сознаться въ этомъ Дюбрѣлю, думая, что онъ перестанетъ ее уважать, и по той же причинѣ не хочетъ выдать и племянницу замужъ, что должна будетъ подписаться на ея контрактѣ чужимъ именемъ.

Неизвѣстно какъ Сень-Жеранъ узнаетъ о тайнѣ вдовы, только выпровоженный изъ дому какъ женихъ племянницы, онъ возвращается

мужем тетушки и говорить, что онъ Жильберъ, что сестра написала ему о странномъ контрактѣ, подписанномъ его именемъ, что онъ готовъ подтвердить его и вступить въ права мужа. И онъ начинаетъ распорядиться въ домѣ какъ хозяинъ. Можно себѣ вообразить отчаяніе г-жи Жильберъ и Дюбрёля. Однако они объясняются, прощаютъ другъ друга, открываютъ свои тайны и женятся въ самомъ дѣлѣ на томъ, кого любятъ.

Пьеса была хорошо обставлена и разыграна, что еще усилило ея успѣхъ. Но все-таки не мѣшаетъ и въ сказкѣ немного вѣроятности.

La Maison Geindoré, водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, былъ прекрасно разыгранъ на театрѣ Разнообразія.

Домъ Жендоре, по обширности своей коммерціи, считается первымъ въ Парижѣ по мелочной торговлѣ, и хозяинъ его, старый Жендоре, такъ измучился отъ хлопотъ, что хочетъ передать его своему племяннику Оскару, служащему въ гусарахъ. Но гусарь ни за что на свѣтѣ не сдѣлался бы лавочникомъ, если бъ не пріѣхала изъ Марсели молодая вдова Дюберсакъ, мужъ которой былъ товарищемъ въ торговлѣ съ Жендоре. Старикъ радуется, видя что Оскаръ влюбился во вдову, и передавъ ему торговлю, отправляется отдыхать въ загородный свой домъ. Однако старый лавочникъ не долго отдыхаетъ. Бездѣйствіе дѣлается ему нестерпимымъ, онъ чуть не умираетъ отъ скуки, и въ два мѣсяца отдыха такъ перемѣняется, что ни кто не можетъ узнать его. Наконецъ онъ бѣжитъ въ свою лавку, съ которою сроднился, и не узнаетъ ее: молодые хозяева сдѣлали изъ нея модный магазинъ съ великолѣпнымъ убранствомъ и заботятся не о торговлѣ, а о своихъ удовольствіяхъ, такъ, что еслибъ старикъ не вернулся, домъ Жендоре могъ бы обанкротиться. Тогда Жендоре посылаетъ Оскара съ женой въ свое загородное имѣніе, а самъ принимается за торговлю.

Une sangsue, водевиль, поставленный на томъ же театрѣ, имѣлъ мало успѣха не смотря на игру артистовъ.

Піавка эта, разумѣется, ростовщикъ Робинсонъ, обобравшій свою нищину Пишенету, и собирающійся обобрать ея жениха, который не зная что получить богатое наслѣдство отъ какого-то американскаго родственника, хочетъ продать за бездѣлицу все свое настоящее и будущее состояніе. Но тутъ является другая піавка, съ добрыми памѣреніями под видомъ стараго маркиза, который сжался надъ крайностью молодыхъ людей, берется выманить у ростовщика приданое Пишенеты. Сцена между двумя піавками очень любопытна; но маркизь, выдавая себя за пріѣзжаго изъ Америки, рассказываетъ небывальщину о милліонахъ и земляхъ покойника, оставившаго наслѣдство молодому человѣку, такъ

что Робинзонъ отдаетъ приданое Пишенеты, обезпечиваетъ ей жениха, даетъ имъ большую сумму денегъ и за это остается хозяиномъ американскаго наслѣдства, какъ вдругъ приходитъ извѣстiе, что банкиръ, которому порученъ капиталъ для передачи его молодому наслѣднику, обанкрутился, и Робинзонъ остается въ дуракахъ. Желаемъ того же веѣмъ пивкамъ.

Театръ Водевиля поставилъ хорошенькую пьесу подъ названiемъ *La Maitresse du Mari*, въ которой Брендо имѣлъ много успѣха. Сюжетъ ея очень простъ и написанъ только для трехъ дѣйствующихъ лицъ, но въ немъ очень много ума, остроты, наивности, занимательности. Коломбенъ встрѣчаетъ въ гостиницѣ молодую дѣвушку Анну, и разговорясь съ нею узнаетъ, что она ѣдетъ къ своимъ роднымъ, которые приготовили ей жениха и приказываютъ выйти за него замужъ какъ можно скорѣе, потому что ему, какъ прикащику въ одномъ торговомъ домѣ, нельзя долго терять времени. Коломбенъ жалѣеть объ Аннѣ, которая, разумѣется, успѣла ему понравиться, и начинаетъ ей описывать семейную жизнь самыми непривлекательными красками. Мужъ всегда сердится, ворчитъ, ничемъ не доволенъ, запрещаетъ женѣ танцовать, говорить съ мужчинами, глядѣть на нихъ. Бѣдная Анна повѣрила разсказамъ повѣсы и находится въ большой опасности, потому что представя мужа, Коломбенъ начинаетъ играть очень натурально роль любовника, но къ счастью Гаспаръ, трактирный слуга, спасаетъ дѣвушку, объявля, что дилижансъ ее ждетъ, и что за нею прiѣхали родные. Анна печально прощается съ Коломбеномъ, но тотъ объявляетъ, что онъ и есть женихъ, назначенный ей родными, и что онъ нарочно прiѣхалъ къ ней навстрѣчу, чтобъ познакомиться съ нею. Что же касается до печальной картины супружеской жизни, это, разумѣется, была только шутка.

Этотъ разговоръ вдвоемъ или скорѣе монологъ, написанъ для прекраснаго артиста Брендо, перешедшаго со сцены французскаго театра на театръ Водевиля, и онъ былъ въ немъ такъ хорошъ, что публика вызвала его нѣсколько разъ по окончанiи пьесы. Г-жа Сенъ-Маркъ была премиленькая Анна, а Гаспаръ-Галаберъ очень забавенъ.

Водевиль *Les batons dans les roues* имѣлъ огромный успѣхъ на театрѣ Палерояля, что нисколько не удивительно, потому что этотъ небольшой водевиль подписанъ извѣстнымъ именемъ любимаго писателя Теодора Барьера.

Это превосходныя лѣтнiя сцены на водахъ въ приморскомъ городѣ. Тутъ встрѣчаются разные парижскiе типы, которые на лѣто надѣваютъ

маски, выдаютъ себя за важныхъ особъ, потомъ забываютъ роли и веселятся отъ души подъ предлогомъ леченья.

Одинъ здоровый больной Шампинель хочетъ купаться въ морѣ, но не умѣя плавать, тонетъ, какъ вдругъ его кто-то спасаетъ и выноситъ на берегъ. Очнувшись, Шампинель спрашиваетъ какая ньюфундлендская собака его спасла. Ему отвѣчаютъ, что его спасла женщина. И вотъ Шампинель, какъ романическій герой, начинаетъ искать свою спасительницу, чтобъ предложить ей руку, сердце и нѣсколько тысячъ ливровъ дохода. Онъ находитъ ее, но въ какую минуту. Жюли, хорошенькая дѣвушка, которая плаваетъ какъ рыба и спасла ему жизнь, выходитъ замужъ за какого-то писца у нотариуса, и контрактъ уже готовъ къ подписанію; тогда Шампинель хочетъ разстронить эту свадьбу. Онъ дурачитъ всѣхъ гостей, посылаетъ нотариуса въ одинъ домъ, жениха въ другой, ссоритъ родныхъ, пугаетъ невѣсту разказами о жизни, ожидающей ее съ писцомъ нотариуса, который вѣчно будетъ занятъ своими бумагами и оставитъ жену дома всегда одну. Жюли сама не очень любитъ своего жениха, и потому рада что Шампинель произвелъ суматоху. Когда же всѣ больные встаютъ на него за его глупыя шутки и хотятъ выпроводить его безъ церемоніи, она защищаетъ его и соглашается отдать ему свою руку.

Если прибавить, что въ пьесѣ этой игралъ комикъ Равель, то не удивительно, что публика принимала водевилъ съ громкими аплодисментами и будетъ смотрѣть его еще долго. Такія пьесы, полныя остроу, занимательности и веселости очень рѣдки.

ЛОНДОНСКІЯ ПИСЬМА.

Причины развитія холеры въ Лондонѣ: нечистота и безпечность. — Смерть актрисы Фицъ Вильямсъ. — Теорія холеры доктора Джонсона. — Холерный грибокъ и касторовое масло. — Происшествіе на желѣзной дорогѣ. — Саванъ Гольденъ-Скверскаго кладбища. — Эмиграція ирландцевъ и партія Know-nothing. — Свадьба въ Гретна-Гринѣ. — Бѣдный музыкантъ и богатая наследница. — Восхожденіе на Монъ-Бланъ. — Извѣстія изъ Томбукту. — Складной театр. — Смерть Фурдринь — Австраійское золото. — Статистическія данныя. — Осень въ Лондонѣ. — Британское ученое общество. — Упадокъ нравственности и пьянство. — Расчеты экономія. — Ботаническое отдѣленіе въ сейденгамскомъ дворцѣ. — Исполнскія пальмы. — Наука о цвѣтахъ.

Бѣдный классъ жителей въ Лондонѣ можно сравнить съ партіями Индіи или съ бедуинами-бродягами. Всѣ мѣры, принятыя для очищенія нѣкоторыхъ кварталовъ, остаются безъ дѣйствія, потому что нищія и мошенники привыкли къ неопрятности и не исполняютъ предписаній комиссіи здоровья (board of health), чтобъ избавиться отъ холеры. За то и холера дѣлаетъ страшныя опустошенія въ нижнихъ слояхъ общества. Въ высшемъ же кругу потери незначительны. Послѣ лорда Жоселена умерла извѣстная актриса мистрисъ Фицъ-Вильямсъ, дебютировавшая подъ именемъ миссъ Копеландъ, въ 1802 году. Можно думать, что она была очень стара, но въ то время она играла двухлѣтняго ребенка въ драмѣ Коцебу: *Пенависть къ людямъ и раскаяніе*; стало быть, она могла еще пожить нѣсколько лѣтъ, но холера неутомима!

Доктора и ученые анализируют холеру и отыскивают лекарства для исцѣленія. Въ настоящее время, въ Лондонѣ дѣлаетъ много шуму теорія доктора Джонсона, извѣстнаго химика, который увѣряетъ, что холера точно также какъ болѣзнь картофеля, винограда, тыквы и другихъ овощей происходитъ отъ микроскопическаго грибка. Онъ собралъ нѣсколько сортовъ этого грибка, высушилъ его, распустилъ въ водѣ и нашелъ, съ помощію микроскопа, что каждый атомъ имѣетъ форму *никоваго туза*. Послѣ этого открытія, любители грибовъ, пожалуй, перестанутъ ихъ кушать. Но что еще страннѣе въ этой теоріи — холерный грибокъ, образовавшійся въ мѣстѣ развитія эпидеміи, вылетаетъ оттуда въ видѣ испареній, держится въ воздухѣ покуда нѣкоторые атмосферическіе случаи не разовьютъ его ядовитаго свойства и не увлекутъ его во внутренности больныхъ организацій, «откуда, говоритъ докторъ Джонсонъ, «его можно выгнать только *касторовымъ масломъ*:» Разумѣется, что послѣ этого, касторовое масло стало вдругъ вдвое и втрое дороже въ аптекахъ Лондона. Нѣкоторые счастливые аптекари скупили его большое количество и разбогатѣли въ короткое время, другіе въ отчаяніи, что не успѣли застѣсь имъ и выдумываютъ множество другихъ, *самыхъ вѣрныхъ средствъ отъ холеры*. Если бы кто нибудь привезъ сюда нѣсколько боченковъ кастороваго масла, то сдѣлалъ бы выгодную спекуляцію. Къ несчастію всѣ эти *вѣрныя* средства не могли помѣшать, чтобъ число жертвъ холеры не дошло до трехъ тысячъ въ недѣлю...

Другіе доктора, противники Джонсона и его леченія, печатаютъ противъ него статьи въ журналахъ, доказывая, что никогда касторовое масло не могло спасти отъ холеры, и что его напрасно употребляли въ нѣкоторыхъ госпиталахъ, гдѣ больные, напротивъ, умирали отъ него. Одинъ докторъ-химикъ замѣчаетъ, что если холера-грибокъ, какъ *оидіумъ* винограда, то надобно ее лечить сѣрой, а не касторовымъ масломъ. Масло это не *кастореумъ*, имѣющій спазмодическое свойство, но настоящее масло, добываемое изъ бобовъ клешевины или *palma christi*. Впрочемъ, въ послѣднюю недѣлю число больныхъ значительно уменьшилось, хотя касторовое масло еще поднялось въ цѣнѣ.

Опустошенія заразы и отъѣздъ многихъ осторожныхъ жителей изъ Лондона немного измѣнили впрочемъ фізіономію многолюднаго города. Всѣ также беззаботно занимаются дѣлами и удовольствіями, какъ будто имъ не угрожаетъ страшная язва, и даже нѣкоторые нарочно пріѣхали

изъ своихъ помѣстій, чтобъ доказать, что они не боятся ничего на свѣтѣ.

На желѣзной дорогѣ, ведущей въ Лондондери, случилось печальное происшествіе, послѣдствія котораго могли быть очень важны. Двѣсти оранжистовъ, предводительствуемые графомъ Эннискелленомъ, отправились въ Лондондери, чтобъ тамъ вмѣстѣ съ многими единовѣрцами отпраздновать какую-то годовщину. День прошелъ въ разныхъ увеселеніяхъ, безъ всякихъ беспорядковъ, и вечеромъ веселая толпа протестантовъ наполнила нѣсколько вагоновъ и отправилась домой по той же дорогѣ. Вдругъ весь поѣздъ почувствовалъ сильный толчекъ, машина соскочила съ рельсовъ и потащила вагоны къ обрыву. Къ счастью механикъ успѣлъ убавить пары, а то бы все девятьсотъ пассажировъ упали съ ужасной высоты, и если бы не убились, то остались бы калѣками. Причина этого толчка была та, что кто-то положилъ на рельсы нѣсколько большихъ камней. Преступники еще не открыты, но все увѣрены, что католики хотѣли погубить протестантовъ, ѣхавшихъ съ праздника. Въ этотъ разъ пассажиры отдѣлались страхомъ и небольшими ушибами.

Жители Гольденъ-Скверскаго квартала въ большомъ волненіи. Тамъ начали разрывать одно мѣсто, на которомъ было старое Лондонское кладбище, гдѣ похоронены жертвы чумы, бывшей при Карлѣ II (1666) и нашли совершенно сохранившійся саванъ. Разумѣется, многіе бросились смотрѣть на это чудо. И чтожь! Все, которые дотрогивались до савана, умирали въ холерѣ. Разумѣется, что необыкновенную смертность Гольденъ-Сквера можно приписать вреднымъ испареніямъ отъ разрытія кладбища, но суевѣрные жители увѣрены, что причиною этого саванъ, сохранившійся почти два столѣтія. Въ Гольденъ-Скверѣ, и въ 1854 году оказался такой же недостатокъ въ гробахъ, какъ въ 1666, такъ что принуждены класть по два покойника въ одинъ гробъ.

Хотя положеніе Ирландіи значительно улучшилось въ слѣдствіе послѣднихъ постановленій, но земледѣльцы и рабочій классъ не перестаютъ эмигрировать въ Соединенные Штаты, уже не отъ бѣдности, а изъ ненависти къ протестантамъ. Однако же ирландцы-католики ошибаются въ расчетѣ. Въ новомъ отечествѣ они находятъ тѣ же самые религіозные споры. Къ тому же еще въ Америкѣ явилась новая партія, подъ названіемъ: Know Nothing (ничего не знаю), которая вопреки выгодамъ

своего отечества, хочетъ изгнать изъ Штатовъ всѣхъ иностранцевъ и особенно ирландцевъ. Она составила еще недавно, такъ что ни одна статистика не успѣла упомянуть о ней, но уже имѣетъ много вліянія, и въ будущемъ должно ожидать отъ нея большихъ перемѣнъ для Сѣверной Америки.

Know-Nothing сдѣлалось названіемъ этой страшной партіи, потому что каждый членъ долженъ съ клятвою произнести эти слова: *ничего не знать* кромѣ долга къ отечеству. Жаркіе патріоты эти хотятъ предохранить Сѣверную Америку отъ вторженія европейцевъ, и успѣли уже учредить комитеты почти во всѣхъ штатахъ. Въ Нью-Йоркѣ и Филадельфіи набрали они множество агентовъ, точно также, какъ въ Виргиніи и въ южныхъ штатахъ. Какіе результаты будутъ отъ know-nothing, это еще неизвѣстно.

Еще одно похищеніе служитъ предметомъ разговоровъ лондонскихъ обществъ, и опять героиня богатая наслѣдница. Нѣкто Джонъ Аткинсонъ, учитель музыки, осужденъ на девятимѣсячное тюремное заключеніе за то, что похитилъ миссъ Вардъ изъ пансіона и увезъ ее въ Гретна-Гринъ, гдѣ г. Моррей, поселившійся на границѣ Шотландіи, вѣнчаетъ всѣхъ, кто къ нему неспрѣдетъ. Невѣсть нѣтъ еще шестнадцати лѣтъ. Изъ этого процесса видно, что древній кузнецъ Гретва-Грина имѣетъ потомковъ, которые пользуются правомъ соединять влюбленныхъ, не спрашивая согласія родителей. Не удивительно ли, что въ 1854 году, частный человекъ, подъ предлогомъ стариннаго обычая, можетъ обвинять пансіонерку съ кѣмъ угодно, и она будетъ его законною женою. По справедливости слѣдовало бы и Моррея посадить въ тюрьму вмѣстѣ съ музыкантомъ. Не смотря на то, что миссъ Вардъ не совершеннолѣтняя, она теперь жена Аткинсона вмѣстѣ со своимъ приданымъ въ 10,000 фун. стерл. (250,000 франковъ), которое принадлежитъ собственно ей, не считая еще состоянія отца, если онъ не вздумаетъ лишить дочь наслѣдства послѣ такого эксцентрическаго брака.

Но всего интереснѣе въ этомъ процессѣ роль содержательницы пансіона Миссъ-Бишотъ. При первомъ извѣстіи о похищеніи, она бросилась за бѣглецами и пріѣхала въ Гретна-Гринъ... Молодые были уже въ Карлплѣ. Бѣдная миссъ поскакала туда, догнала свою воспитанницу и увезла ее опять въ пансіонъ, въ то время, какъ полицейскій агентъ арестовалъ музыканта. Черезъ девять мѣсяцевъ, супругъ, выйдя изъ

выйдя изъ тюрьмы, имѣть право потребовать свою жену, вооружась только одною выпискою изъ реестра Гретца-Гринъ.

Въ Швейцаріи совершила важный подвигъ одна англичанка, взошедъ на Монъ-Бланъ. Всѣ подробности этого восхожденія разсказаны Албертомъ Смитомъ, который, для возбужденія интереса своихъ публичныхъ чтеній объявилъ, что самъ отправляется еще разъ на Монъ-Бланъ, по самой длинной дорогѣ, черезъ Амстердамъ, по берегу Рейна и изъерна въ Женеву. Г. Смитъ уже сосчиталъ, что въ его маленькой залѣ чтеній перебивало 300,000 слушателей въ 838 представлений. Впрочемъ писатель-разсказчикъ сдѣлалъ выгодную спекуляцію. Печатавъ свои сочиненія просто, не читая ихъ сперва публикѣ, онъ не собралъ бы и десятой доли того, что принесли ему его разговорные вечера.

Изъ Томбуку пришли тоже любопытныя извѣстія. Три мѣсяца тому назадъ, докторъ Бартъ былъ еще въ этомъ таинственномъ городѣ, и съ нетерпѣніемъ ждалъ прибытія доктора Фогеля, который направился туда же, только, по другой дорогѣ. Докторъ Бартъ проводитъ почти все время въ томъ, что удерживаетъ фанатиковъ, убившихъ маіора Ленга и старается предохранить себя отъ неминуемыхъ опасностей. Однако, не смотря на эти опасенія, онъ успѣлъ собрать много важныхъ свѣдѣній о центральной Африкѣ. Всѣ съ любопытствомъ ждутъ описанія его путешествія.

Въ Манчестерской газетѣ напечатано слѣдующее извѣстіе: гг. Эдвардъ, Бельгузъ и комп. директоры плавильни Орла, предприняли соорудить обширный театръ изъ желѣза, по заказу Джорджа Коппена. Коппень ангажировалъ уже трагика Брока, чтобъ онъ далъ двѣсти представлений въ главныхъ городахъ Австраліи, по 50 фун. стерл. за представленіе, или 100,000 фун. стерл. (250,000 франк.) за всѣ вмѣстѣ. Такъ какъ во время этого театральнаго путешествія очень можетъ случиться, что въ какомъ нибудь городѣ не будетъ театра, или хозяинъ его не сойдется съ прїѣзжимъ директоромъ въ цѣнѣ, то Коппень беретъ съ собою свой собственный театръ, который со всеми аксесуарами будетъ ему стоить больше 4,000 фун. стерлинговъ.

Зданіе будетъ имѣть 88 футовъ длины, 40 ширины и 24 фута вышины отъ земли и до самой высокой точки потолка. Но такъ какъ паркетъ партера можетъ быть положенъ пятью футами ниже поверхности земли, то внутренность театра будетъ очень высока. Стѣны его

будутъ отлиты изъ чугуна, крыша покрыта гальванизированнымъ толемъ. Бельгузъ и ком. взялись устроить весь театръ, съ фасадомъ и украшениями, и обязаны окончить все въ тридцать дней, со дня контракта, такъ чтобъ театръ можно было нагрузить на корабль, отправляющійся въ пятую часть свѣта съ трупною артистовъ.

Пишутъ тоже, что Французскіе военные музыканты изъ полка колоножатыхъ прїѣдутъ скоро въ Лондонъ, и соединясь съ Англійскими полковыми музыкантами, дадутъ огромный концертъ въ Сейденгемскомъ кристалльномъ дворцѣ. Это будетъ настоящій музыкальный праздникъ, какого еще не слыхали въ Лондонѣ. Надобно только опасаться, чтобъ отъ этой громогласной музыки не разлетѣлся въ дребезги стеклянный куполь.

Въ скромномъ жилищѣ близъ Лондона умеръ недавно человекъ, имя котораго должно принадлежать къ знаменитостямъ вѣка. Это Генрихъ Фурдринье, французъ по происхожденію, изобрѣтатель машины для фабрикаціи бумаги. Его изобрѣтеніе способствовало къ распространенію познаній, къ успѣхамъ просвѣщенія, потому что безъ хорошей бумаги, книгопечатаніе не могло бы усовершенствоваться до такой степени.

Генрихъ Фурдринье родился въ Лондонѣ въ 1766 году. Въ 1800 онъ составилъ первую машину для фабрикаціи бумаги и соединясь съ братомъ, употребилъ милліонъ пятьсотъ франковъ на усовершенствованіе ея.

Всѣ типографщики согласны въ томъ, и одинъ изъ нихъ Лаусонъ, печатающій Times, объявилъ въ палатѣ депутатовъ въ 1839 году, что безъ машины Фурдринье невозможно было бы издавать такого множества журналовъ, которые теперь стали необходимы для читающей публики.

Одинъ изъ пассажировъ послѣдняго парохода, прибывшаго изъ Австраліи, привезъ въ Англію самый большой слитокъ золота, какого еще здѣсь не видали. Онъ вѣситъ пятьдесятъ двѣ унціи и на немъ нѣтъ ни одного пятна.

Вотъ любопытная выписка изъ послѣдней статистики: Лондонъ освѣщается 360,000 газовыхъ рожковъ. Онъ сжигаетъ ежегодно три милліона тоннъ угля, и каждый день на его употребленіе выходитъ 44 милліона 483,238 галлоновъ воды.

Осень въ Лондонѣ отличалась въ нынѣшнемъ году молчаливостью и, если можно такъ выразиться, мертвенностью. Жатва съ произведеній

литературы, наукъ и художествъ была бы самая бѣдная, еслибъ ее не поддержала матеріальная жатва хлѣба. Уже вычислена сумма этого превосходства хорошей жатвы надъ среднимъ урожаемъ. Она составитъ двадцать пять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, такъ что на каждаго жителя Великобританіи придется по гинеѣ. Достанется ли имъ этотъ барышъ, или онъ останется только въ журналахъ, принявшихъ на себя трудъ этого исчисленія, окажется въ будущемъ.

Гораздо важнѣе ежедневная жатва практической промышленности, обнаруживающаяся улучшениями и открытіями (improvements); иногда одна машинная пружина, одна капля кислоты въ химическомъ составѣ даютъ барыша нѣсколько тысячъ въ годъ.

Я былъ въ собраніи ученаго общества British-Association въ Ливерпульѣ, и долженъ сознаться, что слово *ученое*, здѣсь вовсе неумѣстно. Направленіе общества совершенно не касается до науки, а единственно до практическихъ выгодъ. Напримѣръ, бумага вздорожала, и всѣ бросились придумывать средство выдѣлывать ее изъ растений и древесной коры. Дѣло только въ томъ, чтобъ получить привилегію и потомъ продать ее спекуляторамъ и фабрикантамъ.

Впрочемъ, сколько я видѣлъ, общество больше пило шампанскаго, нежели занималось науками. Замѣчательно, что на сѣзды общества не приглашаются ни французскіе, ни германскіе ученые. Вѣрно англичанамъ совѣстно за свою *ученость*. Даже въ Times называютъ это собраніе обществомъ невѣждъ—дилетантовъ.

За то зала общества великолѣпна, въ чисто-греческомъ стилѣ. Самый замѣчательный предметъ въ ней, это органы съ 8000 флейтъ съ 108 регистрами. Они почитаются величайшими въ мірѣ и совершеннѣйшими по устройству и новѣйшимъ усовершенствованіямъ (въ томъ числѣ шесть привилегированныхъ). Надувательные мѣха дѣйствуютъ посредствомъ сильной паровой машины. Органы эти впервые играли при открытіи залы съ акомпаниментомъ трехъ сотъ голосовъ и инструментовъ.

Видя въ Англіи на каждомъ шагѣ столько заботъ о матеріальныхъ выгодахъ англичанъ, я подумалъ: почему бы обществамъ не позаботиться о *нравственномъ* улучшеніи своихъ согражданъ? Процессъ поручика Перри открылъ чудовищный образъ жизни многихъ сословій Англіи. Самый разрушительный порокъ въ Англіи—пьянство, а самая ужасающая въ немъ сторона та, что пороку этому преданы женщины. Нигдѣ

въ мірѣ нѣтъ ничего подобнаго. Статистическія цифры приводятъ въ ужасъ. Полиція подбираетъ въ годъ болѣе 100,000 пьяныхъ, и это было бы очень мало, еслибъ не знали всѣ, что *подбираютъ* только *одного изъ ста*, то есть тѣхъ, которые надѣлаютъ шуму, или безъ чувствъ валяются на среднѣхъ улицы. И изъ этой стотысячной цифры 60,000 *женщинъ!*

И всѣ эти цифры относятся только къ городамъ, въ которыхъ больше 10,000 жителей (ихъ въ Англіи 101, а въ Шотландіи 16). Прочіе же города и мѣстечки не включены въ статистическія таблицы.

Вотъ за одно еще нѣсколько статистическихъ цифръ. Въ Англіи существуетъ теперь на 7656 миль желѣзныхъ дорогъ, по которымъ въ 1853 году проѣхало 102,286,600 человекъ, заплатившихъ 18,035,879 фунт. стерл. (до 150 милліоновъ руб. сер.), тринадцатю милліонами человекъ больше, нежели въ предыдущемъ году. Замѣчательно, что число проѣзжихъ въ мѣстахъ *перваго* разряда весьма уменьшилось, увеличеніе пассажировъ относится до мѣстъ *третьяго* класса. Это служитъ доказательствомъ, что богачи ѣздятъ теперь вмѣстѣ съ бѣдняками!

Это же самое обстоятельство замѣчено и въ Сейденгамскомъ кристалльномъ дворцѣ. Всякій день платится за входъ *одинъ* шиллингъ (30 коп. сер.); только по пятницамъ платятъ по *кронъ* (3 руб. сер.) для того, чтобъ богатые люди могли свободно ходить во дворцѣ нетолкаясь. Но эта спекуляція была неудачна. Богачи предпочли толкаться съ простолюдинами, платя пошлину. Сама королева нѣсколько разъ неожиданно посѣщала выставку, и всякій разъ въ шиллинговые дни.

Хотя на нынѣшній кристалльный дворецъ и выставку было много нападокъ, и довольно основательныхъ, но выставка идетъ удачно. Конечно, въ спекулативномъ отношеніи она гораздо слабѣе первой, и дивидендъ даетъ не больше половины прежнихъ барышей. Но въ художественномъ и промышленномъ отношеніи она выше первой.

Самую замѣчательною частію выставки отдѣленіе *растительнаго царства*. Англичане мало обращаютъ на него вниманія, потому что тутъ нѣтъ никакихъ выгодъ. Но въ ученомъ отношеніи это рѣдкое собраніе растений и цвѣтвъ.

Нѣкто Лоддиджесъ продалъ заведенію свой ботаническій частный садъ, и цѣлые полгода было употреблено на перевозку его въ кристалльный дворецъ, въ огромности котораго онъ однакоже исчезъ почти неза-

мѣтно, такъ что къ нему надобно было присоединять болѣе ста тысячъ экземпляровъ другихъ деревьевъ и растений.

Въ числѣ рѣдкостей этого собранія могу назвать: *Agaca catechii*, изъ котораго добывается *бетель*, *Argo carpus intergrifolia*, который долженъ достигнуть до высоты шестидесяти футовъ; ядовитое дерево изъ Явы: *salamis rudentum* до двухъ сотъ футовъ вышины; *Elacis guinensis* (пальмо-масличное дерево), котораго торговая цѣна чрезвычайно возвысилась со времени нынѣшней войны; *Phönix farniferi*, изъ котораго добывается ароматическая мука *саго*, *Theobroma cacao*, изъ котораго выдѣлывается лучшій шоколатъ; бананы, копанъ бальзамныя деревья; *cordia monoica*, какъ бы выточенныя искуснымъ токаремъ; *Bertholetia excelsa* съ мушкатными орѣхами; золото-лиственное *Chrysophilla macrophilla*, и пр.; 8,000 камелій, 10,000 гераній, фукцій, кальцеоларій, болѣе 6000 розовыхъ кустовъ, 270 померанцовыхъ и 24 апельсиновыхъ деревьевъ. Въ числѣ этихъ деревьевъ и цвѣтовъ множество подарено изъ королевскихъ садовъ и высшаго дворянства.

Я доставлялъ себѣ большое удовольствіе, часто посѣщая этотъ удивительный міръ растений. Самымъ значительнымъ деревомъ въ этомъ собраніи пальма *Latania Borbonica*. Она привезена съ острова Маврікія и принадлежала императрицѣ Іозефинѣ. Изъ Фонтенебло досталась она англійскому садовнику Эвансу, который продалъ ее Лоддиджесу. Этотъ значительно обрѣзалъ ее, потому что она угрожала прорвать крышу оранжереи. Въ кристалльномъ дворцѣ можетъ она теперь расти на полной свободѣ. Перевозка ея туда заставила сбѣжаться весь Лондонъ. Въ ней было вѣсу пятнадцать тоннъ (900 пудовъ), такъ что для нея должны были придумать и устроить особенный катокъ съ колесами въ аршинъ ширины, съ механизмомъ для поддержанія ее сверху. Въ одинъ жаркій іюльскій день повезли ее по лондонскимъ улицамъ тридцать пять лошадей. Листьями своими била она по окнамъ третьяго этажа, и *полисмены* съ большимъ трудомъ очищали ей дорогу отъ стеченія любопытныхъ. Теперь она только въ 53 фута вышины, но должна достигнуть до ста.

Говоря о цвѣтахъ, нельзя неупомянуть о книгѣ *the principles of Harmony and contrast of colours, and their application to the arts* (правила гармоніи и контраста цвѣтовъ съ примѣненіемъ ихъ къ художествамъ). Это переводъ сочиненія Шевреля. Англія до сихъ поръ отстала еще въ изящномъ вкусѣ отъ прочей Европы. Книга Шевреля полезна для фабрикаціи матерій. Ліонскія фабрики, руководствуясь правилами книги

Шевреля, сдѣлались первыми въ Европѣ, и теперь англичане могут догонять въ этомъ отношеніи прочихъ.

Наука о цвѣтахъ можетъ способствовать даже къ семейному счастью. Вотъ что говорится въ ней между прочимъ. Въ комнату, обитой красными обоями, супруги ссорятся всякій день; въ свѣтлозеленой они живутъ душа съ душою. Способъ нравиться зависитъ тоже много отъ цвѣтовъ. Брюнетка въ желтой шляпкѣ очаровательна; въ синей, или violetовой—нестерпима.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Апологи и басни XIV столѣтія, сочиненіе графа Луканора. **ИСКУССТВА. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА:** Мысли Делакура объ изящномъ. **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Литовскій языкъ и его отношенія къ славянскому (*изслѣдованія нѣмецкаго филолога Бермана*). — Усиленіе звука во время ночи. — Землетрясеніе въ Санъ-Сальвадорѣ — **ШЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ. НОВОСТИ. АНЕКДОТЫ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Древнѣйшій китайскій фарфоръ. — Башни-бузуки. — Драгоценная королевская мантия. — Библиографическій кладъ у Брокенскихъ горъ. Новый городъ Олеона. — Евреи въ Калифорніи. — Каменолитня въ Берлинѣ. — Новѣйшія изысканія о дѣвѣ Орлеанской. — Станный закладъ. — Последнія извѣстія изъ Калифорніи. — Англичане покровители торго неграми. — Что значить ѣздить въ каретѣ въ Перу. — Синій сюртукъ Россви. — Письма изъ Японіи. — Первый астрономическій календарь — Трозьгетскій водопадъ. — Мусульмане въ Западной Азій. — Театръ прошедшихъ времявъ. — Одинъ изъ англійскихъ законовъ. — Кронингенскіе земледѣльцы. — Волоса, приносимые въ жертву. — Египетъ и Нубія (*изъ записокъ французскаго путешественника*) статья первая.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Апологи и басни XIV столѣтія, (сочиненіе графа Луканора). Сборникъ, вышедшій недавно подъ этимъ названіемъ, представляетъ вѣрную и любопытную картину Испаніи XIV вѣка. Смѣсь жителей христіанскихъ съ маврами и евреями произвела самую удивительную вѣротерпимость, какой небыло въ то время во всей остальной Европѣ. Модехары (покоренные Мавры) и Джудіосы (Евреи) пользовались этою терпимостью въ высшей степени. Имъ позволили безпрепятственно заниматься всѣми ремеслами, не только механическими и промышленными, но книжными и учеными. Дозволяли имъ носить свою національную одежду, совершать свои обряды и преподавать единовѣрцамъ права своего закона.

Государственные финансы тогдашней Испаніи были управляемы болѣею частію Евреями. Извѣстнѣйшіе врачи той эпохи были тоже евреи, тогда какъ лучшіе математики, искуснѣйшіе ремесленники и земледѣльцы были мавры.

Не смотря на это смѣшеніе и эту терпимость, Испанцы сохраняли въ сердцахъ глубокую ненависть къ этимъ двумъ племенамъ, и малѣйшее родство съ ними было неизгладимымъ пятномъ для Испанца.

Матеріальная образованность представляла всѣ противорѣчія нѣжной и поэтической роскоши, заимствованной съ востока, съ грубою воинственностью древнихъ Визиготовъ. Самый Испанскій языкъ принялъ этотъ двойственный характеръ. Литературное направленіе было вообще важно и серьезно. Поучительный языкъ въ прозѣ, надутый въ героическомъ разказѣ, простодушенъ въ элегіи, однакоже вездѣ силенъ и вѣренъ. Лирическіе порывы были смѣлы и сильны, воспѣвая вѣру, войну и любовь.

Начинали уже учреждаться настоящія литературныя школы, какими Алигьери, Петрарки и Боккачіо прославили Италію. Донъ-Хуанъ Мануэль былъ тогда главою Испанской литературной школы. Изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній его, дошедшихъ до насъ, должно упомянуть съ особенною похвалою о слѣдующихъ:

Книга безъ конца. Это романъ той эпохи, интересный не менѣе романовъ нашего времени.

Книга управленія государствомъ и законами. Кодексъ для юрисконсульта и моралиста въ 148 главахъ. Въ ней изложены всѣ обязанности гражданина и духовнаго лица.

Книга рыцаря и оруженосца. Въ аллегорической рамѣ этой книги и въ пятидесяти главахъ собрано все, что философія XIV столѣтія знала тогда въ ученыхъ и метафизическихъ теоріяхъ.

Книга охотника. Это трактатъ объ охотѣ, составленный по приказанію Альфонса XI.

Хроника Испаніи. составляетъ сокращенную лѣтопись, сочиненную подъ непосредственнымъ надзоромъ Альфонса Мудраго и съ участіемъ его самаго.

Послѣднимъ сочиненіемъ Донъ-Хуана Мануэля была *Книга пѣсней и правилъ искусства поэзіи.* Въ ней десять аллегорическихъ разказовъ, взятыхъ изъ гиндусскихъ баснописцевъ. Главная же часть книги состоитъ изъ анекдотовъ и басенъ, взятыхъ изъ современной жизни той эпохи. Въ нихъ много одушевленія, благородныхъ чувствъ безъ напыщенности.

Самая жизнь Мануэля чрезвычайно занимательна и весьма хорошо описана издателемъ его сочиненій, г-мъ Пюибюскомъ. (Athenaeum).

II. ИСКУССТВА, ТЕАТРА, МУЗЫКА.

Мысли Делакура объ изящномъ. При взглядѣ на истинно прекрасный предметъ, тайный инстинктъ даетъ намъ знать о его достоинствѣ и заставляетъ восхищаться, не смотря на всѣ наши предразсудки и антипатіи. Это вліяніе доказываетъ, что если всѣ люди чувствуютъ одинаково любовь, ненависть и другія страсти, если радость и горе

имѣютъ надъ ними власть, то прекрасное должно доставлять имъ пріятное ощущеніе, точно также какъ уродливое и несовершенное отталкивать.

Однако, послѣ перваго впечатлѣнія, люди, восхищающіеся однимъ прекраснымъ предметомъ, начинаютъ разбирать свои чувствованія, разсуждать о достоинствахъ предмета, и тогда происходятъ между судьями, понимающими изящное, самыя разнообразныя, самыя противорѣчащія мнѣнія, смотря по наклонностямъ, привычкамъ, степени образованности каждаго изъ нихъ. Хладнокровные зрители или чувствуютъ слабое впечатлѣніе, или остаются при своемъ первомъ мнѣніи. Мы не говоримъ ничего о завистникахъ, потому что все прекрасное приводитъ ихъ въ отчаяніе.

Чувствованіе прекраснаго раждается при видѣ картины Рембрандта или Рафаэля, только впечатлѣніе не одинаково; точно также какъ послѣ сцены Шекспира или Корнеля мы говоримъ: это прекрасно! хотя и не въ равной степени. Есть типы, производящіе безусловный восторгъ, потому что изображаютъ идеаль красоты. Это *Антиной*, *Венера*, *Гладиаторъ* и вообще модели, переданныя намъ древностью и заключающія въ себѣ идеи граціи, правильности, жизни.

Но древность кромѣ того оставила намъ другіе типы, тоже прекрасныя, хотя и не въ томъ родѣ. *Силена* прекрасенъ, *Фавнъ* прекрасенъ, даже *Сократъ* прекрасенъ. Не смотря на маленькій, приплюснутый носъ, большой ротъ и узкіе глаза, голова Сократа можетъ назваться прекрасною. Если въ ней мало симетріи и черты ея неправильны, то она оживлена отблескомъ мысли и внутренней жизни. Надобно замѣтить, сверхъ того, что *Силена*, *Фавнъ* и другія характеристическія фигуры древности дошли до насъ сдѣланныя изъ камня, а извѣстно что камень, бронза и мраморъ требуютъ болѣе строгой въ изображеніи выраженія фигуръ, и что если эту строгость перевести на полотно или бумагу, она дѣлается холодною и даже натянутою.

Живопись, посредствомъ красокъ и эффектовъ, приближается болѣе къ вѣрному подражанію и притомъ еще допускаетъ подробности, удаляющіяся совершенно отъ строгости формъ.

Современныя школы изгнали все, что не слѣдуетъ правиламъ изящной древности. Онѣ исправили Фавна и Силена, уничтожили морщины старости, недостатки и несовершенства, иногда характеристическія и произведенныя или случаями, или природою, словомъ подвели прекрасное подъ извѣстныя правила, такъ что теперь можно научиться прекрасному точно также, какъ алгебрѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что тутъ труднаго? Если всѣ характеры подведены подъ одинъ типъ, если разности наружностей, дѣтъ, привычекъ, сглаживаются, чтобъ не разстроить гармоніи линій къ цѣломъ, стало быть, стоить изучить только одну извѣстную модель. Чѣго же легче какъ передать эти правила ученикамъ, которые въ свою очередь передадутъ ихъ неприкосновенными будущему поколѣнію.

Однако же прекрасныя произведенія всѣхъ временъ доказываютъ что прекрасное не можетъ быть подведено подъ подобныя правила и

передаваться какъ наследство изъ рукъ въ руки. Прекрасное есть плодъ вдохновенія и тяжелыхъ трудовъ. Оно производится съ усиліями и болью, какъ все назначенное къ жизни. Оно восхищаетъ и утѣшаетъ людей, какъ же можетъ оно создаваться временнымъ изученіемъ или пустыми традиціями? Легкіе труды имѣютъ незначительный успѣхъ; иногда капризъ или мода превозносятъ какое нибудь произведеніе, не стоющее большаго вниманія, но это непродолжительно. Слава добывается не такъ скоро и легко. Ее достигаютъ иногда послѣ сильной борьбы, послѣ неимовѣрныхъ усилій; за то довольно одной ея улыбки, чтобъ сдѣлаться безсмертнымъ.

Одни правила не могутъ создать труда, при взглядѣ на который всякій бы невольно вскричалъ: какъ это прекрасно! Геніальный же человѣкъ тотчасъ отвергаетъ эти пустыя традиціи, служащія для всѣхъ и не производящія ничего хорошаго. Гольбейнъ рабски производитъ морщины своихъ моделей, считаетъ повидимому каждый волосокъ; Рембрандтъ изображаетъ простонародные типы, полные глубокаго выраженія, Германцы и Итальянцы старинныхъ школъ, не имѣющіе понятія о древнихъ и рисующіе худошавыя неправильныя фигуры, всѣ прекрасны и идеальны, хотя не изучали красоту по циркулю нашихъ школъ. Ими руководило наивное вдохновеніе и впечатлѣніе окружающей ихъ природы, чего нельзя добиться изученіемъ, чему нельзя подражать. Вотъ отчего всѣ понимающіе люди восхищаются ими. Они выражаютъ чувства, понятныя всѣмъ, и нашли средство нравиться, хотя не слѣдовали никакимъ общимъ правиламъ.

Рубенсъ видѣлъ Италію и древнія произведенія, но руководимый высокимъ инстинктомъ, не присвоилъ себѣ моделей красоты и остался Фламандцемъ. Онъ самъ нашелъ истинную красоту народа и представилъ ее въ картинѣ: *Чудная ловля*. У Рубенса линіи отрывисты, драпировка не красива и небросана кое-какъ, что не совсѣмъ идетъ къ высокимъ, хотя и простымъ лицамъ его картины. Въ этомъ отношеніи у него мало изящнаго.

Сравните *Причащеніе* Рафаэля съ *Бракотъ въ Канѣ* Поля Веронеза. У перваго вы найдете гармонію въ линіяхъ, прелесть въ выраженіи, настоящее наслажденіе для глазъ и ума. Однако это самое совершенство формъ придаетъ картинѣ нѣкоторую холодность. У Поля Веронеза, напротивъ, всѣ фигуры имѣютъ различные характеры и выраженія; они живутъ, движенія ихъ свободны; они мѣняются между собою мыслями. Я не говорю уже о воздухѣ, свѣтѣ и краскахъ, которыя не подражаемы.

Обѣ эти картины прекрасны въ равной степени, потому что въ прекрасномъ не должно быть степеней, только онѣ производятъ различное впечатлѣніе. Можно найти средства вѣрно скопировать драпировку и линіи композиціи, но невозможно достигнуть прелести и величія идей Рафаэля. Точно также мудрено изобразить жизнь и одушевленіе картинъ Поля Веронеза.

Если античный стиль долженъ быть типомъ, или въ правильности заключается цѣль искусства, то какое мѣсто можетъ занять Микель

Анджело, у котораго концепціи странны, формы вынуждены, планы утрированы или ложны и подражаніе природѣ слишкомъ слабо? Вы скажете что онъ высокъ, чтобъ только не сказать, что онъ прекрасенъ.

Микель Анджело тоже видѣлъ древнія статуи; онъ удивлялся этимъ чуднымъ остаткамъ и уважалъ ихъ не меньше насъ, однако это чувство неизмѣнило направленія его таланта. Онъ сохранилъ самобытность своего генія, и потому его произведенія поражаютъ не меньше античныхъ.

Надобно замѣтить, что между произведеніями геніяльнаго человека, приближаются къ совершенству тѣ, въ которыхъ меньше правильности. Я приведу въ примѣръ Бетговена. Богатство идей заставляетъ его создавать новыя формы, и онъ забываетъ правильность, но въ то же время сфера его расширяется, и онъ достигаетъ высочайшей степени своего таланта.

Критики не всегда согласны въ качествахъ, составляющихъ совершенство. Тѣ, которые теперь осуждаютъ Бетговена или Микель Анджело за неправильности, въ другое время возносили бы ихъ до небесъ, смотря по тому, какая школа торжествуетъ. Перемѣнъ было уже много. Нѣкоторыя школы превозносятъ рисунокъ, другія колоритъ, третьи выраженіе, есть даже, хотя это и невѣроятно, школы, которыя предпочитаютъ отсутствіе красокъ и выраженія. Англійскіе живописцы конца прошлаго столѣтія и начала нынѣшняго видятъ совершенство въ эффектахъ тѣни и свѣта, точно также какъ теперь превозносятъ одинъ рисунокъ, то есть очерки безъ всякихъ эффектовъ.

Вѣроятно, что великіе артисты всѣхъ временъ не занимались такими мелочами. Краски и рисунокъ необходимы въ живописи, и потому для чего отдавать преимущество тому или другому. Можетъ быть, случайность или особенное расположеніе заставили ихъ невольно сильнѣе выразить то или другое.

Передъ картиной утра, блестящаго росю, оживленнаго пѣніемъ птицъ, украшеннаго всѣми дарами природы, ученый и поселянинъ будутъ равно тронуты, не думая ни о рисункѣ, ни о тѣни и свѣтѣ, потому что оба будутъ чувствовать красоты природы и наслаждаться ими не разсуждая. Пуссенъ старался производить своими картинами подобный эффектъ.

Де Пиль издалъ любопытное сочиненіе подъ названіемъ *Balance des Peintres*, въ которомъ, разбирая степени талантовъ въ отношеніи къ рисунку и колориту, доказываетъ числами достоинства всѣхъ живописцевъ. По его мнѣнію, поднаго совершенства нѣтъ ни въ одномъ изъ нихъ. Число 20 принято имъ какъ самое высокое, и онъ по части рисунка даетъ Рафаэлю 18, а Микель Анджело 19 балловъ. Тиціанъ же и Рубенсъ щедро награждены по части колорита, но въ отношеніи рисунка очень бѣдны. Это довольно оригинальный способъ анализировать таланты.

Нѣкоторые изъ живописцевъ никогда не бываютъ довольны своими произведеніями, потому что хотятъ производить сильное впечатлѣніе и употребить всѣ средства искусства. Они по сту разъ передѣлываютъ кар-

тину, измѣняютъ рисунокъ, выставляюгъ въ лучшемъ видѣ какую нибудь подробность, хотя это вредитъ единству и главной мысли композиціи. Къ этому роду талантовъ принадлежитъ Леонардо де Винчи, Тиціанъ. Другіе же, подобно Тинторету и Рубенсу, увлекаются непреодолимою силою своего пылкаго воображенія. Они не проводятъ кисть дважды по одному мѣсту, и эта смѣлость и энергія придаетъ ихъ картинамъ неподражаемую прелесть и живость, до которыхъ трудно достигнуть тщательнымъ стараніемъ:

Надобно отыскивать прекрасное тамъ, гдѣ самъ артистъ заключилъ его.

У обоихъ живописцевъ прекрасное поражаетъ различно, хотя ни тотъ ни другой не подражали древнимъ.

Часто спрашивали, какъ же работали древніе, не имѣя антиковъ? Рембрандтъ въ этомъ случаѣ совершенно похожъ на древнихъ, потому что онъ никогда не выходилъ изъ болотъ Голландіи и говорилъ, показывая на своихъ краскотеровъ: «вотъ мои антики!»

Однако изученіе древнихъ полезно и даже необходимо, потому что въ нихъ заключаются правила всѣхъ искусствъ, то есть экспрессія, естественность, возвышенность, и ко всему этому искусное исполненіе, способное производить сильный эффектъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ мы безпрестанно воспроизводили боговъ Олимпа, которые для насъ не существуютъ, или героевъ древности. Рембрандтъ, рисующій нищаго въ лохмотьяхъ, повиновался тѣмъ же законамъ вкуса, какъ и Фидій, создающій Юпитера или Палладу. (Revue des deux mondes).

III. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Литовскій языкъ и его отношенія къ Славянскому (ислѣдованіе нѣмецкаго филолога Берхмана). На литовскомъ языкѣ говоритъ незначительное народонаселеніе, но тѣмъ болѣе заслуживаетъ онъ вниманія, потому что у него сохранился этотъ языкъ въ большей чистотѣ. Кромѣ религиозныхъ книгъ, печатаютъ на литовскомъ діалектѣ даже ученые сочиненія, какъ напримѣръ, многотомныя исторіи, Литовскій календарь, издаваемый въ Вильнѣ. Вообще образованная часть литовцевъ любитъ заниматься своимъ языкомъ и своими древностями.

Въ Прусско-Литовскихъ провинціяхъ выходитъ тоже календарь (издаваемый въ Дуодецѣ), но весьма неблаговидной наружности и стоящей два гроша. Для лингвистическихъ изысканій объѣзжалъ я болѣе всего эти провинціи, и если не могъ получить никакихъ статистическихъ данныхъ, то собралъ все, что они представляетъ любопытнаго и занимательнаго.

Въ Прусскихъ провинціяхъ Литовцы принадлежатъ къ низшему сословію жителей. Въ городахъ же и селахъ—все Нѣмцы. Даже зажиточные сельскіе жители германизированные Литовцы,—и въ городской

одеждѣ рѣдко кто заговорить по-Литовски. Кто изъ литовцевъ разбогатѣлъ, тотъ уже хочетъ втерѣться въ нѣмецкое общество. Даже въ деревняхъ, гдѣ все Литовцы, школьные учителя изъ нѣмцевъ. Ученія литовскаго языка очень трудно найти. Чтобъ ближе ознакомиться съ литовцами, долженъ я былъ отыскивать ихъ селенія далеко отъ проѣзжей дороги, посреди болотъ и лѣсовъ, но и тамъ трактирщикъ непременно нѣмецъ.

На юго-западныхъ границахъ этихъ провинцій чрезвычайно уменьшилось, въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, употребленіе литовскаго языка. Въ округахъ Лабіау (по литовски *Лабува*), Инстербургъ (по-литовски—*Иструтисъ*), Гумбиненъ (по-литовски—Гумбине) и Гольдапъ, которые въ концѣ прошедшаго столѣтія всѣ были наполнены литовцами, теперь они уже рѣдко гдѣ попадаются. Къ сѣверу народонаселеніе это усиливается. Всего болѣе оно у Мемеля (по-литовски Клайпеда). Это очень естественно. На югъ сходятся они съ Нѣмцами, къ сѣверу же и востоку граничатъ съ русскими литовцами.

Это узкая полоса земли между Куришь-Гафомъ и Русскою границею одна еще содержитъ въ себѣ литовцевъ. Въ Рагнитскомъ округѣ (по литовки Рагаино) и Пилькальнскомъ (Пилькальрисъ) число жителей нѣмцевъ и Литовцевъ — одинаково. По низовью же около Прекула (по литовски Прекулисъ) литовцевъ больше, а наконецъ въ Кратлинскомъ округѣ, у Мемеля, на границахъ Россіи, не болѣе пятидесяти нѣмцевъ, то есть они составляютъ около двадцатой части народонаселенія. Тамъ при богослуженіи говорятъ проповѣди—одну недѣлю по-Нѣмецки, другую по-литовски, тогда какъ въ прочихъ округахъ утренняя проповѣдь всегда бываетъ нѣмецкая, а послѣ обѣда литовская. Извѣстно, что всѣ литовцы здѣсь Евангелическаго исповѣданія. Пасторы же обыкновенно очень дурно говорятъ по-литовски.

Упадокъ литовскаго языка наиболѣе происходитъ оттого, что по прусскимъ законамъ, всякій житель обязанъ прослужить въ военной службѣ положенное число лѣтъ, а потому всякій долженъ выучиться по-нѣмецки. Возвратясь же домой изъ службы, литовецъ уже гордится своимъ знаніемъ нѣмецкаго языка и ищетъ общества между Нѣмцами.

Извѣстно, что древній *Прусскій* языкъ, имѣющій сходство съ Литовскимъ, совершенно исчезъ въ XVII столѣтіи. Теперь на полосѣ земли, гдѣ некогда говорили этимъ языкомъ, между Вислою и Нѣманомъ по морскому берегу,—живутъ уже одни нѣмцы. Я надѣялся, что на югозападѣ отыщу еще у Литовцевъ остатки этого исчезнувшаго языка, но надежды мои не сбылись; всѣ жители уже нѣмцы. Отличный въ свое время и теперь единственный грамматикъ литовскаго языка, напечатавшій свою грамматику въ 1653 году, упоминаетъ еще о *Прусскомъ* языкѣ и называетъ его Литовскимъ нарѣчіемъ.

Другое свидѣтельство о Прусскомъ языкѣ нашелъ я въ сочиненіи пастора Лепнера, напечатанномъ въ 1690 году. Оно было потомъ два раза перепечатано въ Мемелѣ въ 1744 и въ 1848 годахъ.

Оно названо: «Прусскій Литовець, или описаніе всѣхъ обрядовъ, обычаевъ и языка литовцевъ въ Пруссіи.»

Лепнеръ объявляетъ тоже въ этой книгѣ, что *Прусскій* языкъ исчезъ и уже болѣе не въ употребленіи. Слѣдственно очевидно, что событіе это случилось между 1653 и 1690 годами.

Языкъ *Леттовъ* составляетъ новѣйшее нарѣчіе Литовскаго и имѣетъ такое же съ нимъ сходство, какъ Романскій языкъ съ Литовскимъ, то есть, что онъ въ звукахъ и грамматическихъ формахъ обѣднѣлъ, тогда какъ Литовскій очень интересенъ, хотя филологъ съ перваго взгляду видитъ сродство обоихъ языковъ, но незнакомый съ нимъ человѣкъ, услышавъ и тотъ и другой, никогда не повѣритъ, чтобъ онъ имѣлъ одинаковое происхожденіе.

Замѣчательно, что между ними нѣтъ никакого переходнаго нарѣчія, сближающаго эти діалекты, а тамъ, гдѣ жители, говорящіе ими, сходятся, какъ напримѣръ, Мемельскій округъ и Куришгафское низовье,—оба племени не смѣшиваются и каждое говоритъ своимъ отдѣльнымъ языкомъ.

Впрочемъ, сами Летты иочитаютъ литовскій языкъ гораздо ввышненіе своего и образованнѣе.

Все сближеніе, какое замѣтно въ сѣверныхъ провинціяхъ, состоитъ въ сокращеніи окончанія леттскихъ словъ, и между тѣмъ въ южно-литовскомъ языкѣ, какъ въ Греческомъ и Санскритскомъ удареніе падаетъ на послѣдній слогъ,—въ сѣверно-литовскомъ и самогитскомъ оно обыкновенно падаетъ на коренной слогъ.

Литовець называетъ Летта *Куршисомъ*, а языкъ его *Куршиско-Кальба*. Но этимъ же словомъ южный литовець называетъ своихъ сѣверныхъ единоплеменниковъ, такъ что оно имѣетъ двоякое значеніе и запутываетъ неопытнаго изслѣдователя.

Вообще литовскій языкъ какъ въ Пруссіи такъ и въ Россіи, раздѣляется на два названія: литовское—въ тѣсномъ смыслѣ, и самогитское, называемое по-литовски *Жемайтиска-Кальба* (отъ слова *Жемайтисъ*—Самогитецъ). Самое же слово Самогитецъ происходитъ отъ прилагательнаго *жемасъ* — низкій, то есть житегъ низовья, или Нидерландецъ.

Хотя Самогитскій языкъ и употребляется преимущественно въ Русской Литвѣ, но мы о немъ часто будемъ говорить при сравненіи Верхне-Литовскаго съ Нижне-Литовскимъ. Нѣманъ раздѣляетъ эти границы со стороны Пруссіи. Въ Россіи же печатаются книги на обоихъ этихъ діалектахъ, хотя письменный языкъ не вполне сформированъ ни въ томъ, ни въ другомъ. И однакоже въ Прусской Литвѣ почитается верхне-литовскій языкъ писменнымъ.

Для литовскаго языка употребляютъ въ Россіи латинскія буквы и пишутъ вѣрнѣе и правильнѣе, нежели въ Пруссіи. Но для филолога Литовскія письма чрезвычайно сбивчивы, потому что звуки не вѣрно выражены буквами. Даже лексиконъ Нессельмана никуда не годится въ этомъ отношеніи.

Главная равнина обоихъ языковъ состоитъ въ томъ, что въ верхне-

литовскомъ *m* и *d* переходятъ въ *ч* и *дз*, а въ ниже-литовскомъ буквы эти не измѣняются. Напримѣръ, *жодисъ* (слово) превращается къ родительномъ падежѣ единственнаго и множественнаго числа въ *жодзей*, *жодзу*,—а въ ниже-литовскомъ *задей*, *зادیу*. Нѣмецъ въ верхне-литовскомъ *Вокечей* называется въ ниже-литовскомъ *Вакитей*.

Однимъ словомъ разность между обоими языками также какъ между Іонійско-Аттическимъ и Эолійско-Дорійскимъ; какъ между Еврейскимъ и Арабскимъ — изъ арамейскихъ діалектовъ. Слѣдственно верхне-литовскій языкъ составляетъ настоящій, коренной діалектъ, который гораздо удобнѣе для изученія и важнѣе для филологіи, нежели ниже-литовскій.

Въ Пильканисѣ слышалъ я лучшій выговоръ этого языка; самая же низкая степень ниже-литовскаго находится около Мемеля. И однако, проживши долѣе по низовью Куришь-Гафа я лучше выучился отъ рыбаковъ послѣдному языку.

Посмотримъ теперь на отношенія литовскаго языка къ Славянскому.

Существуетъ общее мнѣніе, что изъ всѣхъ Европейскихъ языковъ литовскій самый близкій къ санскритскому. Это произошло отъ сходства многихъ словъ и грамматическихъ формъ въ обоихъ діалектахъ. Напримѣръ: *Богъ* по-литовски *Девасъ*, и по санскритски *Девасъ*. Множественное число *деवासъ*, тоже одинаково въ обоихъ. *Сынъ* по-литовски *сунусъ*, по-санскритски тоже *сунусъ*, родительный падежъ единственнаго числа по-литовски *сунаусъ*, по-санскритски *суносъ*. Овца, по-литовски *ависъ*, по-санскритски тоже *ависъ*.

Какъ не увлекательны подобныя примѣры, но они не должны обольщать серьезныхъ филологовъ. Они напротивъ того скорѣе найдутъ, что литовскій языкъ гораздо ближе къ славянскому, нежели къ санскритскому.

Въ звукахъ, формѣ и измѣненіяхъ существительныхъ именъ, прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій литовскій языкъ конечно остался болѣе первобытнымъ, нежели славянскій, и слѣдственно болѣе сходнымъ въ формахъ и окончаніяхъ съ санскритскимъ. Но сходство нѣкоторыхъ словъ литовскихъ съ санскритскимъ вовсе не доказываетъ одинаковаго ихъ происхожденія и близкаго родства, а только древность системы звуковъ литовскаго діалекта. У первобытныхъ языковъ много подобныхъ одинаковыхъ звуковъ, которые несвойственны языкамъ позднѣйшаго происхожденія, какъ напримѣръ, славянскому. Такъ напримѣръ, славянскій *сынъ*, явно одинаковаго происхожденія съ санскритскимъ и латинскимъ *сунусъ*. Вѣроятно въ доисторической славянской формѣ онъ тоже назывался *сунусъ*, но при измѣненіяхъ и развитіяхъ языка *у* перемѣнилось на *ы* (какъ у Французовъ и Нидерландцевъ на *игрекъ*), а окончаніе *усъ*, *асъ* слилось въ *ъ* (имѣвшій древле значеніе *е*—сыне).

При изслѣдованіи истиннаго сродства языковъ окончанія эти ничего не значатъ. И въ природѣ молодая сестра и старый братъ, не смотря на все фамиліальное сходство, вовсе не похожи другъ на друга. А потому

и филологъ долженъ знать, какимъ вліяніемъ подвергался постепенно каждый языкъ, чтобъ умѣть нѣвѣйшее слово превратить въ древнее для сравненія съ первобытными языками. Если мы славянскій языкъ обратимъ на ту степень развитія, на какой находится нынѣ не обработанный литовскій языкъ, то онъ конечно можетъ быть будетъ похожѣе на санскритскій, нежели на литовскій, потому что разница языковъ состоитъ не въ словахъ и формѣ, а въ законахъ, по которымъ составились языки. Филологи, увлеченные сходствомъ нѣкоторыхъ словъ, забываютъ, что въ литовскомъ языкѣ нѣтъ ни одной формы глагола для *прошедшаго времени*, сходной съ санскритскимъ, когда славянскій языкъ имѣетъ всѣ прошедшія времена. Литовскій языкъ утратилъ уже двойственное число и множественное въ третьемъ лицѣ глаголовъ; на славянскомъ же все это есть. Литовскій превосходитъ славянскій въ глаголахъ только своимъ *предбудущимъ* временемъ (напримѣръ, *бузіу* отъ *бути*—быть). Но въ древне-славянскомъ и это время безъ сомнѣнія было.

Литовскій языкъ конечно теперь весьма разнится отъ славянскаго, но онъ ближе къ нему всѣхъ прочихъ языковъ. Съ этими же двумя языками наиболѣе имѣютъ сходство нынѣшніе (какъ индійскій, персидскій, греческій, латинскій). Вѣроятно всѣ народы, которыхъ мы называемъ Индо-Европейскими, какъ-то: индусы, персы, греки, латины, славяне, литва, кельты, не въ одно время произошли отъ первобытнаго племени. Не входя въ сужденія о кельтійскомъ языкѣ, котораго сродство съ древними еще не изслѣдовано, мы полагаемъ, что это первобытное племя раздѣлилось сперва на три главныхъ поколѣнія: на арабское, изъ котораго потомъ произошли индусы и персы (оба народа называютъ себя *Арью*), на *пеласійское*, раздѣлившееся потомъ на грековъ и латинъ, и на славяно-германское, которое до историческихъ временъ еще два раза подраздѣлялось.

Сперва составилось чисто-германское поколѣніе. Прочее раздѣлилось потомъ на славянское и на литовское племя (изъ котораго образовались литовскій, прусскій и лѣтскій языки).

По этому-то нѣмецкій языкъ и теперь еще сохранилъ сродство съ славяно-литовскими, но гораздо менѣе, нежели послѣдніе между собою.

Это постепенное подраздѣленіе племенъ происходило слѣдующимъ образомъ: отъ первобытнаго индійскаго народа произошло первоначально славяно-германское племя, отъ котораго вскорѣ отдѣлилось германское; а отъ другой отрасли, славяно-литовской, отдѣлились славяне и литва.

По этому сродству съ славянскимъ языкомъ и по причинѣ древности своей системы звуковъ, литовскій діалектъ весьма важенъ для изученія и изслѣдованія славянскихъ нарѣчій. Всякое сродство между славянскимъ и литовскимъ ясно получается изъ послѣдняго по первобытнымъ его формамъ. Напримѣръ: славянское: *онъ есть Богъ*,—по литовски *о насъ ести базасъ*,—вѣроятно звучали въ древности одинаково.

Изъ славянскихъ нарѣчій можно узнать и нѣкоторыя слова, которыя уже исчезли въ литовскомъ. Напримѣръ: чешское: *и семь твой*—

сынъ (я есмь твой сынъ) должно было въ литовскомъ звучать: *есми твои асъ сунусь*, хотя слово *твоиасъ* уже не существуетъ.

Этотъ переходъ славянскаго языка въ древнѣйшія его формы, которыя есть еще въ литовскомъ, весьма важно для сравнительной филологіи. При объясненіи древнихъ надписей, непременно надобно имѣть въ виду перемѣны, которымъ языкъ тотъ по временамъ подвергался.

Для сравненія литовскаго съ славянскимъ рассмотримъ организацію обоихъ языковъ. Касательно звуковъ — они въ согласныхъ букввахъ сложны, но въ гласныхъ развиты. Въ славянскомъ нѣтъ также звуковъ греческой *ѳ* (англійское *th*), придыхательныхъ *на*, *ка*, мягкаго *г* (герой) съ различіемъ твердаго *г* (гора), и въ этомъ отношеніи литовскій языкъ остался въ болѣе древней формѣ, нежели славянскій.

Грамматическое число и значеніе падежей, двоякая форма прилагательныхъ — одинаковы въ обоихъ языкахъ, но главная разница въ томъ, что литовскій языкъ потерялъ *средній* родъ. Въ спряженіяхъ славянскій языкъ богаче литовскаго. Славянское окончаніе *ати*, на литовскомъ *оту*. Числительныя имена и мѣстоименія одинаковы (девять — *девини*). Но составныя числительныя разнятся. Богемское: *еднацать*, *дванацать*. У древнихъ литовцевъ: *венолика*, *двулика*, и проч.

Есть и поразительныя несходства въ самыхъ первобытныхъ словахъ. Отецъ — *тевасъ*, Богъ — *девасъ*, дитя — *кудикисъ*, молоко — *пенасъ*, конь — *арклисъ*.

За то число сходныхъ словъ чрезвычайно велико, притомъ же литовецъ удивительно умѣетъ прилаживать славянскія слова на литовскій ладъ. И это тоже служитъ доказательствомъ сочувствія обоихъ діалектовъ.

Синтаксисъ славянскій и литовскій имѣютъ тоже много сходнаго, напримѣръ, употребленіе родительнаго падежа послѣ отрицательныхъ глаголовъ: *асъ то не туріу* — чешское: *я того не мамъ* (я этого не имѣю). Члена тоже нѣтъ въ обоихъ языкахъ.

Въ заключеніе можно сказать, что послѣ всѣхъ филологическихъ изслѣдованій, хотя литовскій языкъ изъ всѣхъ другихъ европейскихъ ближе подходитъ къ славянскому, но его никакимъ образомъ нельзя почитать за славянское нарѣчіе.

Славянскія нарѣчія, раздѣлившіяся въ историческія времена, видны съ перваго взгляда. Для образца приведемъ здѣсь переводъ одной старинно-богемской (чешской) пѣсни на лужицко-сербскій, польскій, илирійскій, сербскій и русскій языки. Какъ ни мало литературы этихъ областей имѣли между собою сношеній, какимъ политическимъ переворотамъ самые народы этихъ странъ ни подвергались, близкое родство сейчасъ видно во всякомъ почти словѣ.

Древне-чешскій текстъ.

Sirna lèsa vystupuje skála,
Na skalu vystupi silny Zàboj:
Obzira krajini na vsje strany,

Zamutisje ot krajín ote vsèch,
 I zastena placem holubiny^m.
 Sedjé dlugo i dlugo sje mutjé,
 I vzchopi sje vzhoru jako jelen,
 Dolov lésem, lesem dluhopustym.
 Bystro spéchase ot muže k muži,
 Ot silna k silnu, po vsickej vlasti,
 Kratko slovo ke všem skryto rèce;
 Pokloni sje bohom,
 Otsuk k druhu spéchà.

Русскій переводъ.

Подымается скала надъ лѣсомъ,
 На скалѣ стоитъ Забой могучій,
 И во всѣ концы кидаетъ взгляды.
 Возмутился духъ его печалью, —
 И Забой заплакалъ, что твой голубь.
 Тамъ сидѣлъ онъ долго, смутенъ сердцемъ.
 Вдругъ вскочилъ и побѣжалъ оленемъ
 Черезъ боръ широкій и пустынный;
 Побывалъ у каждаго онъ мужа,
 Къ сильному отъ сильного онъ мчался,
 Рѣчь держалъ короткую со всякимъ,
 Преклонялъ чело передъ богами, —
 И къ другимъ оттуда онъ пускался.

Польскій переводъ.

Z czarnego lasu wygląda skala,
 Zaboj na skalę wystąpił czoło,
 Po wszęch krainach pojrsal około;
 Cala kraino smutkiem powiała
 I on gołębim zawodzi płaczem.
 Siedzi tak długo w długiéj tęsknicy,
 Az się jak jelen zchwyci na nogi,
 Na dół, przez bory, przez pusté drogi,
 Rędzi po męzách, buł u kaźdego,
 Zwłosci do włosci w całej ziemicy;
 Kaźdemu w ucho rzekł coś skrytego,
 Bogom się skłonił,
 Daléj pogonił.

Лужицко-сербскій переводъ.

Z černoh' lěsa wustupuje skała,
 Na scalu wustupi sylny Zaboj,

Noghlada krajni na wśé strony,
 Zrudži so wot krajinow wote wśéch,
 A sastona z plácom holubjacym.
 Sedži dolho a dolho so rudži,
 A zebra so horje jako jelen.
 Dele préz lès, préz lés dolhi, pusty,
 Spésnje khwatàse wot muža k mužu,
 Wot silnoh' k synom' pu wsitkim krajn.
 Krótkje slowa ke wsem skradzu ryci,
 Pokloniso boham, wòtsal k druhom' khwatu.

Иллириискій переводъ.

Iz cernog se luga diže sténa,
 Silni Zaboј na sténu uzlazi,
 Ter razgleda kzajnu na vse strane,
 Smuti mu se gledećem krajine,
 I zastenja gulubinjim gúkom.
 Dugo sedi, dugo se smutjuje,
 Onda skóci kanó, hitri jelen,
 Pak prolazi uzduž pustim lúgom.
 Hitro zureć od monka do monka,
 Od junaka k junaku svom zemljom
 Skrovno svakom i kratko govoreć;
 Pak s'pokloniv bozim,
 K drugomu se zúri.

Сербскій переводъ

U gori je kamenito kr'sje,
 Na krs doće siloviti Zaboј,
 On pogleda na vsu zemlju ravnu
 U gledonju ražali se ljuto.
 Koni suz niz bijelolice.
 Sjedi dugo i premislja jade,
 Skoci junak na noге lagane,
 Ode gorom, ode šumom pustom
 Ode brzo da potrazi druga.
 Od junaka ode ko junaku,
 Bogovima posvuda se klanja.
 Svakam sbori njekoliko rjećí.
 Pokloni se, pak otide drugom.

Поговоримъ теперь о собственно литовской литературѣ. Она состоитъ только изъ народныхъ пѣсень. Это первая степень развивающагося просвѣщенія. На ней литовцы и остановились. Недавно нѣкто г. Реза издалъ въ Кенигсбергѣ: *Дайнось*, или собраніе литовскихъ народныхъ пѣсень (съ переводомъ ихъ на нѣмецкій).

Дайность—литовское слово (въ единственномъ *дайна*) означаетъ пѣсни народныя, мірскія, для отличія отъ духовныхъ, называемыхъ *гесме*. И эта литература вовсе не новѣйшихъ временъ, а преланіе, наследство древности, передаваемое отъ отца сыну, отъ матери дочерямъ. Изрѣдка собраніе это увеличивается въ которомъ нибудь поколѣніи и потомъ передается далѣе. Это Иліада Литвы, но только Иліада не военной, а домашней жизни, самаго простаго содержанія. Въ ней много нѣжности, залушевности.

Въ этой поэзіи нѣтъ римъ, а если онѣ и встрѣчаются, то случайно, въ слѣдствіе одинакаго окончанія уменьшительныхъ именъ.

Содержаніе пѣсень изображаетъ простодушно природу и людей: ювоша разговариваетъ съ конемъ своимъ; дѣвушка съ рутовымъ вѣнкомъ; дерево, которое хотятъ срубить, спрашиваетъ, что будутъ дѣлать изъ пня его и сучьевъ. Даже неодушевленные вещи принимаютъ участіе въ судьбѣ людей. Травы зеленѣютъ ярче, колокольчикъ у дверей блеститъ свѣтлѣе, ключи бреччатъ звучнѣе при замужствѣ любимой дочери.

Во всѣхъ пѣсняхъ преобладаетъ элегическій тонъ, часто лирическій; но дидактическаго и эпическаго нѣтъ и слѣда. Героическая эпопея вовсе чужда литовцамъ; даже сказочныхъ рассказовъ нѣтъ въ стихахъ (въ прозѣ ихъ очень много). Исторіи у нихъ нѣтъ ни какой, а гдѣ въ пѣсняхъ дѣло коснется до исторіи,—выходятъ такіа басни, что переходятъ въ чисто-фантастическую поэзію.

Главная черта этихъ пѣсень—національность. Въ нихъ нѣтъ ни слова чужаго, заимствованнаго. Вездѣ встрѣчаются названія литовскихъ рѣкъ, деревень, горъ, лѣсовъ и городовъ. Вся домашняя жизнь литовца изображена въ этихъ пѣсняхъ — отъ рожденія и до гроба. Разумѣется, дѣло касается чаще всего до брака, но и тутъ рѣдко воспѣваются семейныя радости, а все больше печальная жизнь молодой и гоненія злой и сварливой тещи.

Замѣчательное явленіе въ пѣсняхъ то, что всѣ онѣ говорятъ о давно-прошедшемъ, а ни одной нѣтъ о нынѣшнемъ періодѣ. За то встрѣчаются цѣлыя толпы древнихъ мифологическихъ боговъ. Перкунъ сердится на мѣсяцъ и разсѣкаетъ его своимъ мечемъ. На свадьбѣ утренней звѣзды ѣдетъ онъ верхомъ въ ворота и срубаетъ дубъ, котораго кровь обрызгиваетъ даль солнца, такъ что онъ цѣлые три года отыскиваетъ листочки своего вѣнка. Дѣти боговъ танцуютъ при свѣтѣ луны подъ кленомъ. Дѣвушка спрашиваетъ у *Землины* (богиня земли), куда ей посадить розовый кустъ, и та указываетъ ей. *Лайма* (богиня судьбы) громко призываетъ людей на помощь утопающаго. Морской богъ *Бань-Путисъ* (воздыматель волнъ) сердится на рыбаковъ за то, что они вмѣсто назначенной для него рыбы, вытащили двухъ тюленей. Всѣ повѣрья и обычаи, изображенные въ пѣсняхъ, принадлежатъ ко временамъ идолопоклонства.

Кромѣ всѣхъ этихъ мифологическихъ пѣсень, прочія имѣютъ близкое сходство съ славянскими по содержанію и колориту; въ особенности съ малороссійскими, словацкими, чешскими и лужицко-сербскими.

(Цѣлаковскій перевелъ всю книгу Даиность, подъ названіемъ: Litevskò paradni pispé,—z původního jazyka dle Sebrani).

Вотъ, на примѣръ, странное сходство литовской пѣсни съ нижне-лужицкою и чешскою:

Куда идешь ты, дитятко?
 Бѣдный, малый сиротиночка?
 А вотъ иду на высокой холмикъ
 На могилку моей родной матушки.
 И идетъ сиротинка на могилу,
 И со слезами обнимаетъ надгробный крестъ.
 «Встань, моя милая, родная матушка!
 «Умой меня, вычеси мнѣ голову.»
 — «Ступай домой, мое милое дитятко,
 У тебя вѣдь есть тамъ мачиха,
 Она тебѣ и головку вычешетъ,
 И личико твое вымоетъ.»
 — «Да когда она мою головку чешетъ,
 Вырываетъ она все волосы,
 А когда обмываетъ мое лицо,
 То всегда царапаетъ его ногтями.
 Когда она мнѣ надѣваетъ рубашку,
 Ломаетъ она мнѣ руки,—
 А когда опоясываетъ кушакомъ,
 То стягиваетъ все мое сердце.

А вотъ и славянская пѣсня:

Дитя сдѣлалось сиротою
 По второму годку.
 «Папа, милый папа,
 Куда дѣвалъ ты маменьку?
 — «Крѣпко спитъ твоя мать
 И никто не можетъ ее разбудить.
 На кладбищѣ лежитъ она
 Недалеко отъ входа.»
 Услыша это ребенокъ
 Быстро побѣжалъ на кладбище,
 Сталъ стучать дѣтскимъ заступомъ
 И раскапывать землю ножичкомъ.
 Долго прокопавши, дитя,
 Залился наконецъ слезами.
 — «Маменька, милая маменька!
 Скажи мнѣ одно словечко.»
 — «Не могу, дятятко,
 На мнѣ лежитъ груда земли.
 Ступай домой, милый мой,—
 У тебя тамъ теперъ другая мать.»

— «Да она не такъ добра,
 Какъ ты была, маменька.
 Если она дастъ мнѣ кусокъ хлѣба,
 То прежде три раза перевернетъ его.
 А когда ты мнѣ его давала,
 Ты мнѣ и масломъ намазывала.
 Если она чешетъ мнѣ головку,
 То кровь бѣжитъ изъ нее струею.
 А ты когда чесала меня,
 То всегда приглаживала.

Вотъ для любопытныхъ пѣсни и съ литовскимъ текстомъ:

Téwelio senas	Старъ отецъ
Brolytis mazas	Но молодъ братъ,—
Ui, ui, Devuliau mano!	Ахъ ты, Боже мой!
Wèna sesyte	Одна сестра
Zirgyte szery,	Кормить воронаго,
Anra zirgyti szweit	Другая чистить его.
O szii treczoji	А третья сестра
Brolyti rede,	Вооружаетъ брата,
Karduzelin dabino	И вручаетъ ему мечъ,
O ketwiroji	А четвертая
Lauku lydejo.	Провождаетъ его.
Per žaliajė lankelė.	Далеко по зеленому лугу.

Изъ сходныхъ словъ литовскихъ со славянскими находимъ мы здѣсь только: *бролитисъ*—братъ, *сесите*—сестра, *тречойи*—третья, *дабино*—даетъ, *кетаиртойи*—четвертой, *залие*—зеленый).

или;

Asz melsczau déna,	Я бы стала молить
Ug warakeli,	Съ утра до вечера,
Kad Dewas dùtu	Чтобъ Богъ далъ намъ
Gedna dennele	Свѣтлый денёкъ
Gedna dennele	Свѣтлый денёкъ
Swèsę saulele	И ясное солнышко.

(Здѣсь сходныя слова только: *кадь*—кабы, *чтобы*; *гедра деннеле*—вѣдро—денёкъ, *свесе*—свѣтлое, *саулель*—солнышко).

или:

Auszrine swodba kèle	У утренней зѣзды была свадьба,
Perkun's pro wartus jojo,	Перкунъ ѣхалъ въ ворота;
Zal' aužolo parmusze	И повалилъ дубъ.

(Тутъ сходныя слова: *аушрине*—утренній; *сводба*—свадьба; *вартусъ*—ворота, *йойо*—ѣхалъ).

наконецъ:

Menú sauluže wede	Мѣсяцъ ведетъ солнце
Pirma rawasereli.	Въ первую весну.

(*Мену*—мѣсяцъ; *wede*—ведетъ; *пирма*—первый).

(Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland).

Усиленіе звука во время ночи.— Не смотря на глубокую свою старость, Александръ Гумбольдтъ продолжаетъ самымъ дѣятельнымъ образомъ свои ученныя занятія. Онъ собралъ всѣ свои мелкія записки и издалъ подъ названіемъ: *Kleine Schriften von A. V. Humboldt*. Первый томъ уже вышелъ въ свѣтъ и содержитъ въ себѣ географическія и физическія записки. Заимствуемъ изъ него слѣдующее:

«Уже во времена Аристотеля и Плутарха, слѣдовательно слишкомъ за 2000 лѣтъ, замѣчено было, что при спокойномъ состояніи воздуха звукъ усиливается ночью, но причина этого явленія была неизвѣстна. Гумбольдтъ занялся изслѣдованіемъ этихъ причинъ, и нашелъ слѣдующее:

Усиленіе звука на равнинахъ гораздо значительнѣе нежели на горахъ, на примѣръ, на Андскихъ въ 9—12,000 футахъ вышины, и сильнѣе на равнинахъ твердой земли, нежели на морѣ. Шумъ паденія большаго водопада рѣки Ореноко на Андскихъ равнинахъ втрое сильнѣе ночью нежели днемъ.

Явленіе это объяснимо, потому что быстрота звука уменьшается съ пониженіемъ температуры, какъ ослабляется съ противнымъ вѣтромъ. Температура же при Атуріесѣ была ночью въ 3° ниже, нежели днемъ. Сверхъ того видимыя пары водопада ночью усиливаются, а тишина въ природѣ гораздо болѣе нарушается ночью отъ шума листьевъ, потому что послѣ захода солнца здѣсь всегда вѣтъ вѣтерокъ, и отъ жужжанія безчисленныхъ насѣкомыхъ. Это служитъ опроверженіемъ обыкновеннаго объясненія, что звукъ усиливается отъ ночной тишины.

Гумбольдтъ думаетъ, что солнечныя лучи имѣютъ вліяніе на распространеніе звука. Они разогрѣваютъ землю, смотря по разному свойству почвы, въ различной степени температуры. Отъ этого поднимаются теченія воздуха разной плотности, и теплѣйшій токъ; разумѣется, легче, нежели холоднѣйшій, тогда какъ въ спокойномъ, одинаково нагрѣтомъ воздухѣ звукъ безпрепятственно распространяется, а посреди воздушныхъ теченій различной плотности дѣлится, раздробляется и ослабляется, потому что волны звука принуждены нѣсколько разъ возвращаться къ своему центру.

Извѣстно, что ударъ на поверхность жидкости производитъ круги, которые при одинаковой плотности этой жидкости бываютъ концентрическіе. Если можно было имѣть поверхность съ жидкостями разной плотности, то отраженіе двигательныхъ волнъ было бы видимо глазу. Подобное же различіе въ плотности воздуха оказывается днемъ, тогда какъ ночью его нѣтъ. Поверхность земли охлаждается и получаетъ одинаковую температуру, и въ атмосферѣ нѣтъ уже различныхъ теченій. Въ этой жидкости одиночной плотности волны звука безпрепятственно распространяются, и потому сила ихъ ночью значительнѣе нежели днемъ.

При наблюденіяхъ надъ различною температурою земной почвы Гумбольдтъ нашелъ слѣдующіе результаты.

Въ степяхъ Венесуэлы теплота почвы доходила въ два часа по полудни до 52 и даже до 60° стоградуснаго термометра. У водопада

Ореноко, гдѣ земля покрыта травой, было въ то же время 30°, а на голыхъ гранитныхъ скалахъ 48°.

Такимъ образомъ все явленіе основано на неравенствѣ температуры и плосности воздушныхъ слоевъ. (Novellen-Zeit)

Землетрясеніе въ Санъ-Сальвадоръ. — Въ Baletin extraordinario del Gobierno del Salvador описано землетрясеніе въ Санъ-Сальвадоръ 16 апрѣля слѣдующимъ образомъ.

Въ половинѣ десятаго ввечеру, безъ всякихъ предшествовавшихъ примѣтъ, послѣдовала вдругъ сильный подземный ударъ, распространившій всеобщій ужасъ. Всѣ выбѣжали изъ домовъ и расположились на площадяхъ, или въ садахъ. Наконецъ въ 11 часовъ вечера удары усилились до такой ужасной степени, что въ 10 секундъ весь городъ лежалъ въ развалинахъ. Трескъ падающихъ домовъ и церкви былъ ужасенъ; поднявшіеся же оттого столбы пыли распространили повсюду страхъ. Всѣ колодцы и источники внезапно изсыкли и нельзя было достать ни капли воды. Колокольня соборной церкви увлекла за собою въ паденіи и самую церковь. Колокольня Санъ Франсиско упала на дворецъ и раздробила его отчасти. Церковь св. Доминика обрушилась. Коллегіумъ и новый университетъ представляли однѣ развалины. Церковь Мерседесъ треснула посрединѣ и распалась по сторонамъ. Частные дома немногіе остались еще не разрушенными, но въ нихъ жить уже нельзя.

Хотя послѣдующіе удары и были очень сильны, но имъ нечего уже было разрушать. Все слѣлалъ первый ударъ. Атмосфера наполнилась вонючими сѣрыми испареніями.

Сперва думали, что большая часть жителей погибла, но какъ всѣ успѣли выбѣжать изъ домовъ, то оказалось убитыми до ста, а раненыхъ до 50 человекъ. (Novellen-Zeit.)

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ, АНЕКДОТЫ, НОВОСТИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Древнѣйшій китайскій фарфоръ. — По историческимъ документамъ доказано теперь, что древнѣйшій китайскій фарфоръ не восходитъ далѣе 220 года по Р. Х., слѣдственно открытіе его произошло не ранѣе 164 года нашего лѣтосчисленія. Сперва успѣхи фабрикаціи были медленны. Между 265 и 419 годами по Р. Х., былъ фарфоръ синяго цвѣта и стоилъ очень дорого.

Въ 457 году повелѣно было готовить фарфоръ для употребленія богдыхана съ тѣмъ, чтобъ доставлять его въ столицу Кіен-Конгъ (нынѣ Кіангъ-Нингъ въ провинціи Кіангъ-нанъ). Фарфоровыя фабрики въ Чангъ-нанъ приобрѣли вскорѣ большую извѣстность.

При династіи Сингъ (въ 1009 году по Р. Х.) учреждена въ Чангъ-нанъ императорская мануфактура, которая съ тѣхъ поръ тамъ и оста-

дась. Нынѣ лучшія и богатѣйшія фабрики находятся въ Кіангъ-се и Че-Кіангъ. Въ одной деревнѣ Кіангъ-се считается 20,000 жителей.

(Illustrierte Zeitung).

Баши-бузукъ.—Столь часто нынѣ встрѣчающееся названіе *баши-бузукъ* означаетъ въ переводѣ *испорченная голова* (баши-голова, бузукъ-испорченный). Это названіе дано имъ черкесами, гдѣ подобнаго рода милиція называется *Дели-ханъ*.

Баши-бузукъ получаетъ 150 піастровъ (7 руб. 50 к. сер.) въ мѣсяцъ жалованья, но онъ обязанъ имѣть свою лошадь и свое оружіе, заботясь вмѣстѣ съ тѣмъ о прокормленіи какъ своемъ, такъ и лошади.
(Idem).

Драгоценная королевская мантия.—Король Сандвичевыхъ острововъ имѣетъ замѣчательную и весьма дорогую мантию, называемую *Би-а-голе*. Прежде нежели Камеамеа I получилъ ее въ свое владѣніе, восемь королей, прежде его бывшихъ, одинъ за однимъ занимались ея отдѣлкою. Она длиною въ четыре фута, а внизу шириною въ одиннадцать съ половиною.

Основа ткани состоитъ изъ грубой сѣтки, къ которой нѣжныя перья птицъ прикрѣпляются съ такимъ искусствомъ и красотью, что слѣдвали бы честь европейскимъ мастерамъ. Цвѣтъ этихъ перьевъ блистательно желтый, такъ что вся мантия кажется изъ золота. Птица, у которой вырываютъ эти перья, имѣетъ только по два такихъ пера подъ каждымъ крыломъ. Притомъ же самая птица рѣдка (*Melithreptes pacifica*). Она только водится на высокихъ горахъ въ Гаваи, и добываніе ея требуетъ много труда и искусства. За пять такихъ перьевъ платятъ полтора доллера, и исчислено, что на приготовленіе королевской мантии употреблено миллионъ долларовъ (полтора миллиона руб. сер.) Слѣдственно она принадлежитъ къ величайшимъ и драгоценнѣйшимъ рѣдкостямъ.
(Idem).

Библиографическій кладъ у Брокенскихъ горъ.—Давно уже въ кругу германскихъ библиофиловъ ходили слухи о сокровищахъ, обладаемыхъ г. Цейсбергомъ въ Вернигероде. Но, какъ онъ давно умеръ, а сокровище не обнаруживалось, то и начали забывать о немъ. Вдругъ обнародовано было объявленіе, что съ 10 октября сего года въ 3 часа пополудни произведена будетъ въ Вернигероде продажа съ аукціона значительной библиотеки умершаго г. Цейсберга. Далѣе слѣдуетъ каталогъ. Въ немъ обозначено 1500 печатныхъ библий, сочиненія Мурнера, Бранда, Фишарта и др.

Въ каталогѣ обозначенъ также *Талмудъ* въ 6-ти томахъ in 4°. Но это должна быть ошибка. Онъ никогда не издавался in 4° и въ 6-ти томахъ. На пергаментѣ существуетъ одинъ берлинскій экземпляръ 1715 года. Слѣдственно у Цейсберга не *Талмудъ*, а *Мишна* (текстъ Талмуда, собранный за 300 лѣтъ раньше), который дѣйствительно существуетъ in 4° и въ 6-ти томахъ. (Magazin für die Litt).

Новый городъ Олеона. — Въ New-York-Courrier and Enquirer напечатаны слѣдующія любопытныя подробности о Норвежской Колоніи, основанной знаменитымъ артистомъ Оле-Булемъ, въ Пенсильваніи.

Извѣстно, что Оле-Буль употребилъ собранное имъ своимъ талантомъ богатство на покупку въ Штатѣ Пенсильваніи полосы земли въ двѣсти тысячъ моргеновъ (до 70,000 десятинъ), на которыхъ намѣренъ поселить своихъ соотечественниковъ норвежцевъ. Вся эта земля раздѣлена на малыя фермы, отданныя Оле-Булемъ переселенцамъ по такимъ цѣнамъ, которыя самый бѣдный можетъ выплатить.

Новая колонія находится въ одной изъ прекраснѣйшихъ и здоровыхъ мѣстностей Соединенныхъ-Штатовъ. Почва плодородна и лѣсиста. Къ сѣверу соединяется она съ Нью-іоркскою и Эрійскою желѣзными дорогами, а къ югу съ предполагаемою Сонбюрійскою и Эрійскою, такъ что новая колонія удобно можетъ доставлять свои произведенія въ Нью-Іоркъ, Филадельфію и Балтиморъ.

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ Нью-Іорка Оле-Буль назначилъ многимъ изъ новыхъ колонистовъ мѣстомъ свиданія одинъ пунктъ купленной имъ полосы, съ котораго они хотѣли начать свою колонію. Въ числѣ этихъ переселенцевъ были столяры, плотники, каменщики и другіе ремесленники. Они прибыли прежде Оле-Буля на мѣсто свиданія, разбили палатки и водрузили флагъ своей новой колоніи, данный имъ Нью-Іоркскимъ правительствомъ. Флагъ этотъ изображалъ норвежскій крестъ, окруженный звѣздами и полосами американскихъ штатовъ.

Когда пріѣхалъ Оле-Буль, всѣ бросились встрѣчать его съ восторгомъ и благодарностію. Кореспондентъ говоритъ, что это было рѣдкое и трогательное зрѣлище.

На слѣдующее утро плотники начали постройку новаго дома и заложили фундаментъ: кузницы, складочнаго магазина, сѣновала и пр. Оле-Буль раздѣлялъ съ инженеромъ и руководствовалъ работами.

Къ полудню пріѣхали телеги съ сѣстными припасами и другими матеріалами. Послѣ обѣда распредѣлены были мѣста для двадцати пяти домовъ для прибывшихъ уже норвежцевъ. Тамъ, гдѣ назначена была площадь и сверь, избрали самое высокое дерево и обрубили всѣ нижнія вѣтви, чтобъ выставить на немъ свой флагъ, и когда онъ былъ поднятъ, будущему городу и новой колоніи дали торжественно именованіе *Олеона*.

Потомъ Оле-Буль отправился съ инженеромъ для присканія удобнаго мѣста къ постройкѣ пильной, мукомольной мельницъ и др. На

прекрасной рѣкѣ нашли они самыя удобныя мѣста и обозначили ихъ для будущихъ построекъ.

Наконецъ избраны мѣста и сдѣланы закладки для сооруженія церкви и построенія школы. Все это будетъ возведено въ глазахъ и подъ надзоромъ Оле-Буля.

Вечеру былъ общій ужинъ, въ концѣ котораго Оле-Буль сказалъ поселенцамъ прекрасную и трогательную рѣчь, принятую съ крикомъ восторга.

Въ заключеніе игралъ Оле-Буль на скрипкѣ одинъ гимнъ. Волшебный смычекъ его и глубокія чувства самой музыки растрогали всѣхъ до слезъ.

Этимъ окончилось празднество основанія новаго города. (Idem).

Евреи въ Калифорніи. — Въ San-Francisco Herald сообщаютъ, что тамошніе Евреи построили синагогу, употребя на это 21,000 долларовъ.

Еще во время первыхъ переселеній въ эту страну было много евреевъ. Въ 1851, съ умноженіемъ народонаселенія, почувствовали необходимость имѣть отдѣльное зданіе для этой цѣли, для чего и собрали подписку въ 1500 долларовъ. По несчастію въ іюнѣ того же года произошелъ извѣстный пожаръ, разорившій большую часть евреевъ. Дѣятельностью своею успѣли они вновь подняться, и осенью 1853 года собрался митингъ, въ которомъ община Эммануилъ подписалась на сумму въ 20,000 долларовъ.

Число евреевъ въ Калифорніи весьма значительно. У нихъ есть молебни въ Санъ-Франсиско, Сакраменто, Меривилъ и Сонорѣ, какъ равно и общество для пособія больнымъ, неимущимъ, а также школы для воспитанія дѣтей.

Новая синагога — красивое и обширное зданіе, приносящее честь строителямъ.

Кромѣ упомянутой общины есть еще другая въ Санъ-Франсиско подъ названіемъ *Шееритъ-Израэль*. (Idem).

Каменоломни въ Берлинѣ. — Отливать искусственные камни для практическаго употребленія въ общежитіи составляетъ почти новую отрасль наукъ и промышленности. Въ Берлинѣ два подобныя заведенія Фезе и Чарникова. Песокъ, смѣшанный съ смолою, составляющею секретъ фабрикантовъ, отливается въ формы отъ огромныхъ скалъ до миньютурныхъ игрушекъ. Теперь дѣлаются изъ этого вещества лѣстницы, чаны, ванны, водопроводныя трубы, штукатурка, бочки, мраморныя памятники, вазы, колонны, мраморныя доски, скамьи, всякаго рода фигуры.

Вѣроятно воспользуется этимъ открытіемъ и военное искусство. Чарниковъ дѣлалъ уже любопытные опыты съ пустыми и массивными ядрами.

Изъ мастерской его выходятъ прекраснѣйшія пластическія произведенія; и все это вчетверо дешевле обыкновеннаго камня. (Idem).

Новѣйшія изысканія о дѣвѣ Орлеанской. Одинъ Французъ перерылъ всѣ архивы и манускрипты, чтобъ собрать подробнѣйшія свѣдѣнія обо всемъ, что касается до Жанны-д'Аркъ, и сообщилъ недавно ученому свѣту свои открытія.

Оказывается, что *фамиліаго* имени отецъ ея неимѣлъ, потому что въ началѣ XV вѣка небыло у крестьянъ обычая давать себѣ фамиліяныя прозвища. Только тогда уже, какъ Жанна д'Аркъ прославилась, стали почему-то отца ея называть *Даркъ*. Она же называлась въ деревнѣ Жанета, а уже потомъ Жанна.

Первымъ поводомъ къ ея подвигамъ было горе и негодованіе. Однажды при приближеніи англійскихъ войскъ къ ея деревнѣ, всѣ жители бѣжали; когда же потомъ по удаленіи враговъ воротились, то нашли свои дома сожженными и ограбленными. Жанна рѣшилась отмстить Англичанамъ и явилась къ Жану Новелонпону, офицеру, стоявшему въ Вокулѣрѣ, чтобъ быть принятою въ военную службу. Она была тогда одѣта въ бѣдномъ красномъ платьицѣ, и офицеръ спросилъ ее: «развѣ она думаетъ въ женскомъ платьѣ воевать?» Она отвѣчала ему, что «охотно бы надѣла мужское, но не имѣеть къ этому средствъ.» Офицеръ далъ ей платье своего слуги, и она его надѣла.

Черезъ нѣсколько дней потомъ жители Вокулѣра сложились и собрали для Жанны новую одежду. Она обрѣзала себѣ волосы, какъ мужчины носили тогда. Ей дали куртку съ панталонами, вмѣстѣ сшитыя и короткій кафтанъ (*houque*), доходившій до колѣнъ; сверхъ того кавалерійскіе сапоги (*pouzeaux*) съ длинными шпорами, лошадь, мечъ, кивжалъ, шлемъ и копье, однимъ словомъ всю одежду тогдашняго коннаго воина.

Она выѣхала изъ Вокулѣра 28 февраля 1429 года, чтобъ ѣхать къ Королю въ Шинонъ. Для этого должна она была сдѣлать обѣздъ въ 150 лье. Съ нею отправились Новелонпонъ и нѣсколько молодыхъ людей.

Жаннѣ былъ тогда семнадцатый годъ. У нея были черныя волосы; она была высокаго роста, сильна и хорошо сложена, но голосъ ея былъ тихій и совершенно женскій; лицемъ она была очень красива. На ночлегахъ останавливалась она всегда въ домѣ у какойнибудь доброй и набожной старухи. Когда же ночевала въ полѣ, то спала на землѣ вмѣстѣ со всѣми провожатыми, и лучшею ея оградою было всеобщее уваженіе, которое уже тогда всѣ къ ней имѣли.

Когда она потомъ жила въ лагеряхъ, то болѣе всего не терпѣла женщинъ дурнаго поведенія, которыя во множествѣ жили тогда во Французскомъ лагерѣ. Въ Сень-Дени прогнала она однажды ихъ всѣхъ и при этомъ сломала свой мечъ. Солдаты воздерживались также при ней отъ всякихъ бранныхъ словъ.

Она выучилась очень хорошо ѣздить верхомъ, и была однимъ изъ лучшихъ кавалеристовъ своего времени. Она любила красивое оружіе и доспѣхи.

Имя ея прославилось еще при жизни за предѣлами ея отечества. Въ 1429 году Регенбургскій Совѣтъ (какъ значитъ по расходнымъ книгамъ) купилъ портретъ ея за 24 пфенига и выставилъ его въ ратушѣ, чтобъ каждый могъ видѣть ее. (Item haben wir geben vor das Gemalde zu schauen, wie die Junkfraw zu Frankreich gefochten hat). (Magaz. f. d. Litter).

Странный закладъ. — Въ Санъ-Франсиско (въ Калифорніи) одинъ Англичанинъ Гюгсъ бился о тысячѣ доллерахъ, что онъ двадцать четыре часа сряду не останавливаясь будетъ ходить по доскѣ въ три фута ширины и пятнадцать футовъ длины. Исполненіе заклада происходило предъ свидѣтелями, безпрестанно смѣнявшимися, въ одной большой залѣ.

Трудность состояла въ томъ, чтобъ сдѣлавши шаговъ пять-шесть, повертываться, и чтобъ не останавливался ѣсть и пить. Доска была устроена на возвышенности, такъ что ходящій могъ легко при утомленіи безпрерывной, суточной ходьбы упасть съ нея.

Чтобъ помогать ему, нѣкоторые друзья его, смѣняясь, ходили подлѣ него и разговаривали съ нимъ, вспрыскивали его по временамъ холодною водою, чтобъ освѣжить голову и лице, и били его ремнями по икрамъ, когда въ нихъ начиналась судорога.

Гюгсъ выигралъ закладъ. Послѣ суточной радости, его обвернули въ одѣяло, положили въ теплую ванну, а потомъ въ постель, но не дали ему спать иначе, какъ съ перемѣжками, боясь удара.

Ему 45 лѣтъ отъ роду. Онъ рѣшился на это пари, чтобъ приобрести средство возвратиться въ Англію къ женѣ и дѣтямъ, которыхъ оставилъ, чтобъ искать счастья на золотыхъ приискахъ, что однакоже ему не удалось. (Novelen Zeit).

Последнія извѣстія изъ Калифорніи. — Изъ 3,400,000 жителей Калифорніи работаютъ на золотыхъ россыпяхъ 100,000 человекъ. Вообще считается, что каждый работникъ достаетъ въ день по пяти долларовъ: что составляетъ въ день по 500,000 долларовъ. Работа же 200 дней въ году (за исключеніемъ зимы и праздничныхъ дней), всѣ эти 100,000 человекъ получаютъ въ годъ 100,000,000 долларовъ золота.

Однако же заработка пяти долларовъ исчислена слишкомъ высоко. Новѣйшіе и точнѣйшіе статистическіе выводы даютъ не болѣе 2½ долларовъ на человека кругомъ. Больше и меньше зависитъ отъ счастья или трудолюбія.

Но неблагоприятныя для золотопромышленниковъ обстоятельства вовсе не служатъ опроверженіемъ, что богатства этой страны не ис-

тощимы. Золота здѣсь дѣйствительно неисчерпаемое количество. Но разработка его можетъ только доставить достаточныя для промысла выгоды, когда работающіе будутъ употреблять средства, сберегающія трудъ и время; тогда какъ теперь промышленники, работая шесть дней въ недѣлю, проводятъ воскресенье въ томъ, что стираютъ свое бѣлье и чинятъ инструменты, питаюсь однимъ хлѣбомъ.

Теперь вводятъ разныя улучшения при добываніи золота. Съ успѣхомъ стали уже употреблять ртуть для отдѣленія золота. Золотосодержащая земля прогоняется сквозь ртуть, и золото сливается со ртутью, изъ котораго потомъ отдѣляется въ желѣзной ретортѣ при 60° жара съ потерей 2 $\frac{1}{2}$ процентовъ.

До сихъ поръ работы производились на поверхности земли. Но опыты сверленія земли доказали, что на нѣкоторой глубинѣ есть богатая жила этого металла, и наиболѣе у полошвы горъ, гдѣ поверхность земли не обнаруживаетъ ни малѣйшаго признака золота. Для сверленія почвы употребляютъ родъ болта, называемаго *байотта*, которымъ пробиваютъ узкое отверстіе на сто футовъ глубины и болѣе. Эта машина, называемая въ Нью-Йоркѣ *Birk-Rocker*, стоитъ тамъ 40 долларовъ, а здѣсь за нее платятъ 1,000 долларовъ.

Хотя для разработки подземнаго золота составились общества, но они еще не успѣли устроить ее въ надлежащемъ видѣ и порядкѣ.

Ртутные рудники здѣсь многочисленны и разрабатываются очень успѣшно. Самые богатые Альмодейса, близъ Санъ-Хозе.

Множество золотопромышленниковъ оставили добываніе золота и обратились къ земледѣлію. Это для нихъ гораздо выгоднѣе. Почва и климатъ при средствахъ и цѣнахъ нынѣшняго сбыта доставляютъ гораздо болѣе пользы, нежели лучшая разработка золота.

Здѣсь вообще много спекуляторовъ умныхъ и дѣятельныхъ на всякаго рода предпріятія.

Полосы земли здѣсь продаются выгодно для людей съ капиталомъ. Тамъ, гдѣ поселены Индѣйцы, покупатель можетъ употреблять ихъ для работъ земледѣлія, или золотыхъ промысловъ.

До открытія золота вывозились изъ Калифорніи однѣ звѣриныя кожи и сало. Теперь присоединился вывозъ металловъ. Но если усилятся земледѣліе, то вывозная торговля приметъ обширный размѣръ.

Между ремеслами, здѣсь болѣе всего занимаются дубленіемъ кожъ. Въ Санъ-Хозе продавалось недавно одно заведеніе за 3,000 долларовъ при проточной водѣ, съ жилымъ домомъ и однимъ акромъ обработанной земли.

Народонаселенія Калифорніи нельзя въ точности опредѣлить по причинѣ безпрестанныхъ пріѣздовъ и отъѣздовъ. Официальной народной переписи долго здѣсь не будетъ. По потребленію хлѣба считается здѣсь до 420,000 жителей. Города кажутся населеннѣе, нежели они въ самомъ дѣлѣ. Санъ-Франциско съ 35—40,000 жителей, Сакраменто съ 10—12,000, Меривиль съ 4—5,000, кажутся при первомъ взглядѣ вдвое имѣютъ жителей, потому что всѣ жители находятся всегда на улицѣ, и

что женщинъ и дѣтей вовсе почти нѣтъ. Эта общественная несоразмѣрность вскорѣ должна однако же измѣниться.

Со времени присоединенія своего къ Соединеннымъ Штатамъ, Калифорнія приобрѣла всемирную значительность. Самое развитіе разработки и промышленности принадлежитъ предприимчивому духу Американцевъ, для которыхъ препятствія служатъ только поощреніемъ къ большей дѣятельности.

(Mag. für die Litt).

Англичане, покровители торга неграми. — По письмамъ изъ Англіи сообщаютъ, что Англія, которая столько говоритъ и шумитъ объ уничтоженіи торга неграми, наиболѣе содѣйствуетъ къ поддержанію этого порядка вещей по причинѣ огромной своей потребности въ хлопчатой бумагѣ. Она требуетъ отъ Американцевъ, которые снабжаютъ ее этимъ матеріаломъ, чтобъ цѣны на нее были самыя дешевыя, а это иначе невозможно какъ посредствомъ работы негровъ. Еслибъ ихъ серьезно уничтожить въ Соединенныхъ Штатахъ, то Англія должна была бы покупать хлопчатую бумагу гораздо дороже, и всѣ ея миткали, коленкоры, ситцы и пр. продавались бы такъ дорого, что прочая Европа, Азія и Африка не стали бы ихъ покупать, а Англія совершенно бы разорилась. Такъ, для поддержанія своей торговли, она громко вопія повсюду объ истребленіи торга неграми, поощряетъ подъ рукою обработку хлопчатой бумаги посредствомъ негровъ.

Въ самой Англіи сословіе служителей находится въ одинаковыхъ почти условіяхъ, какъ чернокожіе въ Америкѣ, и Англо-Саксонскій бѣлый *Эсквейръ* гораздо дальше отъ Англо-Саксонскаго бѣлаго *Шопкинера*, нежели въ Америкѣ бѣлый хозяинъ плантаторъ отъ черныхъ своихъ невольниковъ.

(Idem).

Что значитъ ѣздить въ каретѣ въ Перу. — Въ Лимѣ только знаменитые люди имѣютъ право ѣздить въ каретахъ. Вдругъ пріѣхала туда знаменитая актриса *Перичоль*, и красотою своею, и талантомъ свела съ ума всю столицу. Болѣе всѣхъ покровительствовалъ ей намѣстникъ и осыпалъ ее богатѣйшими подарками, исполняя всякое свое нравное желаніе актрисы.

Этой актрисѣ вздумалось однажды проѣхать въ каретѣ, и она объявила о своемъ желаніи намѣстнику. Тотъ ужаснулся, и всячески старался уговорить ее, чтобъ она отказалась отъ этого каприза. Но женщина и актриса! Она грозила, что тотчасъ же уѣдетъ изъ Перу, если ее не повезутъ на гулянье въ каретѣ намѣстника и въ его сопровожденіи. Послѣ бесполезныхъ споровъ надобно было уступить. Но сохраняя по возможности приличіе, онъ сѣлъ въ одну карету, а Перичоль посадилъ въ другую, и съ многочисленною свитою выѣхалъ на гуля-

бище. Жители Лимы увидѣли Перичоль, пожали плечами, но поняли, что актриса и тутъ играетъ комедію. (Idem).

Синій сюртукъ Россини. — На другой день послѣ перваго представленія *Отелло* въ Неаполѣ, Россини обѣдалъ въ кругу ближайшихъ друзей, которые съ бокалами въ рукахъ поздравляли его съ колоссальнымъ успѣхомъ новой оперы. Вдругъ кто-то постучался въ дверь. Директоръ Барбайа (у него былъ обычай отсылать за десертомъ всѣхъ служителей, чтобъ свободно говорить) всталъ и отворилъ дверь.

Вошелъ Англичанинъ лѣтъ пятидесяти.

— Что вамъ угодно? спросилъ Барбайа.

— Господина Россини.

— А на что онъ вамъ?

— Я желаю видѣть его.

— Только? Пожалуй, извольте смотрѣть на него сколько угодно.

Въ это время Россини перешепнулся съ графомъ Ф. и просилъ, чтобъ онъ представилъ его лице. Англичанина посадили за столъ противъ графа, (который, мимоходомъ сказать, былъ тоже, какъ Россини, въ синемъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ. Общество продолжало пить и разговаривать. Провозгласили тостъ за здоровье знаменитаго композитора, и графъ очень искуно благодарилъ за это привѣтствіе.

Послѣ этого англичанинъ всталъ и всѣмъ раскланялся, благодаря за доставленное ему удовольствіе. Барбайа проводилъ его. Но въ дверяхъ англичанинъ остановилъ его.

— Сэръ! Будьте такъ добры, доставьте мнѣ, за какую бы то цѣну ни было, какое нибудь платье Россини.

— Очень радъ, отвѣчалъ директоръ, это легко сдѣлать. Подождите меня за дверью. Я сейчасъ ворочусь.

Когда Барбайа объявилъ обществу требованіе англичанина, то раздался огромный хохотъ. Графъ Ф. въ ту же минуту снялъ съ себя свой сюртукъ и отдалъ его Барбайа, который и отвесъ его Албѣонцу.

— Вотъ вамъ сюртукъ Россини.

Англичанинъ вынулъ изъ бумажника ассигнацію во сто фунтовъ стерлинговъ (600 руб. сер.) и просилъ передать композитору.

Они раскланялись и разошлись.

— Эти деньги, сказалъ Россини директору, прошу васъ раздать хористамъ Санъ-Карло. Пусть они выпьютъ за здоровье англичанина и посмѣются надъ нимъ.

Анекдотъ этотъ распространился по всему Неаполю, и газеты тотчасъ же его подхватили.

При второмъ представленіи *Отелло*, англичанинъ сидѣлъ въ ложѣ. На немъ былъ надѣтъ синій сюртукъ мнимаго Россини.

Когда Яго зашѣлъ каватину свою: *gia la fiera gelosia*, вдругъ англичанинъ вскрикнулъ. Онъ въ эту минуту прочелъ въ одной газетѣ статью о своей мистификаціи.

При крикѣ его всѣ обратились на его ложу и узнали одураченаго англичанина. Громкій, всеобщій хохотъ раздался по залѣ, и принудилъ англичанина бѣжать изъ театра.

Въ ту же ночь уѣхалъ онъ изъ Неаполя. (Lesefrüchte).

Письмо изъ Японіи. — Одинъ Дрезденскій ученый, участвовавшій въ нынѣшней Американской экспедиціи въ Японію, прислалъ вновь пѣсколю писемъ объ этой замѣчательной странѣ. Между прочимъ пишетъ онъ:

«Двери и окна въ томъ видѣ, какъ мы ихъ понимаемъ или какія даже есть въ Китаѣ, не существуютъ въ Японіи; равно и самыя стѣны домовъ совершенно иначе устроены. Всѣ онѣ устроены *выдвижными*, какъ равно окна и двери. Весь домъ кругомъ до низу выдвигается и задвигается гдѣ и сколько угодно, такъ что въ минуту можете вы изъ двухъ—трехъ комнатъ сдѣлать одну, можете въ сплошной стѣнѣ сдѣлать, сколько захотите, окошекъ, или даже по произволу раскрить всю стѣну на улицу, или на дворъ. Всѣ эти стѣны и выдвижныя доски изъ весьма тонкаго дѣса. На ночь же и въ холодную погоду приставляютъ изнутри къ вышней сторонѣ еще стѣнку немного потолще.

По вечерамъ комнаты освѣщаются большими фонарями.

Въ домахъ и на улицахъ царствуетъ величайшая чистота. Ежедневно улицы выметаются.

Жители ежедневно дѣлаютъ себѣ ванны изъ горячей воды, отчего кожа ихъ дѣлается жесткою. Въ первый разъ когда я увидѣлъ японца въ подобной ваннѣ, то ужаснулся. Онъ сидѣлъ въ огромномъ котлѣ, наполненномъ водою и окруженный парами кипятка. Онъ былъ красенъ какъ ракъ, а подъ котломъ горѣлъ огонекъ, который безпрестанно подкладывалъ другой человекъ. Вода была такъ горяча, что я немогъ въ нее опустить руки, а купающійся, или лучше сказать варившійся японецъ былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ.

(Illustrirte Zeit.)

Первый астрономическій календарь. — Въ началѣ XVI вѣка знаменитый въ то время астрологъ Штѣфлеръ произвелъ всеобщій ужасъ въ Европѣ своимъ обнародованнымъ предсказаніемъ, что: «въ февралѣ 1524 года произойдетъ потопъ». Онъ основывалъ это предсказаніе на астрономическомъ исчисленіи, что въ это самое время планеты Сатурнъ, Юпитеръ и Марсъ будутъ находиться въ *соединеніи*, и слѣдственно должны необходимо произвести потопъ.

Письмо, въ которомъ предсказатель впервые выразилъ свое объявленіе, отправилъ онъ къ испанскому королю Карлосу (бывшему потомъ императоромъ Карломъ V). Весь дворъ его, въ Германіи и даже вся

Европа были сильно испуганы этимъ предсказаніемъ. А какъ кромѣ Штефлера многіе астрологи подтвердили это предсказаніе, то никто и не сомнѣвался въ немъ.

Во Франціи много людей сошли съ ума отъ страха. Люди, жившіе въ приморскихъ городахъ, или на берегу большихъ рѣкъ, продали за безцѣнокъ свои дома и переѣхали на высокія горы. Другіе построили себѣ корабли и съ разными запасами перешли на нихъ. Президентъ Оріоло въ Тулузѣ прославился тогда замысловатымъ устройствомъ своего корабля и многочисленными на немъ запасами, въ которыхъ забыты были ни лучшія вина, ни даже конфекты.

Бургомистръ Гендорфъ въ Виттенбергѣ тоже принялъ разныя мѣры противъ потопа.

Наконецъ наступилъ и грозный февраль 1524 года. Небо было чисто, погода прекрасная, не было даже дождей. Потопъ не обнаружился нигдѣ, не только въ февралѣ, но и въ остальные мѣсяцы того года.

Долго однакоже боязнь и суевѣріе ожидали бѣдствія. А какъ астрологамъ надобно было оправдаться чѣмъ нибудь, то они и объявили, что соединеніе упомянутыхъ планетъ предвѣщало вообще несчастіе, и указало на происшедшую вскорѣ потомъ войну въ Германіи.

Этотъ самый Штефлеръ, заставившій трепетать Европу, былъ первымъ основателемъ *астрономическаго календаря* съ предсказаніями. Въ 1499 году издалъ онъ въ Ульмѣ первый подобный календарь, который потомъ вездѣ сталъ выходить съ присоединеніемъ медицинскою астрологіи и объясненіемъ небесныхъ знаковъ.

Календарь Штефлера изданъ былъ на нѣсколько лѣтъ съ указаніемъ вліянія планетъ на постройку домовъ и башенъ, на полевые и саловыя работы, на обхожденіе съ людьми, на любовь, на бракъ и на судебныя дѣла. Онъ училъ въ какіе дни лучше учиться, посылать дѣтей въ школу, надѣвать новое платье, стричь волосы, отъѣзжать вдаль, удить рыбу.

Бранденбургскій придворный астрологъ Каріонъ издавалъ также подобные календари. Одинъ изъ нихъ изданъ съ 1519 по 1574 годъ. Въ 1529 году напечаталъ онъ: *Практическій календарь*. Подобные же календари, изданные въ 1532 и 1533 годахъ. Въ нихъ между прочимъ было предсказано, что Мартинъ Лютеръ будетъ публично сожженъ въ такой-то день. Но день прошелъ, а Лютеръ остался живъ. Это не лишило календарь довѣренности публики, потому что многія другія предсказанія съ 1528 по 1540 сбылись въ Германіи. Въ особенности же удивлялись всѣ, что предсказываемыя имъ затмѣнія солнца и луны вѣрно сбывались.

(Institut).

Трольгетскій водопадъ. — Значительность водопада вообще определяется тремя обстоятельствами: количествомъ воды, высотой паденія и угломъ, образуемымъ съ горизонтомъ. Последніе два легко опредѣляются измѣреніями, но первое труднѣе обозначить. Оно измѣняется по

годамъ и по временамъ года, и не можетъ быть опредѣлено шириною водопада, потому что болѣе зависитъ отъ образованія почвы при паденіи. Если вода тѣснится между скалами, то ширина можетъ быть и незначительною. Слѣдственно, за недостаткомъ дѣйствительныхъ измѣреній, можно дѣлать заключеніе по величинѣ водъ и озеръ, изъ которыхъ вода беретъ начало.

О массѣ воды Трольгетскаго водопада можемъ мы составить себѣ приблизительное понятіе, принявши въ расчетъ обширность Венерскаго озера, образующаго посредствомъ Гота-Эльфа этотъ водопадъ, изливающейся въ Каттегатъ. Это озеро почти такой же величины какъ Зеландія, и по этому въ древне-Сѣверной Сагѣ сказано, что Гефюнъ вырвалъ кусокъ земли, гдѣ потомъ образовалось Венерское озеро, и перенесъ его ко входу въ Балтійское море.

Венерское озеро питается множествомъ большихъ и малыхъ водъ, но въ особенности Кларъ-Эльфомъ, вытекающимъ въ 50 миляхъ отсюда изъ горнаго озера Фетунда. Высота Венера надъ морскимъ уровнемъ простирается до 145 футовъ. Вотъ слѣдственно высота паденія отъ этого озера до морскаго берега на разстояніи 10 миль. Изъ нихъ, 112 футовъ приходится на Трольгетскій водопадъ, который однакоже низвергается не въ одномъ мѣстѣ, но образуетъ множество одинъ за другимъ послѣдующихъ водопадовъ, такъ что Эльфъ нигдѣ не имѣетъ спокойнаго теченія.

Самый высокій водопадъ называется Гюлло, по имени скалистаго острова Гюлло, поросшаго непроходимымъ лѣсомъ хвойныхъ деревъ. Послѣ него слѣдуютъ водопады Топпию, Стампо-стремъ, а наконецъ Флотбергъ-стремъ. А какъ каждый отдѣльный водопадъ образуетъ прекрасный ландшафтъ, то можно съ ближайшей высоты пользоваться общимъ видомъ на всѣ водопады. Скалы, окружающія ихъ и лѣсъ, растущій на скалахъ, посреди перпендикулярно низвергающихся пѣнистыхъ водъ, возвышаютъ красоту зрѣлища, всегда одѣтаго влажнымъ туманомъ.

Въ Европѣ много водопадовъ, которые выше тролгетскаго, такъ, напримѣръ, водопадъ Марбаре у Гаверна, въ Пиренеяхъ, образующійся изъ 10—12 потоковъ воды, изъ которыхъ одинъ низвергается съ высоты 1250 футовъ. Штауббахъ въ Лаутебруннерской долинѣ, вышиною въ 900 футовъ, но водопады эти образуются изъ мелкихъ горныхъ источниковъ, которые низвергаясь по крутизнамъ скалъ, превращаются почти въ капли, прежде нежели достигаютъ до подошвы. Эти маленькія серебряныя струи весьма красивы, особливо когда освѣщаются солнцемъ и образуютъ радуги на скалахъ, но по бѣдности своей въ водѣ они далеко уступаютъ Трольгетскому.

Гавстенъ описываетъ Бергенскій водопадъ, котораго высота до 900 футовъ. Но масса водъ западной части Норвегіи гораздо бѣднѣе нежели на восточной сторонѣ ея горной цѣпи.

Есть очень красивый водопадъ *Caduta delle margone* въ Римской области, близъ Терни. Рѣка Вессино, вытекающая въ 12 миляхъ южнѣе, производитъ много вреда своими разливами по окрестности, а потому ее провели въ каналъ сквозь известковыя скалы, съ которыхъ

она низвергается отвѣсно въ узкую долину съ высоты въ 3—400 футовъ. Изъ рощи померанновыхъ деревьевъ въ глубинѣ этой долины, видъ самый очаровательный на этотъ водопадъ, окруженный италіанскою растительностью.

Водопадъ Рюканъ (дымящійся) въ Верхнемъ Теллемаркѣ, принадлежитъ къ высокимъ, но бѣднымъ водою. Горное озеро Міосъ, длиною въ 5—6 миль и шириною въ полмили, изливается въ Маане-эльфъ, образующій этотъ водопадъ, низвергающійся отвѣсно съ высоты въ 800 футовъ въ глубокую бездну, въ которой дна невидать и изъ которой вода вытекаетъ потомъ изъ ущелій. Слѣдственно и этотъ водопадъ выше трольгетскаго, но бѣднѣе его водою.

Ближе всѣхъ къ нему знаменитый норвежскій водопадъ Сарпенъ и Рейнскій въ Швейцаріи. Сарпенъ получаетъ воду изъ норвежскихъ горныхъ озеръ въ 50 миляхъ къ сѣверу, а именно изъ Лаугена и Гломена, соединяющихся потомъ съ озерами Міозомъ и Ойреномъ. Но количество воды все еще бѣднѣе Венерскаго озера и Гота-Эльфа. Притомъ же высота въ 60 футовъ составляетъ едва половину трольгетскаго.

Рейнскій водопадъ у Лаугена, близъ Шафгаузена, почти одинаковой высоты съ Сарпеномъ, а именно до 70 футовъ. Количество воды съ верхнихъ Альповъ и Баденскаго озера тоже одинаково.

Слѣдственно Трольгетскій превосходить всѣ европейскіе по количеству воды. Но въ другихъ частяхъ свѣта есть великаны, далеко превосходящіе его.

Ниагарскій водопадъ въ Сѣверной Америкѣ образуется огромными озерами: Верхнимъ, Гуронскимъ, Мичиганомъ и Эріе, прежде нежели онъ впадаетъ въ озеро Онтарио, изливающееся рѣкою св. Лаврентія въ Атлантическій океанъ. Пространство этихъ озеръ составляетъ почти двѣ трети Балтійскаго моря и въ сорокъ разъ больше Венерскаго озера. Въ такомъ же отношеніи должны быть между собою Ниагарскій и Трольгетскій водопады, и если шведскій выше другихъ европейскихъ водопадовъ, то предъ американскимъ онъ можетъ назваться карликомъ.

Трольгетскій водопадъ представляетъ не только замѣчательное явленіе природы, но и доказываетъ силу человѣческаго ума въ борьбѣ съ натурою.

Озера и рѣки составляютъ важный способъ сообщенія, но водопады препятствуютъ этому сообщенію. Такъ, напримѣръ, Трольгетскій водопадъ останавливалъ сношенія жителей у береговъ Венерскаго озера съ моремъ и между лежащею полосою земли. Препятствія эти устранены тѣмъ, что товары, привезенные къ верховью водопада, везены были волокомъ вверху и тамъ нагружались на новыя суда. Но наука должна была доставить лучшія и удобнѣйшія средства. Часть рѣки отведена теперь стороною въ каналъ, и суда спокойно ходятъ до небольшого озера. Но тутъ озеро кончается отвѣснымъ берегомъ, такъ что снизу видны корабли выше горъ. Искусство нашло средство спускать эти корабли. Въ скалѣ пробить каналъ на семьдесятъ футовъ спуска, въ которомъ устроены пять плузовъ одинъ за другимъ, а у

подошвы скалы еще три шлюза. Сперва отворятъ верхній шлюзъ и наполнявъ его водою, впускаютъ туда корабли. Затворивъ верхнюю дверь, отворятъ нижнюю, и суда тихо спускаются по уравнившейся въ обоихъ водахъ. Такъ продолжается до послѣдняго шлюза, и суда входятъ въ нижнюю рѣку и идутъ до моря.

Другое облегченіе судоходства состояло въ учрежденіи пароходовъ, и теперь ихъ уже много отъ Готенбурга до внутреннихъ провинцій.

(Erheiterung).

Мусульмане въ Западной Азіи. Каковы бы ни были различія и даже противорѣчія, замѣчаемыя въ естественныхъ качествахъ и въ умственномъ развитіи народовъ на земномъ шарѣ, но можно по географической картѣ слѣдить за постепенными измѣненіями, связывающими эти повидимому противоположные элементы. Чѣмъ болѣе націи отдалены, тѣмъ различіе это разительнѣе. Постепенность же переходовъ видна на группахъ, отдѣляющихъ ихъ, соответственно физическому свойству страны, характеру жителей и исторіи ихъ. Всякій знаетъ разительную противоположность между народами Западной Европы и мусульманами Востока. Пріѣзжайте моремъ въ Египетъ или Сирію, — и разность эта будетъ рѣзка. Слѣдуйте сухимъ путемъ чрезъ Венгрію, Крѡацію, Булгарію, Румелію, и вы увидите постепенность.

Европеецъ, вступающій въ первый разъ въ мусульманскій городъ, видитъ себя совершенно въ новомъ мірѣ. И люди, и вещи для него всё такъ странны, что ему нужно нѣсколько времени, чтобъ отдать себѣ отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ. И не столько странность предметовъ сама по себѣ, сколько удивительная смѣсь самыхъ противорѣчащихъ вещей придаетъ восточному городу особенный отпечатокъ. Дворецъ и глиняныя мазанки, великолѣпно одѣтый бей и полунагой водоносъ, арабскій скакунъ съ богатою сбруею и бѣдный псхудальскій осель мелькаютъ въ глазахъ какъ въ китайскихъ тѣняхъ. И эта внѣшняя разнообразность Востока основана на совершенно одинаковомъ умственномъ развитіи во всѣхъ сословіяхъ.

Отсутствіе индивидуализма составляетъ постоянный, вѣчно-неизмѣняющійся характеръ Востока. Въ этомъ заключается тайна неподвижной его жизни и различія его съ христіанскимъ Западомъ. Люди высшихъ сословій отдѣлены на Востокъ самою незначущею внѣшнею преградой, которую можетъ ниспровергнуть всякое непредвидимое обстоятельство.

Чувство умственного равенства составляетъ такимъ образомъ на Востокѣ основу общественнаго зданія. Вездѣ видно вліяніе корана. Далѣе корана нейдутъ ни чьи понятія. Отъ этого умственнаго равенства никто не гордится, никто не унижается, никто ничему не удивляется. Бѣднѣйшій факиръ или бедуинъ нисколько не изумится великолѣпнѣю Стамбула, и не растеряется передъ визирями.

Отсутствіе индивидуализма и одинаковая степень образованности

вполнѣ объясняютъ неподвижность Востока. Развѣ въ приморскихъ городахъ (и это конечно не улучшеніе) встрѣтите вы испорченность нравовъ и идей, полученныхъ отъ Запада. Все остальное видѣло тридцать вѣковъ и ничего не усвоило себѣ изъ событій и переворотовъ. Только нѣкоторыя развалины и собственныя имена напоминаютъ о Греціи и Римѣ. Другаго ничего отъ нихъ не осталось. Можетъ быть, въ тѣ времена и привились нѣкоторые обычаи и слѣды образованности. Но явился исламизмъ — и все потушилъ.

Всякой дѣятельности нужна цѣль и поводъ. На Востокѣ мусульманскомъ ихъ нѣтъ. Всякій отъ бездѣйственности доволенъ своею участью. Житель Востока не понимаетъ причинъ и надобности труда, иначе какъ для удовлетворенія скромныхъ жизненныхъ потребностей. Купецъ, ремесленникъ, феллахъ, поденщикъ тотчасъ же перестаетъ трудиться, какъ скоро добылъ себѣ дневную пищу и съ наслажденіемъ предается *раха-ту* (успокоенію). Удовольствіе въ самой дѣятельности — непостижимая для него идея. Онъ съ улыбкою презрѣнія смотритъ на вѣчно-суемящагося европейца, который отдыхаетъ только для того, чтобъ собраться съ силами для новой работы. Музульманинъ можетъ долго и сильно работать, но единственно только для того, чтобъ послѣ наслаждаться лѣнью. Набѣги бедуина, кочующихъ татаръ имѣютъ тотъ же отпечатокъ. Они совершаютъ трудныя экспедиціи для того только, чтобъ награбленное ими прожить въ бездѣйствіи.

Теперь музульманскій востокъ состоитъ изъ трехъ главныхъ племенъ — арабовъ, турокъ и персіянъ. Каждое изъ нихъ подраздѣляется еще на множество особыхъ группъ. При одинаковомъ пропѣхожденіи, между этими народами нѣтъ никакой связи. Они никогда немогутъ слиться въ одно политическое тѣло. Какими они были за тысячу лѣтъ, такъ и остались.

Восточные народы всегда стараются сохранять чистоту своего племени, не смѣшиваясь браками съ другими, въ особенности же съ западными. Если турокъ женится на арабкѣ, та не иначе будетъ звать мужа какъ *турка*, и дѣти тоже будутъ подражать ей, почитая отца чужеземцемъ.

Самый климатъ востока служилъ основаніемъ этихъ обычаевъ. Тамъ жителю ничья помощь не нужна. Почва богата, а умѣренность въ пищѣ и питьѣ — всегдашній законъ Востока. Европейцы всегда удивляются этой умѣренности. Чашки верблюжьяго молока и горсти финиковъ достаточно арабу на цѣлыя сутки при шестнадцатичасовой ходьбѣ. Присоедините къ этому недостатку питательности девятимѣсячныя жары, и вы поймете причину бездѣйственности этихъ людей.

Есть немногія исключенія у жителей гористыхъ странъ и у пустынныхъ бедуиновъ. Трудности, съ которыми они добываютъ себѣ пищу и жизненныя потребности, пріучаютъ ихъ съ малолѣтства къ дѣятельности, незнакомой жителю долинъ. Но и тутъ характеръ Востока неизмѣняется. Всѣ эти труды имѣютъ одну цѣль — существованіе, а не развитіе благосостоянія. Пройдутъ еще вѣка, и они не перемѣнятся.

Коранъ Магомета создалъ вѣчную войну. Магометъ заповѣдалъ въ коранѣ не влгать меча въ ножны, дождѣ *всѣ народы земли* непримуть исламизма, или непокорятся ему; не давать никому міра, кромѣ побѣжденнымъ; заключать въ случаѣ нужды перемирія; почитать всѣхъ покоренныхъ иновѣрцевъ военноплѣнными, которые должны поголовно податю ежегодно откупать жизнь свою.

Эти кровавые законы меча дѣйствительно возвысили магометанъ на высокую степень. Завоевательный потокъ ихъ едва непоглотилъ Европу. Но Карлъ Мартелъ остановилъ ихъ во Франціи, Гунады на Дунаѣ, Собіескій у стѣнъ Вѣны, и разлившійся потокъ возвратяся въ свое русло, началъ изсякать, покуда скоро пересохнетъ.

Борьба восточной Римской Имперіи и Крестовые походы привели въ столкновеніе христіанство съ мусульманствомъ. Эта борьба была по правиламъ корана вѣчная. Она продолжается и до сихъ поръ.

Въ числѣ отличительной разности между востокомъ и западомъ рѣзко является значеніе *женщины*. Магометане сомнѣваются: естьли въ ней душа? коранъ не гласно отвергъ это, но онъ сулитъ по смерти мусульманамъ рай, гдѣ имъ будутъ прислуживать вѣчно юныя гуріи. О раѣ для женщинъ не сказано ни слова. Это-то упущеніе Магомета и убѣждаетъ мусульманъ, что у женщинъ нѣтъ души. На западѣ женщина составляетъ душу общества. На востокѣ многоженство раздѣляетъ нравы; на западѣ одноженство образуетъ основаніе семьи.

Второстепенныхъ стихій множество. Тамъ длинныя и широкія одежды, здѣсь узкія и кургузныя; тамъ бритая голова и отпущенная борода здѣсь бритые бодбородки и густые волосы. На востокѣ при встрѣчѣ съ знакомымъ привѣтствуютъ его опущеніемъ пальцевъ къ землѣ, и почли бы смертельною обидою пожатіе руки, какъ въ Европѣ.

Въ религіозномъ отношеніи магометанство давно падаетъ. Съ самаго начала раздвоилась эта вѣра на двѣ главныя секты: на суннитовъ и шитовъ (турки и персы) которые ненавидятъ и презираютъ другъ друга. Далѣе потомъ образовалось множество другихъ сектъ.

Кромѣ различія и вражды сектъ, есть на востокѣ и борьба національностей. Турки и арабы давно уже въ явномъ несогласіи, и всякая мѣра, обнародованная въ Стамбулѣ, вѣрно встрѣтитъ оппозицію между арабами. Еще недавно видѣли мы какъ друзья разбили турокъ при содѣйствіи шейховъ арабскихъ пустынь.

У турокъ нѣтъ аристократіи. Погонщикъ верблюдовъ будетъ завтра пашей, сераскиромъ, визиремъ, и обратится потомъ опять въ ничтожество. Гордость мусульманина во всѣхъ одинакова.

Нужно ли говорить объ участи христіанъ, живущихъ на востокѣ? Въ Европѣ называютъ ихъ *подданными* Порты. Это ошибка. Коранъ знаетъ однихъ *побѣжденныхъ*. Если они не мусульмане, то должны себѣ покупать каждый годъ право носить голову на плечахъ. Фирманы, исторгнутые побѣдою и дипломациею, чужды духа корана и чувства народа. Обѣщанія даются въ минуту опасности и гибели, но исполнять ихъ невозможно, нецѣлѣнъ корана. Европейцевъ стали ува-

жать въ Турціи, потому что стали бояться, но райсы презирають по прежнему. Это *джелуры*, невѣрныя.

Франція присвоиваетъ себѣ покровительство надъ всѣми католиками; къ Россіи простирають руки православныя; Англія наиболѣе приобрѣла приверженцевъ въ Сиріи. Очень любопытна мысль Друзовъ, сблизившая ихъ съ Англичанами. Друзы думаютъ, что англичане одной съ ними вѣры. Они говорятъ, что у всѣхъ народовъ есть преданія и священныя книги (*Киталъ*). У магометанъ есть коранъ, у евреевъ — пятикнижіе, у христіанъ — *Нигиль* (Евангеліе), у англичанъ же и друзовъ нѣтъ ничего.

Со времяя султана Селима порта начала бороться съ угрожающимъ ей разрушеніемъ, стараясь вводить обычаи европейцевъ. Но эти мѣры съ негодованіемъ встрѣчены всѣми мусульманами. Въмѣсто успѣховъ въ образованности они еще болѣе идутъ назадъ. Они видятъ, что султаны хотятъ возвыгнуть зданіе безъ всякаго фундамента, которое непременно разрушится и подавить ихъ. (Revue britannique).

Театръ прошедшихъ временъ. Прежде чѣмъ права автора были обезпечены закономъ, драматическіе писатели совершенно зависѣли отъ актеровъ и директоровъ, которые покупали пьесу и дѣлались полными ея владѣтелями.

Разумѣется, что имя автора, болѣе или менѣе знаменитое, цѣнилось гораздо больше произведенія.

Въ 1655 году, Тристанъ, авторъ многихъ пьесъ, игранныхъ съ успѣхомъ труппою Бургонскаго отеля, представилъ подъ своимъ именемъ комедію одного неизвѣстнаго писателя, которому хотѣлъ оказать услугу.

Артисты нашли пьесу превосходною и назначили за нее порядочную сумму. Тристанъ, думая что уже все кончено, объявилъ свою хитрость и назвалъ настоящаго автора.

Чтожь вышло? Комитетъ артистовъ объявилъ съ своей стороны, что хотя пьеса и хороша, но подписанная другимъ именемъ, она не стоитъ назначенной цѣны, потому что не можетъ имѣть успѣха. И потому авторъ можетъ или взять ее назадъ, или довольствоваться небольшою суммою.

Напрасно Тристанъ упрашивалъ, сердился, доказывалъ несправедливость такого распоряженія, артисты стояли на своемъ. Наконецъ онъ предложилъ слѣдующее средство обезпечить выгоды театра и автора.

— Вы находите, что пьеса хороша, но что она не можетъ имѣть продолжительнаго успѣха, сказалъ Тристанъ, и поэтому не хотите заплатить того, что платили за лучшія сочиненія. Такъ какъ еще неизвѣстно, исполнятся ли ваши предположенія, то сыграйте комедію моего друга Кино, и отдайте ему девятую часть сбора. Въ такомъ случаѣ и

вы будете обезпечены и авторъ получить то, чего въ самомъ дѣлѣ стоитъ его пьеса, потому что публика лучшей цѣнителъ въ этомъ случаѣ.

Это распоряженіе такъ понравилось обѣимъ партіямъ, что было тотчасъ же принято. Пьеса, покровительствуемая Тристаномъ, имѣла огромный успѣхъ.

Съ этого времени начали назначать авторамъ за пьесы девятую часть сбора.

Въ 1757 году обыкновеніе это утвердилось слѣдующимъ закономъ для Французской комедіи:

За пьесы въ пяти актахъ трагическія или комическія, выдавалась девятая часть сбора.

За пьесы въ три акта двѣнадцатая часть.

За одноактныя восемнадцатая.

Кромѣ того авторы имѣли право на нѣсколько даровыхъ билетовъ для входа въ театръ.

За пятиактную пьесу давалось шесть мѣстъ въ амфитеатрѣ.

За трехактную четыре мѣста.

За одноактную два.

Если же авторы требовали большее число билетовъ, то должны были платить за нихъ.

Деньги со сбора выдавались авторамъ до тѣхъ поръ, покуда пьеса два раза сряду дѣлала сбору меньше 1,200 ливровъ зимою и 800 глѣтомъ. Послѣ этого она дѣлалась собственностью театра, и авторъ терялъ надъ ней всѣ права.

Въ 1723 году играли на первомъ Французскомъ театрѣ трагедію *Инесу де Кастро*. Въ пятомъ дѣйствіи, когда выходятъ на сцену двое дѣтей, публика почему-то нашла малютокъ смѣшными, и въ партерѣ послышался даже хохоть. Г-жа Дюкло, игравшая Инесу, обидѣлась этимъ неумѣстнымъ смѣхомъ, и обратясь къ партеру сказала:

— Только глупцы, непонимающіе дѣла, могутъ хохотать въ самомъ трогательномъ мѣстѣ пьесы!

Эта смѣлость въ другое время произвела бы шумъ въ театрѣ, а въ эту минуту она умирила партеръ и заставила его послѣ пьесы съ громкими рукоплесканіямъ вызвать превосходную артистку, съумѣвшую спасти пьесу и давшую почувствовать публикѣ ея невѣжество.

Впрочемъ, въ наше время, опасно было бы поступать такимъ образомъ съ публикою, которая совсѣмъ не расположена выслушивать замѣчанія артистовъ, а требуетъ безусловнаго ихъ повиновенія и уваженія.

(Musée des familles).

Одинъ изъ Англійскихъ законовъ. Въ Лондонскомъ судѣ произошло недавно странное происшествіе: Одинъ бѣдный портной жаловался на франта, который не хотѣлъ заплатить ему за платье девяти фунтовъ стерлинговъ. Судья уже рѣшалъ дѣло въ пользу портнаго, какъ вдругъ адвокатъ франта спросилъ: какія пуговицы пришиты къ платью, за которое незаплачено.—Суконныя, отвѣчалъ портной.—Въ такомъ слу-

чаѣ дѣло должно принять другой оборотъ, замѣтилъ адвокатъ и тотчасъ же привелъ законы Вильгельма III, Королевы Анны и Георга III, въ которыхъ запрещено носить другія пуговицы, кромѣ металлическихъ, подъ опасеніемъ строгаго штрафа. Этотъ приказъ былъ сдѣланъ для того, чтобъ Бирмингамскія фабрики пуговицъ пришли въ цвѣтущее положеніе и съ тѣхъ поръ не были уничтожены, стало быть, имѣлъ всю силу закона. Бѣдный портной былъ въ отчаяніи. Разумѣется, судья могъ заставить заплатить ему долгъ, но и противникъ, опираясь на старинный законъ, могъ потребовать съ него штрафъ, назначенный приказами древнихъ Королей. И подобныя недоразумѣнія въ законахъ, управляющихъ обширнымъ королевствомъ, случаются очень часто въ Англіи, гдѣ существуютъ еще въ полной силѣ законы, несообразныя ни съ нашимъ вѣкомъ, ни съ надобностями его. (Musée des familles).

Кронингенскіе земледѣльцы. Земледѣльцы Кронингена и Фрисландіи, гдѣ женщины носятъ золотыя и серебряныя головныя уборы, имѣютъ привычку превращать свое состояніе въ драгоценныя металлы, а не пускаютъ капиталы въ оборотъ.

Въ одномъ журналѣ рассказываютъ, что два поселанина изъ Кронингена заказали себѣ золотыя кофейники въ одной изъ лучшихъ мастерскихъ, гдѣ дѣлаютъ табатерки, ножи и вилки изъ того же металла, для земледѣльцевъ Фрисландіи.

Эти покупки нисколько не удивительны, потому что недавно одинъ фрисландецъ нажилъ торговлею въ самое короткое время сумму въ 17,000 флориновъ. (Musée des familles).

Волоса, приносимые въ жертву. Много поэтовъ, писателей и даже историковъ занимались волосами женщинъ и посвящали имъ цѣлыя томы. Опишемъ обычай язычества приносить въ жертву волосы богамъ и тѣнямъ умершихъ.

На могилахъ покойниковъ, въ самые древніе времена, проливали слезы, молоко и наконецъ въ знакъ горя обрѣзывали себѣ волосы.

Слезы самое вѣрное выраженіе скорби о потерѣ близкихъ; но нѣкоторые народы довели этотъ обычай до того, что учредили наемныхъ плакальщицъ, терли глаза и носъ индѣйскимъ перцемъ, чтобъ слезы были обильнѣе, и даже лошадямъ, везшимъ покойника или сѣдовавшимъ за процессіею, натирали ноздри горчичнымъ сѣмянемъ, чтобъ и они плакали.

Поливаніе могилъ молокомъ принадлежитъ къ обрядамъ, но жертва волосъ не совсѣмъ понятна, тѣмъ болѣе, что въ томъ же случаѣ, когда женщины отрѣзывали себѣ волосы, мужчины, въ знакъ горя, отращали себѣ волосы и бороду.

Впрочемъ мужчины тоже въ нѣкоторыхъ странахъ брили себѣ головы въ знакъ большаго несчастія.

Египтяне выражали этимъ самое сильное горе. Послѣ смерти быка Аписа мужчины и женщины брили себѣ головы и пачкались грязью.

Персы и другіе Азіятскіе народы не только жертвовали своими волосами, но обрѣзывали хвосты у лошадей и стригли шерсть другихъ животныхъ въ знакъ траура.

Инки и Гвебры, чтобъ сохранить свои волосы, пускались на хитрости. Они прятали всѣ волосы, падавшіе съ головы, и когда наступалъ день жертвъ, то обрѣзывали волосы у своихъ женъ, мѣшали ихъ съ своими прежними, спрятанными волосами, и носили ихъ на могилу родныхъ.

На Марквизскихъ островахъ существовалъ обычай гораздо трогательнѣе. Мать всегда обрѣзывала волосы у умершаго сына и сплетя изъ нихъ веревку, носила на сердцѣ, дѣлая каждый день новый узелъ.

У дикихъ племенъ Америки мужъ обрѣзывалъ женѣ волосы острымъ камнемъ, тотчасъ послѣ первыхъ родовъ, и приносилъ ихъ въ жертву умершимъ роднымъ, чтобъ жена скорѣе поправилась.

Въ Греціи, кромѣ Лакедемоніи, гдѣ въ знакъ горя отращивали волосы, вездѣ былъ обычай приносить въ жертву волосы, восходящій до мифологическихъ временъ. Бахусъ послѣ смерти своей супруги обрѣзалъ себѣ волосы. Амуры остригли свои кудри послѣ смерти Адониса. Ахиллъ положилъ на гробъ Патрокла свои волосы. Клитемнестра и Гекуба кладутъ свои косы на могилы мужей; Орестъ и Электра свои волосы на гробъ отца. Вообще жены, матери и дѣти выражаютъ этимъ самое сильное горе. Извѣстная Елена, возвратясь въ Аргосъ, хочеть почтить могилу сестры жертвою своихъ волосъ, но боится ненависти народа и говоритъ дочери своей: «Возьми, Герміона, возліянія и мои волосы, и ступай на могилу Клитемнестры.

Въ Сиріи этотъ обычай привелъ къ изобрѣтенію париковъ. Нѣкоторые мужья не хотѣли, чтобъ жены теряли свое лучшее украшеніе и приносили въ жертву богамъ— свои волосы. Для этого они придумали во время церемоній покрывать головы женъ фальшивыми волосами, которые онѣ и жертвовали. Парики вошли въ большое употребленіе, но жрецы запретили носить фальшивые волосы, и позволили выкупать жертву волосъ.

Въ Халкедоніи, одна изъ дѣвушекъ по жребію должна была разъ въ годъ жертвовать волосами въ праздники, установленные въ память Адониса.

Вотъ что говорить Эпикуръ о началѣ обычая въ Греціи лишаться волосъ въ дни скорби. Однажды Аоніанская армія была разбита при Эгнѣ, и отъ нея остался одинъ солдатъ, привесшій это печальное извѣстіе. Женщины съ отчаянія вынули изъ волосъ свои шпильки и закололи ими солдата. Съ тѣхъ поръ вышелъ законъ, чтобъ въ дни несчастій женщины стригли свои волосы и не смѣли носить шпилекъ.

Римляне заняли почти всѣ обычай у Грековъ. Мало того, что Римлянки жертвовали волосами въ знакъ горя, онѣ еще царапали себѣ лицо, грудь, руки. Скоро однако это варварское обыкновеніе исчезло, и въ костеръ покойниковъ женщины бросали свои серьги, кольца

браслеты, а мужчины оружіе. Въ то время когда Римляне перестали носить бороды и длинные волосы, послѣ смерти родныхъ они переставали на нѣкоторое время бриться и стричься.

Императоры имѣли обыкновеніе лишать волосъ покоренныхъ народовъ, и посылали эти волосы въ Римъ, гдѣ многіе уже носили парики.

У варваровъ сохранился тоже этотъ обычай. Послѣ смерти Аттилы, Гунны обрѣзали половину своихъ волосъ, разбивали себѣ въ кровь лице, чтобъ почтить память великаго воина, и заставляли женщинъ дѣлать тоже.

Въ Греціи и Римѣ не только живые въ знакъ скорби обрѣзывали себѣ волосы, но брили покойниковъ, и волосы ихъ вѣшали у входа въ домъ, чтобъ всѣ видѣли, что смерть посѣтила его.

Вообще волосы почитались символомъ силы, содержащимъ начало жизни, что доказывается баснею Сцилла, который отрѣзываетъ у отца своего Низуса пурпуровый волосъ, обезпечивающій его жизнь.

Во Франціи волосы были долго знакомъ власти, и лишеніе ихъ униженіемъ—это доказывается исторіею Меровинговъ.

Въ западной Европѣ и особенно въ Португаліи, напротивъ, отращивали волосы въ знакъ горя. Послѣ смерти короля Іоанна II всѣ одѣлись въ грубое платье, и во всемъ Лиссабонѣ никто не брился въ продолженіе шести мѣсяцевъ.

Въ Греціи было древнее обыкновеніе бросать волосы въ рѣки. Молодые мужчины и женщины бросали свои волосы въ Неду; Абемнонъ, сынъ Авроры бросилъ свои волосы въ Нилъ.

Въ Сикіонѣ, статуя Гигіи была до такой степени покрыта женскими волосами, принесенными въ жертву, что нельзя было разглядѣть ея формъ.

Всѣмъ извѣстно, что Береника, чтобъ умолить боговъ о счастливомъ возвращеніи своего мужа, Птолемея Эвергета, пожертвовала въ храмъ Венеры свои чудные волосы, которые на другой день пропали неизвѣстно куда. Одинъ придворный астрономъ объявилъ, что волосы эти взяты въ число созвѣздіи. Съ тѣхъ поръ четырнадцать звѣздъ близъ хвоста льва называются *Волосы Береники*.

Юноши римскіе до совершеннолѣтія отращали себѣ волосы и заботились о нихъ, но дойдя до этой важной эпохи въ жизни, они стриглись, какъ бы давая этимъ знать, что взрослый человекъ не долженъ заниматься туалетомъ. Они приносили свои волосы въ жертву какому нибудь богу и вѣшали ихъ на дерево.

Вестаки должны были тоже, при посвященіи своемъ, лишаться волосъ, которые главный жрецъ вѣшалъ на дерево, называемое *капиллата*.

Въ каждой странѣ были свои обычаи, смотря по тому, какая была мода носить прически. Если народъ имѣлъ обыкновеніе носить волосы длинными, то въ знакъ горя остригалъ ихъ, въ противномъ же случаѣ отращалъ ихъ въ дни несчастій.

Но всѣ эти обыкновенія доказываютъ, что съ самой отдаленной

древности волоса играли важную роль въ жизни человѣка, и философы должны обращать на нихъ вниманіе какъ на историческіе предметы.

Хотя начало этихъ жертвоприношеній неизвѣстно, но его не трудно отгадать. Человѣкъ, теряя когонибудь изъ родныхъ, съ отчаянія хотѣлъ наказывать самого себя; у дикихъ первобытныхъ народовъ на миглѣ или на кострѣ родные рѣзали себѣ руки или ноги, и часто лишали себя жизни, чтобъ не пережить любимаго человѣка. Позже кровавыя жертвы были замѣнены жертвою волосъ, лишеніе которыхъ очень чувствительно, особенно для женщинъ, но волосы со временемъ опять вырастаютъ.

Обычай этотъ такъ укоренился у всѣхъ народовъ, что въ послѣднее время принятъ былъ въ нѣкоторыхъ обществахъ, гдѣ учреждена была особенная церемонія, въ которой посвященнымъ стригли волосы, какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ и обвертывали ихъ головы восточными чалмами, спуская ихъ до самыхъ бровей, чтобъ невидать было ни одного волоска.

(Le Voleur).

Египетъ и Нубія.

(изъ записокъ французскаго путешественника).

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Берега Египта.—Карантинъ.—Александрія.—Обелиски.—Помпейская колонна.—Дорога въ Розетту.—Ниль.—Абу-Мандуръ.—Изъ Александріи въ Каиръ.—Мечеть султана Гассана.—Монументъ Мегмета-Али.—Тулунская мечеть.—Госпиталь.—Базары.—Псы.—Мечеть Амръ-бень-зласа.—Коптская церковь.—Гелиополисъ.—Прибытіе каравана.—Сфинкъ.—Пирамиды.—Мемфисъ.—Цитадель.—Мамелюки.

15-го Ноября 1849 года, поутру увидѣли мы землю. Плаваніе наше было очень неблагопріятно: противные вѣтры и бури замедляли его; переѣздъ изъ Марселя мы совершили въ двѣнадцать дней, останавливаясь два раза въ Мальтѣ. Я всегда болѣнъ на морѣ, не смотря на мои многочисленныя путешествія, и потому не берусь описывать плаванія; я только съ нетерпѣніемъ жду крика: земля! избавляющаго меня отъ самыхъ тягостныхъ ощущеній.

И такъ, я приближался къ таинственной странѣ, къ отечеству сфинксовъ, фараоновъ, пирамидъ, Клеопатры, пустынь и нильскихъ пальмъ. Берегъ показывался вдали темною полоскою, посреди которой блестялъ куполъ дворца вице-короля; возлѣ возвышалась колонна Помпея. Съ приближеніемъ нашимъ берегъ зеленѣлъ, и вдали направо видѣлись блѣдною линіею, отдѣляющеюся на голубомъ фонѣ моря, пески пустыни.

Мы плыли прямо въ Александрію. Вотъ маяки, дворецъ, мрачныя казармы укрѣпленія, съ которыхъ пушки съ любопытствомъ смотрятъ на прїѣзжающихъ; вотъ минареты, мечети, дома съ террасами, тамож-

ня, арсеналь, корабли всѣхъ странъ, стоящіе въ гавани, и далѣе трехвѣтный флагъ, поднятый надъ домомъ французскаго консула.

Шкиперъ провелъ насъ между кораблями египетскаго флота и поставилъ возлѣ трехъ или четырехъ пароходовъ турецкихъ и англійскихъ; якорь съ шумомъ упалъ на песочное дно, можетъ быть, на тоже самое мѣсто, гдѣ останавливалась галера съ пурпуровыми парусами, возвращавшаяся изъ Акциума.

Послѣ обычныхъ церемоній докторскаго осмотра объявили, что мы не привезли съ собою ни холеры, ни чумы, ни желтой лихорадки, и позволили выйти намъ на берегъ. Вообще карантинныя существуютъ въ восточныхъ гаваняхъ только по имени. Толпа драгомановъ, носильщиковъ, лажеевъ съ шумомъ наполнила нашу палубу, требуя прежде всего *бакшиша* (на водку); но я, оставя моего слугу распорядиться какъ онъ хочетъ, взялъ лодку съ двумя гребцами и присталъ къ гавани у узкой и скользкой лѣстницы.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня билъ фонтанъ изъ четырехъ бронзовыхъ крановъ; женщины въ длинныхъ голубыхъ платьяхъ несли античныя вазы; верблюды покойно ждали когда хозяева ихъ наполнять водою кожаные мѣшки; крестьяне вели ословъ съ красными сѣдлами, солдаты въ бѣлыхъ кафтанахъ гуляли попарно, комиссіонеры суетились, торговцы громко кричали: финики, мансъ, шербетъ, плоды, варенье! смѣлые голуби жадно бросались на разсыпанныя сѣмена; красный флагъ съ серебрянымъ рогомъ луны развѣвался на казармахъ, и надъ всей этой картиной сіяло чистое, ясное голубое небо...

Вотъ настоящая восточная, мусульманская страна, куда давно стремились всѣ мои желанія.

И чтожъ! ко мнѣ подъѣхалъ экипажъ, очень похожій на наши дилижансы, съ огромною надписью: *Восточный отель*, и черезъ десять минутъ высалилъ меня на Консульской площади, передъ дверью гостиницы. Эта площадь открыта со всѣхъ сторонъ, не имѣетъ ни портиковъ, ни галерей, и при восходѣ солнца очень похожа на огромную печь, куда никто не рѣшится войти, покуда сумерки и морской вѣтеръ не принесутъ немного прохлады. Однако это самый богатый кварталъ Александріи. Тутъ находятся лучшія гостиницы, консульскіе дворцы, дома богатыхъ негоціантовъ. Стѣны, выкрашенныя бѣлой, розовой и желтой краской, не отѣнены ни однимъ деревомъ и придаютъ этой площади видъ полуиталіанскій, полуамериканскій, весьма непріятный.

Вообще Александрія, кромѣ нѣкоторыхъ кварталовъ, не имѣетъ никакого особеннаго характера. Европейскія зданія некрасивы и неудобны, восточныя непрочны и неживописны, словомъ городъ имѣетъ характеръ *франкскій*, то есть ровно никакого.

Когда Амръ взялъ Александрію, то писалъ Омару, что въ городѣ четыре тысячи дворцовъ, четыре тысячи площадей, сорокъ тысячъ жидовъ и двѣнадцать тысячъ купцовъ, торгующихъ овощами. Теперь нѣтъ и слѣдовъ прежняго богатства, и французскіе инженеры только хлопочутъ объ укрѣпленіи и защитѣ этой страны. Египеть умираетъ,

и Мегметъ-Али еще болѣе ускорилъ его кончину, потому что изъ земледѣльской страны вздумалъ превратить ее въ мануфактурную. Результатъ былъ тотъ, что земледѣліе упало, а промышленность не развивалась, да и мудро процвѣтаетъ чему нибудь подъ угнетеніями турецкаго правительства. Египетъ скоро совсѣмъ умретъ; вопросъ въ томъ, кто завладѣетъ его трупомъ.

Такъ какъ въ Александріи нѣтъ ничего замѣчательнаго, то я пошелъ смотрѣть *Пилы Клеопатры*, воздвигнутыя за восемьсотъ лѣтъ до нея, и *колонну Помпея*, поставленную въ царствованіе Діоклитіана Помпоніемъ, правителемъ Египта. Преданіе часто противорѣчитъ исторіи.

Обелиски уже очень попорчены. Одинъ изъ нихъ еще стоитъ на берегу моря, другой лежитъ на пескѣ, разбитый на три части. Въ Парижѣ и Римѣ привезенные обелиски поставлены на высокіхъ пьедесталахъ и посреди площадей, и потому кажутся жалкими и незначительными; здѣсь же, въ узкой улицѣ и возлѣ бѣдныхъ хижинъ, они величественны, и поражаютъ какъ рѣдкое произведеніе ума и терпѣнія.

Помпейская колонна изъ цѣльнаго гранита, вышиною въ девяносто шесть футовъ и двадцать три фута въ окружности. Къ чему служила эта колонна, неизвѣстно, только видно, что вокругъ нея было множество другихъ колоннъ, брошенныхъ, говорятъ, въ морѣ Корраджею, губернаторомъ Александріи при Саладинѣ.

Теперь вокругъ колонны арабское кладбище, бѣдное и не живописное, какъ кладбища въ Смирнѣ, Скутари, Константинополѣ... Я отправился въ пустыню и по дорогѣ видѣлъ нѣсколько превосходныхъ садовъ и ямы, еще наполненныя водою и почитаемыя купальнями Клеопатры.

Дожидааясь парохода въ Каиръ, я нанялъ лошадей и драгомана, по имени Брикетти, и въ одно прекрасное утро отправился въ Розетту. Дорога къ ней пустынная и неплодная, потому что сюда не доходитъ разлитіе Нила. Мы встрѣтили однако нѣсколько красивыхъ домиковъ, окруженныхъ пальмами и стада козъ, которыхъ стерегли бедуины, вооруженные ружьями. Встрѣчавшіеся арабы съ любопытствомъ осматривали наше оружіе и мѣнялись обычными привѣтствіями.

Пройдя чрезъ небольшой лѣсъ, мы увидѣли на берегу крѣпость, нагнувшуюся надъ моремъ это Абукиръ. Лошади наши вязли въ мокромъ пескѣ; вокругъ все было тихо, и мы сами молча приближались къ Дельтѣ, которую арабы называютъ *Рифъ*. Черезъ озеро Эдку переправились мы на лодкѣ; вышедъ на противоположный берегъ, я остановился въ рыбацкѣй хижинѣ, до того бѣдной и грязной, что невозможно повѣрить чтобъ тутъ жили люди. Да и что за люди: страшно и грустно смотрѣть на нихъ!

Когда солнце начало садиться, мой проводникъ повелъ меня опять по пустынному берегу. Повернувъ круто я увидѣлъ минареты и сады Розетты, рисовавшіеся на чудномъ розовомъ небѣ. Въ городъ мы вошли уже ночью, и долго бродили по узкимъ и темнымъ улицамъ, прежде чѣмъ нашли жилище Гусейнъ-Паши, къ которому у меня было рекомендательное письмо. Вставши на другой день какъ можно раньше, я поспѣ-

шилъ на набережную, и вскочивъ въ первую лодку, зачерпнулъ двумя руками воды и выпилъ ее съ наслажденіемъ, потому что это вода Нила! Наконецъ осуществилась мечта всей моей жизни! Я вижу, я осязаю Нилъ, эту громадную рѣку, которую древніе называли океаномъ. Я воображалъ Нилъ величественнымъ, живописнымъ, плодороднымъ, съ многочисленными островами, на которыхъ спятъ крокодилы, съ водопадами, разливами, цвѣтущими берегами, пальмовыми лѣсами, смотрящимися въ волны, и чтожъ? дѣйствительность такъ великолѣпна, что превышаетъ всякую мечту. Шесть мѣсяцевъ прожилъ я на Нилѣ, въ крытой лодкѣ, и любовался имъ при восходѣ и закатѣ солнца, во время тишины и бури, и завидовалъ тѣмъ, которые родились и умрутъ на его берегахъ. До сихъ поръ отыскиваютъ еще источники Нила, и я увѣренъ, что не найдутъ ихъ никогда.

Розетта (Решидъ) настоящій арабскій городъ, потому что, исключая нѣсколькихъ европейцевъ на фабрикахъ, все народонаселеніе мусульманское. Дома въ городѣ высокіе и большею частью каменные; базары не имѣютъ никакой важности, потому что на нихъ продаютъ только финики, плоды и овощи.

Большая часть современныхъ зданій построена изъ древнихъ матеріаловъ. Главная мечеть поддерживается колоннами, взятыми изъ какого нибудь древняго храма; перелъ военнымъ госпиталемъ собраны даже колонны разныхъ орденовъ. На углахъ улицъ поставлены фонтаны, напоминающіе тѣ, которыми всѣ любятъ въ Константинополѣ на площадяхъ Топъ-Хана, св. Софїи и Галаты, только скульптурная работа ихъ не такъ легка и красива.

По числу мечетей видно, что и Розетта была прежде больше населена чѣмъ теперь, и имѣла обширную торговлю; но Александрія, вѣроятно, по своему положенію, привлекла къ себѣ всю торговлю и промышленность.

Я поплылъ вверхъ противъ теченія Нила, вдоль цвѣтущаго берега. Съ этой стороны Розетта защищена такими развалившимися стѣнами и инвалидными пушками, что все укрѣпленіе свалится въ рѣку отъ перваго порядочнаго толчка. Еще нѣсколько ударовъ весла, и моя лодка остановилась передъ зданіемъ съ куполомъ. Здѣсь поконится вѣчнымъ сномъ знаменитый арабскій дервищъ Абу-Мандуръ (отецъ свѣта). Могилу его сторожитъ имамъ, и сюда сходятся всѣ жители Розетты для прогулки подъ свѣжею тѣнью платановъ.

Я вышелъ на берегъ и, осмотрѣвъ гробницу Абу-Мандура, увидѣлъ возлѣ него башню. Думая, что она тоже принадлежитъ къ арабскому зданію я взошелъ на верхъ и увидѣлъ телеграфъ, неистово размахивавшій крыльями. Впрочемъ видъ сверху превосходный. Минареты и мечети Розетты выходили изъ голубаго тумана, темная зелень банановъ и финиковъ окружала весь городъ. Внизу бѣлый куполь гробницы выходилъ точно изъ Нила. Со всѣхъ другихъ сторонъ — густая степь, пески, пригорки и голубая полоса Нила, на которой летали паруса барокъ. Дальше, за Розеттой, опять пустыня, а тамъ море безконечное, безпредѣльное...

Черезъ день я вернулся въ Александрію и отправился тотчасъ же въ Каиръ. Мы остановились въ Атфе, похожемъ на всѣ арабскіе города: онъ грязенъ, съ низенькими слѣпыми домами, въ формѣ ульевъ, только къ нему ведетъ прекрасная аллея изъ мимозъ, на которыхъ отдыхаютъ коршуны.

На пароходѣ нашемъ женщины были отдѣлены отъ мужчинъ, что необходимо въ мусульманской странѣ. Такъ какъ мужская каюта была полна народомъ, я расположился на ночь на палубѣ, и былъ очень счастливъ всякій разъ, когда, открывая глаза, видѣлъ надъ собою синее небо. На другое утро я всталъ вмѣстѣ съ солнцемъ и увидѣлъ пирамиды. Онѣ синѣлись въ отдаленіи, выходя изъ золотистаго тумана, и казались прозрачными. Всѣ пассажиры выбѣжали на палубу посмотреть на этихъ стражей пустыни.

Мы увидѣли также брошенныя работы, начатыя съ цѣлю, чтобы во время разлитія проводить воду Нила до дельты, и искусственнымъ орошеніемъ плодотворить пустыню. Работы предпринимались гигантскія, но и польза отъ нихъ была бы неисчислима. Египетъ обогатился бы въ короткое время, но Аббасъ-паша оставилъ это выгодное предпріятіе, боясь большихъ расходовъ, и осудилъ эту благословенную страну на бездѣйствіе и нищету, тогда какъ она въ древности кормила Римскую Имперію, и теперь можетъ производить, кромѣ хлѣба, хлопчатую бумагу, индиго, кофе, табакъ, сахарный тростникъ. Но турецкое правительство вездѣ поступаетъ одинаково.

Наконецъ мы увидѣли Каиръ, прислоненный къ бѣлымъ горамъ Мекатама, съ безчисленными минаретами, мрачною крѣпостью и огромною мечетью, начатою Мегметомъ-Али.

Дома Каира вовсе не похожи на красивыя зданія Константинополя; только въ кварталѣ мамелюковъ встрѣчаются настоящія турецкія жилища, исписанныя изрѣченіями изъ корана. Базары незначительны, бани тѣсны, кофейни хуже нашихъ послѣднихъ кабаковъ.

Франкскій кварталъ (Муски) окруженъ прекраснымъ гулянемъ. По аллеямъ разставлены стулья и столы, чтобы отдыхать, курить и пить кофе. Тутъ показываютъ домъ, гдѣ жилъ генераль Бонапарте и недалеко отъ него мечеть, близъ которой убитъ Клеберъ, въ тотъ самый день и часъ, какъ Дезе умиралъ въ Маренгской битвѣ.

Вообще кампанія Бонапарте и множество европейцевъ, служащихъ въ арміи и въ гражданскомъ правленіи Мегметъ-Али до того сблизили египтянъ съ цивилизаціею, что нѣтъ примѣра, чтобы франкъ былъ оскорбленъ гдѣ нибудь подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ *ягуръ*. Я входилъ во всѣ заведенія и собранія съ моимъ драгоманомъ Жозефомъ, и вездѣ встрѣчали меня ласково, уступали почетное мѣсто и съ готовностью сообщали подробности о церемоніяхъ, нравахъ, обычаяхъ. Въ Константинополѣ меня никуда не пускали, но въ Египтѣ всѣ двери были передо мною настежь, и я посѣщалъ всѣ дома, сады пашы, рынки невольниковъ и даже мечеть султана Гассана, гдѣ я присутствовалъ во время службы, благодаря снисходительности имама, который за одинъ *меджиджи* (пять франковъ) объяснилъ мнѣ религіозныя церемоніи. Въ

мечети этой погребенъ султанъ Гассанъ въ простой гробницѣ, окруженной желѣзною рѣшеткой; монументъ этотъ и всѣ окружающіе его предметы оставлены безъ всякаго присмотра и понемногу разрушаются. Эта скромная гробница не похожа нисколько на великолѣпный монументъ, сооруженный Мегметомъ Али для своего семейства въ полу-миль отъ Каира. Подъ широкимъ куполомъ въ огромной комнатѣ, выложенной драгоценными матеріалами, но безъ всякаго вкуса, возвышаются богатыя гробницы, увѣнчанныя пестрыми чалмами. Вообще кажется, что современные египтяне и турки потеряли всякое понятіе о древнемъ архитектурномъ стилѣ, переданномъ Египтомъ Греціи. Всѣ современныя зданія безъ исключенія некрасивы, неудобны и непрочны.

Современные турки поступаютъ варварски даже съ древними памятниками, которые пощадило время. Сбираясь строить фабрику или просто домъ, они, нисколько не церемонясь, ломаютъ древніе храмы, портики, колоннады и уничтожаютъ остатки древней цивилизаціи, хранящія имена Рамзеса, Клеопатры или Адріана, чтобъ только добыть скорѣе и дешевле строительный матеріалъ. Это неуваженіе къ искусству и воспоминаніямъ не останавливается на однихъ древностяхъ. Собственныя ихъ мечети и гробы каифовъ до того заброшены, что разрушаются и часто служатъ убѣжищемъ для шакаловъ и скорпионовъ. Ибрагимъ паша превратилъ знаменитую Тулунскую мечеть, перлъ арабской архитектуры, въ военный госпиталь. Еслибъ еще была въ этомъ необходимость, оно было бы простиительно, хоть въ Египтѣ много земли, гдѣ можно строить, и цѣлыя улицы покинутыхъ дворцовъ во всѣхъ городахъ, но госпиталей и безъ того множество въ Каирѣ, и цѣлая армія докторовъ, аптекарей, ветеринаровъ. Есть даже медицинская школа, въ которой прежде серьезно учились и выходили хорошими докторами, но теперь тамъ ничего не дѣлаютъ путнаго, и вмѣсто взрослыхъ студентовъ набраны дѣти отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, которымъ надобно учиться азбукѣ, а не медицинѣ.

Я обошелъ госпиталь и видѣлъ страшныя, неразгаданныя болѣзни, но къ счастью онѣ рѣдко встрѣчаются въ Египтѣ, гдѣ вообще породы всѣ красивы и сильны, благодаря чудному живительному воздуху. Только глазныя болѣзни встрѣчаются часто и есть небольшія селенія, гдѣ почти всѣ жители слѣпы или кривы.

Въ Каирѣ собираются всѣ племена, населяющіе Египетъ, чтобъ торговать своими произведеніями; на базарахъ можно встрѣтить чрезвычайное разнообразіе костюмовъ и типовъ. Тутъ вы увидите Константинопольскаго турку въ узкихъ панталонахъ, которые мѣшаютъ ему ходить; вотъ феллахъ въ одной блузѣ, бедуинъ, завернутый въ сѣрый бурнусъ, Аббадіецъ въ однихъ широчайшихъ шальварахъ, Арнаутъ въ живописной фустанелѣ и съ богатымъ оружіемъ, арабы съ Сивая, негры изъ Сенаара, Мограбины въ античной драпировкѣ, Абиссинцы въ голубой чалмѣ, Нубійцы, прикрытые однимъ лоскуткомъ ткани, жидаы, всегда грязные и ростовщики, и иногда Сантонъ, читающій громко правила корана; между ними толпа европейцевъ бѣгаетъ и суетится вобругъ женщинъ, закрытыхъ непроницаемыми покрывалами.

Есть между женами феллаховъ красавицы, но только въ первой молодости. Смуглый цвѣтъ кожи, простота костюма, живописныя позы и античный профиль имѣютъ большое сходство съ древними фигурами на барельефахъ и съ гранитными сфинксами, погруженными въ вѣчное раздумье.

Египтяне любопытны и довѣрчивы какъ дѣти, и любятъ всевозможныя представленія и фокусы, приписывая ихъ всегда волшебству. Уличные артисты поминутно представляютъ пьесы и сцены, вѣроятно собственнаго сочиненія, потому что ихъ невозможно перевести ни на какой языкъ кромѣ латинскаго, и толпа, бѣжить за ними по всему городу. *Псилы* почитаются колдунами, потому что змѣи повинуются имъ, и я видѣлъ подобныя представленія, которыя могутъ испугать самаго образованнаго зрителя. Псилы большіе мошенники. За всякое представленіе они требуютъ *бакчишь-кемиръ*, то есть очень много на водку.

Я посѣщалъ также старыи Каиръ, гдѣ Амръ-бенъ-элласъ разбилъ свою палатку и потомъ построилъ мечеть, отъ которой остались четыре галереи, поддерживаемыя цѣлымъ лѣсомъ колоннъ, изъ которыхъ многія уже упали. Мечеть эта тоже стоитъ въ развалинахъ, хотя находится въ большомъ уваженіи у мусульманъ. Про одну изъ колоннъ ея разсказываютъ слѣдующую легенду. Калифъ Омаръ, повелитель правовѣрныхъ, былъ въ то время волшебникомъ, и гуляя однажды по галереѣ мечети въ Меккѣ, подумалъ объ Амрѣ, который въ Каирѣ строилъ въ это же время мечеть. Тотчасъ же, не смотря на пространство, раздѣляющее эти города, калифъ увидѣлъ, что работники ставили колонну для поддержки мечети, и что колонна эта дурнаго мрамора и не выдержитъ тяжести. Тогда Омаръ приказалъ одной изъ колоннъ мекской мечети идти въ Каиръ, и занять мѣсто той, которую ставили работники. Колонна пошатнулась съ трескомъ, отдѣлилась отъ сводовъ и подножія, и качаясь двинулась впередъ. Калифъ ударилъ ее кнутомъ, приказывая идти скорѣе, и она полетѣла къ Каирѣ и, столкнувъ прежнюю колонну, встала на ея мѣсто. Вотъ отчего колонна эта отличается отъ всѣхъ прочихъ. На ней видѣнъ слѣдъ Омарова кнута, и когда она упадетъ, то вся мечеть развалится.

Въ старомъ Каирѣ есть Коптская церковь во имя св. Сергія. Она бѣдна, но подъ нею находится склепъ, прекрасно сохранившійся хотя и очень древній.

Вотъ наконецъ и древній Геліополисъ, городъ Солнца. Геродотъ и Платонъ учились въ немъ. Въ храмѣ, охраняемомъ сфинскомъ, откармливали быка Мневиса. Псаметихъ, Тутмесь III, украсили его обелисками. Потомъ Камбизъ разграбилъ его, ежегъ, и теперь нѣсколько хижинъ гнѣздятся въ развалинахъ храма и называются селеніемъ Аинъ-Шемъ. Даже озеро, о которомъ говоритъ Страбонъ, исчезло, гіероглифы стерлись, и одинъ уцѣлѣвшій обелискъ грустно смотритъ на окружающее его опустошеніе.

Я хотѣлъ остаться дольше въ Геліополисѣ, но сильныя дожди прогнали меня опять въ Каиръ, гдѣ все готовилось къ встрѣчѣ каравана изъ Мекки. Весь городъ вышелъ навстрѣчу путешественниковъ. Крики

радости, слезы, шумъ, поцѣлуи, сливались въ какой-то дикій концертъ, и посреди этой суматохи одни верблюды съ невозмутимымъ хладнокровіемъ мѣрно продолжали свой путь и кажется не замѣчали, что вошли въ многлюдный городъ. По приѣздѣ каравана, праздники продолжались нѣсколько дней, потому что путешественники привезли коверъ, прикасавшійся къ камню Каабы, и потому что праздновали день рожденія Магомета, приходившійся 14 января. Церемоніямъ, процессіямъ, пляскамъ и кривляньямъ дервишей не было конца. Всѣ домы были пусты, на улицахъ тѣснота страшная, и я убѣждалъ любоваться пирамидами и таинственнымъ сфинксомъ.

Когда къ нимъ приближаешься, онѣ кажется вырастаютъ изъ земли; позже всѣхъ является и хранитель ихъ, никѣмъ еще не разгаданный сфинксъ. Памятники эти почти засыпаны пескомъ. Сфинксъ лежитъ задомъ къ степи и смотритъ своимъ страшнымъ изуродованнымъ вѣками лицомъ на рѣку. Что дѣлаетъ онъ здѣсь въ продолженіе пятидесяти вѣковъ? Что онъ видѣлъ въ это время? Фараоны, эфиопы, персы, римляне, христіане, арабы, мамелюки, турки, французы, англичане спали подъ тѣнью чудовища, а онъ все также безстрастно смотритъ вдаль. О, если бь онъ могъ говорить! Для чего онъ воздвигнуть? Охранять пустыню, сторожить пирамиды? или просто какой нибудь древній правитель страны хотѣлъ увѣковѣчить свое имя, котораго теперь никто не знаетъ.

Масса пирамидъ такъ огромна, что человекъ невольно чувствуетъ передъ ними свое ничтожество. Первая изъ нихъ называется древними историками пирамидой Клеопа, вторая Хефрена, а третья Мисерина. На первую можно легко войти, то есть бедуины втаскиваютъ путешественника на платформу, которая имѣетъ до сорока метровъ окружности и снизу кажется острою. Старый бедуинъ началъ мнѣ рассказывать что-то про Буонаберди, султана Кебира (великаго султана), про битву пирамидъ, но я немогъ понять его, не смотря на драматическіе жесты. Видъ сверху удивительный, особенно при восходѣ солнца.

Разумѣется, что всѣ любопытные, всходяшіе на пирамиду, нацарапали на камняхъ платформы свои имена. Бѣдный монументъ! сколько глупостей, пошлостей на всѣхъ языкахъ принужденъ ты носить на твоемъ челѣ! Англійскихъ именъ тутъ больше всего, нѣсколько именъ французскихъ солдатъ, вырѣзанныхъ штыками, нѣсколько изреченій, политическихъ фразъ; самыми огромными буквами изсѣчено слѣдующее объявленіе: *Бюфортъ, бумажный фабрикантъ въ Парижѣ!* Сколько разъ желалъ я предпринять путешествіе по классическимъ странамъ съ цѣлю стереть со всѣхъ памятниковъ школьныя глупости, но на эту работу не достанетъ ни силъ, ни человѣческой жизни.

Я осматривалъ также внутренность пирамидъ, ползалъ по низкимъ коридорамъ, видѣлъ пустые саркофаги безъ надписей, камни, обломки, множество летучихъ мышей, разныхъ насѣкомыхъ и съ радостію вышелъ изъ этой духоты на чистый воздухъ. Пирамида Мисерина въ самомъ жалкомъ положеніи. Она испорчена и разваливается, вовсе од-

накоже не отъ времени. Сынъ султана Саладина хотѣлъ для чего-то ее разрушить, и работники напрасно трудились надъ вѣковымъ зданіемъ. Они поломали свои инструменты, но немогли поколебать пирамиду. Отломивъ нѣсколько камней, они должны были бросить невозможную работу.

Вокругъ этихъ трехъ огромныхъ пирамидъ было нѣсколько маленкихъ; передъ Клеоповой стоятъ еще и теперь три, почти не разрушенныя. Остальныя сломаны были при Саладинѣ, который изъ матеріаловъ построилъ крѣпость въ Каирѣ, городскую стѣну и водопроводъ, передающій въ Мокотатъ воду Нила.

Кѣмъ и для чего построены эти пирамиды? Ученые говорятъ, что ихъ строили Клеопъ, Хафра и Менкари, египетскіе цари, и что они служили мѣстомъ погребенія.

Копты говорятъ, что пирамиды служили треномъ для фараоновъ, когда они осматривали свои войска.

Всѣ эти предположенія и тысячи другихъ не имѣютъ никакихъ доказательствъ и вѣрныхъ основаній. Одно мнѣніе Персина не только вѣроятно, но достоверно и подтверждается учеными изслѣдованіями.

Персина соглашается, что пирамиды служили мѣстомъ для погребенія, но построены были совсѣмъ не для того. Главная цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобъ удерживать напоръ песковъ, приносимыхъ изъ степи, и которые безъ пирамидъ засыпали бы города, находящіеся за ними. Въ преданіяхъ арабовъ сохранилась мысль объ этомъ назначеніи пирамидъ, потому что и теперь, когда ихъ спросишь, для чего стоятъ эти памятники? Они отвѣчаютъ: это талисманы отъ *шамсина* (вѣтеръ пустыни).

Передъ пирамидами находится обширная песчаная долина: *рыка безъ воды*, пустая, печальная, бесплодная, взрытая вѣтромъ, какъ волнующееся море. Говорятъ, что когда-то тутъ было море, что дно его поднялось въ какомъ-то переворотѣ и высохло, сохранивъ свои пески.

Вокругъ пирамидъ много древнихъ гробницъ, въ которыхъ живутъ бедуны, выбросивъ оттуда кости, камни, и устроивъ себѣ очень удобныя квартиры, изсѣченныя въ гранитъ и покрытыя гіероглифами. Близъ Абукира, Саккара и Дашура есть еще группы пирамидъ, но онѣ малы, разрушены и даже потеряли первоначальную форму. Послѣ великолѣпныхъ джизегскихъ памятниковъ на нихъ уже нельзя смотрѣть. Притомъ песокъ засыпалъ ихъ почти до половины и влился какъ вода въ ихъ внутренность; скорпионы завладѣли ими совершенно, такъ что надобно много смѣлости, чтобъ войти въ эти склепы. Одна изъ пирамидъ посвящена была погребенію ибисовъ, и нельзя вообразить себѣ огромнаго числа мумій, заключенныхъ въ глиняныхъ горшкахъ. Всѣ путешественники и сами бедуны, для забавы, вытаскиваютъ десятками горшки съ ибисами и разбиваютъ ихъ, и все таки тамъ остается ихъ неисчерпаемое число. Это настоящій птичій некрополь. Вокругъ все пусто, вездѣ тишина и развалины, а тутъ былъ древній Мемфисъ.

Я вернулся въ Каиръ, осмотрѣлъ цитадель, гдѣ были погребены мамелюки, по приказанію Мегметъ-Али, и видѣлъ мѣсто ихъ погребенія.

Ни одинъ не спасся отъ ударовъ албанцевъ. Цитадель эта цѣлый городъ. Въ ней дворецъ, мечеть, арсеналъ, архивы, суды, развалины, сады и даже звѣринецъ Аббасъ-паши, точно такой же, какъ въ Европѣ на ярмаркахъ.

II.

Отправленіе въ верхній Египетъ. — Лодка. — Рейсъ. — Драгоманъ. — Плаваніе по Нилу. — Селенія феллаховъ. — Бени Суефъ. — Мединетъ эль-Файумъ. — Меридово озеро. — Биркетъ-Эль-Карумъ. — Плоти съ посудой. — Развалины Антиной. — Сіутъ. — Ликнополисъ. — Крокодилы. — Эсне. — Храмъ Ануфиса. — Кучукъ-Ганемъ. — Музыка и танцы. — Элефантина. — Нубія. — Проѣздъ черезъ первые пороги. — Короско. — Храмъ Амада. — Дееръ Уади. — Гальфа.

Не буду описывать Каира; многіе путешественники и особенно Жераръ де Нерваль описали его со всѣми подробностями, а же пріѣхавъ сюда для одного Нила, и потому спѣшу осмотрѣть великолѣпные берега его. Драгоманъ нанялъ для моего путешествія по Нилу большую лодку, запасся провизіею, меблировалъ удобно мою каюту, и 5-го февраля 1850 года поутру я распустилъ трехъ-цвѣтнй флагъ на кормѣ, и рано утромъ пустился въ путь. Экипажъ моего судна состоялъ изъ двѣнадцати человѣкъ, считая хозяина (рейса), и рулевого. Всѣ они жили на палубѣ, ѣли вмѣстѣ, были смѣлы, веселы и почтительны. *Рейсъ* былъ красивый молодой человѣкъ, по имени Ибрагимъ. Онъ чрезвычайно занимался своимъ туалетомъ и по цѣлымъ днямъ лежалъ на палубѣ въ своей чистой, бѣлой чалмѣ, и голубомъ платкѣ. Когда же судно приближалось къ опасному мѣсту, Ибрагимъ быстро векакивалъ, командовалъ что дѣлать, и самъ съ необыкновенною силою налегалъ на весла, или дѣйствовалъ рулемъ. Замѣчательно, что онъ никогда не курилъ, строго исполнялъ предписанія исламисма и никогда не выходилъ на берегъ. Во всѣ пять мѣсяцевъ моего путешествія по Нилу, онъ поступалъ такъ умно и осторожно, что я ни разу не напоминалъ ему о нашихъ условіяхъ.

Драгоманъ мой, Жозефъ Брикетти, тоже замѣчательный человѣкъ въ своемъ родѣ. Онъ генуэзецъ, уже не молодъ и провелъ всю жизнь, бѣгая за богатствомъ; но напрасно искалъ онъ его въ торговлѣ, въ египетскомъ войскѣ, во всевозможныхъ ремеслахъ: оно было отъ него все еще очень далеко. Теперь Брикетти продаетъ свои услуги путешественникамъ, зная Египетъ лучше своего кармана. Разговоръ его составленъ изъ словъ арабскихъ, французскихъ и италіанскихъ, но онъ имѣлъ особенное искусство заставить понимать себя, прибавляя къ словамъ выразительные жесты и игру физиономіи. Съ его ловкостью, хитростью и услужливостью онъ былъ просто находкою для путешественниковъ, и я остался имъ чрезвычайно доволенъ. Если бъ этотъ человѣкъ умѣлъ читать и писать, онъ давно былъ бы полковникомъ или капитаномъ фрегата въ турецкой арміи. Жозефъ очень подружился съ моимъ слугою, парижаниномъ Луи Сассети, который оказывалъ прервѣніе ко всѣмъ *дикимъ*, потому что помогалъ мнѣ въ фотографическихъ

работахъ и считалъ себя ученымъ. Вотъ съ какими людьми пустился я по Нилу.

Когда паруса надулись и судно отчалило, рейсъ прочелъ короткую молитву, обратя къ небу черные глаза, а матросы заиграли на какихъ-то инструментахъ и съ громкими пѣснями пронесли мимо стараго Каира и развалившагося селенія Эмбабеха.

Плаваніе по Нилу нельзя сравнивать съ плаваніемъ по нашимъ рѣкамъ. Судно наше шло то на парусахъ, то на веслахъ, то двигали его длинными баграми. Когда же багры не достигали дна, матросы, всегда веселые, бросались въ воду съ веревками во рту, доплывали до берега и тянули барку какъ лошади. Противъ вѣтра и теченія мы подвигались медленно, и я часто выходилъ на берегъ съ однимъ матросомъ и охотился въ окрестностяхъ.

Вездѣ, гдѣ есть нѣсколько хижинъ или селеніе, оно окружено пальмовыми деревьями. Другія растенія юга: индиго, мансъ, сахарный тростникъ, табакъ, роскошные цвѣты покрываютъ цѣлыя поля. Тучи птицъ слетаются на посѣвы; женщины входятъ на небольшія возвышенія, подъ жгучими лучами солнца, и съ крикомъ бросаютъ въ птицъ камни. Мужчины между тѣмъ заботятся о поливаніи полей, потому что солнце безжалостно сжигаетъ все, что выростетъ; бѣдные феллахи день и ночь занимаются этой трудной работой и еще поютъ пѣсни.

Жители египетскихъ селеній тихи и ласковы съ иностранцами, женщины не покрываютъ лицъ, и въ своихъ длинныхъ голубыхъ рубашкахъ похожи на античныхъ статуй. Дѣтей онѣ носятъ на плечѣ совершенно голыхъ, придерживая ихъ одною рукою, покрытою стеклянными браслетами. Я замѣтилъ у многихъ татуированныя лица и серебряныя кольца въ носу.

Много чудныхъ пейзажей обошелъ я съ ружьемъ, въ то время какъ матросы тащили веревками мою лодку. Когда же вѣтеръ надувалъ паруса и быстро гналъ насъ по волнамъ, я оставался въ каютѣ писать письма, иногда долго и безмолвно стоялъ на палубѣ, и съ жадностью смотрѣлъ на теченіе Нила, на разнообразные берега его. Каждый поворотъ судна представлялъ новое зрѣлище. Рѣка эта то разливается какъ озеро, то сжимается въ узкихъ берегахъ и на каждомъ шагѣ показываетъ новые виды. Напившись воды Нила, нельзя забыть его; невидимая сила увлекаетъ въ страну, орошаемую этой священной рѣкой.

Послѣ трехъ-дневнаго плаванія насъ остановилъ *шамсинъ*, и мы принуждены были искать защиты у маленькаго островка. Ужасный этотъ вѣтеръ продолжается иногда пятьдесятъ дней. Это океанъ песку, увлекаемый ураганомъ. Небо дѣлается сѣрымъ, солнце покрывается туманомъ, и песокъ заноситъ все, врывается вездѣ съ страшною силою.

Когда я остановился въ *Бени-Суефѣ*, вѣтеръ еще продолжался. Впрочемъ въ городѣ нѣтъ ничего любопытнаго. Жалкія хижины, залѣпленные тиною, бѣдный дворецъ губернатора, маленькая мечеть подъ тѣнью смоковницы, пустой базаръ и кофейни, наполненные арнаутами,

вотъ и все. Но такъ какъ я ждалъ здѣсь посылки изъ Франціи, то вздумалъ осмотрѣть Меридово озеро. Проводниковъ я нашелъ легко, но лошадей и верблюдовъ не оказалось въ Бени-Суефѣ, и потому я поневолѣ довольствовался жалкими ослими. Впрочемъ и они оказались не нужными, потому что дорога превосходна, и гораздо пріятнѣе идти пѣшкомъ среди цвѣтущихъ полей и садовъ, чѣмъ трястись на полуживомъ ослѣ.

Нѣсколько дуаровъ расположены живописно подъ финиковыми деревьями. Мужчины по обыкновенію сидятъ у порога и разговариваютъ, куря трубки. Женщины поразительно хороши въ простой рубашкѣ, обвѣшанныя бусами, ожерельями, браслетами и въ огромныхъ серьгахъ. Я остановился отдохнуть у одной палатки, откуда выходилъ запахъ молока, и мой слуга вскричалъ со слезами на глазахъ:

— О! какъ здѣсь хорошо пахнетъ, точно во Франціи!

Дальше расположено селеніе *Дендилъ*, гдѣ, говорятъ, родился Антоній. Должно быть Дендилъ когда-то былъ большимъ и значительнымъ городомъ, потому что въ немъ есть огромные памятники и развалины обширныхъ строеній. Отъ Дендила идутъ зеленыя поля и среди садовъ возвышается бѣлый куполъ сантона шейка Гугедъ-Аллы (начальника войны). Потомъ высокая плотина идетъ до небольшой песчаной пустыни, гдѣ обломки пирамидъ церемѣшаны съ тиною. Это должно быть древнее Меридово озеро, теперь высохшее, а вовсе не *Биркетъ-эль-Карумъ*, находящееся на оконечности пустыни и защищающее отъ песковъ провинцію Файумъ. Тутъ можно найти даже остатки лабиринта и пирамиду, почти цѣльную.

Въ пустынѣ я настрѣлялъ куропатокъ и замѣтилъ, что они сѣраго цвѣта, очень похожаго на песочный. Вообще всѣ животныя, ласточки, крысы, верблюды, имѣютъ цвѣтъ песку и вдали сливаются съ нимъ совершенно, тогда какъ въ городахъ эти же породы имѣютъ совершенно другой цвѣтъ.

Я остановился на ночь въ городѣ *Мединетъ-эль-Файумъ*. Солнце золотило еще верхи минаретовъ, но улицы были уже пусты, базары закрыты, и я боялся, что не найду ночлега, какъ вдругъ ко мнѣ подошелъ маленькій старичекъ, объявилъ, что онъ христіанинъ и просилъ остановиться у него. Хозяинъ этой Саба-Кагиль, одинъ изъ зажиточныхъ жителей города, угостилъ меня роскошно, не забывая и себя, и такъ какъ у него собралось еще нѣсколько христіанъ, то вечеръ прошелъ довольно весело въ разговорахъ о Франціи.

На другое утро хозяинъ повелъ меня осматривать городъ. Онъ назывался Крокодилополисомъ, покуда Птоломей Филадельфъ не переименовалъ его Арсиноей, по имени своей сестры. Здѣсь-то, по словамъ Страбона, уважали крокодиловъ, украшали ихъ золотыми серьгами и кормили разными лакомствами.

Въ первыя времена христіанства, въ городѣ было много церквей, но кабилы разрушили ихъ; потомъ поселились тутъ мамелюки. Теперь *Мединетъ-эль-Файумъ*, богатый торговый городъ, на базарахъ котораго продается лучшая розовая вода. Здѣсь какъ и вездѣ въ Египтѣ

много развалинъ близъ города; цѣлая колоннада гранитныхъ колоннъ кажется принадлежала языческому капищу. Я видѣлъ тоже разрушенный христіанскій храмъ и возлѣ развалины мечети.

Саба-Кагиль предложилъ мнѣ лошадь посѣтить Биркетъ-эль-Карумъ, и я отправился туда съ проводникомъ и съ рекомендательнымъ письмомъ отъ губернатора къ шейку селенія Абу-Гучь. Дорога къ озеру идетъ по засѣяннѣмъ полямъ и пальмовымъ лѣсамъ, и я незамѣтно доѣхалъ до селенія, гдѣ за отсутствіемъ шейка, Назиръ (помощникъ его) принялъ меня ласково и отвелъ мнѣ комнату, которая скоро наполнилась посѣтителемъ, пришедшими посмотреть на меня, какъ на рѣдкаго звѣря. Одинъ изъ кабиловъ нѣжно взялъ меня за руку и сказалъ мнѣ вградчивымъ, музыкальнымъ голосомъ:

— На той сторонѣ озера есть дворцы, погребенные подъ пескомъ, хочешь я свезу тебя туда на верблюдѣ. Я позабочусь о томъ, чтобы ты, непривыкшій къ нашей жизни, не нуждался ни въ чемъ, и когда ты осмотришь всѣ колонны, идолы и надписи, я опять привезу тебя сюда, только дай мнѣ хорошій бакчишъ и пороху для моего ружья.

Я готовъ былъ принять это предложеніе, но Назиръ отсовѣтовалъ мнѣ вѣряться краснорѣчивому кабилу, говоря, что онъ большой плутъ и за озеромъ нѣтъ никакихъ дворцовъ.

Въ это время вернулся шейкъ, и всѣ съ почтеніемъ встали и ожидали его приказаній. Онъ велѣлъ подать обѣдать, и признаюсь, что восточный столъ показался мнѣ очень вкуснымъ.

На другое утро я всталъ съ солнцемъ и вмѣстѣ съ шейкомъ и четырьмя проводниками отправился къ озеру. Скоро зелень по дорогѣ исчезла, и мы поѣхали по черной, бесплодной пустынѣ, не встрѣтя ни дерева, ни травки, ни птицы. Рѣка Багаръ-Юсефъ прорѣзываетъ пустыню, но это рѣка *безъ воды*, и говорятъ, что русло ея прорыто людьми, а не природой. Это кажется невѣроятнымъ, потому что каналъ въ этомъ пустынномъ мѣстѣ совсѣмъ не нуженъ; скорѣе это одинъ изъ высохшихъ рукавовъ Нила. По узкой и извилистой тропинкѣ мы подыались на небольшое возвышеніе, и одинъ изъ проводниковъ закричалъ мнѣ: смотри, вотъ Биркетъ-эль-Карумъ! Я подыалъ голову и остановился въ удивленіи. Передъ мною все пространство было голубое, и воды озера сливались на горизонтѣ съ такимъ же чистымъ голубымъ небомъ. Я подѣхалъ ближе и попробовалъ воду. Она солона какъ морская. Неужели это Меридово озеро! Неможетъ быть. Гдѣ же пирамиды, лабиринтъ! Правда, вблизи есть остатки колоннъ и какія-то развалины, но въ нихъ никто никогда не находилъ никакихъ надписей, и въ послѣднее время инженеръ Линанъ, разрывая окрестности Мединета-эль-Файумъ, ясно доказалъ, что Меридово озеро, теперь высохшее, находилось у этого города.

Въ окрестностяхъ озера нечего было смотрѣть, и я по той же дорогѣ вернулся въ Бени-Суефъ, гдѣ меня ждало мое судно. Къ нему прикрѣпленъ былъ большой плотъ, уставленный *балласами*. Это большія вазы; ихъ дѣлаютъ только въ одномъ селеніи Египта.

Продавцы этой посуды не имѣли права останавливаться, чтобъ продавать балласы, но когда на берегу являлся покупатель, одинъ изъ торговцевъ бросался вплавь съ веревкою во рту, притягивалъ къ себѣ плотъ, и продавъ нѣсколько вазъ, опять продолжалъ свой путь, правя не веслами, которыхъ бѣдники не могутъ купить, а большими вѣтвями. Путешествія по Нилу всегда совершаются въ одинъ конецъ скоро, хотя противъ вѣтра и теченія, потому что на берегъ выходятъ рѣдко и почти не осматриваютъ памятниковъ. На возвратномъ же пути рубятъ мачты и идутъ на веслахъ по теченію, поминутно останавливаясь то у одного, то у другаго берега.

Со стороны Аравіи берегъ былъ высокъ и гористъ, къ Ливіи же онъ отлогій и цвѣтущій. Однажды вечеромъ мы причалили къ большому платану, за которымъ виднѣлось нѣсколько домовъ и мечеть. Это было селеніе *Шейкъ Абаде*. На этомъ мѣстѣ возвышался древній городъ Антиной.

И теперь еще развалины доказываютъ богатство древняго города. Я видѣлъ почти цѣлые куполы, алтарь, полуразвалившуюся колоннаду, обломки триумфальной арки. Недавно еще былъ тутъ римскій храмъ, портикъ и много мрамора, но Ибрагиму пашѣ вздумалось построить сахарный заводъ, и онъ разобралъ древнія зданія и изъ матеріаловъ соорудилъ великолѣпную фабрику съ высокою трубой. Жаль только, что заводъ этотъ стоить дорого, а не приноситъ никакого дохода.

Арабы увѣряютъ, что крокодилы не спускаются по Нилу ниже Шейкъ-Абаде и рассказываютъ по этому случаю слѣдующую легенду. Въ развалинахъ Антиной жилъ пустынный, которому осель прислуживалъ и приносилъ ежедневно кружку воды. Однажды осель пришелъ съ кружкой къ Нилу, и такъ какъ день былъ жаркій, то онъ вздумалъ выкупаться. Въ это время крокодилъ бросился на осла и проглотилъ его. Напрасно пустынный ждалъ воды и своего служителя. Наконецъ онъ самъ дотащился до рѣки, и найдя свою кружку догадался, что крокодилъ съѣлъ осла. Старикъ проклялъ крокодиловъ, и съ тѣхъ поръ ни одинъ изъ нихъ не смѣетъ проплыть мимо Шейкъ-Абаде.

Проѣхавъ мимо гробницы Шейкъ-Саида, мы остановились въ Сіутѣ, столицѣ верхняго Египта. Здѣсь я позволилъ Рейсъ-Ибрагиму остаться на сутки и зацѣпиться провизіею для матросовъ. Городъ расположенъ въ четверть мили отъ Нила. Въ немъ огромные базары, красивые минареты, множество казармъ; бѣлый дворецъ губернатора совсѣмъ потонулъ въ густой зелени садовъ. На отлогости горы, возлѣ Сіута, находится кладбище, такое огромное, что оно кажется другимъ отдѣльнымъ городомъ. Это огромное количество покойниковъ происходитъ оттого, что въ Сіутѣ останавливаются караваны Дарфура съ толпою негровъ невольниковъ, и эти несчастные, изнуренные путемъ и лишениями, не могутъ идти далѣе и успокоиваются здѣсь навсегда.

Въ древности этотъ городъ назывался Ликополисомъ, волчьимъ городомъ; изъ матеріаловъ древнихъ зданій построены нынѣшніе базары. Теперь существуетъ только некрополь Ликополиса, изсѣченный въ горѣ.

Это рядъ комнатъ, покрытыхъ гіероглифами и заваленныхъ обломками, въ нихъ скрывались первые христіане, и тутъ же въ глубокихъ колодцахъ находятъ множество мумій волковъ и шакаловъ. Я разсматривалъ на одной стѣнѣ изображеніе какого-то сраженія, и мой проводникъ арабъ важно замѣтилъ мнѣ, что это побѣда Бонапарте надъ Мамелюками.

Наконецъ въ Джебель-Фаршутѣ я увидѣлъ въ первый разъ крокодиловъ. Они покойно спали на берегу въ тѣни деревьевъ; я выстрѣлилъ въ нихъ, и они съ испугомъ бросились въ воду и исчезли въ ней. Съ тѣхъ поръ я часто встрѣчалъ ихъ на отмеляхъ и у берега, и нарочно подходилъ ближе, чтобы разсмотрѣть чудовищъ. Хотя обжорство ихъ извѣстно, но они не бросаются на человѣка, и во всѣ пять мѣсяцевъ, проведенныхъ мною на рѣкѣ, матросы мои почти не выходили изъ воды, но ни одинъ не былъ укушенъ крокодиломъ, не смотря на то, что ихъ было множество. Я самъ купался всякій день, не боясь, что меня перекуситъ пополамъ эта обжорливая земноводная ящерица.

Въ Джебель-Фаршутѣ я не хотѣлъ останавливаться, и мимо меня мелькнули хижины феллаховъ, минареты, пальмы, стада,obelisks, коршуны, летающіе надъ садами, и надъ всею картиной блестящее солнце Египта.

Я остановился въ Эсне, древнемъ Латополисѣ, гдѣ Рейсъ Ибрагимъ и мой драгоманъ запаслись хлѣбомъ, потому что въ Нубіи нельзя его достать. Судно мое было прикрѣплено у берега, и я сидѣлъ на палубѣ, осматривая окрестности; вдругъ подошла ко мнѣ женщина, закутанная въ синее покрывало и пригласила смотрѣть танцы Альмей и пѣсни ихъ. Представленіе это происходило у ея госпожи, Кучукъ-Ганемъ (маленькая роза), ремесло которой состояло въ томъ, что она увеселяла путешественниковъ. Я согласился, но прежде пошелъ осматривать городъ, который скоро будетъ поглощенъ Ниломъ. Теченіе его такъ сильно напираетъ на этотъ берегъ, что каждый годъ послѣ наводненія огромныя глыбы земли отрываются съ домами, деревьями и исчезаютъ въ рѣкѣ. Мечеть Монфалута уже разрушена разлитіемъ, и теперь должна быть унесена. Скоро и весь городъ исчезнетъ, но никакъ не вздумаетъ оградить себя плотиною или набережною отъ безпокойнаго сосѣда. Базары въ Эсне очень малы. Когда я проходилъ по площади, ко мнѣ подошелъ Арнаутъ и попросилъ лекарства для жены. Но онъ ни за что не хотѣлъ ни сказать чѣмъ она больна, ни показать мнѣ ее, и очень удивился, что я не взялся ее лечить.

Съ трудомъ нашелъ я знаменитый по своему зодіаку, храмъ, потому что онъ со всѣхъ сторонъ застроенъ хижинами феллаховъ. Уцѣлѣлъ одинъ портикъ. Плафонъ поддерживается каменными колоннами, покрытыми сверху до низу религіозными изображеніями. Скульптурныя работы тяжелы и не красивы. Храмъ этотъ, посвященный Анубису, принадлежитъ Римской эпохѣ, и Шамполіонъ доказалъ, что его украшали и достраивали въ разныя эпохи императоры Клавдій, Домиціанъ,

Сентимій—Северъ, Веспасіанъ, Титъ, Антонинъ, Маркъ Аврелій, Коммодъ, Траянъ, Адрианъ, Гета. Изображенія всѣхъ императоровъ находятся на колоннахъ.

На террасѣ храма я прочелъ нѣсколько французскихъ именъ 1799 года, и множество греческихъ надписей. Такъ какъ нечего было больше осматривать, то я пошелъ къ Кучукъ Ганемъ *на вечеръ*. Она сама встрѣтила меня въ блестящемъ костюмѣ, покрытая множествомъ украшеній, но красота ея затмѣвала нарядъ. Я сѣлъ на диванъ возлѣ прекрасной хозяйки, Жозефъ помѣстился у моихъ ногъ, нѣсколько матросовъ стояли у дверей, и балъ начался. Два музыканта, одинъ старикъ, другой молодой, начали играть на какихъ-то странныхъ инструментахъ въ родѣ люти, по которой водили маленькимъ смычкомъ. Двѣ женщины начали пѣть мотивъ, напоминающій пляску альмей Фелисіена Давида, потомъ другія женщины начали танцовать. Восточные танцы извѣстны. Они состоятъ изъ позъ покачиванія и пристукиванія, ноги работаютъ очень изло. Разумѣется, что очень пріятно смотрѣть, когда хорошенькая женщина какъ Кучукъ-Ганемъ изгибаетъ свой чудный станъ, качается, становится на колѣна и граціозно машетъ руками.

Черезъ три дня мы вошли въ первый Нильскій водопадъ. Рѣка сгузилась и сдѣлалась темнозеленаго цвѣта; на западѣ видны песчанья горы, на ближнемъ холмѣ возвышается бѣлый марабутъ, на востокѣ блестятъ минареты города Ассуана, на югѣ горизонтъ обѣнчивается пригоркомъ, на Сѣверѣ виднѣ одинъ безконечный Ниль. Посреди рѣки зеленѣетъ островъ Элефантина, съ засѣянными полями и лѣсами финиковыхъ деревьевъ.

Огромныя скалы поднимаютъ изъ воды свои черныя головы, и между ними надобно править очень искусно: мой рейсъ смѣло проплылъ опасное мѣсто и высадилъ меня въ Элефантину, о которой древніе рассказывали чудеса. Роскошная растительность покрываетъ островъ. Пальмы такъ густы, что солнце не проникаетъ сквозь нихъ; воздухъ напитанъ ароматами, словомъ здѣсь настоящій земной рай, и кому надобно шумъ свѣта, тотъ не можетъ найти мѣста лучше и покойнѣе этого волшебнаго уголка.

Отъ прежней цивилизаціи остались тутъ развалины храмовъ, дворцовъ, арокъ, но растительность погребла уже большую половину изъ нихъ, и наукѣ трудно отыскивать слѣды прошедшаго, вызывать древнія тѣни, разбирая надписи на истлѣвшихъ камняхъ. Но природа, со всѣми своими богатствами и величественный Ниль остались тѣми же, и въ этой чудной странѣ даже ученый забудетъ о своихъ разысканіяхъ прошедшаго и будетъ наслаждаться настоящимъ.

Порода людей здѣсь тоже видимо измѣнилась. Это уже не Египетъ, а Нубія. Цвѣтъ кожи туземцевъ почти черный; женщины не покрываютъ себѣ лицъ. Вообще черты ихъ и прическа вѣрно скопированы съ древнихъ Египетскихъ статуй. Мужчины сильны, ловки и смѣлы, потому что безпрестанно борются съ природою; они одни мѣютъ управлять лодками посреди водопадовъ. Вотъ почему Рейсъ

Ибрагимъ поручилъ на время туземцу наше судно, снявъ съ него всю лишнюю тяжесть. Первые пороги падаютъ не съ высоты, а происходятъ отъ суженія рѣки, перерѣзанной въ этомъ мѣстѣ подводными утесами. Переѣздъ этотъ чрезвычайно труденъ, и не смотря на опытность лодмановъ, часто бываютъ несчастія, что доказывается обломками лодокъ, прибитыхъ къ берегу. Но старый нубіецъ Рейсъ-Гасанъ-Душе, почитается самымъ опытнымъ морякомъ, и съ двадцатью туземными матросами благополучно провелъ мою барку между камнями и островками, посреди такого сильнаго теченія, что кажется человѣческимъ силамъ невозможно было ему противиться.

Пороги окружены самыми живописными пейзажами, оживленными то группою красивыхъ дѣтей, играющихъ на берегу между цвѣтами, или плавающихъ между островками, то античною фигурой женщины, стоящей въ раздумьи, то стаей птицъ, которыя неподвижно, какъ вылитыя изъ чугуна, сидятъ на гранитныхъ скалахъ и поджидаютъ рыбу. Проѣхавъ водопадъ, Ибрагимъ отпустилъ нубійцевъ, и мы скоро поплыли по гладкой поверхности. Предъ нами мелькнулъ островъ Филоэ съ блестящей колоннадой, потомъ на берегу, подъ высочайшими пальмами, обрисовались развалины крѣпости, построенной мамелюками, дальше рѣка начала суживаться и мѣсто зеленыхъ береговъ начали занимать голыя скалы.

14-го марта мы прошли подъ тропикомъ Рака. Жаръ сдѣлался нестерпимымъ. Нилъ сдѣлался гладокъ какъ зеркало, зеленого цвѣта. По берегамъ разбросаны бѣдныя хижины, и жители, черные какъ негры, работаютъ подъ жгучими лучами. Когда я присталъ къ селенію, они навесли мнѣ множество рѣдкостей, но я отъ жара не могъ двинуться съ дивана и дожидаясь вечера, чтобъ выдти на берегъ.

Нилъ разливается все шире и шире. Онъ походитъ на море у селенія Абу-Горъ, и вѣтеръ быстро гонитъ судно, хотя жаръ не уменьшается. Небо сдѣлалось сѣраго цвѣта, солнце поблѣднѣло. Вообще окрестности принимаютъ настоящій африканскій видъ. Высокія горы, голыя, черныя нагибаются надъ рѣкой, деревья точно обожженные стоятъ далеко одно отъ другаго, вездѣ пустота и тишина, прерываемая только крикомъ хищныхъ птицъ. Мы остановились для запаса провизіи въ селеніи *Короско*, гдѣ живутъ Кабилы Абабдехи. Здѣсь останавливаются караваны изъ Сенаара и Картума, и потому кладбище здѣсь гораздо обширнѣе чѣмъ само селеніе. Вообще въ Нубіи я не встрѣчалъ еще ни одного города по всему берегу Нила; отъ перваго до втораго водопада разбросаны хижины и небольшія селенія Нубійцевъ, которые живутъ очень покойно, безопасно, заставляя женщинъ исправлять всѣ работы. Наконецъ въ небольшой пустынѣ увидѣлъ я на берегу храмъ *Амада*, до половины засыпанный песками. Онъ построенъ Тутмесомъ III въ честь солнца, потомъ Копты превратили его въ христіанскую церковь, теперь песокъ всыпался во внутренность и скоро совсѣмъ засыплетъ его.

Деръ первый городъ Нубіи, но онъ населенъ мамелюками, рѣзко отличающимися бѣлизною лица отъ чернаго народонаселенія. Городъ

довольно красивъ, съ широкими улицами и обширными садами. Тутъ я видѣлъ въ первый разъ цѣлую барку съ невольницами разнаго цвѣта и возраста. Бѣдныя женщины!

Въ Уади-Гальфа я остановился въ послѣдній разъ, и отсюда судно мое повернетъ обратно къ Каиру, по той же дорогѣ. Путешествіе мое будетъ еще очень продолжительно, но мнѣ дѣлается уже грустно, какъ будто мнѣ надобно скоро разстаться съ Ниломъ. (Revue de Paris).

IV.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I.

ЛИТЕРАТУРА.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Пять книгъ Москвитянина.—Критика его и г. Григорьевъ.—Антикритика г. Каткова.—Повѣсти.—Панъ Москаленко.—Мелочи изъ запаса памяти г. Дмитриева.—Набѣдники.—Записки студента.—Стихотворенія.—Переводныя и ученые статьи.—Ноябрьская книга Библиотеки для Чтенія.—Хорошія статьи.—Статья о выставкѣ Академіи Художествъ.—Искусство и критика.—Журналистика.—Критическая статья г. Сенковского.—Замѣчательныя статьи въ Отечественныхъ Запискахъ.—Критика опыта біографіи Гоголя.—Статуя весны и ребенокъ à la Дикенсъ.—Перелетныя птицы.—Вліяніе Холоднаго дома на русскую литературу.—Истина и идеализація.—Послѣдняя книга Современника.—Стихотворенія Некрасова и Полонскаго.—Каламбуры г. Фета.—Хлыщы.—Переводныя и критическія статьи.—Новый поэтъ и литературный Ералашъ.—Еще письмо господина Лонгинова.—Обстоятельства, по которымъ можно выдать напечатанное стихотвореніе живаго писателя за непечатное умершаго.

Мы давно не говорили о Москвитянинѣ; но и теперь, когда передъ нами лежатъ пять книгъ этого журнала (отъ 15 до 19-й,) все-таки не можемъ сказать объ немъ многого; онъ по прежнему замѣчательнъ отсутствіемъ всего, что составляетъ собственно журналъ и чѣмъ онъ отличается отъ альманаховъ и сборниковъ. Въ немъ по прежнему много хорошихъ статей, много плохихъ, и вовсе нѣтъ единства мнѣній и убѣжденій въ критическихъ разборахъ, то есть именно въ томъ, чѣмъ опре-

дѣляется направлѣніе журнала и его взглядъ на литературу и искусство.

Нельзя сказать однакоже, чтобъ и по отдѣлу критики въ Москвитянинѣ не встрѣчалось замѣчательныхъ статей, и даже единства въ мнѣніяхъ, но въ статьяхъ этихъ, вмѣстѣ съ справедливыми мнѣніями, высказывается множество самыхъ странныхъ и парадоксальныхъ, какъ въ разборѣ Собранія русскихъ народныхъ песенъ, написанномъ г. Григорьевымъ, а единство заключается въ томъ, что если г. Стаховича хвалятъ за изданіе этого собранія, то за одно хвалятъ уже за все, чтобы онъ ни написалъ, не исключая пѣсни въ 6-мъ номерѣ Москвитянина, о которой мы уже говорили и въ которой есть стихъ, гдѣ упоминается какой-то «студенческой или младенческой отецъ.» Вообще въ Москвитянинѣ замѣтно сильное пристрастіе къ именамъ, а не къ произведеніямъ. Если какой нибудь авторъ имѣлъ однажды несчастіе непонравиться ему, что бы потомъ ни издалъ этотъ писатель, все будетъ дурно.

Въ названной нами статьѣ г. Григорьева есть и знаніе дѣла, и любовь къ русскимъ пѣснямъ, и желаніе какъ можно яснѣе и подробнѣе разработать вопросъ о значеніи этихъ пѣсенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ той же самой статьѣ замѣтно такое фантастическое увлеченіе, такая нетерпимость чужихъ мнѣній, такое преувеличеніе важности своихъ собственныхъ сужденій и гипотезъ, что яркіе недостатки этой статьи оставляютъ совершенно въ тѣни ея достоинства. Изысканность выраженной также много вредитъ г. Григорьеву. Такъ, послѣ весьма вѣрной оцѣнки «пѣсень русскаго народа,» изданныхъ г. Сахаровымъ, рецензентъ требуетъ отъ собирателя пѣсенъ, главнымъ условіемъ: «неразорванности сознанія и чувства съ народнымъ сознаніемъ и чувствомъ,» говоритъ, что: «плохата почва души, которой отпрыски не прорвались сквозь накиннутую на нее оболочку, «и что пѣніе цыганъ стало однимъ изъ привзошедшихъ, но весьма плотныхъ элементовъ русской жизни.» Подобныхъ выражений мы могли бы найти много на пятидесяти страницахъ рецензіи, мѣстами выражающейся до того неперемонно, что намъ становится совѣстно за рецензента. Можно ли, на примѣръ, увлечься до того, чтобы употребить выраженіе: «господинъ ни уха ни рыла не смыслящій въ музыкѣ.» Это напомнило намъ иногороднаго подиличика съ подобною же любезностью нѣсколько разъ упоминавшаго въ одномъ изъ своихъ писемъ о показываніи кукиша.

Изъ остальныхъ критическихъ статей этихъ пяти книгъ замѣчательны только разборы специальныхъ сочиненій, какъ на примѣръ: «Путешествіе въ южную Россію и Крымъ» и нѣсколько справедливыхъ за-

мѣчаній, высказанныхъ нѣкоторымъ петербургскимъ журналамъ. Вообще о петербургскихъ фельетонистахъ высказано слѣдующее вѣрное замѣчаніе: «у нихъ такое пристрастіе къ амбре и ко всему галантерейному, что они имѣютъ полное право надѣяться на прозваніе столичныхъ штукъ отъ гоголевской городничихи.» Справедливо также слѣдующее мнѣніе о языкѣ «Записокъ купца Жаркова:» «Вмѣсто народнаго языка выходитъ просто смѣсь письмовника Курганова съ избытыми до пошлости рѣзкостями купеческаго языка, заимствованными изъ водевилей г. Григорьева 2-го.» Взаимныя восхваленія Отечественными Записками Петербургскихъ Вѣдомостей и Петербургскими Вѣдомостями Отечественныхъ Записокъ подмѣчены и выведены очень вѣрно и удачно.

Очень замѣчательна также антикритическая статья г. Каткова въ отвѣтъ на рецензію его книги: «Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи.» помѣщенную въ Москвитянинѣ же. Антикритика эта немножко длинна (шестьдесятъ пять страницъ мелкаго шрифта) и суха для лицъ, незнакомыхъ специально съ предметомъ статьи, но въ ней ясно и подробно доказано, что критикъ г. Каткова мало знакомъ съ древней греческой философіей, и все его замѣчанія на труды автора совершенно неосновательны. Съ одной стороны Москвитянину приносить честь то, что онъ напечаталъ подобную антикритику на своего собственнаго рецензента. Но съ другой стороны, зачѣмъ допускать на свои страницы неосновательныя рецензіи, написанныя несвѣдущими лицами?

Если мы отъ критики перейдемъ къ другому капитальному отдѣлу Москвитянина: «Русской Словесности,» то и тутъ найдемъ не много замѣчательнаго. Въ 14-мъ номерѣ окончилась повѣсть г. Лихачева, очень плохая по исполненію и пустая по идеѣ, хоть въ ней есть нѣсколько вѣрныхъ подробностей и недурно очерченныхъ лицъ. «Приключенія пана Москаленко,» разсказъ г. В. В. перенесъ насъ къ тому времени, когда извѣстный классъ читателей восхищался «панами Халавскими» и другими невозможными повѣстями писателей, старавшихся поддѣлаться подъ малороссійское жартованье Гоголя и создававшихъ самыя уродливыя карикатуры. Панъ Москаленко принадлежитъ къ псевдоюмористическому роду повѣстей: въ ней рассказываются ни мало не остроумно и нисколько не интересно похождения какого-то ненатуральнаго господина, придумавшаго увезти, романтизма ради, свою невѣсту, и остающагося вовсе безъ невѣсты, потому что вмѣсто него ее увозитъ какой-то офицеръ. Какъ образецъ остроумія приводимъ одно мѣсто этой отчаянной повѣсти.

— А вѣдь сидитъ все не недурно! проговорилъ онъ (герой разска-

за), обмахиваясь батистовымъ платкомъ; да и суконце-то недешевое; взгляните-ка.

При этомъ панъ поднялъ ногу и поднесъ свою колѣнку почти къ носу Надежды Васильевны.

— Англійское, настоящее англійское, говорила Ребристова, поглаживая сукно.

— Толку вы, не знаете, сударыня, сказала улыбаясь Василій Яковлевичъ... и такъ далѣе, все въ такомъ же остроумномъ родѣ.

«Въ Мелочахъ изъ запаса моей памяти» почтенный авторъ черезъ чуръ уже восхищается нѣкоторыми умершими писателями, въ ущербъ живымъ. Такъ, расхваливая не въ мѣру покойнаго Кн. С. Шихматова, г. Дмитріевъ приводитъ очень плохія строфы изъ одной его оды и восхищается стихами въ родѣ слѣдующихъ:

Тамъ конь, на подвиги рожденный,
Взметаеъ прахъ изъ подъ копытъ;
По тѣлу силой обложенный;
По персямъ дерзостью покрытъ,
Высокой выей величавый,
Красивѣйшіи земныхъ звѣрей
Шумить дыханіемъ воздрей, и т. д.

Г. Дмитріевъ сожалѣеть, зачѣмъ не издано полное собраніе сочиненій этого автора. Признается, что мы не видимъ въ этомъ ни пользы, ни удовольствія для русской словесности.

Очень хорошъ отрывокъ, цитированный въ Отеч. Зап. и Совр. изъ стихотворенія *субтильнаго* Батюшкова, какъ его называетъ г. Дмитріевъ: «Видѣніе на берегахъ Леты», въ которомъ передъ Миносомъ выходитъ изъ повозки тѣнь, называющая себя: Азъедемъ Словенофилъ» и отвѣчаетъ на вопросъ Миноса:

. . . . Кто сіи
Несчастны, въ клячей превращенны?
— Сочлены юные мои,
Любовью къ славѣ вдохновенны.
Они Пожарскаго поютъ
И тянутъ старца Гермогена!
Ихъ мысль на небеса вперенна,
Словажъ изъ старыхъ книгъ берутъ!
Стихи ихъ хоть немного жестки,
Но истинно варяго-росски!

Свѣдѣнія, сообщаемыя г. Дмитріевымъ о Воейковѣ, Милоновѣ, Ростопчинѣ, Дашковѣ очень любопытны.

Чтобъ одѣнить вполне комедію г. Стаховича, «Наѣздники», надобно

быть членомъ жокейскаго клуба, ямшикомъ, барышникомъ. Не принадлежа къ числу знатоковъ и любителей лошадей, мы не можемъ сказать, до какой степени вѣрны нравы лицъ этого класса, описываемые авторомъ комедіи. Содержаніе ея самое незначительное, и любовь героя пьесы, наѣздника Василя, къ племянницѣ дворника на постояломъ дворѣ, вислолько не занимательна. Плутни барышниковъ очерчены хорошо. Авторъ вѣроятно думалъ, что пьеса его будетъ дана на сценѣ, потому что вывелъ безъ всякой нужды цыганъ съ ихъ пѣснями и плясками. Можетъ быть и онъ собирается сказать «новое слово» со сцены, медвѣдемъ и козой, какъ другой извѣстный драматургъ, котораго услужливые пріятели произвели въ русскіе Шекспіры изъ гостинодворскихъ Коцебу, по словамъ одного нашего поэта.

«Записки Современника, дневникъ студента,» помѣщенные въ двухъ послѣднихъ книжкахъ, далеко уступаютъ интересомъ прежнимъ отрывкамъ этого замѣчательнаго дневника. Непонимаемъ также, зачѣмъ авторъ ихъ въ самомъ концѣ своей статьи, начавши разсказывать похождения француза Перрена, обѣщаетъ досказать ихъ въ послѣдствіи. Начало не имѣетъ никакой занимательности безъ окончанія, и его совершенно незачѣмъ было печатать. «Отрывокъ изъ записокъ почтмейстера» разсказъ также весьма пустой, написанный гладко, но съ самымъ незатѣпливымъ содержаніемъ. Какая-то провинціальная барышня влюбляется въ интереснаго молодого человѣка, но онъ оказывается женатымъ; она съ отчаянія выходитъ за другаго, а у предмета прежней страсти его умираетъ жена. Что случилось далѣе съ героями, неизвѣстно потому, что повѣсть оканчивается на этомъ событіи; продолжать ее, конечно, не стоило, но мы думаемъ, что и начинать подобную исторію было совершенно напрасно.

Вотъ и все богатство Москвитянина по отдѣлу русской словесности, если не считать еще трехъ довольно слабыхъ стихотвореній. Одно изъ нихъ переведено изъ Гейне г. Фаддеемъ Гиждуеу. Что стихотворецъ не русскій человѣкъ, это видно было бы и безъ подписи его иностранной фамиліи, по неловкимъ оборотамъ стиховъ и приемамъ въ родѣ: *часы и воды, послать и пробуждать, моряки и дни*. Другое стихотвореніе г. Миллера, «Старый матросъ,» тоже переводное, и въ добавокъ было уже напечатано недавно въ Библіотекѣ для Чтенія. Г. Миллеръ увѣряетъ, что перепечатываетъ его въ Москвитянинѣ потому, что въ петербургскомъ журналѣ эта баллада была помѣщена «съ ошибками и опечатками, искажавшими мѣстами самый смыслъ.» Странное обстоятельство! Мы думаемъ впрочемъ, что перепечатываніе *двадцати одной* страницы стиховъ было даже излишнее; замѣчательнаго въ

нихъ очень мало, и вообще баллада очень темна и длинна. Все ея достоинство состоитъ только въ томъ, что она вѣрно передана и знакомитъ русскихъ читателей съ Кольриджемъ, у котораго впрочемъ переводчикъ могъ бы выбрать что нибудь получше и покороче. Оригинальное стихотвореніе г. Шевырева, тоже не замѣчательно.

Въ «Иностранной литературѣ» помѣщены еще двѣ статьи Генриха Блаза «Россини», трудъ добросовѣстный, но изъ котораго для русскихъ читателей слѣдовало бы сдѣлать извлеченіе, а не переводить его вполне со всеми излишними подробностями, годными только для музыкальнаго журнала. Повѣсть Мюрже, котораго Москвитянинъ, неизвѣстно почему называетъ Мюргеромъ: «Елена, сцены изъ жизни художника,» очень занимательна. Къ сожалѣнію не можемъ сказать того же о началѣ романа Меріетта «Питеръ Симпль» очень старомъ и не интересномъ произведеніи, неизвѣстно для чего переводимомъ теперь, когда и двадцать лѣтъ тому назадъ онъ не имѣлъ никакого успѣха.

Въ отдѣлѣ «Смѣси» есть также нѣсколько недурныхъ переводныхъ и оригинальныхъ разсказовъ. «Антонина» Теодора Паво, была впрочемъ уже давно переведена въ другихъ журналахъ. «Мушка» Альфреда Мюссе также не новость. Хороши статьи: «Ночлежные дома въ Лондонѣ» изъ Диккенсова журнала Household Words, неизданная переписка Гофмана, «Литературные погребки въ XVII вѣкѣ» и «Воспоминаніе о Цейлонѣ.» Изъ оригинальныхъ статей назовемъ «Московскія старинныя и новыя гулянья и увеселенія»,—любопытныя изслѣдованія С. Любецкаго, «Башкирцы» вторая статья С. Желѣзнова, гораздо выше статей Г. П. Небольсина о томъ же народѣ.

Заграничныя и внутреннія извѣстія этихъ книгъ разнообразны и интересны. Лучшій и любопытнѣйшій отдѣлъ «Москвитянина», это конечно отдѣлъ наукъ и историческихъ матеріаловъ; въ немъ помѣщены слѣдующія замѣчательныя статьи: продолженіе изслѣдованій г. Гильфердинга о балтійскихъ славянахъ (двѣ статьи), заключающія въ себѣ любопытный сводъ всѣхъ извѣстій, разбѣянныхъ по разнымъ сочиненіямъ. «Историческое извѣстіе о Чулковой слободѣ» г. Андреева, тоже довольно любопытно. Двѣ статьи г. Березина о христіанахъ въ Месопотаміи, полны фактами, являющимися едва ли не въ первый разъ и самымъ высокимъ современнымъ интересомъ. Статья г. Баршева «О мѣрѣ наказанія въ древнемъ русскомъ правѣ», показала намъ чрезвычайно сжатою: на пяти страницахъ трудно вполне разъяснить такой сложный предметъ, и мы не узнали ровно ничего новаго изъ этихъ пяти страницъ.

О ноябрьской книгѣ «Библіотеки для Чтенія» мы скажемъ также

немного. Лучшія статьи въ ней: «Замѣтки странствующаго вокругъ свѣта», фельетонъ всѣхъ современныхъ новостей, составляемый, какъ мы уже говорили, очень хорошо и отчетливо, и двѣ статьи въ смѣси: «Сергачъ» типъ г. Максимова и *Perpetuum mobile*, трогательная повесть петербургскаго жителя. Первая очень вѣрный и любопытный очеркъ вожака медвѣдей, написанный живо и легко. Напрасно только авторъ назвалъ своего героя провинціальнымъ именемъ, не вездѣ употребляемымъ и для многихъ непонятнымъ безъ объясненія. *Perpetuum mobile* очень недурной рассказъ о безнадежной любви часоваго мастера и одной блистательной незнакомкѣ. Подобные рассказы удаются петербургскому жителю гораздо лучше, нежели его фельетоны о петербургской жизни, въ которыхъ много не интересной болтовни и натянутого остроумія. Неизвѣстно также, для чего отъ фельетона отдѣлены особою статьею музыкальныя новости, не заключающія въ себѣ ровно ничего новаго и любопытнаго, и написанныя кажется только для того, чтобъ расхвалить Контскаго, въ игрѣ котораго неизвѣстный виртуозъ видитъ и задушевную экспрессию, и даже *отрѣзистую* точность. Такимъ же мнимымъ знаніемъ дѣла отличается статья: «Нѣсколько словъ о нынѣшней выставкѣ Академіи Художествъ.» Въ ней много техническихъ терминовъ, которые такъ легко набрать всякому, даже ровно ничего не понимающему въ живописи, много совершенно несправедливыхъ сужденій и еще больше непроетительныхъ галлицизмовъ, полонизмовъ и неправильныхъ выраженій. Такъ неизвѣстный авторъ, говоря о скульптурныхъ группахъ Пименова, ставитъ его наряду съ Рафаелемъ, какъ будто можно скульптора сравнивать съ живописцемъ! О статуѣ Иванова «Мальчикъ въ банѣ», говорится, что мальчикъ этотъ прекрасно *нарисованъ* и *выiskanъ*; кромѣ того авторъ статьи находитъ, что у статуи носъ коротокъ, и ему хочется, чтобъ носъ этотъ былъ длиннѣе. Геркулесъ, статуя Штрома, *шикшоватъ*, и линии его *недовольно выiskanы*, тогда какъ фарнезскій геркулесъ *не пестерь*. Въ архитектурномъ проектѣ Рохау, все хорошо сработано. Въ картинѣ Солдаткина (замѣтимъ, кетати, едвали не слабѣйшей изъ всѣхъ), каждое положеніе вывѣрено, и въ особенности нравится автору «молодецкое ушко Дмитріева, брата ушко, въ которое просвѣчивается падающій на него лучъ свѣта.» Въ картинѣ Плѣшанова пятна расположены съ тонкомъ и увѣренностью. Акварельный портретъ графа Толстаго можно, по словамъ автора, поставить наряду съ хорошими живописными картинами. Да развѣ акварель не живопись? Другой портретъ работы г-жи Манухиной нравится автору по *простотѣ пріемовъ* и по *обилію а.* Въкус картинъ г. Трутнева пятна свѣта и тѣни расположены

узковато. Подобныхъ рѣдкостей мы могли бы найти еще много и обратили на нихъ вниманіе только потому, что критика искусствъ и художествъ вообще мало развита, и статьи въ этомъ родѣ появляются очень рѣдко въ журналахъ. Изъ этого однакоже не слѣдуетъ, чтобы пріятно было встрѣчать статьи, написанныя подобнымъ языкомъ и съ такими поверхностными сужденіями. Лучше вовсе не говорить о художествахъ, нежели высказывать объ нихъ ошибочныя и пристрастныя мнѣнія. Мы могли бы также спросить автора: почему всѣмъ профессорамъ живописи и лицамъ, получившимъ званіе академиковъ и золотыя медали, онъ предпочитаетъ картины г. Худякова, находя, что одна изъ нихъ «отличается благородною линіею въ общемъ, хотя художникъ не выставилъ всего ужаса, всей отвратительности насилія, которые сами *накрашиваютъ* полотно.» Авторъ говоритъ дальше, что въ портретахъ, «гдѣ все ошущано и выльвлено», г. Худяковъ является опаснымъ соперникомъ, *укоренившаго* свою извѣстность г. Зарянки, «и рисуетъ свои портреты въ три часа, тогда какъ г. Зарянка въ семь часовъ.» Все это, конечно, очень легко сказать, также какъ и то, что у портрета княгини Абамелекъ, г. Зарянка дурно написалъ руки, но кто же повѣритъ этому? Конечно, извѣстность г. Зарянки, давно уже *укоренившаяся*, не можетъ пострадать отъ этихъ неумѣстныхъ сравненій и сужденій, но для чего же и высказывать ихъ?

Литературная лѣтопись этой книги представляетъ такой же винегретъ, въ которомъ сказано впрочемъ много правды о слабыхъ сторонахъ книги г. Иноевса «Паденіе византійской имперіи.» Журналистика на восьми страничкахъ, заключаетъ въ себѣ множество самыхъ бездоказательныхъ приговоровъ и поверхностныхъ сужденій. Мы нисколько не сокрушаемся о томъ, что рецензенту не нравится Пантеонъ, и не станемъ спорить съ нимъ за его литературныя мнѣнія, какъ ни страненъ его эстетическій вкусъ, но для чего же утверждать, напримѣръ, что къ Пантеону прилагаются *лубочныя картинки*: это не только неучтивость, но и ложь.

Журналистика негодуетъ также, зачѣмъ «Отечественныя Записки» называютъ ученые статьи этого журнала, печатаемыя въ концѣ особымъ шрифтомъ, въ азбучномъ порядкѣ, географическимъ словаремъ. Да какъ же иначе назвать ихъ, когда они даже выбираются изъ энциклопедическаго словаря Плюшара, что кажется ясно доказано Отечественными Записками. (См. II книгу, отдѣлъ журналистики).

Въ этой же книгѣ «Библіотеки для Чтенія» оканчивается романъ гр. Ростопчиной «Палаццо Форли» и продолжается романъ «Миссъ Каванна-Дези Бернеъ.»

Начало критической статьи г. Сенковского, въ которой онъ разбираетъ *Диалога* г. Алферьева и *Сервиллю* г. Мея, очень замѣчательно, хотя почтенный критикъ высказываетъ и здѣсь нѣсколько мнѣній, съ которыми нельзя согласиться. Къ такимъ мнѣніямъ принадлежитъ мысль автора, что философы въ Греціи Сократъ и Платонъ не имѣли понятія о единомъ Богѣ. Напрасно онъ также думаетъ, что изображеніе происшествій, случающихся съ авторами не будетъ интересовать публику. Если равнодушіе къ литературѣ и ея дѣятелямъ замѣчается въ извѣстныя эпохи у нѣкоторыхъ націй, то неужели мы должны принимать это равнодушіе за непреложный законъ и признать его справедливость? Критикъ говоритъ, что общество увлекается только изображеніемъ дѣлъ общественныхъ и семейныхъ; но развѣ литература не имѣетъ вліянія на бытъ народа, на развитие его умственныхъ и нравственныхъ идей и убѣжденій? Совершенно справедливо замѣчаніе критика, на неумѣста приведенную г. Алферовскимъ цитату изъ Буало, о легкости критики и трудности искусства. Анекдотъ о сапожникѣ, приведенный критикомъ очень уменъ. Не всякій, дѣйствительно, сумѣетъ сшить сапоги, но всякій видитъ, если они дурно сшиты и дурно сидятъ у него на ногѣ. Какъ сравнивать искусство съ впечатлѣніемъ, имъ производимымъ, съ обезужденіемъ этого впечатлѣнія? Мнѣніе критика о томъ, что Цицеронъ произносилъ свои рѣчи предъ народомъ по-гречески очень правдоподобно, потому что на латинскомъ языкѣ, по словамъ автора, римляне ругали только своихъ слугъ и писали доносы. Соглашаясь съ мнѣніемъ критика, что поэту не слѣдуетъ дѣлаться декораторомъ, костюмеромъ для мнимаго колорита мѣстности, удивляющаго однихъ добряковъ, рыться въ археологическомъ хламѣ и таскать изъ него битой дрянью, которой каждой обломокъ требуетъ поясненій и подлежить спору, что незачѣмъ загромождать сцену триклиніями, менадами, засѣданіями римскаго трибунала, что это все нестерпимая карикатура классическихъ нравовъ и обычаевъ, — мы въ тоже время никакъ не можемъ согласиться съ критикомъ, что невиданныхъ церемоній, обрядовъ и обычаевъ нельзя воспроизвести даже приблизительно. Для чего же существуетъ исторія и археологія, памятники и преданія старины? Послѣ этого мы не вправѣ возсоздать и фигуры историческихъ героевъ древности, только потому, что не видали ихъ; не можемъ описать напримѣръ, даже обряда посвященія въ рыцари, потому что не были ни при одномъ изъ подобныхъ обрядовъ. Подобныхъ обрядовъ и церемоній не слѣдуетъ только воспроизводить когда они ни сколько не служатъ къ объясненію какого нибудь произведенія и выводятся единственно для эффекта или изъ желанія блеснуть знаніемъ мѣстнаго колорита.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» (ноябрь мѣсяцъ) лучшія статьи не принадлежатъ къ отдѣлу словесности. Это — окончаніе воспоминаній стараго театрала, въ высшей степени любопытныя и занимательныя, и двѣ статьи въ отдѣлѣ иностранной литературы: «Фантастическая зоологія» и «Сыновья и преемники Аттилы.» Последняя статья въ особенности интересная, могла бы скорѣе занять мѣсто въ отдѣлѣ наукъ, нежели помѣщенное тамъ описаніе «Жизни нравовъ и смысленности наѣзкомыхъ», статья также довольно любопытной, хорошо скомпилированной, по заключающей въ себѣ свѣдѣнія и факты, нѣсколько разъ уже описанныя на иностранныхъ и русскомъ языкахъ. Критическая статья «Опытъ біографіи Гоголя» привлекла насъ своимъ названіемъ; мы ждали встрѣтить въ ней оцѣнку если не полной литературной дѣятельности Гоголя, то по крайней мѣрѣ значеніе тѣхъ періодовъ, которые изображены въ «Опытѣ», но вмѣсто этого нашли только сухія выписки изъ его писемъ, и изъ статьи узнали только, что неизвѣстный авторъ «Опыта», желая выставить Гоголя въ лучшемъ видѣ, произвелъ на читателя совершенно обратное дѣйствіе своимъ неловкимъ панегирикомъ, что онъ вовсе не объяснилъ произведеній Гоголя, и что наконецъ Гоголь въ своихъ сочиненіяхъ очень часто противорѣчилъ самому себѣ, даже въ сужденіи о собственныхъ произведеніяхъ. Все это мы знали и безъ критической статьи Отечественныхъ Записокъ.

Разсказъ г. Полонскаго «Статуя Весны,» помѣщенный въ отдѣлѣ словесности, довольно слабъ и не производитъ никакого впечатлѣнія. Что хотѣлъ сказать авторъ своимъ ребенкомъ à la Диккенсъ, разбившемъ нечаянно статую, изображавшую весну и увидѣвшемъ потомъ объ ней довольно нелѣпный сонъ, послѣ котораго захворалъ горячкою? Конечно, отчего не изобразить страннаго, умнаго ребенка, одну изъ тѣхъ исключительныхъ натуръ, которыя являюся въ такомъ поэтическомъ свѣтѣ у англійскаго романиста, но для этого надобно, чтобъ ребенка составляли лица и происшествія, которыми мы могли бы интересоваться, а этого-то и нѣтъ въ разсказѣ г. Полонскаго. Не думаемъ также, чтобъ какой бы то ни было, хоть самый гениальный ребенокъ, шести лѣтъ, могъ задавать себѣ слѣдующіе вопросы: «ужь не крошечные ли это духи вылетаютъ изъ каждаго торчкомъ на головѣ доктора стоящаго волоса, въ видѣ вихря, похожаго на столбъ комаровъ, вьющихся предъ закатомъ солнца надъ болотной кочкой.» Не говоримъ уже о неправильной разстановкѣ словъ, тяжеломъ языкѣ и странномъ сравненіи, но спрашиваемъ каждаго: можетъ ли шести-лѣтній ребенокъ задавать себѣ подобныя вопросы?

Въ этомъ номерѣ Отечественныхъ Записокъ оканчивается Холодный

домъ и продолжаются Перелетныя Птицы. О томъ и о другомъ романѣ мы еще будемъ говорить, хотя сознаемся заранѣе, что первый намъ не очень нравится, а второй очень не нравится. Перелетныя Птицы слабѣйшее произведеніе г. Михайлова. До сихъ поръ это только описаніе представленій Русалки и Гамлета и знакомство съ остатками труппы Орманскихъ (смотри «Мертвое Озеро») Романъ Диккенса, какъ кажется намъ, произвелъ слѣдующее вредное вліяніе на нашу литературу: у насъ вошло въ моду растягивать крошечное дѣйствіе, повторяться, искать и выставлять чудаковъ и оригиналовъ. Подражаніе въ этомъ случаѣ можетъ быть губительно. Жарндисъ толкуетъ у Диккенса о «восточномъ вѣтрѣ» и вліяніи имъ производимомъ, и какая-то барыня въ повѣсти г. Тулубева «Леночка», все жалуется, что она, «болящая.» Нѣтъ конца закоулкамъ лондонской оберъ-канцеляріи, и нѣтъ конца приколачиванію декораций въ Перелетныхъ Птицахъ. Диккенсъ любитъ говорить о дѣйствительности, часто очень положительной, слогомъ фантастическихъ сказокъ, и господинъ В. Глинка пишетъ въ «Заднѣпровскихъ сценахъ», что у Анны Григорьевны сердце забилось предчувствіемъ, а между тѣмъ зашѣлъ пѣтухъ, «старикъ и старуха съ необыкновенными бородавками сходились на улицѣ.» Можно дойти до крайности подражанія. Между тѣмъ какъ одни будутъ идеализировать истину, доводить идею до послѣдней степени развитія, другіе начнутъ реализировать поэзію, бросаясь въ реализмъ Теккерей. Надъ Февалемъ, ультра-реалистомъ покрайней мѣрѣ смѣются, но Теккерей — современный романистъ, какъ пишутъ даже на оберткахъ журналовъ. Пусть будетъ «истина въ наукѣ, истина въ искусствѣ, истина въ жизни», но вѣдь истина не состоитъ въ томъ только, что мы пьемъ, ѣдимъ, двигаемся съ мѣста на мѣсто; этого не стоить описывать, это и такъ надоѣло. Конечно, трудно найти на чемъ остановиться, чтобъ было и истинно и не скучно, но искать этого все-таки необходимо.

Намъ остается еще поговорить о ноябрьской книгѣ Современника. Она начинается отихотвореніемъ г. Некрасова: «Въ деревнѣ.» Поэтъ описываетъ картину ненастнаго вечера, вороны облѣпили плетни и избы, у колодца сошлись двѣ старушонки; одна рассказываетъ смерть своего сына, котораго одолѣлъ медвѣдь.

Вѣтеръ шатаетъ избенку убогую,
 Весь развалился овинъ...
 Словно шальная пошла я дорогою:
 Не попадется ли сынъ?
 Взялъ бы топорикъ: бѣда поправимая,
 Мать бы утѣшилъ свою...

Умеръ, Касьяновна, умеръ, родимая!
 Надоль?... Топоръ продаю.
 Кто приголубить старуху безродную?
 Вся обнищала въ конецъ!
 Въ осень ненастную въ зиму холодную
 Кто припасетъ мнѣ дровецъ...
 Кто, какъ доносится теплая шубушка,
 Зайчиковъ новыхъ набьетъ?
 Умеръ, Касьяновна, умеръ, голубушка!
 Даромъ ружье пропадетъ.

Эти жалобы опротоѣлой старухи полны чувства и поэзіи; стихотвореніе оканчивается отлетомъ несмѣтнаго числа воронъ, черною сѣткою скрывшихъ отъ глазъ небо. Стихотвореніе г. Полонскаго «Рыцарская ошибка» написано звучными стихами, но мы рѣшительно не понимаемъ содержанія. Что же касается до стихотворенія г. Фета. «Подъ липой, то мы рѣшительно не понимаемъ, какъ могъ нашъ даровитый поэтъ написать такое произведеніе, которое останавливаетъ съ первой строфы самымъ непріятнымъ образомъ. Можно ли, употреблать такія неосмотрительныя выраженія, какими начинается стихотвореніе:

Какъ здѣсь свѣжо подъ липою густою,
 Полдневный зной сюда не проникалъ, и т. д.

Въ Отдѣлѣ Словесности помѣщенъ разсказъ г. Панаева: «Опытъ о хлыщахъ» — Великосвѣтскій хлыщъ. Давно уже эти хлыщи были общаны читателямъ Современника, которые, послѣ долгаго ожиданія, могутъ наконецъ насладиться чтеніемъ этого многозначительнаго произведенія. Не скажемъ, впрочемъ, чтобъ разсказъ былъ сухъ и незанимателенъ; напротивъ, въ немъ много вѣрно схваченныхъ лицъ и сценъ, и читается онъ вообще очень легко. Степень дарованія г. Панаева давно извѣстна: онъ прекрасно рисуетъ нѣкоторые типы средняго общества, хвастуновъ, франтовъ, гулякъ, мелкихъ мошенниковъ. Первая глава его новаго разсказа носитъ названіе: «Дагеротипъ съ артистическаго семейства.» Этимъ авторъ самъ опредѣляетъ свое значеніе: всѣ его лица и происшествія болѣе ничего какъ дагеротипы, и въ вѣрномъ сниманіи этихъ дагеротиповъ заключается все его достоинство. Съ его героями и героинями, мы какъ будто когда-то встрѣчались, гдѣ-то видѣли ихъ; въ изображеніи ихъ кажется гораздо болѣе участвовала память, нежели воображеніе автора, который, однакоже, не довольствовался никогда ролью скромнаго фотографа, списывателя портретовъ съ чертами рѣзкими, удобно воспроизводимыми даже при поверхностномъ наблюденіи: ему хотѣлось, напротивъ, всегда прослыть тонкимъ наблюдателемъ, разоблачающимъ самыя сокровенныя стороны типическихъ характеровъ,

подвергающимъ ихъ самому глубокому анализу, строгимъ обличителемъ тайныхъ чувствъ и поступковъ, чѣмъ-то въ родѣ Ювенала, пополамъ со Стерномъ. Само собою разумѣется, что это никогда не удавалось ему, потому что онъ способенъ замѣчать только яркіе недостатки, бросающіеся въ глаза, чуть не физическіе, почти карикатуры, и никогда не создавалъ ни одного характера, который отличался бы тонкимъ анализомъ оттѣнковъ чувствъ. Поверхностныя наблюденія автора ограничиваются едва ли не одними наружными особенностями. Въ его повѣстяхъ дѣйствуютъ вездѣ почти однѣ и тѣже лица: львы средняго круга, фанфароны, эксцентрическія барышни и дамы, кутилы, мелкіе литераторы, хвастуны всѣхъ возрастовъ и званій. Его *хлыща*, барона Щелканова, мы видѣли не разъ въ немного измѣненномъ видѣ и въ другихъ повѣстяхъ: Львахъ въ провинціи, Онагрѣ, Актеонѣ. Будучи не въ силахъ создать новый типъ, г. Панаевъ создаетъ по крайней мѣрѣ новое слово. Что такое *хлыщъ*? Это тотъ же снобъ, фанфаронъ, фатъ, хвастунъ, живущій на счетъ другихъ, промотавшій все для того, чтобъ казаться чело-вѣкомъ съ состояніемъ, жертвующій всѣмъ, чтобъ казаться чело-вѣкомъ со связями, смѣсь Вихляева и героя Львовъ въ провинціи, точно также наружнымъ блескомъ обольщающій бѣдную дѣвушку, Наденьку, которая очень похожа на Катеньку, какъ господинъ съ злымъ языкомъ похожъ на господина съ неуловимыми глазками, какъ очень многія лица Хлыща похожи на очень многіхъ лицъ львовъ въ провинціи. Къ чему же было изобрѣтать новое слово для означенія такого стараго типа? Зачѣмъ тутъ *хлыщъ*? Отчего онъ напримѣръ не *свищъ*? Последнее слово уже существуетъ въ языкѣ, и очень хорошо подходитъ къ такимъ людямъ, которыхъ надо раскусить, чтобъ убѣдиться въ ихъ пустотѣ. Вообще, еслибъ у г. Панаева было меньше претензій на изобрѣтательность и оригинальность, онъ могъ бы занять видное мѣсто въ ряду нашихъ второклассныхъ писателей.

Два разсказа Дугласа Джерольда: «Бернеби Пальмсъ» и Адамъ Буффъ, помѣщенные въ отдѣлѣ Иностранной Словесности, очень слабы. Первый—порядочный мошенникъ, сломившій себѣ шею въ день свадьбы по расчету, нисколько не интересенъ, также какъ и второй, позволяющій побить себя извоцику, облить водою, укусить собакъ и спокойно переносящій все это потому, что снявъ пальто для боксирования, высушенія его и осмотра своей спины, онъ обнаружилъ бы, что у него вѣтъ рубашки. Все это можетъ быть остроумно на англійскомъ языкѣ, но чрезвычайно скучно на русскомъ.

Г. Шпилевскій продолжаетъ и въ этой книжкѣ свое путешествіе по польсью и Бѣлорусскому краю. Въ критической статьѣ, разбирающей «Пѣсни

разныхъ народовъ» г. Берга, высказывается справедливая хотя и не новая мысль о томъ, что народная поэзія не можетъ процвѣтать въ эпоху, когда нація начинаегь жить обще человѣческою, цивилизованною жизнью. Есть однакоже въ ней и такія мысли, съ которыми нельзя согласиться. «Варвары всё сходны между собою» говоритъ критикъ; нисколько, скажемъ мы. Гунны, Готы и Франки нисколько не походили другъ на друга. «Рабеле, Корнель и Мольеръ чистые французы.» Рабеле такъ, а на первыхъ произведеніяхъ Мольера ясно отражается вліяніе итальянскихъ арлекиновъ, также какъ почти на всѣхъ произведеніяхъ Корнеля, вліяніе испанской комедіи плаща и шпаги. Также: сказать, что современная германская литература загромождена только переводомъ романовъ Дюма, значить незнать вовсе исторіи этой словесности, по одной отрасли которой — поэзіи, мы могли бы назвать много извѣстныхъ современныхъ именъ. Есть и другія невѣрности и недосмотры, но вообще статья хороша. Въ Библиографіи вѣрно одѣненъ Манцони и его романъ «Обрученные,» но рецензентъ напрасно распространяется о такихъ произведеніяхъ какъ Каританъ.

Въ Смѣси любопытны: окончаніе статьи «Десять лѣтъ на Кавказѣ» и «Преданія объ Александрѣ Великомъ у восточныхъ народовъ». «Нью-Йоркъ, его отели и учрежденія» не заключаетъ въ себѣ ровно ничего новаго.

Новый поэтъ въ своихъ замѣткахъ справедливо оуждаегь повѣсть «Леночку», но также совершенно напрасно разбираегь ее такъ подробно. Замѣчаніе его о томъ, что пора перестать журналамъ давать модныя картинки, весьма справедливо. Иностранныя извѣстія не полны, но разнообразны. Въ отдѣлѣ Петербургскихъ новостей любопытно весьма остроумное, но чрезвычайно многословное письмо г-жи Павловой къ г. Панаеву, по поводу разбора ея поэмы «Разговоръ въ Кремлѣ» и отвѣтъ г. Панаева, защищающагося не весьма удачно отъ учтивыхъ, но все таки непріятныхъ, потому что справедливыхъ, замѣчаній, и между прочимъ утверждающаго слѣдующее: «подъ всеми статьями, которыя я писалъ и печаталъ, я постоянно выставялъ мое имя en toute lettre» (sic!) Эти слова намъ было очень странно встрѣтить послѣ того какъ г. Панаевъ объявилъ самъ, что онъ и Новый Поэтъ одно и тоже лице.

Еще страннѣе письмо господина Лонгинова все о томъ же стихотвореніи *Разлука*, о которомъ мы уже упоминали два раза, отвѣчая г. Лонгинову на его первое письмо и говоря, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало печатать этого плохаго стихотворенія, если оно даже и принадлежитъ Лермонтову. Почти сознавшись, что стихи эти дѣйствительно плохи, г. Лонгиновъ сознаегься теперъ, что они не только не

Лермонтовскіе, но даже были напечатаны уже въ 1845 году и прибавляетъ, что «по нѣкоторымъ уважительнымъ лично для него причинамъ, онъ не можетъ входить въ подробности объ обстоятельствахъ, несомнѣнно убѣдившихъ его, что пьеса принадлежитъ Лермонтову». Недумаемъ, чтобъ редакція «Современника» была довольна подобнымъ не совсемъ яснымъ объясненіемъ. Она, конечно, могла повѣрить на слово своему сотруднику, но намъ кажется, что именно эта довѣренность и должна была бы заставить сотрудника быть осторожнѣе въ прискиваніи стихотвореній, принадлежащихъ будто бы покойному поэту, и которые самый эстетическій вкусъ заставлялъ прямо признавать подложными или, во всякомъ случаѣ, не стоящими печати, не смотря ни на какія «лично уважительныя причины» къ помѣщенію ихъ. Думаемъ, что этотъ маленькій урокъ заставить «Современникъ» быть не такъ довѣрчивымъ къ охотникамъ находить непечатныя произведенія умершихъ знаменитостей между альманахами, издаваемыми живыми писателями.

Въ Литературномъ Ералашѣ помѣщены «Признанія труженника», которыя мѣстами могли бы заставить улыбнуться, еслибъ небыли утомительно длинны и не переполнены выраженіями въ родѣ слѣдующихъ:

Еслибъ въ брюхо и попало дышло.
Чай насквозь оно бы вѣдь не вышло.
Я грибомъ чуть-чуть ни подавился,
Да сосѣдь, спасибо, умудрился,
Тумака такого дадь, что грибокъ
Вылетѣлъ и къ потолку прилипъ.
Пуговица звонко отскочила
И легко кому-то глазъ подбила.

Если все это «Современникъ» считаетъ остроумнымъ, то мы желаемъ ему восхищаться отъ всей души подобными картинками. Охотниковъ раздѣлять его удовольствіе найдется, вѣрно, не много.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Неожиданный зимній фланёръ на петербургскихъ улицахъ и печальныя послѣдствія его ночныхъ походовъ.—Примѣры укрощенія дикихъ звѣрей и прирученіе ихъ къ домашнему быту у древнихъ народовъ.—Отправленіе изъ Петербурга въ Крымъ сестеръ попеченія о раненыхъ и ихъ обязанности.—Второе отправленіе въ Крымъ сердобольныхъ вдовъ петербургскаго и московскаго вдовьихъ домовъ.—**МУЗЫКА**: Русская опера за границей.—Г. Рубинштейнъ въ Веймарѣ.—Новыя изобрѣтенія въ музыкальномъ мірѣ.—Новозобрѣтенный механизмъ фортепьянъ;—**ЛИТЕРАТУРА**: Новое изданіе сочиненій А. С. Пушкина и А. С. Норова.—Открытіе мѣста родины Чингисъ-Хана.—Пятидесятилѣтній юбилей литературнаго поприща Н. И. Греча.—Зимнія петербургскія развлеченія въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ.—**ТЕАТРЫ**: Дебютъ г. Шемаева въ комедіи «Горе отъ ума» и въ комедіи «Въ людяхъ ангель не жена».—Г. Степановъ въ роли Нино, въ драмѣ «Уголино».—Бенефисъ г. Каратыгина драма «Долгъ, честь и совѣсть» г. Деметьева; г-жи Орловой, комедія «Окопировался» И. И. Лажечникова.—Дебюты на французской сценѣ Фелиціи Тетаръ и г. Лемениля-сына.—Новая соперница цвѣтка victoria regia, въ Гентѣ.—Бобровая промышленность въ русскихъ губерніяхъ.—Художественныя новости: литографическое изданіе произведеній покойнаго академика Ѳедотова.—Замѣчательныя гипсовые слѣпки.—Нѣчто о путешествіи русскихъ художниковъ за границей.—Англискіе плѣнные въ Россіи.—Краткая исторія головной прически и париковъ.—Моды въ Петербургѣ.

Встаётъ зима во мглѣ холодной,
 На нивахъ шумъ работъ умолкъ,
 Съ своей волчихою голодной
 Выходитъ на дорогу волкъ...

Эта строфа А. С. Пушкина неволью пришла намъ на память, когда мы начинали фельетонъ нашъ извѣщеніемъ нашихъ иногородныхъ подписчиковъ, что у насъ давно уже наступила постоянная зима, что Нева окована льдомъ, и солнечная сторона Невскаго проспекта, по обыкновенію, начала наполняться густою толпой гуляющихъ, и пр. и пр. эта строфа, повторимъ, вспомнилась намъ при мысли, что мы нынче должны начать наши строки повѣствованіемъ о событіи, совершенно неожиданномъ и поразившемъ всѣхъ петербургскихъ жителей удивленіемъ. Странное и неожиданное происшествіе это было ни больше, ни меньше какъ появленіе на петербургскихъ улицахъ волка, неизвѣстно откуда появившагося. Вѣроятно однако, что онъ пробѣжалъ, покрайней мѣрѣ, пространство пятидесяти верстъ, когда 7 ноября, въ Воскресенье, около пяти часовъ утра появился на Васильевскомъ острову, на Тучковомъ мосту, гдѣ первую жертвою его злобы сдѣлался крестьянинъ. Звѣрь, нанеся ему легкую рану, побѣжалъ потомъ на невскую набережную, прямо съ нея на Сергіевскую улицу, Воскресенскій проспектъ, потомъ опять обратно на Сергіевскую и наконецъ на Пески, гдѣ въ семь часовъ утра благополучно убитъ крестьянами Государственныхъ Имуществъ.

Жертвами его звѣрства сдѣлались, къ несчастію, тридцать восемь человѣкъ, изъ которыхъ, впрочемъ, къ счастію оказалось очень мало тяжело раненыхъ, и всѣ они отправлены тотчасъ же въ больницы и поручены самымъ неуспыннымъ попеченіямъ опытѣйшихъ петербургскихъ врачей. Остается и досихъ поръ удивительною загадкой, почему умъ человѣческой, подчинившій себѣ и сушу и море, съ кораблями и паровозами, восторжествовавшій надъ пространствомъ и временемъ, не можетъ, въ теченіе столькихъ вѣковъ, хоть сколько нибудь имѣть вліяніе на звѣрей и сдѣлать натуру ихъ не столь кровожадною и дикою, особенно тѣхъ звѣрей, съ которыми больше всего случается имѣть столкновеніе и которые болѣе общи. Волкъ, принадлежащій къ породѣ собакъ, кажется долженъ быть укрощенъ скорѣе всѣхъ прочихъ дикихъ животныхъ, а между тѣмъ выходитъ совершенно наоборотъ. Не смотря на увѣренія нѣкоторыхъ, утверждающихъ, какъ очевидцы, будто многіе польскіе богатые помѣщики имѣютъ при своихъ псарняхъ усмиранныхъ волковъ, употребляемыхъ вмѣсто собакъ при волчьей охотѣ, не показывая полнаго сомнѣнія, можно кажется больше вѣрить пословицѣ: какъ волка ни корми, а онъ все глядитъ въ лѣсъ. А между тѣмъ исторія говоритъ намъ о многихъ примѣрахъ укрощенія звѣрей.

Изъ всѣхъ народовъ, существовавшихъ въ древности, Римляне довели до наибольшей степени совершенства искусство воспитанія животныхъ, впрочемъ, не тѣхъ полезныхъ породъ, умноженіе и усовершенствованіе которыхъ могло бы дѣйствовать на успѣхи земледѣлія или вообще промышленности. Въ концѣ республики и подъ правленіемъ Императоровъ, всѣ ихъ усилія были устремлены на породы, служившія къ забавѣ на играхъ въ циркѣ, или удовлетворявшія прихотямъ римскихъ гастрономовъ. То, что сдѣлано ими въ первомъ отношеніи, и донныи насъ удивляетъ. Въ послѣднія столѣтія, консулы и эдилы часто потѣшали народъ отвратительнымъ зрѣлищемъ рѣзни множества рѣдкихъ звѣрей. Когда дошли до того, что, при торжественныхъ случаяхъ, какъ, на примѣръ, при открытіи Помпеева театра (въ 55 году), могли быть убиваемы сотни пантеръ и львовъ, надлежало подумать о доставленіи народу новаго удовольствія: ему стали показывать звѣрей обученныхъ. Монтанъ приводитъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ зрѣлищъ: «Маркъ Антоній первый въѣхалъ въ Римъ на колесницѣ, запряженной львами. Геліогобаль сдѣлалъ тоже самое, когда представлялъ Цибеллу; онъ ѣздилъ также на тиграхъ, подражая Бахусу; иногда запрягалъ въ свою колесницу двухъ оленей, а въ другой разъ четырехъ собакъ. Колесница императора Фирма была влекома огромными страусами, такъ, что казалось, болѣе летѣла, нежели катилась. Подобныя за-

пряжки случаются и въ наше время. Весь Парижъ видѣлъ однажды одного укротителя звѣрей, котораго возили на колесницѣ по сценѣ два льва. Но увидимъ ли мы когда нибудь слѣдующую диковинку, неоднократно тѣшившую римлянъ, именно: слоновъ, пляшущихъ на канатѣ? По повелѣнію Германика, говоритъ Пуше въ любопытномъ разсужденіи объ этихъ животныхъ (*Zoologie classique*), были показываемы пляшущіе слоны; но Римляне тѣмъ не удовольствовались. По страсти своей къ пляскѣ на канатѣ, они вознамѣрились обучить этому искусству и неуклюжихъ слоновъ. Имъ овладѣло общее изумленіе, когда при играхъ, данныхъ Нерономъ въ честь Агриппины, они дѣйствительно увидѣли слоновъ, плясавшихъ на туго натянутомъ канатѣ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ Діонъ Кассій, Плиній, Светоній. Искусство укрощать дикихъ звѣрей, замѣчаетъ Кювье (*Histoire des sciences naturelles*), было столько же усовершенствовано, какъ и искусство ловить ихъ. Въ триумфальномъ шествіи Германика, видѣли слоновъ, выученныхъ плясать на канатѣ. Позже, при Гальбѣ, слонъ, на которомъ сидѣлъ римскій всадникъ, прошелъ по натянутому канату до верхней части театра. Кювье прибавляетъ, что такіе слоны рождались въ неволѣ, заключая такъ по одному мѣсту Эліана, который весьма подробно описываетъ подобныя зрѣлища въ Римѣ. На ряду съ такимъ замѣчательнымъ искусствомъ, образовалось у римлянъ искусство откармливать животныхъ. Они откармливали и множество птицъ, нынѣ уже не откармливаемыхъ. *Clausae pascuntur anates, querquedulae, boscides, phalerides similesque volucres, quae stagna et paludes rimantur.* (Откармливались взаперти разнаго рода утки, лысухи и тому подобныя озерныя и болотныя птицы), говоритъ Колумелла въ своемъ сочиненіи «*De re rustica*». Откармливали зайцевъ, полевыхъ крысъ, павлиновъ, журавлей, а въ просторныхъ изгородахъ кабановъ, оленей, косулей и пріучали ихъ выходить по звуку трубы. Дѣтеныши также откармливались. Дюро де-ла-Маль собралъ, въ своей *Economie politique des romains*, много примѣровъ откармливанія даже улитокъ. Рыболовство было доведено до такой степени совершенства, котораго мы далеко еще не достигли. Одна порода рыбъ была пересажена изъ Греческаго моря въ Тосканское, и тамъ размножилась. Рыбные пруды были не только изъ прѣсной, но и изъ соленой воды. Одинъ писатель разсказываетъ, что Лукуллъ, для устройства рыбнаго пруда, приказалъ прорѣзать гору, и за это Помпей назвалъ его *Hexhes togatus*. Въ такихъ прудахъ разводили необычайное множество самыхъ разнообразныхъ рыбъ. Наконецъ, по словамъ Варрона, было въ употребленіи и искусственное оплодотвореніе рыбъ, распространенное даже на нѣкоторыхъ моллюсковъ. Слѣдовательно все, что дѣ-

лается нынѣ въ этомъ отношеніи, существовало и у Римлянъ, а во многомъ мы еще не дошли до того, до чего достигли они за двадцать вѣковъ предъ симъ. Правда, что еще не очень давно въ однихъ американскихъ газетахъ писано, будто-бы кому-то, въ Нью-Йоркѣ, удалось сдѣлать рѣчнымъ крокодила, такъ, что онъ разгуливаетъ по двору, между домашними животными, не обличая нисколько своихъ кровожадныхъ наклонностей; правда, что и мы имѣемъ случай тоже дивиться въ звѣринцѣ Зама, какъ огромный левъ, Самсонъ, позволяетъ свободно входить къ себѣ въ клѣтку и ворочать себя, какъ угодно; а также были свидѣтелями, какъ красивый леопардъ, будто домашняя кошка, ластится и изгибается въ самыхъ граціозныхъ движеніяхъ, подъ ласкающею его рукою, и наконецъ, сама кровожадная гіена прячется въ уголь отъ приближенія челоуѣка, но все эти звѣри въ неволѣ, и имъ показывается инстинктъ, что ихъ ярость и злоба—ничто за желѣзными толстыми рѣшетками. Но довольно, оставимъ звѣрей и обратимся къ перечню происшествій нашей обыкновенной, будничной жизни.

6 ноября, въ обычный часъ отправленія паровыхъ вагоновъ, около дебаркадера Московско-Петербургской дороги было болѣе, чѣмъ обыкновенное число провожавшихъ. Множество пѣшеходовъ и многочисленныя экипажи очень затрудняли проходъ и проѣздъ пассажирамъ, сдѣшавшимъ, чтобъ не опоздать къ урочной минутѣ перваго звонка. На лицахъ всѣхъ присутствовавшихъ было написано какое-то нетерпѣніе и умилительное внутреннее чувство. Мы сейчасъ объяснимъ настоящую причину такого необыкновеннаго стеченія петербургскихъ жителей всѣхъ сословій. Въ этотъ день были отправлены изъ Санкт-Петербурга по желѣзной дорогѣ, чрезъ Москву, въ Крымъ—«Сестры попеченія о раненыхъ и больныхъ» въ военныхъ госпиталяхъ, принадлежащія къ *Общинѣ Воздвиженія Животворящаго Креста*, учрежденной, съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія, подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой княгини Елены Павловны. Это первое отдѣленіе состоитъ изъ тридцати одной Сестры; онѣ ввѣрены непосредственному надзору особой начальницы и, на иждивеніи Ея Высочества, обеспечены всемъ нужнымъ для ихъ содержанія, какъ во время пути, такъ и во время пребыванія ихъ въ Крыму и другихъ мѣстахъ военныхъ дѣйствій, какъ-то: платьемъ, бѣльемъ, обувью, шубами и пособіями раненымъ—корпіею, бинтами и прочимъ. При этомъ отдѣленіи находится и особый священникъ, Іеромонахъ Аeonской горы, отецъ Веніаминъ, недавно прибывшій въ Петербургъ изъ Іерусалима; онѣ прибудутъ на мѣсто назначенія почти въ одно время съ врачами, приглашенными для содѣйствія знаменитому нашему хирургу

Пирогову, уже отправившемуся въ Крымъ. Цѣль Крестовоздвиженской Общины Сестеръ Попеченія о раненыхъ и больныхъ, опредѣляется самимъ ея названіемъ. Большая часть отправившихся подъ начальствомъ Александры Петровны Стаховичъ, вдовы русскаго воина и женщины всѣми уважаемой, получили хорошее воспитаніе и принадлежать къ дворянскому сословію. Сестры Попеченія избираются изъ челоуѣколюбивыхъ, извѣстныхъ своимъ поведеніемъ и добросовѣтностью женщинъ, русскихъ подданныхъ всѣхъ свободныхъ состояній и преимущественно имѣвшихъ уже случай ходить за больными. Онѣ принимаютъ на себя обязанность находиться при раненыхъ и больныхъ и служить имъ во имя Христова, съ полнымъ личнымъ самоотверженіемъ и пещись о нихъ, какъ о *ближайшихъ своихъ родственникахъ*. Поступленіе въ число сестеръ обязательно на одинъ годъ. Оно предписываетъ имѣть непоколебимую рѣшимость переносить съ христіанскимъ смиреніемъ всѣ трудности принимаемыхъ обязанностей. Изъявившія желаніе поступить въ Сестры Попеченія отправляются, на первый разъ въ Крымъ и распредѣляются въ тамошніе госпитали. Затѣмъ, по усмотрѣнію начальства, онѣ могутъ быть назначаемы и въ другія мѣста, согласно военнымъ потребностямъ. Передъ отъѣздомъ, Сестры Попеченія, начиная свое трудное служеніе, были, по православному обычаю, у исповѣди и у св. причастія, предъ которымъ онѣ произнесли клятвенное обѣщаніе свято исполнять свое призваніе и постоянно хранить въ памяти данный обѣтъ: *посвятить все свои силы на богоугодное служеніе раненымъ и больнымъ съ полнымъ самоотверженіемъ и искреннимъ милосердіемъ къ страждущимъ*. По окончаніи литургіи и молебствія, въ присутствіи Высокой своей Покровительницы, сестры были наутетвуемы благословеніемъ Протоірея Михайловскаго Дворца, и отправились на служеніе Христова, сопровождаемы молитвами всѣхъ присутствующихъ и полная единодушнаго желанія облегчать страданія больныхъ христіанскимъ утѣшеніемъ и молитвою, а также, по вмѣненному имъ въ долгъ, (параграфомъ 7-мъ Высочайше утвержденныхъ постановленій) правилу, *выслушивать просьбы и послѣднія желанія умирающихъ и доводить ихъ немедленно до свѣдѣнія главной начальницы*, которая, по 4 параграфу тѣхъ же постановленій *есть для нихъ ближайшая мать, а онѣ суть для нея дочери*. Что можетъ быть поучительнѣе и трогательнѣе этого священнаго долга, въ которомъ благочестивыя сестры замѣняютъ предъ страдальческимъ изголовьемъ храбрымъ защитникамъ отечества и сестеръ, и матерей, и нѣжно любящихъ. Коммерціи совѣтникъ г. Харичковъ, движимый желаніемъ содѣйствовать по возможности общепользному, челоуѣколюбивому дѣлу

непросилъ дозволеніе доставить Сестеръ Печенія до Москвы на свой счетъ, въ особенномъ вагонѣ. Излишнимъ будетъ добавлять съ какимъ глубокимъ сердечнымъ напутствіемъ провожали этихъ женщинъ представители почти всѣхъ сословій Петербургскаго населенія и съ какимъ молитвеннымъ говоромъ и почтеніемъ окружала ихъ до послѣдней минуты многочисленная толпа.

Тринадцатаго ноября отправились изъ Петербурга въ Крымъ, черезъ Москву, сердолобивыя вдовы здѣшняго вдовьяго дома, которыя соединясь съ сердолобивыми Московскими вдовами, отправятся на мѣсто военныхъ дѣйствій для ухода въ военныхъ госпиталѣхъ за больными и ранеными. Петербургскіе жители проводили ихъ съ такимъ же искреннимъ желаніемъ и чувствомъ, какъ и первыхъ, а сколько еще предстоитъ намъ увидѣть новыхъ подобныхъ поѣздовъ; потому что Россія для добрыхъ и благотворительныхъ подвиговъ никогда не бывала скудна охотниками.

Въ одномъ изъ предшествовавшихъ фельетоновъ нашего журнала, мы уже извѣщали читателей о пребываніи нашего молодого петербургскаго виртуоза г. Рубинштейна за границую, въ Веймарѣ, объ успѣхахъ его и о томъ, что въ этомъ городѣ приготовляются поставить на сцену новую его оперу «Сибирскіе Охотники», либрето которой, написанное по-русски г. Жеребцовымъ, переведено на итальянскій языкъ. Управленіе оркестромъ при исполненіи этой новой оперы г. Рубинштейна, принявъ на себя знаменитый фортепьянистъ Листъ. Представленіе оперы совершилось въ торжественный день празднованія пятидесяти-лѣтняго юбилея Ея Императорскаго и Королевскаго Высочества, вдовствующей Великой Герцогини Саксенъ-Веймарской и, основываясь на извѣщеніи нѣмецкихъ газетъ, было принято публикой съ большимъ одобреніемъ. Нельзя не пожелать дальнѣйшихъ успѣховъ нашимъ русскимъ музыкальнымъ произведеніямъ, съ которыми Европа уже знакома по превосходнымъ композиціямъ М. И. Глинки.

Инструментъ, на которомъ такъ превосходно играетъ г. Рубинштейнъ и сочиняетъ такъ удачно свои музыкальныя произведенія—фортепьяно, и потому скажемъ нѣсколько словъ о новомъ усовершенствованіи этого общепотребительнаго и почти, такъ сказать, популярнаго инструмента, которому до сихъ поръ, для полнаго его превосходства не доставало только сочетанія музыкальныхъ нотъ и протяжныхъ звуковъ (*sons tenus*), какими обладаютъ, напримѣръ, органъ и фисъ-гармоника. Эти протяжные звуки напрасно до сихъ поръ надѣялись воспроизвести всѣ самые искуснѣйшіе французскіе, англійскіе и нѣмецкіе инструментальные мастера. Иностранныя газеты очень недавно извѣщаютъ, что теперь этотъ недостатокъ фортепьянъ совершенно устраненъ новымъ изобрѣтеніемъ г.

Александра, фабриканта мелодическихъ органовъ (*orgue-melodium*), бывшаго когда-то и у насъ въ Россіи. Онъ достигъ наконецъ до протяженія музыкальнаго звука, и механизмъ его оригинальнаго инструмента, испытанный знатоками въ первый разъ въ Парижѣ, еще въ прошломъ году, оказался совершенно удовлетворительнымъ. Всѣ единодушно утверждаютъ, что инструментъ Александра произведетъ рѣшительный и совершенно неожиданный переворотъ въ фортепянной игрѣ, и образуетъ, со дня своего введенія, новый періодъ въ исторіи музыки. Тайна новаго устройства механизма г. Александра заключается въ маленькомъ и недорогомъ снарядѣ, который можно примѣнить къ фортепянамъ какой угодно фабрики и всякой величины, и потому самъ изобрѣтатель не дѣлаетъ фортепянь и роялей, а беретъ для усовершенствованія уже готовые. Снарядъ его состоитъ изъ прямыхъ, обыкновенныхъ трубочекъ разной величины, на которыя дѣйствуютъ педалью, нажимая ее легонько послѣ каждаго пятнадцати или тридцати тактовъ. Къ трубочкамъ этимъ присоединяются еще два поперечные бруска, которые выступаютъ выпукло подъ клавиатурой и находятся въ одной равной линіи съ колѣнами играющаго. При нажиманіи правой, лѣвой, или обѣихъ сторонъ, педаль, подвижной снаряда этотъ дѣйствуетъ на басъ, дискантъ или наконецъ на всю длину клавиатуры и, способствуя протяженію звука (*prolongation du son*), нисколько не искажаетъ, не преобразуетъ и не пренятствуетъ тѣмъ условіямъ, которыя требуютъ, чтобъ вибрація фортепянныхъ нотъ была по прежнему округлена и отчетлива. Остановокъ въ игрѣ также никакихъ не бываетъ и сокращеніе, пріостановка, а также равно и усиленіе звука зависятъ отъ воли исполнителя, такъ, что онъ можетъ поддерживать по произволу самый сложный и разнообразный аккордъ, разложенный на арпеджіо по всему пространству клавиатуры, или переходить непрерывно изъ одной модуляціи въ другую, съ требуемою силой, самою строгою отчетливостью, нисколько не смѣшивая звуковъ. Фабрика этого новаго рода устройства фортепянь принимаетъ съ каждымъ днемъ все большіе и большіе размѣры, получаетъ со всѣхъ сторонъ многочисленные заказы, и теперь на ней работаютъ до ста искусныхъ работниковъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что фортепяно, усовершенствованное Александромъ, скоро появится и у насъ въ Петербургѣ, въ извѣстныхъ музыкальныхъ магазинахъ, и наши виртуозы сами будутъ имѣть случай убѣдиться въ истинѣ хвалебныхъ заграничныхъ извѣстій.

Мы можемъ также сообщить нашимъ читателямъ объ одной пріятной новости въ литературномъ нашемъ мірѣ. Не далѣе, какъ въ мартѣ будущаго года появится въ свѣтъ новое собраніе сочиненій А. С.

Пушкина, состоящее изъ шести или семи томовъ, смотря по тому, какъ будетъ удобнѣе размѣстить всѣ сочиненія покойнаго поэта въ хронологическомъ порядкѣ. Вѣсть объ этомъ новомъ изданіи тѣмъ болѣе отрадна, что прежняго изданія, далеко неполнаго, въ продажѣ *по обыкновенной цѣнѣ*, уже нѣтъ, и желающіе приобрести его, должны покупать у книжныхъ спекуляторовъ чуть ли не за баснословную цѣну, именно тридцать пять и сорокъ рублей серебромъ. Нынѣшній издатель, человекъ со вкусомъ и самъ литераторъ, г. Анненковъ, желая сдѣлать каждому доступнымъ знакомство съ произведеніями нашего знаменитаго поэта, назначилъ цѣну удивительно умѣренную, именно—съ біографіей и со всѣми другими приложениями *двѣнадцать* рублей серебромъ; съ пересылкою же въ другіе города *пятнадцать*. Изданіе это, провѣренное со всѣми прежними изданіями и подлинными рукописями покойнаго А. С. Пушкина, будетъ пополнено необходимыми примѣчаніями, подлинными рукописями, анекдотами и острыми словами поэта и новыми, еще ни гдѣ непечатанными стихотвореніями, отрытыми издателемъ въ бумагахъ покойнаго. Біографія А. С. будетъ самая подробная и пополненная матеріалами, для которыхъ служили его собственные бумаги, письма его къ друзьямъ и разнымъ лицамъ и записки о немъ роднаго брата его, Льва Сергѣевича и многихъ другихъ, очень близкихъ къ нему людей. Понимая всю важность предпринятаго труда, просвѣщенный и добросовѣстный издатель, желая подарить русскую публику изданіемъ полнымъ, отчетливымъ, строго-классическимъ, приложить почеркъ поэта, портретъ его и многіе рисунки, которые онъ иногда чертилъ на поляхъ своихъ рукописей. Кромѣ всего этого, въ составъ изданія войдутъ и всѣ тѣ сочиненія, которыя гдѣ либо были напечатаны послѣ выхода прежнихъ одиннадцати томовъ сочиненій Пушкина. Такого изданія вѣроятно вся просвѣщенная русская публика давно ожидала съ нетерпѣніемъ, и нѣтъ сомнѣнія, что всякій образованный человекъ поспѣшитъ подпискою своею способствовать такому прекрасному труду.

Другая, не менѣе замѣчательная новость въ нашей литературѣ, заключается въ Собраніи Путешествій А. С. Норова. Путешествія эти, вышедшія нынѣ въ трехъ томахъ въ форматѣ Смирдинскаго изданія Русскихъ авторовъ, уже давно приобрѣли себѣ у насъ громкую извѣстность и имѣютъ огромный кругъ своихъ читателей, тѣмъ болѣе, что кромѣ А. С. Норова и А. Н. Муравьева у насъ нѣтъ болѣе прекрасныхъ писателей въ этомъ родѣ литературы. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый, имѣющій у себя прочихъ нашихъ классиковъ, присоединитъ къ нимъ непременно и это классическое сочиненіе, полное самаго живаго интереса

и исторической истины, а это такія два достоинства, которыя можно лишь встрѣтить у весьма малаго числа писателей.

Къ этимъ двумъ замѣчательнымъ литературнымъ новостямъ мы можемъ еще присоединить одну чрезвычайно для всѣхъ любопытную историческую новость. Наконецъ отыскано мѣсто родины величайшаго завоевателя Чингисъ-Хана. Азіятскіе историки, восточные и западные, пишутъ, что онъ родился гдѣ-то въ вершинахъ рѣки Онона. По соображеніямъ выходитъ, что мѣсто рожденія Чингиса гдѣ нибудь внѣ предѣловъ нашихъ, въ Монголіи. Нынѣ ученый Монголь Доржи Банзаровъ, воспитывавшійся въ Казанскомъ университетѣ, послѣ многихъ разысканій и соображеній открылъ, что знаменитый этотъ завоеватель родился въ нашихъ предѣлахъ, на рѣкѣ Ононѣ, немного выше крѣпости Чинданта, на правомъ берегу, противъ селенія Ыхы-Аралъ, въ урочищѣ Дылюнь-Болдокъ.—Какую рекомендовать карту, гдѣ можно найти крѣпость Чинданта, не извѣстно, но только достоверно, что мѣсто родины Чингиса лежитъ около 50° сѣверной ширины и 132° долготы. Урочище, или улусъ Дылюнь-Болдокъ значитъ кочковатая мѣстность, а Ыхы-Аралъ большой островъ. Тутъ нѣтъ ничего достойнаго примѣчанія кромѣ важнаго историческаго воспоминанія. Всѣ Даурскія рѣки составляютъ какое-то дивное стремленіе образовать знаменитую рѣку Амуръ. Лишь спуститесь съ Яблоннаго хребта въ Даурію, тотчасъ представится рѣка Ингода. Гораздо правѣе отъ нея, къ югу, вытекаетъ изъ Монголіи рѣка Ононъ. Всѣ стремятся на востокъ, постепенно сближаясь, наконецъ сливаются и образуютъ рѣку Шильку. Быстро и самостоятельно течетъ новая рѣка, ничего не зная; между тѣмъ сирава, вдоль границы, крадется къ ней рѣка Аргунь. Рѣки эти сходятся на такъ называемой Стрѣлкѣ, сливаются тамъ въ однѣ воды и образуютъ извѣстную рѣку Амуръ.—Не будемъ здѣсь распространяться о данныхъ, по которымъ г. Баязаровъ опредѣлилъ тотъ улусъ, въ которомъ родился Темучжинъ; вѣроятно, скоро будетъ извѣстно о томъ ученому свѣту; скажемъ только, что находка эта драгоцѣнна: она разрѣшитъ много историческихъ вопросовъ. Отецъ Чингисъ-Хана былъ владѣлецъ, или тайша незначительнаго племени, по имени Монгола, кочевавшаго по рѣкѣ Онону и рѣчкамъ, въ нее впадающимъ. Сынъ его повелѣвалъ всею Монголією, сѣвернымъ Китаемъ, Тибетомъ, Персією, Грузією, Хивою, словомъ сказать почти цѣлою Азією. Темучжину было уже за пятьдесятъ лѣтъ, когда удачи въ мелкихъ нападеніяхъ и предвѣщаніе одного старца убѣдили его, что вселенная принадлежитъ ему. Тогда онъ перемѣнилъ имя Темучжина на Чингиса и сказалъ: «Я спалъ, и только теперь пробудился!» сказалъ и пошелъ вой-

ною на ближайшее къ владѣніямъ его племя. Это былъ гений воинскаго искусства. Наполеонъ пользовался уроками предшественниковъ, а Чингисъ находилъ средства въ своихъ способностяхъ. Войско его раздѣлено было на полки, сотни, пятидесятки и десятки; каждымъ отдѣломъ командовалъ особенный начальникъ, а всѣми одинъ. Заключимъ этотъ отдѣлъ нашего фельетона для всѣхъ интереснымъ извѣстіемъ, котораго полныя подробности мы не приминемъ сообщить нашимъ читателямъ въ свое время.

Государь Императоръ, въ милостивомъ вниманіи къ литературнымъ заслугамъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николая Ивановича Греча, Высочайше соизволилъ разрѣшить: отпраздновать пятидесятилѣтній юбилей полезной его дѣятельности и поднести ему, въ память этого случая, кубокъ или другую какую-либо вещь. Кому въ Россіи неизвѣстны заслуги Николая Ивановича! Посвятивъ себя, полвѣка тому назадъ, трудамъ на пользу русской словесности, и преимущественно на изслѣдованіе законовъ роднаго языка, онъ, на этомъ малообработанномъ поприщѣ, подвизался съ-тѣхъ-поръ неуклонно, и, конечно, былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ и счастливѣйшихъ дѣятелей. Изданныя имъ грамматики не мало способствовали правильному изученію нашего языка, какъ русскими, такъ и иностранцами. Въ послѣдствіи, принявъ на себя, въ эпоху отечественной войны, изданіе «Сына Отечества,» онъ былъ всегда вѣрнымъ органомъ тѣхъ высокихъ патріотическихкихъ чувствъ, коими, по справедливости, мы, Русскіе, можемъ гордиться. Вообще, всѣ сочиненія его, проникнутыя теплою любовью къ отечеству, стяжали ему уже давно право на уваженіе и благодарность. Празднованіе его юбилея назначено 27-го декабря. Желаютъ участвовать въ немъ своими приношеніями, какъ соотечественники, такъ и соотечественницы, приглашаются обращаться къ одному изъ лицъ, принявшихъ на себя званіе распорядителей юбилея, адмиралу Петру Ивановичу Рикорду, генералъ-адъютанту Якову Ивановичу Ростовцову и тайнымъ совѣтникамъ: Владиміру Ивановичу Панаеву, графу Федору Петровичу Толстому и Александру Максимовичу Княжевичу.

Посѣтители Александринскаго театра, 20 сего октября, видѣли въ извѣстной комедіи «Горе отъ ума» новаго дебютанта г. Шемаева, исполнявшаго трудную и оригинальную роль Фамусова. Грибоѣдовъ представилъ въ лицѣ Фамусова типъ стараго москвича, гордаго своими связями, вполне довольнаго, богатаго, а между тѣмъ сильно боящагося московскихъ пересудъ и сплетень. Не смотря на тщательное изученіе роли, на хорошую декламацию стиховъ, г. Шемаевъ не могъ между тѣмъ создать типа Фамусо-

ва такъ, какъ бы была отъ него вправѣ требовать строгая критика. Въ лицѣ его Фамусовъ Грибоѣдова не былъ такъ важенъ и такъ увѣренъ въ истинѣ высказанныхъ мнѣній, какъ бы это слѣдовало, и во многихъ мѣстахъ г. Шемаевъ придалъ стихамъ автора ошибочное выраженіе. Нисколько не отвергая дарованія этого молодого актера, которое просвѣчивалось въ продолженіе всей пьесы, мы только полагаемъ одно, что роль Фамусова ему не совсѣмъ по силамъ, и потребуетъ еще долгаго и старательнаго изученія. Прочія роли въ этой комедіи исполняли также новые для насъ въ ней артисты. Роль Хлестаковой играла въ первый разъ г-жа Линская, Наталья Дмитриевны Горичевой—г-жа Снѣткова, Лизы—г-жа Натарова, Молчалина—г. Жулевъ, Скалозуба—г. Васильевъ 2-й. Роль Лизы, въ которой отличалась г-жа Гринева и потомъ г-жа Шубертъ, была сыграна г-жею Натаровой очень удовлетворительно, это еще тѣмъ замѣчательнѣе, что г-жа Натарова только начинаетъ свое сценическое поприще. Г. Жулевъ въ роли Молчалина, былъ не такъ подобострастенъ какъ бы слѣдовало быть Молчалину. Легкая роль Скалозуба была исполнена очень хорошо г. Васильевымъ 2-мъ. Репетилова игралъ г. Сосницкій, изучившій эту роль подъ руководствомъ самаго Грибоѣдова, и такъ вѣрно передающій этотъ превосходный оригинальный типъ, что однажды какая-то дама не въ шутку замѣтила, что «актеру неприлично являться на сцену въ нетрезвомъ видѣ». Г. Максимовъ, въ роли Чацкаго, былъ не везлѣ ровенъ, а г. Каратыгинъ, по прежнему смѣшилъ въ роли Загорѣикаго. Г-жа Снѣткова сыграла роль Натальи Дмитриевны какъ-то блѣдно. Во второмъ своемъ дебютѣ, въ комедіи «Въ людяхъ ангелъ не жена, дома съ мужемъ—сатана», въ роли Ивана Кириловича Размазни, которую исполнялъ сперва г. Сосницкій, г. Шимаевъ былъ истинно прекрасенъ, игралъ вѣрно, естественно и съ замѣчательнымъ благородствомъ, нисколько не прибѣгая къ напраснымъ фарсамъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что молодой артистъ этотъ оправдаетъ своимъ стараніемъ тѣ надежды, которыя вправѣ возлагать на него петербургская публика, послѣ этого дебюта. Г. Шемаевъ родной племянникъ известнаго актера и пѣвца этого же имени, о которомъ вѣроятно еще очень хорошо помнятъ постоянные посѣтители нашей русской сцены. Въ этой же пьесѣ нельзя не отдать полной справедливости г-жѣ Славиной, въ первый разъ игравшей роль женщины-писательницы. Г-жа Линская играла въ этой пьесѣ роль Аграфены Терентьевны Трефкиной, но въ комедіи г-жа Линская не всегда бываетъ такъ хороша, какъ въ легкихъ водевиляхъ и шаржахъ. Упомянувъ о дебютѣ г. Шемаева, нельзя умолчать о томъ, что молодой актеръ Александринскаго театра г. Степановъ, игравшій до сихъ поръ только въ комедіяхъ и водевиляхъ роли молодыхъ людей, вы-

ступилъ недавно на новый драматическій путь. Онъ дебютировалъ въ драмѣ, въ извѣстной пьесѣ Н. А. Полеваго «Уголино», въ которой исполнялъ роль Нино. Признаемся, что мы съ какою-то недовѣрчивостью входили въ театръ, помня въ этой игрѣ, послѣ Каратыгина многихъ актеровъ, для которыхъ эта роль послужила камнемъ преткновенія, и сильно опасаясь за г. Степанова, удивлялись отчасти его самонадѣянности, и къ полному нашему удовольствію ошиблись. Г. Степановъ сыгралъ свою роль очень удовлетворительно, выказалъ много чувства и былъ нѣсколько разъ вызванъ. Обладая пріятною наружностью и усвоивъ себѣ благородныя манеры, г. Степановъ, продолжая изучать добросовѣстно свое искусство, можетъ пойти далеко и стать въ число лучшихъ нашихъ актеровъ, и это тѣмъ болѣе вѣрно, что онъ видимо совершенствуется. Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, въ бенефисѣ свой, г-жа Линская поставила новое оригинальное драматическое представленіе въ пяти дѣйствіяхъ и десяти картинахъ, сочиненное въ стихахъ г. Л. мѣ «Взятіе Казани». Сказать что нибудь слишкомъ много въ пользу этого драматическаго сочиненія нельзя: въ немъ много анахронизмовъ, нѣтъ правильности въ ходѣ дѣйствій, нѣтъ лицъ, на которыхъ бы могъ сосредоточиваться интересъ, и наконецъ нѣтъ главнаго героя, потому что имъ уже никакъ нельзя назвать плѣннаго боярина Артемьева (г. Степановъ) влюбленнаго въ дочь казанскаго муллы Кульшерифа (г-жа Читау) и любимаго ею взаимно. Эта вставленная для эффекта пружина пьесы не могла возбудить большаго сочувствія въ зрителяхъ. Однимъ словомъ, въ пьесѣ г. Л...а нельзя остановиться долго ни на одномъ дѣйствующемъ лицѣ; всѣ они являются на короткое время и исчезаютъ. Казанская царица Сумбека (г-жа Орлова) желавшая отравить одеждой, пропитанной ядомъ соперника своего Ших-Алея (г. Сосницкій) и самъ Ших-Алей скрываются отъ зрителей въ концѣ втораго дѣйствія; Иоаннъ IV, славный завоеватель Казани, который могъ бы по истинѣ быть героемъ этой драматической эпопеи, является лишь въ двухъ сценахъ. Прочія шесть картинъ остальныхъ трехъ дѣйствій наполнены осадой и взятіемъ города, и одними только объяснительными сценами, не придающими пьесѣ никакой полноты. Лица француза и нѣмца, служившихъ *яко бы* военачальниками въ войскѣ Иоанна IV, совершенно утрированы, и болѣе похожи на типы балаганнаго фарса. Характеръ муллы Кульшерифа, который умирая отъ раны, вдругъ отдаетъ руку дочери своей Селимы освобожденному изъ плѣна боярину Артемьеву, рѣшительно психически невозможенъ. А между тѣмъ пьеса эта возбудила къ себѣ живое сочувствіе зрителей, и Л...въ былъ единодушно вызванъ. Отчего же это, спросите вы, когда вся пьеса есть ни что иное какъ рядъ историческихъ фактовъ, изложенныхъ въ разговорахъ? Оттого

отвѣтимъ мы, что въ произведеніи этомъ, написанномъ хорошими плавными стихами, есть много намековъ на нынѣшнія событія, всѣхъ сильно интересующія, есть много русскаго задушевнаго чувства, есть искреннее и неподдѣльное выраженіе общей русской думы и любви къ отечеству. Многіе монологи истинно прѣкрасны и возбуждали громкія продолжительныя рукоплесканія, особенно монологъ Іоанна IV (г. Максимовъ) въ третьемъ дѣйствіи, когда на вопросъ польскаго посла, дѣлашаго московскому государю предложенія, недостойныя его величія: кто его союзникъ и на кого онъ надѣется? Іоаннъ отвѣчаетъ въ сознаніи своего права дѣла:

«Богъ!

Онъ защитникъ вѣры правой,

Онъ хранитель нашъ святой,

Онъ всеильною державой

Осѣнитъ нашъ край родной!

Иноземныхъ ополченья

Онъ, Всесильный, посрамить,

Онъ защита намъ, спасенье,

Онъ нашъ мечъ и твердый щитъ!

Если запада державы

За невѣрныхъ мусульманъ,

Изъ корысти иль изъ славы

Вышлютъ рать на христіанъ,

Мы навстрѣчу этой рати,

Осѣнивъ себя крестомъ,

Подъ покровомъ благодати,

Силы Вышняго, поидемъ:

Къ Израиль средь пустыни

Амалиха побѣдилъ,

Неприступныя твердыни

Безъ сраженья сокрушилъ,—

Тотъ вояметъ теперь молитвѣ

Вѣрныхъ, преданныхъ рабовъ,

И подастъ намъ крѣпость въ битвѣ,

И побѣду на враговъ!»

Г. Максимовъ прочелъ этотъ монологъ превосходно и съ большимъ чувствомъ. Очень также хорошъ монологъ боярина Артемьева, въ седьмой картинѣ четвертаго дѣйствія, подъ названіемъ «Искуситель», когда мулла Кульшерифъ, открывшій чувство своей дочери къ русскому плѣннику, предлагаетъ ему перемѣнить вѣру и измѣнить отечеству, и когда бо-

яринъ Артемьевъ, проникнутый патриотическимъ чувствомъ и негодованіемъ, отвѣчаетъ ему:

Удержись, старикъ лукавый,
 Слово своихъ не расточай,
 И любовью, царской славой
 Ты меня не обольщай.
 Я плѣнился красотой
 Милой дочери твоей,
 Я ей преданъ всей душой,
 Буду вѣчно вѣренъ ей;
 Но предать страну родную
 И Царя, и братьевъ рать,
 Вѣру правую, святую,
 На Исламъ перемѣнять,
 Какъ рѣшился предлагать
 Ты такое униженье?..
 О, Россія наша мать,
 Сердца каждое биење,
 Все, что намъ Творцемъ дано,
 Чувства, мысли и дѣянья,
 Наше каждое дыханье
 Все тебѣ посвящено!
 Царь нашъ мудрый, Царь державный,
 Неизмѣнны и вѣрны
 Подъ твоей державой славной,
 Руси доблестной сыны!
 Повели—Твой велѣнья
 Неуклонно совершимъ,
 Силы, мужества и рвенья,
 Жизни—мы не пощадимъ.
 О, пошли, въ часъ искушенья,
 Милосердый мой Творецъ,
 Мнѣ надежду, подкрѣпленье
 И страдальческій вѣнецъ.

Прочія пьесы, вошедшія въ составъ бенефеса г-жи Ливской были: «Чиновникъ по особымъ порученіямъ» г. Каратыгина 2-го, въ которомъ бинефициантка занимала роль Варвары Тимофьевны, и шутка съ куплетами «Сюрпризъ», въ которой нѣкто г. Молотищевъ (г. Мартыновъ) приходитъ въ отчаяніе оттого, что у него вдругъ похищены какимъ-то сорванцомъ и жена, и дочь, и горничная. Не смотря на всѣ утѣше-

нiя одного постоянно пьющаго водку прiателя, несчастный супругъ, отецъ и господинъ утѣшается лишь тогда, когда три отсутствующiя наконецъ являются въ день его именинъ, объявляя ему, что онѣ желали сдѣлать ему ни болѣе, ни мѣнѣе, какъ прiятный сюрпризъ. Г. Молотищевъ остается вполне доволенъ, неизвѣстно только, раздѣлила ли его довольство публика Александринскаго театра. Въ дивертисманѣ, этомъ необходимомъ прибавленiи каждаго бенефиса, г. Самойловъ пропѣлъ съ неподражаемымъ искусствомъ чухонскую балладу «Плачь чухонца». Не нужно говорить, какой фуроръ произвело появленiе этого даровитаго артиста подъ видомъ маймиста. Баллада эта, по неотступному требованiю публики была пропѣта два раза.

Каратыгинъ также поставилъ для своего бенефиса оригинальную драму, хотя и не своего сочиненiя, подъ названiемъ «Любовь, долгъ и совѣсть». Это произведенiе г. Дементьева, уже извѣстнаго нашимъ театрамъ своею довольно хорошею комедiей «Домашняя язва». Основа этой новой драмы немножко натянута, и ее можно встрѣтить во многихъ французскихъ мелодрамахъ. Сюжетъ состоитъ въ томъ, что одинъ молодой человекъ (г. Максимовъ) чтобъ имѣть случай сблизиться съ хорошенькою дѣвушкой Наташей (г. Читау), дочерью одного небогатаго помѣщика (г. Сосницкiй), нарочно падаетъ изъ коляски, и его везутъ больнаго въ домъ помѣщика, для подаианiя помощи. Негодяй этотъ, котораго авторъ старается выставить только легкомысленнымъ шалуномъ, вмѣсто благодарности за чисто-родственныя попеченiя помѣщика, полуслѣпнаго старика, оказавшагося еще притомъ другомъ и сослуживцемъ его отца, обманываетъ молодую дѣвушку, обѣщаетъ на ней жениться, а между тѣмъ узнавъ о скоромъ прiѣздѣ ея брата, существованiе котораго онъ не подозрѣвалъ, поспѣшаетъ бѣжать изъ дому своей невѣсты. Въ эту минуту приходитъ письмо отъ его отца, генерала Золотницкаго, который спѣшитъ предупредить Наташу о неблагородныхъ замыслахъ своего «сорванца» (хорошъ сорванецъ!), котораго она считала простымъ фортепяннымъ учителемъ. При этомъ извѣстiи бѣдненькая лишается чувствъ, а Владимиръ Золотницкiй, овладѣвъ письмомъ, выпавшимъ изъ ея рукъ, убѣгаетъ, позабывъ въ торопяхъ на столѣ хлыстъ, на которомъ были вырѣзаны начальныя буквы его имени и фамили. Вскорѣ послѣ этого происшествiя прiѣзжаетъ братъ обманутой дѣвушки, художникъ, находившiйся для усовершенствованiя нѣсколько лѣтъ въ Италiи. Проникнувъ тайну Наташи, онъ поспѣшаетъ на квартиру Владимира Золотницкаго, и заставъ его пирующаго съ какими-то прiателями, чисто трактирными героями, сидящими въ комнатахъ въ шляхахъ, вызываетъ негодяя на дуэль. Чтобъ не переносить мѣста дѣйствiя слишкомъ далеко, авторъ заблагоразу-

диль произвести поединокъ въ самой комнатѣ. Владиміръ Золотницкій даетъ промахъ, и въ то самое время, когда молодой Наумовъ, братъ Наташи, прицѣливается въ соблазнителя, съ шумомъ отворяются двери, и бѣдная, обманутая дѣвушка, позабывъ, какъ Марія Пушкина, о толкахъ, о молвѣ и о мірскихъ шѣняхъ, бросается въ объятія своего мнимаго учителя. Это движеніе было такъ быстро, что братъ не успѣлъ при-остановить выстрѣла; онъ раздается, и бѣдная жертва, тяжело раненая, падаетъ у ногъ противниковъ. Зрители трепещутъ отъ этого неожиданнаго эффекта, завѣса опускается, драмъ конецъ—но не совсѣмъ. Къ драмѣ придѣланъ еще эпилогъ. Тяжко раненая выздоравливаетъ и выходитъ благополучно замужъ за Владиміра Золотницкаго, который вдругъ совершенно преобразовался и сдѣлался человѣкомъ истинно благороднымъ и во всемъ добропорядочнымъ. Старый генералъ Золотницкій платитъ тотчасъ же все долги старика Наумова, котораго маленькое имѣніе уже поступало въ продажу съ аукціона. Не смотря на все желаніе автора представить все лица своей драмы какъ можно рельефнѣе и вѣрнѣе ихъ характерамъ, все они какъ-то безцвѣтны, даже характеръ Наташи; хотя г-жа Читау старалась исполнить свою роль какъ истинная, прекрасная артистка. Она тянула драму, какъ говорится «за уши», и при всемъ своемъ стараніи сдѣлала только то, что могла, именно она заслужила себѣ и г. Максиму единодушный вызовъ въ третьемъ дѣйствіи. Г. Самойловъ, (старый Наумовъ), также, какъ и г. Читау, выказалъ все свое сценическое превосходство и создалъ въ своей роли оттѣнки чувства тамъ, гдѣ въ самой пьесѣ ихъ вовсе не было. Бенефисъ г. Каратыгина начался давнишнимъ, но впрочемъ очень забавнымъ фарсомъ «Пикникъ въ Токсовѣ», прекрасно разыграннымъ, а въ заключеніе былъ данъ водевилъ «Зацутанное дѣло или съ больной головы на здоровую», передѣланный изъ французскаго водевиля подъ заглавіемъ: *Un service a Blanchard*; благодаря искусной и оживленной игрѣ самаго бенефицианта и г-жи Орловой, пьеса эта имѣла успѣхъ, и публика оставила театръ очень довольная.

Г-жа Орлова, по возвращеніи своемъ изъ Москвы, гдѣ въ самое короткое время успѣла пожать новые лавры, благодаря желѣзной дорогѣ, также назначила бенефисъ, отличившійся очень удачнымъ выборомъ пьесъ. Самою капитальною изъ нихъ была оригинальная комедія нашего извѣстнаго романиста П. И. Лажечникова, главные роли въ которой принадлежали г. М. Максиму (канцелярскій служитель Александръ Парфентичъ Резингинъ), г. Григорьеву (столяръ Сила Ермилычъ Мамаевъ) и г-жѣ Читау (Груня, дочь его).

Вотъ содержаніе этой четырехъ-актной комедіи (по нашему болѣе драмы): одна романическая дама Анна Семеновна Липина, будучи

крестной матерью мѣщанской дѣвочки Груши, взяла ее къ себѣ и воспитала какъ собственную дочь, на свой образецъ. Возвратившись обратно къ отцу своему, столяру, горькому пьяницѣ, Груня принялась работать для обоюднаго ихъ пропитанія. Подлѣ ихъ квартиры жила вдова съ сыномъ, канцелярскимъ служителемъ, неопытнымъ и безхарактернымъ юношей. Молодые люди полюбили другъ друга, но мать молодого человѣка ни какъ не соглашалась на такой неравный бракъ; въ это время прѣзжаетъ изъ деревни Липина и даритъ своей крестницѣ пятьдесятъ рублей серебромъ—цѣлый капиталъ для бѣдной дѣвушки и въ тоже время сватаетъ ее за одного влюбленнаго въ нее помѣщика, но Груня признается ей въ своей истинной страсти. Едва только уѣхала Липина, къ Грунѣ является ея суженый и радостно объявляетъ, что ему дали мѣсто писмоводителя и тридцать рублей серебромъ на *экипировку*, съ тѣмъ однакожь, чтобъ онъ явился къ начальнику въ новой одеждѣ. Груня говоритъ ему также о своихъ сокровищахъ, и оба строятъ воздушные замки но —

На счастье прочно,
 Всякъ надежду кинь,

говоритъ старинная пѣсня. Поймавъ на улицѣ будущаго писмоводителя, товарищи принудили *спрыснуть* свое новое мѣсто въ трактирѣ, и молодой Резинкинъ, послѣ разнаго шампанскаго, музыки и цыганъ, остается только при тридцати копейкахъ! У Груни тоже случилась бѣда — пьяный отецъ унесъ у ней также весь ея капиталъ и проиавши всю ночь, возвратился лишь въ то время, когда мать Резинкина согласилась на бракъ съ условіемъ, чтобъ Груня спасла ея сына, давъ ему тридцать рублей. Груня съ радостью соглашается, и уложивъ отца спать, бросается къ своему ящику, но съ ужасомъ видитъ, что онъ пустъ. Неимѣя силъ открыть, что деньги ея унесены и кѣмъ, Груня отказывается, и старая Резинкина въ отчаяніи и досадѣ ведетъ своего Митрофанушку къ одной богатой вдовѣ, матери перезрѣлой невѣсты, и за пятьдесятъ рублей тотчасъ же устраиваетъ свадьбу, а Груня выходитъ замужъ за влюбленнаго въ нее помѣщика и уѣзжаетъ съ крестной матерью въ деревню. Не смотря на два первые акта, неоспоримаго драматическаго достоинства и многихъ прекрасныхъ сценъ въ прочихъ, пьеса эта какъ-то не совѣмъ успѣшно прошла. Роль Груни, г-жа Читау сыграла съ большимъ чувствомъ и наивностью. Сцена, гдѣ она узнаетъ, что деньги украдены ея отцомъ—ведена ею съ мастерствомъ неподражаемымъ. Г. М. Максимовъ былъ отчетливъ, благороденъ и очень оживленъ въ роли Резинкина. Г-жа Лицкая изъ

роли перезрѣлой невѣсты сдѣлала фарсъ, переходящій всѣ границы эстетическаго вкуса и неоправдываемый никакимъ талантомъ.

За фантазією въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, передѣланною съ французскаго г. Куликовымъ, подъ названіемъ «Весною», въ которой г-жа Орлова, умно и благородно сыграла роль вдовы, а г-жа Шубертъ прелестно роль дочери, слѣдоваль водевилъ въ одномъ дѣйствіи «Смѣсь языковъ французскаго съ чухонскимъ», очень позабавившій зрителей. Въ водевилѣ этомъ, въ которомъ играли наши лучшіе артисты: г.г. Мартыновъ, Марковецкій, Максимовъ 1-й, участвовалъ также и французскій актеръ г. Верне, исполнявшій роль Жанъ-Жака Лапикета, сына французскаго винопродавца.

Содержаніе этого водевиля читатели могутъ узнать изъ нынѣшняго номера Репертуара. Пьеса эта имѣла полный успѣхъ, она принадлежитъ перу одного изъ извѣстнѣйшихъ и заслуженныхъ нашихъ литераторовъ, который не на одной только сценѣ, и не на словахъ, а на дѣлѣ развивалъ любовь къ русскому языку.

Спектакль окончился давно извѣстною намъ по французскому театру пьесой, «Двѣ капли воды,» передѣланною для русской сцены г. Рудневымъ. Въ этой пьесѣ г-жа Орлова была особенно хороша въ роли Надежды Николаевны, жены страпачаго Уточкина, котораго прекрасно сыгралъ г. Мартыновъ.

На нашемъ французскомъ театрѣ также были дебюты нѣкоторыхъ новыхъ артистовъ. Въ бенефисъ г. Пейсара, въ водевилѣ «La fille bien gardée» дебютировала маденькая Фелиція Тетаръ, дочь комическаго актера, уже игравшая съ большимъ успѣхомъ дѣтскія роли на многихъ театрахъ. Нужно отдать справедливость г. Пейсару, что онъ всегда мастерски составляетъ свой бенефисъ и наполняетъ его самыми веселыми и разнообразными пьесами, которыя постоянно привлекаютъ многочисленную, избранную публику. Въ нынѣшнемъ году онъ поставилъ очень хорошую комедію г-жи Жирарденъ «La joie fait peur», въ которой г-жа Вольнисъ прекрасно исполнила роль матери, оплакивавшей потерю сына и потомъ нашедшую его. Кромѣ этихъ двухъ пьесъ были даны еще двѣ комедіи, два водевиля, пародія на оперу Лучія де Ламермуръ, живая картина и дивертисментъ, для котораго г. Бастидъ нарочно написалъ новую декорачію. Дивертисментъ въ бенефисъ г. Пейсара былъ точно великолѣпный, потому что въ немъ участвовали лучшія танцовщицы нашего балета, г-жи Ришардъ, Прихунова, Никитина, Спѣткова, Макарова, Соколова и Амосова.

Въ бенефисъ другаго актера нашей французской труппы г. Лемениля, прекраснаго артиста въ роляхъ характерныхъ серьезныхъ,

въ ничтожномъ водевилѣ «Le Changement d'uniforme» дебютировалъ сынъ его, молодой человекъ, еще никогда неигравшій на сценѣ. Въ пьесѣ этой онъ представлялъ робкаго юношу. Въ игрѣ молодого артиста много искренности и естественности; дикція его очень пріятна, благозвучна, а манеры просты и благородны. У дебютанта есть всѣ данныя, чтобъ быть хорошимъ актеромъ, и нѣтъ сомнѣнія, что слѣдуя совѣтамъ своего опытнаго и талантливаго отца, онъ скоро займетъ не послѣднѣе мѣсто на нашей французской сценѣ. Капитальною пьесой бенефиса г. Лемениля была четырехъ-актная комедія Эмиля Ожье и Жюля Сандо «Le Gendre de Mr. Poirier» (Зять господина Пуарье), пьеса нравоописательная и замѣчательная многими истинно-прекрасными сценами. Ее играли въ Парижѣ на театрѣ Гимнази, и одну изъ главныхъ ролей занималъ въ ней нашъ петербургскій знакомецъ Бертонъ, смѣнившій на тамошней сценѣ Бресана. Комедія эта, въ которой изображены два противоположные типа, оба предствители цѣлаго класса общества, была прочувствована и разыграна превосходно. Г. Лемениль, отецъ, выказалъ себя истиннымъ художникомъ въ роли старика Пуарье, тщеславнаго, упрямаго, разбогатѣвшаго мѣщанина, выдавшаго дочь свою Антуанету за разорившагося маркиза де Преля, женившагося съ своей стороны только по расчету, безъ всякаго сердечнаго влеченія. Г-жа Плесси въ роли Антуанеты, передала съ замѣчательнымъ искусствомъ всѣ оттѣнки благородной, любящей, а между тѣмъ постоянно пренебрегаемой и забытой женщины. Г. Бондуа исполнилъ роль маркиза де Преля также хорошо и во многихъ сценахъ выказалъ глубокое чувство. Очень забавенъ былъ также г. Пешна въ роли повара, считающаго себя прямымъ потомкомъ знаменитаго кухмистра Вателя. Кромѣ этихъ пьесъ даны были еще два водевиля: «Pas jaloux» (Онъ не ревнивъ) и «Le dernier des Mohicans» (Послѣдній изъ Могиканъ), но объ нихъ рѣшительно сказать нечего.

Въ одномъ изъ осеннихъ фельетоновъ нашего журнала мы говорили о роскошномъ цвѣткѣ *victoria regia*, который расцвѣлъ у насъ въ Россіи сперва въ Ригѣ, а потомъ въ С. Петербургѣ, въ теплицахъ ботаническаго сада. При первоначальномъ вывозѣ въ Европу сѣмянъ этого растенія, англійскіе садоводы прилагали о нихъ всевозможныя попеченія и заботы, чтобъ получить распустившіеся цвѣты. Многочисленные опыты доказали нынѣ, что *victoria regia* не требуетъ никакого особеннаго ухода и разводится довольно легко и просто, и что для нея нѣтъ особенной надобности ни въ слишкомъ обширныхъ теплицахъ, ни въ огромныхъ бассейнахъ. Въ Англіи, въ Берфордшейрѣ, одинъ садовникъ, по фамиліи Геветсонъ, посадилъ въ половинѣ Апрѣля, отростки, вышедшіе

изъ сѣмянъ викторіи регіи, въ шиферномъ бассейнѣ шириною и длиною въ девять футовъ и глубиною въ три съ половиною фута, въ грунтѣ, составленномъ изъ твердаго торфянистаго дерна и коровьяго помета. Водяная лилія взшла на этомъ грунтѣ такъ роскошно и такъ легко, какъ лучше нельзя было и желать. Листья ея имѣли въ поперечникѣ пять съ половиною футовъ, и многіе изъ нихъ выходили за края бассейна. Другія водяныя растенія, разводимыя тѣмъ же садовникомъ и въ такихъ же бассейнахъ, растутъ не менѣе роскошно. Грунтъ для нихъ употребляется тотъ же самый, и онѣ требуютъ относительно очень не много искусственной теплоты. Викторія регія обращала на себя донынѣ одно лишь общее удвоенное вниманіе, но теперь явилась у ней новая опасная соперница, также изъ породы водяныхъ лилій. Новый цвѣтокъ этотъ, называющійся *Nymphaea gigantea* Hook, а въ нѣкоторыхъ описаніяхъ извѣстный подъ неправильнымъ названіемъ: *Victoria Fitzroyana*, привезенъ недавно въ Европу изъ Австраліи. Цвѣты его и листья больше чѣмъ у викторіи регіи и притомъ не бѣлаго и розоваго, а прекраснѣйшаго голубаго цвѣта. Лилія эта, находящаяся въ близкомъ родствѣ съ другими голубыми нимфеями, открыта Бидвеллемъ на сѣверозападномъ берегу Новой Голландіи, въ Уатбейскомъ округѣ. Она привезена уже въ Гентъ и посажена въ теплицахъ тамошняго садовника Гутта, въ которыхъ также разводится въ достаточномъ количествѣ и викторія регія. Нѣтъ ни какаго сомнѣнія, что и мы также будемъ имѣть случай любоваться этимъ новымъ роскошнымъ цвѣткомъ въ теплицахъ нашего ботаническаго сада, какъ любовались нынѣшнею осенью пресловутою викторіей регіей. Россія такая страна, которая можетъ заключить въ себѣ почти всѣ произведенія земнаго шара, благодаря различному климату своихъ областей, и ей нечего нуждаться въ услугахъ постороннихъ государствъ. Вотъ, напри- мѣръ, не смотря на то, что мѣха привозятся къ намъ большею частію изъ-за границы, изъ Мемеля и Гамбурга, на рѣдкомъ не встрѣтите вы теперь боброваго воротника, который сперва былъ вещію цѣнною и не всякому доставался въ удѣлъ. Причиною этому то, что у насъ вошли въ употребленіе русскіе бобры, или такъ называемые польскіе. Звѣри эти, которыми такъ богата Америка, водятся у насъ особенно въ сибирскихъ губерніяхъ. По преданіямъ сторожиловъ, бобры водились въ прежнее время даже въ европейской Россіи, именно въ Вятской, и даже говорятъ въ Новгородской губерніи, при рѣкахъ, окруженныхъ густыми лѣсами и болотами. Постоянно увеличивающееся народонаселеніе принудило этихъ смысленныхъ животныхъ искать убѣжища подалеже отъ людскихъ жилищъ, и теперь бобры встрѣчаются лишь въ Сибири, въ которой впро-

чемъ до сихъ поръ составляютъ не прямой промыселъ, а не болѣе какъ подспорье къ другимъ промысламъ жителей.

Къ числу разныхъ звѣрей, обитающихъ въ Пермской губерніи, принадлежатъ рѣчные бобры. Они, занимая исключительно сѣверную часть Верхотурскаго уѣзда, мало извѣстны даже жителямъ губерніи. Главные притоки бобровъ по рѣкамъ: Ивделю, Ваграну, Сосвѣ и впадающимъ въ нее рѣчкамъ Щагультану, б. и. м. Ламгурамъ, по Порьѣ и Лавденкѣ, впадающимъ въ Лозьву и по самой Лозьвѣ. Въ прошломъ году г. Рудольскому удалось собрать нѣкоторыя свѣдѣнія отъ Вогуль деревни Першиной и другихъ лѣсниковъ объ этой небольшой звѣропромышленности. Они сообщили, что до открытія въ этомъ краѣ золотыхъ промысловъ, бобры водились здѣсь въ изобиліи; но нынѣ попадаются рѣдко, сколько отъ удаленія бобровъ на вершины тѣхъ рѣкъ, по причинѣ распространяющагося населенія, столько же и отъ истребленія ихъ.

Было ли тутъ всегдашнее отечество бобровъ, или они суть только выходцы изъ дальнихъ мѣстъ Сибири, неизвѣстно. По словамъ туземцевъ, бобры водились въ этихъ притокахъ съ незапамятныхъ временъ. Верхотурскіе бобры вообще цвѣта темнокаштановаго, но есть между ними почти темные, которые цѣнятся дороже другихъ. Этотъ сортъ бобровъ находятъ по рѣкѣ Щагультону. Хотя здѣшніе бобры не могутъ равняться достоинствомъ съ американскими, за то они гораздо больше послѣднихъ и даютъ въ изобиліи бобровую струю лучшаго качества, именно отъ 30 до 40 золотниковъ. Величина взрослога бобра отъ головы до хвоста 5 и 6 четвертей, а вѣсомъ они отъ 40 до 45 фунтовъ, самки 30 фунтовъ. Но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ пойманъ бобръ 11 четвертей, который вѣсилъ почти два пуда. Лѣтомъ бобры избираютъ мѣста прирѣчныя и привольныя, а на зиму скрываются въ глубокихъ норахъ, въ которыхъ проводятъ большую часть года. Любопытныя разсказы очевидцевъ объ устройствѣ норъ. Бобры, избравъ крутобереговое рѣчное мѣсто, кладутъ основаніе норѣ въ водѣ, на глубинѣ отъ горизонта отъ 1½ до 2 аршинъ. Углубившись на извѣстное разстояніе внутрь берега, ведуть потомъ нору вверхъ, стараясь выбраться ею гораздо выше уровня весенняго разлива. Въ концѣ норы устраиваютъ три довольно обширныя помѣщенія. Въ одномъ изъ нихъ расположена спальня, въ другомъ столовая, гдѣ хранятся для пищи ивовыя сучья (тальникъ). Эти норы бывають шириною до четырехъ четвертей, такъ что посредствомъ пробитой шахты съ наружной стороны берега, доходили ими ползкомъ до самыхъ отдѣленій. Въ спальнѣ замѣчали нашоенное свѣжее сѣно, вѣроятно, для постели и тепла. Въ норахъ случалось находить бобровъ цѣ

лымъ семействомъ, состоящимъ изъ самца и самки, съ двумя и тремя дѣтенышами. Но полагаютъ, что бобры вообще рождаютъ дѣтей по-двое и воспитываютъ ихъ при себѣ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе возмужаютъ и отдѣляются отъ нихъ для основанія своего жилища. Плодъ отъ молодаго племени, по замѣчаніямъ старожиловъ, появляется на четвертомъ году.

Бобры вообще нрава кроткаго, а вскормленные при домахъ съ молода, скоро привыкаютъ къ человѣку и дѣлаются до крайности ручными. Вотъ одинъ изъ примѣровъ. Вскормленный бобръ жилъ въ Вогульскомъ семействѣ нѣсколько лѣтъ, и до такой степени былъ привязанъ къ хозяину дома, который имѣлъ о немъ особенное попеченіе, что слѣдовалъ за нимъ всюду, какъ дворовая собака, радовался, когда хозяинъ возвращался домой и тосковалъ, когда онъ отлучался; въ особенности же любилъ ходить за нимъ на рыбную ловлю: пока хозяинъ осматривалъ верши, бобръ купался и нырялъ въ водѣ, не покушаясь на побѣгъ. Любимую его пищу составляли ивовая кора, молоко и хлѣбъ, но онъ чуждался всего мяснаго и въ особенности рыбнаго.

При наступленіи осени бобры расходятся по своимъ логовищамъ, для заготовки на зиму ивовыхъ сучьевъ; одна часть относится прямо въ столовую, другая оставляется для зимняго запаса въ рѣкѣ близъ норы. Бобры, питаясь одною корою, обглоданные сучья выбрасываютъ, когда же истощится въ норѣ весь запасъ, тогда они достаютъ свѣжій изъ воды. Мѣсто, на которомъ собирались бобрами ивнякъ, называется у охотниковъ порубкою. Это названіе довольно справедливо, потому что ивнякъ, подгрызенный бобрами подъ самый корень, дѣйствительно представляетъ вырубленную площадь. Эта самая порубка служитъ для охотниковъ вѣрнымъ указателемъ близкаго присутствія бобровъ. Ловлю бобровъ занимаютъ преимущественно вогулы, обитающіе по берегамъ рѣкъ Сосьвы и Лозьвы, изрѣдка же и работники золотыхъ промысловъ. Этотъ родъ охоты требуетъ времени и особаго знанія дѣла, и не всегда можетъ быть удачнымъ для неопытныхъ охотниковъ. Ловля бобровъ бываетъ зимою, а лѣтомъ никогда; бобры, вылинявъ съ весны, теряютъ достоинство своего мѣха. Этому закону природы, безъ сомнѣнія, обязаны бобры своимъ существованіемъ, иначе они были бы давно истреблены. Нѣтъ ничего легче, какъ отыскать бобра въ тихую и ясную лѣтнюю погоду, когда они купаются и ныряютъ въ рѣкѣ. Въ это время они такъ сильно ударяютъ своимъ широкимъ хвостомъ по поверхности воды, что звукъ отъ этого, раздающійся въ лѣсу, издали привлекаетъ бы охотника; но послѣдній, вмѣсто преслѣдованія, оставляетъ ихъ въ покоѣ. Зимою же, когда бобры одѣнутся своимъ драгоценнымъ мѣхомъ, они

укрываются въ глубокихъ норахъ, а толстый ледъ и снѣгъ довершаютъ невозможность къ нимъ доступа. Но несмотря на всѣ такія препятствія, вогулы ловятъ бобровъ двоякимъ способомъ: они пробиваютъ шахты съ наружнаго берега до самыхъ норъ, или ставятъ обыкновенно кашканъ.

Шкуры бобровъ, смотря по добротѣ и величинѣ, продаются по различнымъ цѣнамъ, однакожъ самая лучшая не дороже 20 руб. сер. Но бобровую шкуру купить трудно: вогулы употребляютъ ее въ домашнемъ быту отъ различныхъ недуговъ. Какое количество бобровъ добывается на вышеупомянутыхъ притокахъ, узнать трудно, потому что вогулы держатъ эти свѣдѣнія въ тайнѣ. Одинъ изъ знакомыхъ г. Рудольскаго, помѣстившаго это извѣстіе о бобрахъ въ Пермскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, жившій долгое время въ тѣхъ мѣстахъ, нѣкто Р** купилъ у одного вогульского семейства пять бобровъ съ неснятыми еще шкурами, за 75 руб. сер. Такая дешевизна просто кладъ! Въ послѣдствіи Р* одной струи продалъ на 340 р. сер. Бобровыя шкуры покупаются изрѣдка чардынскими купцами у тамошнихъ звѣролововъ. Надо замѣтить, что вогулы донинѣ имѣютъ къ бобрамъ суевѣрное почтеніе. Кромѣ струи, они сохраняютъ лапы, хвосты и зубы бобровъ, а самое мясо употребляютъ въ пищу. Въ искусныхъ стрѣлкахъ у насъ также нѣтъ недостатка, и мы въ этомъ случаѣ можемъ смѣло поспорить съ любой страной. Такъ, напримѣръ, у насъ существуютъ охотники за бѣлками, которые, чтобъ не испортилась шкурка, цѣляютъ звѣрку въ самую морду пулею, величиною немного побольше горошинки, и притомъ на такомъ разстояніи, чтобъ пуля эта осталась въ костяхъ, для сохраненія ея для другаго заряда, изъ экономіи.

Рузумѣется, первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ обширной Сибири, снабжающей всю остальную Россію драгоценными мѣхами. Между сибирскими звѣроловами встрѣчаются иногда такіе охотники, неутомимость и искусство которыхъ по истинѣ изумительны. Многіе рассказы о ихъ походахъ могли бы показаться рѣшительно-неправдоподобными, еслибъ не были подтверждены достоверными, несомнѣнными свѣдѣтельствами. Такъ, напримѣръ, нашъ извѣстный миссіонеръ Аргентовъ рассказываетъ объ охотничьихъ подвигахъ одного нижнеколымскаго Юагира, по имени Андрея Вострякова, которому въ 1853 г. мицудо шестьдесятъ—два года и который въ теченіе своей промышленной жизни убилъ 522 лося, 14,800 оленей, 107 соболей; лисецъ: 60 сиводушекъ, 430 красныхъ, 3 черныхъ; 50 волковъ, 48 росомахъ, 36 медвѣдей, 15,600 гусей, 1,200 лебедей, 15,000 утокъ, 1,240 горностаевъ, 5,850 бѣлокъ, 54 орла, и въ послѣднія десять лѣтъ болѣе 300 осетровъ—т. е. всего около 55,000 разнаго рода звѣрей и птицъ.

Согласитесь, что эта цифра весьма почтенная, и будь упомянутый охотник родомъ не юкагирь, а французъ, газеты давно уже успѣли бы разгласить по цѣлому свѣту о его подвигахъ и поставили бы его рядомъ съ извѣстнымъ Жераромъ, *истребителемъ львовъ*, если не выше его.

Нѣкоторые изъ нашихъ петербургскихъ художниковъ, извѣстныхъ своимъ искусствомъ и опытностью, вознамѣрились налитографировать многіе лучшіе рисунки покойнаго академика П. А. Оедотова, этого русскаго Гогарта, въ полномъ смыслѣ слова, такъ рано похищеннаго смертію у славы русской живописи. До сихъ поръ изъ рисунковъ Оедотова налитографированъ только одинъ «Утро человѣка, получившаго награжденіе,» а между тѣмъ сколько еще осталось въ эскизахъ, хранящихся въ портфеляхъ его пріятелей такихъ рисунковъ, которые бы составили одни славу любого знаменитаго европейскаго живописца. Не упоминая о вѣсѣхъ прочихъ, достаточно сказать только, что одна «Вдовушка» Оедотова стоитъ, чтобъ быть извѣстною вѣсѣмъ истиннымъ любителямъ и почитателямъ нашихъ народныхъ искусствъ. Не почитая себя въ правѣ называть до времени предпринявшихъ этотъ прекрасный трудъ, нельзя не благодарить ихъ между тѣмъ за эту мысль отъ лица всей русской образованной публики.

Вотъ кстати еще одна довольно любопытная новость для людей любознательныхъ.

Намъ извѣстно, что многіе изъ любознанія занимаются чтеніемъ френологіи. Профессоръ Галль, занимаясь разсмотрѣніемъ очертаній головъ на бюстахъ и портретахъ знаменитыхъ воиновъ, министровъ, а нѣкоторыхъ въ натурѣ, именно ученыхъ, артистовъ и художниковъ, и сравнивая головы разныхъ животныхъ, одаренныхъ отъ природы извѣстными качествами и способностями, создалъ новую науку френологію (краніологію, черепословіе): по выпуклостямъ головы узнавать способности людей. Шпурцгеймъ продолжалъ наблюденія Галла; оба они издали свои сочиненія съ рисунками. Наука эта, должно сказать, еще въ младенчествѣ. Для любителей френологіи рекомендуемъ собраніе головъ и масокъ, весьма хорошо отлитыхъ изъ алебаstra (и для прочности покрытыхъ стеариномъ), знаменитыхъ полководцевъ, министровъ, ученыхъ, сформованныхъ съ таковыхъ же алебастровыхъ оригиналовъ, хранящихся въ кабинетѣ Доктора Буальскаго. Прилагаемъ каталогъ масокъ и головъ, приготовляемыхъ формовщикомъ Иваномъ Анисимовымъ, живущимъ на Васильевскомъ Острову, въ 10-й Линіи, близъ Большаго Проспекта, въ домѣ Лѣсникова, № 16-й. Маски: Императора Петра I. Бонапарте, Суворова, Англійскаго министра Питта, Англійскаго

министра Фокса. Поэта Тасса. Крылова. Головы: генерала Фуа (Еоу). Талейрана. Вальтеръ-Скотта. Велланскаго нашего знаменитаго профессора физиологіи. Галла. Шпурцгейма. Медика Бруссе. Медика Кацика. Шарруа. Кацикъ и многіе другіе. А художникамъ, занимающимся историческою живописью и скульптурою, и физиологамъ рекомендуемъ собраніе алабастренныхъ череповъ разныхъ народовъ, обитающихъ на Земномъ Шарѣ, для сравненія природнаго различія образованія головъ, напримѣръ: черепъ Кавказскаго племени, къ которому принадлежатъ европейцы; Монгольское поколѣніе, жители Азіи; Малайское, Американское и Арабское, или Эіопское поколѣнія. Таковыхъ слѣжковъ съ череповъ имѣется двадцать одинъ, которые формовщикъ Иванъ Анисимовъ также можетъ изготовить. Черепъ обитателя Мозамбика; Намакуа, вымершихъ обитателей Мыса Доброй Надежды; Негасса, которые носятъ кольцо въ губѣ, челоуѣка краснаго племени; обитателя прибрежья Мексиканскаго Залива, индїйца, изъ древнихъ могилъ Боливїи; древняго Имара Гвіанскаго (Бовина де Боливїа); Кавказскаго племени; Макока, народа живущаго за Кафрамі; черепъ взятъ съ кладбища, полученъ изъ Мозамбика; Бенгальца; Мадары (Ява); Монгола; чистаго племени Китайскаго; женщины Бушмана, Готтентотской красавицы; молодаго индїйца Стимара (изъ древнихъ гробницъ, въ Боливїи); Малабаса; Малайскаго женщины; Малагаша; жителя Зеландїи; Каранба; Бедуина; черепъ обезьяны орангутанга, (изъ Калькутты.)

Читатели наши, у которыхъ вѣроятно еще неизгладилось впечатлѣніе о нынѣшней художественной выставкѣ, полагаемъ, не посѣтуютъ, если мы сообщимъ имъ также кое-что о нѣкоторыхъ нашихъ молодыхъ художникахъ, произведенїями которыхъ они привыкли любоваться. Г. Боголюбовъ, выставившій нынѣшній годъ видъ петербургской набережной при вечернемъ освѣщенїи, находится теперь въ Женевѣ, гдѣ онъ коротко сошелся съ знаменитымъ пейзажистомъ Каламомъ. До поѣздки своей въ Италію, онъ успѣлъ осмотрѣть большую часть Швейцарїи, былъ на Сен-Бернарѣ, нарисовалъ его монастырь, посѣтилъ живописную долину Шамуни и восходилъ на вершину, малаго Сен-Бернарда. Послѣ этого онъ обозрѣлъ Мон-Бланъ, съ его ледниками, дикую долину Вольсинъ, и посѣтилъ на пути Мартиньи, Сїонъ, Сен-Плонъ, Лаго Маджіоре, Jiola Bella и Комское озеро. Вскорѣ г. Боголюбовъ поѣдетъ въ Венецію, гдѣ пробудетъ мѣсяца четыре и потомъ поѣдетъ въ Римъ. Въ Венеціи находится въ настоящее время и нашъ молодой баталистъ князь Максуповъ. Путешествующихъ соотечественниковъ нашихъ принимаютъ повсюду очень радушно и ласково. Наполняя страницы своихъ газетъ разными клеветами противъ Россїи и разными хвастливыми выходками,

нѣкоторые Англичане сохраняютъ впрочемъ достаточно чувство истины, чтобъ не отдать намъ должной справедливости, даже печатно, предъ всѣми своими соотечественниками, и вотъ какъ описываетъ старшій лейтенантъ парохода фрегата «Тигръ» г. Альфредъ Ройеръ, въ небольшой изданной имъ книгѣ событіе, случившееся съ этимъ пароходомъ близъ Одессы, 12 мая нынѣшняго года, взятіе въ плѣнъ офицеровъ и экипажа, и свои собственныя приключенія въ Россіи. Встрѣчающіяся въ его разказѣ замѣчанія о русской жизни и русскихъ нравахъ какъ-нельзя болѣе благопріятны для насъ. Вообще во всемъ сочиненіи г. Ройера замѣтенъ характеръ явнаго расположенія къ Россіи. Онъ приписываетъ Русскимъ, какъ отличительныя качества, благородство, вѣжливость, рыцарскую честь и благотворительность; а что касается нашихъ назшихъ сословій, то говоритъ, что они ведутъ себя съ приличіемъ настоящаго «джентльмена,» и отличаются необыкновенною умѣренностью. Авторъ тщательно избѣгаетъ всѣхъ политическихъ разсужденій, и не вдается ни въ какія подробности относительно нынѣшней войны, ея поводовъ и послѣдствій; но такъ-какъ въ сочиненіи его встрѣчаются довольно небласклонные отзывы о Туркахъ, о которыхъ онъ говоритъ «наши варварскіе союзники,» противопоставляя ихъ образованнымъ непріателямъ», то не трудно понять, которой сторонѣ онъ болѣе сочувствуетъ. Какъ одинъ изъ участниковъ въ катастрофѣ, постигшей пароходъ «Тигръ,» и какъ новѣйшій путешественникъ по большей части Европейской Россіи, онъ замѣтилъ на своемъ пути многое, что придаетъ въ нынѣшнее время особенный интересъ его разказамъ.

По истеченіи карантиннаго срока, плѣнные были отправлены въ различныя мѣстности Россіи; что касается до самаго автора, то онъ получилъ назначеніе ѣхать въ Петербургъ. Путь лежалъ черезъ Москву, по большой шоссеиной дорогѣ, которая идетъ черезъ страну длинною прямою линіей почти во сто миль. «Любопытно было, пишетъ Ройеръ, смотрѣть съ вершины какого нибудь возвышенія на эту непрерывную линію, простиравшуюся такъ далеко, какъ только могъ обнимать взоръ. Особенно поразило это безконечное протяженіе моего слугу, родомъ изъ Мальты, который сравнивалъ его съ перспективой на своемъ небольшомъ, тѣсномъ островѣ; мои земляки, говорилъ онъ, не повѣрятъ, если я стану описывать то, что видѣлъ. Дорога во всѣхъ отношеніяхъ превосходная, и по обѣимъ сторонамъ ея идутъ рвы». По свидѣтельству всѣхъ путешественниковъ, русскіе города представляютъ издали чрезвычайно живописный видъ, что зависитъ отъ многочисленныхъ куполовъ и башенъ, которыя, подобно маленькимъ солнцамъ, блестятъ своими красками и золотомъ. Лейтенанту Ройеру понравились

также и русскія деревни. «Чѣмъ далѣе ѣхали мы на сѣверъ, говоритъ онъ, тѣмъ болѣе увеличивалось, повидимому, число селъ. Наружность церквей, которыхъ иногда бываетъ по нѣскольку въ одной деревнѣ, какъ нельзя болѣе живописна. Сельскія церкви по большой части деревянныя и окрашены бѣлой краской. Ихъ архитектура почти всегда одинакова: большой куполъ съ четырьмя меньшими, въ видѣ креста, и на верху каждаго купола желѣзный, позолоченный и богато украшенный крестъ. Нерѣдко крестъ этотъ бываетъ утверждён на обращенномъ полумѣсяцѣ, какъ символъ торжества христіанской вѣры надъ мухамеданствомъ. Въ деревняхъ и мѣстечкахъ куполы выкрашены зеленою краской, но въ городахъ чаще встрѣчаются позолоченные, которые по этому имѣютъ блестящій видъ».

Въ Тулѣ путешественникъ встрѣтился съ четырьмя турецкими офицерами, военноплѣнными, какъ и онъ, и которые были такъ довольны своимъ положеніемъ, что неизъявляли ни малѣйшей охоты возвратиться на родину; въ послѣдствіи Лейтенантъ Ройеръ узналъ, что одинъ изъ нихъ заплакалъ, когда ему было объявлено о его освобожденіи.

Заканчивая фельетонъ нашъ по обыкновенію извѣстіями о новыхъ модахъ, мы невольно обратили вниманіе на постоянныя, ежедневныя публикаціи почти что однихъ зубныхъ врачей и парикмахеровъ, какъ будто въ петербургѣ только и живутъ что одни беззубые да безволосые. Публикаціи послѣднихъ еще впрочемъ не такъ удивительны, потому что каждый, не имѣя пощеголять чѣмъ нибудь особенно изящнымъ и новымъ, уже непремѣнно старается пощеголять хоть прической или искусно сдѣланной накладкой или парикомъ. Исторія накладныхъ волосъ, бывшая первоначально только единственною прихотью одной моды, и вообще исторія волосъ довольно занимательна чтобъ не рассказать о ней кое-чего нашимъ читателямъ.

Болѣе всѣхъ прочихъ народовъ дорожили хорошею прической и волосами, говоря здѣсь о мужчинахъ, древніе галлы и франки; волосы служили у нихъ признакомъ величія и благородства происхожденія, и всякому изучавшему древнюю исторію франковъ извѣстно, что первая и вторая династія франкскихъ королей почитала извѣстную прическу волосъ эмблемою и знакомъ королевской власти.

Король, у котораго по какому нибудь случаю были обрѣзаны волосы, не могъ уже болѣе царствовать, и потому—то Людовикъ покоривъ нѣсколько мелкихъ франкскихъ владѣній, приказалъ веѣмъ владѣтелямъ ихъ остричь тотчасъ-же волосы (Тацитъ, de moribus Germanorum).

Свевы и Кимвры приподнимали свои волосы на маковку и связывали

ихъ на ней узломъ такъ, что верхняя оконечность образовывала родъ нынѣшняго нашего военного султана.

Вотъ какъ объ этомъ выражается Сенека: *Crinis rufus et in nodum coactus apud Germanes.*» Марціалъ также говоритъ:

Crinibus in nodum torfis venere Sicambri.

Этотъ родъ прически отличалъ у галловъ и другихъ древнихъ германскихъ народовъ людей свободнаго состоянія отъ рабовъ. Вельможи и верховные судьи галльскіе и германскіе, посыпали волоса свои золотистымъ порошкомъ, придававшимъ имъ странный блескъ. Отправляясь на сраженіе, порошокъ этотъ смывался и вмѣсто его волосы намазывались красною краской, придававшей галламъ и германцамъ видъ настоящихъ страшилищъ (Марціалъ, книг. 4 стр. 36). Галламъ и германцамъ было извѣстно также искусство красить волосы, (о чемъ мы уже упоминали, говоря о прическахъ древнихъ греческихъ и римскихъ женщинъ) и они часто употребляли это искусство въ дѣло, чтобъ скрыть слѣды, положенные на нихъ годами.

*Hic quoque monstra domas, Rutili quibus arce cerebre.
Ad frontem coma tracta jacet, nudataque cervix.
Setarum per damna vitet... (Sidon Appole).*

Галлы, фравки и германцы, въ знакъ глубокой печали распускали волосы свои по плечамъ, а горящія супруги и неутѣшныя невѣсты обрѣзывали даже себѣ кудри надъ могилой оплакиваемыхъ ими людей.

*Andante ducem nostrum flavam sparsere Cicambri,
Caesariem, pavidoque orantes munere Franci. (Claudien).*

Самую страшную клятвой у этихъ народовъ почиталось то, когда они клялись волосами, а вырывая одинъ волосъ при поклонѣ кому нибудь, они выражали этимъ самое глубокое уваженіе и величайшую учтивость, и тотъ кто осмѣливался наложить руку или дотронуться въ запальчивости до волосъ свободнаго человѣка, подвергался жестокому наказанію; если онъ сколько нибудь обрѣзывалъ ихъ, то надъ нимъ произносили приговоръ сильнѣе чѣмъ надъ самыми сильными преступниками.

«*Si quis alicui, contra legem, tunderit caput liberum non volenti, eum duodecim solidis componat.*»

При заключеніи какихъ нибудь условій, договоровъ и обѣщаній галлы

и франки скрѣпляли обоюдныя обѣщанія, дотрогиваясь одинъ другому до бороды. Неоплатный должникъ обязанъ былъ закономъ обвить руку своего кредитора вокругъ своей шеи и вручить ему ножницы, которыми онъ могъ обрѣзать ему волосы и тѣмъ приобрести его въ рабство до полной уплаты долга. Въ продолженіе одиннадцатаго столѣтія, распространилась мода носить искусственные волосы съ такою силою въ самое непродолжительное время, что правительство должно было издать нѣсколько постановленій, которыми запрещалось всѣмъ лысымъ употреблять парики. Приведемъ въ примѣръ нѣкоторыя, изъ которыхъ разрѣшалось и запрещалось носить парики. Мы приведемъ здѣсь только одни заголовки, такъ наиримѣръ: «Разрѣшеніе члену Французской Академіи Пануа, совѣтнику и королевскому милостынераздателю, на ношеніе парика, данное парижскимъ кардиналомъ.»—Просьба, подписанная тремя врачами и представленная архіепископу города Э (Aix) о дозволеніи носить парикъ. Строгий приказъ, данный рейскимъ архіепископомъ противъ ношенія париковъ и многіе другіе, которые показываютъ, что сильно тогда возставали противъ того рода украшенія, который во времена Людовика XIII, XIV и XV былъ въ такой огромной славѣ и въ силѣ иногда у записныхъ франтовъ нѣсколько десятковъ фунтовъ и чѣмъ парикъ былъ больше, волнистѣе и напудреннѣе, тѣмъ больше обращалъ онъ вниманія на своего владѣльца. Увы! моды измѣнчивы, какъ весенній вѣтеръ, и теперь изъ насъ мало кому охоты надѣвать на свою голову это искусственное украшеніе. Съ начала девятнадцатаго столѣтія, записные франты начали носить огромные хохлы, такъ называемыя пѣтушья гребни, и потомъ прическа эта, удержавшаяся до двадцатыхъ годовъ, начала исчезать и замѣняться другими, подъ самыми громкими названіями: a la Byrow, a la Titius, a l'André Chenier, a la Maleontant, a la Magdonald. Наши франты еще не очень давно носили даже прически a la moujik и a la polka. Какихъ причесокъ не бывало въ парикмахерскомъ мірѣ, теперь всякій причесывается такъ, какъ лучше къ нему идетъ, и очень хорошо дѣлается.

Прибавимъ кое-что о господствующей въ Петербургѣ модѣ въ дамскихъ нарядахъ.

Съ наступленіемъ зимы появилось въ магазинахъ множество очаровательныхъ нарядовъ. Манто Ромео, à la Charles-Quint, à la Monsquetaire и проч.

Манто Ромео, напоминаетъ тальму, но гораздо граціознѣе. Оно дѣлается изъ сѣраго кашмира такого плотнаго, что шьется безъ подклад-

ки. Кашмиръ этотъ вытканъ въ тѣнь двухъ сѣрыхъ оттѣнковъ. Убирается манто широкими черными бархатными лентами или бранденбургскими. Манто это также красиво изъ шелковаго плюша; тогда оно убирается черными плюшевыми лентами, съ сѣрымъ оттѣнкомъ, усеянными маленькими черными и бѣлыми мушками.

Изъ шерстяныхъ матерій всего больше въ употребленіи кашмиръ. Изъ новомодныхъ тканей рекомендуемъ gros d'Athéuus, gros de Bengale gros Ottoman и др. Онѣ до того похожи на шелковыя, что можно ошибиться.

Корсажи съ басками еще устоятъ нынѣшнюю зиму.

Плюшъ и перья, вотъ двѣ новости въ области модъ. Бархатныя и шелковыя кофты дѣлаютъ съ отдѣлкой изъ марабу.

Для бѣльшей ясности, опишемъ нѣсколько нарядовъ, которые намъ болѣе бросились въ глаза.

Первый нарядъ. Сѣрая кашмировая юбка, убранная спереди двумя рядами черныхъ бархатныхъ пуговицъ. Кофта изъ такой же матеріи съ длинными басками, убранная вокругъ и на рукавахъ черными бархатными пуговицами. Гладкій воротничекъ, бѣлые рукава съ большими отворотами. Чепчикъ кружевной съ голубыми лентами.

Второй нарядъ. Платье пу-де-соа, съ тремя воланами, обшитыми въ три ряда чернымъ бархатомъ. Мантилья бархатная, составленная изъ атласныхъ полосъ, вышитыхъ въ гладь шелкомъ въ тѣнь и перехваченныхъ бархатными слегка собранными буфами. Обшита бахромой, сверху которой на швѣ наложенъ узкій аграмантъ. Шляпка лиловая пу-де-соа, убранная на тулѣ и поляхъ лиловымъ шелковымъ рюшемъ. Подъ полями шу изъ узенькихъ лиловыхъ лентъ убранные бѣлыми кружевами.

Третій нарядъ. Шелковая юбка, убранная съ верху до низу полосками чернаго тюля moncheté. Каждая полоска обшита внизу и вверху черной узенькой блондой, прикрытой на швѣ шелковыми руло, кофта черная тюлевая на шелковомъ, убрана лентами подъ цвѣтъ матеріи, собранными à la vicille. Рукава съ такой же уборкою. Бѣлые рукава и маншеты кружевные. Прическа à la Pompadour.

Четвертый нарядъ. Платье кашмировое съ закрытымъ корсажемъ. Мантилья бархатная, убранная бахромой и аграмантомъ. Воротничекъ à la mousquetaire вышитый. Бѣлые рукава на обшивкѣ. Шляп-

ка бѣлая неразрѣзнаго бархата, убранныя перьями. Подъ полями вѣнокъ изъ бѣлыхъ астръ.

Нарядъ мальчика: Голубая кашмировая рубашка, убранныя чернымъ бархатомъ и черными бархатными пуговицами. Воротничекъ и панталоны вышитые á l'anglaise. Голубые штилеты. Фуражка убранныя бѣлыми лентами и марабу.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ ф. СТЕЛЛОВСКАГО.

въ Большой-Морской, въ домъ Лауферта.

ПЬЕСЫ ДЛЯ СЕМИСТРУННОЙ ГИТАРЫ.

- АКСЕНОВЪ.** Новый журналъ, содержащій въ себѣ двѣнадцать пѣсень съ варіаціями. (3 р.)
- ДМИТРИВСКІЙ.** Три русскія пѣсни: Скучно, матушка весною. Ахъ полно модки по-улицѣ ходить. Былъ я на почтовомъ дворѣ, съ варіаціями. (70 к.)
- ШАРКОВЪ.** Собраніе сочиненій: № 1. Баркаролла изъ «Любовнаго напитка» и двѣ аріи изъ оперы: Линда ди-Шамуни и Невѣста-лунатикъ. (50 к.) № 2. Романсъ Варламова: Осѣдлаю коня и мазурка Алединской. (40 к.) № 3. Арія и военная пѣсня изъ оперы: Дочь втораго полка. (40 к.) № 4. Два этюда. (40 к.) № 5. Четыре темы: Бетговена, Онслопа и Гайдна. (50 к.) № 6. Русская пѣсня: Какъ за рѣченькой слободушка стоитъ. (40 к.) № 7. Русская пѣсня: Дѣвицы, красавицы. (30 к.) № 8. Русская пѣсня: Лихорадушка. (30 к.) № 9. Вальсъ тирольскій. (40 к.) № 10. Дуэтъ изъ оперы: Гвельфы и Гибелины. (40 к.) № 11. Ноктюрна изъ оперы: Донъ-Паскуале. (60 к.) № 12. Серенада изъ оперы: Севильскій цирюльникъ. (60 к.) № 13. Вторая часть дуэта изъ оперы: Карлъ смѣлый. (50 к.) № 14. Русская пѣсня: Душечка-дѣвица. (60 к.)
- ПЕТРОВЪ.** Этюдъ Габербира: (60 к.) Арія знаменитаго пѣвца Страделла. (85 к.)
- САРЕНКО.** Пѣсенка изъ оперы: Риголетто. (40 к.) Каватина изъ оперы: Марія ди Роганъ. (40 к.)
- СМХРА.** Собраніе сочиненій: № 6. Увертюра изъ оперы; Лодоиска (50 к.) № 7. Попури изъ оперы: Фенелла и двѣ баркароллы изъ той же оперы. (1 р.) № 8. Болеро изъ оперы: Фенелла. (60 к.) № 9. Варіаціи на любимую тему оперы: Норма. (1 р.) № 10. Баллада изъ оперы: Робертъ. (50 к.) № 11. Варіаціи на каватину Сорокаворовка. (75 к.) № 12. Арія Бальфа (75 к.) № 13. Два любимые романса изъ оперы: Свадьба Фигаро и Лукреція Борджія. (40 к.) № 14. Баркаролла изъ оперы: Робертъ. (40 к.)
- ЦИММЕРМАНЪ.** Этюдъ и два вальса. (60 к.)

ПЬЕСЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО ВЪ ДВѢ РУКИ:

- BEYER.** Bouquet de Mélodies de l'opéra: Robert. (85 к.)
- ЧОПІН.** Deux Polonaises favorites. (1 р 30 к)
- ДОБНЕР.** Nocturne célèbre. (60 к.)

- HENSELT.** Exercices préparatives. Seconde édition revue et corrigée par l'auteur. (1 p. 50 к.) Ouverture du Coriolan de Beethoven. (1 p. 30 к.) Grande Valse brillante. (1 p. 70 к.) Sophia-Polka. (60 к.)
- KALKBRENNER.** Adagio et rondo concerto. Op. 61. (1 p. 50 к.)
- MENDELSSOHN.** Six romances sans paroles. Op. 19. Nouvelle édition. (1 p. 15 к.)
- SCHULHOFF.** Nocturne. Op. 40. (75 к.)
- WEBER.** Momento capriccioso. (60 к.)

РАЗНЫЯ ШКОЛЫ.

- ГЮТЕНЪ.** Полная школа для фортепьяно на русскомъ языкѣ. Четвертое вновь исправленное и дополненное многими упражненіями, этюдами и пѣсами въ двѣ и четыре руки, издание. (3 p. 50 к.)
- ЛАРЪ.** Школа для скрипки теоретическая и практическая, самая полная и употребительная, со многими примѣрами и упражненіями для одной и двухъ скрипокъ. Школа эта принята всѣми музыкальными консерваторіями, какъ лучшее и легчайшее сочиненіе для начинающихъ, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. (6 p.)
- СИХРА.** Школа для семиструнной гитары на русскомъ языкѣ. Третье исправленное и дополненное издание, со многими примѣрами, и упражненіями и пѣсами для одной, двухъ и трехъ гитаръ и для гитары съ фортепьяно, съ отлично литографированнымъ и весьма похожимъ портретомъ автора. (3 p.)
- ДН С.** Школа для Виолончели или легчайшая метода для скорѣйшаго и правильного изученія игры на виолончели, приспособленная къ самоученію, съ приложеніемъ многихъ практическихъ примѣровъ и упражненій изъ любимѣйшихъ пѣсень. Сочиненіе это принято для руководства въ парижской музыкальной консерваторіи на русскомъ и французскомъ языкахъ. (4 p.)

Въ томъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены, на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе нотъ не менѣ какъ на три рубля серебромъ, получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе не менѣ какъ на десять руб. сер., получаютъ тѣ же 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе чѣмъ на двадцать руб. сер., получаютъ гораздо больше уступки. Магазинъ И. Пеца точнымъ и скорымъ выполненіемъ требованій приобрѣлъ дестное расположеніе и довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью и всегда съ первою отходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и преисъ-куранты рассылаются при посылкахъ безденежно.

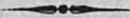
Печатать позволяется С. Петербургъ 2 Декабря 1854 г.

Ценсоръ Ю. Шидловскій.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 10.

ВЕСНОЮ.

ФАНТАЗІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, ВЪ СТИХАХЪ.

ПЕРЕДЪЛАНА СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Н. КУЛИКОВЫМЪ.

ПРЕДСТАВЛЕНА ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ
НА ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ТЕАТРѢ,
Ноября 12-го 1854 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

МОДЕСТЪ ИВАНОВИЧЪ ПРИЛУЦКІЙ

г. Сосницкій.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ПЕНСКІЙ, его племянникъ.

г. Малышевъ.

ГРАФИНЯ ЕЛЕНА ДМИТРИВНА ЗАМОЙСКАЯ.

г-жа Орлова.

ЮЛІЯ, ея дочь.

г-жа Шубертъ.

Дѣйствіе въ 1770 годахъ, въ роцѣ, принадлежащей къ загороднымъ дачамъ графини и Прилуцкаго.

Театръ раздѣленъ на срединѣ большѣмъ кустарникомъ. На первомъ планѣ, съ каждой стороны, дерновыя скамьи подъ развѣсистыми дубами. Кустарникъ имѣетъ два выхода: одинъ въ глубинѣ сцены, а другой на первомъ планѣ, закрытый густыми вѣтвями, которыя должно раздѣлять прохода.

I.

Въ глубинѣ сцены показываются ПРИЛУЦКІЙ и ПЕНСКІЙ, поднимая глаза къ небу и размахивая въ восторгѣ руками. Они выходятъ съ правой стороны.

ПЕНСКІЙ.

Какой чудесный день!

ПРИЛУЦКІЙ.

Какъ воздухъ ароматенъ!

ПЕНСКІЙ.

Какъ сводъ небесъ хорошъ!

ПРИЛУЦКІЙ.

Какъ видъ полей пріятенъ!

ПЕНСКІЙ.

Какъ оживляетъ все весенній солнца свѣтъ!..

ПРИЛУЦКІЙ.

Да, будто снова мнѣ 17 только лѣтъ!..

ПЕНСКІЙ (*все любуясь небомъ*).

Дивитесь небесамъ...

ПРИЛУЦКІЙ (*съ восторгомъ*).

Дивись земли законамъ.

ПЕНСКІЙ (*продолжая свою рѣчь*).

Лазурно голубымъ!

ПРИЛУЦКІЙ (*не слушая его*).

Все стало вновь зеленымъ!

ПЕНСКІЙ (*глядя кругомъ*).

Ахъ! и земля мила...

ПРИЛУЦКІЙ (*съ увлеченіемъ*).

Отличный грунтъ кругомъ...

ПЕНСКІЙ (*показывая кругомъ себя*).

Взгляните: все свѣтло!..

ПРИЛУЦКІЙ (*уставляясь въ землю*).

Взгляни, все черноземъ!

ПЕНСКІЙ (*печально*).

Тутъ страшно смерти ждать.

ПРИЛУЦКІЙ (*потирая руки*).

Тутъ только жди доходу!..

ПЕНСКІЙ.

Люблю природу я!

ПРИЛУЦКІЙ.

И я люблю природу,

Особенно, когда вздремну въ тѣни вѣтвей.

ПЕНСКІЙ.

Мнѣ милъ столѣтній дубъ!

ПРИЛУЦКІЙ.

Мнѣ жъ юный лѣсъ милѣе.

ПЕНСКІЙ.

Чу! Слышно пѣнье птицъ...

ПРИЛУЦКІЙ.

Чу! ручейка журчанье..

ПЕНСКІЙ.

Пріятенъ шумъ лѣсовъ!

ПРИЛУЦКІЙ.

Пріятнѣй ихъ молчанье.

(*Прилуцкій садится на дерновую скамью; Пенскій подходит, смотритъ на него съ удивленіемъ*).

ПЕНСКІЙ.

Что съ вами, дядюшка? Какъ все васъ веселитъ!..

ПРИЛУЦКІЙ.

Племянникъ, что съ тобой? Восторженный твой видъ!..

ПЕНСКІЙ.

Куда дѣвался видъ вашъ строгій и сѣсивый?..

ПРИЛУЦКІЙ.

Давно ль мальчишка былъ ты вялый и плаксивый?..

ПЕНСКІЙ.

Давно ль ни шагу вы и въ садъ, не только въ лѣсъ?

ПРИЛУЦКІЙ.

Давно ль въ восторгъ ты отъ голубыхъ небесъ?

ПЕНСКІЙ.

Играете въ трикъ-тракъ!..

ПРИЛУЦКІЙ.

А ты зубришь уроки.

ПЕНСКІЙ.

Восторгъ мнѣ сроденъ: мой едва лишь начать вѣкъ...

ПРИЛУЦКІЙ.

И мой не конченъ, я такой же человекъ...

ПЕНСКІЙ.

Да можно ль, дядюшка, равняться вамъ со мною?

ПРИЛУЦКІЙ.

И старый дубъ цвѣтетъ какъ жимолость весною.

Весна пора любви...

ПЕНСКІЙ (*перебивая*).

Да вамъ пора прошла.

ПРИЛУЦКІЙ (*молодаясь*).

Прошла пора, или нѣтъ, — докажутъ то дѣла!...

ПЕНСКІЙ.

Гм! Тутъ влеченье есть къ хорошенькой сосѣдкѣ,

Съ которой вы весь день не сводите лорнетки.

ПРИЛУЦКІЙ (*серьозно, съ притворнымъ удивленіемъ*).

Какой сосѣдки? Я не знаю...

ПЕНСКІЙ.

Мудрено

Не знать, какъ съ ней у васъ пришлось окно въ окно?..

ПРИЛУЦКІЙ.

Да... вспомнилъ...

ПЕНСКІЙ.

Наконецъ!

ПРИЛУЦКІЙ (*смотря лукаво на Пенскаго*).

Я разъ ихъ въ церкви встрѣтилъ.

Вотъ прелесть дочь у ней!.. Ужъ вѣрно ты замѣтилъ?

ПЕНСКІЙ (*живо, съ притворнымъ равнодушіемъ*).

Нѣтъ, не замѣтилъ!

ПРИЛУЦКІЙ.

Лжешь!

ПЕНСКІЙ.

Не знаю, что за дочь!

ПРИЛУЦКІЙ.

А весь день отъ окна, плутъ, не отходитъ прочь,

Вздыхаетъ—чуть она балконъ, окно отворять...

(Шутя). А впрочемъ, можетъ быть, никто о томъ не спорить,

Сама плутовочка краснѣетъ оттого,

Что такъ же какъ и ты, не знаетъ ничего!

ПЕНСКІЙ (язвительно).

Нѣтъ, знаетъ: оттого краснѣетъ, въ стыдъ приходитъ,

Что съ маменьки ея мой дядя глазъ не сводить!

ПРИЛУЦКІЙ (обидясь).

Племянничекъ! Кто я... прошу не забывать!

ПЕНСКІЙ (съ любовью обнимая его).

Такой же человекъ!.. Къ чему жъ любовь скрывать?

ПРИЛУЦКІЙ.

Любовь! Любовь! Оставь ребяческія бредни.

Я съ дамой этой разъ лишь встрѣтился намедни. (Молчаніе).

Елена Дмитревна вдова, ей 38 лѣтъ...

ПЕНСКІЙ (ловя его на словъ).

Какъ вы узнали все?

ПРИЛУЦКІЙ.

Чтожъ? я ея сосѣдъ.

ПЕНСКІЙ (смѣясь).

Мнѣ странно...

ПРИЛУЦКІЙ (сердясь).

Замолчи!

ПЕНСКІЙ.

Но...

ПРИЛУЦКІЙ.

Полно!

ПЕНСКІЙ.

Чтожъ такое?

ПРИЛУЦКІЙ.

Ну, будемъ говорить про что нибудь другое. (Молчаніе).

Она графиня; мужъ оставилъ ей пятьсотъ,

Да тетка триста душъ, а послѣ дяди ждетъ

Душъ съ тысячу. Она богата чрезвычайно!.. (Опомнясь).

Но всѣ подробности узналъ я такъ, случайно,

Отъ Федыки моего, ему жъ сказалъ Федотъ,

Графининъ maitre d'otel: они однихъ господъ.

ПЕНСКІЙ.

Вотъ точно такъ вчера лакей графини вашей

Объ дочкѣ говорилъ съ садовницей Наташей:

Какъ барышня добра, чувствительна, умна... (*Одушевляясь*).
Послушна и рѣзва, прелестна и скромна!
Онь увѣрялъ, что взглядъ ея насквозь проходить:
Разъ взглянетъ на кого, такъ тотъ съ ума ужъ сходитъ!
(*Въ полномъ восторгѣ*).

А кто съ ней сблизится, тотъ вѣчно, говоритъ,
За мѣръ, за жизнь, за все Творца благодаритъ!.

ПРИЛУЦКІЙ.

Да что ты мелешь вздоръ!

ПЕНСКІЙ.

Какъ, вздоръ?

ПРИЛУЦКІЙ.

Вздоръ, ахинея:

Какъ можно это все узнать черезъ лакея! (*Молчаніе*).

— А между прочимъ, я узналъ, что иногда

Она гуляетъ здѣсь въ лѣсу...

ПЕНСКІЙ.

Графиня?

ПРИЛУЦКІЙ (*всторону*),

Да.

Ихъ домъ въ той сторонѣ.

ПЕНСКІЙ (*всторону*).

Дорога къ нимъ изъ парка.

(*Оба обходятъ сцену, каждый съ своей стороны, смотря по кулисамъ и въ глубину сцены съ величайшимъ вниманіемъ*).

ПРИЛУЦКІЙ.

Куда ты тамъ зашелъ?

ПЕНСКІЙ.

Подъ тѣнь, мнѣ очень жарко!

ПРИЛУЦКІЙ (*азвительно*).

Что смотришь тамъ?

ПЕНСКІЙ.

Я... такъ...

ПРИЛУЦКІЙ.

Не ищешь ли кого?

ПЕНСКІЙ.

Я? Нѣтъ, люблюсь днемъ—и больше ничего.

Какой чудесный день!

ПРИЛУЦКІЙ.

Какъ воздухъ ароматенъ!

ПЕНСКИЙ.

Какъ сводъ небесъ хорошъ!

ПРИЛУЦКИЙ.

Какъ видъ лѣсовъ пріятенъ!

ПЕНСКИЙ.

Какъ оживляетъ все весенній солнца свѣтъ!

ПРИЛУЦКИЙ.

Да, будто снова мнѣ 17-ть только лѣтъ!

(Они уходятъ направо; въ ту же минуту графиня и Юлія являются съ правой стороны; Юлія съ свѣткой для ловли бабочекъ вбѣгаетъ первая, прыгая и шряя; графиня, съ книгою важно слѣдуетъ за нею).

II.

ГРАФИНЯ И ЮЛІА.

ГРАФИНЯ *(поднимая глаза и оглядываясь)*

Ахъ! Юлія... гдѣ ты? Поди сюда, прыгунья.

(Юлія прыгая, подбѣгаетъ).

Оставь игрушку. *(Юлія вѣшаетъ ловушку на сучекъ)*. Ну, держись
прямѣй, шалунья.

Смотри, какъ волоса растрепаны опять!

Нельзя ль не горбиться и локти не сгибать? *(Поправляетъ)*.

ЮЛІА *(все исполняя)*.

Извольте, маменька.

ГРАФИНЯ.

Да не верти головкой!

ЮЛІА *(вытягивая шею)*.

Извольте, маменька.

ГРАФИНЯ.

Какъ быть такой неловкой!

И вотъ еще тебѣ твержу сто тысячъ разъ..

Что ты должна ходить, не поднимая глазъ!

ЮЛІА.

Во всемъ послушна я; но это непріятно:

Зачѣмъ мнѣ внизъ смотрѣть, ей Богу непонятно!

ГРАФИНЯ.

Зачѣмъ, ты хочешь знать? Я объясню сейчасъ.

Во-первыхъ, дѣвушка, не поднимая глазъ,

Всѣмъ кажется такой и скромной, и стыдливой;

А во-вторыхъ, въ нашъ вѣкъ—злой, вѣтренный, болтливый,
Приличивъ дѣвухѣ—чтобъ избѣжать вреда—
Внизъ, на ноги смотрѣть, и больше никуда!
Неосторожный шагъ одинъ все портить дѣло...

ЮЛІА (*наивно*).

Не бойтесь: я такъ шагаю твердо, смѣло...

ГРАФИНЯ.

Да не объ этомъ рѣчь. Я говорю, какъ мать:
Затѣмъ ужъ не должна ты глазки поднимать,
Чтобы не встрѣтить глазъ, опаснѣй чѣмъ зараза:
Представь, увидишь вдругъ ты черные два глаза,
Какъ змѣи адскія въ тебя устремлены;
Огни тѣхъ страшныхъ глазъ—хоть нѣжности полны,
Сжигаютъ дѣвуху преслѣдуя всечасно!

ЮЛІА.

Ахъ! страшно какъ, татап?

ГРАФИНЯ.

Не правда-ли?

ЮЛІА.

Ужасно!

И если бъ знала ты... (*вдругъ опускаетъ глаза*).

ГРАФИНЯ.

Вотъ такъ смотри всегда.

ЮЛІА.

Теперь не подойду къ окну я никогда!

ГРАФИНЯ (*съ удивленіемъ*).

Къ окну? Я не пойму... Скажи скорѣй, признайся...

ЮЛІА.

Я все, татап, скажу, лишь ты не испугайся!

ГРАФИНЯ.

Не испугаюсь я, смѣлѣе говори...

ЮЛІА.

Такъ вотъ... назадъ тому недѣли двѣ или три ..

—Какъ скоро дни идутъ!

ГРАФИНЯ.

Да, скоро...

ЮЛІА.

Въ самомъ дѣлѣ!

ГРАФИНЯ (*съ нетерпѣніемъ*)

Да ну!

ЮЛІЯ.

Такъ вотъ... назадъ тому двѣ, три недѣли,
Бывало, кончивъ классъ, чтобъ вамъ не помѣшать,
Я выйду на балконъ весною подышать,
Такъ вотъ... съ тѣхъ самыхъ поръ... (вспоминая) да, ровно три
недѣли...

Два глаза черные... (Графиня удивляется) нѣтъ, право, въ самомъ дѣлѣ,
Пречерные, какъ смоль, и полные огня,
Лишь выйду на балконъ—устанется въ меня
Такъ страшно, что отъ нихъ не знаю я покою:
Ужъ не балконъ,—окно иль занавѣсъ открою—
Глаза какъ тутъ! Да что: уйду—они при мнѣ...
Ложуся спать, и чтожь? Все вижу ихъ во снѣ!

ГРАФИНЯ.

Я положу конецъ всему.

ЮЛІЯ.

И я съ тѣхъ поръ мечтаю

О небѣ, о веснѣ... чего хочу—не знаю...
Лишь въ музыкѣ отвѣтъ на слезы нахожу...
Бездѣлицы боюсь, отъ шороха—дрожу,
То голова горитъ, то сердце замираетъ...
То вдругъ мнѣ весело—и все вокругъ играетъ...
Я чувствую восторгъ... такъ жарко, такъ свѣтло,
Какъ будто солнышко сквозь сердца мнѣ прошло!
И я блаженствую... но все опасность вижу.
О! эти черные глаза я ненавижу!

ГРАФИНА.

Прекрасно, мой дружокъ! Ихъ надо проклинать,
Забывать,—а главное—ихъ встрѣчи избѣгать.
Постарше будешь ты, тогда увидишь ясно,
Какъ слабымъ женщинамъ на свѣтѣ жить опасно!
Злодѣй, что все глядитъ въ окно и на балконъ,
Ужъ не сосѣдъ ли тотъ молоденькій?..

ЮЛІЯ.

Да, онъ.

ГРАФИНЯ.

Ну, такъ и есть! Смотрижь, при встрѣчѣ будь готова:
Чтобъ онъ ни говорилъ... не отвѣчай ни слова.

ЮЛІЯ.

Онъ нравится вамъ?

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ.

ЮЛІА.

Не дурень...

ГРАФИНЯ.

Не хорошъ.

Вотъ дядя—милъ...

ЮЛІА (*перебивая*).

Да, онъ на дядюшку похожъ!

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ, дядя такъ учтивъ... тотъ лицемѣръ ужасный,

Коварный человекъ... тотъ человекъ опасный,

Чуть взглянетъ на тебя, скажи сейчасъ же мнѣ;

И занавѣсь закрой—чуть явится въ окнѣ.

А главное, мой другъ, будь искренна со мною:

И горе раздѣлю я какъ сестра съ тобою.

(*Цѣлуетъ ее, и вдругъ какъ будто вспомнивъ*).

Ахъ, да! Вотъ страхъ еще... страшнѣе черныхъ глазъ:

Какъ въ губки кто нибудь чужой цѣлуетъ насъ!..

ЮЛІА.

Неужто, маменька? Какъ странно, непонятно!..

ГРАФИНЯ.

Бѣда!

ЮЛІА.

Я думала, что это все пріятно?..

ГРАФИНЯ.

Помилуй Господи! Вообрази, мой другъ,

Мужчина подойдетъ и поцѣлуетъ вдругъ!

Проклятыхъ губъ къ лицу не только что обидно

Прикосновеніе... но страшно такъ и стыдно,

Что ты умрешь!..

ЮЛІА (*съ увлеченіемъ*).

Умру?..

ГРАФИНЯ.

Умрешь—и все прости!

Пойдемъ. Дай ручку мнѣ и глазки опусти.

Юліа, взявъ игрушку, даетъ руку матери, но скоро бросается ловить бабочку. Графиня съ важностью раскрываетъ книгу, и читая идетъ впередъ. Обѣ скрываются въ глубинѣ рощи направо. Пенскій сейчасъ же выходитъ съ лѣвой стороны.

III.

ПЕНСКИЙ одинъ.

Куда мой дядюшка въ лѣсу запропастился?

Глядѣлъ все въ даль... шель, шель... и въ чащѣ лѣса скрылся...

Да Богъ съ нимъ! Я одинъ. Уфъ! Сяду, отдохну. *(Садится нальво)*.

Вотъ мягкая постель... что, если я засну?

(Ложится и глядитъ на небо и на зелень).

Вотъ голубой плафонъ... и занавѣсъ зеленый... *(Дремлетъ)*.

А дядя мой хитрить... онъ человекъ мудреный...

Но какъ она мила! Какой невинный взглядъ...

И сердце, и душа, и мысли къ ней летятъ!

Ахъ, Юлія... У ней и имя не простое... *(Бормоча)*.

Плелестное!.. Люблю я небо голубое...

У Юліи глаза такіе-жъ... чудный цвѣтъ!

Со временемъ мы съ ней... кто знаетъ: да, иль нѣтъ?

Явился здѣсь Юлія, какъ нимфа, какъ харита...

Вѣдь я люблю тебя... а дядя волокита!..

(Засыпаетъ. Юлія выходитъ съ правой стороны, съ безпокойствомъ ища кого-то).

IV.

ПЕНСКИЙ спящій и ЮЛІЯ.

ЮЛІЯ.

Одна въ густомъ лѣсу! Незнаю въ домъ дороги!

(Она становится на дерновую скамью и кричитъ, смотря въ даль).

Мамап! мамап! а-у!.. Дрожать отъ страха ноги... *(слезаетъ)*.

Что дѣлать? Какъ мнѣ быть? Не помню, вотъ бѣда,—

Съ которой стороны пришли мы въ лѣсъ сюда.

(Подходя къ Пенскому кричитъ).

Мамап! *(увидѣвъ его)*. Ахъ, Боже мой! Мужчина... спитъ... постой!

Я разбуджу... и онъ сведетъ меня домой... *(Подходя на ципочкахъ)*.

Послушайте... *(Кашляетъ)*. Гм! гм! *(Узнавъ)*. Что вижу я такое?..

Вѣдь это онъ! Сосѣдь! И мы въ лѣсу съ нимъ двое!..

Уйду... увидитъ... нѣтъ: глаза закрыты, ахъ!..

(Бьжитъ, но зацѣпляясь за сукъ, вскрикиваетъ).

ПЕНСКИЙ *(вскочивъ)*.

Кто здѣсь?

ЮЛІЯ *(растерявшись)*.

Да я-съ

ПЕНСКИЙ.

Она!.. Мерещится въ глазахъ...
Проснулся я иль сплю?..

ЮЛІА.

Вы спали; ахъ, простите,
Я разбудила васъ... (*Хочетъ идти*).

ПЕНСКИЙ (*удерживая*).

Да вы не уходите!

Вѣдь мы знакомы?

ЮЛІА (*опуская глаза*).

Да-съ.

ПЕНСКИЙ.

Сосѣдка вы моя:

Вы...

ЮЛІА.

Юліа; а васъ въ окнѣ видала я.

Представьте: маменьку въ лѣсу я потеряла!..

ПЕНСКИЙ.

Я дяденьку; они не маленькіе; стало

Мы вмѣстѣ същемъ ихъ?

ЮЛІА.

Васъ это затруднить...

ПЕНСКИЙ.

Напротивъ.

ЮЛІА.

Пусть татап немножко побранить

Увидѣвъ, что меня вы провожали къ дому;

Она вѣдь не велитъ руки давать чужому,

Ни разговаривать, и глазъ не поднимать;

Но надо жъ было вдругъ мнѣ отъ нея отстать,

И такъ нечаянно—на васъ въ лѣсу наткнуться...

Я къ маменькѣ хочу... пора домой вернуться.

ПЕНСКИЙ (*вздыхая*).

Лишь свидѣлись и вновь разстаться суждено!..

ЮЛІА (*наивно*).

Мы можемъ видѣться опять черезъ окно.

Пойдемте жъ, будемъ рвать дорогой незабудки

И ландыши... (*Нагибаясь*). Вотъ такъ.

(*Въ это время цѣпочка падаетъ съ ея шеи*).

ПЕНСКИЙ.

Для васъ все это шутки!

Какъ видно, что любить вамъ не пришла пора?

ЮЛІА.

Нѣтъ, я маман люблю... она вѣдь страхъ добра!
ПЕНСКІЙ.

Любовь—не то... любовь...

ЮЛІА.

А! знаю что такое:

Любовь между мужчинъ—есть дружество большое?

И кромѣ маменьки, я такъ кого нибудь

Хотѣла бы любить... мнѣ мысль волнуеъ грудь,

Что есть на свѣтѣ тотъ, кого любить желаю...

Живое существо, иль призракъ—я не знаю...

Но сердцемъ я къ нему и мыслию лечу...

Пойдемте же домой: я къ маменькѣ хочу!

ПЕНСКІЙ.

Постойте... садемте...

ЮЛІА.

Ахъ, стыдъ!

ПЕНСКІЙ.

Чего жъ стыдиться?

Садитесь...

ЮЛІА.

Нѣтъ!

ПЕНСКІЙ.

Сюда!

ЮЛІА.

Маман начнетъ сердиться,

Что Юліа ея такъ долго къ ней нейдетъ...

ПЕНСКІЙ.

Вы поцѣлуете ее—и все пройдетъ!

ЮЛІА (*сидясь вдали отъ него*).

Я сяду... но потомъ бѣгомъ домой пушуся.

ПЕНСКІЙ.

Да вы поближе... такъ.

ЮЛІА (*подвигаясь*).

Я васъ стѣснить боюся,

И платье новое сомну...

ПЕНСКІЙ (*взявъ ее за обѣ руки*).

Съ обновкой.

ЮЛІА.

Ахъ!

Что съ вами? Для чего такая дрожь въ рукахъ?

ПЕНСКИЙ.

А въ вашихъ жарь...

ЮЛІА.

Какъ, жарь?

ПЕНСКИЙ.

Горять.

ЮЛІА.

Горять?

ПЕНСКИЙ.

Ужасно!

ЮЛІА.

А! Это страхъ: татап твердила мнѣ всечасно
Про демоновъ—мужчинъ, про оборотней злыхъ,
Что губять дѣвушекъ и женщинъ молодыхъ —
Хоть улыбаются, жмутъ ручки, строятъ глазки... *(Вырываетъ руку).*

ПЕНСКИЙ.

Вамъ, видно, маменька рассказываетъ сказки?..

ЮЛІА.

Что? Сказки? Такъ она стращала лишь меня?..

Взгляните .. да, въ глазахъ нѣтъ адскаго огня;

Напротивъ, что-то въ нихъ пріятное такое...

Какъ имя ваше?

ПЕНСКИЙ.

Петръ.

ЮЛІА.

И имя недурное.

А какъ по батюшкѣ?

ПЕНСКИЙ.

Иванычъ.

ЮЛІА.

Сказки тутъ:

Гдѣ жь демона Петромъ Иванычемъ зовутъ!

(Вдругъ встаетъ, хватясь цѣпочки).

ПЕНСКИЙ.

Что вы?

ЮЛІА.

Я медальонъ съ цѣпочкой потеряла!

ПЕНСКИЙ *(поднимая нѣсколько разъ цѣпу).*

Вотъ оны!..

ЮЛІА.

Ну, такъ и есть: татамъ меня стращала!
Зачѣмъ ему мою вещичку цѣловать!
Подайте! Это что? Нельзя ли мнѣ узнать
Къ чему вы сдѣлали печальную гримаску?..

ПЕНСКІЙ.

Такъ... вздоръ...

ЮЛІА (*садится и показываетъ ему
мѣсто подлѣ себя*).

Садитесь-ко, я расскажу вамъ сказку,
И грусть пройдетъ. Ну, вотъ... одинъ разъ... жилъ-былъ царь
Сильнѣе всѣхъ царей, могучій государь...
На плечахъ горностаи, изъ золота корона,
А тронъ агатовый... Вотъ у царя Дадона
Племянникъ былъ Линдоръ... хорошенькій такой,
Какъ... (*Видя, что онъ на нее пристально смотритъ, начинаетъ
смущаться и бормотать*).

ПЕНСКІЙ.

Ну-съ?

ЮЛІА.

Вотъ, разъ...

ПЕНСКІЙ.

Что, разъ?

ЮЛІА.

Разъ въ лѣсъ онъ шелъ густой...

(*Болѣе и болѣе смущаясь*).

Ну, вотъ... зашелъ онъ въ лѣсъ...

ПЕНСКІЙ.

Чтожь дальше?

ЮЛІА.

Извините,

Не помню... Какъ въ глаза вы пристально глядите,
Я забываю все... и слова не скажу...
Вотъ странно: отъ чего теперь я вся дрожу?..

ПЕНСКІЙ.

Теперь дрожите вы... а я въ жару... вотъ чудо!

ЮЛІА.

Я къ маменькѣ хочу... пойдите же отсюда!..

ПЕНСКІЙ.

Постойте! Скоро ли увидимся мы вновь?..

Въ окнѣ уже не то... Прощай моя любовь!..

ЮЛІА.

Любовь... что за любовь? и вотъ отъ васъ ужъ снова
Безъ спросу маменьки я слышу это слово!

ПЕНСКІЙ.

Любовью назвалъ я, что чувствую вполне!..

ЮЛІА.

Что это за любовь—вы растолкуйте мнѣ.

ПЕНСКІЙ (*самъ смущается*).

Любовь... вотъ видите... любовь... что-то такое...

Слеза... улыбка... (*Глядятъ другъ на друга*) взгляды... когда сой-
дутся двое...

ЮЛІА (*впадая въ рѣчь, наивно*).

Вотъ такъ, какъ мы теперь?

ПЕНСКІЙ.

Да, точно такъ.

ЮЛІА.

Ну, чтожъ?..

ПЕНСКІЙ.

Мы просто говоримъ, а чувствуемъ жаръ, дрожь...

Ну, понимаете?

ЮЛІА.

Немножко понимаю.

ПЕНСКІЙ (*взявъ ее за руку*).

Вдругъ ручку я возьму...

ЮЛІА (*вырывая*).

Я руку отнимаю...

ПЕНСКІЙ.

А я опять беру!

ЮЛІА (*желая освободиться, но слегка*).

Опять! зачѣмъ же брать?..

ПЕНСКІЙ.

Зачѣмъ, что вы теперь не можете бѣжать,

Противиться любви; краснѣете невольно,

И слезки на глазахъ... вотъ, вотъ любовь!..

ЮЛІА (*прерывая*).

Довольно!..

Мнѣ кажется, я васъ ужъ очень поняла!.. (*Молчаніе*).

ПЕНСКІЙ. (*всторону*).

Я къ маменькѣ хочу... пойдемте. Какъ мила!..

Юлія.

Послушайте, теперь я говорю серьезно,
Мамап васъ разбранить, когда приду я поздно!

ЦЕНСКІЙ.

Вступитесь за меня...

Юлія.

Вступлюсь, — и каждый разъ

Готова защищать я передъ нею васъ.

ЦЕНСКІЙ (*предлагая руку*).

Позвольте жъ ручку...

Юлія (*не рѣшаясь*).

Нѣтъ! боюсь...

ЦЕНСКІЙ (*настаивая*).

О! Ради Бога!

Юлія (*подумавъ даетъ ему руку*).

Но вѣдь устала я; длинна еще дорога?..

(Они уходятъ направо; немного погодя является съ лѣвой стороны графиня, граціозно обмахиваясь опахаломъ; Прилуцкій ведетъ ее подъ руку).

IV.

ПРИЛУЦКІЙ и ГРАФИНЯ.

ПРИЛУЦКІЙ.

Да, смѣю доложить, зажгли вы сердце мнѣ
Огнемъ блестящихъ глазъ!

ГРАФИНЯ (*шутя*).

Оно, какъ печь, въ огнѣ?..

ПРИЛУЦКІЙ.

Не печь, а какъ вулканъ, какъ огненная лава!

ГРАФИНЯ (*оглядываясь*).

И здѣсь нѣтъ Юліи! Пойдемте—ко направо...

ПРИЛУЦКІЙ (*не слушая ее, продолжаетъ*).

Венеру встрѣтилъ я! Таковъ любви законъ:

Пронзилъ мнѣ сердце сынъ Венеры—Куцупопъ!

ГРАФИНЯ.

Я мнѣологін и съ дѣтства не училась. (*Оглядываясь снова*).

Гдѣ дочь моя? Она навѣрно заблудилась...

ПРИЛУЦКІЙ (*также*).

Любовь.. вотъ видите...

ГРАФИНЯ (также).

Не видите ль вы дочь?..

ПРИЛУЦКІЙ (не слушая).

Тревожить сердце мнѣ день, утро, вечеръ, ночь —

ГРАФИНЯ.

Сосѣдъ! Какъ васъ любовь, меня такъ дочь тревожить!

ПРИЛУЦКІЙ.

Она домой ушла.

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ! это быть не можетъ!

ПРИЛУЦКІЙ.

О чемъ я говорилъ?

ГРАФИНЯ.

Не помню ничего.

ПРИЛУЦКІЙ (съ увлеченіемъ).

Ахъ! кто не возгоритъ отъ взгляда твоего,

Въ комъ сердце и душа не превратятся въ пламень,

Тотъ холоденъ, какъ ледъ, бездушнѣе, чѣмъ камень,

И толще дерева—вотъ этого...

ГРАФИНЯ (перебивая).

Сосѣдъ!

Который годъ вамъ?

ПРИЛУЦКІЙ.

Мнѣ? Да пятьдесятъ ужъ лѣтъ...

ГРАФИНЯ.

Пятидцати лѣтъ мужчина, (безъ обиды),

Въ нашъ вѣроломный вѣкъ—годится въ инвалиды.

ПРИЛУЦКІЙ.

Но сердцемъ молодъ я! Такъ легко, свѣжъ, здоровъ —

На балахъ танцовать—хоть до утра готовъ!

Съ племянникомъ бѣжать мы всапуски пускались —

Я перегналъ! Въ игрѣ... (Припрыгиваетъ).

ГРАФИНЯ (перебивая, съ усмѣшкой).

Вы что-то разыгрались!

ПРИЛУЦКІЙ.

Вотъ доказательство: во мнѣ играетъ кровь!..

ГРАФИНЯ.

Да мнѣ что за нужда!

ПРИЛУЦКІЙ.

Сосѣдка! а любовь?

ГРАФИНЯ.

Любовь при старости подвержена сомнѣнью.

ПРИЛУЦКІЙ.

Но жарь!..

ГРАФИНЯ (*идетъ къ скамьѣ и приглашаетъ его*).

Да, жарко... вотъ садитесь-ко подъ тѣнью.

ПРИЛУЦКІЙ (*обидясь*).

Я послѣ этого ни слова не скажу.

VI.

ТЪ ЖЕ ПЕНСКІЙ съ ЮЛІЕЙ выходятъ съ противоположной стороны.

ЮЛІЯ.

Ну, вотъ, и съ вами я лишь попусту хожу!

Устала такъ, что страхъ!

ГРАФИНЯ.

Сосѣдъ! чтожъ вы молчите?

ПРИЛУЦКІЙ.

Я только для любви могу разинуть ротъ!

ГРАФИНЯ (*шутя*).

Нѣтъ, лучше такъ и быть—не разбѣвайте...

ПРИЛУЦКІЙ (*съ упрекомъ*).

Вотъ! .

ЮЛІЯ.

О чемъ бишь мы теперь дорогой говорили?

ПЕНСКІЙ.

Что обвинявшися мы—бъ всѣхъ счастливей были!

ЮЛІЯ.

Вотъ зажили—бы мы чудесно!

ПЕНСКІЙ.

Да!

ПРИЛУЦКІЙ (*самъ съ собой*).

Я старъ,

Но я за то сберегъ весь молодости жарь;

А главное, что я и смиренъ, и послушенъ,

Не только не ревнивъ, но глупо добродушенъ...

ГРАФИНЯ.

Что вы бормочете?

ПРИЛУЦКІЙ.

Да такъ... я про-себя...

ГРАФИНЯ.

Но относясь ко мнѣ?..

ПРИЛУЦКІЙ.

Ахъ! это все любя!

ЮЛІА.

А какъ вы любите меня?

ПЕНСКІЙ.

Такъ нѣжно, страстно!

ЮЛІА.

Позвольте... вотъ цвѣтокъ... онъ все откроетъ ясно.

(Срываетъ и щипля приговариваетъ).

ПЕНСКІЙ.

Ну-съ?

ЮЛІА.

Любить... нѣтъ... (Продолжаетъ щипать цвѣтокъ).

ПРИЛУЦКІЙ (садясь къ ней).

Прошу васъ выслушать меня.

ГРАФИНЯ.

Ну, что жъ вы скажете хорошенькаго?

ПРИЛУЦКІЙ.

Я...

ГРАФИНЯ (перебивая).

Постойте! Слышите тамъ шорохъ?

ПРИЛУЦКІЙ.

Шорохъ вѣтра!

Я старъ, но лучше я мальчишки петиметра,

Какъ лучше зелени осенній зрѣлый плодъ...

Ужъ въ зрѣломъ возрастѣ и Геркулесъ прядетъ

У ногъ Омфалы.. ахъ! тутъ сердца превосходство.

ГРАФИНЯ (смѣясь и перебивая).

Какое же у васъ есть съ Геркулесомъ сходство?..

ПРИЛУЦКІЙ.

И этихъ колкостей отъ васъ не ожидалъ!

ПЕНСКІЙ.

Что? любить! любить!

ЮЛІА.

Да! цвѣтокъ васъ поддержалъ.

ГРАФИНЯ.

Ну, я васъ слушаю; не гнѣвайтесь за шутку.

ПРИЛУЦКІЙ.

Вступая въ бракъ, ужъ мы по здравому разуму

Поступимъ, соединивъ имѣнья наши ..

Юлія

Ахъ!

Какъ соединимся мы, и въ нашихъ именахъ

Есть соединеніе пріятное такое:

Вы—Петръ, я—Юлія...

ПЕНСКІЙ.

Но ваше лучше вдвое.

ПРИЛУЦКІЙ.

У васъ, я слышалъ, есть въ имѣніи заводъ...

ГРАФИНЯ.

Вамъ подмосковная большой даетъ доходъ.

ПЕНСКІЙ.

У васъ лицо, глаза, улыбка все такъ мило...

Юлія

Бы такъ умны. . вѣдь я за умъ васъ полюбила!

ПРИЛУЦКІЙ.

Въ сосѣдствѣ лѣсъ у насъ верстъ на 20 кругомъ.

ГРАФИНЯ.

Здѣсь дача у меня, а въ Петербургѣ домъ.

ПРИЛУЦКІЙ.

5000 душъ съ тремя: союзецъ интересный ..

Юлія (мечтая)

Союзъ души съ душой...

ПЕНСКІЙ.

Какой союзъ предестный!

ПРИЛУЦКІЙ.

И такъ вдвоемъ должны мы вдвое и нажать.

Юлія

Съ любовію вдвоемъ мы долго будемъ жить!

(Пенскій съ жаромъ цѣлуетъ ея руку).

ГРАФИНЯ.

Нѣтъ! здѣсь мы не одни! Тамъ шепчутся... и даже

Цѣлуются...

ПРИЛУЦКІЙ.

О, нѣтъ! цѣлуются... не я же...

ГРАФИНЯ.

О! вѣрю, что не вы! но вѣрно только то,

Что тамъ цѣлуются!..

Юлія

Тамъ кто-то есть...

ПЕНСКІЙ.

Но кто?

ПРИЛУЦКІЙ.

Взгляну кругомъ...

ГРАФИНЯ.

Да здѣсь, за этими кустами...

ЮЛІА (*пробуя вѣтви*).

Какъ вѣтви здѣсь сплелись!

ПЕНСКІЙ.

Раздвинимъ ихъ руками...

(*Пенскій и Прилуцкій въ одно время раздвигаютъ вѣтви*).

ПРИЛУЦКІЙ.

Племянникъ!

ПЕНСКІЙ.

Дядюшка!

ЮЛІА.

Матап!

ГРАФИНЯ.

Дочь... съ нимъ—одна!

ЮЛІА.

Вѣдь это человекъ, совсѣмъ не сатана!

ГРАФИНЯ.

Молчи! Что я тебѣ сегодня говорила?

Я за тебя боюсь! ты стыдъ и страхъ забыла!

Какъ цѣловаться съ нимъ ты смѣла и могла?..

ЮЛІА.

Не бойтесь, матап, вѣдь я не умерла.

ГРАФИНЯ (*дочери и Прилуцкому*).

Ты дурочка. А вы поплатитесь со мною!

ПРИЛУЦКІЙ.

Ужъ если мы теперь увлечены весною,

Такъ имъ простительно...

ПЕНСКІЙ.

Простите насъ!

ГРАФИНЯ.

Прошу,

Женивъ племянника, я дядѣ отомщу!

ПРИЛУЦКІЙ.

Но наши выгоды...

ГРАФИНЯ.

Мы капиталъ считали,
Съ котораго они проценты получали

ПРИЛУЦКІЙ.

Такъ чтожъ хотите вы?

ГРАФИНЯ.

Ихъ, не томя напрасно,
Сегодня жъ обручить...

ПРИЛУЦКІЙ.

И коротко, и ясно!

Но мы...

ГРАФИНЯ.

Мы вашу мысль теперь осуществимъ,
И сѣдняя ихъ—имѣнья сѣдинимъ.

(Видя, что молодежь радуясь, обнимаетъ графиню).

ПРИЛУЦКІЙ *(съ завистью).*

Племянникъ съ радости умереть иль захвораетъ!

ЮЛІА.

Неправда: отъ любви никто не умираетъ!

ГРАФИНЯ *(принимая прежній видъ и
стройный тонъ).*

Будь, Юліа, скромнѣй.

Пойдемте, господа.

(Поправляя дочь).

(Показывая въ кресла).

Держись прямѣй; присядь; а глазки внизъ: туда.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 11.

СМѢСЬ ЯЗЫКОВЪ
ФРАНЦУЗСКАГО СЪ ЧУХОНСКИМЪ.

ШУТКА ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

ПОДРАЖАНІЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПЬЕСЫ:

L'ITALIEN ET LE BAS-BRETON.

ПРЕДСТАВЛЕНА ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ
НА ИМПЕРАТОРСКОМЪ С. ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ТЕАТРѢ,
12 ноября 1854 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

ИВАНЪ ЕРОФЕНЧЪ КВАСЦОВЪ, винопродавецъ.

ШАРЬЯ ИВАНОВНА, дочь его.

СЕРГѢЙ АЛЕКСѢВИЧЪ ЖИЛИНЪ, прикащикъ.

ГУСТАВЪ КАРЛОВИЧЪ ВИЛЬМАНСТРАНДЪ, Сердобольскій купецъ.

ЖАНЪ-ЖАКЪ ЛАПКЕТЪ, сынъ французскаго винопродавца.

ВЕДОРЪ.

Г-нъ Мартыновъ.

Г-жа Шубертъ.

Г-нъ Марковецкій.

Г-нъ Максимовъ 1.

Г-нъ Верне.

Г-нъ Разсказовъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Кунгурѣ.

I.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ и МАША (сидятъ за столомъ. У Маши въ рукахъ тетрадка).

МАША. Да перестаньте! Этакъ мы сегодня ничего не выучимъ.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Что вы сѣшите? Позвольте мнѣ сказать вамъ еще разъ, что я васъ люблю, что я не могу жить безъ васъ.

МАША. Вѣрю, Густавъ Карлычъ, но если вы не перестанете говорить объ этомъ, то я не выучусь по-французски.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. (*Вставая*). По-французски! по-французски! Это дѣло иное. Развѣ вы не знаете, что я пошелъ въ учителя только для того, чтобъ васъ видѣть, чтобъ быть съ вами какъ можно чаще?

МАША. (*Тирольская*).

Вмѣстѣ насъ свела дорога,

Проѣзжали мы и вы.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ.

Вы съ виномъ изъ Таганрога,

Я съ наслѣдствомъ изъ Москвы.

МАША.

Мой отецъ нанять рѣшился,

Для меня француза въ домъ.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ.

Какъ французъ я къ вамъ явился,

Но съ чухонскимъ языкомъ!

Если за букетъ бургонскій,

Русскій укусъ можно сбыть,

Почему-жъ языкъ чухонскій

За французскій не пустить?

МАША.

Вотъ ужъ мѣсяцъ я учуся,
Говорить начну — бѣда!

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ.

Вотъ какъ я на васъ женюсь
Все поймете вы тогда.

Меня только беспокоитъ этотъ пріемышъ, воспитаникъ вашего батюшки, какъ его: Сергѣй Алексѣевичъ...

МАША. Я признаюсь, люблю его какъ брата, и не больше... Вотъ около года, что онъ уѣхалъ за границу по батюшкинымъ дѣламъ, и мнѣ страшно подумать, что онъ воротится.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Ахъ, еслибъ онъ не воротился!

МАША. Впрочемъ, я вамъ ужъ сказала, что ни за кого кромѣ васъ не пойду.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Милая Марья Ивановна! какъ вы любезны! Но согласится ли вашъ отецъ?

МАША. Только выучите меня по-французски: это единственное мое желаніе.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ (*Цѣлуя ея руку*). Хоть по-турецки и по-арабски! Клянусь любить васъ до послѣдняго издыханія.

МАША. Ай! батюшка!

II.

ТѢЖЕ И КВАСЦОВЪ.

КВАСЦОВЪ. Вы сегодня очень долго засидѣлись! Пора и отдохнуть.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Точно такъ-съ, для нынѣшняго урока будетъ довольно.

КВАСЦОВЪ. И она понимаетъ? Успѣваетъ?

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Я отъ нея въ восхищеніи!

КВАСЦОВЪ. И не удивительно, вся въ меня. Извольте видѣть, сударь, я ни чему не учился, а вышелъ въ люди, составилъ себѣ состояніе самъ собою. Я бы вдвое нажилъ, если бъ былъ пограмотнѣе. Самъ я старъ, сыновей нѣтъ, вотъ я и послалъ Сережку, сына моего бывшего товарища, Жилина, въ Одессу, а потомъ и за море, чтобъ онъ наметался и грамотѣ, и французскому языку; да вотъ еще выдумали тамъ за моремъ какую-то штуку, фирмія или химія, не знаю какъ въ точности: по этой фирміи дѣлаютъ изъ простаго квасу бургонское, а изъ кислыхъ щей шампанское. Вотъ и наказалъ я Сергѣю: выучись по-французски,

да подгляди у супостатовъ что это за фирма. Поддѣлываю и я изъ кисленькихъ крымскихъ винъ да изъ привознаго вейндеграфу всякіе важныя и дорогіе иностранныя напитки, и сбываю ихъ съ барышемъ и со славою на золотыхъ промыслахъ. Да и какъ не сбывать! Что у меня производится за шампанское: шишитъ, пробку выбиваетъ, и три дня отъ него голова болитъ. Если Сережка меня не обманетъ, я его озолочу, то есть... Ну, вотъ я и хотѣлъ, чтобъ ему было съ кѣмъ болтать по-французски, чтобъ онъ, то есть, отъ дому не отеталъ, да и прискалъ тебѣ, Маша, учителя. Къ счастью нашель французъ съ русскимъ языкомъ. А то бы ты на первыхъ порахъ не скоро поняла его. У насъ, въ Кунгурѣ, никто нѣ слова не понимаетъ по-французски. Знай нашихъ! Моя Марья Ивановна удивить и губернатора въ случаѣ прїѣзда.

(Русской).

Я слѣдую всеобщей модѣ,
Лишь только что разбогатѣлъ,
Жить не по-русской ужъ природѣ,
А по-французски захотѣлъ!
Языкъ чужой меня плѣняетъ...
А свой мнѣ тошень, скучень, дикъ...

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ *(всторону).*

Кто свой родной языкъ мѣняетъ,
Тому типунъ-бы на языкъ!

КВАСЦОВЪ. Постойте, вотъ прїѣдетъ мой Сергѣй Алексѣевичъ, такъ вы съ нимъ по-французскому наговоритесь. То-то чай, насобачился.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Прїѣдетъ? и скоро?

КВАСЦОВЪ. Да можетъ быть и сегодня... ай! проболтался, хотѣлъ-было, чтобъ онъ упалъ вамъ, какъ снѣгъ на-голову.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. И онъ точно былъ во Франціи?

КВАСЦОВЪ. Въ настоящей Франціи, гдѣ растетъ бургонское и шампанское. Да какъ, чай, онъ удивится и обрадуется, когда ты, душа моя, заговоришь съ нимъ по-французски... Не правда ли?

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ *(всторону).* Пропалъ я!

МАША. Какъ-же, батюшка, и очень удивится.

КВАСЦОВЪ. Радуюсь, какъ подумаю, что вы втроемъ станете раздобарывать по-французскому. Что я говорю втроемъ? можетъ быть и вчетверомъ.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Это какъ?

КВАСЦОВЪ. Вотъ какъ! Ты знаешь, Машенька, Таганрогскаго моего

поставщика, мусье Лапикета! А у него сынъ французикъ, мастеръ поддѣлывать вина...

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Такъ что же?

КВАСЦОВЪ. Вотъ я и выписалъ его сюда. Онъ уже прѣхалъ и остановился на постояломъ дворѣ; да вишь французъ не хотѣлъ явиться дорожнымъ замарашкой, моется, чешется, завивается, наряжается.... Каково?

МАША. Ну, батюшка, вы меня балуете.

КВАСЦОВЪ. То-то, не было ни гроша, а вдругъ алтынъ. (*Увидя въ окно Сергья Алексѣвича*). А! вотъ и Сережа мой! Пойдемъ, Маша, встрѣчать дорогаго гостя.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ (*тихо ей*). Оставайтесь! мнѣ нужно съ вами переговорить.

КВАСЦОВЪ. (*У дверей*). Да ну же, дурочка! аль ты не рада жениху... пойдемъ-же!

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ (*тихо ей*). Ни съ мѣста! Умоляю...

МАША. Идите, папочка, я сей-часъ-же за вами, только принаряжусь.

КВАСЦОВЪ. (*Уходя*). Дѣло, дѣло!

МАША. Что вамъ угодно, Густавъ Карлыч!

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Слышали, что сказаламъ вамъ папенька? женихъ.

МАША. А вы забыли, что я вамъ сказала? Кромѣ васъ ни за кого!..

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Какъ только придетъ сюда этотъ Сергѣй Алексѣвичъ, побѣгу, запрусь въ своей комнатѣ, и не выйду.

МАША. Да какой-же вы ревнивецъ!

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ (*всторону*). Спасибо, надѣумила! (*громко*) Да, Марья Ивановна, я ревнивъ, ревнивъ какъ Турокъ! Уйду, видѣть его не могу!

МАША. А если онъ станетъ говорить со мною по-французски? Не худо будетъ, когда вы мнѣ подскажете; надо же мнѣ будетъ отвѣчать.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Отвѣчать? по-французски? Ради Бога, если любите меня, не отвѣчайте. (*Всторону*) Вотъ выдумала!

МАША. Если вы этого требуете.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. У меня есть на то преважныя причины! Объщайте мнѣ, что не будете съ нимъ говорить по-французски, дайте мнѣ прежде самому поговорить съ нимъ.

КВАСЦОВЪ (*за кулисами*). Маша! Машенька!

МАША. Ай, папенька зоветь! бѣгу, и ни слова не скажу съ Сережей по-французски!

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ (*въ слѣдъ ей*). Очень вѣрю.

III.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ одинъ.

Какъ вамъ это покажется: я, бѣдный Сердобольскій купчикъ, въ какую западню попался! Бѣдилъ въ Москву за наслѣдствомъ послѣ покойницы тетюшки. Получилъ грошъ, и встрѣтилъ на дорогѣ эту милочку, влюбился; а когда услышалъ, что папаша ищетъ ей учителя французскаго на отъѣздъ сюда въ Кунгуръ, я узналъ, что это за гусь, и подѣхалъ съ своимъ финляндскимъ нарѣчьемъ. Сначала все шло какъ по маслу. Въ три недѣли дѣвушка выучилась говорить, какъ любая чухонская кухарка въ Петербургѣ. Впрочемъ, нельзя же сказать, чтобъ я не зналъ по-французски ни слова. Напримѣръ: бонъ-журъ мусье! команъ-ву порте-ву, и еще: иль фе бо танъ, т. е. погода хороша. Да еще словъ пять, шесть французскихъ. И все это я ей передалъ. А остальное по-чухонски... Я уже обжился въ домѣ, уже успѣлъ объясниться съ нею въ русскомъ переводѣ, что люблю, обожаю ее, что умру, если не женюсь на ней. И вдругъ нелегкая несетъ двухъ какихъ-то сорванцовъ: одного посылали во Францію, чтобъ выучиться, какъ лучше поддѣлывать вино. Другой ширый французъ! Какъ выпутаться изъ этой бѣды? Узнаетъ старикъ мою хитрость, вытолкаетъ изъ дому. Да и Мама! Простить-ли она меня? Она-то простить павѣрное... Идутъ! Давай Богъ ноги!

IV.

ШАША, КВАСЦОВЪ и ЖИЛИНЪ.

КВАСЦОВЪ. Вотъ воротился наконецъ мой милый Сергѣй Алексѣевичъ! Пора, давно пора!

ЖИЛИНЪ. Воротился, батюшка, Иваиъ Ерофеичъ! (*всторону*) Меня такъ и бьетъ лихорадка! не знаю и страху, что-ли! или такъ совѣтно... Право, кажется отъ того, что совѣтно.

КВАСЦОВЪ. Ты не повѣришь, какъ я радъ твоему приѣзду.

ЖИЛИНЪ. А я-то, Иваиъ Ерофеичъ! такъ и летѣлъ сюда. Увижу, молъ, добраго моего благодѣтеля Ивана Ерофеича! увижу и Марью Ивановну!

ШАША. Вотъ ужъ цѣлый годъ, что вы уѣхали отъ насъ.

ЖИЛИНЪ (*всторону*). Пойдутъ распросы!

КВАСЦОВЪ. Да, ровно годъ! Ты чай, время не потерялъ: и въ дѣлѣ понаметался, и по-французскому говоришь.

ЖИЛИНЪ. Говорю, Иваиъ Ерофеичъ, какъ настоящій французъ. (*Всторону*). Если-бъ ты зналъ, что я не выѣзжалъ изъ Россіи.

КВАСЦОВЪ. Ну, что ты скажешь о Франціи? Говорятъ что земля дивная, и тебѣ, шалуну на руку...

ЖИЛИНЪ. Славная сторона, Иванъ Ерофеичъ! Что за помада! что за духи, и какъ отлично вино поддѣлываютъ, да не только вино, да и все.

КВАСЦОВЪ. Молодцы! да вотъ и ты, долго-ли у нихъ былъ, а вѣдь замѣтно, что въ тебѣ русскаго не осталось ничего.

ЖИЛИНЪ. Ничего, сударь, ей, — ей, ничего! (*Всторону*) То есть ни копѣйки не осталось, а то бы я къ тебѣ не воротился!

КВАСЦОВЪ. Ты вѣдь за границу пустился чрезъ Одессу, ну, былъ и въ Таганрогъ у нашего поставщика, господина Лапикета.

ЖИЛИНЪ. Былъ, Иванъ Ерофеичъ, видался съ нимъ каждый день.

КВАСЦОВЪ. И сына его видалъ?

ЖИЛИНЪ. Какъ-же! Мы подружились и жили душа въ душу. Славный малый, весельчакъ, забавникъ.

КВАСЦОВЪ. А говорятъ онъ такой смирный, умный и тихій парень?

ЖИЛИНЪ. Да-съ, т. е., онъ себѣ на умъ; въ тихомъ омутѣ черти водятся!

КВАСЦОВЪ. Вотъ, я чай пріятно будетъ тебѣ опять съ нимъ увидѣться.

ЖИЛИНЪ. Да-съ. И когда пошлете опять въ Таганрогъ?

КВАСЦОВЪ. Не зачѣмъ посылать такъ далеко. Ты увидишься съ нимъ сегодня.

ЖИЛИНЪ (*въ изумленіи*). Сегодня? увижусь съ нимъ, какъ бишь-его, съ этимъ милымъ человѣкомъ. Вы шутите.

КВАСЦОВЪ. Говорю серьезно: сынъ господина Лапикета пріѣхалъ сюда, и явится къ намъ сегодня. Чтожъ это ты покраснѣлъ какъ ракъ, съ радости, что-ли?

ЖИЛИНЪ. Да-съ, точно съ радости! Такъ и задыхаюсь.

КВАСЦОВЪ. Это еще не все. Вотъ какъ я тебѣ еще скажу новость, ты свѣту не взвидишь.

ЖИЛИНЪ. Ну, что еще? (*Всторону*) Зарѣжетъ, злодѣй!

КВАСЦОВЪ.

Встарину насъ такъ учили

Наши дѣды и отцы!

Ахъ! тогда не говорили

По-французскому купцы!

А теперь вотъ этой дурѣ

Ужъ французъ учитель данъ!

ЖИЛИНЪ. Какъ? что я слышу? Марья Ивановна говорить по-французски!

КВАСЦОВЪ. Какъ мадамъ на Кузнецкомъ Мосту. Знай нашихъ! (*продолжаетъ куплетъ съ самодовольствомъ*)

Вотъ живетъ какъ здѣсь, въ Кунгурѣ,
Грофѣвичъ Иванъ!

Ну-ко голубчикъ, Сергѣй Алексѣевичъ, скажи ей слова два, потѣшь меня за мои денежки.

ЖИЛИНЪ. Какъ вамъ угодно-съ. (*Всторону*). Что я ей скажу? я едва знаю два, три слова, и подделывалъ ихъ у стараго француза, маркера у Излера: бонъ-журъ мусье! иль фе бо танъ! вотъ и все.

КВАСЦОВЪ. Что-жъ ты это лѣпишься? (*Машъ*) Начинай ты, Маша: онъ что-то робѣеть.

МАША. Мнѣ начинать? (*всторону*) а что я общала Густаву Карлычу?

КВАСЦОВЪ. Стали какъ пни! Что это вы молчите... али вы дурачите меня, что-ли? Говорите! приказываю вамъ!.. (*Садится*) Начинайте.

МАША. Не принуждайте меня, батюшка! я не могу исполнить вашего приказанія, Густавъ Карлычъ требуетъ, чтобъ я ни съ кѣмъ не говорила по-французски, и я общала.

КВАСЦОВЪ. Вотъ еще! Да какъ онъ смѣетъ приказывать въ моемъ домѣ! Пошли за нимъ. Увидимъ! Что я даромъ что-ли деньги влачу ему? Станешь говорить передъ нимъ. Велю притянуть его за воротъ... Оедька!

(*Федоръ входитъ*).

МАША. Оставьте его, сдѣлайте милость! У него какое-то важное дѣло. Онъ говоритъ, что во весь день не выйдетъ изъ своей комнаты.

КВАСЦОВЪ. Вотъ еще что выдумалъ! (*Федору*) Скажи французу, учителю, чтобъ онъ тотчасъ явился, я-де жду его.

ФЕДОРЪ. Слушаю-съ.

КВАСЦОВЪ. А если не придетъ, скажи, чтобъ убирался къ чорту. Найду другаго!

(*Федоръ уходитъ*).

МАША. Ахъ, батюшка, подумайте!

КВАСЦОВЪ. И въ самомъ дѣлѣ, намъ не нужна его наука. Сергѣй Алексѣевичъ доучить тебя.

ЖИЛИНЪ. Разумѣется, съ удовольствіемъ.

МАША (*тихо Жилину*) Ради Бога, Сергѣй Алексѣевичъ, не тре-

буйте, чтобъ и говорила по-французски. Вы видите, какъ мнѣ это не-пріятно.

ЖИЛИНЪ. Я и не требую. За кого вы меня принимаете? Стану ли я говорить съ вами по-французски?

КВАСЦОВЪ. Что это вы тамъ шушукаете? Да вотъ и учитель. Посмотримъ, что онъ скажетъ.

V.

ТЪ ЖЕ и ВИЛЬМАНСТРАНДЪ.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Вы требуете, чтобъ я непременно явился. Исполняю ваше желаніе. (*Всторону*) Не могъ отвертеться.

ЖИЛИНЪ. Вотъ и учитель! Какой еще молодой!

КВАСЦОВЪ. Государь мой Густавъ Карлычъ! странно мнѣ кажется, что вы запретили моей дочери говорить по-французски? Точно ли такъ?

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Точно-съ.

КВАСЦОВЪ. Да по какой причинѣ? если смѣю спросить.

МАША. Батюшка, не горячитесь!

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Успокойтесь, сударыня! Иванъ Ерофѣичъ чело-вѣкъ умный и справедливый, и конечно пойметъ и рассудитъ.

КВАСЦОВЪ. Ну, говорите, говорите!

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Выслушайте меня.

Есть положительные средства,

У насъ съ французскимъ языкомъ.

Его вдолбляютъ русскимъ съ дѣтства.

И съ материнскимъ молокомъ.

Отецъ, мать, бабушки и дѣды,

Съ парижской книгою въ рукѣ,

Лѣтъ сто ведутъ свои бесѣды.

Все на французскомъ языкѣ!

Ребенку, въ родѣ попугая,

Легко родителей дразнить,

Дочь ваша умница большая:

Позвольте ей ужъ русской быть.

КВАСЦОВЪ.

Да что ты бредишь въ самомъ дѣлѣ,

Вѣдь три недѣли...

ЖИЛИНЪ.

Все равно.

А выучиться въ три недѣли
И по-чуховски мудроно!

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Такъ если я позволю ей говорить съ кѣмъ либо кромѣ меня, то испорчу всю свою репутацію? Вы скажете, что я человекъ самолюбивый, тщеславный; признаюсь, что мнѣ моя честь и слава дороже всего.

КВАСЦОВЪ. Нечего сказать, дѣло говорить. Такъ и быть! Но вотъ что я выдумалъ. Вы оба люди ученые, поговорите между собою по-французски, чтобъ я поприслушался; вы не повѣрите, какъ этотъ языкъ мнѣ пріятенъ, и Маша это будетъ очень полезно.

ЖИЛИНЪ (всторону). Вотъ еще что выкинулъ!

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Провалился бы онъ сквозь землю.

МАША. Надѣюсь, что пойму почти все.

КВАСЦОВЪ. Послушаемъ, послушаемъ. *(Садится).*

VI.

ТЪ ЖЕ И ѲЕДОРЪ.

ѲЕДОРЪ. Хозяинъ! васъ просятъ сойти въ контору.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ и **СЕРГѢЙ.** Слава Богу!

КВАСЦОВЪ. Провались контора! Скажи конторщику, что мнѣ нѣкогда, что меня дома нѣтъ.

ѲЕДОРЪ. Да вотъ что, Кузьма Никитичъ деньги принесъ, и еще пришелъ съ женою, хочетъ видѣться съ Марьей Ивановной.

КВАСЦОВЪ. Вотъ это дѣло иное. Кто пришелъ съ деньгами, тотъ найдетъ меня всегда. Постараюсь воротиться поскорѣе. Начинайте безъ меня. Покаялкайте между тѣмъ. Подъ со мною, Маша!

МАША. Иду, батюшка! Они будутъ говорить по-французски. Какъ жаль, что я ихъ не услышу!

КВАСЦОВЪ. Ступай же, Маша! *(Квасцовъ и Маша уходятъ).*

VII.

ЖИЛИНЪ И ВИЛЬМАНСТРАНДЪ.

ЖИЛИНЪ (всторону). Глазъ на глазъ съ супостатомъ, что я ему скажу? Учитель, профессоръ, такъ и надувается.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ (всторону). У меня была старая афишка Петербургскаго театра. Тамъ фамиліи французовъ въ живыхъ картинахъ Рол-

лера напечатаны русскими буквами. Куда это она запропастилась? (*шарить у себя въ карманахъ*) Пропала, проклятая!

ЖИЛИНЪ (*всторону*). Къ счастью я вспомнилъ пѣсенку стараго маркера: же дю бонъ таба, же дю бонъ таба.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ (*всторону*) Вишь какъ важничаетъ. Не могу же и я молчать! (*вслухъ*) Мусье!

ЖИЛИНЪ (*всторону*). Разговорился! пропала я! выпущу первую мою рѣчь. (*Громко*) Бонъ журъ, мусье!

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Экой вострякъ! схватилъ мое слово. Да другое за мою (*громко*) Команъ-ву порте-ву?

ЖИЛИНЪ. Это что! не понимаю. О чемъ бы заговорить съ нимъ, когда не о чемъ, такъ о погодѣ. (*Громко*) Иль фе бо тань.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ (*всторону*). И это изъ моего запаса. (*Вслухъ*) Въ самомъ дѣлѣ, погода прекрасная. (*Всторону*) Теперь я банкротъ.

ЖИЛИНЪ. Что еще? Ахъ, да вотъ списокъ блюдъ въ Московской гостинницѣ мусье Шевалье, да еще къ счастью по-русски написанъ. (*Читаетъ украдкой*) Бефъ а ла модъ.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Какъ вы говорите?

ЖИЛИНЪ. Бефъ а ла модъ, ростбифъ маюнесъ, котлетъ о корнишонъ.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ (*будто смѣется*). Мило, премило! О корнишонъ! (*всторону*) Что это такое? не выпутаюсь. (*Громко*) Позвольте, я не дослышалъ. Команъ-ву порте-ву?

ЖИЛИНЪ. Онъ повторяетъ прежнее, что бы это было? Еще блюдо: (*громко*) помъ де теръ.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Что это значить? я спрашиваю все ли вы въ добромъ здоровьи, а вы отвѣчаете помъ де теръ.

ЖИЛИНЪ. Эхъ... не лучше ли будетъ покаяться? Вѣдь не подь судъ же меня отладутъ. Пардонъ мусье, я по-французски не говорю.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Какъ, вы не говорите по-французски? (*Вынимаетъ платокъ изъ кармана; изъ него выпадаетъ клочекъ бумаги*). Ахъ, вотъ кстати моя афишка; пушу ему пыль въ глаза! (*Искоса поглядываетъ на афишу, говоритъ съ разсужденіемъ вслухъ*) Мондидье, мадамъ Вольнисъ, Пешена, Верне, Арну-Плесси, Мила, Дешанъ, Мейеръ, Люге, Феде (*и прибавляетъ другія фамиліи, смотря по эффекту, или повторяетъ тѣ же*).

ЖИЛИНЪ. Такъ и рѣжетъ! Хорошо ли я сдѣлалъ, что вамъ признался? Простите ли вы мнѣ эту ложь?

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Ха, ха, ха, да вы меня обрадовали, ошастливили, ха, ха, ха!

ЖИЛИНЪ. Что за вздоръ!

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Какъ же случилось, что вы не были во Франціи? Откуда же вы прѣехали?

ЖИЛИНЪ. Я не ѣздилъ въ Одессу, а доѣхалъ только до Петербурга, опоздалъ къ пароходу и остался тамъ.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Въ Петербургъ?

ЖИЛИНЪ. Да-съ. Далѣе не ѣздилъ. Вотъ я опоздалъ на пароходъ французскій и отъ скуки отправился къ Излеру. Вы знаете заведеніе на минеральныхъ водахъ! Прекрасное! Иванъ Ивановичъ Излеръ преблагородитѣйшій человекъ, принялъ меня за фелетониста какой-то газеты, и потчивалъ до упаду. Вотъ тамъ увидѣлъ я дѣвицу, несравненную красавицу, нѣмочку Мальхенъ: она представляла въ живыхъ картинахъ Венеру. Можете разсудить, какъ откровенно! Къ тому же она много пѣла и играла на гитарѣ. Ахъ, сударь! Что значать всѣ сибирскіе пріиски въ сравненіи съ обладаніемъ такимъ сокровищемъ! Я съ нею познакомился, отца у нея уже не было, а матушка ея продавала билеты въ балаганъ у Легата, и тамъ Мальхенъ на Святой Недѣлѣ своею пляскою восхищала всю публику. Вотъ я и рѣшился.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. На что?

ЖИЛИНЪ. Жениться. Да какъ же? вы не повѣрите, какъ дорого и плохо жить холостому. Я и женился.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ (*всторону*). Женатъ, какое счастье! (*вслухъ*). Такъ вы не говорите по-французски?

ЖИЛИНЪ. Ни слова не знаю.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Заплачу вамъ тѣмъ же. Признаюсь, и я по-французски не говорю.

ЖИЛИНЪ. Вотъ на! Да чему выучили вы Марью Ивановну?

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Единственному, извѣстному мнѣ языку, языку Финляндіи, моей любезной родины, то есть языку чухонскому.

ЖИЛИНЪ. Чухонскому! Вотъ какъ узнаетъ старикъ наши продѣлки...

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Не бойтесь. Вы не можете жениться на Марьѣ Ивановнѣ, а я, признаюсь вамъ, что люблю ее всѣмъ сердцемъ, да и она ко мнѣ не равнодушна, такъ мы все уладимъ.

ЖИЛИНЪ. Ну, теперь я понимаю, чему онъ ее училъ.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Но Иванъ Ерофеичъ твердитъ, что ждетъ какого-то пріятеля француза. Что-то страшно.

ЖИЛИНЪ. Въ самомъ дѣлѣ. Да и я хорошо, увѣрялъ что знаю этого господина, а отъ роду не видалъ.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Оба мы въ бѣдѣ. Подрожимся! Станемъ работать за одно. Какъ нибудь сладимъ. Чу, идутъ! (*Говорятъ по-французски, и украдкой смотрятъ въ афишу и въ реестръ блюдъ*).

VIII.

ТЪЖЕ и МАША.

МАША (*всторону*). Ахъ, какъ прекрасно они говорятъ! Я еще не скоро такъ выучусь!.. Только бы они не побранились. Нѣтъ, кажется они въ ладу. (*Вслухъ*). Ну, господа, наговорились-ли по-французски!

ЖИЛИНЪ. Вдоволь, Марья Ивановна, и совершенно поняли другъ друга.

МАША. Батюшка идетъ сюда съ мусье Лапикетомъ.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Съ Лапикетомъ?

ЖИЛИНЪ. И онъ здѣсь? Марья Ивановна, я такъ усталъ съ дороги, позвольте, пойду отдохну.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Пойдемте же, Сергѣй Алексѣичъ

МАША. И вы уходите, Густавъ-Карлычъ?

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Намъ должно кой о чемъ поговорить. Неправда-ли? Мы поспорили о французскомъ языкѣ, такъ хотимъ рѣшить, кто правъ. Не такъ ли, Сергѣй Алексѣичъ?

ЖИЛИНЪ. Именно такъ.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Пойдемъ-те же, монъ-шеръ!

ЖИЛИНЪ. Монъ-шеръ. (*Всторону*). Это конечно чухонское слово!

МАША. Да что же это вы?

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Извините, сударыня!.. Пойдемъ монъ-шеръ.

СЕРГѢЙ. Бефъ а ла модъ, котлетъ о корнишонъ.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. Лемениль, Брессанъ, Алланъ, Фанни Эльслеръ. (*Уходятъ*).

IX.

МАША ПОТОМЪ КВАСЦОВЪ и ЛАПИКЕТЪ.

МАША. Ума не приложу! Оставили, бросили меня одну. Очень весело! Билась, билась, выучилась иностранному языку, а говорить никто на немъ нехочетъ.

ЛАПИКЕТЪ (*не хочетъ войти прежде Квасцова*). Non, monsieur... Не позволю, de grace!

КВАСЦОВЪ. Ну, полно, не церемонься, мусье! Вѣдь это не въ Парижѣ и не въ Питерѣ. Милости просимъ. Вотъ сударь, дочка моя, Маша, прошу любить и жаловать. Она у меня одна какъ порохъ въ глазѣ.

ЛАПИКЕТЪ. Mademoiselle! Mais elle escharmante. Карошь, карошь мамзель, мосье Кацо!

КВАСЦОВЪ. Подумайте, и счеты у меня ведутъ, и письма пишетъ, и говоритъ по-французски.

ЛАПИКЕТЪ. Vraiment, je suis ravi! Quelle aimable demoisselle. Французъ языкъ сдѣлать для jolies femmes.

МАША. Мусье!

КВАСЦОВЪ. Я не понимаю, что вы говорите, а она все разумѣть. У ней учитель и онъ очень ею доволенъ. Ну, Маша, теперь нечего отвѣчиваться, какъ давеча, извольте говорить.

МАША. Слушаю, батюшка. (*Всторону*). Мнѣ было запрещено говорить по-французски только съ Сергѣемъ Алексѣичемъ.

ЛАПИКЕТЪ. Я будетъ очень enchanté d'entendre mademoiselle говори по французъ.

МАША. Миня олень пикканенъ плойленъ тененне тейданъ каузане туттавуутта.

ЛАПИКЕТЪ. Qu' est ce que vous dites? Не понимай! Што ви гаварить?

МАША. Мина олень тукканенъ плойленъ тененне тейданъ каузанне туттавуутта. Умаланда ай я байва, ай я гомонда.

ЛАПИКЕТЪ. Не понимай! C'est du grec pour moi. Не понимай. Ви кажетъ шутить? Qu' est ce baragouir que là? Вотъ я буду говари по французъ. Mademoiselle j'ai l'honneur d'être votre très humble serviteur.

МАША. Что-съ?

ЛАПИКЕТЪ. J'ai l'honneur d'être votre très humble serviteur.

МАША. Ничего не понимаю... Вы говорите не по-французски.

ЛАПИКЕТЪ. Не по французъ? Ce n'est pas en français, que je vous parle?

КВАСЦОВЪ. Вижу, что вы другъ друга не понимаете. Это надобно пояснить. Эй! мусью учитель! Густавъ Карлычъ! Эй!

ЛАПИКЕТЪ. Un ontchitel? Mademoiselle a un ontchitel. Un français? Je suis bien curieux de voir cet ontchitel là. Гаспадинъ! ви увидить, что ontchitel и я понимай.

Х.

ТЪЖЕ П ВІЛЬМАНСТРАНДЪ.

ВІЛЬМАНСТРАНДЪ (*входя, всторону*). Нечего дѣлать, войду! Смѣлымъ Богъ владѣть.

КВАСЦОВЪ. Вообразите, господинъ Лапикетъ не понимаетъ, что ему говорить Маша! она говоритъ по-французски, а онъ твердитъ: не понимай, не понимай.

ВАЛЬМАНСТРАНДЪ. Какъ? Не понимаетъ. (*Машь*). Онъ васъ не понимаетъ? Такъ онъ въ состояніи и меня не понять, меня, учителя французскаго языка. Дѣло невозможное!

ЛАПИКЕТЪ. Monsieur est le maitre de mademoiselle.

ВАЛЬМАНСТРАНДЪ. Вуй, мусье! (*Всторону*). Вотъ я тебя собью съ толку моею чухонщиною. (*Вслухъ*). Мина айнанъ тейдетъ нюнъ куппъ уденъ варкаинъ таета картинаоста.

ЛАПИКЕТЪ. Bon Dieu! quelle langue!

КВАСЦОВЪ. Что, мусье, онъ мнѣ кажется говорить лучше васъ.

МАША. Разумѣется. И я понимаю этотъ французскій языкъ.

ЛАПИКЕТЪ. Monsieur, vous me mettez dans un embarras.

ВАЛЬМАНСТРАНДЪ. Амбаръ? слышите, амбары... что за амбары? что это онъ заговорилъ? (*Квасцову*). Да точно-ли вы знаете, что это за человѣкъ?

ЛАПИКЕТЪ. Il faut avoir une patience d'ange avec ces gens là.

XI.

ТѢМЪ И ЖИЛИНЪ.

КВАСЦОВЪ. А, Сергѣй! вотъ, подойди сюда, и посмотри на этого господина.

ЖИЛИНЪ. Смотрю, Иванъ Ерофеичъ, во все глаза.

КВАСЦОВЪ. И ты не узнаешь твоего закадышнаго друга?

ЖИЛИНЪ. Его? что это за другъ? Я не знаю. (*Всторону*). Вотъ я тебя отбоярю, мусью французъ!

КВАСЦОВЪ. Онъ называетъ себя сыномъ господина Лапикета, природнаго француза, а самъ ни слова по-французски не понимаетъ.

ЛАПИКЕТЪ. Господинъ, ви былъ на франсъ, ви знай правда, vous me rendez raison, vous direz de quelle nation je suis.

ЖИЛИНЪ (*съ изумленіемъ*). Это что?

ВАЛЬМАНСТРАНДЪ (*дѣлая ему знаки*). Вишь какой! По-кабовски онъ говоритъ?

ЛАПИКЕТЪ. Vous me rendez raison, monsieur.

ЖИЛИНЪ. Этотъ господинъ говоритъ не по-французски.

КВАСЦОВЪ. Надутъ хотѣлъ!

ВАЛЬМАНСТРАНДЪ. Обманщикъ.

ЖИЛИНЪ. Самозвонецъ.

} вмѣстѣ.

МАША и **ВАЛЬМАНСТРАНДЪ** (*повторяютъ по одиночкѣ прежнія слова свои по-чухонски, наступая на француза. Жилинъ въ это же время, наступая на француза, говоритъ скороговоркой скла-*

ды изъ азбуки: бра, вра, гра, дра, жра, зра, бри, ври, гри, дри, и проч, потомъ всѣ вмѣстѣ повторяютъ).

ЛАПІКЕТЪ (плетясь отъ нихъ говоритъ). Не понимай не понимай!

КВАСЦОВЪ. А, не понимаешь! Но постойте, постойте! Я тотчасъ узнаю, французъ-ли онъ и знаетъ-ли толкъ въ нашемъ дѣлѣ. Послушай, мусью, скажи мнѣ, видалъ ли ты, какъ во франціи изъ квасу вино дѣлаютъ?

ЛАПІКЕТЪ. Изъ квасъ вино! Какой квасъ, *cette abominable boisson*. Нѣтъ! нѣтъ! У насъ во франціи квасъ нѣтъ.

КВАСЦОВЪ. Какъ нѣтъ, квасу?

ЛАПІКЕТЪ. Ни одинъ стаканъ.

КВАСЦОВЪ. Вотъ-те съ чѣмъ выѣхалъ, квасу нѣтъ! Да что за земля такая? Какъ можно жить безъ квасу! Да онъ и во франціи не бывалъ! Обманщикъ ты и самозванецъ! Пошелъ вонъ!

ЛАПІКЕТЪ. Позволь, господинъ, *permettez messieurs!*

КВАСЦОВЪ. Вонъ отсюда!

ВСѢ (*выгоняя его*). Вонъ, вонъ, плутъ, смѣетъ французомъ прикидываться. Ушелъ!

ВИЛЬМАНСТРАНЦЪ. Теперь можемъ говорить по-французски сколько душѣ угодно!

ЖИЛИНЪ. Но прежде мы, по русскому обычаю, обратимся съ просьбой къ старшему, Ивану Ерофеичу. Огецъ и хозяинъ! Они любятъ другъ друга... благословите ихъ!

КВАСЦОВЪ (*удивляясь*). Что? Да когда они это успѣли?

ЖИЛИНЪ. Вы видѣли ихъ успѣхи, какъ они скоро поняли другъ друга.

ВИЛЬМАНСТРАНЦЪ. А я кромѣ уроковъ Марьѣ Ивановнѣ, буду управлять всею вашею торговлею.

КВАСЦОВЪ. Ладно, да вѣдь я прочилъ Машу Сергѣю, вотъ этому сорванцу.

ЖИЛИНЪ. Покорнѣйше благодарю: я ужъ женился проѣздомъ по дорогѣ.

КВАСЦОВЪ. Какъ? ты смѣлъ жениться безъ моего позволенія?

ЖИЛИНЪ. Да вѣдь я женился на иностранкѣ, которая ни слова не говоритъ по-Русски.

КВАСЦОВЪ. Ой-ли?

ЖИЛИНЪ. Она теперь въ Казани, я скоро ее выпишу. Вы ее выучите говорить по-русски.

КВАСЦОВЪ. А она меня по-французски. А если я хоть немножко пойму этотъ языкъ, то самъ поѣду во францію, и тамъ на мѣстѣ изучу фимію.

ВИЛЬМАНСТРАНДЪ. А какъ на счетъ Марьи Ивановны?

КВАСЦОВЪ. Я не прочь, надо узнать согласна-ли Маша.

МАША. Я ужъ объяснилась съ Густавомъ Карлычемъ по-французски.

КВАСЦОВЪ. Нечего дѣлать! По рукамъ; а ты выпишывай свою иностранку... и въ Кунгурѣ, какъ въ Петербургѣ заживемъ мы всё на иностранный манеръ.

МАША (*публикъ*).

Но вы простите случай странный

Чухонскій слыша здѣсь языкъ,

Такой ужъ городъ иностранный:

Кто къ языкамъ здѣсь не привыкъ?

Здѣсь, при смѣшенъи вавилонскомъ,

Родной языкъ сталъ за-урядъ:

Иные пишутъ на чухонскомъ

А на французскомъ говорятъ!

Смѣсь языковъ введя на сцену,

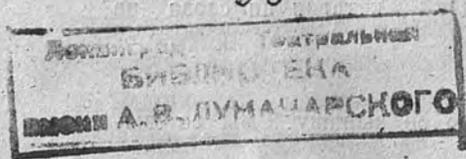
Мы раземѣшить хотѣли васъ;

} *bis.* Шутя вы дайте шуткѣ цѣну?

И весело примите насъ.

9912

ПАНТЕОНЪ

ВЪ 1855 ГОДУ

будетъ выходить ежемѣсячно, 1-го числа. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, въ 25 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 номерами «РЕПЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, наты, *фотолитографическіе портреты* русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшая музыка* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсень, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

15 р., съ пересылкою или доставкою на домъ: 16 р. 50 к. с.

ПОДПИСКА НА 1855 ГОДЪ ОТКРЫТА

исключительно

Въ С. Петербургѣ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москвѣ: Въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ И. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую гдѣ бы то ни было въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Все лица, которые бы пожелали подписаться на Пантеонъ текущаго года, непременно получать **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, **СО ВСѢМИ СЛѢДУЮЩИМИ КЪ НИМЪ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.**

По истеченіи года цѣна на журналъ возвысится.

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю **ФЕДОРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ КОНИ**, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургѣ, у Чернышева моста, въ домѣ Лыткина.»